

В
Н

ЛЕГЕНДЫ
ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН

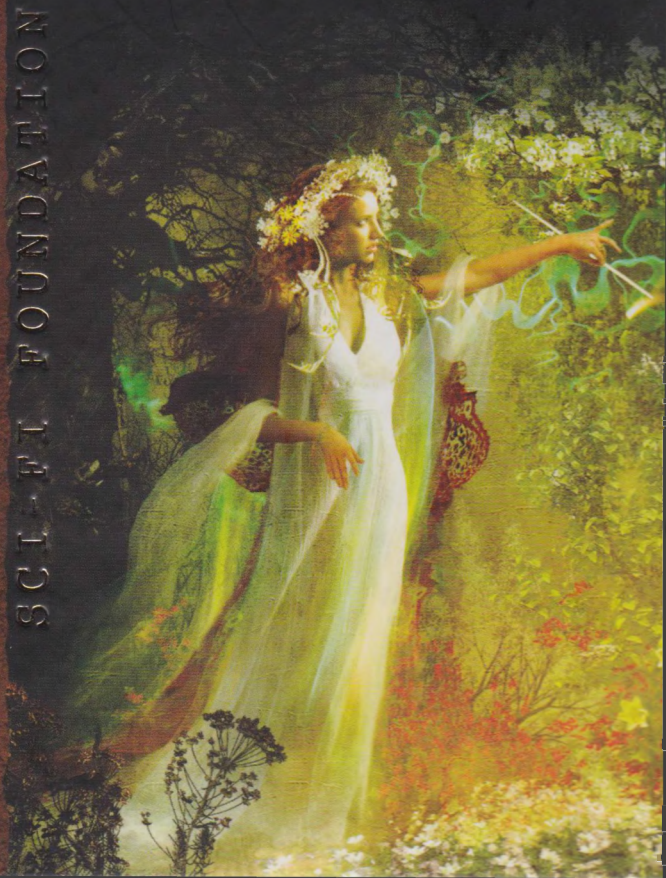
ЗОВ
ЛИРЫ

Вся

НОРТОН

ЗОВ ЛИРЫ

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ
SCI-FI FOUNDATION

ЭКСМО

Вся
НОРТОН

Вся
НОРТОН

ЗОВ ЛИРЫ
ЗЕРКАЛО СУДЬБЫ

ПЕРВЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

Андрэ
НОРТОН

**ЗОВ
ЛИРЫ**

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Н 82

Andre Norton

Разработка серии и дизайн обложки *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Нортон А.

Н 82 Зов Лиры / Андрэ Нортон ; [пер. с англ. О. Э. Колесникова, Д. Арсеньева]. — М. : Эксмо, 2013. — 672 с. — (Отцы-основатели).

ISBN 978-5-699-68105-1

Андрэ Нортон прожила долгую жизнь и успела создать множество прекрасных произведений, которые давно вошли в золотой фонд мировой фантастики.

Не случайно, что творчество Нортон высоко ценили братья Стругацкие. Один ее роман они перевели на русский язык, а другой — вдохновил Стругацких на создание книги «Полдень XXII век. Возвращение». Именно за богатую фантазию и живой язык произведения Андрэ Нортон полюбили миллионы читателей по всему миру.

В данное издание вошли первые два романа из цикла «Пять чувств» — «Зов Лиры» и «Зеркало судьбы».

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Колесников О., перевод
на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-68105-1

ЗОВ ЛИРЫ

Роман

РИФТ ЛЕЖАЛ в развалинах. Эта страна была опустошена не только огнем и мечами захватчиков, но и мощью черного колдовства. Над ней непрестанно клубились серые тучи, и прорывавшийся изредка солнечный луч не мог подарить бесплодной земле достаточно тепла и света, чтобы здесь снова возродилась жизнь. Угрюмая, бурная река рассекала Рифт на две почти равные части. Шелестящие остовы мертвого тростника скрывали очертания ее берегов. Испепеленный, разрушенный край.

Но кое-что сохранилось до сих пор — полуразваленный каменный фундамент некогда процветавшего, хотя и небольшого поместья. Фруктовые сады превратились в ровные площадки, утыканные обугленными, выгоревшими изнутри стволами деревьев.

К северу виднелись обе Высоты Аскада — казалось, что горная гряда когда-то была разрублена напополам неким чудовищным мечом. В давние времена там проходил Великий Высотный путь, но во время последней битвы неизвестно по чьему повелению горы сдвинулись, погребая под лавиной камней людей и животных, и древняя дорога перестала существовать.

С запада громоздились скалы, утесы, обрывы, ущелья и пики — дикая и неприветливая местность, которую человеку, может быть, никогда не суждено покорить и освоить. На востоке возвышалась еще одна гряда Высот, когда-то легко проходимая, но сейчас превратившаяся в неприступную камен-

ную твердыню, стерегущую подходы к Рифту. К югу... Вышло так, что разлом на Высотном пути отвел поток из русла реки. Вода устремилась в провал, и все земли, лежащие дальше к югу, оказались без животворной влаги и стали пустыней — смертельной ловушкой для путешественников.

Она ждала с самого рассвета. Сухая, костлявая женщина в штопаном-перештопаном платье, посеревшем от грязи и от времени. Выстирать его дочиста было невозможно, как нельзя добела отмыть серые камни, среди которых пряталась хозяйка этого ветхого одеяния.

Над Рифтом прошелестел легкий ветерок, не принеся с собой даже слабого запаха зелени и жизни, — только застарелую вонь смерти и давно угасшего пламени. Ветер захлопал отброшенным на плечи женщины капюшоном, разметал ее седые волосы, небрежно подрезанные ножом. Волосы упали на запыленное, бронзовое от загара лицо, и женщина нетерпеливо отвела их рукой.

Красотой она не отличалась — не нос, а клюв хищной птицы, глубоко посаженные глаза и узкая щель рта с тонкими, строго поджатыми губами. И все же в этом истощенном теле теплились целеустремленность и сильная воля — последняя искра жизни во всем Рифте.

С самых первых лучей солнца женщина, не отводя пристального взгляда, смотрела на север, изучая местность не только глазами, но и внутренним зрением. Ее губы сжались еще крепче. Да! Она ждала долго, очень долго и наконец дождалась!

Минуту спустя из черного зева бывшего Высотного пути, за которым начинался перевал Аскад, вынырнули черные точки. На солдат не похоже...

Та, которая в давние времена, когда Рифт кипел жизнью, звалась Дрин, впилась побелевшими пальцами в плетеную тесьму, служившую ей поясом. Потом провела языком по сухим губам. Пора...

Когда процессия подошла ближе, спускаясь по склону горы, Дрин быстро втиснулась в щель между двумя вертикальными валунами. Набросив капюшон на голову, она прижалась к серым камням и замерла. Никто не смог бы заметить

на фоне камней невзрачную фигурку в запыленной одежде, разве что самый зоркий и внимательный наблюдатель.

Нош устало пошатывалась при каждом шаге. Она равнодушно подумала, что скоро упадет. А Илды уже не было рядом, и никто не протянет ей руку, никто не поможет подняться. Нош всхлипнула, но на слезы не хватило сил. Она смотрела прямо перед собой, но не видела двоих детей, уныло бредущих впереди. У девушки перед глазами стояло видение, которое потрясло ее этим утром, — грязные, окровавленные клочья волос.

Должно быть, Илда высвободилась из сонных объятий Нош, выскользнула из-под их общего одеяла и вышла за пределы стоянки, чтобы облегчиться. Во время последнего перехода ее постоянно мучили колики в животе. А потом, когда Нош очнулась под вздохи и стоны просыпающегося лагеря... Болотные волки обнаружили, что жалкая горстка путников может быть легкой добычей, и этой ночью устроили кровавый пир.

Они были детьми, все до одного, в этой безнадежно шагающей в никуда шеренге. Когда-то, Нош уже не помнила, как давно это случилось, их собрали всех вместе, дали еду и кров... ее желудок сжался при воспоминании о еде... Так Нош повстречалась с Илдой и, как рано или поздно происходит с детьми, они подружились.

А потом пришли солдаты. У них были копья и мечи, и те, кто пытался защитить детей, упали мертвыми. Солдаты набросились на детей, собрали в кучу, как стадо домашних животных, — и погнали, убивая тех, кто отставал. Нош с Илдой не раз задавались вопросом: почему их не уничтожили сразу, как Хагина, или Фаркера, или тех, кто пытался их защитить? Но так и не поняли, почему всадники на тощих лошадях и в ржавых доспехах гнали их на юг.

Второй вопрос, который мучил девочек, состоял в том, почему погонщики выдавали несчастным совсем мало еды. И детям приходилось охотиться на ящериц и выискивать под камнями личинок и червей. Многие предпочли умереть, чем терпеть постоянные муки непреходящего голода.

Три дня назад их отряд добрался до места, где Высотный путь был перегорожен огромным обломком упавшей скалы. Погонщики помедлили, а потом заставили детей взбираться

наверх. Деваться было некуда — и весь отряд начал карабкаться по каменистому склону.

С каждым днем их оставалось все меньше, Нош не считала выживших. Ей было все равно. Илда погибла, и скоро она, как и ее подруга, почувствует, как смыкаются на горле безжалостные волчьи зубы. Ее тоже ждет горькая участь беспомощной жертвы.

Постепенно девушка сообразила, что ей, как и всем, уже не приходится то подниматься вверх, то спускаться вниз. Дорога стала ровнее и пошла под уклон. Нош даже удалось догнать идущих впереди, хотя ничего хорошего в этом и не было. Она не знала, почему продолжает идти, но что-то в глубине души поддерживало последние силы и заставляло перебирать ногами.

Девушка споткнулась об острый угол камня. Ее сандалии давно износились, и она постоянно сбивала ноги в кровь. Впереди виднелась какая-то река. Авангард их небольшого отряда уже достиг берега.

Нош опустила в пыль и потеряла раненую ногу, не сводя глаз с манящих прохладных вод. Ей хотелось пить.

— Алноша!

Девушка вскинула голову. Ее действительно кто-то позвал или просто почудилось? Как давно она не слышала своего имени! Так давно, что даже не могла вспомнить, когда именно.

— Алноша!

Так, зов определенно донесся вон от тех камней. Но никто, даже Илда, не знал, что Нош — это сокращение от более длинного имени.

— Я... — начала девушка, но природная осторожность, свойственная слабым, заставила ее произнести: — Меня зовут Нош.

Высокий камень двинулся с места. Нет, это был не камень, а человек — женщина в длинном балахоне цвета пыли.

— Ты — Алноша, — промолвила женщина и присела рядом с ней. Она достала из поясного кошелька небольшой зеленоватый хлебец, поймала руку Нош и сжала слабые пальцы девушки.

— Ешь, дитя.

Хлебец пах как-то странно, но девушка, недолго думая, впилась зубами в лепешку. Она набила полный рот, словно

опасаясь, что кто-то может наброситься и вырвать из рук ее сокровище. Тем временем женщина приподняла ногу Нош и начала ощупывать синяк на ступне.

— Кожа не повреждена, хорошо. Здесь вся земля отравлена, умереть можно от чего угодно, даже от пыли. Но оставаться тут мы не будем, Алноша. Для тебя уже готово гнездышко.

Не успела Нош пошевелиться, как незнакомка подхватила ее и понесла. Кто бы мог подумать, глядя на эту тощую, как скелет, женщину, что у нее хватит сил поднять девушку?

— Они... остальные... мы поможем им? — спросила Нош. Теперь, когда опасности безнадежного путешествия больше не касались ее, девушка вспомнила о своих несчастных товарищах.

— Лира плетет нити многих судеб, малышка. Мне известна лишь одна. Я могу приходить на помощь, выполняя Ее наставления. Остальные окончат свои жизни так, как лягут нити на прялку Лиры. А тебя, Алноша, ждет особая судьба.

Она шла, петляя между камней, пока не выбралась к обломкам стен — в большинстве своем оставшихся на месте, хотя и закопченных давним пожаром. Среди развалин обнаружили две вполне уцелевшие комнаты — со стенами и даже под крышей.

На стенах сохранилась витиеватая резьба с остатками краски в самых глубоких завитках. Под одной из стен с поблескивающими вкраплениями горного хрусталя оказалось убогое ложе из тростниковых циновок. Женщина устроила Нош на этом ложе.

Затем Дрин метнулась в угол, где стоял каменный сундук, откинула крышку и извлекла ворох сухих листьев.

Нош успела расправиться с хлебцем и теперь слизывала с грязных пальцев прилипшие крошки. Она не просила еще: в прошлом бедняжке никогда не перепадало еды больше одной порции за раз.

Женщина растерла лист на ладони, двигая пальцами размеренно, как мельничными жерновами. Сухой листик превратился в пыль. Потом Дрин плеснула на ладонь немного воды из высушенной тыквы, отчего пыль стала больше похожа на пасту. Результат, видимо, удовлетворил женщину. Она подошла к Нош.

— Давай-ка полечим тебя, дитя.

И потерла полученной массой синяк на ноге девушки. Не поднимаясь с корточек, женщина поглядела прямо в глаза Нош.

— Я — Дрин, — негромко представилась она. — Мое имя — это все, что у меня осталось от прошлой жизни.

— Ты здесь живешь? — спросила Нош с любопытством, впервые пробудившимся в ней за это тяжелое утро.

— Здесь и повсюду, — уклончиво ответила Дрин. — Теперь это и твой дом, малышка. Такова Ее воля.

— Кого? — не поняла Нош.

Суровые губы Дрин дернулись, словно она собиралась улыбнуться, да вот только позабыла, как это делается.

— Наша Госпожа Лира, маленькая Алноша. В свой срок ты узнаешь обо всем. А пока хорошо бы подкрепиться. Что ты думаешь о добром куске тушеного мяса?

В углу комнаты пылал очаг. Из низко подвешенного котелка по комнате разливался такой аппетитный аромат, что у Нош заурчало в животе. Дрин взяла черпак и наполнила до краев каменную чашу, вырезанную с большим искусством. Стенки ее были такими же тонкими, как и у глиняной посуды. По краю чаши тянулся сверкающий серебряный ободок, а всю поверхность диковинной вещицы покрывала причудливая резьба.

Нош бережно приняла чашу двумя руками. От нее шло успокаивающее тепло. Девушка понимала, что варево слишком горячее, потому принялась вертеть чашу в руках, чтобы содержимое поскорее остыло.

Бедняжка отхлебывала густую ароматную жидкость. От горла до желудка прокатилась теплая волна. Нош не могла бы описать свои ощущения — словно в зябкий зимний вечер кто-то набросил ей на плечи пушистое одеяло.

Она выпила всю чашу до дна, тем более что порция была небольшой. А затем, позабыв обо всех хороших манерах, вылизала посуду, собирая языком остатки соуса.

Дрин не мешала девушке наслаждаться кушаньем. Она положила ворох сухих листьев обратно в каменный сундук, закрыла крышку и двинулась к противоположной стене. Там стоял странный стол. Он был вытесан из камня и частично уходил прямо в стену, опираясь только на две каменные нож-

ки. На столе громоздились стопки толстых книг, да таких старых, что их кожаные переплеты во многих местах повытерлись и обтрепались.

Нош знала, что это были настоящие книги. Когда-то... да, когда-то она видела такие книги. Они... их бросали в большой костер. А вокруг стояли солдаты... и кто-то в черно-красном...

Девушка затаила дыхание, погрузившись в воспоминания. Книги... пришли солдаты и еще кто-то... и они... убивали.

Сперва убили книги, а потом круглолицего человека в зеленом балахоне, испачканном чернилами. Обычно его лицо лучилось добротой и смехом, а сейчас застыло ужасной маской. Они... толкнули его в костер. Она попыталась закричать, но ее рот запечатала чья-то рука, не давая издать ни звука. И Нош провалилась в темноту.

Когда мрак рассеялся, она оказалась в полуразрушенной хижине вместе с Илдой. И тогда Нош отринула воспоминания и начала жить настоящим днем, не пытаясь ни заглянуть в прошлое, ни предугадать будущее.

— Они жгут книги, — произнесла девушка. Нужно предупредить Дрин, ведь эта женщина так добра к ней. Может, она не знает, какой кошмар поджидает тех, кто прячет книги.

Дрин подошла к столу и протянула руку к одному из фолиантов. Услышав слова Нош, она оглянулась через плечо.

— Да. Книги — это знания, собранные мудрыми людьми всех времен и народов. Если их уничтожить, дитя, то сколько нужных знаний будет утеряно! Теми, кто бросает книги в огонь.

— Они могут прийти сюда... — пробормотала Нош, стараясь объяснить свою тревогу.

— Зачем? Все, кто жил здесь, уже мертвы. Думаю, что поджигатели больше не заявятся сюда. Тот, кто посылает их, уже сделал все самое худшее, на что только хватило его колдовства. Остались эти книги, и ты, Алноша, будешь учиться по ним... и этого не изменить. Мне приснился вещий сон, я увидела во сне тебя. И вот ты здесь.

Так в судьбу Нош вплелась новая нить, а в Рифте затеплилась еще одна искра жизни. Приходилось тянуться изо всех сил, но девушка росла и училась и постепенно достигала совершенства.

НЕСМОТРЯ НА СВЕТИЛЬНИКИ в стенных нишах и факелы, большой зал тонул в полумраке. В воздухе висело плотное, удушающее облако курящегося фимиама. Крин сжимал в левой руке мокрый лоскут и все чаще подносил его к лицу, прикрывая нос и рот. Это был единственный способ побороть подступающее чихание, которое может привлечь внимание всех собравшихся у алтаря.

Два часа назад юноша взобрался на поперечный брус под крышей Храма, улучив минуту, когда служители удалились на ужин и молеальный зал остался практически без охраны. Да и кто осмелится навлечь на себя гнев Голоса Зеллона, вторгшись в святая святых местного Храма?

Крин приник к балке, пустив в ход все умение маскировки, которому его обучали лесные охотники. Тяжелая ряса послушника плотно облегла тело. Жара стояла невыносимая, но юноша боялся шелохнуться и расправить затекшие конечности. Глядя вниз с высоты, он чувствовал сильное головокружение, его подташнивало, и желудок стремился взлететь к самому горлу.

Ох, как ему было плохо — от одуряющего запаха фимиама, от жары и высоты, с которой он наблюдал за позором своего Дома. Его Дом... юноша ощерил белые зубы в угрожающем волчьем оскале.

Когда они уже прекратят терзать слух своими воплями? Конечно, ради такого случая они решили провести все церемонии, какие только могли вспомнить! Не каждый день втаптывают в грязь один из Высших Домов. Это был звездный час Валкара, и он собрался сполна насладиться своим триумфом. Молеальный зал плотными рядами заполняли те, кто повиновался его воле. Они не сводили глаз с алтаря.

Крин заметил голубые плащи Зайнов, чернозеленые — Гранов, и красные — Джаспаров. Пусть смотрят, если они так слепы, что не понимают: пройдет совсем немного времени, и их Дома последуют за Домом Кунионов.

Там... там... Крин заставил себя взглянуть на группу людей в одеждах коричневых тонов — это были родовые цвета его Дома. Он быстро сглотнул и потер мокрым лоскутом гла-

за и чешущийся нос. И отвел взгляд, он больше не хотел видеть *этих* людей.

Выкрики умолкли на самой высокой ноте. К алтарю шагнул человек в богатом храмовом одеянии и митре, похожей больше на корону. Он повернулся и величественно поклонился алтарю, на котором не было ни статуи, ни какого-либо изображения божества. Всемогуший и Вездесущий не опускался до того, чтобы являть себя взорам собственных рабов.

Валкар снова торжественно повернулся, на этот раз уже к притихшей толпе. Слева от него стоял человек в унылой серой одежде, которую носят рабы. Красный шнур через плечо выдавал в нем надсмотрщика. Справа от Валкара возвышался начальник храмовой стражи. Юный шпион, примостившийся под куполом здания, так и не смог разглядеть его лица под глубоко сидящим шлемом.

Зловеще загудела труба, вырезанная из рога варга. Так надсмотрщики созывают рабов на работу. Наступила полная тишина, словно все, собравшиеся под куполом Храма, затаили дыхание.

Затем из группы людей в коричневом выступил мужчина в кольчуге. В одной руке он держал боевой шлем, а второй сжимал рукоять меча, висящего в ножнах.

Крин снова прижал тряпку к глазам. С его губ готовы были сорваться все ругательства, какие он только знал, но юноша усилием воли совладал с собой. Во рту скопилась горькая слюна.

Валкар ждал, когда воин в кольчуге подойдет ближе. Он был спокоен и не сомневался, что сумеет справиться с жертвой, попавшей в его умело расставленные сети. Все пройдет гладко, как было уже три раза за последние четыре года. И еще один Дом будет вычеркнут из Свитка Высокорожденных.

Воин остановился у подножия лестницы, ведущей к алтарю. Вскинул голову и устремил взгляд на Голос Зеллона. В гробовой тишине зазвенел покотившийся по каменным плитам пола шлем, который мужчина выронил из рук. Не сводя глаз со жреца, он расстегнул пояс, и родовой меч упал на пол...

Крин задохнулся и впился зубами в запястье, чтобы не закричать от стыда и отчаяния.

Мужчина у подножия алтаря отрешенно принялся стягивать кольчугу. Коротко звякнув, она упала рядом с мечом. Человек остался не в одеждах родового коричневого цвета, а в серой рабской хламиде.

Валкар, не оборачиваясь, протянул руку к стоявшему позади надсмотрщику. Жрец знал, что все его слуги не сводят с него глаз и готовы повиноваться малейшему жесту. Надсмотрщик вложил в ладонь хозяина веревку с петлей на конце. Валкар сделал шаг вперед и легко набросил петлю на шею бывшего воина. Когда веревка охватила плечи, мужчина покорно опустился на колени. Из группы людей за его спиной вырвался приглушенный стон — им всем предстояло разделить участь своего господина.

— Хафнер, тяжесть твоих грехов перед Единым и Его слугами превысила меру терпения. Тебя призывают поклясться в том, что предаешь в рабство телом, разумом и душой не только себя самого, но и всех единокровных своих отныне и во веки веков. Будет ли на то твоя воля?

Крин закрыл глаза, но не мог заткнуть уши. Голос, зазвучавший в ответ, был ровным и бесстрастным. Голос человека, душа которого уже мертва.

— Я клянусь, что я, и мой Дом, и единокровные мои испушим все свои грехи тяжким трудом в течение жизни моей и моих детей, и детей их детей... отныне и во веки веков.

— Назови единокровных своих, раб, — приказал Валкар. — Они обязаны выйти на твой зов...

Человек, стоящий на коленях, слегка сгорбился. Его голова поникла, так что мужественный подбородок коснулся широкой груди.

— Шаресса, — тем же ровным, разве что более глухим голосом произнес он. — Илла, Ранор, Сонон...

В кучке людей, одетых в коричневое, раздался вскрик, и вперед шагнула женщина, прижимающая к груди младенца. За нею вышли двое мальчиков с печатью страха на лицах. Один из них сжимал рукоять длинного охотничьего ножа. Когда мальчик с ножом встал рядом с отцом, начальник стражи молча вырвал оружие у него из рук.

Вперед выступил надсмотрщик, в его руке болталось несколько веревок с петлей на конце. Он взмахнул раз, другой, и

в конце концов все подошедшие к алтарю оказались символически поработаны. Но Валкар, заметив, что одна веревка осталась в руках надсмотрщика, сдвинул брови.

— Есть еще один твой кровный родич, раб, — с угрозой в голосе произнес жрец. — Где он?

— Он предал наш Дом, и теперь он не один из нас, — угрюмо ответил Хафнер. — За свою дерзость и непослушание он заслужил смерти и был бы мертв, если бы не прорубил себе мечом путь к бегству. Уже пять дней, как он отвергнут Домом, и больше никогда его имя не будет среди нас упомянуто.

— Он объявляется вне закона, — промолвил Валкар довольным голосом. — Единый благословит каждого, кто прольет его кровь. Да будет так! А ты, раб, знай, что твои грехи будут прощены после твоей кончины, поскольку ты оплатишь их своею кровью...

Глава стражи поднял оброненный Хафнером меч. Крин отметил, что он передал оружие младшему стражнику, который подобрал кольчугу и шлем. Надсмотрщик дернул за веревку, брошенную на шею Хафнера, заставляя его встать. Затем он взял свободные концы остальных веревок и повел бывших господ к новой, незавидной жизни рабов.

Валкар пальцем подозвал начальника стражи и, склонив голову, о чем-то тихо посовещался с ним. Крин медленно разжал зубы, освобождая запястье. Во рту остался привкус крови. Теперь пора уходить. Мудрый человек уже давным-давно был бы далеко отсюда.

Но против мудрости восстала честь. Ее воплощением был меч, именуемый «Дарующий Надежду», меч, который эти ублюдки уносили сейчас из зала. Крин знал, что нельзя оставлять Дарующего Надежду в их руках... Он до последнего надеялся, что отец стряхнет кошмарное оцепенение, но за последние десять дней Хафнер превратился в совершенно чужого человека.

Ему были ведомы обычные человеческие ошибки и слабости, но никогда прежде он не болтал ерунды о смертных грехах и необходимости искупить их кровью Дома. Когда Крин вернулся с объезда пастбищ домой, его страшно поразили перемены в отце, особенно в его речах. Сперва юноше даже помешалось, что он ошибся и попал в чужой дом. И мачеха,

правда с отблеском ужаса в глазах, все время поддакивала бесконечным и странным сетованиям отца о своих грехах. Сводные братья были так напуганы, что Крину не удалось добиться от мальчигов никаких внятных объяснений. Но охвативший семью леденящий страх — если это действительно был страх — не коснулся Крина. Он знал, чем это все закончится... Сцена, которая только что прошла перед его глазами, не раз виделась ему в кошмарных снах. Потому у него было время, чтобы составить план.

Дом Кунионов не исчезнет, пусть даже и будет объявлен вне закона. Он, Крин, часть этого Дома, хотя отец в безумии и отрекся от него. Чтобы выжить, ему придется употребить все свои знания и опыт, всю хитрость и смекалку. И надеяться на всю отпущенную на его долю удачу. Но сначала нужно добыть меч.

Когда церемония окончилась, толпа начала расходиться. Крин знал, что три оставшиеся Дома хорошенько запомнили сегодняшний урок. Валкар и его невидимый бог так крепко взяли высокорожденных за глотки, что те готовы были бросаться жертвенными ягнятами на алтари, как это сделал Хафнер.

Крин медленно начал отползать по балке назад. Он верил и надеялся, что Голос уже зачислил его в беглецы и не будет искать на собственной территории. Спустившись с балки, юноша поднялся.

Он никогда не был горячим приверженцем Единого, так что внутреннее расположение Храма оставалось для него загадкой. Совершенно случайно Крин обнаружил тайный путь внутрь, но рано или поздно удача может и изменить ему. Сейчас юноше предстояло пробраться в оружейную храмовой стражи. О родовых мечах слагались легенды. Если в тебе нет родовой крови, ты не можешь взять в руки этот меч. Каждый воин знал, что подобный проступок повлечет за собой гнев Ушедших. Наверняка Дарующего Надежду повесят рядом с мечами тех Домов, которые Валкар уничтожил за последние несколько лет. Нужно только найти оружейную... если его не схватят раньше. Обычно на верхние уровни Храма забирались только плотники, которые следили за сохранностью крыши.

На улице начало смеркаться, когда Крин рискнул выбраться из своего укрытия. Запахнув поплотнее рясу послушника, он спустился по винтовой лестнице, потом по узким ступень-

кам, вырезанным внутри полой стены, и наконец добрался до неприметной двери. Эта дверь выходила во внутренний дворик Храма.

Крин чуть приоткрыл дверь и выглянул наружу через образовавшуюся щель. Оружейная находилась слева. Но чтобы добраться до нее, юноше предстояло преодолеть довольно широкую площадку. Стражники возвращались с дежурства. Прежде чем они показались в поле зрения Крина, он услышал их грубые голоса и бряцание копий о камни. На отдыхе стража не слишком церемонилась со своим оружием.

Странно, что Валкар превратил храмовый дворик в казарму для своей личной армии. Или личной армии своего бога, какая разница. Считалось, что Единый справедлив. Крин снова ощерился. Почему тогда Его Храм окружен стражниками? Находятся те, кто недоволен этой справедливостью? С другой стороны, именно эти стражники, под присмотром одного из жрецов, каждый четвертый месяц собирают налоги в пользу Храма. А еще Валкару действительно необходима армия, чтобы справляться с толпой, которая сегодня заполняла молельный зал.

Крин выждал. Чадающие факелы не могли разогнать сгустившийся сумрак. Повсюду плясали тени, в которых легко затеряться человеку в неброской рясе.

Крин ничего не знал про обязанности послушников. А вдруг им нельзя бродить где попало? Поручение... но могут ли старшие жрецы отправлять новичков туда-сюда с поручениями? Ведь это единственное оправдание, которое пришло в голову Крину на случай, если его остановят.

Поскольку по дворику ходили довольно редко, юноша решился. Тем более медлить было опасно — сейчас время работало на врагов. Чем скорее он окажется подальше от Храма и от этого города, тем лучше.

Юноша выскользнул за дверь и остановился, оглядываясь. Впервые за несколько часов он вдыхал чистый свежий воздух, без запахов пыли и фимиама. Небо темное, безлунное, а в воздухе опытный нос охотника уловил предчувствие дождя. Дождь будет только на руку.

Крину хотелось пронестись по двору как стрела, чтобы поскорее добраться до цели. Но он сдержался. Надвинул капю-

шон на лицо, спрятал руки в рукава — и неспешно засеменял через дворик. Со стороны казалось, что послушник идет по заданию, притом не особо важному, поскольку не слишком торопится.

Дважды его дыхание на миг прерывалось — когда он проходил совсем рядом с местными обитателями. Сперва прошагали двое сменившихся с дежурства стражников, которые сами спешили окунуться в городские развлечения. А потом был настоящий жрец Храма. Но последний даже не поднял головы, уткнувшись носом в раскрытую книгу. Странно, что в такой темнотище он еще разбирал буквы. «Повторяет храмовую службу», — подумал Крин.

Оружейная находилась между караулкой и казармами, из дверей которых лился свет. Внутри звучали голоса, но наружу никто не показывался. Крин добрался до заветной двери. Слабый свет пробивался из маленького окошка над притолокой. Не исключено, что там кто-то есть.

Но Крин не мог дольше ждать. Есть разные способы и приемы, которые может пустить в ход безоружный человек для защиты и нападения. Среди вассалов его Дома были и такие, кто владел этим неблагородным искусством в совершенстве. Хотя юноша только начал изучать эти приемы, но две декады тому назад сумел справиться с чудовищным громилой. Здоровяк решил побраконьерствовать. Столкнувшись с Крином, он бросился на него с ножом. И получил по заслугам.

Эти воспоминания придали Крину храбрости. Он слегка толкнул дверь оружейной. Если бы дверь оказалась заперта, у него наготове была еще пара способов проникнуть внутрь. Юноша давно свел тесную дружбу с охранниками караванов и перенял у них много всего, о чем отец даже не догадывался. Отец... у него нет больше отца!

Дверь приоткрылась, и беглец прошмыгнул внутрь оружейной. Там уже находился начальник стражи, который на церемонии подобрал брошенные отцом доспехи и оружие. Как Крин и думал, он вешал на крюк, торчащий из дальней стены, ножны с отцовским мечом.

Слева вдоль стены громоздился ряд копий, и Крин присел за этим островерхим забором. Начальник стражи поднял фонарь, который, видимо, принес с собой, и направился к выхо-

ду. Крин не сдвинулся с места, хотя от всего сердца ненавидел этого человека и все, что он защищал. Нет, месть придется отложить. Сейчас главное — убраться отсюда тихо и незаметно.

Скрипнула дверь — стражник ушел. Поскольку фонарь он унес с собой, Крин остался в крошечной темноте. Он начал медленно и осторожно пробираться вперед, стараясь держаться ориентиров, которые приметил при свете лампы.

Затем вытянутая рука юноши наткнулась на противоположную стену, и, пошарив, он нащупал меч. Он не стал снимать с крюка пояс с ножами. Нет, чем позже враги хватятся, тем лучше. Заметать следы Крин научился у тех же браконьеров с Высот. Так что он взялся за рукоять и вынул меч из ножен. Проведя пальцами по клинку, он нащупал знакомое клеймо. А затем взял один из обычных мечей и вложил его в ножны Дарующего Надежду. Вся операция заняла не больше минуты.

Прижав обнаженный клинок к боку, юноша вернулся к двери. Как он и ожидал, она оказалась заперта. Но эту проблему Крин мигом разрешил с помощью острого шила — единственного оружия, которое он рискнул взять с собой. И он снова нырнул в ночь.

К воротам идти было опасно, но Крин знал другой, более спокойный путь. Он перемахнул через стену в том месте, где не так давно забирался в храмовый двор. Оказавшись на полутемной улице, стащил рясу, скатал ее клубком и швырнул в грязную канаву. Затем перебежками, стараясь держаться в тени, добрался до небольшого трактира. Поднимался ветер, на скрипящей деревянной вывеске трактира виднелся герб Дома Кунионов — корона на черном поле. Нужно сказать Смарлу, чтобы поскорее сменил вывеску. С сегодняшнего дня небезопасно выставлять на люди оскверненный и свергнутый родовой знак.

Дверь была заперта, но окна слабо светились. Крин тихо отстукал условный сигнал, как и было договорено.

Дверь приоткрылась, и его впустили внутрь.

— Получилось? — хрипло спросил мужчина с уродливым шрамом через щеку.

— Получилось, — ответил Крин, показывая ему обнаженный меч.

Мужчина смерил юношу взглядом.

— Ты такой юный, совсем ребенок... — медленно произнес он. — Сколько тебе весен?

— Пятнадцать, — отрезал Крин. — Сегодня я перестал быть ребенком!

Смарл склонился над Крином и заглянул ему в глаза.

— Да, — ровным голосом согласился трактирщик. — Ты уже не ребенок, милорд.

— Пока предатели не получают свое, я остаюсь, как они и сказали, вне закона. Я поеду в горы, туда, где кое-чему научился в своей жизни. Хорошо, что в последние годы у меня были суровые наставники. Я отправлюсь сегодня ночью, если путь свободен.

— Свободен, — кивнул трактирщик. — За тобой могут послать погоню. Эти храмовые ищейки постараются переловить всех нас и загнать в рабство.

— Поскорее смени вывеску, Смарл. — Крин натянул приготовленную специально для него куртку. Наготове лежали и пустые ножны, словно трактирщик ни мгновения не сомневался в его успехе. Юноша вложил Дарующего Надежду в потертые ножны. Смарл откатил в сторону бочку с элем и принялся шарить по полу. Наконец он нащупал потайную выемку и поднял люк. Крин повис на руках, а потом спрыгнул вниз. Трактирщик подробно описал ему расположение подвала.

— Удачи, надежда нашего Дома, — прохрипел Смарл в черный провал люка.

— Береги себя, Смарл, — раздалось из темноты.

Крышка люка опустилась, и юноша остался один на один с неизвестностью.

3

В ЭТОМ БЕСПЛОДНОМ КРАЮ под серым, затянутым хмурыми тучами небом сезоны года сменяли друг друга незаметно. Здесь не было новой листвы, которая знаменует приход весны и созревающего винограда, который отмечает макушку лета. Да, зимой наступали холода, и все горные твари, включая зарков, прятались по норам. Но снег так и не выпадал, а речка не покрывалась льдом.

Нош знала, что растет и взрослеет, превращаясь в девушку. Она вытянулась и стала такой же высокой, как и Дрин. А еще она научилась многим интересным штукам, которые скрашивали ее тяжелую жизнь. Нош даже превзошла в мастерстве свою наставницу! Она копалась в погибшем саду, вокруг обугленных стволов деревьев. На первый взгляд казалось, что отщепить кусок от любого из них не легче, чем от скалы. Но девушка прилежно терла окаменевшие стволы крепкой речной галькой, а затем придала отломанным кускам форму своих ступней. Для удобства положила сверху тростниковые волокна, а завязки смастерила из перекрученных змеиных шкурок. Получились сандалии. Еще из змеиных шкурок можно было плести кошельки и мешочки, куда помещались некрупные предметы.

Ее обветренные руки жили своей собственной жизнью. Они схватывали на лету и сооружали все что угодно из старых лохмотьев и хлама прежде, чем Нош успевала придумать, что с этим делать. Именно ее умные руки первыми откликнулись на волшебный дар, дремлющий в Нош, когда девушка собирала речную гальку для обработки сгоревших деревьев.

Выбирая подходящую для работы гальку, Нош вдруг заметила, что ее пальцы тянутся к одному из камней. Солнце пряталось за тучами, но когда девушка дотронулась до камешка, то он оказался теплым на ощупь. Она отложила найденные до этого камни в сторонку и выбрала из них тот, что с виду ничем не отличался от теплого кругляша. Но он оставался мертвым обломком гальки, обычным, обточенным водой камнем. Нош снова дотронулась до странной находки, и под пальцами задрожало тепло.

Она знала, что в прежние времена здесь встречались волшебные вещи. Но теперь, после войны и пожаров, разрушений и минувших лет, они ушли в легенду. А вдруг этот кусочек камня когда-то был частью волшебного амулета? Нужно спросить у Дрин, она знает. Высыпав остальные камешки на землю, девушка бросилась в дом, который прятался между скал. Задыхаясь от бега, она влетела в комнату и положила находку на каменный стол. За столом сидела Дрин и ткала кусок грубого полотна из высушенных волокон тростника. Потом из этого полотна можно будет сшить одежду.

— Оно... оно живое! Ожило в руках! — завопила Нош, разводя в сторону руки и растопыривая пальцы. — Из речки. Я дотронулась, а оно такое...

Дрин замерла, переводя взгляд с Нош на обломок гальки. Затем взяла его, взвесила на ладони, подбросила несколько раз и наконец поднесла поближе к глазам. Потом потянулась за ножом. О, этот нож считался настоящим сокровищем, поскольку был сделан из металла. В Рифте ничего подобного больше найти не удавалось.

Внимательно приглядевшись, Дрин поскребла камешек лезвием ножа. Она орудовала драгоценным инструментом очень осторожно и ухитрилась отковырнуть небольшую каменную крошку. Под ней открылась гладкая поверхность, размером с ноготь большого пальца. Причем не серая, а красная. Но не кроваво-алая и не медная, цвета заходящего солнца, а какого-то смешанного оттенка. Даже при слабом освещении комнаты Нош разглядела этот цвет.

— Око солнца, — промолвила Дрин и выронила камешек на стол. Затем быстро поднялась и направилась к одному из каменных сундуков, которые никогда не открывала в присутствии Нош. Она достала оттуда старую, потрепанную и запыленную сумку. И высыпала на столешницу кучку разноцветных камней. Одни сверкали яркими красками, другие были тусклыми и невзрачными, как стены этого дома.

— Бери по одному, — приказала она Нош. — И называй.

Девушка зачарованно повиновалась. И неожиданно начала произносить названия, сама этого не осознавая. Притом Нош знала, что произносит имена камней правильно, словно выучила их давным-давно и теперь просто вспоминает.

— Солнечное око... Лунная слеза... Небесная кожа, — говорила она, выстраивая их в ряд. — Еще одна небесная кожа, две ночные капли. Лунная слеза, только треснувшая. — (Откуда она это взяла?) — Солнечное око дневное, а вот это — вечернее.

Так она поименовала все камни, до единого.

Дрин слушала, не сводя с нее глаз. Потом выудила из-за пазухи небольшую вязаную сеточку на шнурке из змеиной кожи. Сквозь нити сеточки что-то сверкало и ярко вспыхивало в полумраке комнаты.

Женщина поколебалась, после чего сняла с шеи амулет и протянула Нош это блистающее сокровище.

— Коснись! — громким шепотом промолвила она.

Нош протянула руку. И тоненько вскрикнула. В амулете оказалось заключено настоящее пламя, которое обожгло девушке палец. Нош сунула ноющий палец в рот.

— Я... у него нет названия...

— Он редко встречается в этом мире, дитя, — кивнула Дрин. — Можно собирать драгоценные камни всю свою жизнь и ни разу не встретить такое чудо. Это звездный свет, он сродни кое-чему большему, давно утерянному. Но довольно того, что у тебя дар Рук. Он сослужит тебе хорошую службу. Этот дар такой разносторонний... и тебе нужно будет изучить все его проявления. Ты сможешь отличать настоящие камни от поддельных, целые от треснувших. И, возможно, ты сумеешь читать их прошлое, что само по себе — великая сила.

— А что... а что я могу прямо сейчас? — задумчиво спросила Нош. Она больше не боялась и принялась строить планы, как этот дар может улучшить их суровую жизнь.

— Прямо сейчас ты должна направить все силы на поиск. Точно так же, как ты приучала глаза к чтению, руки к письму, а язык к речи, ты обязана привыкнуть к своему дару.

С тех пор Нош постоянно копалась в гальке. Недолго, но каждый день. И вскоре завела собственную сумочку с настоящими драгоценными камнями. Девушка любила перебирать камешки, особенно когда Дрин отлучалась из дому.

Жизнь в Рифте продолжала течь в привычном русле суровых будней. Но девушка и прежде не видела ничего хорошего, так что настоящее выглядело гораздо привлекательнее по сравнению с жестоким прошлым. Она научилась переворачивать плоские камни на илистом дне реки и вылавливать юркие водяные создания, которые прятались под ними.

Они с Дрин собирали один из видов речного камыша, промывали и высушивали, разложив на плоском камне. Затем отрезали корешки острым каменным осколком. Эти корешки перемалывали между двух камней, как жерновами. В результате получался порошок, из которого можно было печь хлеб. А стебли камыша трепали, разминали и разделяли на волокна, которые годились для самодельного ткацкого станка.

Здесь попадались и другие растения. На следующий день после того, как Нош обосновалась в Рифте, Дрин показала девушке небольшой участок черной почвы. Из земли тянулись листочки нескольких уцелевших растений, которые Дрин оберегала как зеницу ока.

В камнях водились разнообразные ящерицы и змеи, и каждая тварь требовала своего подхода. Например, жирную многоножку в желтых пятнышках можно было смело глушить камнем и свежевать. А небольшую змейку с серебристой чешуей лучше было оставить в покое. Красную рогатую жабу ловить было можно, а ящерицу, которая при малейшей опасности поднимается на задние лапки, нужно было обходить дальней дорогой.

Сперва Нош думала, что эти запреты касаются пресмыкающихся с ядовитой кожей или мясом. Но вскоре она узнала, что все гораздо сложнее и серьезней. Как-то Нош увидела, что Дрин сидит, прислонившись спиной к скале, а перед ней раскачивается серебристая змейка. Девушка схватила окаменевшую ветку, к которой был прикреплен при помощи тростниковой веревки камень, заостренный с двух концов. Это было собственное оружие Нош, сделанное ее руками. Девушка страшно гордилась результатом своих трудов. Эта грубая острога служила как инструментом, так и оружием.

— Не нужно, — успокоила Дрин девушку. — Она не годится для еды. Смотри! — Она протянула руку, и Нош показалось, что змейка лизнула пальцы женщины гибким язычком. — Как и зарк, — продолжила Дрин и указала направо. Там стояли три ящерицы, поднявшись на задние лапки. Притом они отклонили тельца немного назад, опираясь на хвост, как на длинную гибкую тросточку. Ящерки дернулись вперед, выказывая явное намерение напасть на женщину.

Дрин зашипела. Для неискущенного уха Нош это шипение ничем не отличалось от звуков, издаваемых серебристой змеей. Затем женщина чуть повернулась и защелкала языком. И наконец заговорила человеческим языком, хотя и очень тихо:

— Сиди не двигаясь, дитя. Позволь им изучить тебя, чтобы впоследствии они могли стать тебе помощниками и защитниками.

Нош страшно хотелось убежать куда глаза глядят. Но она медленно положила на землю свою каменную острогу и села, не сводя глаз со змеи. Тварь повернула к девушке треугольную голову и посмотрела прямо в лицо странными глазами с вертикальными зрачками. Змея легко расплела кольца и заскользила к Нош. Затем встала на хвост так, как будто вновь собиралась начать свой странный танец.

— Дотронься до нее, Нош, — приказала Дрин по-прежнему тихим голосом, но в нем зазвучали металлические нотки.

Нош через силу повиновалась. Змея вскинула головку. Девушка заметила острые зубы во рту у серебристой твари и подумала, что едва ли эти клыки — простое украшение. А потом... ее ладони легонько коснулся раздвоенный язычок.

— Так, тебя признали, — тихим напевным голосом промолвила Дрин. — Теперь тебе придется выучить свои обязанности и права, но это знание придет изнутри.

Женщина поглядела на ожидающих ящериц и шелкнула языком. Три зверька тотчас же сорвались с места. Как только змея отползла, перед девушкой очутилась одна из ящериц.

— Снова протяни руку, — приказала Дрин.

На этот раз Нош не боялась. Зарк (как, по словам Дрин, называлась эта зверушка) пробудил в девушке любопытство и интерес, так что она позабыла про страх.

Нош поднесла руку к ящерице, и та склонила голову, будто принюхиваясь к костяшкам пальцев.

Дрин с видимым облегчением качнула головой, словно нашла ответ на некий незаданный вопрос. Вероятно, она подала какой-то знак, потому что ящерицы неожиданно куда-то юркнули.

С тех пор, уходя на охоту, Нош постоянно ловила на себе чей-то взгляд и, оглядываясь, замечала неподалеку чешуйчатую голову одного из своих новых знакомых. Обычно зверьки прятались под камнями или за полуобгоревшими стволами деревьев.

Но не поиски еды занимали у Нош и Дрин большую часть времени, хотя, несомненно, это было жизненно важное занятие. Но земля в округе была мертвой и бесплодной, здесь часто случались ураганы и бури. Сильный ветер поднимал в воздух тучи пыли с давно заброшенных полей, и в разгар дня

словно спускались сумерки. Нечего было и думать, чтобы выйти из дома в такую погоду. Тогда Дрин затепливала светильники — плашки с рыбьим жиром, в котором плавали фитильки из высушенного тростникового волокна.

Они вынимали книги, и начинался урок. Сперва Нош не понимала, зачем это. К ней вернулись прежние страхи — девушка боялась, что умение читать рано или поздно приведет ее к катастрофе. Но время шло, и какая-то ранее дремавшая часть ее мозга встряхнулась и принялась жадно впитывать новые знания и навыки. Поскольку ее учили не только читать, но и писать. Причем на разных языках. Дрин объяснила, как здорово будет уметь, если выпадет такой случай, приветствовать чужеземцев на их родных языках. Правда, она не объяснила, откуда здесь возьмутся чужеземцы.

С тех пор как Дрин забрала Нош к себе, она, бывало, прихватывала с собой суточный запас еды и уходила куда-то на целый день. На расспросы девушки она отвечала, что уходит по делам, которые ее, Нош, не касаются. Сперва девушка страшно боялась, что Дрин бросит ее и она останется одна-одинешенька, бедная и незащищенная. Но женщина неизменно возвращалась утром следующего дня, и вскоре Нош успокоилась и начала принимать ее отлучки как часть заведенного в Рифте порядка. По возвращении Дрин всегда приносила с собой кое-какую еду, а иногда и небольшой мешочек с солью и тростниковую корзину плодородного чернозема. Потому несколько последующих дней жительницы Рифта занимались своим крошечным огородиком. Всякий раз Дрин неустанно объясняла девушке особенности и полезные свойства каждого растения, так что после многократных повторений и уточнений Нош уже неплохо разбиралась в травах. Девушка давно перестала удивляться тому, что в этом садике продолжают цвести и плодоносить растения, которые давно погибли во всей остальной части Рифта.

Каждый раз Дрин уходила на запад, в каменный лабиринт скал, который с первого взгляда отбивал всякую охоту к путешествиям. Но женщина, казалось, прекрасно знала, куда и зачем идет.

Оставшись одна, Нош проводила эти дни по своему разумению. Ее особой гордостью была подготовка сюрприза для

вернувшейся Дрин — то новая низка сушеной рыбы, то несколько прочитанных страниц учебника, то небольшой отрез полотна. Одежды у них было мало. Платье Дрин состояло не только из кусочков полотна, но и из жабьих шкур. Когда Нош только появилась здесь, ее одеждой служили жалкие лохмотья. Вскоре у девушки появились короткая юбка из камышового полотна и накидка из полос змеиной кожи. Такой наряд ничуть не стеснял движений и соответствовал погоде.

Теперь Нош проводила большую часть времени на берегу реки, особенно когда Дрин отлучалась. Девушка не только собирала камыш, но и перебирала голыши, тренируя свой новообретенный дар. Иногда, поднеся к глазам найденный камешек, она чувствовала, что это не грубый и безжизненный обломок, а сверкающий драгоценный камень. Нош несколько раз пыталась шлифовать свои находки, но ничего не вышло.

Время от времени девушка задумывалась, что происходит в остальном мире — там, за границей Рифта. Она никогда не пыталась вспомнить свое прошлое. Иногда ей казалось, что весь мир погиб и они с Дрин остались единственными живыми людьми на всем белом свете.

Когда девушкой овладевали мрачные думы, она уходила к скалам и шелкала языком, как ее научила Дрин. Непросто отличить одного зарка от другого, но через некоторое время Нош начала узнавать двух зверьков — обычно они первыми откликались на ее зов. Первый был чуть выше своего товарища, и на его воротнике виднелась неровная морщина, словно там когда-то была рана, которая плохо заросла. А второй всегда звонко шелкал в ответ, словно радуясь встрече. Девушка дала им имена: тот, который повыше, получил прозвище Тарм, а второй — Вазин. Что-то царапнуло ее в глубине души; возможно, когда-то эти имена что-то значили для нее. А еще Нош была уверена, что ящерки откликаются на свои прозвища.

Именно во время очередной встречи с ящерицами судьба Нош резко изменилась во второй раз. Тарм стоял на вершине высокого валуна и смотрел на север, на заброшенную дорогу. Он яростно защелкал, привлекая внимание Нош. Девушка вскочила и тут же спряталась за выступ.

По дороге, вдоль которой когда-то гнали детей, двигалась какая-то процессия. Неужели новые беженцы? Осторожность уже давно стала второй натурой Нош. Она соскользнула с валуна и, стараясь держаться под прикрытием тени, пошла к месту, откуда лучше видно дорогу.

4

НАЛЕТЕЛ ПОРЫВ ВЕТРА — предвестник холодной зимы. Крин поплотнее запахнул нескладную кожаную курточку. Она оказалась на пару размеров больше, чем нужно, так что юноша приспособил к поясу пару веревочных подтяжек с перехлестом на спине. От этой хламиды здорово несло лоршогами — видимо, прежний хозяин долго работал в их загоне. Крин нашел ее висящей на крюку в пустом стойле, где она успела на славу пропитаться крепкими запахами скота.

Пустое стойло... На сколько он опоздал? На час? На день? Стража и жрецы подчистую вымели небольшое поместье. Оно было самым маленьким и удаленным от основных владений Дома, и юноша надеялся, что враги доберутся туда в последнюю очередь. Рассчитывал, что раздобудет здесь провизию и верховое животное, приученное к горным тропам и перевалам.

Крин, морщась, жевал подгнившее яблоко, которое сорвал в заброшенном саду. Гадость, но хоть какое-то облегчение для голодного желудка. Вчера он доел все, что Смарл приготовил ему в дорогу.

Юноша брел по пустынным взгорьям Высоких Небес, ни на минуту не забывая об осторожности. И так, теперь он преступник. Плевать, сейчас главное — выжить любой ценой.

Ни один крестьянин, ни один помещик не поможет ему и не даст укрытия. То, что провинция Высоких Небес опустела, означало, что слух о падении Дома Кунионов разлетелся во все края его бывших владений. Впереди оставались лишь Высоты, где царили смерть и разорение. А все началось с тех самых пор, как Высший король Тристан пал в битве под Рогатинами и оставил на троне слабовольного сына. Новый правитель подчинялся всем требованиям Храма — добровольный раб, хотя и без рабского ошейника.

Страну наводнили бывшие оруженосцы, вассалы сокрушенных Валкар ом лордов, землевладельцы, которые были вынуждены смотреть, как пылают их хлеба и дома, и обычные преступники разного пошиба.

Крин обшарил все поместье, но так и не нашел ни щенка, ни цыпленка — пусто. Конечно, мерзавцы все уволокли, ничего не оставили. И едва ли где-то поблизости прячется стража. А может, Валкар не предполагал, что Крин заберется так далеко? Все знали о его предпочтениях и часто отпускали смешки о глупцах, которые бродят в холмах, вместо того чтобы посетить оружейную или повеселиться в пиршественных залах.

Ловушка — или нет? Крин вытащил из поясного кошель медный таргин, подбросил в воздух и поймал. На него уставилась физиономия Высшего короля Банко. Что ж, почему бы не испытать удачу еще раз? Отправляться в дальнюю дорогу с тем минимумом запасов, что был у него с собой, равнозначно гибели. Уж лучше приставить шило к груди и сразу покончить с собой.

Но юноша выждал, пока солнце закатится за горы, а затем прокрался к дому, перебегая из одного затененного места к другому. Тишина, царящая в поместье, оглушала.

Всего одна декада прошла с той поры, как он оставил этот дом полным жизни и веселья. Двери всегда стояли распахнутыми, гостеприимно встречая любого путника. Конечно, отсюда всех уже увели — бывших слуг бывшего господина, а ныне — рабов. Недавно собранный урожай перевезли в закрома Храма, всех домашних животных угнали. Все ценности пересчитали, переписали и спрятали в храмовые тайники.

Крин добрался до дорожки, ведущей к парадной двери. Как он и ожидал, дорожка оказалась разбита и разворочена множеством тележных колес. Юноша замер, стараясь уловить опытным ухом охотника малейший шорох в темном доме.

Ветер сорвал несколько осенних листьев с пожелтевших деревьев, которые росли вокруг поместья. Крин подался вперед, но тут заметил, что входную дверь крест-накрест пересекает красная лента, скрепленная посередине большой восковой пломбой с оттиском храмовой печати. Предупреждение для случайных прохожих — чтобы знали, чья это теперь собственность.

Сорвать печать — значит показать Валкару, что здесь остались те, кто не желает склонять пред ним головы. Но тогда Храмовники посчитают, что плохо вычистили эту местность, и вернутся довершить свое черное дело.

Крин обошел вокруг дома. Окна тоже были запечатаны. Но каждое поместье, со времен Бланкантерского сражения, таило свои секреты, о которых не знали Храмовники.

Крин встал на четвереньки и пополз вдоль фундамента дома. Подсчитал камни, потом толкнул один из них. Открылась черная дыра, куда юноша быстро заполз. В нос ударил густой аромат свежесваренного эля и молодого вина, такой крепкий, что можно было опьянеть от одного запаха. Под ногами Крина плескались хмельные лужи — кто-то посбивал краны со всех бочек.

И явно не Храмовники, уж они-то предпочли бы сберечь драгоценный напиток. Зато это вполне в стиле Хаквана, который готов уничтожить добро, лишь бы оно не досталось грабителям.

Крин побрел вперед, по щиколотку в вине и пиве, пока не наткнулся на грубую деревянную лестницу, ведущую из подвала в дом. Сверху сочился слабый свет, потому что крышка люка оказалась приоткрыта, ее что-то удерживало...

Крин вцепился в лестницу и гулко сглотнул.

Сверху свисала безжизненная рука. А к щели между люком и полом прижалось мертвое лицо, залитое засохшей кровью. Крин узнал этого человека, невзирая на темные потеки. Хакван!

Юноша полез наверх, оттолкнул труп и выбрался в вымощенную плиткой кухню. У входной двери темнела еще одна лужа крови и лежало скрюченное мертвое тело. Крин заставил себя подойти. Это оказался Васвер, отличный знаток лошадей. Он лучше всех умел объезжать и тренировать верховых животных. Поперек его живота тянулась страшная рана, из которой выплеснулась кровь и вывалились внутренности. Запах крови смешивался с хмельными парами.

Крин с трудом вспомнил, зачем сюда пришел. Хакван был мертв, как и его товарищ. Смерть исказила их лица гримасами боли и ярости.

Хакван не пожелал покорно надевать рабский ошейник. Кто угодно, но не он! Крин вытер рукавом мокрые глаза. Как ему хотелось в эту минуту, чтобы в его жилах текла кровь Хаквана!

Юноша занялся поисками необходимых вещей, без которых в дорогу лучше не отправляться.

Зная обычаи старого управляющего, он заглянул в потайной уголок, скрытый кухонным шкафом. И обнаружил там то, о чем даже и не мечтал, — добрый лук, запасные тетивы и колчан со стрелами, искусно сработанные умелыми руками самого Хаквана. Еще там был меч в простых кожаных ножнах. Не такой длинный и тяжелый, как Дарующий Надежду, а больше смахивающий на кинжал-переросток.

Побродив по дому, Крин собрал целый мешок добра. Сумка получилась побольше той, что вручил ему Смарл. А на забранной в стенной шкаф кровати нашлись одеяла из верблюжьей шерсти, теплые и мягкие, как зимняя мантия Высших королей.

На полках в чулане отыскалась и еда. Сюда Храмовники не заглянули — видимо, яростный отпор бывшего управляющего и его слуг помешал тщательным поискам.

Крин давно привык к такой пище — полосы тонко нарезанного вяленого мяса, присыпанного сверху сухофруктами. Обычный рацион для сторожей отдаленных уголков обжитой местности, которые следят, чтобы к поместью не пробрались нежеланные гости — воры или дикие животные.

Он сбросил вонючую куртку и соорудил из одного одеяла достойную замену. Проредел посредине дыру для головы, подрезал с двух сторон, чтобы был простор рукам, и подпопоясался.

Расхаживая по кухне, Крин старался не смотреть на трупы. Как следует снарядившись, он решил отдать последний долг погибшим слугам.

Из спальни он принес оставшееся постельное белье и накрыл тела. Затем откопал где-то два светильника, открыл и расплескал по полу масло, предварительно стащив в кухню все горючие материалы, какие только удалось собрать. Когда он закончил приготовления, окончательно стемнело.

Крин спустился по лестнице в подвал на пару ступеней вниз, поджег небольшой промасленный лоскут кресалом, ко-

торое выдал ему Смарл, и швырнул тряпку в кухню. Пламя с ревом рванулось к потолку, и он спрыгнул с лестницы.

Выбравшись из подвала, Крин забросил за плечи мешок, поправил ножны с мечом и со всех ног бросился прочь. Он ни разу не оглянулся, пока не добрался до холмов, за которыми заканчивался участок, принадлежавший поместью. За спиной ночь осветилась огромным факелом, зарево которого отражалось в окнах всех окрестных домов. Юноша постоял, глядя на бушующий пожар. Пусть Валкар роется на пепелище — авось найдет чтонибудь полезное!

С мешком за плечами Крин потрусил прочь. Позади пылало поместье, и длинная тень юноши бежала впереди, перетекая с холма на холм.

Эти места он знал. Правда, дальше водопада Умбра Крин никогда не бывал. Да и местность была такой, что любая ищейка мигом возьмет его след. Но времени запутывать следы явно не было. Наверняка Храмовники бросятся в погоню, едва узнают о поджоге поместья. Валкар не дурак, его слуги тоже не слабоумные. Им мигом станет ясна связь между беглым наследником поверженного Дома и пожаром в последнем поместье этого самого Дома, которое находилось на западной окраине провинции. А Храм не умеет ни забывать, ни прощать.

Потому беглец спешил убраться подальше, быстрым шагом взбираясь на очередной холм и спускаясь в ложбину. Идти становилось все труднее. К утру, остановившись на вершине холма и с трудом переведя дух, он понял, что должен передохнуть. Крин заозирался, ища взглядом какое-нибудь подходящее укрытие.

На противоположном склоне он заметил несколько хвойных деревьев. Других вариантов не было, и он устало потащился вниз по склону. Его грязные, пропитавшиеся вином сапоги мигом обросли ворсом из опавшей хвои.

С первыми лучами рассвета Крин увидел, что в центре небольшого леска растет высокое и крепкое дерево. Привязав один конец веревки к мешку, а второй перебросив через ветку, он взобрался на дерево и устроился на удобной развилке. У него едва хватило сил, чтобы поднять наверх мешок. Но спрятаться было больше негде, а ведь ищейки уже могли напасть на его след.

Через два дня Крин миновал водопад Умбра и вступил на неизведанные земли. Ему удалось поймать иноходку, разжиревшую на орешках. Он побоялся разжигать костер, поэтому заставил себя съесть птицу сырой, нарезая мясо тонкими полосками. Морщился от отвращения, но ел.

В горах легко потерять счет времени. Юноша уже не мог с точностью сказать, сколько дней прошло с тех пор, как он покинул поместье. Это была не страна, а мечта охотника. Лежа на вершине скалы, он наблюдал за стадом высокогорных оленей, впереди которого вышагивал гордый вожак с рогами в рост человека. Животные двигались смело и открыто. Неудивительно, что даже горные коты уступают дорогу оленям, когда те вооружены полным набором рогов.

Крин расходовал стрелы экономно, не всегда вскидывая лук, даже когда замечал удобную на первый взгляд мишень. Поскольку он шел без остановок, то не мог долго возиться с тушей крупного зверя, мясо которого нельзя съесть в два приеста. Предпочитал охотиться на более мелкую дичь, водившуюся здесь в изобилии.

Стояли последние теплые деньки, и животные спешили как следует набить желудки перед зимней спячкой. Ведь большинство зверей, кроме больших лобачей и хищников, спали до самой весны.

Ему самому нужно было искать укрытие, где можно пересидеть холодный сезон года. Крин забирался все выше, держась возле звериных троп, поскольку решил найти удобную пещеру.

Некоторые оказались слишком узкими, а одна — довольно просторная и удобная — была устлана белыми костями и засохшим дерьмом горного кота. Крин вовсе не горел желанием отбивать дом у этой твари.

Он прошел через две горные долины и, выбиваясь из сил, перевалил через Высоты. Маячившие впереди горы выглядели многообещающе, оттуда доносился неумолкающий шум быстрой горной реки. Возможно, именно из-за этого шума к Кри-ну подобрался совершенно незаметно.

Что-то сильно толкнуло его, и Крин неуклюже растянулся на земле, хватая ртом воздух. Сверху кто-то навалился и прижал коленями к земле его растопыренные руки. Юноша попытался

встать, но перед глазами мелькнуло обнаженное лезвие, и что-то острое уперлось в горло.

— Дернешься — сдохнешь!

Эти слова были произнесены обычным ровным тоном, отчего казались еще более ужасными. Его захлестнул страх пополам с досадой из-за того, что он попался так легко. За эти дни он так привык к тишине и безлюдью, что потерял бдительность.

Храмовники? Да, видимо, Валкар действительно пришел в бешенство, раз погоня нагнала его так далеко.

— Ну, и что это за птица? — раздался другой голос.

— Переверни-ка его, Джаспрон, поглядим, — приказал первый.

Со спины Крина отвалилась тяжесть, но хватка на запястьях стала еще крепче. Его рывком перевернули, но подняться с земли не дали. Хорошо, хоть от холодных камней его спину защищал мешок за плечами.

Нападающих оказалось четверо, но это были не Храмовники. Все они носили кожаную одежду, расписанную блеклыми красками, видимо, чтобы маскироваться среди травы и листьев. Двое из них оказались зрелыми мужчинами вполне узнаваемого типа — натренированные оруженосцы какого-нибудь лорда. Остальные двое были помладше и явно высокородны.

— Ты кто, сопляк, и почему забрался на Высоты?

Старший парень ткнул Крина в бок носком сапога, словно напоминая жертве, кто здесь главный.

— Что изображено на твоём знамени? — хрипло спросил Крин.

— Шпион! Прирезать — и все дела! — скривился один из оруженосцев.

Младший из высокородных покачался с носков на пятки, внимательно разглядывая Крина. А потом спросил:

— А на твоём знамени справа нарисована корона, да?

— Откуда... — начал Крин.

— Оттуда! Две весны тому назад Кунион клялся в дружбе Гарну. Что же случилось там, внизу?

Гарн... Крин не знал этого молодого человека, но ведь он, как и любой обычный воин, сидел на пиру далеко от почетного центрального стола.

Гарн... Гарны первыми рухнули под напором Храма. Но ходили слухи о том, что Глава Дома был отравлен своим двоюродным братом, который метил на его место. Храм на расправу скор, так что этот брат недолго праздновал победу. Его взяли под стражу, быстро судили и казнили. А поскольку последний властитель себя не оправдал, земли Гарнов отошли Храму.

— Нет больше Куниона, — промолвил Крин. — Не знаю как, но эти сволочи заставили Главу признать себя рабом...

Все четверо слегка присвистнули.

— Валкар зашел слишком далеко, — заметил старший. — Значит, Кунион... — Он нагнулся. Крин, руки которого до сих пор держали двое вассалов, не успел шевельнуться, как незнакомый парень коснулся рукояти Дарующего Надежду. — Думаю, что Кунион до сих пор жив, как и Гарн. Здравствуй, брат по несчастью.

Так Крин вступил в Горное Братство.

5

НОШ СЖАЛАСЬ, когда увидела группу всадников, — солдаты! Ее худенькое тело содрогнулось от ужаса. Книги... Дрин... Огонь... Воспоминания ворвались в ее сознание, руки мелко задрожали, а ноги стали ватными. Девушка попятилась.

Они не смогут найти ее по следу, потому что на камнях следов не остается. Уставшие кони трусили медленной рысью, быстрее на такой дороге не поскачешь. Нош отогнала воспоминания, сосредоточившись на настоящем. Книги...

Девушка прибежала домой и лихорадочно принялась за работу. Она вытащила из сундука все книги, переложила на стол, сложила в стопку и перевязала веревкой из змеиных шкур. Теперь еда... Нош набила полотняные сумки корешками, вяленой рыбой и мясом рептилий.

Нужно было сделать еще многое, но не хватало времени. Возможно, когда солдаты найдут пустое жилище, то не захотят задерживаться и искать беглецов по всем горным отрогам.

Нош сделала две ходки в нагромождение скал, куда обычно уходила Дрин во время своих регулярных отлучек. Сперва она отнесла книги, затем сумки с едой. Теперь нужно оставить

Дрин какой-нибудь знак, чтобы предупредить ее. Нельзя допустить, чтобы старшая подруга попала в лапы врагов.

Девушка никогда не следила, куда уходит Дрин. В голосе женщины начинали звучать стальные нотки, когда Нош заводила разговор об этих прогулках. Но общее направление она знала.

Для начала девушка нашла удобное местечко для всего, что вынесла из дома. Почти под каждым каменным столбом можно было отыскать небольшую пещерку или трещину, но сперва нужно отойти подальше от дома.

Ее внимание привлекло тихое пошелкивание. Откуда-то вынырнул Вазин. Определенно это был Вазин. Кажется, он пытался куда-то позвать ее. В ту же минуту у самых ее ног возник Тарм. Ящерка раздула воротник и принялась метаться взад-вперед.

Неужели они что-то понимают? Но их поведение говорило само за себя. Может, зарки пытаются показать ей дорогу?

Согнувшись под тяжестью книг, Нош поспешила следом за ящерками. Впереди показалась щель меж камнями — темная, широкая и как будто уходящая в глубь земли. Тарм остановился у входа в пещеру и замер, склонив голову набок. Он словно с волнением ждал, когда же девушка войдет внутрь. Нош опустила в пасть пещеры первую партию вещей и поспешила за следующей.

И тут она услышала какой-то звук, отражающийся и даже усиливающийся среди каменных глыб. Девушка прижала ладонь ко рту, чтобы подавить готовый вырваться крик ужаса.

В воздухе звучал не только топот копыт и металлический лязг доспехов. Что-то еще. Нош затрясло. Чары... Это было колдовство! Ей хватило и беглого взгляда, чтобы заметить, что половина всадников отряда были обычными мародерами и бандитами, но среди них ехал верховой в черно-красных одеждах. Это наряд тех, кто поджигает книги и уводит в рабство людей.

Она бросилась во тьму пещеры, как в воду, рассыпав стопку книг и содрав колени в кровь. Темнота была такой густой, что Нош окончательно убедилась: впереди действительно большая пещера. Пошарив рукой по сторонам на уровне пояса, она нащупала какой-то гладкий шар. В нос ударил запах рыбьего жи-

ра. Кто-то проходил здесь и оставил заправку для светильника или простого факела. Ну конечно, Дрин! Кто же еще?

Нош уже начала кое-что различать в том слабом свете, который проникал через вход. Это была не пещера, как она сперва решила. По крайней мере, не пещера в обычном понимании — углубление в скале с одним входом-выходом. Мрак впереди только сгущался. Но путь был виден четко, отмеченный дорожкой масляных пятен.

Девушка сложила книги у стены. Двойной груз ей не унести, а на обрывках древних знаний далеко не уйдешь. Еда точно пригодится, а вот книги едва ли.

Поскольку вокруг стояла тьма кромешная, то левой рукой Нош касалась стены, а правой придерживала тяжелые сумки с провизией, которые висели на плече. Щелканье утихло, вероятно, ящерицы остались снаружи.

Хотя двигалась она медленно и постоянно шарила по стене рукой, но все же дважды приложилась лбом о стену на резких поворотах. Когда она ударилась в третий раз, впереди забрезжил слабый свет. Неужели это возвращается Дрин и несет факел?

Нет, это был не спокойный красноватый отблеск факела, а скорее мерцающее зеленоватое сияние, как залитая солнцем трава. Видимо, никакая это не пещера, а самый настоящий туннель, выводящий куда-то наружу.

Свернув на следующем повороте, Нош не удержалась от восторга изумления. Свет стал ярче и насыщеннее. Место, где она оказалась, словно сошло со страниц старой книги Дрин, где шла речь о каком-то знаменитом путешественнике.

Сперва Нош не могла разглядеть, откуда идет это ослепительное сияние. Поняла только, что откуда-то сверху. Но стены и вкрапления в полу отражали, усиливали этот яростный блеск. Кристаллы... Алые, горящие каким-то затаенным пламенем, холодные волны зеленого моря, голубые, золотистые — все возможные цвета и оттенки переливались и искрились в воздухе...

Нош потеряла глаза и выронила сумки. Приглядевшись, она заметила, что камни размещены в каком-то определенном порядке, а не как попало. Девушка задрала голову. Сверху лился почти нестерпимый свет. И все же, невзирая на зачарованность открывшимся зрелищем, она заметила источник этого сияния.

Это был подвешенный наверху тускло светящийся, мутный шар. Но этого света оказалось достаточно, чтобы пробудить к жизни хрустальное великолепие чудесной пещеры. Вот только при взгляде на этот шар девушку охватил страх. Не тот, из воспоминаний, а новый, незнакомый.

Она сразу почувствовала, что шар — лишняя деталь. Он был чужеродным, хотя его свет создавал величественное и радостное зрелище.

Этот странный светильник был подвешен на цепь прямо над пьедесталом, стоящим посреди сверкающей пещеры. А на пьедестале...

Нош позабыла о своих страхах. Она сделала шаг, потом еще один, потом поспешно засемила вперед, пока не оказалась на расстоянии вытянутой руки... Нет, некий строгий голос в глубине души остановил ее, и девушка опустила руку.

Зато она могла хорошенько рассмотреть находку. Казалось, что ослепительное сияние кристаллов чуть померкло, словно оно уже сыграло свою роль — подманило девушку к главному сокровищу. Это были... Нош прижала руки к груди, сдвинув запястья и разведя ладони с полураскрытыми пальцами — словно держа в руках круглую чашу или кубок.

На постаменте были руки, сделанные из радужного кристалла. Создавалось впечатление, что эти руки принадлежали неземному существу, оставившему таким образом свидетельство своего существования.

Но пальцы... кто-то отломал пальцы, оставив одни обрубки. Серебряные нити, торчащие из них, отмечали бывшее расположение исчезнувших пальцев.

Нош закусила губу и тяжело вздохнула. Минуту назад ею владел страх, а теперь нахлынуло шемящее, горестное чувство утраты. Качнувшись, девушка опустилась на израненные колени и залилась слезами. Недавно ей казалось, что она разучилась плакать, а вот сидит и вытирает мокрые щеки грязными кулачками.

Нош поняла, что столкнулась с чем-то худшим, чем печаль и горе. Это было зло. Оно исходило не от обломанного кристалла, нет. От шара, висящего наверху. Старое, коварное зло. Если бы здесь было копье, она бы сбила эту гадость с цепи и растоптала в клочки, в осколки, в пыль.

Копья нет... но, может, достаточно бросить кусок кристалла? Нош вскочила, позабыв о голоде и усталости. Ее словно поддерживала чья-то сильная и ласковая рука.

Рыская по пещере, Нош наткнулась на горку кристаллов, ухватила первый попавшийся и взвесила его в руке. Острые края порезали ее ладонь, но девушка даже не почувствовала боли. Ее переполняло одно желание — разрушить то, что висело сверху.

Ее пальцы сомкнулись, обхватывая кристалл. И она едва не выронила находку. Увлеченная поисками подходящего оружия, она не обращала ни малейшего внимания на сигналы, исходящие от ее волшебного дара. Но эту вспышку, этот выброс силы трудно не заметить. Нош держала в руках продолговатый радужный кристалл. Она повертела камень, чтобы получше разглядеть... Но ведь это!.. Нош вскочила на ноги и пригляделась повнимательней к беспальмым рукам на постаменте. Так и есть, она нашла один палец!

Пальцы... нужно отыскать все пальцы... Девушка бережно уложила найденную часть на пьедестал и принялась судорожно шарить руками по полу. Наверняка здесь спрятана еще какая-нибудь кучка камней, их просто не видно за этим блеском.

— Не здесь...

Эти слова прозвучали как гром с ясного неба. Нош резко повернулась, машинально облизывая израненные, окровавленные руки. Рядом стояла Дрин.

— Их нужно искать не здесь, дитя мое. Да, — сказала она, проследив за взглядом Нош, которая посмотрела на только что найденный палец, — один попал к тебе. Алноша, оставь его себе. Он поведет тебя и поможет отделить дурное от хорошего. Как и остальные, когда ты их встретишь. Лира избрала тебя, наделила божественным даром и призвала тебя на помощь.

— Что? — робко спросила Нош.

— Перед тобой самое большое злодеяние Раскана. — Последнее слово Дрин произнесла, как плюнула. — Рифт был цветником Лиры, и Ее благодать простиралась над ним. Здесь все дышало жизнью. Когда солнечные лучи касались башни Лиры, они скользили вниз по специальным каменным колодцам. Внизу их ловили Руки Лиры и направляли снова вверх, на землю. Потому все живое плодилось и процветало. Так было когда-то.

Дрин посмотрела на тусклый шар, висевший под сводом пещеры. От него исходили тяжесть и мгла, которые нельзя увидеть, но можно почувствовать. В этом круглом предмете воплотилось все порочное и темное, пытающееся загасить прекрасные кристаллы.

— Всему на свете когда-то приходит конец, — продолжила женщина. — Высший король, правивший в то время, был человеком честолюбивым, но не из тех, кто развязывает войны, чтобы подчинить себе все на свете. Нет, он сделал по-другому. Можно ведь мучить и убивать не только тело, но и душу, которая пребывает в нем. Высший король неустанно искал знания, подобные этому, и черпал их из любого источника. Но дело в том, дитя, что здесь вступает в силу извечный закон: тьма тянет во тьму, как и свет — к свету. Когда новая сила начала распространяться по миру и изменять его, первым делом она попыталась склонить на свою сторону тех, кто сам жаждал силы. Высшему королю она явилась в образе чужеземца, искателя потусторонних знаний. — Дрин гневно перевела дыхание. — Чужака и вора! Вора — потому что он успел украсть у праведных Стражей знания, которые они хранили от людей. Хранили в тайне, потому что эти знания были слишком опасны для мира. Сперва Раскан играл роль послушного ученика, сидящего у колен короля. Он был терпелив, потому что на кон было поставлено слишком многое, а он не собирался открывать все карты сразу. Боялся выдать себя тем, что уже владеет тайным знанием. Мало-помалу он принялся преподносить ворованные секреты, бережно хранимые в памяти, делая вид, что открыл эти знания сам. Король был в восторге. К этому времени государь уже избавился от тех вассалов, которые начали подозревать, что он затеял недоброе. А на их места поставил слабых, подвластных Раскану людей.

Дрин вздохнула.

— Те, кто сохранил в своей душе свет и свободную волю, узнали обо всем слишком поздно. Начались мятежи... Жестоко расправляясь с мятежниками, Высший король пристрастился к войне и решил подчинить своей воле весь мир. Тьма тянется ко тьме, чтобы умножить свою силу, и стремится уничтожить свет, видя в нем своего изначального врага. Раскан вскоре узнал о Лире и измыслил такое преступление, которое превзошло

все его прежние черные деяния. С помощью темного колдовства он создал... вот это! — Дрин указала на шар. — Он появился внезапно, в день большого празднования. От страшного удара темной силы Руки Лиры разлетелись на осколки, так что Ее служители были повергнуты в отчаяние. Но они знали, что Лиру убить невозможно. Ее благодать останется навечно в божественных знаниях и дарах — больших и малых. А еще служители понимали, что сражение только начинается. Выжившие — ведь многие погибли от взрыва — взяли себе по осколку и поклялись, что будут хранить их вечно. Пока не явится в мир человек, которому предназначено отыскать их и вновь собрать воедино. И тогда Руки снова разнесут по стране солнечный свет и тепло и возродят Рифт. Но Раскан прекрасно понимал, что даже если все его враги и погибли при магической атаке, то дело их продолжает жить. Он прошел по Рифту огнем и мечом, и прекрасная земля Лиры превратилась в мертвую пустыню. Сколько воды утекло с тех пор... Минуло больше лет, чем ты, Алноша, живешь на свете. И я ждала. Я — последняя из тех, кто воочию видел Руки Лиры. Я ждала тебя, Алноша. Тебя и ниспосланного Ею дара, которым ты владеешь. Настало время действовать. Тебя ждет дорога трудная и опасная, этот путь вымошен не розами. Возьми, дитя!

С этими словами она указала на обломок пальца. Нош робко протянула руку. Против ее ожиданий камень не обжег огнем. Напротив, девушке показалось, что она словно коснулась себя, собственного тела.

— Видимо, Раскан тоже всполошился. Высший король, которым он управлял, как куклой, давно умер. Но оставил двух сыновей — законного наследника и бастарда. Наследник стал править, а незаконный сын основал Дом в одном из приграничных городов. Что касается Раскана, он был объявлен Богом, которому должны поклоняться все. Он загоняет людей в рабство, а его помощники — жрецы и стражники...

— В черно-красном, — едва слышно промолвила Нош.

— Кровопийцы, сжигатели книг, поработители, фальшивые дети фальшивого бога... — Голос Дрин звенел под сводами пещеры. Казалось, она изрекает проклятие, от которого врагам не будет спасения. — Ему много лет, человеку не дано жить так долго. Но Раскан нашел способ продлевать себе жизнь. Гасну-

щие ветры страшной войны принесли на своих крыльях тебя... как и обещала Она. Ты должна отыскать все Пальцы до единого, Алноша. Твой дар укажет путь. И когда все они окажутся в твоих руках, возвращайся в Рифт. Тогда случится то, что должно случиться.

— В Рифт приехали солдаты,—вспомнила Нош. — Я пришла, чтобы предупредить тебя...

— Наверное, Раскан догадывался. Или же, — Дрин взглянула на шар, — у него остался здесь соглядатай... Нужно уходить, Алноша.

— Из Рифта?

Девушка давно привыкла к мертвой долине, привыкла ощущать себя в безопасности. И хотя жизнь здесь была непростой, мысль об уходе ее испугала. Драгоценный Палец в ее ладони потеплел, словно пытался защитить, укрыть от всего плохого.

— Да, из Рифта. Мы пойдем к диким западным землям. Возможно, там найдется человек, который поможет нашему делу.

Так для Алноши опять началась новая жизнь. Но на этот раз девушка, пусть отчасти, но выбрала ее сама.

6

ВЫСОТЫ СУРОВО обходились со своими обитателями. Отряд под предводительством бывшего наследника Гарна боролся за жизнь изо всех сил. Они жили в небольшой пещере, подобной той, которую так упорно искал Крин в начале своего путешествия по горам. Тем не менее в укрытии было довольно места не только людям, но и шестерым приземистым, крепконогим лошадам. Правда, нрава они были дикого, так что приходилось держать ухо востро, садясь в седло или взваливая на них поклажу.

Прежде чем снег загнал отряд на зимовку, мятежники успели совершить два налета на Храмовников. Карт не было, дороги из гор в долину искали по памяти. Потом их ряды пополнились кузнецом и плотником, которых удалось освободить от рабских цепей. Тогда Крин впервые обагрил руки кровью и согласился с общим мнением: хороший Храмовник — мертвый Храмовник. Отряд избегал поместий и ферм, чтобы не навлечь мести Хра-

ма на невинных людей. Обычно мятежники нападали из засады на стражников конвоя. Ярт из Гарнов на поверку оказался прекрасным стратегом, он составлял блестящие планы атак и умел устраивать хитроумные засады.

А когда лег снег, один из оруженосцев — уроженец северных земель — соорудил диковинные приспособления. Овальные решетки, которые пристегивались к ногам и позволяли ходить по насту, не проваливаясь в сугробы. Разбойники припомнили все ругательства, какие знали, пока научились обращаться с ними. Зато обрели свободу передвижения, до которой врагам было далеко... если только среди них не найдется такой же умелец из Варсланда.

На горе, с которой просматривалась вся горная тропа до самого поворота, устроили наблюдательный пост. Дежурные сменялись каждый день. После первого снегопада отряд снова начал пополняться. Свора Храмовников-мародеров выгребла из конфискованных поместий остатки урожая — все, до последнего зернышка. В горы потянулись изможденные, голодные жители, которые осмелились бежать из неволи.

В тот день Крин стоял на страже с Рольфом. Тем самым мастеровитым оруженосцем, который соорудил снегоступы. Крин первым заметил вдалеке одинокого всадника. Мятежники сразу увидели, что незнакомец едва держится в седле, а лошадь, выбиваясь из сил, спотыкается на каждом шагу. Измученное животное добрело до подножия скалы, на которой прятались наблюдатели, и замерло, широко расставив ноги. Видимо, лошадь уже не могла идти, она и стояла-то с трудом. Затем несчастное создание покачнулось и рухнуло. Всадник вскрикнул — упавшая лошадь придавила ему ногу.

Незнакомец завозился, стараясь освободиться. Капюшон его плаща сполз, открывая лицо. Рольф привстал на одно колено и уже вскинул лук, целясь в едва шевелящегося чужака.

— Это не Храмовник!

— Он верхом... и без родового плаща какого-нибудь Дома.

— У него все на лице написано, — бросил Крин и начал спускаться к дороге, прежде чем товарищ успел его остановить.

Лошадь забилась на снегу и тонко вскрикнула, когда ее глаз пронзила длинная стрела. Крин склонился над лежащим. Его плащ сбился за спиной, открыв спекшуюся рану на груди. Во-

круг расплылось черное пятно подсохшей крови. Видимо, из-за падения рана снова открылась, потому что пятно начало расти, рубашка подмокла и стала бурой. Подбежал Рольф, и вдвоем они вытащили незнакомца из-под лошадиной туши.

Ресницы мужчины дрогнули, и он со стоном открыл глаза. Он посмотрел на Крина, и в его взгляде отразилось узнавание.

— Наследник Дома...

— Да, Эвин... Значит, до тебя они тоже не добрались!

Крин устроил раненого поудобнее и потянулся к ране...

— Не нужно, Надежда Дома... — с трудом вымолвил Эвин, схватив юношу за руку. — Мне конец. Они догнали меня возле... — Он запнулся, словно его сознание на мгновение помутилось. — Не помню. У них был нюхач... выдал меня. Бози. Запомни, Наследник, меня... меня предал Бози!

Лицо лежащего исказилось от ненависти. С осторожностью, которой трудно ожидать от человека с такими большими и крепкими руками, Рольф расстегнул камзол раненого. Из страшной раны кровь лилась уже ручьем. Рольф взглянул на Крина и безнадежно покачал головой.

От Эвина не ускользнуло это движение, но он и так все понимал. Его глаза впились в лицо Крина, и было заметно, что каждое слово дается умирающему с трудом.

— Наследник, лорда... Хаверна околдовали... это чары! Сражайся... за него... за свой Дом. Но... везде зло... — В уголках его рта запузырилась кровь и потянулась темной лентой по подбородку. — Громис... сказал... скачи... предупреди...

— Громис! Но ведь он мертв!

— Нет... у него есть магия... небольшая. Он послал тебе видение. Сон. Потом... меня... вот... — Его рука отпустила запястье Крина и потянулась к кошельку на поясе. — Ради... меня... прикончи Бози, Наследник... Я ведь твой вассал.

Взгляд Крина стал тверже.

— Ты — кровь от крови Дома Кунионов, Эвин. Оруженосец и герольд. — Старинное название само собой слетело с его губ. — Да, Бози заплатит за все...

Голова Эвина упала на плечо юноши. Несчастный содрогнулся всем телом и затих. Не выпуская из объятий обмякшее тело слуги, Крин поднял глаза на Рольфа.

— Еще одна душа взывает к мести.

Рольф кивнул. И добавил так рассудительно, что юноша воздержался от проявления чувств:

— Лучше унести его с дороги, Крин. Слышишь?

Над горами поплыл мятущийся, пронзительный вой — словно рок обрел голос и заговорил на понятном каждому живому существу языке. К первому завыванию присоединились другие. Волчаки... они издали почуяли запах крови. Возможно, лошадиная туша отвлечет их на некоторое время. Крин с Рольфом подняли труп Эвина и перенесли в свою маленькую пещеру, откуда и велось наблюдение. Чуть выше они отыскивали еще не засыпанную снегом и не смерзшуюся грудку камней. Там они и похоронили бывшего оруженосца, завалив самыми большими камнями, которые только удалось найти. А внизу, на дороге, голодные твари уже дрались из-за лошадиной туши. Прихватив луки, часовые вернулись на свой наблюдательный пост. Зимой сумерки наступают рано, но света пока хватало, чтобы разглядеть кровавое пиршество у подножия горы. Лучники легко различали цель, к тому же стая была небольшой — пара матерых волков и несколько волчат-первогодков. Видимо, одна семья. С легкостью, которая приходит только после долгой практики, товарищи перестреляли зверей. Умирая, те корчились, пытаясь зубами вырвать стрелы.

— Далеко же они забрались, — заметил Рольф.

— Видно, Храмовники плохо подчистили поместья. В предгорьях остался домашний скот, который быстро одичал. И стал отменной добычей для хищников. Все же лучше, чем бросаться на рога горным оленям.

Крин вернулся к захоронению. Снег уже припорошил камни, скоро могила превратится в белый пушистый сугроб.

— Вот это человек... скакал верхом с такой раной, — хрипло произнес за его спиной Рольф.

— Он научил меня обращаться с мечом и луком. Для меня он был ближе, чем отец.

«Отец», — подумал Крин и тут же эхом повторил слова Эвина:

— Околдовали... Выходит, кое-кто пускает в ход иную силу, а не только мускулы и сталь.

— Магия, — проворчал Рольф и сплюнул. — Черное колдовство.

И попятился от могилы, как будто боялся, что эта самая магия может просочиться оттуда и убить его.

Крин пристегнул к поясу кошелек, который передал ему Эвин.

— А этот Громис, про которого он сказал... — с вопросом в голосе начал Рольф.

— Ученый... за что его и ненавидят. С Храмом он на ножах. Иногда он приходил к нам в гости. Мой... мой отец тогда разделял его мнение относительно Валкара и его прислужников. Летом он уехал. Сказал, что отправляется в поисковую экспедицию. А потом сообщили, что караванщики нашли его мертвым...

— Мертвый или живой, только он как-то ухитрился поговорить с вашим оруженосцем, — заметил Рольф. — Не нравится мне все это. Мертвые должны лежать в земле, а не тревожить живых.

— Его смерть... это могло оказаться простым слухом, не больше, — возразил Крин. — Эвин не умел призывать дух мертвых.

— Хватит болтать о чародейских штучках. Пошли! Снега навалило достаточно, этой ночью смена не понадобится.

Они надели снегоступы и отправились в обратный путь. Но всю дорогу память не давала Крину покоя. Он уже много повидал, и с каждым новым преступлением Валкара гнев в его груди разгорался все сильнее.

Вернувшись в пещеру, которая стала для юноши единственным приютом, он рассказал о случившемся Ярту, лорду Гарнов, и его младшему брату Хасперу. Они втроем сгрудились у очага, единственного источника света в пещере, и Крин развязал кошелек Эвина.

Увидев то, что лежало внутри, все опешили. В мешочке не оказалось никакой рукописи или записки, там была лишь горстка камней, овальных и плоских, похожих на поддельные монеты, которые часто прячут в пояс путешественники. Если нападают грабители, эти пояса путники отдают со спокойной душой.

— Это же образные камни! — первым спохватился Хаспер. — Дай!

Он протянул руку, и Крин машинально высыпал ему в ладонь содержимое кошелька.

— Нужно нагреть! — воскликнул юный лорд. Свободной рукой он пододвинул поближе обломок стального щита, который теперь заменял кочергу. Расположил на нем камни в ряд и сунул в языки пламени. На поверхности камней начали проступать огненные знаки, словно их чертила невидимая рука. И чем дальше камешки лежали в очаге, тем явственнее становились письмена. Хаспер осторожно, чтобы не стряхнуть волшебные кругляши в костер, извлек полосу металла из пламени.

Символы теперь виднелись очень отчетливо, но Крин сумел распознать всего два из них.

Первый — алый Храм, но рисунок наискось пересекала черная черта. А второй — изображение обнаженного меча. Здесь все ясно — война...

— Это символ Высшего короля, — пояснил лорд Гарнов, показывая на третий камень. — Смотрите, что с ним.

Такая же черная полоса перечеркивала корону с двумя рядами зубцов.

— Угроза Храму? — встревожился Крин. — И Высшему королю? Восстание?

Лорд Ярт внимательно изучал два оставшихся камня. В одном из них сверкала цепочка огоньков, будто от огня на поверхности выросло несколько крошечных кристаллов. Ободок камня мягко светился приятным зеленым светом.

— Это же... это... — забормотал Ярт, что-то припоминая. И наконец выпалил: — Нянюшка Онна!

— Онна? Но она давным-давно умерла, — возразил его брат, — и никогда не имела отношения к важным делам. Разве крестьянка может разбираться в серьезных вопросах?

— Она была не только няней, ты просто не помнишь, потому что тогда еще под стол пешком ходил. Когда-то она была не крестьянкой, а жрицей!

— Жрицей! — воскликнул Крин, окончательно сбитый с толку. Все знали, что Храмовники не принимали женщин в свои ряды. Валкар все больше настраивал своих служителей против женщин в целом.

— Но не Храма. Чего-то другого, причем давно. Она многое умела и дружила с нашей мамой, хотя и была порядком ее стар-

ше. Когда мать вышла замуж, Онна уже была под ее покровительством. И никто не мог слова дурного сказать про нее. Умирая, она призвала к себе одну из служанок, которая родилась далеко за горами. Мама скончалась незадолго до этого — их обеих унесла в могилу чахотка. Няня дала служанке какую-то вещь и приказала уезжать. Я знаю, потому что прятался за гобеленом — хотел быть поближе к Онне после того, как умерла мама. Не знаю, что именно она вручила служанке, разве что оно смахивало на этот камень и светилось в ее ладони. А когда служанка взяла эту штуку, она погасла и стала похожа на простой обломок. Умирая, Онна призывала какую-то силу. Когда мама думала, что остается одна, она тоже обращалась к ней... Лира... Об этой силе не знали в землях Храма. За нами шпионили. Прислали жреца, от которого на милью разило подлостью. Он все облазил, но так и не нашел, к чему Храм мог бы прицепиться.

— Лира — это символ поднимающейся силы? — пробормотал Крин. — Остался еще один. Что ты можешь сказать о нем, лорд Ярт?

Последний камень оказался тусклым, лишь во впадинке в самой середине теплилось пламя. Он походил на глаз. Этот камешек погас первым.

— Нет, — промолвил Ярт, глядя на остывающие камни. — Похоже, дело не в восстании. Что-то другое — не решение проблемы, а скорее новые трудности. Сила превышает Валкара, превышает короля. Но не сила Храма — если я правильно все понял. Хорошо, если предупреждение от твоего Громиса будет попроще, чем значение этой коллекции. Ходили слухи о войне... Что Высший король сидит в Твердыне за столом, а перед ним макет наших гор и долин. Он сидит и играет в солдатики, пробует применять то одну тактику, то другую... Потому что считает себя прирожденным полководцем и был бы рад повоевать настоящему.

Крин поерзал на месте.

— Но если существует сила превышает короля и Храма, может, ее он и боится?

Юноша никогда не бывал в кулуарах и не слышал сплетен о высокопоставленных лицах. Он предпочитал знакомиться

лично, не прислушиваясь к тому, что болтают о людях у них за спиной.

— Нет. Король нацелился на юг... по крайней мере, он изучает все древние хроники. Он не понимает, что земли, которые он собрался покорять, уже давно сожжены дотла. Но жажда славы застит правителю глаза, к тому же его умело подталкивают в нужном направлении. Возможно, именно Валкар уговаривает короля воплотить грезы в жизнь, но... помнишь Раскана?

— Но он пропал давным-давно! — возразил Хаспер. — Уплыл за моря, и больше о нем никто не слыхал. Об этом Раскане ходят такие дикие слухи... Будто он мог одним пальцем стереть горы в порошок и уничтожить целый город.

— Когда-то он так и сделал, — тихо промолвил лорд Ярт.

Крин кивнул. О Раскане ему рассказывал тот самый человек, которого он сегодня похоронил. И эти истории, похоже, содержали зерно истины. Родной дед Эвина своими глазами видел проявление черной силы во время последней долгой войны. С неба сошел Огонь и испепелил врагов на месте. Это сделал слуга Раскана. А если ученик способен сотворить такое, то что можно сказать об учителе?

— И все же... там была война, — сказал он Ярту.

Камни еще не остыли, но юноша уже мог взять их в руки и сложить в мешочек.

— Мне тоже так показалось. Но послание слишком уж туманное. Все, что мы можем сделать, — это приготовиться и не пропустить следующее.

С последним утверждением Крин был совершенно согласен.

7

ПЕРЕД ТЕМ КАК ПОКИНУТЬ тайное святилище Лиры, им предстояло сделать немало. Они спрятали книги в небольшую трещину перед входом в хрустальную пещеру, а продукты разделили на две части. Дрин и Нош съели несколько лепешек, муку для которых делали из молотых корешков, и запили водой из бурдючка.

Когда все дела были завершены, Дрин вернулась в волшебную пещеру и встала перед изуродованными Руками. Она на-

чала произносить заклинание, слов которого Нош не понимала — видимо, этот древний язык возник на самой заре времен.

Девушке привиделось, что зловещее полыхание шара под сводами исчезло, растворилось и благородные кристаллы в пещере засверкали в первозданной чистоте и величии. Затем Дрин кивнула Нош, и девушка послушно подошла. Женщина держала в руках старый стальной нож, единственное оружие, остававшееся в Рифте.

Дрин распустила одну косу Нош и срезала длинную прядь волос. Умелыми пальцами опытной прядильщицы Дрин быстро сплела из волос маленький мешочек.

— Все, что ты сюда положишь, будет в сохранности, пока ты носишь его на теле.

Нош наскоро сплела из своих волос длинный шнурок, привязала его к мешочку и опустила внутрь бесценный серебристый кристалл. А сам мешочек повесила на шею. Он уютно лег между ее маленьких грудок. Потом девушка выжидающе посмотрела на Дрин.

Женщина обвела круговым движением руки пол пещеры, на котором сверкали груды драгоценных камней.

— Ищи, Алноша! В прежние времена к алтарю свозили сокровища со всего мира. Многие кристаллы только кажутся с виду обычными камнями, на самом деле это не так.

Нош потеряла пальцы. В Рифте она не так уж часто использовала их чудесную способность, а ведь может случиться, что от ее дара будет зависеть успех всего дела, жизнь и смерть.

Девушка опустилась на колени, пошарила вокруг и нашла. Эти камни были совсем не похожи на тусклые, невзрачные речные голыши. Они сияли и переливались чистым светом, и обнаружить их было трудно лишь потому, что они лежали в гудах других кристаллов. Наконец Нош протянула старшей подруге две пригоршни сокровищ. Все камни различались по величине — от крошечного зернышка до крупных, размером с голубиное яйцо. Дрин отхватила ножом лоскут от своего платья, завязала в него собранные кристаллы и привесила к поясу.

— Неплохо. Но помни, дитя! Люди — и мужчины, и женщины — готовы убить любого ради такого богатства. Мы должны быть осторожными, а если тебе придется остаться одной...

— Почему одной? А куда ты собираешься? — испуганно спросила Нош.

— Не мы выбираем себе судьбу, а она выбирает нас. Мы можем разве что сделать первый шаг по намеченной дороге, а уж там дорога поведет нас. Мне много лет, Алноша, а ты так молода. Может статься, что я не доживу до окончания нашего дела, и тебе придется завершать все самой. Если так и случится, не забудь взять это, — закончила Дрин и похлопала по мешочку на поясе. — Но обращай с ними поосторожней. А теперь пора уходить. Если мои сны вещие, то солдаты не успокоятся, убедившись, что мы пропали. Их хозяин, — она кивнула на страшный шар, — встревожен не на шутку.

Из хрустальной пещеры был еще один выход, куда и направилась Дрин. Нош пошла следом. Проход в скале оказался узким, пробираться по нему было нелегко. Нош ободрала все руки. Правда, ее обветренная кожа постоянно была исцарапана: то острыми листьями сухого камыша, то чешуйками на шкурах ящериц.

Впереди вновь забрезжил слабый свет, и Дрин замедлила шаг.

— Побудем здесь до ночи, — промолвила она. — Неподалеку есть ручей, там мы наберем воды. Нам придется идти по засушливой местности. Я разведала дорогу примерно на два дня ходу, а дальше не забиралась, так что придется полагаться на удачу.

На небольшой зеленой полянке журчал ручеек, впадая в круглую каменную чашу — не больше котла, который Дрин вешала над очагом. Нош тут же ловко поймала двух рыбок-ползунков. Конечно, они пришлись буквально на один зубок, но любое разнообразие в меню безмерно радовало двух женщин. Вот только есть рыбок пришлось сырыми. Потому что солнце еще не село, небо было чистым, и жечь костер означало подавать врагам сигналы о своем местопребывании.

Они улеглись спать у входа в туннель, ведущий к пещере Лиры. Уже наступила глубокая ночь, а Дрин сидела, прижав к груди камешек, который она носила на шее. Ее глаза были закрыты. Но девушка понимала, что ее старшая подруга не спит.

Нош многое узнала от бывшей жрицы, но кое-что Дрин успела позабыть, а кое-чего не знала и сама. Вероятно, она взывала сейчас к силам, которые будут направлять их в пути. Девушка

постаралась прилечь подальше, чтобы невзначай не прервать этот магический транс. Ее собственный талисман излучал приятное и успокаивающее тепло, и постепенно страхи и опасения улеглись. Нош внезапно захотелось уйти подальше от разрушенного Рифта, вернуться в мир, где есть растения и другие люди. Хотя память шепнула ей, что людей следует опасаться сильнее любых природных явлений.

Небо золотили первые лучи рассвета, когда Нош пробудилась ото сна. Дрин тронула ее за плечо.

— Пора.

— Они уже здесь? — встрепенулась Нош и села.

— Пока нет. Но они ищут нас, к тому же один из них — не простой солдат. Я не знаю, какую силу он может призвать. Но этой ночью он искал нас, и только защита Госпожи отвела опасность.

Рука Дрин вновь коснулась платья на груди, под которым скрывался амулет.

Они наскоро позавтракали, напились от души и наполнили бурдюки. Дрин повела девушку на юг, вдоль одного из узких ответвлений ручья. Похолодало, небо стало серым и угрюмо нависло над землей. Дрин и Нош шли бок о бок, словно сама окружающая их местность таила угрозу.

Увы, вскоре ручеек, вдоль которого они шли, канул в каменную трещину. Затем дорогу преградила гора. Дрин двинулась вдоль подножия, внимательно разглядывая преграду. Наконец она указала на более или менее пологий подъем, по которому можно было взобраться наверх.

Дрин проверила, надежно ли пристегнута сумка с едой, и начала подниматься. Нош последовала ее примеру. Удивительно, но подъем оказался вовсе не таким суровым испытанием, как казалось девушке, пока она стояла внизу. В скале обнаружили выступы и впадины, словно нарочно вырубленные для удобства путешественников. Затем они выбрались на уступ, который забирал чуть влево, но предоставлял беглянкам удобный, пологий путь наверх. Нош улучила момент и оглянулась. Ее не убедило предупреждение Дрин о необычном человеке. Разве может противник учуять их по запаху, как волчак? Или отыскать следы их ног на голых камнях?

Когда они взобрались на вершину горы, по ту сторону открылась незнакомая страна. Как и в Рифте, там виднелись высокие макушки каменных глыб, но за ними раскинулась зеленая низина, по которой двигались черные точки. Они шли не цепью, как делают стражники, прочесывающие территорию. Эти черные точки, довольно разбросанные, перемещались медленно и размеренно.

— Солдаты?

— Нет... олени на пастбище. Если они так ходят, значит, поблизости нет чужаков и все спокойно. На открытой местности их не так легко застать врасплох.

За горным пастбищем начинался густой лес. Деревья взбирались все выше и выше, покрывая зеленым ковром самую огромную гору изо всех, что Нош доводилось видеть. Пышная растительность в очередной раз подтверждала, что окрестные земли не разделили печальную судьбу Рифта.

Они спускались медленно и осторожно, ведь сделаешь один неверный шаг — и неустойчивые камешки выскользнут из-под ног. А там — поминай как звали. У подножия скалы росли кусты. И впервые за много дней женщина и девушка услышали птичий щебет. Крылатые создания азартно дрались за привядшие ягоды. Они так давно не видели людей, что спохватились и с шумом взмыли в воздух, лишь когда Нош подошла к кусту вплотную и отщипнула с ветки ягоду.

Живые птицы поразили Нош. Она видела только их изображения в одной из книг, где рассказывалось о чудесном прошлом Рифта и его природе. Некоторые крылатые обжоры были невзрачного серого цвета, но большинство красовалось в пестром оперении. Их расцветка блистала яркими переливами от красного к оранжевому и желтому, от зеленого к голубому.

Дрин срывала ягоды с веток, горстями отправляя поочередно то в сумку, то в рот. Нош взглянула на старшую подругу и начала делать так же. Но кусты оказались такими густыми и непроходимыми, что им пришлось обирать ягоды по краям, огибая заросли с юга.

Сквозь щебет птиц откуда-то долетел низкий трубный звук. Нош могла поклясться, что источник его находился по ту сторону зеленых зарослей.

— Стадо почуяло нас, — ответила Дрин на безмолвный вопрос девушки. — А раз они встревожились, значит, знают, что такое охотники. Им уже доводилось встречаться с людьми.

Наконец кусты закончились и начался лес. Нош полной грудью вдыхала свежий, пропахший зеленью ветер. Она словно очутилась в другой, прекрасной стране.

Дрин приостановилась и подобрала тоненькое юное деревцо, которое сломалось, когда на него рухнуло одно из старых деревьев. На ровном зеленом стволе лишь у верхушки топорщились веточки. Дрин потыкала в траву толстым концом деревца, затем взяла его наперевес, словно копье.

С самого первого взгляда на этот живой чудесный мир Нош задумалась об опасностях, которые могут повстречаться им на пути. Волчаки... От этой мысли ее передернуло. Разве такая деревяшка спасет от волчака? Но все знают, что болотные волки выходят на охоту ночью, так что просто придется к вечеру подыскать какое-нибудь укрытие. Девушка начала присматривать ветку и себе, их великое множество валялось на зеленом ковре прошлогодней хвои. Но ничего подходящего, хотя бы более или менее похожего на оружие она так и не нашла.

Беглянки прошли небольшую рошу насквозь и очутились на краю луга. Нош искала глазами оленей, но не увидела ни одного. Здесь долина резко сужалась, постепенно открываясь к югу. Нош поняла, что окаймляющие низину горы находятся не так уж и близко, судя по легкой туманной дымке, которая вилась у их подножия.

Дрин храбро двинулась через луг, сжимая в руке зеленое копьецо. Пожелтевшая к осени трава закачалась, снизу раздались чирикание и щебет. Нош замерла. Дрин обернулась через плечо и чуть улыбнулась.

— В траве тоже есть свои обитатели, дитя. Они не причинят нам вреда, и мы постараемся не потревожить их.

Нош понятия не имела о тех, кто может проживать в траве, но вскоре заметила двух птиц, которые неуклюже вспорхнули из разнотравья, отлетели в сторону и вновь нырнули в заросли.

В небе кружились другие птицы, одна из которых висела над лугом, распластав крылья. Из травы высунулась небольшая зверушка и тут же поплатилась за любопытство — парящая птица сложила крылья и камнем упала вниз. Подхватила когтями не-

осторожную жертву и полетела в сторону гор. Все это произошло так быстро, что Нош не успела и глазом моргнуть.

— Соколок, утренняя пташка, — объяснила Дрин. — Почти никогда не упускает добычу. Это была самка, наверное, ее ждут птенцы. Хотя уже несколько поздновато, они сами уже должны искать себе пропитание.

Нош наконец решилась высказать то, что ее тревожило в глубине души. Одного вида хищной птицы было достаточно, чтобы вспомнить, что им могут повстречаться и более опасные существа, для которых люди — тоже добыча.

— Болотные волки... — начала девушка полувопросительным тоном.

— Возможно. Но здесь так много дичи, что их можно не бояться. Волчаки охотятся на людей только в самые голодные времена. На ваш лагерь они напали, потому что в той местности не было ничего съестного, кроме зарков и змей. А волчаку это — на один зубок.

Нош вздохнула с облегчением.

Они вышли на оленью пастбище — с выщипанной травой и кучками свежего навоза, над которыми жужжали насекомые. И вскоре путешественницы добрались до опушки леса, который покрывал склоны первой горы. Там протекал ручей, да такой чистый, что Нош разглядела стайки рыбешек, играющих в глубине. Девушка тут же занялась рыбной ловлей, ловко выживая рыбок из воды и раскладывая на берегу. В это время Дрин положила свою сумку у ручья, а сама вернулась к лугу и принялась шарить в траве, выдергивая какие-то ей одной известные стебельки и корни. Когда она возвратилась, Нош уже могла похвастаться знатным уловом.

Из-за облачка, которое прильнуло к окоему огромной серой тучи, заставшей небо над Рифтом, выглянуло солнце. Теплые ласковые лучи легли на плечи.

Дрин достала нож и очистила корешки собранных трав. Затем она растерла их двумя камнями в порошок и разожгла небольшой костерок. Нош замесила тесто, не забыв перед этим бросить в огонь полную пригоршню порошка — общепринятый знак благоговения перед высшими силами.

Костер почти не дымил, потому что дерево было сухим и горело хорошо. Правда, Нош все равно заволновалась. Они

остановились на берегу ручья, вокруг — деревья и кусты. Хотя ветви деревьев задерживали и рассеивали легкий дымок, Нош никак не могла успокоиться. Дрин ведь упоминала, что один из солдат, которые идут по следу, владеет какой-то магической силой. Кто знает, может, он только и ждет, чтобы они проявили себя?

Но к их костру вышли совершенно неожиданные гости. Девушка вгрызалась в печеный клубень, слегка обугленный, но вкусный и сочный внутри, когда Дрин настороженно вскинула голову. С губ женщины слетел звук, которого Нош никогда не слышала от нее прежде, — посвист, переходящий в птичью трель. Одновременно она положила руку на плечо девушки, вероятно, чтобы удержать на месте и успокоить ее.

Из-за деревьев, растущих у ручья, вышли несколько мужчин. Рука Нош сама метнулась к талисману Лиры, хотя девушка понимала, что вряд ли он способен чем-нибудь помочь. Дрин даже не посмотрела в сторону своего копья. Она спокойно сидела и ждала, пока предводитель отряда переходил ручей вброд и приближался к обеим беглянкам.

8

ВЕСЬ ХОЛОДНЫЙ ЗИМНИЙ сезон мятежники просидели на голодном пайке. Как они ни старались запастись провизией заранее и строго экономить продукты, их едва хватало. К тому же караваны Храмовников перестали колесить по дорогам, поскольку вывезли весь урожай с отдаленных поместий, расположенных в предгорьях Высот. Но разбойникам было не привыкать потуже затягивать пояса и трудиться в поте лица. Крин же быстро привык к новой жизни и к весне успел стать полноправным членом Братства.

Когда нужно было браться за работу, разница между лордами и вассалами исчезала. Осенью им удалось вывести с опустевшего подворья пару варгов. Всю зиму за ними ухаживали и берегли их как зеницу ока. С первыми теплыми деньками Крин брал тягловых животных, отправлялся на небольшое поле и шел за плугом, как обычный крестьянин. А затем разбивал слишком крупные комья земли и засеивал поле просом.

Воины копались в черноземе, не гнушаясь тяжелого, изматывающего труда. Лорд Ярт доступно объяснил всем, что если они хотят выжить, то придется работать на земле. Поскольку набегов на караваны и охоты на диких животных явно недостаточно. Снег замел перевал и горные тропы, и оставалось только догадываться, что происходит в долине. А во всех своих предположениях мятежники исходили только из худшего.

Но никто — ни высокорожденные, ни простые вассалы — не собирался уходить из убогого жилища и возвращаться в родные края. Если на западе и происходило что-то из предсказанного Громисом, узнать об этом у них не было никакой возможности. Хотя, сидя вечером у очага, они часто обсуждали, что может предпринять Высший король и какие хитрости способен измыслить Голос. Угроза, нависшая над правителем и жрецом, не упоминалась вслух и не обсуждалась — слишком мало они знали. С приходом весны часть разбойников начали выезжать на разведку, часть — шли работать в поле, по очереди. Конечно, все рвались повоевать, но очередность соблюдалась строго. К тому же создавалось впечатление, что предгорья Высот неожиданно вымерли.

Осторожно осмотрев удаленные поместья, изгнанники убедились, что в них давно уже никто не живет. Они собирали все сельскохозяйственные инструменты, которые можно было перековать на оружие, и дважды находили исхудавших за зиму — кожа да кости — варгов.

По пути мятежникам попадалось множество следов болотных волков и прочего зверья, хотя обычно дикие животные не забирались так далеко в долину. На горной тропе вновь выставили часовых. Но эта пустынная земля и неестественная тишина все время держали людей в напряжении, не давая расслабиться ни на минуту.

Все ждали, что, как только сойдет снег, Храмовники отправят рабов трудиться в горы, и тогда можно будет устроить налет на конвой и освободить невольников. Но время шло, а караваны все не появлялись.

Трижды Ярт вместе с Крином и Хаспером нагревали разные камни, но символы не менялись, и послание не становилось понятней.

— Что-то происходит, — промолвил Хаспер. — Я чувствую это...

Он мгновение помолчал, и Крина окатило волной холода, словно юноша внезапно ухнул в ледяную горную речку.

— Если бы у нас был Сновидец! — воскликнул Ярт и ударил себя кулаком по колену.

Крин сжал губы. Сновидец... Разве Валкар не провозглашал, что все сны исходят от Единого? Играть в эти игры — все равно что подставляться под удар жрецов.

Видимо, Хаспер заметил недоумение Крина.

— Думаешь, что Сновидец подведет нас?

— Мне кажется, что Сновидец — это ключ от пекла, уготованного нам тем самым Единым. Колдовство — занятие для темных сил и жрецов.

— Не все силы темные, — заметил Ярт. — До того как Валкар заставил поклоняться всех и каждого своему Единому, Сновидцев ценили и уважали. Они спасли множество жизней. Но, братец, ты прав. В наших краях это умение запятнано злом. Может, где-то в других местах...

Он умолк и уставился в огонь. Затем резко сменил тему.

— У нас есть соль и семена из поместья Росклар. Сдается мне, пора нам узнать, что происходит внизу.

Он ничего больше не сказал. А наутро никто не удивился, когда оказалось, что Ярт и Рольф куда-то ушли. Пропали и их заплечные мешки. Крина снедало любопытство: какое отношение имеют семена и соль к новостям из долины? Может, лорд Гарнов отправился к потаенному алтарю какого-то божества, которое принимает только такие подношения? Но остальные молчали, и Крин справился с собой и задавать лишних вопросов не стал.

Ярт с Рольфом пропадали где-то четыре дня, а потом вернулись под вечер — спокойно вошли в пещеру, словно никуда и не уходили. Они с жадностью набросились на мясо оленя, забитого этим утром. Когда путешественники наелись, весь отряд расположился вокруг них и приготовился слушать.

Ярт расстелил на полу перед собой чистую тряпицу и вытряхнул на нее четыре пакетика из своего мешочка, висевшего на шее.

— Ивовая кора, понижает жар, — промолвил он, сдвигая в сторону один из пакетиков.

Крин знал о целительных свойствах некоторых растений. Ему самому приходилось собирать лекарственные травы, еще в бытность наследником рода, да и потом, когда он оказался среди изгнанников.

— Лечебная плесень, — отодвинул Ярт второй пакет и сразу назвал содержимое третьего: — Языколист.

А четвертый пакет он повертел в руках молча. Потом распустил завязки и высыпал на тряпицу содержимое. Там оказались образные камни, которые так и не помогли им прояснить ситуацию. Но теперь среди них блеснул тоненький серебристый кристалл длиной в полпальца. Так вышло, что камни легли вокруг этого кристалла. Если бы Крин не видел этого своими глазами, то никогда бы не поверил тому, что случилось потом.

Ярт отодвинулся, уперев руки в колени. Все, кто находился в пещере, наблюдали за происходящим, боясь пошевелиться. Кристалл закрутился, подпрыгнул, и тоненький сверкающий лучик, идущий от него, по очереди коснулся каждого образного камня.

Огонь горел далеко от тряпки, но все камни начали светиться, как разогретые, и на них проступили знаки. Вспыхнул ненавистный символ Храма, а черта поперек него стала еще чернее и слегка извивалась, словно живой червяк. То же самое происходило и со знаком короля. Камешек с цепочкой огоньков внутри ярко запылал, будто охваченный огнем.

Чудесный лучик приблизился к последнему камню, тусклому, с уродливой ямкой в середине, но касаться его не стал. Кристалл замер, покачиваясь направо-налево, словно воин, выбирающий, с какой стороны лучше напасть на опасного и хорошо вооруженного противника.

— Вот так, — медленно промолвил Ярт. — Храм и король противостоят какой-то силе. Мы стоим у истоков страшной войны, друзья. Мы либо победим, либо умрем... нет, нас ждет кое-что похуже смерти, когда мы встретимся с... этим!

Он указал на тусклый камень.

Серебристый кристалл перестал раскачиваться и упал на тряпицу. Все камни потускнели, символы стерлись. Образные камни превратились в кучку обычных серых камешков.

— Что еще? — поинтересовался Хаспер. — Она разгадывает... что ей снилось?

— Она не рискует сновидеть. Говорит, что там что-то есть. Что-то злобное. Оно может почувствовать любое использование магии. Мы должны ждать и надеяться только на самих себя. Зато теперь у нее появилась сила, которую она искала много лет. Та сила, которая может повлиять на исход сражения.

— А какова природа этой силы? — спросил Хаспер.

«Интересно, «она» — это кто?» — недоумевал Крин. Сновидица? Но, судя по всему, Ярт и остальные считают ее союзником в борьбе с Храмом. Жрецы рыщут по стране в поисках тех, кто владеет древними знаниями, чтобы привлечь таких людей на свою сторону. Говорят, что нюхач способен учуять даже слабый выброс магической силы на большом расстоянии. Конечно, способный нюхач, вроде Бози.

* * *

Крин хорошо знал Бози. Он происходил из дальней ветви Дома Кунионов. Будучи совсем мальчишкой, младше, чем Крин сейчас, Бози стал храмовым послушником. Он был не жрецом, а охотником. Одним из тех безжалостных мерзавцев, которые готовы положить весь род людской под железную пята Храма — загнать или в рабство, или на костер. Юноша не сомневался, что Бози успел приложить руку и к падению Дома Кунионов, потому что его зависть и ненависть никогда не знали границ. А если он кого-то не любил или завидовал кому-то, он строил далеко идущие планы и рано или поздно побеждал.

Но кто эта «она»? Наверняка целебные травы от нее, значит, она — лекарка. Тогда эта женщина обузой не будет, даже наоборот. Но Крин обрадовался, услышав, что она не стала сновидеть по просьбе Ярта. Чем меньше о них знают враги, тем лучше.

Весенний сезон был в самом разгаре, а фермы в предгорьях оставались пустыми и безжизненными. В каменоломни за это время прибыло два каравана с рабами. Один из них слишком хорошо охранялся, чтобы захватить его такими малыми силами. А на второй они напали ночью, перерезав конвой и увеличив отряд чуть ли не вдвое. Поскольку на такую ораву не хватало ни места, ни еды, освобожденных рабов отправили на запад. Крин

узнал, что там, за опустошенными землями, начинаются дикие прерии, куда война так и не докатилась. Там спасенные беглецы пристали к одному из торговых караванов, направлявшихся в вольный город Казгар.

А еще их разведчики, рискнувшие забраться на восток подалее, рассказывали об огромных караванах и армиях на марше. Видимо, большая война действительно была не за горами.

— И нацелились они определенно не на нас, — заметил Ярт. — Крупные формирования не предназначены для войны в горах, где нам известны все тропинки и укромные пещеры. Маленькая группа свободно может противостоять здесь большой армии. Тем более эти караваны и отряды направляются на юг. Видимо, король вместе с Голосом наконец решили вплотную заняться созданием империи, о которой давно мечтали. Пойдут они через Рифт, от которого ничего не осталось. Там река ушла под землю, и вся долина превратилась в пустыню. Им придется тащить с собой запас продуктов чуть ли не на целый год. Мы должны попробовать задержать их, если сможем.

И вот Горное Братство разделилось на несколько небольших отрядов, которые спустились на равнину, заходя все дальше и дальше. Наконец изгнанники достигли населенных мест. Все эти земли принадлежали Храму и обрабатывались невольниками. Маленькие группы мятежников вредили, как могли, — поджигали поля с начинающим созревать урожаем. Большинство поместий и усадеб слишком хорошо охранялись, чтобы можно было взять их с налету. Зато стоило Храмовникам или надзирателям зазеваться, как им перерезали глотки, а рабов освобождали и отпускали восвояси.

Воины Храма понятия не имели, откуда может быть нанесен следующий удар, потому отправили патрулировать дороги два конных отряда, чтобы устроить засаду на неуловимых бандитов. Один из них едва не поймал группу Крина.

За время, проведенное в горах, юноша подрос и возмужал. Он стал изворотливым и опасным, как волчаки, из шкур которых был сшит его зимний плащ. Но он не брал с собой Дарующего Надежду, хотя за зиму много тренировался с оруженосцами, опытными бойцами, и как следует научился обращаться с мечом. Прославленный клинок был создан для настоящих битв, а не для разбойничьих набегов.

Отряд оказался отрезанным от Высот, мятежникам пришлось петлять, чтобы оторваться от погони. Двое из группы были ранены и держались на ногах лишь потому, что их гнала идущая по пятам смерть. Командовал отрядом воин, который верой и правдой служил Гарнам на севере, а вернувшись домой, помог Ярту и Хасперу ускользнуть из рук Храмовников.

Ларс был человеком суровым и мрачным, с угрюмым лицом. Он примечал малейшие ошибки других и язвительно комментировал их. Но даже Крин разглядел под этой непривлекательной маской человека, который, будь он высокородным, стал бы блестящим полководцем. Сейчас рука Ларса была крепко примотана к его же собственному луку, чтобы скрепить сломанные кости.

Крин шел в арьергарде. Глаз у него был острый, так что юноша быстро научился следить за происходящим вокруг. Он выбирал какой-нибудь подлесок или груды камней, прятался и следил, чтобы все было спокойно, пока мимо проходили его товарищи.

Потому Крин первым заметил соколка. Птица описывала в небе широкие круги. Но соколки не водились в этих местах! Крин всегда был внимательным к подозрительным мелочам, потому сразу насторожился. И чем дольше он следил за птицей, тем больше убеждался, что крылатый горный хищник не случайно залетел в незнакомые края.

Судя по всему, соколок охотился. Но он не нападал, не нырял к земле, а лишь расширял круги над территорией, через которую шел отряд мятежников. Кружил, парил, но не нападал. Это было тем более странно, потому что Крин, устраиваясь на своем наблюдательном посту, спугнул двух жирных диких поросят. Соколок наверняка заметил легкую добычу, но почему-то не спешил атаковать.

Вот птица зависла прямо над Крином, так что юноше пришлось задрать голову, чтобы не потерять ее из виду. Когда крылатый охотник спустился ниже, Крин заметил еще одну странность.

Оперение соколков обычно было невзрачного серого цвета, лишь чернели кончики маховых перьев в крыльях, отчего окрас иногда казался пестрым. Мощный клюв способен разодрать в клочья спину теленка, а лапы с острыми когтями легко могли

на смерть задавить дичь помельче. Кружащийся над Крином соколог чем-то отличался от своих собратьев. Среди перьев его широкой груди сверкало что-то красное. А когда птица пошла на очередной круг, странный огонек качнулся, и Крин понял, что на шее соколка висит какой-то предмет.

Любая странность всегда подозрительна. Юноша никогда не слышал, чтобы соколов приручали, но Храмовники проделывали и не такие фокусы, чтобы заполучить новых шпионов. И если эту птицу послал Храм, то у мятежников появился грозный враг.

В рощице, где прятался Крин, росло несколько высоких и обхватистых деревьев. Он притаился в корнях самого большого, стараясь держаться в тени ветвей, чтобы его не заметил крылатый шпион. А он не сомневался, что эта птица — шпион. Сбросив заплечный мешок, отстегнув меч и все, что могло бы помешать, он начал карабкаться на дерево.

Хотя колышущиеся ветви могли насторожить соколка, птице не удалось бы разглядеть Крина сквозь густую листву. По крайней мере пока. Юноша забрался повыше, отпустил руки и прижался плечами к шершавой коре. То, что он задумал, исполнить практически невозможно, но он должен хотя бы попытаться.

Левой рукой Крин дотянулся до небольшой ветки и принялся раскачивать ее изо всех сил. Обычно соколки охотятся только на открытой местности, но есть одна добыча, за которой они последуют даже в лесную чащу. Удастся ли? Не заметит ли птица обман?

Сложив губы особым образом, Крин издал крик — хриплый и в то же время пронзительный. В правой руке он держал наготове нож, прижимая его к груди.

Сверху раздался ответный крик... уже ближе. Юноша закричал снова. Он отвел ветви и взглянул вверх. Дерево, на котором он сидел, тяжело качнулось. На землю посыпались листья. Соколог поступил так, как велели ему природа и призыв «самки», прятавшейся среди листвы.

Верхние ветки пригнулись и затрещали. Крылатый охотник сел на дерево и принялся продираться сквозь густую листву на встречу подруге. Крин дождался, пока в просвете не покажется

серое оперение, и тогда, собрав все силы и отточенное за последние месяцы мастерство, нанес удар.

Птица с криком рухнула вниз, обваливаясь с ветки на ветку, пока не очутилась перед Крином. Из одного крыла торчала рукоятка ножа. Но страшный изогнутый клюв был поднят высоко, и острые когти готовы вонзиться в живую плоть. Противостоять такому натиску трудно, даже учитывая разницу в размерах.

Крин ударил противника ногой. Когти и клюв пробили кожу ботинка. Но внезапная атака удалась. Соколок полетел вниз, ломая крылья. Качнулись ветки, дождем посыпались листья, и птица пропала из виду.

Крин тотчас же бросился следом. Не теряя ни секунды, он выхватил приготовленный меч и ударил бьющегося на земле хищника. Птица распласталась и замерла, ее голова была почти отделена от шеи. Юноша стоял и разглядывал поверженного врага. Затем перевернул тушку носком ботинка и убедился, что глаза не солгали ему.

Птичью шею обвивал шнур, на конце которого болтался мерцающий красный диск. Крин наклонился, потянулся было за ним, но тут же отпрянул. Поднял с земли палку, подцепил ею шнурок и стащил подвеску с шеи соколка. Диск свободно качался, свисая с палки. Что это — выслеживающее устройство или прибор для управления самой птицей? Непонятно, но одно совершенно ясно: эту штуку лучше не трогать. В этой стране все непонятное — заведомо опасно.

Крин повесил диск на ближайший куст, а сам бросился нагонять свою группу.

К вечеру выяснилось еще одно обстоятельство. Отряд, который следовал за ними по пятам, не сворачивая, двигался прямо к Рифту. Судя по темпу марша, их целью были разоренные земли на юге, а вовсе не маленькая кучка мятежников.

Воины Горного Братства свернули в сторону — и верно! Отряд врагов проследовал мимо, не собираясь пускаться в погоню. Тогда разбойники двинулись обратно, на соединение с остальными группами. Крин рассказал товарищам о соколке, который следил за ними с небес, его молча выслушали.

Ярт снова разложил образные камни. На этот раз кристалл, привезенный из путешествия, коснулся лучом камня с множе-

ством ярких огоньков внутри, и тот загорелся ярче, сильнее, словно переговариваясь с кристаллом.

— Так, — заключил Ярт. — Это что-то новенькое. Она зовет нас, и нужно откликнуться на зов.

На рассвете из лагеря вышел новый отряд. Он состоял из лорда Ярта, Рольфа, Крина и еще троих опытных и надежных бойцов. К полудню они попали в незнакомые места, куда Крина прежде не заводило преследование ни за дичью, ни за врагом. По каменистому руслу струился ручей, заросший по берегам густыми кустами и травой.

Крин уловил легкий запах дыма, хотя костра нигде не было видно. Зато по другую сторону ручья он заметил две фигуры, замершие в ожидании. Пыльные одежды превращали их в невидимок, если только не подходить близко к яркой зелени. Та, что повыше, спокойно стояла и ждала. У ее ног сжалась фигурка поменьше. Ярт с плеском двинулся через ручей вброд, остальные последовали за предводителем.

9

ИДУЩИЕ К НИМ ЛЮДИ не носили ненавистных одежд жрецов или стражников. Да, оружие у них было, но мечи так и остались в ножнах. Они вышли на берег и встали перед Дрин, так и не коснувшись рукоятью оружия. Женщина ни капли их не боялась. Может, потому, что видела уже не в первый раз.

Тот, кто выбрался на берег прямо перед Нош, оказался на удивление молод и, в отличие от большинства своих товарищей, чисто выбрит. К тому же он отвесил Дрин поклон, достойный лорда. «Откуда ты это взяла?» — поразилась какая-то частичка Нош. Она ничего не знала о лордах кроме того, что они похожи на хищных животных — сами палец о палец не ударят, зато рады пользоваться чужим трудом. В группе чужаков был еще один аристократ, с такой же гордой осанкой, как и у предводителя, — совсем юный парнишка, с горькой складкой у рта. Он переводил горящий взгляд с Дрин на Нош, словно волчак, выбирающий первую жертву. Дружелюбия от него ждать было нечего. И все же главарь шайки положил юноше руку на плечо и подтолкнул вперед.

— Наследник Кунионов, Сновидица, — представил он младшего товарища. Остальные мужчины, видимо, простые оруженосцы — перейдя ручей, остались у берега.

Дрин склонила голову. Какое-то мгновение юноша стоял недвижно и неодобрительно смотрел на женщину. Затем он резко дернул подбородком. В его поклоне не было и капли того изящества, которое проявил старший лорд.

— Это Алноша, — промолвила Дрин и чуть кивнула девушке, подзывая ее. Нош неохотно подступила ближе. Было в младшем высокородном что-то такое, от чего девушке хотелось держаться подальше, как от черно-красных охотников.

— Алноша, — повторил старший незнакомец. Улыбнулся и поклонился. Младший снова помедлил и кивнул. Судя по всему, ему претили соблюдение формальностей и светская галантность старшего товарища.

— Они приехали в Рифт и повсюду рыщут, — сообщила Дрин. — Тени сгущаются.

— Мы знаем. Но у тех, которых мы видели, слишком мало времени, чтобы выследить тебя.

— Значит, их кто-то навел, лорд Ярт. Я не могу предвидеть, потому что боюсь уходить в грезы. Сдается мне, время наше вышло, нас просто гонят. Мы не можем долго здесь задерживаться, у нас своя миссия.

— Можешь укрыться пока у нас, Сновидица, — быстро предложил Ярт. — Ты собираешься на запад?

Женщина чуть улыбнулась.

— Судя по всему, у нас нет другого выхода, лорд Ярт, — промолвила она, разглядывая юношу за спиной у предводителя. А затем обратилась прямо к нему: — В тебе таится ненависть.

Это был вопрос и утверждение одновременно. Юноша скривился.

— Я терпеть не могу жрецов и всяких богов, — сказал он с вызовом. Лорд Ярт взглянул на парня и нахмурился, но прежде, чем он начал говорить, вмешалась Дрин.

— Это твое личное дело, — отметила она, пожав плечами. — Если ты считаешь, что я служу Голосу, то это не так. Но я не буду убеждать тебя. Мы не служим никаким Храмам, не слушаем никаких голосов...

Ее руки замерли у груди — запястья сомкнуты, а пальцы разведены в стороны, словно поддерживают невидимую чашу. Руки Лиры.

Нош заметила, как двое воинов у ручья склонили головы и беззвучно что-то зашептали. Губы их шевелились в едином ритме, будто повторяли давно заученные слова.

Дрин продолжала говорить спокойно и просто, словно объясняя что-то маленькому ребенку. Нош видела, как на щеках юноши вспыхнул румянец, но он не сводил горящих глаз с усталого морщинистого лица Дрин.

— Храм взял мой Дом, — с трудом вымолвил он. — И погубил Главу рода, моего отца, заковал его в рабские цепи. Они свели его с ума, околдовали — и он пошел в неволю, как варг, стоило Храмовникам только дернуть за узду. Не знаю, как они творят свою черную волю. Но то, что они способны превратить сильного человека в раба одним словом, я видел своими глазами!

— Тебя они не взяли, — сказала Дрин, опуская руки.

— Нет... И не возьмут! Я — Крин Кунион, и пока я остаюсь Крином, свободным человеком, сердце Дома Кунионов живо!

— Тебе не нужно бояться моей Госпожи, — успокоила его Дрин. — Твои враги — ее враги.

Лорд Ярт сделал шаг вперед, становясь между женщиной и юношей.

— У нас нет времени обсуждать преимущества одной силы перед другой, Сновидица. Ты просила о помощи. Мы всегда рады помочь. Но лучше вернуться в наше укрытие.

— Хорошо.

Дрин наклонилась и взяла свой мешок. Но лорд Ярт спокойно отобрал сумку у женщины и забросил себе за спину. Нош потянулась к своей сумке, но Крин опередил девушку и взял ее ношу.

Дрин приподняла подол платья и ступила в ручей. Ярт поддерживал женщину под локоть, помогая перебраться на другой берег. Если Крин и намеревался последовать примеру старшего товарища, Нош не стала дожидаться его помощи. Она бросилась в воду, которая оказалась просто ледяной.

Отряд путешественников вытянулся цепочкой. Каждый шел в шаге позади товарища. Впереди двое оруженосцев проверяли,

безопасен ли путь, за ними шел Крин, за его спиной семеняла Нош. Девушка не спускала глаз с сумки, в которой хранились их последние скудные пожитки. За девушкой шагал Ярт, за ним — Дрин. Остальные воины следили, чтобы сзади все было спокойно. Отряд двигался по одной из звериных троп, на земле виднелись отпечатки копыт. Неизвестно, насколько крупными были животные, ходившие здесь обычно, но они проложили в лесу дорожку, достаточно широкую и удобную для человека.

Начался подъем, и тропинка затерялась в густых зарослях, так что путешественники почти потеряли друг друга из виду. Нош едва не наступала на пятки Крина, поскольку страшно боялась отстать от группы и потеряться в этой глуши. Юноша ни разу не оглянулся, и девушка решила, что он напрочь позабыл о ней. Но тут она споткнулась о выступающий корень и упала бы, если бы парень резко не подхватил ее под руку и не поддержал.

— Ты тоже Сновидица? — внезапно спросил он.

— Я не владею силой, — покачала головой девушка. — Дрин говорит, что даже она боится использовать свои способности... она думает, что за нами следят.

— Как? Через людей? Сны? Или... птиц?

Его вопросы были отрывисты, словно стрелы, пущенные с тетивы.

— Птиц? — опешила Нош. Разве можно следить через птиц?

Юноша почувствовал ее удивление, наверное, оно отразилось на ее лице.

— Да, соколов... — тихо промолвил он. В этих зарослях он старался говорить почти шепотом.

— Соколки... — непонимающе повторила девушка.

— Да, соколки, они же летают высоко!

Крин взмахнул рукой, указывая наверх, хотя небо сейчас было скрыто пышной зеленой листвой.

Девушка помедлила с ответом, и он снова что-то забормотал себе под нос. Затем резко повысил голос:

— Я видел соколка, который следил... Наверное, он разведывал путь для того отряда, который искал вас в Рифте. Он заметил меня... Но обратно уже не улетел.

Крин усмехнулся, но в этом смехе не было ни капли веселья. Он вкратце объяснил Нош, каким образом добыча вдруг сама стала охотником и чем все это закончилось.

— На нем была такая странная штука...

Новая мысль осенила юношу. Может, для девчонки эта вещь — все равно что образные камни, по которым можно читать? И если она возьмет диск в руки, то сумеет опознать природу соколка и тех, кто его послал?

— А на что она была похожа?

Крин замедлил шаг, и Нош легко нагнала юношу как раз в ту минуту, когда он повернулся к ней.

— Что ты знаешь о силе камней? — требовательно спросил он, а в его горящих глазах светилась неприязнь.

— Только то, — осторожно ответила девушка, — что можно прочитать в старых книгах. У Дрин было несколько... мы не могли взять их с собой... пришлось спрятать.

А вдруг этот парень — один из тех, кто лишь радуется, когда гибнут древние знания? Может, он и на ножах с верховным жрецом, но это не значит, что он готов принять другую точку зрения.

Но, кажется, упоминание о книгах не усугубило неприязнь Крина, а наоборот, развеяло ее.

— А в них не говорилось о диске, который позволяет управлять соколком?

Нош покачала головой. Несколько минут собеседники молчали, пробираясь через кусты. Девушка слышала треск веток с той стороны, где шли остальные из группы. Она радовалась возможности перевести дыхание. Крин был высоким парнем и выглядел как взрослый мужчина, но девушка не сомневалась, что едва ли ему намного больше лет, чем ей. Он шел, не замедляя шага, и Нош приходилось выбиваться из сил, чтобы успеть за ним.

— Красный круг, примерно вот такой, — сказал юноша и развел пальцы, показывая, какого размера был диск. — Я не хотел его трогать... кто знает, какая сила в нем была? Он смахивал на обычный камень, только посередине сделана дырка, через которую и протянут шнурок. А еще я никогда не видел камня такого красного цвета, разве что специально раскрашенные.

— В Рифте не осталось ни одной птицы, — медленно промолвила Нош. — Но я слышала о корсо, они родственны волчакам, которых натаскивают на охоту за сбежавшими рабами. И они всегда исполняют волю своих хозяев. Дрин могла под-

зывать змей, но, кажется, она не использовала их для какой-то цели. А еще зарки... они такие любопытные и забавные. Спокойно идут на зов, если вот так шелкнуть языком. Нужно только не делать резких движений. — Девушка вспомнила Тарма и Вазина. — Они первыми предупредили меня о том, что к нам приехали солдаты... Наверное, заметили их с верхушки камня. Да, они спасли меня. Но не по приказу, а по своей воле.

Крин пожал плечами и уставился куда-то перед собой.

— Ну, что удастся узнать — заранее неизвестно. Наше дело — наблюдать.

До лагеря Горного Братства путешественники добирались два дня. Но после того, как они поспешно ушли подальше от ручья, отряд перешел на более спокойный шаг. Ярт много разговаривал с Дрин, шагая рядом с женщиной. До остальных их голоса долетали лишь в виде неразборчивого бормотания, поскольку на узкой тропе могли поместиться одновременно не больше двух человек.

Прочие из отряда сторонились Дрин, словно она внушала им благоговейный страх. Крин же открыто избегал ее. И держался поближе к Нош. Когда вечером первого дня сандалии девушки, промокшие в ручье, расплзлись на клочки, именно Крин достал из заплечного мешка кожаные сапоги и вручил ей. Такие сапоги носили все в отряде мятежников. Обувь оказалась смазана каким-то неприятным на ощупь и вонючим жиром, к тому же она была большего размера, чем требовалось. Нош напихала внутрь то, что осталось от ее многострадальных сандалий, и лишь после этого смогла нормально ходить. Но эти сапоги были самой удобной обувью, которую девушке приходилось носить в своей жизни. На ее благодарность Крин ответил только небрежным пожатием плеч. А потом набрал целый ворох палой хвои и устроил ей просто царское ложе рядом с Дрин. И тут же сбежал на другую сторону их временного лагеря.

Когда отряд добрался до череды пещер, которые отверженные называли своим домом, Нош не могла сдержать изумления. Девушка так долго сидела на голодном пайке, что теперь не сводила глаз с оленьего окорока, подвешенного над костром. Горячий жир капал на угли очага, который был в несколько раз больше, чем очаг в домике Дрин.

Нош обнаружила, что даже ей — новичку в горах — найдется дело по плечу. Она перемалывала зерна орехов, как когда-то корни камышей, в порошок, из которого потом пекли хлеб. А две половинки хлебцев, оказывается, можно склеить жиром из жаркого. Нош заметила, как один из оруженосцев делает наконечники для стрел — искусно и осторожно, как иные женщины прядут. Девушка усаживалась рядом и принималась помогать ему. Вскоре лорд Ярл был вынужден признать, что ее стрелы не отличаются от стрел воина, который мастерил их всю свою жизнь.

Дрин пришлось выбросить свое изношенное старое платье, которое Нош так часто доводилось штопать и латать. Теперь они носили наряд из оленьих шкур, соединенных Нош так же искусно, как и одежда из змеиных шкур. Бриджи не стесняли движений, а куртки согревали холодными вечерами.

У мятежников были собственные огороды, которые требовали ухода. Нош собирала корни и клубни некоторых овощей. Часть сразу шла в пищу, а часть она прятала в глубокой пещере, в которой постоянно, даже летом, было холодно.

Нош очаровали горы, они так были не похожи на вечно серый, умирающий Рифт. Иногда ей хотелось петь в голос от переполняющей ее радости бытия и ярких красок вокруг, но девушка сдерживалась. А потом навалилось новое несчастье.

Дрин, которая никогда не поддавалась недугам, пока они жили в опустошенном Рифте, начала сдавать. Ходила с трудом, все время сутулилась и держалась за спину. Теперь она постоянно была рядом с Нош, рассказывая все, что знала о целебных растениях, правильной их дозировке и о рецептах. Она даже заставила Нош повторять вслух все заклятия, какие только помнила, пока девушка не выучила их наизусть. Правда, Нош была уверена, что они никогда ей не пригодятся. Иногда Дрин умолкала на полуслове и хмурилась, потирая указательным пальцем складку между бровей, словно не могла вспомнить, о чем говорила только что. Женщина шевелила тонкими губами, будто пережевывая слова, которые никак не могли вырваться из горла. Она печально вздыхала и сутулилась еще больше. Тогда Нош брала ее за руку и гладила, успокаивающе приговаривая:

— Не расстраивайся... каждый может что-то позабыть. Это пройдет. Помнишь сказку про Сновидца с тремя глазами?

И начинала пересказывать какую-нибудь историю, вычитанную в старых книгах. Таким образом девушка пыталась доказать наставнице, что она остается ее ревностной ученицей и что ей так не хватает знаний Дрин.

Она прекрасно понимала то, что волновало всех мятежников. Хотя припасов на зиму было сделано достаточно, все чаще охотники отправлялись на восток, а поток тех, кто стремился в сторону Рифта, все увеличивался. Люди напряженно ждали, когда все силы двинутся на запад, навстречу смерти. Потому что Рифт пуст, а за ним лежит бесплодная пустыня. Они не могли больше вслепую двигаться на юг.

Однажды ночью Крин, лорд Ярт, его брат и их верный оруженосец по имени Рольф устроились в том закутке пещеры, который обычно занимали Дрин с Нош.

Лорд Ярт был чем-то крайне озабочен, а на лицах его брата и оруженосца, напротив, светилось оживленное нетерпение. Только Крину, мрачному и хмурому, явно не нравилось то, что задумал их предводитель.

Ярт достал из-под курточки маленький мешочек и заговорил, подбрасывая его в ладони:

— Госпожа, ситуация меняется, а мы не знаем, что происходит. Вчера Грофф заметил неподалеку, к западу, группу разведчиков. А несколько дней назад мы видели двоих нюхачей, видимо, из этой группы. Мы не просили вас заглянуть в сны, потому что это может быть опасно. Но, может, вы сумеете прочесть это для нас? Это предупреждение от человека, который владеет волшебной силой, но никто из нас не смог разгадать послание. Я просто покажу вам камни, а вы попробуете прочесть это предупреждение. Ничего больше.

Дрин взглянула на молодого лорда, ее лицо было бесстрастным. Затем женщина кивнула, и четверо мужчин опустились рядом, скрестив ноги. Лорд Ярт больше ничего не спрашивал, а просто высыпал перед шкурами, на которых спали женщины, содержимое мешочка. Камешки глухо застучали по каменному полу, но не раскатились.

Нош перегнулаась через плечо Дрин, чтобы получше видеть.

— Я уже говорила вам, лорд Ярт, — устало промолвила Дрин, — что чтение тайных знаков — не моя стихия. В Риф-

те мы делали это по-другому, и ваши знаки отличаются от тех, которые прежде использовали мы. Но...

Она уставилась на камешек, в котором светилась цепочка зеленых огоньков.

— Дитя, — повернулась Дрин к Нош. Ее голос был прежним, каким она часто давала девушке поручения. — Используй дар Лиры... это единственное, что мы можем сделать.

Глаза лорда Ярта расширились от изумления. Нош осторожно протянула руку и дотронулась до ближайшего камешка. На нем знак Храма перечеркивала жирная черная полоса.

Девушка взяла камешек в одну руку, а второй прикрыла сверху. Внутри сомкнутых рук полыхнуло жаром. Это было не простое тепло, исходящее от драгоценных камней, найденных на берегу. Гораздо сильнее. Девушка машинально прикрыла веки.

И она увидела! Увидела огромный зал, заполненный людьми. А один человек возвышался над толпой, стоя на помосте. Его лицо под высокой тиарой было изможденным, кости, обтянутые кожей. А глаза... это были глаза пойманного в угол зверя, который уже видит приближающегося охотника и чувствует свою смерть.

Наконец Нош нашла подходящие слова и принялась описывать видение. Но тут жар от камня стал совсем нестерпимым. Она вскрикнула и выронила его. Но в ней пробудилась уже иная воля — не ее, не Дрин, а кого-то выше... Нош взяла другой, королевский камень и прикрыла глаза.

И еще один человек с загнанным лицом. Он сидел и резко выкрикивал приказы тем, кто пробежал мимо. В его глазах тоже светилось предчувствие близкой гибели.

— Жрец... Король... — зачарованно промолвил Ярт, когда второй камешек выпал из ее рук. — Но ты, разгадчица, сказала, что они испуганы?

— Они в панике, — согласилась Нош, наклоняясь за третьим камнем. Не за сияющим огоньками, а за тем, с тусклым жаром посредине.

Ей сразу же захотелось отбросить его, но девушка не смогла. Ее окружил мрак. Но не ночная темнота, а полное ничто, извивающееся от боли, как издыхающая змея. Затем из самого средоточия этого мрака протянулся луч света, воспаленно мер-

цающий каким-то ядовитым, смертельным огнем. Этот луч был красным, как открытая рана, выжженная ядом. Никого — только огненный глаз. Но...

Он искал! Нош закричала. Кто-то из собравшихся выбил камень из ее рук.

Дрин смотрела куда-то за спины мужчин, в стену. Нош прижала обожженные руки к груди. Из ее глаз полились слезы. Но...

Он искал! Нош заметила, что Крин почему-то стоит — видимо, это его удар выбил страшный камень из ее ладоней. В противном случае этот глаз искал бы ее, пока не увидел. Девушка знала это наверняка. Она сжалась в комок, коснувшись лбом коленей. И закричала изо всех сил:

— Он ищет!

С губ Дрин сорвались слова, которые Нош едва смогла узнать. Сила против силы... Ей хотелось прижать к ушам горящие ладони, чтобы не слышать этих слов, этого голоса...

А потом...

Потом заклятие Дрин переросло в грохот. Нош трянуло — не от страха, хотя она никогда еще так не боялась. Сама скала под ногами задрожала, будто какой-то великан встряхнул ее, словно старый плащ.

10

КОГДА МИР ВОКРУГ начал рушиться, в голове Крина мелькнула горькая мысль — вот что бывает, когда играешь с колдовством! Сквозь грохот обвала донесся отчаянный крик. Огонь костра угас, и навалилась темнота, которая подхлестнула безумие происходящего, потому что каменный пол под ногами заходил ходуном.

Голова Крина раскалывалась. Юноша поднял руку и, коснувшись лба, ощутил под пальцами влагу. А запах свежей крови он не спутал бы ни с чем.

Неподалеку блеснул огонек, ослепив его на несколько мгновений. Послышались вскрики и стоны. Крин осторожно пошевелил ногами. На них навалилась какая-то тяжесть, но когда

юноша задвигался, тяжесть пропала. Новый огонек. Крин сразу же отвернулся, спрятав лицо в сгибе локтя.

Тишина — полная и устрашающая. А затем снова — взрыв ругательства, воплей и стонов... Каменный пол опять стал неподвижным, так что Крин осмелился подняться на ноги.

Мрак посветлел и перешел, скорее, в густые сумерки. Крин поморгал, чтобы согнать с ресниц слезы, и огляделся. Самая обширная пещера их укрытия превратилась в беспорядочное нагромождение камней. Над головой раскинулось вечернее небо. Света еще хватало, чтобы разглядеть слабое движение среди камней.

Многие оказались пойманы в страшную каменную ловушку, но некоторым удача улыбнулась, и теперь они поднимались на колени и вставали на ноги, пошатываясь. И бросались откапывать своих менее удачливых товарищей. У Крина закружилась голова, он сел и, сцепив зубы, призвал на помощь все свои силы. А затем огляделся, пытаясь различить тех, кто находился в закутке рядом с ним.

— Яр! Яр! — надрывался кто-то неподалеку. Крин повернул голову и увидел неясную фигуру, отчаянно разбрасывающую обломки камней в сторону. Хаспер — а это был он — нимало не заботился о том, куда могут угодить эти камни. Крин не рискнул встать на ноги. Он подполз к юноше и принялся помогать ему откапывать старшего брата.

Отвалив несколько камней, Крин наткнулся на окровавленное лицо. Рольф больше никогда не откликнется на зов своего господина.

— Помоги! Дрин...

Маленькая рука ухватила юношу за плечо и потянула в сторону. Проклятая колдунья! Крин не сомневался, что именно она накликала на всех этот кошмар. А в том, что землетрясение не было обычным природным явлением, он был уверен с самого начала.

Девчонка тащила его в сторону от братьев, к другой груде камней, откуда торчала тонкая рука с длинными пальцами и словно манила их. Вторая рука безжизненно лежала на камнях. Тело Дрин было так сильно истерзано, что если она еще не умерла, то жить ей явно оставалось недолго. От яростной, тяжелой пощечины Крин пошатнулся и сел на землю.

— Ты! Помоги!

В этом голосе звучал отчаянный приказ, и он, сам того не ожидая, повиновался.

Кому-то удалось зажечь факел. Вокруг заплясали тени, когда человек с огнем подошел поближе.

— Лорд Ярт? — спросил чей-то голос, хриплый от набившейся в горло каменной пыли.

— Здесь...—выкрикнул Хаспер, продолжая ворочать тяжелые камни.

Теперь Крин мог хорошо разглядеть девушку. Она разгребала обломки, пытаясь высвободить распростертое тело наставницы. Лицо Нош заливала кровь из множества порезов и ссадин.

Крин позабыл о своей ненависти к этим двоим за то, что они натворили. Он пододвинулся ближе и начал помогать ей.

Женщина не подавала признаков жизни. Как только из-под камней показалось лицо Дрин, девушка попыталась нащупать пульс на ее горле. Юноше часто приходилось видеть страх на лицах людей, но то, что отразилось на лице Нош, заставило его работать еще быстрее. Наконец тело женщины полностью освободилось от давящего груза.

— Дрин!

Нош почти лежала на жрице, то прижимаясь губами к ее рту, то толчками разгоняя ее сердце. Она пыталась вдохнуть хотя бы немного воздуха в ее легкие, но борьба за жизнь Дрин была уже проиграна. Крин пожал плечами и посмотрел в сторону Хаспера.

Предводителя уже освободили из каменного плена. Он лежал на спине, а его голова покоилась на коленях младшего брата. Ярт застонал и попытался встать, но Хаспер удержал его. Юноша посмотрел на Крина.

— Лайон! Где Лайон?

Лайон был единственным в Братстве, кто умел врачевать различные недуги — как у людей, так и у животных. Неимоверным усилием воли Крину удалось подняться на ноги, его поддержал человек с факелом. Крин налег на его плечо и только потому не упал.

По счастливой случайности — а в их положении любая удача была на вес золота — это и оказался Лайон. Он вручил

факел Крину и склонился к предводителю. И принялся медленно ощупывать тело Ярта, стараясь касаться его как можно бережнее.

— Сломанные ребра, — сообщил он наконец. — И нога. О внутренних повреждениях ничего сказать не могу.

Хорошо, что Ярт сразу потерял сознание и не страдал от боли, поскольку его товарищи ничем не могли ему помочь.

— Дрин! — зазвенел отчаянный крик позади группы мужчин.

Крин непроизвольно обернулся. Нош сидела, прижав голову жрицы к груди. Она не плакала, но ее лицо полыхало безумием и стало похожим на маски, которыми служители Единого обычно пугают своих прихожан.

— Дрин! — звала девушка, но ответа не было. Лайон перестал ощупывать Ярта. Он внимательно пригляделся к безжизненному телу, которое Нош сжимала в объятиях, покачал головой и вернулся к работе.

Нош положила голову наставницы на колени, полезла за пазуху и извлекла какой-то предмет на шнурке. Девушка принялась мять странный мешочек, пока ей в ладонь не выпал кристалл. Как только камень уловил свет факела, он превратился в сгусток живого огня. Нош прижала кристалл к голове Дрин. Губы девушки зашевелились, словно беззвучно повторяли какое-то заклятие.

Нет! Он не позволит ей погубить всех своей проклятой силой! Крин схватил девчонку за руку и попытался вывернуть, чтобы она бросила то, что держала в кулаке.

Нош дернула головой, ощерилась и вцепилась зубами в его руку, раздирая ее до крови. Юноша инстинктивно отдернул руку. Нош уставилась на него из-под копны спутанных грязных волос. Ее глаза горели неистовым огнем, как у волчаков, которых они с Рольфом перестреляли в день смерти Эвина.

— Только попробуй! — выкрикнула она. — Только попробуй, убийца! Ты, для тебя нет ни богов, ни богинь! Это дар Леры, и он разнесет тебя в клочья.

Теперь юноша разглядел, что кристалл, который держала Нош, имел форму пальца. Разве что был чуть длиннее обычного человеческого пальца. Девушка снова приложила кристалл ко лбу Дрин.

Крин изумился, когда женщина открыла глаза, потому что был уверен, что она умерла. Нош склонилась к наставнице, их взгляды встретились.

— Милая... доченька... дитя света...

Хотя ее голос был не громче шепота, Крин без труда различал слова.

— Иди... продолжай поиск...

Женщина помолчала, в уголке ее рта выступила кровавая пена. Нош нежно вытерла ее губы.

— Время... уходит... так мало... сделай, что должна.

Дрин хватило сил вымолвить последние слова громко и отчетливо. Затем ее ресницы затрепетали, но сила воли удерживала ее дух в умирающем теле.

— Милая... доченька... Она послала меня... не грусти... Ее руки ждут...

Кровь заструилась сильнее из уголка ее рта, и Дрин издала последний долгий вздох.

Нош склонилась и поцеловала окровавленные губы. Лицо девушки застыло, превратилось в неподвижную маску. Она осторожно вернула кристалл в мешочек и спрятала на груди. Бережно, будто жрица еще дышала, девушка опустила голову женщины на камни и сложила ей руки на груди. А потом посмотрела на Крина.

— Ее тело нужно предать огню... — спокойным и решительным голосом промолвила она. — Оказать ей последнюю честь, потому что она была последней... — Ее голос задрожал, но девушка сразу же взяла себя в руки. — Отдать ей последнюю честь!

Она вздернула подбородок, и юноша понял, что эта маленькая соплячка стоит на своем, невзирая ни на что.

Так и случилось. Но в эту ночь пламя приняло не только тело Дрин. Под обвалом погибла примерно треть их отряда. Те, кто оказался во время катастрофы снаружи, встретили более страшную смерть — скала разломилась и извергла огненный поток, в котором их товарищи сгорели заживо. Такой огромный выброс магической силы никак не укладывался в голове Крина. Теперь выжившим предстояло спасти все, что осталось, из предательских пещер. Большая часть животных погибла в огне. Исследование глубоких пещер пришлось от-

ложить, потому что там до сих пор падали камни и лезть туда было очень опасно.

Ярт лежал в возведенном на скорую руку шатре. Он еще не пришел в себя, чему его брат и Крин были только рады. Лекарь долго соединял кости лорда Ярта, так что выздоровление обещало быть очень болезненным и длительным. В том же шатре лежали еще пятеро, причем в гораздо худшем состоянии. К следующему вечеру один из них скончался.

После смерти Дрин Нош взялась помогать оставшимся в живых. Жрица многому научила девушку. Она умела изготавливать лекарства, которые унимали боль и насылали сон. И даже ловко помогала Лайону совмещать сломанные кости и бинтовать раны.

Опасаясь, что землетрясение было всего лишь началом бед и к лагерю движется вооруженный отряд, все, кто держался на ногах, не дожидаясь приказа, разделились на группы и отправились в патрулирование.

Крин постоянно натыкался на Нош. Девчонка, кажется, больше не горевала. И не приходила в ужас от содеянного. Ему не терпелось указать ей на это, но здесь распорядился Ярт. Крин решил подождать, пока лорд оправится и сможет снова взять управление в свои руки, а уже потом выдвигать обвинения.

Тем не менее юноша не спускал с девчонки глаз, опасаясь, что она может еще что-то вытворить. Например, подать сигнал врагам. Правда, подземный огонь, уничтоживший их дом, разрушил и дорогу, так что к лагерю никто не смог бы подобраться незаметно. Разве что... Крина внезапно осенила новая мысль, и он поднял голову к небу. День был сумрачным, но дождь, к счастью, так и не пошел. Опускался вечер. Юноша вспомнил соколку со странным диском на шее. Может, такая же птица сейчас парит над горами и сообщает врагам о потерях, которые понесли мятежники.

Соколки... А ведь ночью, под покровом темноты, они могут подлететь почти вплотную. А все костры погасить нельзя — необходимо ухаживать за ранеными и спасать припасы и снаряжение, какие еще можно спасти. И что они могут противопоставить птицам, если крылатые твари спустятся с небес?

Те, кто уверенно держался на ногах, оттащили обугленные туши животных подальше от лагеря. Сжечь их было нельзя, все топливо использовали в погребальном костре для погибших товарищей. Рольф умер. Это был настоящий удар. Крин знал, что Ярт привык безоговорочно полагаться на верного оруженосца, который неоднократно приходил на помощь молодому лорду в прежние дни. Рольф в совершенстве владел военным ремеслом, знал все его тонкости и хитрости, что делало его поистине бесценным помощником для любого военачальника. Хаспер всегда был на подхвате, но он выступал скорее левой рукой брата, в то время как Рольф полноправно считался его правой рукой с первых дней возникновения Братства.

Когда стало ясно, что лорд Ярт не может руководить отрядом, а Рольф погиб, власть взял в свои руки младший брат. Крин считал это правильным. Хаспер был истинным сыном своего Дома и получил все необходимые знания и умения, но Крин не знал, удастся ли юному лорду справиться с командованием над людьми намного старше и опытнее его.

А время не стояло на месте, и оставалось совсем немного до первых зимних заморозков. Припасы, которые мятежники копили так долго и упорно, иссякали. Видимо, местонахождение Братства было известно врагам, слишком точен и смертоносен был удар. В недобрый час Ярт предложил укрытие этим двум беглянкам из Рифта, владеющим странной силой. И вот чем это все закончилось!

Хотя от разведчиков не поступало тревожных сведений о перемещениях вражеских отрядов, успокаиваться было рано. Новая группа отправилась дальше на запад, чтобы подыскать надежное укрытие для Братства, пока не ударили морозы.

Тягловые варги, которые помогали обрабатывать поля и перевозить грузы, уцелели, потому что в ту роковую ночь оставались на удаленном пастбище по другую сторону склона. Хаспер, Лайон и Крин рассчитывали использовать скотину для перевозки оставшихся припасов в лучшее место, если таковое отыщется. Все эти дни Крин нет-нет да и поглядывал на небо: не покажется ли какой сокол?

К несчастью, Ярта свалила горячка, так что он не мог принимать участие в советах и влиять на их решения. Ясно, что оставаться на прежнем месте опасно. Особенно сейчас, когда

отряд так ослаблен. И забираться в пещеры после всего случившегося тоже никто не хотел. Наконец Хаспер созвал на совет всех, кто не отправился в разведку, и попросил высказать свое мнение.

Самый разумный совет дал воин, который часто бывал в западных краях.

— Неплохо было бы переселиться в Даст, — неуверенно начал он, словно опасаясь, что его перебьют, не дослушав. — Там много долин. И лорд Ярл даже задумывался, не устроить ли там форпост, но решил, что слишком далеко от нашего основного лагеря. Там можно укрыться гораздо надежней, чем в горах. И варги могут пастись где угодно. Да и нашим охотникам будет легче искать дичь, а то здесь приходится долго лазить вверх-вниз по склонам, пока поймашь зверушку. Мы еще успеем накопить мяса до первого снега.

— Даст, — задумчиво повторил Хаспер. Наверное, перед его мысленным взором разворачивались картины этого далекого поселка. И впервые за последнее время его лицо немного посветлело. — Даст! Да, неподалеку проходит торговый путь. Если возникнет необходимость, мы сможем что-то купить или продать. Южане не слишком любят Храм. И разве туда не отправлялись спасенные нами рабы, чтобы прибиться к какому-нибудь каравану? А если мы направимся туда не по кратчайшему пути, раненые лучше перенесут дорогу.

И он взглянул в сторону шатра, где лежали пострадавшие товарищи.

Крин сразу же согласился с предложением Трискора отправиться в Даст, когда Хаспер вынес этот вопрос на голосование. Было решено направить Трискора вперед, чтобы он нашел самый удобный путь и разметил дорогу. Он ушел на закате.

Хаспер отправился искать Лайона, чтобы посоветоваться с лекарем — смогут ли раненые перенести дорогу. Крин пошел с ним. У входа в шатер кто-то сидел. Когда они приблизились, оказалось, что это Нош. Девушка подняла голову, услышав шаги. Крин презрительно скривился. Хотя она и помогала ухаживать за больными, мнение Крина о жрице-недоучке ни капли не изменилось с тех пор, как она навлекла на их головы подземный огонь.

Девчонка сшивала куски волчьего меха, в будущем это станет теплым зимним плащом. Она посмотрела на молодых воинов отсутствующим взглядом. Такое же выражение лица было у Нош в тот час, когда она смотрела на пламя, поглощающее ее наставницу.

Не говоря ни слова, девушка отодвинулась, давая дорогу Хасперу. Шатер был очень мал, и для Крина места внутри уже не оставалось, так что юноше пришлось ждать снаружи.

Девушка первой нарушила молчание.

— А где находится этот Даст?

Сперва Крин не собирался отвечать. Для чего ей это нужно? Чтобы навести на их след тех, кто разрушил пещеры? Если Хаспер понимает всю опасность создавшейся ситуации, он бросит эту колдунью здесь. Ярт открыто потворствовал этим женщинам, а Крин невзлюбил их с первого взгляда. Девчонка не сводила глаз с юноши, словно могла сломить его молчание одним взглядом, и он наконец выговорил:

— Даст находится на западном склоне Высот. Там проходит южный торговый путь. Сейчас вряд ли мы встретим караван, не тот сезон года. Обычно они не задерживаются так долго, это слишком опасно. Но мы не будем приближаться к торговому пути; может быть, лишь иногда, потому что хотим осесть на границе. По крайней мере, мы так решили.

— Мы? Значит, и ты тоже? — спросила Нош, не прекращая заниматься шитьем. — Раньше там не принимали людей Храма... сражались с ними... а сейчас? Но... — Она замерла, дотронувшись рукой до груди. И, помолчав, закончила: — Если то, что ищет нас...

— По твоему вызову? — требовательно спросил он.

Девушка снова умолкла. И провела кончиком языка по губам, словно пробуя готовые вырваться слова на вкус.

— Я владею даром Лиры. Его нельзя исказить или обратить во зло, иначе эта же сила сокрушит меня. Такова природа волшебной силы... силы света. Я служила Дрин, а через нее — Лире Вечноживущей. Это мой долг. И он несколько иной, чем ваш. Вы сражаетесь за свободу и справедливость. Умирая, Дрин сказала, что время работает против нас. Поэтому я должна идти своим путем. Возможно, он ведет в Даст или еще дальше на юг. Силу, которая взорвала землю под нашими ногами, необходи-

мо победить. И чем скорее мы отправимся, тем лучше, потому что время уходит. Его почти не осталось.

— Ты права, дочь Дрин, — сказал Хаспер, выходя из шатра. — У нас мало времени. Первая же снежная буря — и нам конец. Немногие переживут эту зиму.

Нош кивнула и вернулась к работе. А Крин рассерженно подумал, что Хаспер кое-чего недопонимает. Если он решил взять с собой это отродье, они точно не переживут зиму. Если вообще дотянут до нее. И юноша пошел разбирать снаряжение и запасы, которые удалось вытащить из нижних уровней пещеры.

11

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ СПУСТЯ Нош думала, что уже второй раз ей приходится покинуть привычное убежище. Она иногда вспоминала о поспешном бегстве из Рифта. Но в прошлый раз с ней была Дрин. И уверенность в своих силах, которую давали полученные знания, опыт и упорный труд. Девушка осталась с лекарем, чтобы быть всегда на подхвате, если ему понадобится помощь. Они шли вместе с неповоротливыми варгами, к спинам которых крепились носилки с ранеными.

Горное Братство разделилось на две группы: первая была передвижным лазаретом, а вторая двигалась с тыла и прикрывала отступление. К вящей радости Нош, несносный и хмурый Крин находился во второй группе, а их отрядом командовал Хаспер. Девушка впервые сталкивалась с такой неприкрытой неприязнью и подозрительностью на свой счет, по крайней мере ничего подобного она не могла припомнить. Возможно, с таким отношением она встречалась в те далекие года, которые память милосердно скрывала от нее.

Юноша был прав, когда говорил, что ту страшную катастрофу навлек на мятежников ее талант. Дрин когда-то сказала, что сила притягивает силу. И если та, другая сила, уже искала их, Нош просто стала для нее удобной мишенью, в которую и был направлен удар. Неизвестно, что случилось с образными камнями. Видимо, они остались лежать под рухнувшим сводом пещеры. Ну и пусть себе лежат, так будет лучше для всех.

Сейчас небольшой караван взбирался по крутой звериной тропе, по которой с грехом пополам могли пройти варги. В горах не было лучшей дороги, которую могли бы перенести люди с множественными переломами и ранами. Нош с Лайоном постоянно следили, чтобы ремни, которые удерживали больных на носилках, не сползали. У лекарей все время были наготове напитки из дурманящих трав, чтобы хоть как-то облегчить страдания несчастных.

По крайней мере одной тревогой стало меньше — жесткая горячка наконец отпустила лорда Ярта. Он был еще очень слабым, но узнавал окружающих и понимал, что происходит. Предводитель сразу же одобрил решение, принятое на совете.

Погода окончательно испортилась, пошел дождь вперемешку со снегом. Раненых укутали всеми плащами и одеялами, какие только нашлись. Путешественники же остались в легкой одежде и дрожали под ледяными струями проливного дождя.

В придачу ко всем несчастьям дождь размыл тропу, превратил ее в скользкое месиво. Люди оскальзывались и падали в грязь на каждом шагу, зато неторопливые варги спокойно и твердо продвигались вперед. Постепенно все приноровились придерживаться за более устойчивых животных. Легконогих лошадей пришлось бы вести в поводу по такой дороге. Но даже упорные варги с трудом преодолевали предательские спуски и подъемы. Караван двигался медленно и часто останавливался, чтобы дать передохнуть уставшим животным.

Во время одной из таких остановок Нош отошла в сторонку, чтобы немного посидеть и отдохнуть, решив, что ее помощь пока не требуется. Девушка подошла к растущему неподалеку дереву и обнаружила у самых его корней большое дупло, в котором с легкостью смогла спрятаться от дождя. Со стороны это дерево не казалось большим, поскольку его ветви низко склонялись над землей, переплетаясь с ветками соседнего дерева. Нош отправила в рот несколько полос вяленой оленины и принялась медленно и сосредоточенно жевать твердое мясо. Но тут голод заглушило новое ощущение.

Девушка сильно замерзла, но в груди неожиданно начала подниматься волна тепла. Она извлекла из-под курточки мешочек, сплетенный из собственных волос, в котором хранился Палец. Да, он был теплым, но кроме того он начал светиться!

Сперва девушка отвела руку подальше. А вдруг опять произойдет что-то ужасное? Новое землетрясение или взрыв? Девушка вскочила и бросилась прочь, стараясь отбежать подальше от скорбной процессии. Она не хотела снова навлечь на них беду.

Споткнувшись, Нош упала и осталась лежать, опасаясь, что ее заметят товарищи и поймут, в чем дело. Неожиданно влажная земля подалась под ее рукой и начала проваливаться. Вскрикнув, девушка бросилась вниз, дальше по склону горы, и провалилась в овраг, который не был виден с дороги. Нош полетела на дно оврага. От удара о камни из глаз брызнули слезы. Но кристалл, который она так и не выпустила из рук, засиял, как маленький факел. И этот свет не остался без ответа!

Каким-то образом Нош оказалась по другую сторону горы. Попытавшись встать, девушка облокотилась о что-то твердое, но хрупкое. Это что-то сломалось с громким треском. В руку уткнулся острый обломок.

Кость! Она упала прямо на кость. А вот еще одна. В Рифте девушка привыкла к виду скелетов, старая смерть витала там повсюду. Оглядевшись, она поняла, что эти кости принадлежали одному остову. А небольшой кругляш, который она сперва приняла за камень, был почерневшим от грязи черепом.

Но то, что лежало среди костей, заставило ее на миг забыть о погибшем здесь когда-то человеке. Это был брат-близнец ее кристалла — второй Палец!

Девушка быстро схватила находку и спрятала в мешочек, к его собрату. Второй кристалл оказался чуть длиннее предыдущего. Но это и неудивительно, ведь все пальцы на руке разной длины.

Осторожно, чтобы не порвать сплетенный Дрин мешочек, она спрятала его за пазуху. Сверху, изза края оврага, раздались голоса. Видимо, остальные услышали ее крик и отправились на поиски. Но находка была только ее тайной, и девушка не собиралась ничего рассказывать другим. Лишь убедившись, что мешочек надежно спрятан, Нош откликнулась на зов. Наконец на краю обрыва показался человек, которого ей меньше всего хотелось видеть, — этот невыносимый Крин. На его лице отразилось крайнее отвращение, по крайней мере, так показалось

Нош. Через минуту к нему подбежал еще один воин. Они бросили ей веревку и вместе вытащили Нош наверх.

То, что вооруженная группа нагнала караван, сильно обеспокоило мятежников. Все понимали, что воинам придется идти медленнее, приноравливаясь к уставшим варгам, и все время держать связь с передвижным лазаретом.

Нош не стала рассказывать о своей находке. Она объяснила, что увидела иноходку и погналась за ней. Но неудачно. Перед тем как увести вооруженный отряд, Крин что-то недовольно проворчал себе под нос. Караван двинулся в путь.

Находка Пальца навеяла воспоминания, которые Нош старалась похоронить в самой глубине сердца, — как она нашла первый кристалл. Девушка не думала о Дрин с тех пор, как та вознеслась в небо вместе с дымом погребального костра. Нош начали одолевать печальные мысли, пока она брела рядом с одним из варгов, чтобы следить за раненым на носилках, которые висели между двумя животными. Едва ей удалось обрести верного друга в этом жестоком мире, как она снова осталась одна.

Девушка заставила себя встряхнуться и думать о другом. Как Палец мог оказаться в этом овраге? Дрин говорила, что после осквернения алтаря служители Лиры взяли Пальцы и разошлись в разные стороны. Они хотели укрыть сокровища до лучших времен. Видимо, этот жрец — или жрица — шел по горной тропе и сорвался с обрыва. Если Палец и хранился в каком-то кошельке, егоместилище давно истлело и превратилось в прах. Но теперь Нош точно знала — чудесные кристаллы приведут ее к своим собратьям. Если только она не погибнет в пути.

Почти двадцать дней потребовались Братству, чтобы пересечь горы и увидеть с горного уступа раскинувшиеся внизу западные равнины. Последняя ночь была невыносимо холодной. Отряд потерял еще одного больного, несчастный не дожид до утра.

Лорд Ярт остался в живых, но в последние два дня впал в странное состояние, которое не было ни глубоким сном, ни обычной потерей сознания. Его глаза все время оставались открытыми. Но когда кто-то пытался привлечь внимание лорда, он не отвечал, продолжая безучастно глядеть куда-то вдаль. Лайон призвал на помощь все свое мастерство, а Нош вспомни-

ла все наставления Дрин. Наконец совместными усилиями им удалось вернуть к жизни молодого предводителя и еще троих больных.

На закате к ним присоединился разведчик из ушедшей ранее группы, которая размечала наиболее подходящую дорогу. Наконец мятежники прибыли в Даст.

Здесь дома строили примитивно — стены складывали из камней, скрепляя их между собой глиной и землей. Крышу устилали снопами соломы, а сверху замазывали глиной пополам с длинными стеблями степной травы. Но эти убогие жилища казались беженцам роскошными королевскими палатами.

Ярта и прочих больных разместили в самом большом доме, который к их прибытию разведчики уже успели вычистить от хлама, оставленного проходившими мимо торговыми караванами. Судя по надписям на стенах, здесь останавливались четыре каравана, притом последние два предупреждали о частых набегах разбойников.

— Преступники, — сделал вывод Хаспер. — Но кто? Мы никого не видели в этих краях. И сами никогда не нападали на караваны.

— Храм и королевские солдаты остались по ту сторону гор. Сейчас они больше интересуются не западом, а югом, — заметил Крин. Он и его группа принесли хорошую весть — отступление отряда удалось, никто не шел по их следу.

— Посмотри, — сказал Хаспер, проводя пальцем по надписям на стене. — Предупреждение... сразу под записями последнего каравана. Все предыдущие оставили общие расчеты — расход воды, продуктов и корма для животных. А вот этому, похоже, не повезло. Двое охранников застрелены из кустов. И ночная атака, которую караванщикам удалось отбить. — Молодой лорд помолчал. — Летом мы связывались с Басилаем, вот его подпись под вторым столбиком чисел. Тогда все было в порядке. А вот следующий караван уже оставил свое предупреждение. Дело шло к зиме, и ни один разумный караванщик не станет задерживаться дольше, даже если барыши превзошли его самые смелые ожидания. Эти последние торговцы ходили между Дастом и Занди, на северо-западе. Меха, янтарь... И обычно туда шли более тяжело груженные, везли на продажу оружие,

соль и ткани. А если был еще пятый караван? Что могло с ним случиться? Перевалы в Занди уже занесены снегом.

Но у беженцев нашлось множество занятий, кроме заботы о судьбе неизвестных торговцев. До первого снегопада они, как сумели, починили и утеплили свои жилища. Варги день-деньской находились на пастбище, лакомясь осенней травой. Они быстро нагуливали жир, готовясь к суровой зиме.

Шестеро воинов собирали эту же траву, чтобы перестелить крыши домов. В колодце, расположенном в центре поселка, вода была перемешана с грязью. Ее приходилось процеживать через охапки травы. Крин взял двух варгов и вместе с двумя воинами вернулся на место прежней стоянки. Они вернулись и привезли целую гору сухих дров, едва не уморив несчастную скотину. Потом несколько человек из отряда часто отправлялись за топливом, но каждый раз брали свежих, отдохнувших животных.

Да, они много потеряли. Зато здесь нашлось много работы для охотников. Шкуры убитых животных растягивали на колышках, чтобы очистить и размягчить. Нош внимательно рассматривала собранные пучки травы и откладывала в сторону стебли определенной длины. Ее плащ из змеиных шкур давно истрепался, превратившись в лохмотья. И девушка принялась плести новый, на этот раз из травы.

Она готовила еду, ухаживала за ранеными и даже месила ногами глину. Здесь работа не делилась на мужскую и женскую. Мужчины скребками чистили шкуры, а в свободное время жарили добытое мясо. Нош бралась за любую работу, какая подвораживалась под руку.

Тем не менее, когда выдавалась свободная минутка, девушка принималась за свой травяной плащ. Ряд, еще ряд — и наконец у нее получилось странное одеяние. Прямоугольный балахон с дырой для головы посередине. Короткие стороны полотнища позволяли свободно действовать руками, а длинные она просто перехватывала поясом. По меньшей мере, этот плащ защищал грудь и спину от холода. Он оказался теплее, чем меховые одежды, которые девушка носила в горах. Когда Лайон увидел ее новый наряд, он захотел себе такой же. В результате Нош освободили от всех забот и усадили плести плащи для всех воинов.

Забираясь в поисках подходящей травы все дальше от поселка, девушка открыла, что равнина не такая уже и ровная. В ней попадались овражки и рвы, а однажды она обнаружила русло пересохшего ручья.

Присев на корточки, Нош вытерла о траву мокрые от пота ладони и присмотрелась к камням в пересохшем русле. Ее руки обветрились и огрубели, покрылись царапинами и порезами, но... Дар всегда оставался при ней. Кристаллы на груди молчали, но девушка безошибочно выбрала один из покрытых засохшей грязью камешков. Когда она перевернула камень, он блеснул зелеными искрами. Нефрит... Дрин научила ее разбираться в камнях. Откуда его принесли воды бывшего ручья — неизвестно. Но девушка знала, что такие камни встречаются только на северо-западе.

В конце концов Нош отыскала четыре осколка нефрита. Следующие три уступали по размерам первому камню, но все же эти обкатанные водой кругляши стоили затраченных на поиски усилий. Девушка уже собралась отправиться вверх по ручью, когда услышала голос...

Не зов, а скорее стон. Нош долго не могла определить, откуда он доносится, но наконец наткнулась на убитую лошадь. Из шеи животного торчала стрела. Рядом с тушей лошади ничком лежала женщина. Нош перевернула ее и отметила, что незнакомка совсем юная. В ее плече тоже виднелась стрела, вернее, обломок дровка. Одежда была залита кровью.

Когда Нош склонилась над ней, чтобы осмотреть рану, девушка открыла глаза. Увидев Нош, она задрожала от страха и попыталась вырваться.

— Ворзы... Ворзы... — выкрикнула она.

— Я помогу тебе, — принялась успокаивать ее Нош. — Ты потеряла много крови. Мне нужно перевязать рану, а потом, в Дасте...

Она расстегнула пояс и стащила свой травяной плащ. Придется останавливать кровь тем, что есть под рукой. Другого перевязочного материала все равно нет.

Незнакомка завизжала и попыталась ударить Нош. Затем она потеряла сознание, и Нош быстро сделала перевязку. Девушка не смогла бы одна дотащить бедняжку в Даст, потому она со всех ног бросилась за подмогой. Вскоре она вернулась

вместе с Лайоном, который прихватил с собой материал для перевязки.

Раненая лежала на том месте, где ее оставила Нош. Лайон сразу же приступил к делу, а девушка помогала ему при необходимости. Вскоре подбежали трое из отряда, чтобы посмотреть, что случилось. Лайон отправил двоих обратно в Даст за носилками.

— Она из каравана, — заметил лекарь, не отрываясь от работы. — Такую одежду носят на юге. Так что, думаю, вот это лучше вытащить, пока она не пришла в себя. — Он коснулся обломанного древка. — А рана-то свежая, — добавил он.

— Солдаты? — воскликнула Нош, вскакивая на ноги. Устье ручья было довольно глубоким, и отсюда невозможно было разглядеть, что происходит наверху. А вдруг те, кто ранил девушку, идут по ее следу и готовы растерзать не только ускользнувшую добычу, но и ее спасителей?

Но оставшийся воин, вероятно, предусмотрел такую возможность, потому что в то же мгновение издал долгий пронзительный свист, понятный любому из отряда мятежников.

Нош сообразила, что в высокой траве легко спрячется всякий, кто догадается пригнуться. Но шевелящаяся трава выдавала хитрецов, и это заметил их часовой, который привык постоянно быть настороже. Если кто-то и шел по следу раненой девушки, то сейчас он замер и притаился.

Наконец прибыли их вооруженные товарищи и помогли перенести девушку в лагерь. Если бедняжка и пришла в себя по пути, она не стала открывать глаз. Оглянувшись, Нош увидела, что один из воинов снимает с мертвой лошади седло и сбрую.

Как только раненую уложили в одном из домов, туда вбежал Хаспер. Лицо девушки было повернуто к стене — Лайону так было удобней бинтовать рану. Хаспер присел на корточки рядом. Он некоторое время переводил взгляд с незнакомки на лекаря, пока не повернулся к Нош.

— Где вы нашли ее? — спросил молодой лорд.

Нош рассказала о пересохшем ручье. И добавила:

— Она была очень напугана и все время повторяла: «Ворзы».

— Ворзы... — задумчиво повторил Хаспер. — Не может быть. Так далеко на севере они не бывают... Если только не произошло что-то, чего мы пока не знаем. И этот народ не враждует с

купцами... Они ни с кем особо не дружат, разве что с мимайнами... но нападать на караваны... Давно ее ранили? — внезапно спросил он у Лайона.

— Недавно... Она не успела далеко уехать, да и лошадь у нее сдыхала... так что недавно.

Хаспер закусил губу.

— Так. Те, кто грабит караваны, не могут быть нашими друзьями.

Он вышел, и через минуту Нош услышала другой условный свист, созывающий на совещание. Но не успел он отзвучать, как раздался чей-то крик. Лорд Ярт сел на своей постели и дернулся было встать, но девушка успела удержать его.

— Нет, лорд Ярт. Вам нельзя двигаться...

Впервые за несколько дней его глаза обрели осмысленное выражение, словно он наконец вернулся из дальних, известных только ему воображаемых мест.

— Что случилось? — спросил он слабым, но вполне различимым голосом.

Нош вкратце пересказала ему последние события — как нашли раненую женщину, о которой Лайон сказал, что она из каравана. Девушке пришлось говорить громче, потому что отдаленный шум начал приближаться. Теперь она уже различала в общем гуле рев варгов, топот их копыт и вскрики, которые могли вырваться только из человеческого горла.

Лорд Ярт сжал ее руку с неожиданной силой.

— Посмотри... посмотри, что там!

Она послушалась и открыла дверь как раз вовремя, чтобы увидеть, как к колодцу несется фургон, запряженный двумя варгами. Она и не думала, что эти неповоротливые животные способны двигаться так быстро. За первым фургоном появился второй, затем третий.

За ними вздымались клубы пыли. Степную траву, которую изрядно обглодали их варги, теперь вбивали в землю копыта множества лошадей. На некоторых скакали люди в зеленых одеждах, но остальные всадники были одеты как солдаты, хотя страшных черно-красных цветов Нош так и не увидела. Все было почти скрыто облаками пыли, а всадники мчались слишком быстро, так что сперва девушка ничего не могла понять. А затем, когда вся кавалькада подскочила поближе, Нош

увидела, как ее товарищи из Братства выхватили луки и принялись стрелять. Но не во вновь прибывших, а в тех, кто за ними гнался. В Даст прибыл последний в этом году караван.

12

— ЭТО НЕ ВОРЗ.

Тувер, который стал помощником Хаспера вместо погибшего Рольфа, носком сапога перевернул безжизненное тело.

— Но у него же рожа размалевана! — запротестовал один из немногих охранников, которым удалось целыми и невредимыми добраться до Даста.

— Может, кто-то хотел выдать себя за одного из ворзов, — заметил Тувер. — Но этот парень на голову выше любого ворза. А я их повидал, потому что этим летом дважды забирался на юга. И где же его головная повязка? К тому же вы когда-нибудь видели ворза с волосами цвета сухой травы? Когда они на вас напали?

Охранник потер виски, словно пытаясь припомнить то, что напрочь вылетело из головы.

Крин посмотрел на мертвого человека. На его одежде не было никаких знаков Храма, цвета тоже не соответствовали обычной форме королевских солдат. Как и говорил охранник каравана, его лицо покрывала витиеватая раскраска, превратившая лицо в какую-то жуткую маску. Волосы были светло-русые, а широко распахнутые глаза — бледно-голубые, почти серые. Ростом убитый не отличался от мужчин, которые сейчас стояли над ним. А на длинную кожаную курточку были нашиты круглые металлические пластины. Притом она выглядела такой же изношенной, как и одежда мятежников.

— Да дня три назад, — наконец вспомнил охранник. — Да, Гампер как раз подстрелил сокола...

Крин вздрогнул и бросил быстрый взгляд вверх. Соколог!

— У него еще такая дрянь на шее болталась, — продолжал охранник. — Гампер отдал ее хозяину. Я никогда не видел такой штуки, да и кто видел? Потом мы уже выстроились в походном порядке, а Гампер возьми и рухни со стрелой в брюхе. Понятия не имею, чего они не постреляли нас издалека,

как цыпят иноходки, а поперли в ближний бой. Да еще глотки рвали, оралы что-то про мясо... наверное, нас имели в виду. Хозяин Дан знал все про такие фокусы, так что, пока мы сдерживали этих дикарей, он согнал фуры в круг.

Рассказчик помолчал, потом продолжил:

— Уж мы их повыкосили! Но из них ни один спину не показал... как сдурели, все лезли на мечи, даже не пробовали защищаться. Чистая бойня, прямо как волчаков, забравшихся в загон, в капусту рубать. Так ведь мы-то не в загоне были... а они и не волчаки. Пали, как трава скошенная, вот тут и вылезли эти ребята.

Он снова помолчал.

— Банда, человек двадцать. По крайней мере, потом столько дохляков насчитали. Мы потеряли двоих, не считая Гампера. Один из них — племянник хозяина Дана. Вот тут мы и озверели. Поначалу мы сидели по фургонам. Но местность открытая, и если бы они опять полезли, мы у них оказались бы как на ладони и долго бы не продержались. Вот хозяин и решил, что нужно пробиваться к Дасту. Вотар вызвался проверить дорогу. Вернулся и сказал, что все чисто, видать, мы всех повыбили. Тогда хозяин Дан решился рискнуть и по-быстрому добраться сюда... Варги, я вам скажу, такую скорость могут выдать, если знать, как обращаться с бичом. Погонщики им так хвосты накрутили, что зверюги летели, копыт под собой не чуя. Главное, чтобы впереди кто-то скакал, а уж они погонятся за ним, как пить дать.

Он прокашлялся.

— Ну, тут они снова навалились. Будто из-под земли выскочили и сразу отсекли последнюю фуру. Райан сказал, что видел, как одного бандюгу сразу стоптали, а второй свалил переднего варга. А там была молодая жена хозяина Дана. С севера. Ну, она-то не городская девица. На коня — и ходу. Правда, куда-то вбок, а мы не могли за ней гнаться. Не до того было. Говорят, вы ее подобрали.

— Ее достали стрелой, — ответил Тувер. — Ваш хозяин сейчас у нее. Видимо, нам нужно как следует укрепить поселок, если эти... — он снова ткнул носком сапога в тело, — еще раз полезут. Говоришь, его жена была с севера?..

Охранник кивнул.

— Дней тридцать, как они поженились. Заключение с ее народом неплохую сделку, вот папаша и отдал в придачу еще и дочку.

— А может, на вас напали люди из ее народа, — впервые подал голос Крин, — потому что им это не понравилось? А подстрелили ее по ошибке. Может, она хотела отъехать подальше, а потом присоединиться к нападающим?

— Не похожи они на колоссиан. Это ее народ так называется. По крайней мере, на тех, кого я видел. Они не красят рожи, а волосы заплетают в косу, прямо на темечке... Специально. Говорят, что богу войны удобнее будет забирать их после боя. Да она и не возражала против свадьбы. Нам вообще показалось, что ей даже не терпелось убраться оттуда. Все время спрашивала про город, про то, как мы там живем. Будто всю жизнь только и мечтала, как бы туда попасть.

Тувер оглядел истоптанную копытами землю. Трех охранников и двоих воинов из Братства, убитых в стычке, уже убрали. В лазарет поступило несколько раненых, так что работы Лайону прибавилось.

— Мы положили примерно двадцать бандитов. Часовые выставлены, все готовы к бою, — доложил Тувер.

Три фургона, оставшихся от каравана, расположили между домами. Крин знал, что на крышах притаились лучники, которые будут стрелять, не раздумывая. Трое бойцов и двое охранников сейчас обыскивали трупы разбойников. Крин понимал, что они не только искали оружие, но и пытались определить, кем были эти люди.

— Мы думали, что труднее всего будет на севере, — продолжал рассказывать охранник. — И совсем не ждали нападения так скоро, прямо возле Даста. Последние торги мы провели давно. И чего эта банда налетела на нас?

— Соколок, — ответил Крин. И тут же принялся осматривать лагерь. А вдруг этот хозяин Дан до сих пор хранит диск? Может, он похож на ту штуку, которую Крин побоялся даже взять в руки? Если она до сих пор у Дана, не повлечет ли это следующую сумасшедшую атаку? Но юноша мог поклясться, что эти люди — не его крестьяне и не купцы на службе у Высшего короля... Храм не нанимает свободных торговцев, считая,

что все его слуги должны быть ревностными приверженцами Единого.

Но Крин хотел узнать, куда же делся диск, висевший на шее соколка. Потому он направился к лазарету. Откинув полог, заменявший дверь, он оказался в полутемной комнате. Глаза юноши не сразу приспособились к сумраку, так что поначалу он ничего не смог разглядеть.

Потом он увидел Ярта, который лежал на травяном тюфяке. Крин застыл, как громом пораженный, когда сообразил, что лорд Гарна смотрит на него ясным взором и, видимо, прекрасно воспринимает окружающее. И хотя юноша пришел в лазарет по другому поводу, он первым делом поговорил с Яртом.

— Они ворзы? — потребовал ответа предводитель. — Купец клянется, что ворзы.

— А Тувер говорит — нет. Они не похожи на ворзов ни внешностью, ни одеждой. Охранник сказал, что это и не колоссиане, — ради справедливости добавил он. — Хотя у них раскраска...

— Раскрасить можно любого, — отрезал Ярт.

Лорда выводила из себя вынужденная несвобода, ему явно не терпелось выбраться из постели.

— Это еще не все, — быстро сказал Крин. — У меня вопрос к караванщику. Один из его охранников подстрелил соколка. На шее у птицы была какая-то штука. Охранник отдал ее хозяину. А потом его убили первым.

— Соколок? — переспросил Ярт, прищуриваясь. — Да, помню. Ты тоже встречался с одним, правда уцелел.

— Я не трогал то, что было на нем.

— Та-а-ак, — протянул Ярт. — А тот охранник трогал. И передал хозяину. А потом на них напали.

Лорд повернул голову и позвал, чуть повысив голос:

— Дочь Дрин, кажется, нам требуется твоя помощь.

Когда с какого-то тюфяка поднялась Нош, Крин с трудом сдержал раздраженные слова, готовые сорваться с языка. И сдержал лишь потому, что лорд Ярт метнул на него недовольный взгляд. Естественно, никто не собирается проводить новый эксперимент вроде того, что разрушил их пещеру и погубил столько собратьев. Только сумасшедший позволит этой девчонке проявлять свою колдовскую силу. Но командовал

здесь Ярт, а у Крина не было никаких доказательств вредоносности ее дара, одни подозрения.

Потом Ярт повернулся к Крину.

— Позови купца, это касается и его тоже.

Крин подошел к одеялу, отгораживающему угол комнаты. Лекари хотели, чтобы раненая женщина хотя бы не видела остальных больных.

— Господин Дан! — позвал Крин, не коснувшись одеяла.

— Да?

Занавеску приподнял мужчина средних лет с бронзовым от загара лицом. Видно, ему доводилось немало странствовать по свету. В отличие от многих знакомых Крина он носил аккуратно подстриженную бородку. В черных волосах блестели серебряные нити. Хотя он был невысок и довольно тщедушен, но держался как человек, привыкший повелевать.

— Лорд Ярт желает поговорить с вами, господин.

Крин так давно не бывал в светском обществе, что решил ограничиться простой констатацией факта. Но господин Дан, судя по всему, не обиделся и сразу же поспешил к постели Ярта. Он сел рядом, скрестив ноги, чтобы не слишком возвышаться над лежащим лордом. Нош пристроилась сбоку. За последние дни ее лицо, казалось, стало еще более непроницаемым. И Крин впервые вспомнил, что умирающая жрица назвала ее дочерью, а значит, между ними существовала глубокая связь. Хотя едва ли эта связь — кровное родство. И что значило для этой девочки — Крин был вынужден признать, что она почти ребенок, — остаться одной среди мужчин, с которыми она была едва знакома? Да... она владеет магической силой... Ну, и что эта сила сотворила с ними!

Лорд Ярт чуть подался вперед, и Нош поспешила поправить подушку, чтобы ему было удобнее сидеть на постели.

— Господин Дан. Крин, Наследник Дома, услышал от вашего охранника странную историю. О том, что один из них подстрелил соколка и нашел у него на шее удивительный камень... Это правда?

Несколько мгновений купец смотрел в глаза Ярта, но наконец решил признаться.

— Да, правда.

Он полез в поясной кошель и выудил что-то, завернутое в тряпицу. Расправил лоскут ткани и показал Ярту круглый камень темно-красного цвета с дырой посередине. Без сомнения, через это отверстие и был пропущен шнурок.

— Дочь Дрин, — промолвил Ярт, не касаясь камня, — что это?

Купец изумленно уставился на девушку. Она протянула было руку, но тут же отдернула ее. Привычная маска сползла с ее лица.

— Вспомните, лорд! — воскликнула Нош.

— Это может спасти нашу жизнь... — начал Ярт.

— Или погубить! — с жаром закончила девушка.

Купец непонимающе переводил взгляд от Нош к Ярту, он был сбит с толку. Тогда Ярт решил объясниться.

— Это Алноша, нареченная дочь жрицы Лиры. У нее зрячие руки — дар Лиры.

Дан, затаив дыхание, посмотрел на девушку широко открытыми глазами.

— Госпожа! — Он отвесил ей легкий поклон. — Я много слышал о таких, как вы, но никогда не встречал. Вы можете это распознать? — Он протянул раскрытую ладонь, на которой лежал камень, к Нош. — Правда ли, что он каким-то образом накликал на нас несчастье?

Девушка закусил губу и в отчаянии посмотрела на Ярта.

— Дочь Дрин, — медленно произнес он, — скажи нам, если эта вещь действительно опасна. Я не прошу тебя узнать о ней все... только понять, велика ли опасность.

Крину больше всего хотелось выбросить проклятый камень куда подальше, но он понимал, как важно узнать, что за сила в нем заключена.

Быстро, словно боясь передумать, Нош схватила камень. Она взяла его в левую руку, правой чуть прикрыла ладонь и зажмурилась. Кажется, она даже дышать перестала. А потом...

Нош заглядывала через окно в странную комнату, полную шевелящихся теней. В полумраке чердака виднелись ряды наместов. На них сидели соколки. Одни чистили клювом перья, другие не двигались, сунув голову под крыло. Глаза птиц были полуприкрыты, словно они спали.

Посреди чердака возвышался шест из темного металла, который поддерживал тусклый шар — отвратительный, покрытый черными и алыми полосками, словно раздувшаяся змеиная шкурка. Нош узнала этот шар, такой же она видела в пещере Лиры! Она тотчас же прервала видение. Если этого не сделать, то на них неминуемо обрушится новый удар.

— Это зло, — сказала девушка. — Часть прежнего зла... Дрин знала об этом больше, потому что сражалась с ним много лет. Соколки подчиняются той же силе, что была заключена в образном камне с глазом. Да, скорее всего, эта штука напрямую связана с темной силой и может погубить того, кто хранит ее. Даже если он не будет настроен на нее, как птицы.

Услышав ее слова, купец тихо ахнул. Он выхватил из рук Нош тряпицу с камнем. Крин заметил, что торговец сделал это очень осторожно, стараясь не коснуться страшного предмета. Вскочив на ноги, он в два прыжка вылетел из хижины. На улице он свистом подозвал одного из слуг и приказал:

— Возьми это и растолки в пыль. Здесь и сейчас!

Крин едва не закричал от восторга, но сдержался. Он бросил взгляд на девчонку: не станет ли она возражать? Вдруг этого недостаточно, чтобы прервать связь с темной силой? Но та задумчиво молчала, вероятно, взвешивая «за» и «против».

Слуга подобрал у разрушенной стены два подходящих камня. Все присутствующие следили, как он установил один из камней на земле и положил сверху зловещий диск. Он повернулся, мельком оглядел напряженные лица господ и взял второй камень, направляя его острой гранью вниз. Затем опустился на колени, поднял камень над головой и обрушил его на завернутый в тряпку амулет. Когда слуга снова вознес над головой каменный молот, все увидели, что тряпица опала, стала плоской. Слуга глянул на хозяина, тот резко кивнул, приказывая продолжать.

Затем Дан подошел и развернул тряпку.

— В пыль, — сообщил он.

Напряжение слегка отпустило Крина. Он-то думал, что уничтожение камня повлечет за собой какие-нибудь ужасные последствия. Хотя может статься, это подстерегает их в будущем.

Первой заговорила Нош:

— Лучше вынести это из Даста и зарыть.

— Иначе аукнется? — спросил Ярт.

— Не знаю,—покачала головой девушка. — Я видела совсем немного.

И она рассказала о странном чердаке, который явился ей в видении.

— Соколки так не содержат! — поразился купец. Он успел отослать слугу, который понес тряпку с отвратительной пылью за пределы поселения. Судя по лицу, ему не терпелось избавиться от нее.

— Да, — согласился Ярт. — Но этот край такой огромный, что мы можем не знать всех обычаев. Вот вы — караванщик, но разве вы можете похвастаться, что исходили эту землю вдоль и поперек?

— Нет, — ответил Дан. — Но почему за нами шпионят таким способом? Соколки живут высоко в горах, а здесь встречаются редко. Прежде чем мои ребята сбили птицу, она долго парила над нашим караваном, хотя какая из нас добыча?

Неожиданно Нош посмотрела в сторону занавески, за которой лежала раненая жена Дана. Караванщик поймал ее взгляд и нахмурился.

— Народ Софины... она... они ни при чем! — прорычал он, хватаясь за рукоятку кинжала.

Нош, не обращая на него внимания, вскочила. Одну руку она прижала к груди, а второй, как слепая, пыталась что-то нашарить перед собой. Нет, дело было не в юной жене караванщика. Просто девушка явственно ощутила тепло Пальца на груди, хотя прежде не придавала этому значения. Видимо, его заглушал камень, снятый с соколка. Дан подскочил к ней. Ярт качнул головой, и Крин встал между девушкой и купцом.

Нош опустила на колени перед одним из мешков, которые Дан сложил в хижине — на случай, если жене понадобятся какие-нибудь вещи. Нош засунула обе руки в мешок, растущее в пальцах тепло направляло ее поиски. Наконец она ухватила продолговатый предмет, который на ощупь показался ей сделанным из металла.

Достав его из мешка, Нош увидела, что это золотой обруч, да такой невесомый и изящный, что золотое кружево даже слег-

ка прогнулось под ее пальцами. В центре, словно хрустальное перо, торчал один из Пальцев Лиры.

— Эй, ты что творишь? Это же свадебный венец Софины!

За спиной Нош послышалась какая-то возня, видимо, Крип удерживал Дана на месте.

Нош даже не оглянулась. Ей пришлось напрячь все силы, чтобы освободить кристалл из золотого плена. В руках девушки он вспыхнул живым пламенем. А его собратья, спрятанные на груди Нош, отозвались волной тепла.

— Что...— изумленно начал Дан.

Нош положила обруч. Как и прежде, она никого не собиралась посвящать в свою тайную миссию. Лихорадочно перебрав в уме несколько вариантов ответа, она выдала, по ее мнению, самый подходящий:

— Эта штука, господин купец, тоже средоточие силы. Но не злой силы, потому что это амулет Лиры. Но... — Девушка запнулась, потому что ее осенила новая мысль. И продолжила: — Может, сокол охотился именно за этим. Потому и кружил над вашим караваном. Понимаете... сила притягивает силу... Светлая может притягивать темную, так уж повелось. Это принадлежит Лире, а я служу Ей... Ради всего святого, господин Дан, отдайте это мне.

— Это не драгоценный камень, — сказал купец, потирая подбородок. — Так, простой хрусталь. Но Софина дорожит своим венцом. Ладно, раз уж ты нашла мою жену и спасла ее...

Сжимая Палец одной рукой, Нош второй пошарила в пояском кошельке и извлекла самый крупный камень из найденных в пересохшем ручье.

— Нефрит! Да какой большой! Где вам посчастливилось его раздобыть, леди?

— Не согласится ли ваша Софина поменять камень из своего обруча на этот? Его просто нужно немного отполировать, а цвет хорош сам по себе. А где я его взяла... На дне ручьев много камней, среди них попадаются и драгоценные.

— У тебя умные пальцы! — воскликнул караванщик и недоверчиво смерил девушку взглядом. — Хорошо, госпожа... Хрусталь в обмен на нефрит. А если этот хрусталь и вправду приманивает соколов, лучше держаться от него подальше.

Крин сильно сомневался, что неведомый враг охотится за этим обломком. И в течение последующих дней эти сомнения только возросли. Разбойники больше не показывались. Возможно, когда соколиный камень разбили, их некому стало направлять. Но будущее все еще оставалось туманным.

Дан был бы рад немедленно отправиться в путь, но сперва нужно было проверить, что осталось из груза, и все переупаковать. Да и охранников было слишком мало. У Братства хватало своих проблем. Наконец Дан, Ярт, Хаспер и Тувер сели обсудить ситуацию.

Хотя мятежники, пострадавшие после землетрясения, чувствовали себя гораздо лучше, но сломанные руки и ноги еще не срослись. Купец предложил отряду беглецов присоединиться к каравану, рассчитывая на помощь всех воинов, способных удерживать оружие. Вот только раненых необходимо транспортировать очень осторожно, а это, несомненно, снизит скорость передвижения всего обоза.

Было решено остановиться на чем-то среднем. Дан оставил Братству несколько связок меха, кое-какую провизию и оружие погибших охранников. Взамен Крин и двое оруженосцев Ярта отправятся с караваном и по прибытии в Казгар получают достаточно денег, чтобы закупить всего, чего не хватает отряду сейчас. Зима уже была на носу, но первые метели еще не тревожили степь. Оставшиеся воины отряда собирались обживать и укреплять Даг.

Когда стало известно о решении, принятом на совете, Нош подошла к Ярту.

— Лорд Ярт, вы были так добры ко мне! Несмотря на то что я, сама того не желая, навлекла на вас беду и едва не погубила всех. Пришло время исполнять долг, который возложила на меня Дрин. Я должна идти с караваном, если мне позволят.

Крин услышал ее слова и призадумался. С одной стороны, если зло следует за этой девчонкой по пятам, лучше будет, если оно поразит караван, а не товарищей из Братства. А с другой стороны, когда обоз прибывает в город, они больше никогда не увидят это ходячее несчастье. Дан с радостью согласился. За это время он неоднократно просил Нош взглянуть на камни, купленные на севере, и каждый раз поражался ее оценке. Де-

вущка с готовностью бралась за роль оценщика, справедливо полагая, что караванщик проникнется к ней уважением и позволит отправиться вместе с обозом.

И вот ранним утром из Даста выкатились фургоны — много медленнее, чем в тот день, когда они прибыли в поселок. Софина поправилась настолько, что смогла править передней фурой. Она поглядывала на Нош с подозрением и не спешила завязывать знакомство, что вполне устраивало девушку. По крайней мере, Софина не жаловалась на то, что у нее отобрали кристалл, который покоился вместе с остальными собратями в волосяном мешочке за пазухой Нош.

13

ПОСКОЛЬКУ ВЕРХОВЫХ животных не хватало на всех, Нош решила, что ее ждет пешая прогулка. Ничего, дело привычное. Ей уже приходилось шагать сперва от Рифта к горам, а потом от пещер Братства к Дасту. Варги, тянувшие фургоны, отличались от тяжеловесных, неповоротливых животных, которых обычно использовали для перевозки грузов или для полевых работ. Их даже не отпускали свободно пастись, поскольку двигались они намного быстрее своих местных собратьев.

На оставшихся лошадях скакала охрана, держась по обе стороны дороги. Воины следили, чтобы впереди и с тылу отряду не угрожала опасность. Но пока разбойники не давали о себе знать.

Нош держалась вместе с внутренней охраной, которая шагала рядом с фургонами. А сумку с собственным небогатым скарбом она оставила в повозке самого караванщика. Вскоре купец подозвал ее, глядя сверху вниз с места возницы.

— Залезай, госпожа! А то к ночи собьешь все ноги в кровь. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти!

Поскольку в этом фургоне находилась Софина, Нош заколебалась. В Дасте спасенная женщина относилась к ней холодно и отстраненно, потому Нош не хотела навязывать ей свое общество. Хотя Софина как-то терпела Нош, пока девушка врачевала ее рану. Тем более повозку тащили не один, а два варга, так что лишней тяжестью отговориться не удалось бы.

Она ожидала, что Дан велит забраться в фургон, но купец отодвинулся и приглашающе похлопал по сиденью.

Оценивая его драгоценные камни, Нош успела немного лучше познакомиться с хозяином обоза. Она знала, что Дан до сих пор не может поверить в ее чудесный дар, но относилась спокойно к его недоверчивости. Купец постоянно забрасывал ее вопросами, а Нош отделялась скупыми ответами. Она ни словом не упомянула хрустальную пещеру Лиры, а свой талант объясняла обучением у Дрин.

Девушка даже не показала ему кучку самородков, найденных когда-то в Рифте. Но внимательно слушала все, что Дан рассказывал о своих методах оценки камней. Ее осенила идея, что лучший способ начать охоту за Пальцами в Казгаре — если они там — это отыскать торговцев и оценщиков драгоценных камней и научиться их приемам.

Судя по рассказам Дана, это не так просто. В Казгаре торговцы драгоценными камнями объединились в гильдию, куда новичку было трудно пробиться. И делами обычно заправляли несколько семей, которые передавали свои секреты и власть из поколения в поколение. Нынешним главой гильдии была женщина, Леция д'Арси. Несколько поколений назад ее клан пробился к управлению всей организацией.

— Поговаривали, — рассказывал Дан, решивший заодно похвастаться тем, как он прекрасно осведомлен о внутренних делах гильдии, пускай он и был путешествующим торговцем и стоял на нижней ступени сложной иерархии, — поговаривали, что это место не для женщины. Но если уж Леция чего-то хочет, она добьется своего. Тем более у нее железные права. Она получила основной капитал от покойного отца — главы клана, и от мужа, который приходился ей двоюродным братом. Муженек отправился в какое-то предприятие на запад да и не вернулся. А поскольку перед отъездом он держал рот на замке, то никто не знает, что там могло случиться.

Дан умолк, припоминая события тех лет.

— Так она и стала главой гильдии, поскольку в ее руках оказался весь унаследованный капитал — от отца и от мужа, — а это большая часть средств всей организации. И значит, право решающего голоса — за Лецией. А за год она доказала всем, что женщина не женщина, а глава гильдии она отменный. У нее

дом — настоящая крепость... И она — единственная, кто не платит трясунам...

— Трясунам? — перебила его Нош.

Дан замялся.

— Понимаете, госпожа, если у кого-то заводятся денежки, всегда найдутся те, кто желает оттяпать их себе. Хотя бы часть. Трясуны ходят ночью, никто их в глаза не видел, и вытрясают у богатых долю для себя. Говорят, они сбились в банду и у них есть главарь, который придумывает всякие уловки и хитрые способы добыть деньги. Но в Казгаре о таком помалкивают. Лучше не лезть в дела людей, которые умеют обращаться с ножом и появляться из ниоткуда.

— Неужели там нет стражи? — поразилась Нош.

Ей и в голову не приходило, что в городе воры и убийцы так распоясались. Хотя сама она в городе сроду не бывала, а в отряде никто особенно не вспоминал подробностей городской жизни. Правда, один из мятежников был раньше стражником, до того, как ему пришлось спастись и убежать в горы.

— Есть стража, есть, — кивнул Дан. — А кто может себе это позволить, нанимает охрану. Вот как я, когда отправляюсь в путешествие. Но трясуны — люди ушлые и хитрые. Говорят, они так ловко могут обчистить богатого человека, что тот опомнится, только когда их и след простыл. А еще... — Он поколебался, но все-таки продолжил: — Болтают, что они даже платят налоги, как все честные торговцы...

Дан вздохнул и покачал головой.

— Что об этом говорить, госпожа... Всякий народ живет за городскими стенами. И ни в ком нельзя быть уверенным, кроме старых проверенных друзей и своего клана. А если у тебя их нет, то в Казгар лучше не соваться...

— У меня нет, — сказала Нош.

— Вот я и предупреждаю тебя, госпожа. У ворот тебя обязательно приметят и визнают, что ты делаешь да где остановилась. У тебя есть дар, который может помочь мне в деле. Оставься служить мне, и все заботы я возьму на себя.

Нош поразмыслила над этим предложением. Что она знает об этом человеке? Она и видела его всего несколько последних дней, пока он жил в Дасте. Нош познакомилась с ним, когда разбирали дело с соколиным камнем. Теперь-то

девушка точно знала, что если бы амулет остался у купца, тому угрожала бы опасность.

Для Нош город был страшнее любых необитаемых, диких мест. Она чувствовала себя как дома в опустошенном Рифте и горной глуши Высот. А здесь странные люди живут своей странной, незнакомой жизнью. Они ютятся в тесных домах за каменными стенами. Девушка не могла даже представить, какой он — город. И все же она была уверена, что правильно поступила, отправившись вместе с караваном. Остаться в Дасте — значило прекратить поиски. И когда еще выпадет такая возможность?

— И долго мне придется служить вам? — спросила Нош.

Из разговоров в Братстве она знала, что некоторые иногда нанимаются на несколько лет, а такой долгий срок не входил в ее планы.

— Столько, сколько ты пожелаешь, госпожа. Я приготовил кое-что для зимней ярмарки... Если ты поможешь мне оценить и рассортировать камни, то получишь процент с продажи. Приглашаю разделить со мной кров. И должен заметить... — гордо добавил купец, вскинув голову, — это далеко не худший дом в городе! Софина тоже никогда не бывала прежде за городскими стенами. Вы можете гулять вдвоем, если ей захочется, например, посетить храм, базар или центральный парк.

— Кажется, ты предлагаешь мне честную сделку, господин Дан, — согласилась Нош. — А этот храм... в Казгаре тоже поклоняются Единому?

— Нет, госпожа, — замотал головой Дан. — Мы слышаны о том, как живут в подвластных Его Храму землях. Покровители нашего города — Трое Благословенных: мудрец Армиш, воин Кошон и госпожа Паула, которая ведает сердечными делами и врачеванием. Мы молимся одному из Трех и просим успеха в каком-нибудь деле. Прежде в городе поклонялись и другим богам. И... — Он замялся, покосившись на Нош. Но все-таки продолжил: — Говорят, был один человек, который рассказывал о Лире. Кое-кто прислушивался к нему. Даже храм начали строить... но жрец куда-то пропал, и здание осталось недостроенным. Потом Варлард устроил в нем кожевенный склад. Прости, госпожа, что непочтительно отзываюсь о том, что для тебя так важно. Но ведь так все и было.

— Лучше знать правду, господин Дан, — заметила Нош, хотя все ее мысли сейчас были заняты другим. Значит, в Казгаре есть святилище Лиры. А откуда лучше всего начинать поиски сокровища, если не из ее храма? Дрин рассказывала, что служители Госпожи разбрелись в разные стороны, унося с собой драгоценные Пальцы. Возможно, в этом святилище, о котором упомянул Дан, и находится один из утерянных обломков.

— А ты можешь говорить со своей богиней? — поинтересовался купец.

— Нет. Я не посвященная жрица, хотя меня многому научили. Моя причастность к Лире дарит мне тепло и уверенность в своих силах, но я никого не собираюсь обращать в свою веру.

Караванщик облегченно вздохнул.

— Трое наших покровителей вовсе не завистливы, как тот же Единый, заставляющий всех слушать только Его Голос. И все-таки Казгару довольно своих богов. Вмешиваться в божественные дела — опасное занятие.

Скрип тележных колес на мгновение перекрыл голос из глубины фургона.

— Дан! — требовательно звала Софина.

Купец положил сбоку длинный бич и махнул рукой на варгов.

— Они будут идти себе за передней фурой. Но если вздумают свернуть, зови меня.

Нош кивнула. Торговец перелез через сиденье и забрался под тент. Его слова заставили девушку крепко задуматься о будущем. Хотя она считала, что строить планы еще рано, нужно сперва поглядеть на этот Казгар. За спиной послышались голоса. Купец с женой говорили на незнакомом языке, так что Нош не понимала ни слова. Зато интонации говорили сами за себя. Голос Софины резко взлетал и опадал, в нем явственно звучал гнев. Дан глухо бубнил, судя по всему, он пытался утихомирить супругу, задобрить и успокоить.

Девушка не оглядывалась, чтобы говорящие не решили, что она подслушивает. Нош принялась разглядывать всадников, скакавших рядом. Это были двое охранников каравана и Крин, который только что подъехал к переднему фургону. Он соскочил с лошади и взял предложенный возницей мех с освежающим напитком. Рядом с возницей сидел и ждал своей оче-

реди отправляться в дозор еще один мятежник из Братства. Они перебросились с Крином парой фраз и поменялись местами. Юноша забрался на сиденье передней фуры и скрылся из виду. Нош радовалась, что почти не сталкивается с этим парнем.

Он ясно дал понять, что считает ее опасной. И всем видом показывал, что ее отъезд вместе с караваном только к лучшему — мятежники избавятся от постоянной угрозы. Зато Ярт очень жалел, что она уезжает. Он сперва опечалился, а затем настоял, чтобы девушка прихватила с собой оружие. Так что сейчас на ее поясе висел нож, не источенный временем, требующий постоянного ухода. Молодой лорд все же с пониманием отнесся к ее стремлению исполнить обещание, данное Дрин.

Нош уже знала историю Крина — как Дом отрекся от него, а Голос объявил вне закона. Теперь девушка не возмущалась оттого, что он терпеть не мог всех богов и ненавидел их волшебную силу. Только добраться бы до Казгара, а там их дороги разойдутся. Чего о нем думать?

И все-таки девушка не могла выбросить Крина из головы. В отряде он был ближе всех к ней по возрасту, хотя тяжелая жизнь уже превратила паренька в зрелого мужчину. Ему, как и ей, были знакомы тяготы, лишения и смерть. Неожиданно Нош пожалела, что юноша так ожесточился.

Потом она вспомнила Дрин и их долгую дружбу. Девушка привыкла чувствовать себя рядом со жрицей как за каменной стеной. Дрин защищала ее от всех несчастий и бед. Как много дала она Нош, начиная с того дня, когда внезапно возникла среди скал и увела ее в Рифт! Нахлынувшее чувство пустоты и одиночества Нош быстро заглушила мыслью о городе и о том, что ей предстоит там сделать.

Она не жалела о сделке с Даном. Ей казалось, что все честно — услуга за услугу. А судя по его рассказам о гильдии, такого новичка, как она, туда и близко не подпустят. Особенно учитывая, что выглядит Нош как самая настоящая бродяжка. А Леция д'Арси... та даже не взглянет в ее сторону. В городе должна состояться ярмарка, на которой все караванчики выложат товары, привезенные из дальних странствий. Конечно, она поможет Дану разобраться в купленных камнях и по достоинству оценить каждый. Несколько раз во время проверок, которые устраивал купец, она легко отличала настоящую

драгоценность от блестящих подделок. А если вспомнить соколиный камень... ей не составит труда заметить что-то, тающее опасность.

Дрин учила девушку, что встречаются камни, которые приносят своим обладателям несчастье. Правда, Нош не знала, может ли ее дар отличить такие камни. Но с каждым днем она все больше верила в свой талант и не упускала возможности попрактиковаться.

Дрин рассказывала, что в прежние времена встречались одаренные люди, которые могли прочесть всю историю камня — «увидеть» всех его владельцев, определить, был ли камень украден или приобретен честным путем.

Возможно, когда она будет разбирать коллекцию Дана, приготовленную для ярмарки, то попробует исследовать свои возможности и в этом направлении. А еще девушку заинтересовал его рассказ о святилище Лиры. Нужно будет узнать об этом подробнее. Ее рука коснулась груди. Нош пришлось срезать несколько длинных прядей волос и сплести мешочек побольше, чтобы спрятать там все Пальцы. Она знала, что стоит оказаться неподалеку от остальных частей сокровища, как имеющиеся кристаллы подтолкнут ее в нужном направлении.

Позади послышалась возня, и на сиденье взобрался Дан. Его щеки горели, а рот сжался в тонкую полоску. Он заговорил, не глядя на девушку:

— Госпожа, мой дом — твой дом. Буду рад, если ты поможешь мне своим даром. Софина... — запнулся Дан и продолжил, осторожно подбирая слова: — Софина никогда не бывала за пределами своей маленькой страны. Чужие обычаи для нее в диковинку. Будь снисходительна и не принимай близко к сердцу слова, которые могут вырваться у нее только по невежеству, а не из желания оскорбить...

Он окончательно запутался и смолк.

— Хотите, я поговорю с ней? — спросила Нош, хотя не горела желанием беседовать с особой, которая терпеть ее не может. — Наверное, Софина думает, что это я причинила ей боль, хотя я просто лечила ее рану. Ради ее же блага.

— Правда, святая правда! — воскликнул Дан.

Некоторое время он молчал из боязни прикусить язык, потому что фургон немилосердно затрясло на выбоинах.

— Да, госпожа. Может, если Софина познакомится с тобой поближе...

Только тогда Нош догадалась, что северная невеста, видимо, приревновала к ней своего супруга.

Сама Нош ничего не знала об отношениях мужчин и женщин — как все это происходит и какие существуют условности на этот счет. Да, пожалуй, ей не следовало долго находиться наедине с Даном, когда они разбирали драгоценные камни.

Но купец был ей нужен! Чем больше девушка размышляла о Казгаре, тем сильнее убеждалась, что пытаться самой освоиться в незнакомом месте — чистое безумие. Но если в семье Дана назреет скандал из-за нее, караванщик наверняка возьмет свое слово обратно, и Нош придется убираться восвояси. Она ведь так и не научилась ладить даже с особами женского пола. В детстве у нее была подруга — Илда, а потом — только Дрин.

Конечно, когда Нош вступила в пору девичества, Дрин объяснила ей, что происходит с ее телом. Девушка знала, что случается, когда мужчина разделяет ложе с женщиной. Но Дрин рассказывала обо всем просто, сухо излагая факты, — все равно что читала по книге. В Братстве мятежники воспринимали ее равнодушно, словно Нош была очередным парнем, который присоединился к отряду. Видимо, думали так: она, конечно, не воин, но право голоса у нее есть. После землетрясения все, кроме Лайона и раненых, старались избегать девушку, так что она оказалась предоставленной самой себе.

Нош подозревала, что Дан проникся к ней благоговейным страхом после случая с соколиным камнем. Но купец, без сомнения, уважал ее талант. Видимо, он рассказывал о ней Софине, и женщина решила, что дело не только в благоговении и уважении.

Значит, пора объясниться... если проблему долго откладывать, решать ее будет намного труднее. Девушка бросила взгляд внутрь повозки.

— Что бы ни думала ваша супруга, я — ее друг, — сказала Нош. — Может, если я поговорю с ней, то смогу убедить ее в этом.

Она откинула кожаный лоскут, прикрывающий внутреннюю часть фургона от посторонних глаз, и скользнула туда. Дан промолчал.

Внутри было светло — задний полог был сдвинут, и дневной свет легко проникал в повозку. Хотя по обеим сторонам фуры громоздились ящики и тюки, посредине оставалось свободное пространство. Разложенные меха покрывали дощатый пол, повсюду были разбросаны подушки с яркой, причудливой вышивкой. Некоторые нити отливали золотом — видимо, чтобы украсить шитье и повысить его ценность. Такое богатство и великолепие ослепили Нош. Девушка сразу осознала, что одета в изношенное тряпье, что ее руки грубы и обветренны от тяжелой работы, а кожа стала бронзовой от солнца. Чтобы волосы не растрепывались, она всегда заплетала их в косы. Глядя на Софину, девушка особенно отчетливо поняла, какая она замарашка.

Хотя рука женщины до сих пор оставалась на перевязи, чтобы уберечь раненое плечо, Софина каким-то образом ухитрилась облачиться в платье. Да, по сравнению с этим нарядом платье, которое носила Дрин, — обычная половая тряпка.

Оно было голубого цвета, с блестками. И чудесно переливалось, когда на него падал свет. К тому же по плечам и подолу висала изящная вышивка. В отличие от платья Дрин, которое доходило до щиколоток, это чудо от талии разлеталось роскошной юбкой и оканчивалось у колен. На ногах Софины были штанишки — свободные сверху и собранные на лодыжках тесьмой с зеленоватым отливом. Вот и весь наряд. А еще на узких щиколотках Софины мелодично позвякивали серебряные ножные браслеты с бубенцами. На голове женщины была накручена зеленая чалма, из-под которой на плечи ниспадали золотистые волосы.

Прежде Софина так не одевалась. Когда она лежала в хижине, отведенной под лазарет, ее просто укутывали в одеяло. А волосы свободно лежали на подушке, а затем Нош расчесала их и заплела в длинную косу.

Пока девушка ошеломленно тарашилась на преображенную Софину, та разглядывала Нош из-под полуопущенных ресниц, словно ей не хватало сил разомкнуть веки. А может, дело было в хлопьях черной туши, нанесенной на ресницы, — их цвет соответствовал тоненьким подведенным бровям. Косметика подчеркивала природные черты Софины — широкий нос и большой, яркий рот. На высоких скулах двумя кру-

глыми пятнами горел румянец, явно искусственного происхождения. Новый облик женщины привел Нош в некоторое замешательство, отчего она, вопреки правилам приличия, заговорила первой:

— Госпожа, я рада, что вам уже лучше.

Софина слегка поджала пухлые губы и заговорила с непривычным акцентом.

— Я должна поблагодарить тебя... жрица. — Ее голос прозвучал досадливо, будто Нош удостоилась почести, которую не заслужила. — Ты нашла меня, по крайней мере, так мне сказали... — Снова неприятная интонация в голосе. — Ты лечила меня. Мой господин говорит, что ты помогаешь ему. У тебя какая-то странность с руками. Ничего подобного раньше не слыхала. Это обычное явление в вашей варварской стране?

— Я не жрица, — ответила Нош ровным голосом, не потрудившись вложить в него и капельку тепла. — Насколько мне известно, дар Лиры, которым я владею, довольно редкий. Я рада, что услужила вам и помогла господину Дану разобраться с камнями. Поклоняющиеся Лире стараются жить в мире со всеми, ведь эта богиня желает только добра.

Софина вновь оглядела Нош из-под черных полуопущенных ресниц. Накрашенные губы брезгливо искривились.

— В порядочном доме мир просто необходим, — сказала она. — Хорошо, что наши взгляды совпадают. Если ты не жрица, то как должны к тебе обращаться в нашем клане?

Нош отметила, что Софина избегает называть ее «госпожой» в отличие от Дана. Но девушка не собиралась заострять конфликт, требуя, чтобы так ее называли все.

— Мое имя Алноша, — ответила она, вспомнив, что так обратилась к ней Дрин, увидев в первый раз. — Можете называть меня так, если пожелаете.

— Алноша... — повторила Софина. — Хорошо. Поскольку мой господин предложил тебе работать с ним и жить в нашем доме, я тоже присоединяюсь к его приглашению.

Нош понимала, что она говорит не от чистого сердца. И будь воля Софины — Нош и близко не подпустили бы к дому караванщика.

ПОСКОЛЬКУ КАРАВАН Дана был последним в этом году, то по дороге в город им редко встречались путники. Даже на подъезде к самому Казгару. Крин представлял себе этот город довольно смутно. После смерти Высшего короля Тристана Великое Королевство распалось, и его столица, как и центральные районы, оказалась отрезанной от всего остального мира. Юноша без усталости расспрашивал о Казгаре оставшихся охранников и даже погонщиков варгов. Ему хотелось узнать об этом месте побольше.

По крайней мере, Храм здесь не правил, и Храмовники не стояли у власти. Насколько Крин понял, местная религия казалась довольно миролюбивой. Основной проблемой горожан были столкновения различных гильдий, да и те обычно разрешались в суде. И еще нападения воров, которых в городе называли трясунками. Эти вылазки отличались хорошей организованностью. А последние несколько лет трясунки повадились взимать свои налоги со всех богатых граждан Казгара.

Большинство управляющих гильдиями превратили свои дома — которые одновременно являлись центральными конторами их организаций — в настоящие крепости. Ходили слухи, что они даже содержали Сновидцев и всяких магов, пытаясь обезопасить себя с помощью колдовства.

Все приезжие старались раздобыть хоть какие-то рекомендации для доказательства, что они не бродяги или разбойники. Но Крину и двоим мятежникам можно не беспокоиться — их нанял караванщик Дан для сопровождения. Этого достаточно. Им предстоит купить снаряжение и припасы для оставшихся в Дасте. Во время землетрясения многое не удалось спасти. Три человека вместе с тремя верховыми животными, пусть даже тяжело нагруженными, проделают обратный путь намного быстрее, чем шел караван.

Крину не хотелось задерживаться в городе, холода уже не за горами. Юноше не приходилось зимовать к западу от Высот, и он не горел желанием попасть в снежную бурю. Груз, который они должны закупить в городе, слишком важен для Братства.

Расспросив охрану, Крин узнал имена торговцев, которые могли предложить нужные товары. Пока все шло своим чере-

дом, мятежники дежурили и разведывали путь попеременно с охранниками каравана. Но разбойники так и не появились.

Караван добрался до плодородной местности, им дважды пришлось перебираться через реки. Попадались зажиточные усадьбы, на которые Крин завистливо косился, вспоминая поместья своего Дома. Урожай давно собрали, и сейчас поля боронили, подготавливая к новым посевам.

Караван петлял по небольшим деревням и селам, которые принадлежали местным лордам. На постоянных дворах Дан ночевать не стал. Правда, дважды, когда обоз останавливался у деревень, свободные охранники наведывались в поселения. И угощались там кисловатым элем, неизменным сельским напитком. Крин составил компанию тем, кто ходил во вторую деревню, но не потому, что ему хотелось выпить. Втайне юноша полагал, что одного глотка местного пойла вполне достаточно, чтобы больше не захотелось, а потом придется сидеть над полной кружкой весь вечер. Нет, Крин пошел в деревню, чтобы послушать, о чем тут болтают. И самому поспрашивать. Слишком много необъясненных событий недавно произошло. Нападение разбойников... Слова девчонки, что за караваном Дана охотились из-за кристалла в свадебном венце его молодой жены... И, что хуже всего, несчастья, которые обрушивались на того, кто хватался за соколиный камень. Одно хорошо — из Казгара они возвратятся без Нош.

Вот только Крин не знал, кого и о чем расспрашивать в деревне. Кто держит соколов? В его родном краю этих хищных птиц никто даже не пытался приручить. И юноше не верилось, что Храм, подчиняя себе всех, добрался и до животных. Если бы они попытались повернуть что-то подобное, об этом стало бы известно — вся страна следит за действиями Храмовников.

Высший король? Нет, слухи уже разнеслись бы во все концы его владений. И Валкару не под силу было смести с лица земли горное убежище мятежников. Если бы он владел такой мощью, все восточные земли уже лежали бы под властью Храма.

Нет, что-то стояло за спиной короля и Храма. Может, именно эта сила неизвестно почему гонит сейчас войска на юг? Понятно, что армия будет маршировать, пока не доберется до обжитых земель, куда не докатилась прошлая война.

Крин вспомнил историю Раскана — мага, который обратил мир в пепел. Но это было давным-давно. Он наверняка умер много лет назад. Легенда гласила, что Раскан исчез. Но разве это не одно и то же? А если... рука юноши коснулась рукояти Дарующего Надежду... если кто-то принял силу Раскана? Вот как он, Крин, взял себе отцовский меч. И теперь этот некто решил, что настало время действовать? Не исключено. Вот только ни один меч не смог бы устроить землетрясение. Крин затруднился представить, какое оружие мог оставить Раскан своему последователю. И вздрогнул, услышав рядом фразу, соответствующую теме его раздумий.

— Ну и штучка! — сказал один из охранников и потянулся к миске с солеными крендельками, которую поставил перед гостями трактирщик.

— Да, девица с характером, — согласился его товарищ. — Хочет стать важной госпожой и рассчитывает, что Дан преподнесет ей все на блюдечке. Я бы не рискнул заступать дорогу колоссианкам. Помнишь, как они распоряжаются у себя дома?

— Но ведь та, другая, жрица! Софина не станет с ней связываться.

Крин сообразил, что они говорят о Нош. Значит, у нее проблемы с женой караванщика? Ну, его это не касается, семейные дела пусть улаживают в семье.

— Ты подпишешь контракт снова? — спросил первый охранник, сменив тему разговора.

— Дан слово держит. Да, наверное, на следующий год снова подпишу, — кивнул второй.

— А ты, Наследник? — спросили у Крина.

— Вернусь в Даст к своему лорду, — коротко ответил юноша.

— Тяжело жить... вне закона, — сочувственно вздохнул первый охранник.

— Живем, как умеем. А тяжелую жизнь мы устраиваем Храму и Валкару.

— Этот Валкар... его ведь еще называют Голосом? — спросил второй страж. — Говорили, что весной в Казгар приходили послы от него. Но если этот Валкар надеялся завязать с нами торговлю, то шиш у него получился. Они убрались из города, как псы, которым дали пинка под зад.

И довольно ухмыльнулся.

— Не все, Сальсер, — возразил его приятель. — Как раз перед тем, как хозяин повел караван, я видал одного. Стоял на базаре, одетый, как будто всю жизнь прожил в городе. Рядом — табличка, что он продает всякие там чародейские штуки на удачу...

Крин насторожился.

— Какие чародейские штуки? — спросил он таким голосом, что оба собеседника изумленно вытаращились на него.

— Да я близко не подходил. Я-то... Я ношу стрелу Кошона. — Охранник вытащил из-за пазухи кожаный шнурок, на котором висела крошечная, изрядно потемневшая серебряная стрела. — Кошон... Каждый раз, когда я возвращаюсь в Казгар, я сжигаю в его честь щепотку благовоний. Он — покровитель воинов. Нет, там не было никаких стрел, не было свитков Армиша... да и голубых цветов Паулы тоже не было. А ведь странно, если подумать! Все, что у него было, — это простые красные камешки, с пятном посередине. Только я их особо не разглядывал.

— Красные, говоришь? — прищурился Крин. — Как тот, что нашли на соколке?

Охранник пожевал губу, напряженно размышляя.

— Вот когда ты, Наследник, сказал, так я и вспомнил, что ведь они были одинаковыми. Никто у него не покупал... по крайней мере, пока я шел мимо. А он и не зазывал. Стоял себе спокойно со своим лотком, будто ему все равно — купят его товар или нет. Но я готов поклясться, что этот торгаш — один из послов Голоса!

Человек Валкара продает талисманы. Красные. Крин призадумался. Необходимо предупредить — но вот кого? Наверное, можно рассказать Дану о своих подозрениях, а караванщик уже передаст это тем, кто управляет Казгаром.

На следующий день дорога, уже запруженная повозками и путниками, привела караван к городским воротам. Необходимости в верховом дозоре больше не было, потому охрана и троица мятежников спешили и шагали рядом с обозом. У самых ворот движение застопорилось, проход оказался слишком узким. Желаящим попасть в город пришлось ждать, выстроившись в очередь. Все спешили и волновались. Дан сел на одну

из лошадей и отправился в голову колонны, чтобы поглядеть, что там происходит.

Вернулся он не скоро. Охрана каравана, которая было разбрелась в стороны, подтянулась к обозу. Скука на лицах сменилась напряженным ожиданием и тревогой. Крин заметил Нош, которая сидела на козлах фургона самого Дана. Потрепанная и грубая — как и у него — одежда девушки резко выделялась на фоне разукрашенных нарядов путешественников, которые уже перестали соблюдать порядок очередности и начали сбиваться в толпу.

Крин задумался о том, что она может делать в городе. Все знали, что у девчонки действительно ценный дар и что она уже успела сговориться с Даном о работе. Но неизвестно, что она думает о Казгаре. Юноша никогда по-настоящему не говорил с Нош, поскольку подозрительно относился к ней — колдунья все-таки. Но был уверен, что она никогда прежде не бывала ни в одном городе. Умения и навыки, которые проявили Дрин и Нош, когда присоединились к отряду, свидетельствовали о том, что женщины долго жили в глуши. Значит, для девушки отправиться в город, который у Крина прочно ассоциировался с интригами и разными неизвестными опасностями, все равно что для иноходки — забраться в гнездо соколов.

А еще этот продавец талисманов... Что там говорили Дрин и Нош? Сила притягивает силу. Девчонка ведь может почуять, если Бози или кто-то вроде него нападет на ее след. Поразмыслив, Крин решил. Юноша направился к Нош. По крайней мере, он предупредит ее.

— Сновидица, — позвал он, вспомнив типичное для восточных земель обращение.

Девушка оглянулась, на ее лице отразилось изумление. Затем между ровными черными бровями пролегла складочка.

— Наследник Дома, — произнесла Нош, хотя этот титул уже не относился к юноше.

Наверное, решил Крин, следует выложить все сразу, без обиняков.

— В городе находится человек, который весной пришел вместе с послами Валкара. Рон сказал, что послов выпроводили, а этот остался. Он потом видел этого человека на базаре. Рон го-

ворит, он продавал талисманы. Красного цвета, со странным пятном в середине.

Она широко распахнула глаза и прижала левую руку к груди.

— Красные камни...—прошептала Нош. — Спасибо, Наследник, что предупредил. Ты очень помог мне.

— Мы сражаемся против общего врага, — пожал он плечами. А мысленно добавил: «Только способы борьбы у нас разные».

— Незвестного врага, потому что я не верю, что ваш Валкар творит это все только по своей воле, — сказала девушка, словно подслушала его недавние размышления. — Но я буду осторожна, когда попаду туда.

И она кивнула на городские стены, которые раскинулись в обе стороны от запруженного народом прохода у ворот.

Вернулся Дан. Его лошадь рассекала толпу, которая все продолжала прибывать. Рон поспешил помочь нахмуренному хозяину спешиться.

— Понятия не имею, что они ищут, — раздраженно бросил Дан. — Но у ворот полно стражи, и допрашивают буквально каждого. Видно, что-то стряслось... Яннер! — позвал он, и один из охранников подбежал к купцу. — Яннер, потолкайся в толпе и узнай, чего это стража взбесилась. Можно подумать, что они проверяют посетителей перед входом в дом главы гильдии!

Охранник кивнул и затерялся в толпе. Дан достал из сумочки, притороченной к козлам, какие-то исписанные бумаги и принялся их просматривать.

— Все в порядке, — проворчал он, когда закончил проверку. — И чего им надо?

Крина разбидало любопытство. Раз такого прежде не было, значит, дело нечисто. Может, ищут бандитов? Ну, их отряд недавно спустился с гор, здесь они ни на кого не нападали. Да и дома мятежники воевали только с Храмовниками, а не со стражниками Высшего короля или простыми людьми. Послы Валкара наверняка здесь что-то натворили, но вот что? Рон говорил, что из Казгара их выпроводили.

— Господин Дан...

Купец, который как раз укладывал обратно подорожные грамоты, взглянул на Крина.

— Мы не воевали в этих краях, только на востоке.

— Знаю. Разве я стал бы заключать с твоим лордом договор? Я не слышал, чтобы на востоке грабили караваны... А, вот и Ян-нер! Что слышно?

Охранник пробился поближе к фургону.

— Странные дела, хозяин Дан. Говорят, что в городе мрут люди, никто не знает отчего. Но решили, что один из караванов привез в Казгар чуму...

— Чуму! — воскликнул Дан и зажал ладонью рот, словно пытаясь остановить это зловещее слово. — Но ведь в город пускают всех желающих. Если бы там была чума, ворота бы закрыли и никого не впускали и не выпускали.

— Ну, это первый слух, господин. Вот другие. Говорят, что болеют только определенные люди... кто служит Трем Благословенным... кто был в святилище... кто поклоняется им. У ворот стоит наблюдатель, которого направил сюда жрец Армиша, а служители Паулы прислали целителя. Пока ничего не нашли, но они хотят убедиться, что все в порядке.

Крин заметил, что Нош прижала руки к груди. Наверное, она боится, что у нее найдут ее драгоценные кристаллы и отнимут. Толпа чуть продвинулась вперед. Крин шагал рядом с повозкой Дана. Он посмотрел на Нош. На ее лице застыло выражение, появляющееся у человека, который предчувствует смертельную опасность.

— Ты боишься... — вырвалось у юноши.

Дан забрался внутрь фургона, поскольку его окликнула жена, а Рон ушел чуть вперед, так что никто не мог их подслушать.

— Я не прячу ничего дурного, — вскинула подбородок Нош. — Хотя ты и считаешь, что я служу силам зла. Но здесь не обитель Лиры, и я одна... И я не умею защищаться магией, как это делала Дрин. Я только знаю, что должна сохранить то, что храню, даже ценой собственной жизни. Это во-первых. А во-вторых, я не должна рисковать жизнью впустую, потому что слишком много предстоит сделать. Трое богов-покровителей Казгара, о которых рассказывал мне Дан, не похожи на Единого. Может, их служители спокойно отнесутся к тому, что принадлежит Лире.

Крин, сам не зная почему, продолжал шагать рядом с девчонкой. Она сжалась в комочек, словно пыталась закрыть телом то, что ей поручено было хранить. И глаза зажмурила.

Колдовство... Крин не хотел иметь с этим ничего общего. Но продолжал идти рядом — что это на него нашло?

Наконец их обоз оказался у ворот. Дан шел впереди своего каравана, размахивая подорожными перед носом стражников. Охрана выстроилась в две шеренги, и путешественникам приходилось идти между ними. Городская стража была прекрасно вооружена. Крин завистливо поглядывал на них и размышлял, удастся ли привезти в Дагст такие же отличные мечи и кольца.

Во главе колонны стоял воин в шлеме с гребнем, видимо, командир городской стражи. Рядом с ним виднелась коренастая фигурка в сером балахоне. Полы этой хламиды были расписаны фразами, каждая строчка — разных оттенков зеленого цвета. Жрец был лысым как колено, но над его пронизательными глазами нависали густые, кустистые брови. Перед собой он держал длинную металлическую пластину, похожую на узкое зеркало. От нее во все стороны разбежались солнечные зайчики, а проезжающие путешественники отражались в виде странных маленьких фигурок.

Справа от командира стражей стояла высокая и тощая женщина. Ее серебристые волосы были тщательно завиты и уложены под сетку. На лице женщины застыло сосредоточенное и напряженное выражение. Она тоже держала перед собой зеркало, только круглое, как полная луна. Платье ее было голубым, оно мерцало льдистыми искорками при каждом движении.

Первая повозка из каравана Дана миновала ворота, и стражники рядом с офицером стали особенно внимательными. Сам купец стоял рядом с командиром, который уже просмотрел подорожные и теперь ставил на бумагах свою подпись. За первым фургоном сперва прошли несколько охранников, а затем покатила вторая повозка. Крин продолжал идти рядом, время от времени поглядывая на Нош. Девчонка, наверное, призвала на помощь всю силу воли, чтобы сохранить спокойствие, когда фургон поравнялся со жрецами. Он увидел в зеркалах уменьшенные отражения — себя и Нош.

Крин напрягся. Без сомнения, сейчас ее силу обнаружат. Что потом? Девчонку могут упрятать в какую-нибудь храмовую темницу, а она так и не сможет доказать, что не сделала ничего плохого.

Но ничего не произошло. Крин ожидал, что сейчас зеркала вспыхнут или подадут еще какой сигнал, но их беспрепятственно пропустили. Только тогда юноша перевел дух и обнаружил, что его пальцы судорожно сжимают рукоять меча. И чего он так разволновался из-за этой девчонки? Пока она только приносила несчастья его товарищам.

За воротами была небольшая площадь, от которой расходились три улицы — широкая дорога к центру Казгара и две поуже, вдоль внутренней стороны городских стен. Караван Дана направился по центральной улице, ни разу не свернув, пока не достиг густозаселенных кварталов.

Казгар и вправду был богатым городом. По обе стороны дороги стояли дома в три, а иногда и в четыре этажа. На балконах красовались вазоны с яркими цветами. На первых этажах чаще всего располагались лавки и магазины, через стеклянные витрины можно было разглядеть разнообразные товары, разложенные по полкам, и продавца, ожидающего за прилавком покупателей. Мостовая была чистой. По обе стороны от дороги тянулись две сточные канавы, куда сбрасывали мусор и навоз. В нос сразу же ударила неповторимая волна запахов — вот перец, вот свежее испеченный хлеб, а это что за вонь? Улица была запружена, так что охранникам приходилось расталкивать прохожих, чтобы освободить путь перед обозом.

Наконец караван свернул направо и очутился на такой узкой улочке, что фургоны едва не царапали бортами стены. Охране пришлось перестраиваться — шагать либо между повозками, либо позади. Эта улица упиралась в стену, где приветливо распахнула ворота полукруглая арка. У ворот толпились охрана и домашние слуги Дана, которые вышли поздравить хозяина и его спутников со счастливым возвращением.

Крин и двое его товарищей растерялись, когда вокруг поднялась радостная суматоха. Но их окликнул Рон и повел к зданию, которое одновременно служило и оружейной, и казармой. Ворота оставались открытыми, пока варгов выпрягали и вводили со двора. Животных перегоняли за город, на общее пастбище. Пока не потребуются в следующий раз.

Хотя дом Дана был пониже и попроще зданий, стоящих вдоль главной улицы, но по удобству и достатку он едва ли отличался от роскошных особняков.

Крин, сам того не ожидая, очень разволновался. Ему впервые захотелось пренебречь своими обязанностями и отправиться исследовать этот чудесный город.

Пышностью и богатством Казгар затмил даже столицу его страны, где находился двор Высшего короля.

ИНТЕРЛЮДИЯ

В КОМНАТЕ ЦАРИЛ полумрак. Длинные узкие окна были предусмотрительно задернуты шторами. Колдун сидел в огромном кресле, больше похожем на трон, и, постепенно закипая, глядел в зеркало. Это было необычное зеркало. Его гладкая и блестящая поверхность не просто отражала все, что находилось перед ней, но еще служила для других, зловещих целей. Но сейчас по магическому прибору расплывалось смутное зеленоватое пятно. Оно расползлось, оплетая зеркальную поверхность зеленой паутиной.

Он потянулся за бокалом, стоявшим слева на небольшой подставке, и отхлебнул питье — приятное на вкус, чуть горячее и очень полезное для желудка. С некоторых пор он стал настоящим аскетом, променяв плотские радости на иные, не менее соблазнительные.

Маг не сводил глаз с зеркала, которое больше ничего не отображало. Приподняв правую руку, он начал пристально изучать ее — ладонь, пальцы, кисть, — словно она принадлежала другому человеку. Возраст... возраст сказывается даже на нем! Пальцы Лиры, которые так долго были сокрыты, теперь появились вновь, чтобы отбросить его обратно к обычным, жалким людям! Нет!

Он расправил плечи и небрежно поставил бокал на стойку. Промахнулся, и кубок покатился по ковру, остатки напитка расплескались.

Нет...

Еще столько предстояло сделать, но от только что пережитого потрясения ноги стали ватными, а мысли пошли совершенно в ином направлении.

Очнувшись от долгого транса, маг почувствовал смертельную усталость, и это его встревожило. Потому и пришел сюда. И в результате столкнулся с неприятным открытием.

Со временем, которое властвует над остальным миром. Люди рождаются, созревают, словно урожай в поле, а затем приходит мрачный жнец и уносит срезанные колосья... куда? На мгновение его мысли потекли в другом направлении. А что лежит за гранью смерти? Конечно, ответ на этот вопрос вовсе не был целью его столь долгой жизни.

Они, эти сажены на поле бытия, поклоняются богам и богиням, вымаливают милости у придуманных существ. Бога создать так легко! Кривая усмешка обезобразила лицо, которое можно было назвать приятным лицом человека средних лет, богато одаренного талантами и страстями.

О, да. Ничего не стоило вознести из пыли и праха бога — им стал Единый. Весьма полезный и правильный персонаж. Он быстро подмял под себя всех, кто мог стать инструментом его воли. И каким инструментом! Взять, например, Валкара...

Валкар... Черные глаза мага сузились. Оружие может помянуть хозяина или затупиться. В Казгаре Валкар впервые потерпел поражение, хотя и оставил там человечка, который не даст горожанам спать спокойно.

А эти Трое, которым там поклоняются... Он стиснул пальцы, будто душил кого-то. Людям свойственно мечтать. У людей всегда должно быть что-то выше их понимания — источник внутреннего спокойствия и лекарство от страха. Он задумался о Троиx из Казгара, полностью отвлекшись от позеленевшего зеркала.

Когда им только начали поклоняться, он решил проверить, не лежит ли за этим истинная сила. Так, ерунда. Этого не хватило бы, чтобы расстроить его планы. И он не стал вмешиваться, оставил Казгару этих Троиx — до тех времен, когда наступит час признать истинную веру.

Но была еще одна... Он ухмыльнулся. Красивое лицо мага на мгновение исказилось волчьим оскалом. Она бессильна. Бессильна, но если...

Его спокойствие испарилось окончательно. Маг ударил кулаком по колену. Сильно, чтобы почувствовать отрезвляющую боль.

Затем встал и повернулся к зеркалу спиной. Но тут же глухо замычал и схватился за поясницу, словно она тоже заныла. Ругательство, слетевшее с его губ, было похлеще любого колдовства.

Больше тянуть нельзя, необходимо навестить птичника. И на всякий случай придумать план действий, если произойдет худшее и Лира все-таки вернет свои Руки.

Невесело усмехнувшись, колдун подумал, что похож сейчас на повара, который должен готовить несколько разных блюд одновременно. А ведь все начиналось так удачно, он был уверен в успехе...

Но играя с магическими силами, нельзя быть ни в чем уверенным. Каждый день, каждый час, каждую минуту следовало помнить об этом. Так, что там дальше?

В два шага маг оказался у стола. На нем лежала карта, которую безошибочно узнал бы каждый гвардеец Высшего короля.

Столица и территория Храма были обозначены золотыми точками. Золотистый пунктир расплзался в разные стороны, иногда следуя вдоль рек и дорог. Больше всего линий тянулось от Томана, королевской резиденции, на юг. Вокруг столицы раскинулись деревни и поместья. А на юге располагалось серо-черное пятно. За горами тоже сияли золотые метки, которые сходились в Казгаре. Маг коснулся серого пятна, которое растеклось сразу за Высотами Аскада. Мертвая, выжженная земля. Он надеялся, что покончил с той, что обитала там когда-то.

Колдун изо всех сил ударил кулаком по серому пятну. Затем взял себя в руки и... Нет, нельзя поддаваться страху, который обуял его при взгляде на Всевидящее зеркало. Бояться нечего. Сила оставалась с ним столько лет, что не сосчитать, и лишь возросла...

Если только... Он зашипел, как разъяренный кот. Если только они не узнают о его тайне. Но та отвратительная женщина умерла, пытаясь остановить его удар. А кто заменил ее? Ребенок. Девчонка, напуганная ночными кошмарами. Она ничтошеньки не знает о мире, в котором пытается выжить. Конечно-

но, ее можно схватить, отобрать Пальцы и растолочь их в пыль. Тогда никто не сможет восстановить Руки. Никто и никогда.

Он задумчиво покивал в ответ своим мыслям. Затем резко развернулся на каблуках, так что дорогой плащ взлетел за спиной и опал мягкими складками. Маг вышел из комнаты и спустился по винтовой лестнице в другой зал, в котором шторы тоже были задернуты.

Тот, кто находился в этой комнате, неловко повернулся к нему. Высокий мужчина, совершенно голый, если не считать кожаного фартука. Мучнистого цвета кожа так обтягивала кости, что он казался ожившим скелетом. Остроконечные уши примостились почти на макушке лысой головы. Лицом он неприятно напоминал какое-то животное — выдвинутая вперед челюсть усиливала сходство со звериной мордой. Желтые глаза со странными зрачками и приплюснутый нос только дополняли первое впечатление.

Колдун вышел на середину зала и шелкнул пальцами. Необычное существо пало ниц перед ним. В комнате сильно попахивало мертвечиной. Вдоль стен пронесся шорох. Маг подошел к высокой стойке, на которой лежал шар. На противоположной стене был закреплен ряд насестов. Сидящие на них соколки угрожающе растопырили крылья, их красные глаза засверкали. Маг еще раз шелкнул пальцами. Странное существо поднялось с пола. Птичник принес из угла миску и прошел вдоль насестов, скармливая соколкам куски кровотокающего мяса.

Но маг не стал наблюдать за ним. Он повернулся к шару, и его пристальный взгляд устремился сквозь черно-красную поверхность — дальше, еще дальше... Он медленно развел руки, так что ладони с растопыренными пальцами оказались над противоположными сторонами шара. И замерли, не касаясь поверхности. От напряжения колдун свел брови.

Полосы, покрывающие шар, задвигались, поплыли, складываясь причудливым узором. Со стороны могло показаться, что на поверхности магического предмета то появляются, то исчезают руны.

Один из соколов пронзительно закричал, словно увидел врага. Пальцы мага погрузились в глубь шара и сцепились в мертвой хватке. Широкие рукава его одеяния почти скрыли кисти рук.

Пока он в безопасности, и рядом верные помощники, которые служат ему не за страх и даже не за совесть. Магия, господа! Некоторых его слуг никто никогда не заподозрит. Все думают, что он давным-давно сгинул за морем. А он устроил себе надежное укрытие и окружил его чарами. Так что любой путешественник, случайно попавший в эту местность, пройдет мимо, ничего не заметив.

Да, он в полной безопасности. Дом неприступен. А кто его враг? Глупый ребенок, с которым справиться проще простого. Что ж, начнем.

Колдун снова шелкнул пальцами, призывая странного слугу, и указал на одного из соколов. Человеко-зверь отстегнул от лапки птицы цепочку. Соколов вспорхнул на плечо птичника. Маг двинулся в противоположный угол. Нашупав нужный камень в стене, он надавил на него. Понесся скрежет, и в стене открылось окно. На улице стоял ясный, морозный день. Соколов снова закричал. На его шее висел красный диск, который подчинял птицу воле хозяина. Пернатый хищник пропрыгал вдоль руки птичника, соскочил на подоконник, расправил крылья и взмыл в небо. Окно закрылось. Маг, не глядя на слугу, вышел и поднялся в свою комнату.

Взяв какой-то лоскут, колдун начал протирать зеркало. Он трудился, как прилежная служанка. Очистив гладкую поверхность, он швырнул позеленевшую тряпку в металлическую вазу. Через миг она вспыхнула и рассыпалась невесомым пеплом.

Колдун вновь опустился в кресло и уставился на свое отражение. Да, признаки старения, которые он заметил ранее, никуда не исчезли. Но он хотел убедиться, что не проявились новые. Раскан пребывал в расцвете лет и должен остаться таким навсегда. Время властвует над дураками и неучами. А он победил время.

ДАЖЕ ПРОЖИВ несколько дней в стенах этого дома, Нош никак не могла освоиться и привыкнуть к местным обычаям. За свою недолгую жизнь девушка научилась с легкостью при-

способливаться к любой убогой обстановке, но королевская роскошь купеческого дома ошеломила ее.

Жилище Дана было выстроено квадратом, посредине располагался внутренний дворик, куда обычно приводили груженные фургоны. Сейчас повозки стояли в сарае, который находился в правом крыле здания. Обычно ворота были закрыты и распахивались настежь только для того, чтобы впустить фургоны. В остальное время в одной из створок открывалась небольшая калитка. Неподалеку от кухни был колодец, рядом с ним — насос для воды.

Передний фасад дома выходил на неширокую чистенькую улочку. На первом этаже Дан устроил лавку, а со знатными покупателями он предпочитал встречаться в собственной гостиной.

В левом крыле здания размещались хозяйственные службы. Склад — на нижних этажах, и жилые комнаты для служанок — на верхних. В правом крыле, над сараем, жили слуги. Сбоку от конюшен пристроилась казарма для охраны, она же — оружейная.

Хотя Дан обычно нанимал воинов для защиты каравана в дороге, ядро отряда составляли слуги, которые обычно охраняли его дом. Товары купца хранились на складе, который примыкал к лавке. Торговец постарался оградить их от воров как обычными способами — охраной, так и необычными. Последние немало поразили Нош.

Девушка наконец показала Дану камни, которые отыскала еще в Рифте, и он согласился обменять их на одежду и все, что могло понадобиться Нош. Еду и кров она получила в счет предыдущей договоренности. Она прекрасно понимала, как купец нажился на ней, но другого выхода не оставалось. В самом деле, не ходить же по городу в тех странных лохмотьях, которые верой и правдой служили ей еще в горах и долгом путешествии в Даст, а потом в Казгар? К тому же Нош понимала, что Дан продаст камни с большей выгодой, чем это удалось бы ей самой.

Пока девушке нужно было узнать, где находится заброшенное святилище Лиры. Расспросив прислугу и охрану, девушка вскоре составила приблизительную карту Казгара, чтобы не потеряться в лабиринте городских улиц.

Как любое крупное поселение, город постепенно разделялся на районы. Поскольку Казгар возник на перекрестке торговых путей — с севера на юг и с запада на восток, то центральную часть занимали похожие на маленькие крепости усадьбы старинных купеческих родов.

Дан и не стремился к роскоши, которой отличались дома на главной улице Казгара. То, что могли позволить себе выборные управители гильдий, стоявшие у власти десять и более лет, если их правление способствовало процветанию гильдии, человеку его положения было недоступно.

В городе значилось около двенадцати влиятельных семейств. И судьи обычно избирались из них.

Из сплетен и разговоров Нош узнала, что жадность судей ограничивали они же сами, поскольку находились в постоянной борьбе друг с другом. То и дело возникали и распадались временные союзы и альянсы. Среди этих влиятельных домов был и возглавляемый Лещией д'Арси, хотя хитрая и богатая владелица гильдии никогда не устраивала выборов, сразу поставив себя во главе организации.

Следующий класс горожан составляли такие, как Дан. В Казгаре жили пятьдесят зажиточных купеческих семей. Сам Дан нанимал прислугу — ее количество казалось Нош просто невообразимым — на определенные периоды времени. Некоторые слуги работали на складе и в лавке, другие управлялись с домом и обширным хозяйством, третьи охраняли все имущество караванщика. Нош иногда казалось, что вокруг нее мельтешит огромная масса народа, причем всегда незнакомого.

Вопреки первоначальным ожиданиям, ей предоставили комнату вовсе не в крыле прислуги. Девушку провели в небольшую комнатку на хозяйской половине и оставили там осваиваться. Такой кровати ей прежде никогда видеть не доводилось — похожее на короб сооружение, заваленное кипой шерстяных одеял. У одной из стен приютился маленький столик, на котором стоял тазик для умывания и кувшин с водой. Рядом — стопка чистых полотенец и несколько флаконов. После осторожного осмотра Нош обнаружила, что один из флаконов наполнен душистым мылом, а второй — какими-то маслами для притирания. Чем-то подобным пользовалась Софина.

В противоположной стене был дверной проем, ничем не завешенный, что побудило Нош заглянуть в соседнюю комнату. Она оказалась гораздо просторней спальни. Там находились обычный широкий стол, простой стул и полка. На полке были сложены стопками куски выделанной кожи, да такие тонкие, что прямо просвечивали. Судя по всему, здесь ей предстояло работать. На столе лежал поднос, покрытый черным бархатом и разделенный на множество небольших ячеек. Видимо, для осмотра и сортировки драгоценных камней.

Вернувшись в спальню, девушка обнаружила в углу деревянный сундук. Ему было уже немало лет, если судить по истершимся и отполированным краям. Внутри лежала одежда — довольно непривычного покроя, но подобранная, видимо, специально для нее.

Нош разложила вещи на постели, умылась (вода в кувшине оказалась восхитительно теплой в отличие от ледяной воды горных ручьев) и сбросила с себя грязные, изорванные лохмотья. Придирчиво оглядев грудку тряпок на полу, девушка решила, что из прежней одежды, кроме пояса из змеиной кожи, ничего приличного-то и не осталось.

Мгновение она помедлила, рассматривая новый наряд. Штанишки были красивого серебристо-серого цвета, но теплого оттенка, отливающего приятным розоватым перламутром. К ним прилагалась платье, как у Софины, — облегаящий корсаж, зашнурованный от пояса до горла, и пышная юбка до колен. Нашлись и изящные сапожки, доходящие до середины голени. Цвет платья был более насыщенно розовым. Правда, оно оказалось великовато по размеру. А грудь Нош еще не оформилась настолько, чтобы лиф плотно ее облегал, так что девушка легко спрятала за пазуху мешочек с сокровищем. Когда она повесила на пояс из змеиной кожи нож, который ей вручил Ярл, то ощутила, что полностью преобразилась.

В комнате было зеркало, но слишком маленькое, чтобы увидеть себя в полный рост — только до плеч. Нош сняла его со стены и принялась вертеть так и эдак. В конце концов она убедилась, что из зеркала смотрит странная, незнакомая девушка.

В Рифте и горном убежище мятежников Нош отрастила волосы чуть длиннее плеч, а потом решительно обрезала, поскольку на мытье головы тратилось слишком много драгоцен-

ной воды. Теперь она держала зеркало обеими руками и внимательно изучала свое лицо, которое раньше видела только в зыбкой водной глади.

Неровно остриженные пряди были коричневатого цвета, как кора деревьев, зато блестящими и густыми. Они обрамляли тонкое бронзово-загорелое личико с широкими скулами и заостренным подбородком. Изгиб черных бровей был совсем другим, чем у Дрин или Софины. Густые ресницы оттеняли странные, необычные глаза серо-зеленого цвета, как нежный нефрит.

Губы показались Нош слишком узкими, а кожа грубой и обветренной. Да, вряд ли на такую кто посмотрит во второй раз, но это не имеет значения. Она нашла за тазиком костяной гребешок и принялась приводить волосы в порядок. Глядя в зеркало, девушка следила, чтобы косички получились ровными и гладкими. Она не хотела предстать перед домочадцами господина Дана эдакой нищенкой и замарашкой.

В течение двух дней ей приносили еду на подносе в комнату, но на третье утро в дверь постучали. Нош была очень рада, обнаружив, что дверь в ее жилище запирается изнутри. Поскольку вокруг нее были только незнакомые люди, она стремилась к одиночеству. Выглянув, девушка обнаружила за порогом служанку.

— Госпожа, обед подан. Я провожу вас.

Нош думала, что ее поведут вниз по лестнице, на кухню, но ожидания не оправдались. Служанка направилась вверх. Поднявшись за ней, девушка поражено застыла — открывшийся вид оказался для нее полной неожиданностью. Ее глазам предстал зимний сад, заставленный кадками и подпорками, по которым взбирались вверх цветущие вьюнки и виноградные лозы. Тут и там висели клетки. Среди их обитателей — разноцветных птиц — внезапно в глаза бросилась ящерица с изумительной сверкающей чешуей. Ящерица взглянула на Нош круглыми глазами, которые живо напомнили девушке Тарма. Нош подошла к клетке с животным и, как могла, прощелкала приветствие на языке пресмыкающихся с Высот.

Ящерица встала на задние лапки, обхватила передними прутья клетки и раздула шею великолепным алым капюшоном. Нош протянула палец, и зверек поздоровался с ней легким, невесомым касанием язычка.

— Госпожа! — вскрикнула служанка, хватая девушку за руку и отдергивая от клетки. — Она ядовитая! Не подходите к ней.

— Мы подружились, — ответила Нош. Но послушно дала увести себя от несчастной ящерицы, заточенной в клетку. Зверек бешено защелкал, и этот отчаянный стрекот эхом прокатился под крышей сада.

Нош сперва решила, что увидит большой обеденный стол, как в одной из таверн, куда она заходила во время путешествия с караваном. И снова ошиблась. Перед каждым из трех невысоких, обложенных подушками кресел располагался маленький столик. На этих столиках с трудом помещались блюда, которые все продолжали подносить слуги. Дан привстал со своего кресла и слегка поклонился Нош. Софина холодно кивнула. Она явственно давала понять, что происходящее ей не нравится и, будь ее воля, Нош и духу здесь не было бы.

Девушка не привыкла к такому множеству кушаний. И смутилась, заметив, что хозяин дома или его супруга лишь смотрят на некоторые блюда и тут же взмахом руки отправляют их обратно на кухню. Ее собственная порция оказалась предусмотрительно маленькой, так что справиться с едой не составило особого труда. Нош понадеялась, что отвергнутые блюда не выбросят. Наверное, ими пообедают слуги.

— Так, — отдуваясь и вытирая остатки жира с подбородка, произнес Дан. — Тебе уже показали дом... Не заблудишься?

Нош помотала головой, хотя была далеко не уверена. Ее провели по дому слишком быстро, просто показывая одну комнату за другой, так что заблудиться и немудрено.

— Тебе понравились твои комнаты, госпожа?

На этот раз она кивнула от чистого сердца.

— Тогда приступим к делу. Меня не было почти полгода, а я — не единственный торговец в этом городе. Еще тебе предстоит познакомиться с моим племянником Гюнтером, который оценивал камни и делал закупки во время моего отсутствия. Ты не возражаешь, Софина, если мы тебя покинем?

Софина с готовностью склонила головку, давая понять, что вовсе не возражает, если ее покинут — особенно вот эта девчонка.

Они спустились к складу, и Дан подвел девушку к узкой двери, за которой хранились драгоценности.

В руках купца появился квадратный кусочек металла, из которого донесся слабый щелчок. Дверь открылась. Нош спокойно последовала за Даном в небольшое помещение, но тот резко обернулся и испуганно произнес:

— Но... Я еще не снял защиту.

— Дверь была открыта... — начала озадаченная Нош.

— Ради всего святого, — перебил ее хозяин, — вернись и зайди снова. Можешь?

Она не стала удивляться вслух, почему это она не может войти в комнату, а просто вышла. И оказалась права. Когда она вновь переступила порог, то заметила, как Дан ударил кулаком в стену, тут же издали донесся звон колокола. А через минуту вниз по лестнице сбежал незнакомый человек. Подскочив к двери, он занес было ногу, но резко замер, будто налетел на невидимую преграду. На его лице проступило замешательство. Дан направил на дверь свой квадратный амулет и щелкнул уже дважды. Незнакомец ввалился в комнату, и удивление на его лице сменилось гневной гримасой.

— Что это за штучки, родственничек? — возмутился он.

Незнакомец был молод, всего на несколько лет старше Крина. Примерно такого возраста, как Ярт. Парень был мускулист и хорошо сложен, но ему не хватало того аристократического величия, которое отличало предводителя мятежников Горного Братства.

— Никаких штучек, — возразил Дан, бросив предостерегающий взгляд на Нош.

Девушка сразу сообразила, что ее беспрепятственное проникновение в тайник лучше держать в секрете от всех остальных обитателей дома. Видимо, магическая защита не сработала в случае с Нош. А ведь девушке говорили, что это отличная охрана и выдержит любой натиск.

— Гюнтер, мне невероятно повезло найти девушку с видящими руками и уговорить пойти ко мне на службу... до зимней ярмарки.

Уперев руки в бока и задрав подбородок выше носа, молодой человек с вызовом уставился на Нош.

— Сказки... Тебя, глава рода, задурили сказками!

— Да ну? — рассмеялся Дан. — Доставай, чего напокупал, пока меня не было, и мы проверим, какими сказками меня задурили.

Стены хранилища состояли сплошь из ячеек и потайных ящичков, которые запирались аккуратными врезными замками. Дневной свет сюда не проникал, но над головой висела лампа, которая постепенно разгоралась. Видимо, амулет Дана мог управлять и освещением. Посреди находился стол, похожий на тот, что был в рабочем кабинете Нош, выложенный черным бархатом и разделенный на секции. Вокруг — четыре стула. По кивку Дана Нош присела на один из них. Дан устроился справа от нее. Гюнтер, настроение которого так и не улучшилось, подошел к ближней стене и принялся возиться с замком. Он специально встал так, чтобы загородить замок спиной. Наверное, чтобы Нош не разглядела, что он там делает.

Молодой человек вернулся к столу с узким подносом, на котором сверкали драгоценные камни. В основном мелкие, крупных было всего несколько. Небрежно бросив поднос на стол, он сказал, намеренно не глядя на девушку:

— Это часть того, что привез с юга Хамел. Лучшие камни сейчас шлифуют.

Дан пошевелил камешки пальцем, выбрал несколько покрупнее и выложил на свет. Лишь после этого он обратился к Нош:

— Ну, госпожа, что скажешь?

Девушка отодвинула указательным пальцем один из камней в сторонку.

— Солнечное око... почти высшего сорта... только вот солнце не по центру расположено.

Гюнтер вскинулся, но ничего сказать не успел, потому что Дан взял камень и принялся осматривать его через стеклышко, которое всегда вставлял в глазницу при оценке камней.

— Так и есть, — согласился купец. — Этот дефект можно сгладить подходящей оправой и выручить за него хорошие деньги.

Нош не были знакомы тонкости торговли, она просто разбиралась в сущности камней.

Девушка внимательней пригляделась к кучке отобранных камней. Один из них... камень такого цвета ей еще не встре-

чался — черный, чернее ночи, но словно сожженный, подернутый серебристым пеплом. Она взяла удивительный камень, не уверенная, что знает его название, поскольку видела впервые. Взяла — и тут же выронила.

— Что такое? — спросил Дан и потянулся за странным камешком. Нош поспешно ухватила купца за руку, не позволив ему коснуться черной капли.

— Это смерть! — с уверенностью, поскольку дар еще ни разу не подводил ее, воскликнула Нош. И подняла взгляд на Гюнтера. — У кого вы это купили?

Презрительно усмехнувшись, он начал:

— Это с юга. Хамел...

Нош медленно покачала головой, отмечая его объяснение.

— За ним следуют кровь и смерть. Когда-то он был частью силы... черной силы... и на нем остался ее отпечаток. Хранить этот камень, — продолжала Нош, глядя уже на Дана, — все равно что хранить пирог, пропитанный ядом. Если вы дорожите своим ремеслом, никогда не пускайте его в продажу.

— Что за чушь! — Голос Гюнтера взлетел до крика. — Он уникален! Лорд Марк выложит все на свете, чтобы заполучить его в свою коллекцию. За него дадут столько, сколько за все остальные вместе взятые! Или больше.

Дан отдернул руку от странного камня. Он нерешительно переводил взгляд с Нош на племянника. И наконец обратился к девушке:

— Ты уверена, что это дурной камень, госпожа? Можешь «прочитать» его?

Она поняла, что купец вспомнил ее опыт с соколиным камнем.

— Нет, господин торговец. Он очень древний и прошел через множество рук... — Она вновь повернулась к Гюнтеру. — Он ведь попал к вам таким, как есть, — уже отшлифованным, не так ли?

Он неохотно кивнул.

— А этот Хамел не рассказывал, где достал его?

— Он что-то упомянул, будто купил его у чужака, прибывшего из-за моря. Хамел разбирается в камнях и сразу увидел, что этот необычный и...

— Вы сказали, что он с юга, — продолжала девушка. — Но это же северная работа, притом очень древняя. Я повторяю, господин Дан, что, продав этот камень, вы навлечете беду на покупателя.

Дан боязливо отодвинул камень, словно опасался, что таящееся в нем зло перекинется на него самого.

— Ты что, веришь этому? — отшатнулся Гюнтер.

Купец даже не взглянул на него.

— Я уже видел подтверждения ее таланта. Ее слова всегда истинны, они несут спасение или смерть. Что там с остальными, госпожа?

Девушка обрадовалась, заметив, что караванщик отодвинул страшный камень в сторонку, и принялась исследовать оставшиеся драгоценности. Они оказались без изъяна. Дан расплылся в довольной улыбке и поздравил племянника с удачной покупкой. Правда, Нош сомневалась, что после оценки его собственных приобретений Гюнтер проникнется к ней большим уважением.

Дан ни словом не обмолвился о том, что гостье удалось спокойно миновать магическую защиту, так что к окончанию оценки девушка почти позабыла об этом случае. А потом решила, что, если будет необходимо, хозяин дома заговорит об этом сам.

Что ей хотелось больше всего — так это отыскать заброшенное святилище Лиры. Нош не терпелось продолжить поиски.

16

— ВОТ ТАКИЕ ДЕЛА, Наследник, — промолвил Дан, хлопнув ладонями по прилавку и наклоняясь поближе к Крину. На его обычно спокойном лице застыла горечь.

— Господин купец, вы заключили договор с лордом Яртом... Надеюсь, вы не забыли, что сидите здесь только потому, что его люди спасли вас и ваш караван?

Крин с трудом сдерживал себя, его терпение готово было вот-вот лопнуть.

— Лорд Крин, когда полгода назад я покидал город, дело обстояло одним образом. Сейчас ситуация изменилась. Я не мог

предугадать ничего подобного. В Казгаре беспокойно... Вчера вечером на собрании гильдий об этом много говорилось. Совет принял это решение почти два месяца назад, когда три вооруженных чужака ворвались в Храм. Один из них зарубил жреца. И хотя их сразу же растерзали, после выяснилось, что эти люди были приезжими. Правда, никто не знал, откуда они явились. Торговцы передают оружие горожанам, обученным сражаться. Я не могу грабить свой народ и продавать чужеземцу оружие, которое может понадобиться для защиты города. — Он на мгновение умолк, а потом закончил: — Я прекрасно помню о том, что обещал лорду Ярту, тебе и всем остальным. Но если возникнет хоть малейшее подозрение, что я выполнил твою просьбу, я немедленно окажусь в тюрьме!

Крин понимал, что купец говорит правду. Он долго пробыл рядом с Даном, чтобы не сомневаться в его честности. И только слухи, которые сообщили юноше охранники, заставили его серьезно встревожиться. Этим утром Рон предупредил Крина, чтобы тот оставил надежду закупить оружие в Казгаре:

— Я верну свой долг деньгами, — промолвил Дан, вынимая из широкого рукава толстый кошелек. — Здесь ровно столько, на сколько мы договаривались.

Купец положил кошель на стол перед парнем. Крин не взял.

— Что толку в деньгах? — хриплым от злости голосом промолвил он. — Не наденешь вместо кольчуги, не натянешь на лук, не выхватишь из ножен. Если я не могу раздобыть то, что нужно моему лорду, в этой проклятой дыре, куда мне идти, купец?

— Весной я бы посоветовал поехать в Путипорт. Но туда добираться долго, а зимой перевалы завалены снегом. Положа руку на сердце, я не могу помочь тебе даже советом.

— Провизия, теплая одежда? — спросил Крин, памятуя о следующем пункте в длинном списке необходимого Братству.

— Да, на это запрета не было. Я с радостью предоставлю тебе все, включая даже лошадей, но только не оружие. Все караваны вернулись, до весеннего сезона животные не понадобятся, а пастбище не безграничное. Многие захотят продать лошадей.

Крин перестал сверлить караванщика пронзительным взглядом и наконец посмотрел на кошель. Едва ли все торговцы такие честные и откажутся продать оружие чужакам. Если бы

дело происходило в северных землях, Крин быстро бы нашел способы раздобыть желаемое. Всегда найдется купец, который не устоит перед выгодной сделкой, законна она или нет. Деньги решают все. Но на это уйдет время... к тому же неизвестно, где найти человечка, который подскажет сговорчивых торговцев. Эх, Смарла бы сюда! Но Смарла не было.

— Лорд Крин, ты и твои люди — желанные гости в моем доме. Я буду рад нанять вас на службу... временно, если вы пожелаете.

Крин метнул на караванщика быстрый взгляд.

— Ждешь беспорядков, господин купец? — полуутвердительно спросил он.

— Слухи ходят, а дыма без огня не бывает. За последний месяц померло пять человек — трое мужчин и две женщины. Жрецы сказали: чума. Но что это за чума, когда мрут от нее не бедняки, как бывало раньше, а люди определенного положения и ранга? Разборчивая чума, а? В городе правят судьи, которые, в свою очередь, назначают троих управляющих. Ты, наверное, слышал об этом. У нас нет дворянства и короля, как в ваших краях. Так вот. Этих троих чума обошла стороной, зато сразила их самых горячих сторонников в Совете.

— Чума... или убийство? — вырвалось у Крина. В воздухе запахло интригой, которая уже однажды разрушила его жизнь. И после которой верные друзья превратились в заклятых врагов.

Дан печально вздохнул.

— Следи за речами, лорд. — Он оглянулся вправо-влево, убеждаясь, что никто не подслушивает. Они беседовали в рабочем кабинете Дана, примыкающем к лавке, в которой суетились продавцы и покупатели. — Нет, это и вправду чума, хотя и поразила она немногих. Пока лекарям удалось остановить распространение болезни и предотвратить мор.

— И все же, — заметил Крин, — есть и такие, кто сразу заподозрил мор совсем другого характера.

Юноша не спрашивал, он был уверен, что прав.

Дан медленно провел рукой по столешнице. И не поднимал глаз, чтобы не встречаться взглядом с Крином.

— Вчера вечером у Пофера, главы ткачей, который, насколько известно, был в самых что ни на есть добрых отношениях со

всем светом, пропали три рулона тройной парчи. А его охранника нашли мертвым. А ведь он заплатил налог трясунам...

— Налог трясунам? — озадаченно переспросил Крин.

— Лорд, в любом обществе есть люди, которые вершат добрые дела, а есть — совсем наоборот. Среди тех, кто «наоборот», всегда отыщутся бандиты, желающие нажиться за счет других. Несколько лет назад купеческие дома, которые не могли себе позволить постоянно держать охрану — кормить и платить жалованье, были разграблены дочиста. Каково это — трудиться всю жизнь и за одну ночь остаться без гроша! — Он вздохнул. — А потом появился человек... так часто бывает, когда жизнь становится особенно тяжелой. Говорят, он не казарец, а пришлый. Но он знал этот город и его жителей как свои пять пальцев. Ему удалось согнать всех бандитов и воров в кучу и сбить из них что-то вроде наших гильдий. Я слышал, у них даже есть свои мастера и подмастерья, свои экзамены и критерии искусности... Никто не восставал против вожака, а те, кто пытался, — как в воду канули. Полностью подчинив себе городское дно, он осмелел до того, что явился в Совет — не лично, конечно, с предложением. Чтобы каждый состоятельный торговец выплачивал налог этой тайной гильдии, и тогда его не тронут...

— То есть платишь — и тебя, можно сказать, охраняют? — уточнил Крин.

— Да, но на этом дело не закончилось, — вздохнул Дан. — Жизнь — вообще несовершенная штука. Оказалось, что можно запросто нанять трясунов для личных целей за отдельно оговоренную плату. Вплоть до убийства. Если эта плата превышает сумму налога, который обычно отдает заказанная жертва, ей предлагают заплатить больше, чтобы откупиться от новой напасти. И так, пока кто-то первый не сдастся. Вот и выходит, что хотя торговец и не ссорится с трясунами, а защиты у него все равно никакой нет.

— А что, ваш Совет не может поднять городскую стражу? — спросил Крин, обескураженный странностью таких чуждых обычаев.

— Они защищают людей в целом. Если непорядки происходят в людном месте, стража тут как тут. Но дома и склады купца, — Дан обвел взглядом кабинет и лавку, — это собствен-

ность самого купца и его клана. Никто не станет лезть в частные дела без разрешения.

Этот аргумент вовсе не показался Крину убедительным. Впрочем, это порядки Казгара, а он чужак. И вообще это не его дело.

— Так, я заключу с вами краткосрочный договор, — вернулся Дан к первоначальной теме разговора. — Пока вы не определитесь, что будет лучше для лорда Ярта, пока в городе действует запрет на продажу оружия. Покидающим Казгар разрешено иметь при себе только доспехи для одного и личное оружие.

Крин стоял, теребя в руках дорожную сумку, и хмуро смотрел на кошель. Дан, конечно, отдал долг сполна, но на что теперь эти деньги? Разумнее принять предложение и со временем убедиться, действительно ли в Казгаре никак не достать того, что необходимо Ярту.

Вернувшись в казарму, юноша подозвал двоих товарищей из Братства и кратко обрисовал ситуацию.

— Баррам, из первой пятерки, все намекал, что дело нечисто, — нахмурился один из них. — Говорил, дрянь дело, воняет за версту. А у городских-то ворот народищу, и все тарашатся, вынюхивают...

— Лорд Ярт... — оборвал его второй. — Ему нужна помощь. Крин взвесил в руке кошелек.

— Дан сказал, что мы можем взять провиант и теплую одежду. И запасных лошадей. Вы с Вентро, — обратился он к старшему, — упакуете все, что они выдадут. Когда брюхо набито и спина прикрыта, зиму пережить уже можно.

— А ты, Наследник?

— Дан тут еще кое-что рассказал... — ответил Крин и объяснил про гильдию трясунов. — Судя по всему, Совет им не указ... на самом деле этот Совет им платит дань. Может, они согласятся на сделку, которая пугает законопослушных купцов? Выяснить этот вопрос всяко стоит. Но потребуется время. Конечно, затея может провалиться, но я все-таки останусь. Это наш шанс.

— Ты говоришь точно как лорд Ярт, — отметил Вентро. — А мы с Ханселем вернемся. Поздновато для поездки, но если нам дадут хороших лошадей, то доедем быстро.

Дан принял их решение с радостью. Он лично помог купить привыкших к путешествиям лошадей, которые теперь находились на дальнем пастбище. Владельцы с готовностью избавились от животных, чтобы не тратиться на дорогой по холодным временам корм.

Прошло две декады с тех пор, как караван прибыл в Казгар, и вот Вентро и Хансель отправлялись обратно. Крин проводил товарищей до самых ворот. Он заставил Вентро несколько раз повторить его устное донесение лорду Ярту. В последнюю минуту ему пришло в голову, что, возможно, необходимо упомянуть и о торговце амулетами, но потом он решил, что Дасту ничего не угрожает.

Юноша несколько раз наведлся на базар и своими глазами видел этого торговца. Красных камней на лотке было немного, к тому же у него и вправду никто ничего не покупал. Он стоял молча, товар не расхваливал, народ не зазывал. Крин пустил в ход все свое мастерство становиться неприметным и был уверен, что торговец его не увидел. В свою очередь, парень заметил, что лоточник постоянно шарит глазами по окружающей толпе — то ли ищет кого, то ли боится чего-то. Почему-то Кри-ну показалось, что скорее первое, чем второе.

Во время своего третьего похода на базар юноша впервые увидел, что кто-то подошел к лотку с непривлекательным товаром. Это была женщина, с ног до головы закутанная в тяжелый складчатый плащ, в который обычно обряжаются высокопоставленные дамы, когда выходят в город. За ней шагал юноша с родовой эмблемой на плече, видимо, простой слуга, который носил за госпожой покупки.

Крин стоял слишком далеко, чтобы разглядеть эмблему, а подойти поближе не рискнул. Женщина переговорила с лоточником и пошла дальше. Крин уже успел посчитать камни. Раньше их было десять, а когда женщина отошла, стало девять. Хотя парень не видел, чтобы торговец что-то передавал даме или она сама брала камень с лотка. Повинуясь внезапному порыву, Крин поднырнул под заваленный продуктами прилавок и бросился вдогонку. Женщина больше нигде не останавливалась, пробиваясь через густую толпу, которая вскоре поредела. Наконец Крин дошел вслед за незнакомкой до богатого района, где стояли дома управляющих гильдиями, а неподалеку воз-

носился в небо тройной шпиль главного святилища. Юноша заметил у некоторых дверей стражей с прекрасным — и таким недоступным — оружием. Они стояли, словно привратники, встречающие гостей.

Но женщина и ее спутник резко свернули в один из проулков, похожий на улочку, по которой Дан вел свой караван до дома. В проулке как раз стоял пустой фургон, за которым Крин спрятался и продолжал следить за незнакомкой. Она проскользнула через калитку в воротах одного из домов. Над аркой ворот шла затейливая роспись. Юноша запомнил узор, собираясь после узнать, кто является хозяином или хозяйкой этого дома...

«А с другой стороны, — думал Крин, шагая обратно, — что мне за дело, кому продает лоточник свои зловещие камни?» Тайные интриги, о которых намекал Дан, не имеют никакого отношения к делам чужака, который только и мечтает, как выполнить приказ своего лорда и вернуться к товарищам. Правда, Даст не был его родиной...

Пока Крин ни на шаг не приблизился к исполнению мечты — не нашел людей, согласных продать ему оружие за щедрое вознаграждение, хотя он внимательно прислушивался к разговорам охранников и постоянно наведывался вместе с ними во все возможные кабаки. Его терзала мысль, что, возможно, он каждый день сталкивается с этими людьми, просто не знает, что именно они ему и нужны.

Но наконец он освоился в городе и досконально изучил самый грязный и бедный квартал. Почему-то юноша был уверен, что именно здесь проще всего отыскать ниточки к так называемым трясунам. Если эти всемогущие трясуны прежде набирались из воров и бедняков, то этот район для них был и остается родным домом.

К счастью, большинство встреченных им стражников и охранников были не коренными казгарцами, а пришлыми наемниками. Горожане предпочитали заниматься торговлей, нанимая на службу более воинственных северян или горцев.

Дан вручил парню нарукавную повязку, которая означала, что он находится на службе у купеческого клана. Поэтому Крин мог свободно расхаживать по городу, не вызывая никаких вопросов, хотя его меч сильно отличался от местного ору-

жия. Свои обноски он давно сменил на выданную караванщиком одежду. Конечно, опытный глаз профессионала сразу же зацепится за Дарующего Надежду, но Крин ни за какие деньги не расстался бы с верным мечом. Днем он носил оружие на поясе, ночью клинок лежал у него под рукой. И так будет продолжаться, пока он с почетом не повесит родовой меч в главном зале свободного Дома Кунионов.

Гуляя по Казгару, юноша держался так же осторожно, как и на перевалах Высот: примечал каждый поворот и перекресток, запоминал основные ориентиры. Оказалось, что навыки разведчика могут быть полезными и здесь. Как-то, шагая по узкой, извилистой улочке, он искал глазами очередной ориентир, и взгляд его наткнулся на здание, преграждающее дорогу впереди. Очевидно, его давно забросили либо же использовали не для жилья. Это был простой одноэтажный дом без окон, а над дверным проемом виднелся каменный барельеф. Видимо, предпринимались попытки усилить значительность здания.

Барельеф представлял собой гротескное изображение головы — не человеческой, не звериной, а какой-то невообразимой помеси. У нее были странные, искаженные, но вовсе не отталкивающие черты лица. Заинтересовавшись, юноша решил взглянуть ее поближе.

Он пересек улицу и остановился перед зданием, рассматривая непонятную каменную маску. И заметил то, чего не было видно издалека. Пониже лица мастер изваял руки, причем они были врезаны глубже маски и сразу же привлекали внимание, уводя взгляд от нечеловеческого обличья. Эти руки были сложены так, как когда-то сделала Дрин, приветствуя лорда Ярта при их первой встрече у ручья. Запястья касаются друг друга, а ладони и полусогнутые пальцы разведены, будто придерживают невидимую чашу. Так ведь это Лири!

Крин шагнул на порог и заглянул внутрь дома. Там витали обычные запахи давно заброшенного помещения. И было так темно, что он не смог разглядеть стен.

Это святилище Лиры... И он сразу вспомнил Нош. Интересно, знает ли она об этом месте? Стоит ли ей рассказывать? Но храм давно покинут, и она не найдет здесь никого из своих единоверцев.

В полдень парень отправился обратно, к усадьбе купца Дана. Обычно Крин заходил в дом через задний дворик, но на этот раз проще было пройти через лавку. Не успел он переступить порог, как стал свидетелем яростной ссоры. Дан стоял в дверях маленькой комнаты, где хранились и тщательно охранялись самые ценные товары. Его лицо пылало таким гневом, что Крин пораженно замер на месте. Купец никогда не выходил из себя настолько, даже когда на караван напали разбойники.

Перед Даном стоял высокий нескладный парень, который доводился хозяину племянником. Хотя он был всего года на два старше Крина, но караванщик доверял ему вести дела во время своих путешествий.

— Выгодная сделка! — кричал парень визгливым голосом. — Лорд Марк выложил за него кучу денег. А ты развесил уши на бредни этой шлюхи и чуть не проворонил... Зло в камне, как же! Или она что-то задумала, или просто пытается использовать тебя в своих целях.

— Этот камень нельзя было продавать. Ты нарушил мой приказ! Прочь с глаз моих, глупец! Если что-то случится, то во всем будешь виноват ты. Сегодня не попадайся мне на глаза... пока я не разберусь с этим делом!

Дан сжал кулаки и шагнул вперед, хотя племянник был его выше. Лицо купца горело такой решимостью, что Гюнтер сорвался с места и пустился наутек, едва не сбив с ног Крина. Лицо молодого человека было мрачнее тучи. Дан развернулся и с грохотом захлопнул дверь в хранилище.

Преисполнившись любопытства, Крин обратился к одной из служанок, которая стояла за прилавком.

— А что случилось?

— Гюнтер продал лорду Марку один камень, — встревожено ответила она, — про который госпожа сказала, что он плохой и полон зла. Она нашла его среди камней, которые Гюнтер купил, пока хозяина не было дома. Теперь, если случится что-то дурное, Совет заставит хозяина отвечать за это... Что сегодня за день такой!

Девушка взмахнула руками, словно пыталась изобразить свалившиеся на дом несчастья.

— А что еще произошло? — спросил Крин, хотя все его мысли были поглощены случаем с камнем. Если Нош сказала, что в

этом камне — зло... он прекрасно помнил, из-за чего началось землетрясение, разрушившее их горное укрытие. А вдруг этот камень навлечет то же самое на Казгар? Знает ли Дан о землетрясении?

— Зарк, — продолжала служанка, передернув плечами. — Его ищут по всему дому с десяти утра. Говорят, он плюется ядом... Госпожа Софина приказала перевернуть вверх дном каждую комнату. Разве можно держать дома такую тварь, пусть даже и в клетке? Они же опасные!

Зарк? Эти ящерицы водились в горах, и Крин никогда не слышал, что они могут причинить человеку какой-то вред. Возможно, существовали какие-то другие разновидности зарков, о которых он не знал. Если он ядовит, то поднявшаяся суматоха вполне понятна — эта зверушка бегаёт невероятно быстро и легко спрячется в любую шелку. Да, у Дана сегодня тяжелый день. Возможно, он отчасти изливал на племянника накопившийся гнев, отчего остальные домочадцы притихли и ходили по струночке. Правда, все, кто знал Гюнтера, втайне ликовали, что молодой нахал наконец получил взбучку.

17

ХОТЯ НОШ несколько раз ходила на базар вместе с Даном, чтобы прицениться к товару, выставленному другими купцами, ей еще не представлялось случая погулять по городу самостоятельно. Увы, местные обычаи требовали, чтобы молодая девушка выходила из дома только с сопровождающим. Нош злилась, но пока не хотела ссориться с купцом.

Дан не стал представлять свою спутницу знакомым из гильдии, что немало озадачило девушку. Видимо, он хотел, чтобы о ее таланте никто не знал. По крайней мере до зимней ярмарки.

Нош сердечно попрощалась с Вентро и Ханселем, которые возвращались в Даст, прихватив все снаряжение, какое только могли увезти. Девушка понимала, как расстроился Крин из-за того, что не может купить оружие для своего лорда. Несколько раз она видела, как он отпраивался в город, но не могла осмелиться и попросить взять ее с собой. А ведь ей так необходимо было отыскать святилище Лирь!

Все, что оставалось, — сидеть сложа руки. Нош не спускалась в лавку, если Дан ее не звал, особенно когда там находился Гюнтер. Девушка знала, что он терпеть ее не может. А еще она сторонилась зимнего сада, который облюбовала Софина. В погожие дни молодая жена Дана находилась там до самого вечера, окруженная служанками.

Наконец терпение Нош истошилось, и она решила отправиться на переговоры с Крином. По крайней мере, невзирая на свою нелюбовь к колдовству в целом и к ней в частности, парень должен понимать, что ее миссия так же важна для нее, как его поиски оружия. И ждать она уже не может. Следующим утром Нош завтракала у себя в комнате бутербродом с сыром, прихваченным на кухне. Она больше не рисковала сидеть за одним столом с хозяевами и навлекать на себя гнев Софины. Внезапно откуда-то сверху донеслись душераздирающие крики. Схватив нож, девушка выбежала из комнаты.

Кричали явно от страха, а Нош, прожив всю жизнь на грани жизни и смерти, привыкла бросаться на помощь не раздумывая. Она взбежала по лестнице и столкнулась с одной из служанок Софины. Девушка стояла столбом, широко распахнув глаза, и вопила без остановки. Нош схватила служанку за плечи и сильно встряхнула, хотя та была повыше ростом и покрупнее.

— Что... — начала Нош, но ее вопрос потонул в новой пронзительной руладе.

На лестничную площадку выбежала Софина собственной персоной. Распущенные волосы, корсаж платья расшнурован, словно женщина только встала с постели и не успела привести себя в порядок.

— Яд... — пробормотала она. — Убить... убить эту тварь!

Снизу донеслись крики мужчин и топот множества ног. Нош отпустила плечи служанки и повернулась к госпоже.

— Кого убить?

— Зарка... — сказала Софина, немного приходя в себя. — Вот... вот дрянь!

Она развернула служанку лицом к себе и залепила ей такую пощечину, что девушка отлетела к стене, ударилась спиной и сползла на пол.

— Эта безмозглая дура уронила клетку. Зарк убежал. Нужно убить его! — Софина повернулась к охраннику, который пер-

вым появился на лестнице. — Найдите и прикончите его! Зачем Дан вообще его притащил в дом?!

— Но зарки не ядовиты, — удивилась Нош.

Она помнила ящериц, с которыми дружила в горах. Каждое утро они приветствовали ее радостным шелканьем. Правда, этот зверек отличался от ее приятелей окраской — сверкающей чешуей и алым капюшоном, но в остальном был обычным зарком.

— Дура! — напустилась на девушку Софина. — Вот и тащи его за хвост голыми руками... если смелости хватит. Все знают, что они ядовитые. Общайте, — обратилась она к охранникам, — каждый угол, каждую щель, каждый ящик. Найдите и убейте его!

Все домочадцы тут же прониклись ее уверенностью в смертельной опасности, которая может подстергать на каждом углу. Охрана и слуги, вооружившись палками и ножами, принялись прочесывать верхние этажи здания.

Нош вернулась к себе. Какой смысл присоединяться к поисковой партии? Во-первых, если эта ящерица повадками не отличается от своих горных собратьев, то бегает она намного быстрее человека. Едва ли охота увенчается успехом. А во-вторых, Нош сильно сомневалась, что этот зверек действительно ядовит. Если да — то как он может впрыснуть яд, ведь у него нет ни ядовитых зубов, как у мафиты, ни иглы на конце хвоста, как у клешенога. Последние обычно прячутся под камнями и нападают на любого, кто потревожит их покой.

Девушка села у окна, прислушиваясь к крикам и шуму, которые подняли охотники. Судя по всему, успокоятся они не скоро. Нош увидела группу слуг, которые обшаривали внутренний дворик. Один из них внезапно завопил и взмахнул палкой. Увы, его добычей оказалась обыкновенная крыса, каких видимо-невидимо на улицах любого города.

Сверху послышался скрежет и грохот — это передвигали мебель. Девушка окинула взглядом собственные покои. Рано или поздно эти горе-охотники доберутся и сюда. Они выпотрошат сундук, опрокинут кровать и перевернут все вверх дном. Может, стоит поискать самой, чтобы спасти комнату от разрушений?

Насколько ей знакомы повадки зарков... Нош легла на пол посреди комнаты, приложила ухо к полу и пощелкала языком так, как прежде подзывала Тарма и Вазина. Нужного звука девушка добилась лишь с третьей попытки, к тому же ее отвлекал гам, поднятый охотниками. Тем не менее она не отказалась от своей затеи. Под самым носом Нош мелькнуло яркое размытое пятно. Зарк замер, стоя на задних лапках. Девушка протянула руку, выставив вперед указательный палец. Ящерица тут же вцепилась в палец передними лапками. Зверек запрокинул голову и застрекотал. Нош видела, как бешено колотится его сердечко — зарк был охвачен страхом.

Она медленно протянула вторую руку. На мгновение зверушка дернула головой, словно приготовилась сорваться с места и броситься наутек. Но позволила девушке коснуться мордочки. Нош нежно погладила голову зарка. Ящерка молниеносно вспрыгнула на колено девушки, заглянула ей в лицо и обиженно зашелкала.

Какие же они ядовитые? Эти горожане боятся даже собственной тени. Нет, она не отдаст малыша на растерзание этим живодерам, которые хотят забить зверька до смерти только потому, что он освободился из плена. Поскольку рано или поздно они обыщут и эту комнату, нужно придумать для зарка какое-нибудь убежище.

Нош протянула к зверьку руку, и он послушно запрыгнул на открытую ладонь. Придерживая ящерицу второй рукой, девушка выглянула в окно. Она не сомневалась, что, если спустить зарка с подоконника, тот легко слезет вниз по стене. Но в этом случае зверек окажется на виду у слуг, которые обыскивают дворик.

Нет. Зарк тонко шелкнул, вновь поднялся на задние лапки и, словно умоляя, ухватился передними за рукав ее платья. Корсаж казгарского наряда был слишком тесным, чтобы туда поместилась ящерица, а вот юбка... Девушка расправила широкий подол, когда зарк перепрыгнул ей на плечо. Юбка была двухслойной и расходилась от талии частыми пышными складками. Так, теперь нож. Нош нашла изнутри, в подкладке, шов и сделала вдоль него вертикальный разрез. Поймет ли зверек, что она собирается сделать? С другой стороны, девушку всегда интересовало, насколько зарки сообразительны. Она склонила

плечо, на котором восседал беглец, и подставила надрез в подоле юбки как горловину мешочка. Зверек прыгнул вниз и тотчас юркнул в прорезанный карман.

Нош принялась сдвигать вещи, чтобы придать комнате такой вид, будто здесь велись лихорадочные поиски. И вовремя. В дверь постучали. Нош открыла и оказалась лицом к лицу с охранниками. Бдительные стражи сжимали в руках мечи, а за их спинами топтался один из прислужников, торгующих в лавке.

— Его здесь нет, — сообщила Нош, обводя рукой разбросанные вещи. — Я знаю повадки зарков, потому что они водятся в моих родных краях. Рано или поздно он захочет пить... и есть... тогда его можно будет поймать.

— Правильно, госпожа, — кивнул охранник. — Мы уже с ног сбились. Нужно сказать капитану.

Он поклонился и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Нош порадовалась, что вовремя догадалась упомянуть о своем знании повадок зарков. Теперь ей точно нужно выбраться из дома и отыскать пустынное местечко, где можно будет выпустить бедняжку на волю. Она встретится с Крином сегодня же. Утром он ушел в город, но обычно возвращался к полудню. Так что до вечера еще будет время погулять по Казгару.

Девушка достала из сундука широкий плащ, под которым обычно прячутся местные женщины, когда выходят в город. Придется потерпеть, хотя она не понимала, зачем так закутываться. Но отправляться без него — значит, привлекать к себе нежелательное внимание. Все равно что кричать на каждом перекрестке, что ты чужачка.

Капюшон у плаща был просто необъятен. Водружаешь его на макушку, и на плечах пузырятся две круглые складки, похожие на капюшон у ящериц. И все-таки он лучше подходит для ее цели, чем подол юбки, пусть даже и такой пышной.

Но девушку прервали раньше, чем она успела придумать какой-нибудь подходящий план. Постучался один из продавцов и сказал, что господин Дан желает ее видеть. Нош покорно спустилась к купцу, который ждал ее в сокровищнице. Между его бровями пролегла хмурая складочка. На столе лежало множество маленьких мешочков. Дан быстро вытряхивал их содержимое на поднос, осматривал и ссыпал обратно.

— Не хватает одного камня, — бросил купец, когда Нош вошла в комнату. — Про который ты говорила, что в нем — зло. Я собирался сегодня утром отнести его в Святыню и попросить, чтобы эту гадость уничтожили. Там умеют работать с силой. Пришел — а камень пропал!

— Вы везде посмотрели? — спросила Нош, оглядывая бесконечные ячейки в стенах.

— Да... его здесь нет!

Неожиданно Дан вскочил со стула, выбежал в холл и подошел к себе старшего охранника.

— Гюнтер заходил сюда сегодня утром?

— Да, господин. Очень рано. Сказал, что вы дали ему особое задание... кажется, отнести что-то лорду Марку... какая-то выгодная сделка... вот и все.

Охранник говорил нерешительно, словно сомневался в словах Гюнтера.

— Идиот! — взревел Дан. — Значит, он нарушил мой прямой приказ.

Последнюю фразу он произнес, обращаясь скорее к себе самому, чем к Нош или стражнику. Затем он вновь сорвался с места и ринулся в другую комнату, бросив через плечо:

— Нужна твоя помощь, госпожа.

Купец сначала плотно прикрыл дверь и только затем повернулся к девушке.

— На следующий день после того, как ты увидела этот камень, Гюнтер пришел ко мне и предложил продать его лорду Марку. Марк — бывший глава гильдии ювелиров, очень богатый человек. Но его основная страсть — собирать необычные драгоценные камни. Этот камень наверняка ему приглянется. Если они уже заключили сделку, дело худо. Потому что лорд Марк никогда не согласится отдать что-нибудь из своей любимой коллекции. И... — он замаялся, но договорил: — Твое предупреждение только раззадорит его. Говорят, у Марка уже есть некоторые экспонаты, о которых ходила дурная слава. Свою коллекцию он не показывает никому. Насколько этот камень опасен?

— Я не могу ответить на ваш вопрос, господин Дан, — пожала плечами Нош. — Предмет, настроенный на зло, может использовать человек, который чувствует силу и желает пустить ее

в ход. Возможно, если этот господин просто положит камень в коллекцию, ничего плохого не случится. Но если он попадет в руки кого-то из черного братства... мы даже представить себе не можем, какое зло вырвется наружу.

Купец как-то сразу осунулся и постарел.

— Говорят, — начал он и запнулся. — Нет, обычно слухи — это одно, а правда — другое. Что ж, будем надеяться, что этот камень будет спокойно храниться в коллекции и никому не принесет вреда. Но Гюнтер... — Нош никогда не видела прежде, чтобы Дан так выходил из себя. — Гюнтер ответит мне за это!

Все утро хозяин дома внутренне клокотал от ярости, которая временами прорывалась наружу в резких приказах. Никто не мог угодить Дану. Он усадил Нош разбирать новую партию камней, на этот раз все они были Лунными слезами. Когда девушка отобрала самые качественные и ценные, торговец сперва поворчал, но потом согласился с ее выбором.

В кабинет, где сидели Нош с Даном, время от времени долетали шум и вопли слуг, занимавшихся безнадежными поисками. Но купец оставался безучастным — то ли не считал сбжавшего зарка опасным, то ли был уверен, что слуги быстро справятся с проблемой. Присаживаясь, Нош осторожно расправила юбку, и ящерица не выдала себя ни малейшим движением. Девушка пришла к выводу, что зверек прекрасно понимал: ради спасения жизни нужно сидеть тихо. Что было вовсе не похоже на обычное поведение домашних любимцев. Но нельзя же носить его постоянно при себе! Нужно поскорее найти способ, как выпустить зарка на волю.

Гюнтер появился в лавке ближе к обеду. Дан заметил племянника. Лицо купца мгновенно налилось кровью. Он рванулся из-за стола так резко, что разложенные на подносе камни слетели бы на пол, если бы Нош не поймала поднос у самого края стола.

— Гюнтер! — проревел Дан, направляясь к племяннику. — Какую сделку ты заключил с лордом Марком?

На широком и плоском лице Гюнтера появилась лукавая ухмылка.

— Очень выгодную для нашего клана, Дан. При нем как раз был эксперт, который все проверил. И вот... посмотри, сколько я заработал для родовой казны!

Молодой человек достал мешочек и высыпал из него на ладонь золотые монеты. Сияющие кружочки лились потоком. Гюнтер поднял глаза на хозяина, ожидая заслуженной, как он полагал, похвалы.

— Ты продал черный камень...

— Конечно, откуда бы я взял это? — пожал плечами Гюнтер, ссыпая золото обратно в мешочек. — Здесь больше, чем мы выручаем за декаду, Дан.

Он широко усмехнулся и закивал головой.

— Этот камень нельзя продавать, идиот! Ты что, хочешь, чтобы нас выперли из гильдии? Никто не станет связываться с купцом, который продал испорченный товар...

— Испорченный? — взвился Гюнтер. — Это редкий камень из дальних земель! Лорд Марк будет рад взглянуть на камни, которые мы привезем в следующий раз. Даже у Леции не было такого необычного камня!

— Еще бы! Потому что у нее хватает ума не нарушать законы гильдии! Этот камень приносит несчастье, и все узнают, что его продали именно мы.

— Я не идиот! Это выгодная сделка! — Взгляд Гюнтера метнулся за спину дяди, к столу, за которым сидела притихшая Нош. — Лорд Марк выложил за него кучу денег. А ты развесил уши на бредни этой шлюхи и чуть не проворонил... Зло в камне, как же! Или она что-то задумала, или просто пытается использовать тебя в своих целях.

Дан сплюнул в сторону, но на его лице явственно читалось желание плюнуть прямо в лицо своему племяннику.

— Этот камень нельзя было продавать. Ты нарушил мой приказ! Прочь с глаз моих, глупец! Если что-то случится, во всем будешь виноват ты. Сегодня не попадайся мне на глаза... пока я не разберусь с этим делом!

Купец сжал кулаки и, казалось, вот-вот набросится на Гюнтера. Тот швырнул мешочек в дядю, развернулся и вылетел на улицу. Дан захлопнул дверь хранилища и привалился к ней спиной, тяжело дыша, словно после долгого бега. Потом наподдал ногой по мешочку с деньгами, так что тот отлетел к стулу Нош. Девушка подняла мешочек и положила на стол. Тяжелый — видимо, в нем и вправду много денег.

Дан упал на свой стул и потерянно уставился на злосчастный мешочек. Затем гадливо ухватил двумя пальцами и спрятал в одной из стенных ячеек.

— Придурок! — прорычал Дан наконец, возвращаясь на место. — Теперь мне придется отчитаться перед Советом гильдий... А они посчитают меня безответственным, и будут правы. Позор на всю семью! Госпожа, — обратился он к Нош. — Я не в настроении продолжать оценку камней. Мне нужно подготовиться к тому, что я буду говорить своим товарищам по гильдии.

Девушка была рада, что он отпустил ее. Вставая, она пробормотала что-то утешающее, хотя была уверена, что Дан ее не слышал. Купец сидел, опустошенно глядя в стену перед собой. Видимо, от будущего он не ждал ничего хорошего. Но магический замок открыл, позволив Нош выйти из хранилища.

Продавцы в лавке сбились в кучку и перешептывались. Гюнтер куда-то делся, что несказанно обрадовало девушку. Ей не хотелось встречаться с человеком, который ни в грош ее не ставил.

Зато в коридоре, ведущем к службам, она увидела второго такого же. Догнав юношу, девушка коснулась его руки.

— Наследник!

Крин бросил взгляд через плечо и повернулся к Нош. Она еще не придумала, как лучше изложить свою просьбу, разве что попросту сказать, что ей надо.

— Наследник, — повторила она, — ты часто бывал в городе... Я видела, что ты ходишь туда почти каждый день.

— Ну и что? — опасливо поинтересовался он, словно приготовившись к защите.

— Ты не видел святилища Лиры? — прямо спросила Нош.

Он помолчал, видимо, думая о чем-то своем. Потом ответил:

— Сегодня я видел что-то подобное. Этот дом расположен в самой худшей части города и, судя по всему, давно заброшен.

— А он точно был посвящен Лире?

Она должна знать наверняка.

— Над входом из камня были вырезаны поднятые руки, — пожал плечами юноша. — Я видел, что твоя наставница так приветствовала лорда Ярта.

— Ты можешь отвести меня туда?

Одной рукой Нош коснулась мешочка, спрятанного на груди. Если сокровище, которое она ищет, скрыто в святилище, остальные кристаллы укажут ей верный путь.

Крин раздраженно посмотрел на нее, очевидно не горя желанием ввязываться в ее проблемы.

— Наследник, — спокойно продолжала Нош, кивая на его меч, — вот это значит для тебя больше, чем жизнь. То, что я ищу, не менее важно для меня. И путь к нему начинается в святилище Той, кому я служу...

— Ладно. Бери свой плащ, и пойдем туда прямо сейчас.

Крин не скрывал, что вся эта затея ему откровенно не нравится. Девушка не могла понять, почему он тогда берется помогать, если испытывает к ней в лучшем случае презрение.

Нош вихрем взлетела по лестнице. Охота на зарка до сих пор продолжалась — сверху слышались нетерпеливые покрикивания Софины. Оказавшись в своей комнате, девушка набросила плащ и скрепила его под горлом застежкой. Затем она вытащила зарка из его прежнего укрытия. Зверек вновь прекрасно понял, что от него ждут. Он запрыгнул на руку девушки, нырнул в складку капюшона и притаился у нее на плечах. Нош почти не ощущала веса маленького тельца.

Завершив приготовления, Нош спустилась вниз. Она нашла Крина у ворот. Юноша ждал ее, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

18

НОШ С ТРУДОМ попевала за своим проводником. Крин размашисто шагал по улице, будто спешил поскорее покончить с этим делом. Они пошли не по широкой аллее, по которой Дан ходил вместе с ней на базар, а сразу же свернули в какой-то проулок.

Навстречу попадались прохожие, но никого из них не сопровождал телохранитель, и никто не красовался яркими одеждами зажиточных торговцев. Нош заметила, что Крин не смотрит прямо перед собой, а напряженно следит за всем происходящим. Можно подумать, он вышел на разведку или на охоту. За все время пути он не проронил ни слова. Они постоянно петля-

ли по незнакомым улочкам, и Нош обеспокоилась, поскольку поняла, что сама ни за что не найдет сюда дорогу. Дома стали меньше, роскошные особняки остались на главной улице. В изредка попадающихся лавочках торговали, насколько Нош могла бегло определить, второсортным товаром.

Но...

Девушка нащупала под платьем драгоценные кристаллы. Нет, она не ошиблась. Они потептели, как в тот раз, когда она наткнулась на скелет в ущелье. Значит, где-то неподалеку хранится еще один Палец.

— За нами следят... — неожиданно произнес Крин. В его голосе прозвучала тревога, так что Нош сразу же подобралась. Юноша остановился и оглянулся. — Наверное, одному из так называемых трясунов мы показали легкой добычей...

Нош тоже обернулась, но не увидела никого, кроме старухи, согнувшейся в три погибели под вязанкой хвороста, и шатающегося из стороны в сторону пьяницы.

— А кто? — спросила она, не заметив ничего подозрительного в этих двоих прохожих.

— Спрятался, — нахмурился Крин. — Такой, невысокий... наверное, мальчишка... они лучше всего подходят для слежки.

— Слежки... — эхом отозвалась Нош.

Крин схватил ее за руку.

— Пошли, пока мы не привлекли еще большего внимания, — отрезал он.

Крин свернул в проулок, заваленный грудями мусора. Под ногами зачавкала грязь. Вскоре они добрались до пустого, полуразрушенного святилища. Кристаллы наверняка засветились, но их сияние скрывала одежда. Зарк, который всю дорогу оставался неподвижным и молчаливым, что-то застрекотал в правое ухо Нош. Чешуйчатое тело коснулось щеки девушки, когда зверек высунул головку из-под капюшона.

Внутри... действительно ли то, что она ищет, находится внутри? Девушка поднялась на единственную ступеньку храма, на ходу доставая мешочек с кристаллами. Они сияли, а значит, искомое рядом. Но... не внутри... Выше. Не впереди, а вверху.

Нош сдернула капюшон с головы и посмотрела наверх. Там... изо рта каменной маски разливалось свечение, которое она ни с чем не спутала бы. Но как достать его источник...

— Что это?

Крин встал рядом с девушкой и подозрительно посмотрел на нее.

— То, что я ищу... оно вон там, во рту! — ответила Нош и показала на барельеф.

Словно специально для Крина, сияние усилилось. Теперь он легко мог его увидеть и, судя по сдвинувшимся бровям, увидел-таки. Но вот как достать Палец оттуда?

Неизвестно, насколько прочно кристалл врезан в камень. Поскольку его до сих пор никто не нашел, то вытащить его будет наверняка нелегко. Его даже могли зацементировать. Но скорее всего нет, судя по чистому и яркому свечению.

Девушка обернулась и оглядела пустынную улицу. На первый взгляд рядом не было ничего, похожего на лестницу. Если бы найти какую-нибудь палку и потыкать в Палец, чтобы понять, насколько надежно он застрял в каменной пасти...

Чешуйки царапнули щеку Нош, когда зарк поднял мордочку вверх, будто знал, почему его новая хозяйка пришла к этому дому. Крин резко повернулся на каблуках и пошел вниз по проулку. Нош понимала, что парень просто не желает иметь ничего общего с проявлением волшебной силы. Но она не собиралась уходить отсюда, пока не добудет заветный кристалл.

Вот только она ошиблась, думая, что Крин решил уйти. Он быстро вернулся, держа в руках длинный обломанный шест.

Когда юноша подошел к Нош, зарк выбрался из укрытия и одним прыжком взлетел на каменный постамент барельефа. Зверек лазал по стене с той же скоростью, с какой бегал по земле. Он висел, вцепившись в неровный камень одной передней лапой и обеими задними, а второй передней потянулся ко рту маски.

Затем зарк повернул голову и что-то разочарованно прочитал.

— Отзови его! — приказал Крин. — Посмотрим, нельзя ли выбить твой бриллиант палкой...

Нош подняла руку и поманила зарка. Она еще не оправилась от удивления, которое вызвало у нее поведение зверька. Зарк повиновался, будто знал, что задумали люди. Нош прежде не приходило в голову испытывать Тарма или Вазина на разум-

ность — возможно, все зарки отличаются невероятной сообразительностью.

Девушка издала повелительный шелчок, чтобы привлечь внимание ящерицы, и снова поманила ее. К вящей радости Нош, зверушка отодвинулась в сторонку и повисла на цепких лапках. Крин поднял палку и потыкал ею в рот каменной головы.

Юноша приналег. Палка слегка согнулась. Тогда Крин стукнул по толстому концу палки кулаком. Дерево не выдержало и сломалось. Но зарк уже метнулся к маске и потянулся лапкой в каменный рот. Последовала яркая, ослепляющая вспышка, и остальные Пальцы откликнулись нарастающим теплом.

Но ящерица не удержала кристалл. Зверек издал отчаянный писк и выронил камень из лапы. Быстрым движением опытного воина Крин поймал Палец прежде, чем он ударился о каменный фундамент здания. Несколько мгновений юноша держал драгоценность в руке, разглядывая находку со странным выражением на лице, а потом протянул камень Нош.

— Снова это колдовство. Вот соберешь ты их, а что потом?

— Не знаю,—честно ответила девушка. — Моя задача — собрать их и хранить. Спасибо за помощь. Я-то знаю, как ты ко всему этому относишься.

— Все это, — со злостью отрезал Крин, — не для людей. Такая сила искушает хранителя использовать ее для своих целей. И защититься от нее невозможно. Ты будешь использовать ее. Но как? Отвечай, Сновидица, читающая камни!

— Не во зло, — резко ответила Нош, тоже выходя из себя. — Лира не служит тьме.

Девушка помолчала, потом добавила:

— Лорд Крин, тебе отвратительно все это. Но ты носишь меч, а это — тоже сила. Не магическая, но все же сила. И настанет время, когда тебе в руки попадет — вот как сейчас упал камень Леры — большая мощь, сильнее твоего меча. Как ты будешь ее использовать?

Лицо Крина потемнело, но он ничего не ответил Нош. Девушка подозвала зарка, который легко вспрыгнул ей на плечо, а потом снова юркнул под капюшон.

День клонился к вечеру, и в узких аллеях уже сгустился сумрак. Начал накрапывать дождик. Нош и Крин пошли медлен-

нее, потому что мостовая стала скользкой. Приходилось внимательно смотреть, куда ставишь ногу, чтобы не угодить в лужу.

Не успели они добраться до следующей улицы, как Нош сдавленно вскрикнула и рухнула на землю. Крин ухватился за рукоять меча, но не успел вытащить оружие из ножен. Словно невидимая рука сжала горло юноши, прекращая доступ воздуха. Крин упал на мокрые камни, так и не поняв, кто на него напал. Теряя сознание, последним усилием он потянул меч на себя.

Первое, что услышала Нош, приходя в себя, — это тихий звук, похожий на стрекотание зарка. Она глотнула воздуха, вновь задохнулась, но в это мгновение невидимая рука отпустила ее горло, и легкие наполнились чистым, свежим воздухом. Девушка пошевелилась и обнаружила, что кто-то спеленал ее собственным плащом. Не выберешься. Зато можно открыть глаза.

Ящерица гладила ее лицо передними лапками, испуганно чирикавая. Когда их глаза встретились, зверек откинулся и присел на свой хвост, словно на стул. Он быстро замахал лапками, видимо, пытаясь что-то донести до девушки. Нош обнаружила, что лежит уже не на улице. Неведомые враги перенесли ее куда-то под крышу. Крин! Неужели они схватили и его?

Нош посмотрела через голову ящерицы. Стена, задрапированная красивой блестящей тканью, вдоль которой висело несколько витых шнуров. Подняв взгляд, девушка увидела потолок, поперек которого тянулись массивные деревянные балки. Где-то она уже такое видела. Справа была еще одна стена, на которой висела картина с фантастическими цветами... если эти разноцветные шары действительно были цветами.

Определенно это не дом господина Дана. По крайней мере, ни одна комната из тех, которые она успела исследовать в его жилище, не походила на эту.

Нош попыталась приподнять голову, но застежка над горлом предупреждающе врезалась в кожу.

Пальцы! Ее руки были плотно примотаны к телу, но на груди что-то затеплилось. Значит, их не отобрали. Но зачем кому-то в Казгаре понадобилось брать ее в плен?

— А, вы уже пришли в себя, госпожа? — спросил воркующий, ласковый и — как сразу же почувствовала Нош — смертельно опасный голос.

Над нею навис незнакомый мужчина. Он был одет в багряный балахон с длинными рукавами. На талии переливался пояс из красиво ограненных драгоценных камней. Узкое лицо незнакомца обрамляла густая грива ярко-рыжих волос. Такие же огненные брови были высоко подняты над чудесными глазами цвета морской волны. Длинный нос портила легкая горбинка, словно он был когда-то сломан, а потом неправильно сросся. Губы мужчины чуть изгибались. Это можно было принять за улыбку, если бы не холодные глаза.

Он склонился над девушкой, обхватил ее тонкими костлявыми руками и без видимого усилия поднял. Затем опустил в кресло, но развязывать, судя по всему, не собирался. Зарк зашелкал и, промелькнув по полу, нырнул в свое привычное укрытие под капюшоном.

Теперь Нош могла рассмотреть комнату как следует. В отличие от обстановки в доме Дана, мебели почти не было, ковров на стенах тоже. Притом это помещение было сложено не из камня или дерева, а из чего-то вроде перекаленного на огне металла, по крайней мере, стены и пол тускло светились красным. Пол был устелен шкурами болотных волков.

— Конечно, у вас имеется масса вопросов, — продолжил мужчина, усаживаясь в кресло напротив. — Вопросы есть у всех. — Он небрежно взмахнул рукой. — Можете спрашивать. И я, разумеется, отвечу, если посчитаю необходимым. Но не ждите ответа на все ваши вопросы.

— Кто вы? — произнесла девушка, когда к ней вернулся дар речи.

Ей никогда не приходилось встречаться с людьми, похожими на этого незнакомца. Наверное, он маг... он держится так уверенно и властно, что наверняка владеет силой.

— Кто я? Хороший вопрос. Видите ли, разные люди воспринимают меня по-разному. Для вас я — ваш наниматель.

— И как я должна вам служить? — спросила Нош, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Она не хотела выказывать свою беспомощность.

— Как и остальным, моя госпожа, даром ваших умелых рук. Одна из моих страстей — драгоценные камни. Я достаточно опытен, чтобы отличить настоящий камень от подделки. Но понимаю, что ваш талант этим не ограничивается, — вы можете читать прошлое и даже видеть настоящее. В Казгаре у меня много ушей и глаз. И верных слуг — у вас будет возможность в этом убедиться лично. И мне сообщили о некоторых ваших подвигах.

Он откинулся на спинку кресла, сложил пальцы домиком и одарил Нош сухой, неприятной усмешкой.

— Человеку в моем положении очень просто нажать себе врагов... Ну, как нищему набраться вшей, если вы простите мне такое неаппетитное сравнение. Некоторые из них настроены очень недружелюбно и решительно. Потому мне нужна охрана — вы!

Последнее слово ударило Нош, как камень из пращи.

— А если я откажусь от вашего предложения? — поинтересовалась в ответ девушка. Ей стало страшно, словно она дотронулась до одного из зловещих черных камней.

— О, думаю, что не откажетесь. Разве вы не делали ту же работу для Дана? Причем слишком хорошо, что насторожило некоторых его домочадцев. Благодаря им вы находитесь здесь и, кстати, можете оставить надежду выбраться отсюда. Кроме того, я ведь прошу от вас светлого, а не черного деяния — защищать меня и мою организацию. Уверю, я буду щедрым хозяином. Просите все, что вам угодно, в пределах разумного — и вы получите это.

— Отпустите меня!

Его усмешка сделалась шире.

— Я же сказал: в пределах разумного, Алноша. Ваша просьба неприемлема для меня.

— Крин... что вы сделали с Крином? — Она решила зайти с другой стороны.

— Ваш юный охранник? Ну, в настоящее время он тоже гостит у меня, правда, в менее уютной комнате. Но условия его... гм, пребывания здесь могут перемениться по одному вашему слову. Хотя он заинтересовал меня — он может оказаться не пешкой, а королем в моей маленькой игре.

Крин попал в плен из-за нее. Нош прекрасно это понимала. Наверное, сейчас лучше согласиться на предложение этого человека, чтобы выгадать время.

— Вы хотите заключить договор? — спросила она. — Но я уже договорилась с Даном.

— Мои дела поважнее торговли какого-то мелкого купчишки, — махнул он рукой. — Ты уже помогла ему, с него хватит. Нет, Дан узнает только, что вы и один из его чужеземных охранников пропали... Наверняка он решит, что вы вернулись в Даст к вашим оборванным товарищам. Если потребуется, найдутся свидетели вашего отъезда. А пока... вы наверняка хотите освободиться из этого свертка? Вы согласны служить мне?

— Если у меня есть выбор, — заметила Нош, — то очень небольшой. Потому я вынуждена принять ваше предложение, лорд.

Девушка постаралась вложить в голос побольше почтительности, поскольку его поведение подразумевало, что он — птица высокого полета. Правда, Нош не знала, какие титулы и ранги приняты в Казгаре.

Незнакомец подался вперед, на мгновение поймал глазами ее взгляд, словно скрепляя незримой печатью их соглашение.

— Поклянись, — потребовал он. — Руками Лирь!

Что ему известно о Руках? По крайней мере, осколки до сих пор при ней, потому что во время разговора они напоминали о себе приятным теплом на груди.

— Клянусь Руками, — наконец произнесла Нош. — Но ведь вы не служите Ей.

— Да. Но в мире существует множество сил, и люди клянутся теми, в которые верят. А поскольку ты искала то заброшенное и оскверненное святилище, значит, ты считаешь Ее своей госпожой. Хотя все силы когда-то вышли из одного источника.

Палец! Значит, тот, кто взял их в плен, ничего не видел... наверное, опоздал. Нош собрала в кулак всю свою смелость и спросила:

— А чем будете клясться вы, лорд? Такой договор нужно скреплять с обеих сторон, иначе он не имеет силы.

— Правильно замечено, дитя Лирь, — хохотнул он. — Хорошо. Я клянусь, что тебя с уважением примут в этом доме. И,

если ты желаешь, твоему охраннику не причинят вреда. К тому же его дело очень заинтересовало меня. А сейчас...

Он встал, подошел и потянулся ей за спину, где, как уже успела почувствовать Нош, находился узел, сдерживающий плащ. Новый хозяин развязал девушку, и плащ упал на кресло свободными складками.

Хозяин дома подошел к стене и дернул за один из шнуров. Откуда-то донесся звон колокольчика. Затем он вернулся в кресло и снова заговорил:

— Теперь зарк. Ты держишь его не в клетке. А он ядовит. Если ты не можешь управлять этим зверем, его придется убить.

— Я могу им управлять, — поспешила возразить Нош. — Он не будет нападать.

— Конечно, не будет, — согласился он. — К тому же мне нравятся диковинки. Возможно, он тоже сумеет пригодиться.

В противоположной стене открылась дверь, и в комнату вошла высокая женщина.

Она поклонилась хозяину и посмотрела на Нош. На ее лице не отразилось ни капли удивления. Видимо, это была служанка, ожидающая распоряжений.

— Сахсан, это госпожа Алноша. Она будет жить в верхних комнатах.

Женщина молча поманила Нош за собой. Девушка поднялась. У нее закружилась голова, так что пришлось ухватиться за высокую спинку кресла, на котором она сидела.

И снова мужчина злорадно усмехнулся.

— Мне очень жаль, Алноша. Те, кто вдыхает пыльцу, не скоро приходят в себя. Но Сахсан приготовит напиток, который быстро устранил последствия.

Нош продолжала держаться за спинку кресла, хотя головокружение уже прошло.

— Поскольку я уже на службе, могу я узнать имя хозяина этого дома?

— Да, — кивнул он. — Я совершенно позабыл о приличиях. Видите ли, у меня много имен, я их меняю в зависимости от того, с кем общаюсь. Но вы можете называть меня Марком. А, вы уже слышали это имя?

Видимо, ее лицо слегка переменялось, что позволило ему задать последний вопрос.

— Я слышала о лорде Марке, который коллекционирует камни, — ответила девушка.

— Все верно. Под этим именем я известен как коллекционер драгоценностей... вы в этом вскоре убедитесь. Но довольно на сегодня. Считайте себя моей гостьей.

Женщина подошла и положила руку на плечо Нош. Она была очень высокой, выше многих мужчин, которых Нош встречала в своей жизни. На поясе она носила кожаный ремень, к которому был подвешен длинный нож. Сахсан производила впечатление скорее доверенного телохранителя, чем обычной служанки. Ее волосы были подстрижены пышной шапочкой, а на лбу и скулах синел странный рисунок. Наверняка она не из Казгара, решила Нош. Девушка пошла следом за женщиной, за их спинами дверь захлопнулась с громким щелчком.

Узкий коридор, без окон и дверей, вел прямо к лестнице. Они поднялись, миновав две лестничные площадки, на которые выходили двери. На последней площадке Сахсан повернула вправо и хлопнула по каменной стене ладонью. Странно, но в этой стене не было ни намека на дверной проем. Нет, оказалось, был. Довольно низкий, так что служанке пришлось пригнуться, а невысокая Нош прошла свободно.

Еще один коридор, на этот раз с дверями, правда, все они были закрыты. Сахсан подвела Нош к самой крайней двери и снова приложила ладонь к стене, видимо, отпирая невидимый замок. Комната, в которой они оказались, несильно отличалась от той, где Нош жила в доме Дана, — разве что цветом. Стены, пол, мебель — все пестрело и искрилось яркими красками. Нош даже зажмурилась на мгновение. Она так привыкла жить среди тусклых, серых тонов Рифта, зеленых и коричневых оттенков Высот, что ее глаза оказались непривычными к такому разноцветью. Девушка быстро моргала, не в силах остановиться.

На противоположной стене находилось окно, за которым виднелось вечернее небо. Правда, на окне оказалась решетка, которая металлически поблескивала, хотя солнце давно село за горизонт.

У правой стены стояла узкая кровать с ворохом разноцветных стеганых одеял, которые, однако, соответствовали расцветке стен. У окна стояли маленький столик и единственное

в комнате кресло. Стол у левой стены был предназначен для ухода за лицом и телом. Над ним висело зеркало. На столешнице стройными рядами выстроились флаконы и бутылочки. Сахсан прошла через комнату и вновь хлопнула ладонью по стене. Невидимая прежде панель скользнула в сторону, и глазам Нош предстала крохотная комнатка, не больше шкафа, где помещались неглубокая ванна и сиденьице для естественных нужд. Такого она не видела даже в усадьбе Дана — там была просторная баня, где мылись все обитатели дома.

— Спасибо, — сказала Нош, впервые нарушив молчание, которое установилось между ними с той минуты, как они покинули апартаменты лорда Марка.

Сахсан только хмыкнула в ответ. Она определенно не проявляла интереса к новой служанке, а просто выполняла приказ лорда показать Нош ее комнату. Женщина повернулась и вышла, словно задание отвлекло ее от какого-то интересного занятия, к которому она спешила вернуться.

Нош сбросила надоевший плащ. Зарк тут же перелетел на подоконник. Зверек был небольшой и достаточно гибкий, чтобы проскользнуть сквозь прутья решетки и выбраться на свободу. Но почему-то он не сделал этого.

Девушка умылась, чтобы избавиться от вонючей грязи, которая осталась после ее падения в лужу. Почистив одежду, Нош устроилась у окна, извлекла из-за пазухи мешочек с Пальцами и принялась разглядывать кристаллы. Как случилось, что она оказалась у этого Марка?

Он намекал, что в доме Дана есть предатель. Поскольку дурной камень продал лорду Марку Гюнтер, он и мог быть его шпионом. Хотя этот человек силой заставил ее принести клятву, она обязана предупредить его о несчастливом камне, если он покажет его. Гюнтер терпеть ее не мог. Софина терпела только из-за приказа супруга. Любой из них мог пустить слух о ее удивительных способностях.

Девушка вернула Пальцы в мешочек и выглянула из окна. Этот дом был выше здания, стоящего напротив, на целый этаж. Внизу располагался зимний сад под стеклянной крышей, совсем как у Дана. Правда, это был определенно другой дом.

Итак, она — пленница... Но девушка прекрасно понимала, что ее все равно не отпустили бы, даже если бы она не покля-

лась служить хозяину. Вот только ее заключение могло закончиться в гораздо худших условиях, чем эта комната. Усевшись в кресло, она принялась разглядывать стены. На первый взгляд их цвет ошеломлял, и выделить какой-нибудь оттенок не представлялось возможным. Но когда девушка дотронулась до мешочка на груди, яркое сверкание распалось на множество линий и пятен.

Художник, который расписывал стены, явно преследовал какую-то неведомую цель, хотя Нош затруднилась бы сказать, какую именно. Но пока она изучала витиеватый рисунок разноцветных линий, в ней крепло странное чувство. Наконец, когда это чувство разрослось, но так и осталось непонятным, девушка резко отвела взгляд от стен, выхватила из мешочка один из Пальцев и впилась в него взглядом. Если эта комната пыталась воздействовать на нее, кристалл должен разрушить ее чары.

И камень откликнулся на ее неясную просьбу, жарко засветившись. Перед ее глазами возникла радужная завеса, причем цвета этой радуги не смешивались с яркими полосами, покрывающими стены. Девушка рискнула снова поглядеть на ближайшую стену. На этот раз ее цвет не резал глаза. Собственно, он стал тусклее. И тогда она узнала этот рисунок, потому что видела похожий орнамент в книгах, которые хранила Дрин.

Стены расписывал тот, кто владел черным знанием. Он стремился подавить волю любого, кто попадет в эту комнату. Но кристалл победил злые чары. Правда, ей придется теперь делать вид, что колдовство подействовало на нее. Вдруг Крина заперли в такой же комнате? А у него нет способа разрушить наваждение... Тогда Марк заставит его принести присягу и выполнять свою волю.

19

КРИН ПОСТЕПЕННО приходил в себя. Открыв глаза, он обнаружил над головой не небо, а каменный свод. Пещера? Мысли ворочались медленно, неохотно. Нет, пещера давно провалилась под землю. Может, это какая-то крепость, выстроенная из камня — добротно, на века?

Во рту пересохло. Юноша попытался сглотнуть, но слюны не было. Зато эта слабая попытка хоть что-то сделать вернула ему память. Они возвращались из этого, будь оно трижды неладно, святилища... И чего его понесло туда во второй раз? Эти чародейские силы до добра не доводят. Говорят, что они делятся на хорошие и плохие, но Крин предпочитал избегать и тех и других.

Они возвращались из святилища... потом пыль... странная пыль забила нос, запорошила легкие... С таким оружием он прежде никогда не сталкивался. И вот он очнулся здесь — голова раскалывается, руки и ноги как ватные, и двигаться не хочется.

Крин не мог поднять голову, зато мог повернуть. Под ухом зашуршало, и юноша понял, что лежит на соломенной подстилке. Притом далеко не свежей. Стоило шевельнуться, как в воздух взметнулось облачко пыли и мелких соломинок. В горле запершило, и Крин закашлялся.

Совсем рядом начиналась серая каменная стена, сложенная из больших валунов. Здесь царил полумрак, и юноше пришлось напрячь зрение, чтобы разглядеть посредине стены покрытое ржавчиной железное кольцо. Оно висело на штыре, вмурованном в камень. С кольца спускалась цепь. Она слегка покачивалась, не доставая до пола.

Голова перестала болеть, и Крин попытался приподнять ее над пыльной соломенной подстилкой. Неизвестно откуда возникла костлявая рука с сероватой кожей. Рука нежно коснулась его лба.

— Осторожно, молодой человек... — проскрипел голос, такой же ржавый, как кольцо на стене.

Крин поднял глаза на склонившегося над ним незнакомца. Это был старик в лохмотьях вместо одежды, истощенный настолько, что ребра можно пересчитать, нижнюю часть лица скрывала длинная седая борода, а сверху нависали такие же седые лохмы. И только глаза были ясными и молодыми. От одного взгляда в эти глаза Крин ощутил прилив сил. Он приподнялся на локте и оглядел помещение, хотя уже догадался, что находится в чем-то вроде тюрьмы.

— Где...

Неповоротливый язык с трудом шевельнулся в пересо-
вшем рту.

— Где? В доме главаря трясунов. А точнее, в месте, где он держит тех, кого считает полезными, — ответил старый заключенный. Затем повернулся, чем-то пошуршал и возник снова, держа в дрожащих руках кружку с выщербленными краями.

— Пей! — повелительно молвил он.

У воды оказался такой отвратительный вкус, что Крин едва не выплюнул ее обратно, но по крайней мере жидкость слегка утолила невыносимую жажду. Протянув кружку своему странному собеседнику, юноша наконец смог сесть. Незнакомец, двигаясь на четвереньках, пересек камеру и поставил кружку в стенную нишу, над которой расплылось зеленое пятно слизи. В кружку по капле начала набираться вода.

Только сейчас Крин разглядел как следует своего собрата по несчастью. Увидел — и вздрогнул. Он ползал на четвереньках, потому что ступней у него попросту не было. Ноги заканчивались у шиколотки страшными культияпками. Юноша мгновенно перевел взгляд на собственное тело.

Ноги на месте, даже в сапогах. А вот одежда пропала, остались только исподняя рубашка и бриджи. Ни пояса, ни кольчуги... ни меча!

Мысль о том, что Дарующий Надежду потерял, помогла парню окончательно стряхнуть с себя дурман, охвативший его после вдыхания сонной пыли.

Нет, цепь, свисающая с кольца, не заканчивалась у пола, а тянулась до железного ошейника на горле странного узника. Видимо, он сидел тут очень давно, поскольку ошейник успел натереть у него на шее незаживающую рану. Крин схватился за собственную шею. Так и есть, железо. Он повернул голову направо и увидел другую цепь, соединяющую его ошейник еще с одним металлическим кольцом в стене. Почему он здесь? Тюрьма главаря трясунов... Но ведь он же искал этого главаря или кого-то из его подручных. Оружие... Рука юноши метнулась к потаенному поясу, в котором он прятал деньги. Естественно, этот пояс тоже исчез.

Старый узник подполз и сел рядом.

— Что, ощипали тебя, мальчик? Да, этим палец в рот не клади. — И старик закаркал, что, видимо, должно было означать

смех. — Наверное, ты птица высокого полета, иначе тебе просто перерезали бы глотку и бросили, а не волокли бы сюда. Охранник, да? Наверное, твой хозяин не бедствует. Теперь твоя жизнь зависит от того, много ли ты сможешь порассказать им о тайниках и привычках хозяина. И если тебе дороги руки, ноги и голова, то язык развяжется быстро.

Крин содрогнулся, но не от холода. В камере было небольшое окошко — высоко, не дотянуться. Через него поступал воздух и немного света. Юноша не удержался и опустил взгляд на изуродованные ноги собеседника. Старик поймал его взгляд и охотно придвинул культю для осмотра.

— Ты был охранником? — медленно спросил Крин. Наверняка его бросили в камеру с калекой специально — для наглядности.

— Нет, я кое-что знал, — снова скрипуче рассмеялся старик. — Марк мог убить меня уже давно, но зачем-то оставил в живых. Хотя святилище разрушено и никто в Казгаре больше не возносит молитв Лире.

— Лире?!

Калека повернулся к юноше всем телом. Его глаза под нависшими бровями неожиданно загорелись. Его костлявые руки на мгновение вспорхнули к груди и замерли в знакомом уже знаке. Старик помедлил, словно ожидал ответного знака от парня, затем его руки бессильно упали на колени. Правда, каркающий голос дрожал от радости, когда он спросил:

— Что ты знаешь о Лире?

Крин заколебался. Но он не видел причины, чтобы скрывать то небольшое, что успел узнать.

— Я встречался со жрицей Лиры... на Высотах. Ее названная дочь приехала в Казгар, чтобы исполнить какую-то миссию. Мы вместе пошли в заброшенное святилище, где меня и схватили...

Хотя Нош в камере не было, но, пожалуй, ее тоже поймали. Юноша вновь содрогнулся — от мысли, что могло статься с девушкой. Где они ее держат? И зачем?

— Это совсем девчонка... Нош... Алноша... названная дочка Дрин. Схватили ли они и ее тоже? Куда ее могли посадить?

И мысленно добавил: «Зачем?»

Глаза его собеседника сверкнули, будто он взглядом хотел проникнуть в память юноши.

— Дрин...—промолвил старик. — А где ты встретился со жрицей Рук?

— Далеко... на Высотах. В той части, где начинается Аскад. Они с девчонкой пришли в наше укрытие, потому что в Рифт приехали солдаты.

— Рифт! — воскликнул калека. — Она из Рифта! Значит... — Он поежился, словно от озноба. — Значит, это конец. А эта Нош, она была с тобой, когда тебя схватили, да? Но почему она ходила в заброшенное святилище? Это была ее идея?

Не предаст ли он Нош, если все расскажет? Может, этот искалеченный узник сидит здесь не только для наглядного примера, но и для того, чтобы вытянуть из доверчивых заключенных нужные сведения? Которые погубят их обоих — и Крина, и Нош.

Юноша заговорил, осторожно подбирая слова:

— Она служит Лире. Гуляя по городу, я заметил заброшенное святилище и рассказал ей. Она захотела посмотреть на него. Мы пошли — и попали в ловушку.

Безногий внимательно выслушал Крина, а затем пополз в угол, где была свалена еще одна кучка соломы. Юноша заметил, что его ладони и колени покрыты мозолями.

Служитель Лиры раскидал гнилую солому в стороны, докапываясь до камня. Костлявые пальцы надавили на край одного из камней, так что тот встал торчком. Из образовавшейся дыры узник вытащил маленький клубок тряпья. Затем он повернулся к юноше спиной — видимо, чтобы тот не увидел, что спрятано в клубке.

Но в следующую минуту из груди старика вырвался изумленный вздох. Он через плечо бросил на Крина испытующий взгляд.

— У нее дар Рук!

Потом снова завозился с тряпками, запихивая их в дыру. Положил камень на место и припорошил сверху соломкой. И подполз к Крину.

— Если они узнают... — тихо пробормотал он. Сквозь густую бороду трудно было прочесть выражение на его лице, но впер-

вые в его глазах мелькнула тревога. — Скажи мне правду, воин, владеет ли эта Нош даром Рук? Умеет ли она читать камни?

— Да.

«И даже слишком хорошо», — с горечью подумал Крин, вспомнив ее первый опыт чтения образных камней.

— Наконец-то... — прошептал старик, но так тихо, что Крин едва сумел разобрать.

Юноша решил, что настал его черед задавать вопросы, правда, неизвестно, можно ли полагаться на полученные ответы.

— Ты сказал, что они хотят что-то узнать от меня. Они уже проделывали такое прежде... с другими?

— Не знаю. Но со мной проделывали. Правда, я ничего не мог предложить им... Святилище было небольшим, и ценностей в нем — никаких. Понятия не имею, почему они до сих пор не убили меня.

Калека говорил ровным, будничным тоном. Он давно принял все, что стряслось с ним, как данность и больше ни на что не надеялся.

— Но! — добавил он взволнованно. — Если ты связан с Одаренной, они не выпустят тебя из рук. Марк метит высоко, в Казгаре он забрал немыслимую власть. Совет и Судьи управляют городом при свете дня, а Марк — владыка ночного Казгара. Человек с его амбициями готов воспользоваться любым оружием, которое попадет в его руки. О Руках Лиры было известно давно... до того, как Раскан выжил нас с восточных земель. Марк ухватится за любой талант, который может пойти ему на пользу. Эта девушка... он найдет ее и... — Старик покачал гривой грязных волос. — Она — то, что она есть. И Марку непросто будет справиться с этим оружием.

Крин встревожился. Прежде он считал, что его ничто не связывает с Нош. Ему казалось, что больше всего на свете он мечтает распрощаться с девчонкой навсегда. Но теперь, глядя на этот человеческий обрубок, он осознал, что всегда воспринимал Нош так же, как товарищей из Братства, как лорда Яр-та, — соратником и единомышленником. Но ведь она владеет силой... Достаточно вспомнить, что эта сила сотворила с их горным убежищем! Если ей здесь грозит опасность, она наверняка сумеет освободиться без особого труда.

Из-под потолка донесся скрежещущий звук, который сразу же вернул Крина к действительности. Часть стены дрогнула и отъехала в сторону, открывая проход.

Юноша вскочил. Цепь натянулась, ошейник врезался в горло. Но он не желал встретить свою судьбу, стоя на коленях.

Вошедший ничем не отличался от обычных городских охранников. Хотя на квадратном лице его лежала печать жестокости, а доспехи и одежда были грязны и потрепаны. Что позволяло сделать вывод — слуги Марка, по крайней мере тюремщики, набирались из разного отребья.

С минуту он помаячил в проходе, стискивая рукоять меча и оглядывая Крина с головы до ног. На второго узника он не обращал ни малейшего внимания. Затем толстые губы растянулись в ухмылке.

— Значит, ты был бойцом, ага? Хаживал в строю и таскал меч своего господина? Не дергайся, малыш. Мы знаем, что нужно делать с такими, как ты.

— Заткни пасть, Краг! Здесь тебе не зубодерня, чтобы скалиться во все стороны.

На плечо неряхи опустилась огромная рука, больше похожая на кусок мяса, и оттолкнула в сторону. В дверях показался второй стражник. Он швырнул в камеру помятую корзинку с двумя заплесневелыми ломтями хлеба.

Крин не стал наклоняться к еде. На самом деле он опасался, что длины цепи не хватит. Калека тоже сидел неподвижно. Но тут к нему обратился второй надзиратель:

— А ты, старикашка, скоро будешь петь птичкой. У лорда Марка к тебе есть пара вопросиков. Он тут кое о чем подумал. А когда лорд Марк думает, у нас находится куча работы. У тебя ведь еще две руки, да? Может, тебе хочется остаться без одной... или без обеих?

Его приятель захохотал. И пнул корзинку ногой, так что она покатилась по полу и остановилась, ударившись о правый сапог Крина.

— Жрите! — рявкнул стражник.

Они развернулись и ушли. Дверь со скрипом встала на место.

Крин нагнулся к сломанной корзинке. Ясно, что утолить голод этим невозможно, но живот уже урчал, требуя пищи.

Юноша взял один из кусков, а второй протянул собрату по камере. Хлеб оказался тверже камня, запросто можно было сломать зубы. Крин попытался разломить его руками, надеясь, что внутри он будет помягче.

— Постой.

Старик подполз к кружке, в которой уже скопилось немного зеленоватой воды. Он опустил свой кусок в кружку и поболтал. Затем передал воду Крину.

Неизвестно, что воняло больше — вода или сам хлеб, но желудок юноши подступил к горлу. Крин макнул свой кусок в кружку, подождал немного, а затем ухитрился-таки откусить кусочек. Внутри хлеб оказался ничуть не мягче. Эту еду приходилось вкушать медленно и осторожно, ежесекундно рискуя остаться без зуба. На вкус она была так же отвратительна, как и на запах. Даже в самые голодные дни Братства ему и в голову не пришло бы взять в рот подобную мерзость.

Но еда волновала Крина сейчас в последнюю очередь. Тщательно пережевывая хлеб, он задумался о словах надзирателя, обращенных к его товарищу по камере.

Юноша прожевал, проглотил и сказал:

— Тебе угрожали...

Старик впился зубами в свой кусок и кивнул. Прожевав, он ответил:

— Ты заметил мертвый камень? У второго... если я правильно разглядел.

— Мертвый камень? — переспросил Крин, припоминая внешность обоих стражников. И сразу же напрягся. Точно! На груди охранника, который угрожал старику, поверх кольчуги висел тот самый красный диск. По крайней мере, похожий на те, которые продавал на базаре лоточник.

— Как в старых преданиях, — заметил калека, опуская новый кусочек в кружку. — В них говорится, что такие штуки, наполненные тьмой, Раскан давал тем, кого связывал своей волей. Они открывают носителя черной силе, поэтому хозяин может видеть сквозь него и даже передавать приказы. У меня нет Рук. Но я служил Лире, а все, кто остался Ей верен, способны почувствовать зло даже на расстоянии.

Крин почувствовал, что начинает верить этому человеку.

— На базаре какой-то человек продавал такие камни, — сказал он. — Правда, я заметил, что ему удалось продать только один. Его купила женщина.

— Это способ взять приступом любую крепость, не теряя ни одного бойца, — проворчал старик. — Значит, они открыто продают их в Казгаре. Интересно, имеет ли Марк к этому какое-то отношение? Хотя все, кто играет подобными вещами, законченные дураки.

— Они похожи на диски, которые были на соколах, — заметил Крин, размягая следующий кусочек каменного хлеба.

Его сокамерник замер, не донеся свой кусок до рта.

— А это что за история, юноша? — спросил он таким требовательным тоном, словно был знатным господином, отдающим распоряжения.

Крин решил, что здесь скрывать точно нечего. Когда он закончил рассказ, калека задумчиво уставился в стену, за которой скрывался проход, будто ждал, что оттуда вот-вот выскочит что-то ужасное.

Исхудавшими руками старик отбросил со лба спутанные волосы и принялся тереть веки. Казалось, он пытается вспомнить что-то давным-давно позабытое.

— Плохо, — медленно начал он. — Когда-то, хотя сейчас в это довольно трудно поверить, я был хранителем древнего знания. Потому Марк и засадил меня сюда. Но то, что я рассказывал ему, его не интересовало. Он посчитал, что дело в моем упрямстве, поэтому...

Старик жестом показал на свои изуродованные ноги.

— А что Марк хотел узнать? — спросил Крин, разминая хлебец в надежде сделать его мягче.

— В основном о древних умениях. Я рассказал все, что мог, поскольку не видел смысла скрывать то, что написано во многих старинных рукописях. Полагаю, что на самом деле он искал Сновидца.

— Нош! — вырвалось у Крина. Если Марк узнает о ее способностях, то постарается сломать, как этот кусок хлеба.

— Она сновидит? — резко спросил старик.

— Она берется за камень и видит... — осторожно промолвил Крин. — Ее наставница умела сновидеть... она могла во

сне соприкоснуться с другими. Но я ничего не знаю об этих способностях...

«И не желаю знать», — мысленно добавил он.

— Пусть Лира направит на нее силу своих Рук! Марк вцепится в девушку, даже если она и не Сновидица. Его люди носят мертвые камни...

— Она это знает, — сказал Крин. — Она уже работала с одним, я же рассказывал.

— Но сейчас камни в руках врага, — напомнил старик. — Марк владеет многими тайными знаниями... и некоторыми даже делится со своими доверенными слугами. Я боюсь за эту Нош... — Он замолчал, опустив взгляд на оставшийся кусочек хлеба. — Юноша, Марк возложит на тебя страшную миссию... если девушка откажется служить ему. Я был не один...

Его голова склонилась еще ниже, он явно избегал встречаться взглядом с Крином.

— Я не был Сновидцем. С детства я стремился служить Лире, но силы во мне не было. — Он снова помолчал. — Я родился в Рифте, который уже давно лежит в развалинах. Мой Дом был знаменит... Я — Гудельф из Дальних Гартов. А та, что ушла со мной, была из Внутреннего Круга. Ее имя... запомни его, воин! — выкрикнул старик с неожиданным жаром. — Потому что настанет день, когда оно восславится перед Великими Руками. Когда нас схватили, она оказалась быстрее, чем я, и закончила с собой мечом одного из тех, кто хотел изнасиловать ее. Так Марк потерял Сновидицу. Тот, у кого моя жрицахватила оружие, был убит — медленно и страшно. Запомни это имя, ее звали Дарция.

Крина охватила ярость. Он знал, какая участь ожидала женщин, захваченных в качестве трофея. Нош... неужели это случится с Нош?

Видимо, Гудельф понял, о чем он думает, потому что сказал:

— Нош не следует опасаться такого, ее дар слишком много значит для Марка. И пока девушка нужна ему, она в безопасности.

— А когда он решит, что взял уже все, что можно?

— Тогда... хорошо, если ей подвернется меч под руку, как Дарции.

Крин вскочил на ноги и направился к стене, к которой тянулась его цепь. Если бы у него остался нож в сапоге, с оковами можно было бы сладить. Кольцо покрывала ржавчина. Но когда юноша ухватился за цепь и потянул изо всех сил, то понял, что попытка оборвать ее обречена на провал.

Гудельф наблюдал за ним. И когда парень повернулся, старик покачал головой.

— Здесь даже варг не помог бы.

— Возможно. Но я не варг. Я — человек, а не глупое животное.

— Для Марка ты станешь орудием. Лучше смерть...

Он оборвал себя на середине фразы и склонил голову к плечу, словно прислушивался к чему-то. А затем подполз к юноше поближе.

— Идут. Если они за мной... Да, если они за мной, то этот допрос станет для меня последним. Слушай, воин. Ты видел камень, который я перевернул... — Он указал костлявым пальцем на груды соломы. — Если я не вернусь, а у тебя будет шанс вырваться, возьми то, что там спрятано, и храни как зеницу ока. Благослови тебя Лира, это сокровище не должно попасть в черные руки. А здесь властвует тьма. Поэтому я вынужден его прятать. Но ты должен потом передать его Одаренной, твоей Нош. Поклянись!

Старик вцепился в руку Крина мертвой хваткой.

— Ведь меня тоже могут увести, — напомнил юноша.

— Но... судьба может подарить тебе шанс... и ты не безогий калека. Клянись!

Решительность, звучавшая в голосе старика, вынудила Кри-на произнести:

— Клянусь.

Раздался скрежет, и дверь вновь открылась. В камеру ввалились двое давешних стражников. Один из них держал в руке обнаженный клинок и, тыкая Крину куда-то в область живота, заставил юношу отступить на пару шагов к стене. Второй снял со старика цепь и поволок его к выходу.

— Отдыхай, сопляк, — посоветовал тот, кто нацелил острие меча на Крина. — Твое время еще не пришло. Сперва господин Марк желает поговорить со старикашкой.

Его сотоварищ тащил калеку за шкуру, словно провинившегося пса. Выволок в коридор и свернул в левый проход.

Крин стоял молча, борясь с нахлынувшим гневом. Он не чувствовал себя таким беспомощным даже в Храме — один против... какого количества врагов? Гудельф никакой не боец, а у него самого нет оружия. Тогда почему они оттеснили его в угол и угрожают мечом? Неужели боятся его, безоружного и прикованного к стене цепью?

20

К УДИВЛЕНИЮ НОШ, о ней словно позабыли. Шли часы, за окном сгушалась ночная тьма, а к ней никто не приходил. Хотя Сахсан не дала девушке снадобья, обещанного Марком, дурнота прошла сама собой. Нош решила, что, видимо, ей помог кристалл. Постепенно она проголодалась. Да и зарк временами начинал стрекотать и теребить ее рукав, требуя, чтобы его накормили.

Нош уже успела подергать ручку двери и обнаружила, что она заперта. Но ничего иного девушка не ожидала. Через некоторое время ее начала одолевать скука. И вскоре Нош осознала, что давно уже вглядывается в раскраску стен. Когда в комнате начало темнеть, некоторые линии засветились словно изнутри. Да, это определенно какая-то ловушка.

Наконец, не в силах выносить чирикание голодного зарка, девушка взяла зверька и поднесла к окну. Внизу раскинулся крытый стеклом зимний сад. Тут и там сквозь листву растений пробивался мягкий свет ламп. Нош указала ящерице вниз и ободряюще пощелкала языком, приглашая поохотиться. И вновь зарк понял девушку без слов. По крайней мере, он проскользнул между прутьями решетки и пропал из виду.

Может, он больше не вернется, но зато одно важное дело на сегодня выполнено — зверек не погибнет под палками и мечами прислуги Дана. Дан... Наверное, он сейчас гадает, куда она подевалась. Если верить Марку, купец решил, что договор расторгнут, и они с Крином поспешили вернуться в Даст.

Крин... Марк сказал, что он тоже пленник, причем находится в гораздо худшем положении. Теперь Наследник имеет

полное право окончательно возненавидеть ее. Он попал в плен только потому, что согласился оказать ей услугу. Получается, она — должница перед этим угрюмым юношей, который всегда слишком сурово относился к ее дару.

Девушка опустила в кресло перед окном. Она многое почерпнула из книг Дрин. Но в ее знании было немало пробелов, которые не могла заполнить даже сама жрица. Лорд Марк купил тот гадкий камень, который она нашла у Дана. И девушка не знала, насколько опасным оружием он может стать в руках того, кто владеет черной силой. Неужели лорд Марк хочет, чтобы она искала для него такие же зловещие камни, с тем чтобы потом создать с их помощью какое-то страшное оружие? Скорее всего, так и есть.

И защититься нечем, кроме знания. Да и его нельзя считать истинным, поскольку оно неполное. Еще у нее есть Пальцы. Четыре, осталось найти шесть. Притом они могут храниться где угодно от гор до далеких равнин. И найти их можно, лишь подобравшись достаточно близко, чтобы уже найденные Пальцы почувствовали собрата и засветились.

Девушка повернула голову на звук открывающейся двери. В комнату вошла крепкая Сахсан, держа на раскрытой ладони поднос. Вторая рука была свободна. Видимо, женщина готовилась отразить любую атаку Нош. Интересно только, с чего она взяла, что Нош решит напасть? Ее нож забрали, еще когда девушка лежала без сознания, а ничего похожего на оружие в комнате не было.

Сахсан поставила поднос на кровать, которая, видимо, служила и столом в этой убого обставленной комнатке.

— Ешь, — приказала она, встав у стены и прислонившись к ней спиной. Пожалуй, она собралась ждать, пока Нош поест, чтобы унести поднос.

Девушка повиновалась, причем с радостью. Видимо, лорд Марк высоко ценил свою гостью, потому что еда была лучше той, что подавали в доме Дана. Нош быстро расправилась с кушаньями. Прежняя полуголодная жизнь давно приучила ее до крошки съесть все, что предложат.

Правда, есть, когда на тебя пристально смотрит Сахсан, оказалось не очень приятно. Что-то в этом взгляде удержало девушку от попытки завязать разговор. Потому она поспешила

справиться с последним блюдом, чтобы поскорее избавиться от пугающего надзора.

— Спасибо, — наконец сказала она, когда молчание стало поистине тягостным. Сахсан повела себя неожиданно: подошла к девушке лишь на расстояние вытянутой руки. Потом сложила пальцы, оставив вытянутыми по направлению к Нош указательный и мизинец.

Этот жест девушке доводилось видеть дважды — у охранников каравана, когда они прибыли в Даг. Считалось, что этот знак должен отгонять зло. Сахсан молча принялась поводить рожками перед носом Нош, едва не задевая лицо девушки. На лице женщины застыло странное выражение, судя по которому она едва не помирала от страха.

Обезопасившись — как она считала, — Сахсан подхватила опустевший поднос и вышла. Ну, зато теперь понятно, что о ней думает прислуга. По крайней мере, одна из служанок.

Послышался восторженный стрекот, и в окне показался зарк. Ящерка одним прыжком перелетела на плечо Нош. Девушка пощекотала раздувшийся воротник зверька, в ответ ее лапкой погладили по щеке. Вот у нее и появился верный дружок. Но о Крине забывать тоже нельзя.

Рассудив, что ночью больше никто не явится, девушка начала готовиться ко сну. Перед тем как ложиться, она засунула мешочек с кристаллами под подушку. Все-таки какой-то шанс — она погрузится во тьму, но, возможно, милостью Лиры ей все же удастся осуществить ее замысел.

Нош вытянулась на кровати. Зарк свернулся клубочком у подушки. Она закрыла глаза и постаралась расслабиться, как когда-то научилась у Дрин. Причем это было собственное изобретение жрицы.

Сперва ступни, колени, бедра, руки, все тело... затем голова. Трудное занятие. Она дважды начинала заново, пока наконец не ощутила себя легкой, бесплотной и умиротворенной.

Крин... она сосредоточилась на его образе. Крин?

На девушку нахлынуло странное ощущение растерянности, но затем пришло освобождение. Нош была уже не в разукрашенной комнате и даже не в собственном теле. Крин!

Каменные стены расступились коридором. Капли влаги, как будто в... подземелье! Да, она находилась под землей. Крин... В стене — дверь. На ней не было никаких магических печатей.

Каким-то образом, не входя в черную, мрачную камеру за дверью, Нош увидела Крина с железным ошейником, прикованного к стене.

Где же находятся этот коридор и эта камера? Как их отыскать? Нош понеслась по коридору. Это был сон, видение, но подвластное ее воле. Так, ступеньки, скупо освещенные неровно мерцающей лампой в нише у верхнего пролета. Еще одна дверь, за которой открывался другой коридор, пошире прежнего. В него выходило множество дверей, прикрытых занавесками. Нош сразу почувствовала, какой проход выведет ее к средоточию силы — туда! Она полетела вперед. Вот комната, в которой они разговаривали с Марком, за ней — лестница наверх, в ее спальню. Итак, Крина прячут под землей, а ее разместили под облаками. Видимо, так и задумано, чтобы их разделял весь замок.

Нош глубоко вздохнула и открыла глаза. Светящиеся разноцветные стены. Сунув руку под подушку, девушка нащупала мешочек с камнями. Уже четыре, и с каждым новым кристаллом ее собственная сила ошутимо растет. Снова поискать? Но ей нужно на кого-то настроиться. На этот раз Крин не подойдет. Остается Марк. Нош неохотно отпустила мешочек и вновь растянулась на кровати. Марк... она постаралась припомнить его как можно отчетливее.

Она вновь выпорхнула из тела. Спустившись по знакомой лестнице, она не стала залетать в комнату, где они впервые встретились. Ее путь лежал дальше и был закрыт магической преградой, гораздо сильнее той, что защищала хранилище Дана. Причем преграда эта была отмечена присутствием черной силы.

Вперед... Нош призвала на помощь всю силу, не собираясь отступать перед преградой. Ее ведь не остановил заслон в дверях комнаты, где купец прятал свои сокровища. Не остановит и сейчас.

С трудом она преодолела защиту и оказалась в одной комнате с Марком. Он сидел за столом, похожим на рабочий стол Дана, и перебирал драгоценные камни. Правда, хозяин замка рас-

кладывал камешки просто так, не применяя чародейства. Он скорее был похож на мастера, который задумал создать какую-то вещь, но обнаружил, что ему чего-то не хватает для исполнения замысла. Нош перевела взгляд на камни, которыми он играл, и отшатнулась, словно ей в лицо полыхнул огонь. В этих камнях силы было хоть отбавляй, но чуждой силы. Нош поняла, что оставаться слишком опасно, и прервала связь.

Она вновь очнулась на кровати. Одна рука закинута за голову, под подушку, и с такой силой сжимает мешочек, что грани камней до крови впелись в ладонь. Девушка вновь ощутила, как ее сила отступает, слабеет. Хватит на сегодня.

Нош заставила себя заснуть, окунуться в забытие без сновидений. Даже если ей что-то и приснилось, то к утру она уже ничего не помнила. По стене рядом с кроватью скользили ослепительные солнечные зайчики.

Зарк исчез, но когда Нош откинула одеяло и села на постели, зверек появился в окне. Он весело зачирикал и принялся прыгать по кровати. Когда она потянулась, чтобы погладить маленького друга, ящерица увернулась и отбежала в сторону. Странно, ее хвост сегодня был какой-то другой... на самом конце поблескивало ярко-красное острие. Казалось, что кончик хвоста был мокрый.

Зарки в Рифте были не такими. Что...

Далекий крик, полный ужаса, бросил Нош к окну. Она выглянула, осматривая крышу зимнего сада. Там лежала ничком какая-то девушка в одежде служанки, а над ней склонилась женщина постарше. После ее второго вопля на крыше появился мужчина, по пятам которого спешили двое охранников.

— Она умерла! — визжала женщина.

Мужчина перевернул девушку, пощупал пульс у нее на шее и громко сказал, заглушая рыдания женщины:

— Нет, не умерла. Пока жива. Перенесите ее вниз!

Последняя фраза относилась к охране.

Он распрямился и поднял голову. Нош тут же отшатнулась от окна, подошла к кровати и села. Ее взгляд наткнулся на радостного зарка.

Яд! Неужели прислуга Дана боялась не напрасно? При чем зверек держался от нее подальше, когда мог быть опасен. Нош протянула к нему палец. Шип на конце его хвоста пропал (ви-

димо, втянулся под чешую), и ящерица подбежала и с готовностью обхватила палец девушки, словно пытаясь успокоить ее. Нош погладила зарка по голове, а потом отправилась умываться и приводить себя в порядок. Выходит, судьба все-таки снабдила ее своеобразным оружием? Возможно... Задумавшись о самозащите, она вспомнила о Марке. Нош была уверена, что вчера он был расстроен из-за камней. А значит, ему вскоре понадобится ее помощь.

Словно в подтверждение дверь распахнулась, и на пороге появилась Сахсан, но входить не спешила.

— Лорд Марк желает видеть тебя.

— Я еще не завтракала, — ответила Нош, желая узнать, насколько упорна эта женщина.

— Лорд Марк желает видеть тебя!

Сахсан ухватила Нош за плечо и вытолкнула в коридор.

Они прошли прежним путем, который ночью Нош втайне повторила, и оказались у комнаты, где девушка впервые встретила хозяина замка. Но входить не стали. Сахсан, не отпуская плеча Нош, толкнула ее к другой двери, перед которой женщина остановилась.

Так, защита. Можно ли преодолеть заклятие так же легко, как в хранилище Дана? Нет, нужно сделать вид, что оно равно действует и на нее.

— Девчонка, — громко произнесла Сахсан, обращаясь к дверному проему. По лицу прошел ветерок, будто в сторону скользнула невидимая завеса, и Нош втолкнули в комнату. Сахсан входить не стала.

Марк сидел за столом, отхлебывая какой-то напиток из чаши, украшенной драгоценными камнями. Рядом лежал предмет, который она узнала с первого взгляда. Нош сразу же отвела глаза, стараясь сохранять каменное лицо и не выдать себя. На столе лежал Дарующий Надежду, родовой меч Крина. Но Марк оказался проницательным человеком.

— Да, меч... родовой меч, принадлежащий преступнику. И оружие, и его хозяин сейчас в плену. Пойдем, Одаренная, для тебя нашлось занятие.

Из угла Марк выдвинул стул, перед которым была закреплена узкая доска — слишком узкая для стола, скорее поднос на ножках.

Когда Нош опустилась на стул, хозяин замка извлек из обширных складок своего одеяния мешочек и бросил его на поднос.

— Я слышан о твоих талантах. Докажи, что это чистая правда. Рассортируй эти камни...

Он снова приложился к чаше, пока Нош развязывала мешочек и осторожно высыпала его содержимое на подставку. У девушки захватило дух. Никогда еще ей не приходилось видеть такой богатой коллекции камней. Дан по сравнению с Марком мог считаться последним нищим.

— Какое же это испытание, лорд Марк? — сказала девушка. — Вам уже известна ценность этих камней... зачем вы просите меня оценить их?

Он усмехнулся своей обычной неприятной ухмылкой.

— Камни могут обладать скрытой ценностью... разве ты не нашла один такой для Дана? Постарайся оценивать их не только по цвету и огранке.

Нош окинула грудку камней беглым взглядом и убедилась, что среди них нет ни одного похожего на тот черный страшный камень, который просто дышал злом. Но, может быть, здесь найдутся другие, прячущие свою сущность?

— Солнечное око, — начала она, сдвигая в сторону сразу три крупных, прекрасно отшлифованных камня. — Снежник.

Бледно-серый камень с белоснежными вкраплениями оказался безвредным, как и первые три.

— Морское дыхание...

Едва коснувшись сине-зеленого кабошона, Нош резко отдернула руку.

Лорд Марк подался вперед.

— Так... Похоже, тебе есть что мне рассказать, Одаренная? Что там с этим морским дыханием?

— Кровь, — сдавленно ответила Нош. — Он мечен кровью. Несчастья будут преследовать того, кто держит у себя этот камень.

— Продолжай, — оборвал ее колдун и кивнул на оставшиеся драгоценности.

— Огненные искры... — Девушка отложила два обычных камешка. — Туманные слезы... — В сторону легли еще три.

Осталось два последних камня, притом разных. Один был ярко-желтым, с легкой прозеленью — в отличие от Солнечно-го ока, отливающего красным. Нош не приходилось еще видеть таких камней, потому она не знала, как он называется. Рядом с ним лежала яркая капелька, переливающаяся пастельными цветами — от бледно-сиреневого до нежного персикового. Такое девушка тоже видела впервые.

— Эти мне незнакомы, лорд, — сказала она. — Пожалуй, их привезли из дальних краев.

Она коснулась желтого, и в лицо ей ударил отвратительный смрад. В камне таилась древняя сила, разлагающая души.

— Зло!

Притом Нош была уверена, что это совсем другое зло, чем то, что было заключено в черном камне, найденном у Дана. Лорд Марк кивнул, и его усмешка стала шире.

— Следующий?

Капелька была так красива! Но девушка помедлила, прежде чем коснуться ее, опасаясь новой мерзости. Ничего подобного ей еще не встречалось — из камня полилась глубокая печаль пополам с горючими слезами. Видимо, этот камень омрачал жизнь хранителя разнообразными способами.

— Это... это печаль. Не зло, но она несет за собой слезы. — Она попыталась выразить свои чувства как можно понятней.

— Великолепно! — воскликнул хозяин замка и откинулся на спинку кресла. — Твой талант поистине бесценен. Отобранные камни станут ключами... ну, для некоторых вещей. Вот...

Он достал мешочек поменьше и протянул ей.

— Сложи опасные камни сюда.

Когда девушка выполнила его приказ, он и не взглянул на сумочки. Пододвинув кресло, Марк сел напротив Нош, чем вызвал смутное беспокойство в ее сердце.

— Редко кому попадало в руки такое совершенное орудие, как ты, — начал он. — Мне сказочно повезло, что ты оказалась у меня как раз вовремя. В Казгаре происходит что-то странное. А странности обычно связаны с проявлениями силы. Выигрывает тот, у кого оружие лучше. Я буду беречь тебя, моя Одаренная. Вскоре тебе представится возможность оценить настоящие сокровища. — Он хищно ухмыльнулся. — Да, сокровища! Ты ведь совсем недавно приехала в Казгар?

— Да, — кивнула девушка, не понимая, к чему он клонит.

— Гильдия ювелиров — самая могущественная в городе. И правит этой гильдией дама, которую я больше всего хочу победить. Давно уже Леция д'Арси мешает моим планам. Да что там мешает... представляет непосредственную угрозу. Ее охрана и защитные чары невозможно преодолеть. Но... — Он сделал паузу и впился глазами в Нош. Затем протянул руку и коснулся рукояти Дарующего Надежду. — О родовых мечах ходят удивительные слухи. Будто бы ими может владеть лишь кровный родич этого Дома. Очень редко такое оружие попадает в руки отверженных, вот этот — первый. Крин... Он приехал в Казгар вместе с тобой и остался, отправив двоих товарищей вместе с грузом. Он сделал это из-за тебя? — быстро спросил Марк, не сводя взгляда с девушки.

— Нет, — честно ответила она. — Его лорд послал Кри-на за оружием, и оказалось, что вышел запрет на продажу оружия чужеземцам. Но...

— Понятно, но он продолжал надеяться, — перебил ее Марк. — Он принялся искать тех, кто, по его мнению, мог бы тайком помочь ему раздобыть оружие. Собственно, он уже их нашел. К несчастью, оружие необходимо и нам самим. Тем более мы не намерены делиться с оборванцем, изгнанным из собственной страны. Вообще-то, — потер он подбородок, обращаясь не столько к девушке, сколько к самому себе, — за его голову назначена награда. Получается... у меня есть еще один инструмент. Пользы, правда, немного. Ты — гораздо ценнее. А этот преступник Крин может закончить свою жизнь очень прискорбно, погибнув от собственного клинка. Его Дом будет только рад.

Нош наконец нашла подходящие слова:

— Он ничего не значит для меня, лорд. Если вы решили использовать его таким образом...

— О, способов гораздо больше, как ты вскоре убедишься, Одаренная. А пока... — Он не договорил, подняв руку, в которой Нош заметила такой же магический ключ, как и у Дана. — Сахсан проводит тебя и проследит, чтобы ты позавтракала. Можешь идти.

Девушка встала и направилась к двери. По ее лицу вновь пронесся ветерок, и она вышла в коридор, где уже ждала служанка.

Сахсан повела ее не в комнату, а в просторное помещение, где стояли три длинных стола с лавками по обе стороны. За одним столом сидели двое охранников, которые ели какое-то рагу и жадно запивали из высоких глиняных кружек.

Стражи глянули на Нош и ее спутницу и сразу же отвернулись, будто не хотели связываться с Сахсан. Женщина указала Нош на лавку и, когда девушка присела, громко ударила по столу крепким кулаком. Тут же появился тощий сгорбленный человечек в грязном фартуке и принялся поочередно скалиться на обеих женщин.

— Еды, — приказала Сахсан.

Нош поняла, что нечего надеяться на великолепный обед, который ей достался вчера. Но когда повар вернулся и брякнул на стол две миски с тушеным мясом и овощами, две кружки и две деревянные ложки, оказалось, что варево пахнет весьма аппетитно.

Прислугу и стражников Марка кормили неплохо. Нош и не заметила, как ее ложка уже заскребла по дну миски. Зато питье в кружках ей не понравилось. Это было густое пиво, похожее на обычный эль, который варили в Казгаре. После первого же глотка девушка отставила свою кружку.

Двое охранников отодвинули пустые миски и встали. Один из них громко рыгнул.

Нош быстро оглядела их. Обычные стражники, таких полно в каждом богатом доме, разве что эти были не слишком опрятными и подтянутыми. Неспешно подступив к Сахсан и Нош, один из них широко осклабился, показывая кривые, изрядно прореженные зубы.

— Неплохая работенка, а? Если захочешь расслабиться, только свистни.

Он повернулся к Нош и тоже одарил ее гнилозубым оскалом. Девушка сразу же поняла, что он предлагал ее спутнице.

— Имущество лорда. Руки прочь! — рывкнула Сахсан.

Нош увидела то, что болталось на шее охранника, раскачиваясь при каждом его движении. Красный камень! Как тот, что был на соколке.

Неужели лорд Марк связан со всеми своими охранниками? Но на втором стражнике не было зловещего камня, если только он не спрятал его под рубашку. Девушка вспомнила рассказы о лоточнике, который продавал такие камни на базаре. Какой же силой обладают эти красные диски? Может, они привязывают людей, как и птиц, к хозяину? Если так, то выходит... что этот хозяин — Марк? Правда, Крин видел соколку по ту сторону гор. Едва ли интересы этого ночного властелина Казгара простираются так далеко. Значит... если красные камни распространяет кто-то другой и открыто продает их на базаре... Девушка задыхнулась. Перед ней открылся совсем иной путь, который она пока не была готова исследовать. И едва ли когда-нибудь будет готова.

Она задумалась о том, что Марк сказал о Лещии, которую, судя по всему, сильно недолюбливал. Он задумал уничтожить ее с помощью Нош. Все, что девушка слышала о главе гильдии, подтверждало, что эта женщина является прямой противоположностью Марка. Лещия д'Арсии — влиятельная особа. Дан отзывался о ней с уважением.

Если им с Крином удастся сбежать от лорда Марка, он не успокоится, пока не поймает их снова или не отомстит. А если прийти к этой Лещии и предупредить ее, возможно, она защитит их? Эта мысль обнадежила Нош.

— Пошли вон! — зарычала Сахсан, поднимая деревянную ложку как оружие.

Стражники захохотали, а один сделал вид, что уворачивается от удара.

— Горячая штучка, а? — фыркнул второй. — Работка у нее не пыльная, вот она и хорохорится. Радуйся, Сахсан, пока можешь. Смотри, когда-нибудь станешь такой же, как и все мы.

— Вот тогда и поглядим, — огрызнулась она.

Когда охранники повернулись к ней спиной, Сахсан скривила рот так, словно собиралась плюнуть им вслед. Но передумала и одним махом осушила свою кружку. Затем схватила кружку Нош и двумя глотками допила ее пиво.

НОШ ПОЛАГАЛА, что сейчас ее отведут обратно в спальню. Там оставался зарк, закутанный в простыни, — девушка боялась, что, если зверек куда-нибудь выберется, его могут убить. Неизвестно, умерла ли та девушка из зимнего сада или просто ранена. Нош твердо знала, что ящерка не стала бы нападать ни с того ни с сего. И не собиралась подвергать зарка опасности.

Но на выходе из столовой их поджидал новый страж. Он ткнул в Сахсан пальцем и сказал:

— Лорд велел доставить ее в комнату для дознаний.

Он развернулся на каблуках, а Сахсан кивнула девушке, приказывая идти следом.

Какое новое задание измыслил для нее Марк? Нош терялась в догадках. Но виду не подала — сделала каменное лицо и пошла за охранником. Следующая дверь была закрыта не магической завесой, а обычной деревянной дверью.

Проводник распахнул дверь и пропустил обеих женщин вперед. Они оказались в большой комнате.

Каждый вздох давался Нош с трудом. Спрятанные на груди кристаллы отозвались волной тепла. Неужели ее ждет противостояние с каким-нибудь проявлением черной силы?

Когда девушка огляделась, ей пришлось собрать в кулак всю свою силу воли, чтобы и дальше казаться безучастной. В углу стояла конструкция, похожая на дверной проем, на которой висел изуродованный человек. Желудок Нош взбунтовался, только что съеденное рагу подкатило к горлу.

Стражник медленно подошел к распятому пленнику. Седая голова узника, с мокрыми от пота волосами, безжизненно упиралась подбородком в грудь. Кончиком меча охранник приподнял его голову, являя взорам пришедших распухшее лицо, превращенное в сплошной кровоподтек. Узник явно умирал долго и мучительно, и над ним работали непревзойденные мастера пыточного дела. Правда, насколько Нош сумела разглядеть, она никогда прежде не встречала этого человека.

— Лорд Марк, — вкрадчиво заметил страж, — просил, чтобы ты хорошенько его рассмотрела. Вот этот мешок с костями хотел обмануть нашего хозяина. Когда-то он называл себя жре-

цом, но ему не хватило ума, чтобы сделать то, что хотел от него лорд. Смотри и запоминай на будущее, так сказал лорд Марк.

Потрясенная Нош инстинктивно попятилась. Сахсан ухватила ее железными пальцами за плечо и заставила остановиться.

— Лорд Марк, — продолжил охранник, — сказал, что у него есть наготове еще один пленник, с которым нужно поработать. Подумай над этим хорошенько.

Крин! Они имеют в виду Крина. Но что они хотят от нее, если решили пойти на угрозы? Хотя трогать эти проклятые камни противно, но она не отказывалась. И не собирается отказываться в дальнейшем, если прикажут. Какую цену они заломят за жизнь Крина?

— Лорд Марк предполагает, что ты владеешь какой-то силой. Вот эта развалина тоже молилась какой-то силе, и видишь, чем это обернулось для него?

— Лира... — выдохнула девушка, не заметив, что говорит вслух.

— Вот именно! — захохотал стражник. — Он хвастался, что его хранит сила. Вот только мы поймали его запросто, как нарта в норке. Он даже не сопротивлялся... старый дурак!

Охранник пожал плечами и убрал меч. Голова мертвого узника вновь упала на грудь.

— Лорд Марк велел показать его тебе. Ну, ты все видела. И не забывай, если не хочешь ссориться с лордом Марком.

Сахсан развернула девушку и вытолкнула в коридор. За свою недолгую жизнь Нош успела вдоволь наглядеться на темные дела. Даже в последние дни она запретила себе вспоминать давние ужасы, год за годом строя мысленную преграду между собой и далеким прошлым.

Они сказали, что покойный старик был жрецом Лиры... что ж, вполне может быть, если вспомнить разрушенное святилище. И лорд Марк наверняка противостоит всему, что несут в мир Руки. Но какую игру он задумал вести с нею? Хуже всего, что она может обнаружить это слишком поздно. Сахсан дотащила девушку до самого верха замка, толкнула в комнату с такой силой, что Нош едва не отлетела к противоположной стене, и быстро захлопнула дверь.

Когда дверь закрылась, покрывало на кровати зашевелилось, и оттуда выбрался зарк. Он привстал на задние лапки и спрыгнул на пол. Зверек метнулся к двери, высоко задрал хвост, на котором показался небольшой острый шип. Ящерица определенно считала Сахсан врагом и собиралась расправиться с ней по-своему.

Некоторое время зарк бесился и прыгал вверх-вниз у закрытой двери. Затем он успокоился и медленно попятился обратно к кровати, не спуская глаз с двери — готовый напасть, если женщина появится вновь.

Нош рухнула на постель, как подкошенная, обеими руками прижимая кристаллы к груди. С каждым найденным Пальцем ее сила укреплялась и росла. И хотя на улице был ясный день, она решила не ждать до вечера, а попробовать прорваться в камеру Крина сейчас.

Истерзанное тело старика... Как Нош ни гнала от себя страшную картину, она не исчезала. Неожиданно девушка вспомнила, что у несчастного не было ступней ног. Ноги... неужели таким образом Марк поступает с теми, кто может убежать от него?

Крин... Ее охватил страх, смешанный с яростью. Нош закрыла глаза и хладнокровно заглушила эмоции, подчинив чувства одной задаче. Задаче, которую нельзя откладывать.

Расслабиться! Тело сопротивлялось ее воле. Ей хотелось вскочить и что-то делать. Что угодно, только чтобы спастись от этого страшного Марка. Расслабиться! Нош достала из-за пазухи мешочек с кристаллами, сняла с шеи шнурок и прижала сумочку к переносице. Когда-то так делала Дрин, прижимая ко лбу камень, который носила на груди, когда хотела войти в транс.

Перед мысленным взором качнулась серая туманная завеса. Нош прорвалась сквозь нее. И вновь освободилась из тела, но на этот раз она сразу же оказалась за дверью, которую Сахсан так немилосердно захлопнула. Телохранильница стояла, привалившись к стене, у лестницы — единственного пути вниз, в главные помещения замка.

Нош так ясно видела Сахсан, что невольно сжалась в ожидании оклика. Но когда она, собрав все мужество, двинулась вперед, то пронеслась мимо Сахсан, незаметная, как тень.

Спустившись по лестнице, девушка не сразу бросилась в подвал к знакомой камере, а остановилась, чтобы продумать маршрут. У коридора, ведущего к камерам, стоял еще один охранник. К счастью, кроме него и Сахсан, Нош больше никого не встретила.

Все двери, мимо которых она скользила, были заперты. Причем некоторые защищало заклятие. Наконец она добралась до камеры, за которой томился Крин. Так, здесь тоже магия. Но воля Нош раздвинула чары, словно занавес, и она вновь оказалась в темной клетушке.

Крин лежал, растянувшись на кипе гнилой соломы, и согнутой в локте рукой прикрывал глаза от света, льющегося в узенькие оконца. Если бы он владел силой Дрин! Если бы они могли встретиться в этом призрачном мире, который лишь отчасти соприкасался с реальностью.

По крайней мере, он был жив и здоров — никаких следов побоев и пыток, которые остаются после работы опытного палача. Крин отвел руку от лица. Его глаза открылись и обратились к тому месту, где стояла Нош.

В груди девушки шевельнулась надежда. Может, он почувствовал, что уже не один в камере? Нош никогда прежде так долго не бродила бесплотной тенью, да еще при магическом сопротивлении. Силы ее иссякли. На этот раз ей не пришлось проделывать обратный путь по замку. Ее сознание мгновенно перенеслось обратно, словно лучик света, скользнувший по стене. Вот она лежит на кровати, а руку, прижимающую кристаллы ко лбу, кто-то лижет. Нош открыла глаза и увидела мордочку зарка, который тыкался носиком ей в щеку. Потом девушка долго не могла избавиться от ощущения, что в глазах зарка светились разум и понимание.

Крин лежал на спине и смотрел перед собой. Свет в камеру проникал из двух узких окошек под потолком, в которые не пролезла бы и рука взрослого мужчины. Гудельф не вернулся. Видимо, жрец умер. Когда попадешь в плен к Марку, это самый лучший выход.

Он продолжал думать о печальной судьбе узников хозяина замка, пока у него не разболелась голова. Естественно, Марк знал, что он пытался найти его, и знал почему...

Хватит! Деньги, которые достались Крину с таким трудом, пропали. Марк уже получил мзду и едва ли собирается выкладывать товар. А еще Нош... Марк охотился за нею. Они оба оказались в ловушке из-за ее неповторимого дара. Но вот как Марк собирается использовать ее талант?

Смертельные камни, которые открыто продаются на базаре... Один из них носит охранник. Крин был уверен, что Марк здесь ни при чем. А значит, за ним стоит какая-то другая сила, враждебная ко всем, кого преследует сам Марк. А еще та история с посольством от Валкара... Крин посмотрел на свои руки. Что-то происходит, и Дан почувствовал это. В городе что-то неладно.

Проклятие! А он заперт здесь и даже не может посмотреть в глаза неведомой опасности! За последний год Крин научился терпению, но теперь оно истончилось и вот-вот лопнет. Столько догадок, и ни одного ответа.

Нош... Он задумался о девчонке. Вещь, которую она нашла в пасти каменной маски над входом в заброшенное святилище... Юноша поймал себя на том, что машинально потирает руки. Он расшатал кристалл, зарк вытащил его, а потом пришлось ловить осколок, чтобы тот не разбился о камни. Этот эпизод почти забылся. Крин вспомнил только, что на ощупь кристалл был теплым и в тот краткий миг, пока он держал его в руке, камень отозвался покалыванием в ладони и в пальцах. Магическая штука... Крин потряс головой от отворачивания. Нет, такие вещи не для него...

Чтобы прогнать это ощущение, юноша пустился в воспоминания. Прежде он часто слышал о разнообразных тайных интригах между Домами. Существовали длинные легенды и предания, которые рассказывали о коварных и подчас страшных происках лордов, возжелавших большей власти или богатства.

Недавняя напасть — Храм и его глава Валкар — истребила прежних властителей страны и извела могущественные и древние Дома. Возможно, здесь происходит то же самое. Обмолвки Дана о смерти влиятельных персон... открыто продающиеся

чародейские камни... Да, на Казгар наваливается знакомая беда. Крин вновь потер ладони, на которых рукоять меча давно оставила обычные для воина мозоли. Он будто увяз в болоте, по которому проложены тропинки, не отмеченные вешками.

Больше всего Крин тревожился о товарищах, оставшихся в Дасте... А он сидит тут, как жадная муха в банке с сиропом!

Неизвестно, сколько прошло времени. Ему приходилось ориентироваться по тому, как гас или разгорался день за узкими оконцами камеры. Ночью из-под потолка продолжал сочиться слабый свет, словно у окошек кто-то специально оставил лампу. Но Крину казалось, что Гудельфа увели слишком давно, чтобы надеяться на его возвращение. Служитель Лиры погиб.

Юноша внимательно рассмотрел свои оковы. Ошейник сломать не удастся, он даже не согнулся, когда Крин приложил всю силу, чтобы разомкнуть его. Проржавевшее кольцо на стене тоже не поддавалось, он только содрал ржавчину с металла. Под рукой — никакого подходящего инструмента.

Крин сжал кулаки и бессильно стукнул себя по коленям. Сидеть и покорно ждать... Чего? Незавидной участи Гудельфа? В помощь каких-то сил юноша не верил, они не откликнутся на мольбу такого, как он.

Чем помогла Лира своему жрецу?

Взгляд Крина обратился к куче гнилой соломы в противоположном углу камеры. Что же там спрятано, в этом тайнике? Если Гудельф хранил там какой-то могущественный талисман, почему он не сбежал? Вот и все, что могут дать эти «боги», — побрякушку, которая обещает все и не приносит ничего!

Тем не менее юноша подошел к соломенной подстилке своего бывшего сокамерника. Длины цепи как раз хватало, чтобы достать до потайного места вытянутыми руками. Крин разгреб солому, поднял камень и, двигаясь осторожно, чтобы ошейник не задушил его, извлек из ямки клубок тряпья. Под лохмотьями оказался еще один свиток, судя по запаху, залитый сургучом. Для оружия — маловат. Но старый жрец почему-то прятал эту вещь. Крин взвесил сверток на ладони и поковырял сургуч, пытаясь добраться до содержимого пакета. Безуспешно.

Наконец он успокоился и спрятал сверток под рубашку. И вернулся на свою подстилку. Тело не хотело расслабляться,

оно требовало немедленных действий. И только терпение, которое так пригодилось ему в Храме Единого, не давало юноше вскочить и сделать *хоть что-то!*

Нош медленно повела руками, сцепив пальцы, из стороны в сторону. Должно быть, так воины тренируются наносить удары своим любимым оружием. Зарк свернулся калачиком на кровати. Его глаза были закрыты, и девушка решила, что зверек заснул. Бежать... но как?

И когда? Конечно, не днем, когда ее легко могут заметить. И... И не в одиночку! Она не могла оставить Крина на растерзание этим мучителям. Теперь-то она знает, что происходит с местными пленниками.

В зарешеченном окне небо начало наливаться вечерней синевой. Девушка давно уже попробовала расшатать прутья решетки и обнаружила, что это невозможно.

Неужели остается сидеть и ждать, пока Марк высосет всю ее силу и волю к жизни? Нет, но что тогда делать?

Зарк проснулся и тихо зашелкал. Он приподнял лапку и коснулся ее руки.

— Малыш, — прошептала Нош, погладив его по голове. — Я не знаю, насколько смертоносно твое оружие, но это все, что у нас есть. Если бы только ты понимал меня...

Заскрипела дверь. Девушка быстро придвинула к себе маленькое тельце зарка и, отыскав распоротый шов, пригласила его забраться в юбку. Ящерица сразу все поняла и нырнула в предоставленный тайник. Нош посильнее затянула пояс, чтобы складок было побольше и зверька не заметили.

Вошла телохранительница и махнула рукой.

— Идем.

Ее тон был холодным и презрительным. Нош мельком подумала, что могло разгневать Сахсан и чем это может повредить ей.

Они вновь спустились по лестнице и направились к комнате, где утром она рассортировывала камни для Марка. Повелитель трясунов уже ждал ее. На столе были разложены зловещие камни, которые, казалось, пульсировали от переполнявшей их черной силы.

— Срочная работа, — кивнул он и усмехнулся обычной отталкивающей улыбкой. — Я узнал кое-что новое о твоём таланте, он гораздо сильнее, чем я полагал. Ты прочла для Дана камень, чем спасла его и весь караван... Сейчас ты сделаешь для меня кое-что получше. Садись!

Нош опустилась на стул. Камни, спрятанные на груди, затеплились, предупреждая... Девушка еще не знала, что Марк попросит ее сделать, но твердо была уверена, что это будет что-то недоброе.

— Каждый из этих камней, как ты уже знаешь, обладает силой, — начал он, показывая на драгоценности. — А нельзя ли их силу объединить и тем самым увеличить? А потом и направить?

Он подался вперед и облизнул кончиком языка нижнюю губу, словно предвкушая, как отведаст какое-то лакомство.

— Я не знаю, лорд, — ответила Нош, стараясь, чтобы ее голос звучал ровно. Она прекрасно помнила, чем закончилась ее попытка прочесть образные камни в пещере Братства. Хорошо бы наслать землетрясение на этот страшный замок.

— Ты не знаешь, — промурлыкал Марк. — Значит... сейчас узнаешь. Объедини эти камни, Одаренная, свяжи их друг с другом. Этой ночью я работал над оружием. — Он встал. — Поговаривают, что такие эксперименты чреваты магической отдачей. В таком случае тебе лучше поработать в одиночку. Но ты должна это сделать! — Он склонился над девушкой, как хищный сокол, и впился тонкими пальцами в ее плечо. — Сегодня тебе показали, что бывает с теми, кто не слушается меня...

Губы лорда Марка разомкнулись в недобром оскале.

— Ты объединишь их силу и направишь... — не договорив, он выхватил из широкого рукава своего балахона узкую пластинку и шлепнул ее на стол рядом с камнями, — на нее! На Лецию!

Это оказался портрет женщины. Но не стилизованный, как картинки в книгах Дрин, а дышащий жизнью. Казалось, художнику удалось поймать кистью саму душу этой женщины и отобразить на портрете.

Он повернулся к двери и шелкнул магическим ключом. В комнату вошла Сахсан.

— Она, — кивнул Марк на девушку, — выполняет задание. Следи, чтобы она занималась делом.

«Интересно, — подумала Нош, — как служанка может понять, чем я занимаюсь? У нее ведь никаких магических способностей». Но Марк еще не закончил. Он поставил на стол небольшой шар, внутри которого клубился серый туман. И посмотрел на Нош.

— Это штука из дальних земель, Одаренная. Наверняка ты никогда такой не видела. Она будет следить за тем, что ты здесь делаешь. Смотри... — Он подкатил к шару один из опасных камней, и шар изнутри налился красноватым светом. — Леция... — проговорил Марк и вновь по-волчьи оскалился. — Я хочу ослабить ее, сделать доступной для моих чар. И ты можешь мне в этом!

Он вышел. Даже не оглядываясь, Нош чувствовала, что Сахсан стоит за ее спиной и наблюдает. И наверняка готова скрутить ее при малейшем подозрении.

Это же глупо... она понятия не имеет, как направить эти камни. Марк требует от нее проявить силу, о которой она не могла и мечтать. Даже Дрин не владела такой мощью.

Итак, ей представился шанс вырваться. Если только можно передать свое желание другому существу... Юбка на коленях пошевелилась, оттуда вынырнула мордочка зарка. Нош тут же склонилась над столом, словно для того, чтобы лучше рассмотреть камни.

Понял ли зверек, что она хочет от него? Неизвестно, остается только надеяться. За последние дни они, казалось, понимали друг друга без слов. Нош взяла портрет. Она почувствовала, как зарк начал выбираться из-под юбки. Девушка начала произносить какую-то бессмыслицу, делая вид, что читает заклятие. Легкое тельце исчезло с ее колен.

Сахсан отшатнулась от стула, и Нош обернулась. Кожа телохранительницы посерела, глаза закатились под лоб. А зарк, на хвосте которого теперь виднелся шип, вцепился передними лапками в юбку Нош.

Девушка вскочила, но не успела подхватить Сахсан. Женщина упала. Нош замерла, ожидая, что в комнату сейчас ворвутся охранники. Но все было тихо. Она повернулась и

схватила Дарующего Надежду — Крин никогда не оставил бы меч врагам.

Зарк спрятал свое оружие и взлетел на плечо Нош. Тяжелый меч оттягивал руку. Девушка выбежала через магическую завесу. Снова тишина. Видимо, Марк решил, что принятых мер предосторожности достаточно.

Она прокралась через следующие пустые комнаты и выглянула в коридор. Там стоял стражник — один из тех, кого она видела в столовой. Нош попятилась обратно. Она протянула руку к плечу, и зарк перескочил к ней на ладонь. Зверек спрыгнул на пол и метнулся вперед с такой скоростью, что уследить за ним было невозможно.

Стражник вздрогнул и нагнулся, будто хотел почесать укусы на ноге, но тут же рухнул ничком.

Нош бросилась к двери. Снова чары... Она подняла меч двумя руками и ударила, ощутив, как под клинком прорвался невидимый барьер, освобождая путь к двери. Девушка выдвинула из пазов простой деревянный брус и ворвалась в камеру. Навстречу поднялся Крин. Юноша замер на месте, приоткрыв рот и широко распахнув глаза.

22

— ЧТО... — наконец смог вымолвить Крин, но девушка уже стояла рядом и разглядывала цепь. Схватила одной рукой и дернула.

— Нет... Меч!

Крин выхватил свой меч из ее рук. Когда парень высвободил клинок из ножен, она поняла, что он задумал. И засомневалась, удастся ли перерубить такую крепкую цепь.

— Стой здесь, — приказал он, указывая на соломенную подстилку. — Натяни цепь так, чтобы кольцо отошло от стены, и не выпускай.

Она сделала, как он велел. Юноша прищурился, смерил цепь и железное кольцо взглядом и поднял Дарующего Надежду. Последовал сокрушительный рубящий удар. Металл зазвенел о металл, и цепь распалась. Нош не удержалась и упала на колени, когда цепь отлетела от кольца. Крин пере-

рубил проржавевшее кольцо, а цепь так и осталась прикованной к его ошейнику.

— Идем! — позвала Нош, понимая, что теперь ее черед отдавать приказы. Удача пока не отвернулась от них, но кто знает, что ждет впереди? Она-то с легкостью пройдет через магическую завесу, а Крин?

Девушка могла только надеяться, что сила Пальцев поможет им.

Дверь в камеру она оставила открытой, так что путь преграждали только чары.

— Руку! — скомандовала Нош и ухватила юношу за локоть. Он перебросил меч в другую руку.

Она прошла, прошла! Но что-то сильно дернуло Нош за руку — Крин остался в камере. Девушка не ослабила хватки, стараясь изо всех сил вырвать друга из-под завесы. Юноша направил меч на волшебную преграду и нанес удар. Оружие легко прорвало чары, но Крин всем телом налетел на неподдающуюся завесу. Но тут защита наконец исчезла, и он оказался в коридоре вместе с девушкой.

Рядом лежал пораженный зарком стражник. Из-под неподвижного тела вынырнула ящерица, ухватилась передними лапками за подол юбки Нош и быстро вскарабкалась, словно по дереву, на ее плечо.

Крин посмотрел на лежащего стража, потом на Нош. Когда он увидел зарка, то переменялся в лице.

— Он не тронет нас, — поспешно заверила его девушка.

Но теперь перед ними встала новая проблема. Да, они вырвались из своих камер. Крин подхватил болтающийся кусок цепи и обмотал вокруг пояса, чтобы она не звенела о каменный пол. Но вот как выбраться из замка?

Крин склонился над охранником.

— Он не умер, — заключил юноша. Оглядевшись, он кивнул на ближайшую дверь, прямо у лестницы. — Она зачарована?

Нош подбежала к двери, проверила и отрицательно покачала головой, надеясь, что юноша заметит ее движение даже при таком скудном освещении. Он кивнул в ответ.

— Затащим его туда.

Крин ограничивался краткими фразами, словно берег силы.

Поднявшись, он подхватил стражника под мышки, а подошпешшая Нош подняла его за ноги. Охранник весил изрядно. Когда они наконец дотащили его до дверей, Нош успела запыхаться. Крин поднял простой засов, и они заволокли стражника в темную комнату.

Крин не спешил уходить. Он распахнул дверь пошире, пытаясь разглядеть помещение, куда они попали. Затем нагнулся куда-то влево и поднял походный фонарь. Что-то шелкнуло, вспыхнула искра, и комнату залил приглушенный свет. Тогда Нош прикрыла дверь и огляделась.

Это оказалась не камера для заключенных, а что-то вроде просторного склада. Свет фонаря не доставал до стен, выхватывая из темноты длинные ряды ящиков и коробов.

Крин завозился с охранником, стягивая с него кольчугу и пояс с кинжалом. В свете фонаря блеснуло что-то красное, висевшее на шее стража.

Нош заметила, что Наследник замер. Она протянула руку, чтобы дотронуться до его плеча, и тут же отдернула. Крин извлек из ножен кинжал и перерезал шнурок, на котором висел зловещий камень. С минуту он мрачно смотрел на красный диск, затем кивнул каким-то своим мыслям и повернулся к Нош.

— Ты умеешь справляться с чарами, — сказал он, не спрашивая, а утверждая. — Можешь отнести это в камеру и оставить там?

— Зачем? — удивилась она, не понимая, к чему тратить драгоценное время.

— Чтобы запылить следы, — ответил он, как настоящий разведчик. Нош вспомнила, что на подходах к пещерам идущий последним всегда посыпал следы группы пылью. — Это ведь не принадлежит Марку. В Казгаре не только он один служит тьме...

Нош сразу поняла, что он имеет в виду. Если на месте побега найдут неизвестную штуку, Марк подумает, что чьи-то интересы пересеклись с его собственными. Да, действительно это поможет запылить следы.

Девушка подхватила амулет за шнурок и, с трудом открыв дверь, вышла в коридор. Она добежала до бывшей камеры

Крина, преодолела чары и швырнула амулет в центр комнаты, где он сразу бросится в глаза.

Вернувшись, она увидела, что Крин зря времени не терял. Рядом с фонарем лежали кольчуга, пояс с кинжалом и два ножа. Он перевернул стражника на живот и стянул веревкой его запястья и локти. Затем затолкал охраннику в рот кляп, который соорудил из обрывка его нижней рубашки. Страж не открывал глаз и не шевелился, хотя был жив. Нош догадалась, что яд зарка не убивает, а парализует.

Крин протянул девушке один из ножей, и она сунула его за пояс. Оружие немного приободрило ее. Затем юноша поднял кольчугу и замер, ощупывая ошейник.

— Нечего было и ждать, что у него окажется ключ от этого... — пробормотал он. Нош озарила неожиданная мысль. Она коснулась мешочка на груди. На ошейнике не было никакого замка, но и шва не было. Наверняка он не цельнокоченый, а значит...

Она подскочила к юноше, который еще не успел подняться с колен.

— Я только попробую... — сказала она, обращаясь скорее к себе, чем к Крину.

Ее руки скользнули по металлу. Она призвала на помощь свой талант, хотя никогда прежде не ставила перед ним таких задач. Крин сжался, но голову держал высоко, чтобы не мешать ей исследовать ошейник.

Вот! Здесь! Она нажала пальцами на один из участков, пуская в ход всю дарованную ей силу. Нет, не так... не напрямую... нужно просто повернуть... Раздался громкий щелчок, эхом отразившийся от стен. Ошейник распался. Крин отбросил его в угол вместе с опостылевшей цепью. Затем он облачился в кольчугу и принялся подгонять пояс.

Нош уставилась на свои руки. Впервые она направила свой талант не только на чтение и распознавание камней. Наверное, с каждым новым Пальцем ее силы действительно укрепляются, растут.

Но что-то ее тревожило. Странное чувство возникло, когда она прорвала невидимую завесу. Казалось, что каким-то образом Крин помог ей.

— Давай сюда его!

Юноша подхватил стражника под руки и потащил за груды ящиков. Нош поспешила помочь. Затем она вернулась к фонарю, взяла его и подняла повыше.

И тут ее осенила новая мысль. Дверь, через которую они попали на склад, была обычного размера. Но некоторые большие сундуки и ящики, сложенные вдоль стен, определенно не прошли бы в дверной проем. Она припомнила склад Дана — там был еще один выход, который вел прямо во двор, где обычно разгружались фургоны. Если этот замок, каким бы большим он ни был, по строению не отличается от дома купца, значит, отсюда есть еще один выход. И беглецам лучше поискать его, чем возвращаться в коридор и подниматься по лестнице, где может быть еще один стражник. Нош поделилась своими соображениями с Крином, и тот согласился.

Потому они двинулись в противоположную сторону от двери, по узкому проходу между ящиками. Неожиданно зарк защебетал, вспрыгнул на груды ящиков и исчез во мраке. Девушка схватилась за нож, а Крин — за рукоять меча.

Они замерли, прислушиваясь, но единственным звуком, доносившимся оттуда, было шелканье ящерицы. Когда зверек готовится нападать, он свистит по-другому. Беглецы двинулись к ящикам, их нервы были натянуты до предела.

Свет фонаря выхватил из темноты каменную стену. Там оказался наклонный проход, достаточно просторный, чтобы через него можно было внести самые большие ящики. У стены стояла тележка на колесах, на которой, вероятно, перевозили грузы. Но приподняв фонарь повыше, Нош увидела зарка, который гладил передней лапкой дверь, перекрывающую этот проход.

— Заперта... или заколдована? — задумчиво спросил Крин.

Ну, это легко проверить. Они быстро перебрались через груды ящиков и присоединились к зарку. Крин провел рукой по двери — ни засовов, ни замков. Нош посветила ему фонарем и сама приложила руку к двери, призвав свой дар. Возможно, замок здесь хитро спрятан, как это было с ошейником. Она почувствовала незнакомую магическую защиту.

Девушка закусила нижнюю губу и сосредоточилась на решении задачи. Крин подступил ближе, коснувшись плечом ее плеча.

Когда их руки сблизились, Нош ощутила, что чары начали поддаваться. Она собрала все силы и направила на дверь. Под ее руками дерево заколебалось, задрожало.

Крин тоже приналег, словно понял, что нужно делать. Преграда скользнула в стену, но оставались еще чары.

— Давай руку! — приказала она и уверенно шагнула вперед. Снова пришлось приложить усилия, чтобы проташить Крина, но на этот раз все вышло гораздо быстрее.

Они оказались на ночной улице. Сверху нависал темный замок Марка.

— К Дану? — тихо спросил Крин.

— Нельзя, — возразила Нош. — Первым делом Марк будет искать нас там. Выход есть... хотя не знаю, насколько удачный.

Ее рука коснулась корсажа, за которым она прятала портрет, данный ей Марком. Неизвестно, как их примут, но больше ничего не оставалось.

— Ты часто гулял по городу, — сказала Нош. — Не знаешь, где находится дом Леции д'Арси?

— Леция... глава гильдии ювелиров? А зачем она тебе?

В нескольких словах Нош рассказала ему о планах Марка.

— Где еще в Казгаре, — закончила она, — мы можем надеяться на помощь? Если она примет наше предупреждение, то выйдет, что она нам обязана.

— Леция... — повторил он, задумчиво наморщив лоб. — Да... но придется начать с базара. Как туда выбраться?

— У нас всего два пути: направо и налево, — махнула рукой Нош. — На этот раз можно пойти налево... Пстой!

Она нагнулась и, поймав зарка, запустила его в юбку. И вспомнила, что плаща-то у нее нет. Если ее увидят, то запомнят — если вообще не попытаются задержать.

Эта улочка казалась тихой. Нош порадовалась обычаям этого города: каждый вечер жители скрывались на крышах домов, в зимних садах. После захода солнца немногие респектабельные горожане выходили на улицы Казгара.

— У меня нет плаща, — сказала Нош. Крин уже свернул направо и размашисто шагал по пустой аллее. Девушка бросилась вдогонку. Он нахмурился и оглянулся через плечо.

— Держись в стороне, — сказал он, ткнув пальцем в ближайший дом. — Встань у двери и жди, пока я не проверю, что там впереди.

Да, ненадежное укрытие, но что делать?

Нош поежилась. Вечером без плаща было не только неприлично, а попросту зябко. Ее казгарские наряды не были предназначены для защиты от холода. Особенно для этого сезона года.

Они дошли до перекрестка. Там, в стенных нишах зданий, стояли фонари, похожие на тот, который сейчас неслла Нош. Их свет падал на мостовую круглыми озерцами, остальное скрывалось во тьме.

На этой улице уже встречались прохожие, потому Крин и Нош остановились у перекрестка. Нош поспешно задула фонарь. Беглецы притаились у стены замка Марка и принялись ждать. Двое пешеходов подошли к дому напротив. Дверь распахнулась, и раздался гул приветливых голосов. Один из подошедших вошел в здание, а второй двинулся в проулок, где затаились двое беглецов.

— Нам везет, — прошептал Крин. — Сидим тихо!

Мужчина, который шел в их сторону, был одет в широкий балахон. Такой наряд Дан обычно надевал, когда отправлялся на собрания своей гильдии. Мужчину шатало из стороны в сторону, и Нош поняла, что он крепко пьян. Видимо, сегодня вечером какая-то гильдия устраивала собрание, где этот купец изрядно напировался.

Крин пропустил его, а потом прыгнул — молниеносно и бесшумно, как зарк. Одной рукой он обхватил купца за шею, так что тот и пискнуть не успел. И рукоятью ножа ударил задержавшегося незнакомца по голове, только хрустнуло. Жертва обмякла, и Крин опустил тело на землю. Юноша принялся сдирать с мужчины балахон, бесцеремонно поворачивая для удобства в разные стороны. Затем он подтащил тело к стене, в самый темный уголок, и, перебросив балахон через руку, вернулся к Нош.

— Будешь членом гильдии... Например, сыном какого-нибудь богатого представителя Дома. Можем идти открыто. Ты — Наследник Дома, а я — его телохранитель.

Удачная идея. Нош встряхнула балахон и завернулась в него. Он оказался длинноват, но девушка перехватила его поясом, так смотрелось неплохо.

Крин вновь засветил фонарь и кивнул Нош, чтобы смело выходила на перекресток. Они оставили за спиной незадачливого благодетеля и быстро двинулись вдоль по улице, свернув в первый же попавшийся проулок. По пути им навстречу попался еще один господин в сопровождении охранника. Затем еще одна пара. Так что Крин придумал самую лучшую маскировку. Правда, неизвестно почему человек, которого они раздели, ходил без охраны. То, что они идут в верном направлении, подтвердилось через несколько минут. Впереди раздался шум и гул голосов, как обычно бывает, когда собирается толпа. Хотя уже спустилась ночь, многие упорные торговцы не расходились, спеша распродать дневной товар. Зазывалы хриплыми голосами продолжали расхваливать хозяйское добро.

Беглецы пересекли базарную площадь, держась ближе к лавкам, которые уже закрылись на ночь. Нош отметила, что Крин никогда не задерживал на них взгляда. Затем они свернули на менее оживленную улочку, которая привела на следующую... Наконец они вышли к огромному дому, который занимал почти весь квартал.

Окна на первом этаже уже были закрыты ставнями. Посетителей могли не пустить, но это был их единственный шанс. Нош вышла вперед. Теперь она узнала знаки на здании, похожие на те, что украшали дом Дана. Лавки уже закрылись. Оставалась одна маленькая дверь, для посетителей, решивших навестить хозяев после захода солнца. Нош подошла к двери, на ходу высвобождая руки из широких рукавов балахона.

Нужно было знать определенный сигнал. Это она выяснила, когда ходила вместе с Даном в гости к другим купцам в неурочные часы, чтобы оценить товар, который они предлагали на продажу. Пришедший по делу должен постучать

особым образом. Вытащив из-за корсажа злосчастный портрет Лэции, Нош громко постучала условным стуком.

Раздался щелчок, и в двери распахнулось небольшое за решеченное оконце.

— Кто там? — спросил невидимый стражник.

— По важному делу, — ответила Нош, на ходу придумывая подходящее объяснение для привратника. Естественно, что в доме Лэции хозяйка никогда не выходит к посетителям сразу же.

— Завтра приходите, госпожа не разговаривает с ночными гостями.

И окошко захлопнулось.

Нош растерянно уставилась на дверь. Говорят, что у Лэции самая сильная магическая защита. Возможно, эта дверь не только заперта на замок и охраняется, а тоже под чарами. Можно проверить.

Сунув портрет за корсаж, девушка провела рукой по двери. Она надеялась, что, разобравшись с магической защитой Марка, справится и с этим препятствием.

Под рукой качнулась невидимая завеса — так и есть, чары! Девушка сосредоточилась, направляя всю свою силу на раскрытие тайны этой двери. Это были не простые чары, а с ключом. Нош услышала легкий щелчок: разрушились первые преграды, затем вторые... Да, отличная защита, но не против Рук Лиры!

Дверь резко распахнулась. Крин успел придержать ее Дарующим Надежду, чтобы она вновь не закрылась. Нош бросилась вперед. Юноша заскочил следом, почти толкнув ее в спину.

— Стоять!

Перед ними оказался лучник, уже готовый спустить стрелу с тетивы.

— Мы пришли с миром, — опомнившись, сказала Нош. — Нам срочно необходимо встретиться с вашей госпожой.

Откинув рукава балахона, она достала портрет Лэции и повернула так, чтобы лучник мог его хорошо рассмотреть.

— Это было у Марка. Спросите леди, что он собирался с ним сделать?

— Паргер! — позвал лучник, и рядом с ним возник еще один охранник. — Возьми у нее... Нет, брось это нам! — приказал он Нош.

Ей оставалось только подчиниться. Девушка бросила портрет, который тут же подхватил второй страж и куда-то унес. Но лучник и не думал опускать оружие. Ждать пришлось долго. Они сделали все, что могли, оставалось только надеяться, что леди Леция захочет встретиться с ними.

Нош уже начало казаться, что миновали все ночные стражи, когда Паргер наконец вернулся.

— Она примет их... в приемном зале, — доложил он.

Паргер повел беглецов по коридору. Шествие замыкал лучник, так и не снявший стрелы с тетивы. Нош заметила, что Крин вложил меч в ножны и старается даже не касаться его.

Они прошли мимо задней части лавки, оказались в небольшом коридоре и направились к двери в его дальнем конце. В комнате, куда их провели, стоял большой стол, за которым сидела женщина. Одета она была в богатый купеческий наряд высшего круга гильдии.

Женщина была не юна, но поражала своей зрелой красотой. Ее волосы, уложенные в высокую прическу, скреплялись шпильками с блестящими драгоценными камнями. Ее руки, спокойно лежащие на скатерти, украшали дорогие перстни, величиной во всю фалангу. В одном переливался всеми цветами радуги неизвестный камень, а во втором сияло чистым золотом великолепное солнечное око. Перед ней лежал злосчастный портрет.

— Кто вы? — Ее властный тон выдавал привычку распоряжаться людьми и не допускал возражений или промедлений в ответе.

— Меня зовут Алноша, — ответила Нош, на мгновение растерявшись. Она не нашлась, что еще можно добавить.

Женщина окинула девушку пристальным взглядом и кивнула.

— Я слышала о твоём невероятном таланте. Ты приехала с севера вместе с Даном, но неожиданно пропала из его дома...

— Меня похитил Марк, — сказала она, обрадовавшись, что наконец можно перейти к главному.

— Марк! — воскликнула Леция. — Ты сказала Амгару, что взяла это у него. — Она подтолкнула портрет к середине стола. — И что это значит?

— Он собирался устроить вам ловушку, леди. Хотел напасть... подготовить нападение.

Леция д'Арси понимающе кивнула.

— Этот негодяй спит и видит, как бы уничтожить меня. Может быть, он уже начал исполнять свой план? Может, он решил сперва подослать ко мне вас? Ты прорвала защиту... а это может привести тебя, милочка, на суд Совета.

— Он собрал определенные камни, — сообщила Нош. — Они все отмечены черной силой. Он приказал направить эту силу против вас и дал ваш портрет. Чтобы я использовала его в качестве мишени.

Леция вновь оглядела девушку с головы до ног, а потом щелкнула пальцами. Нош сжалась, ожидая, что сейчас ее схватят цепкие руки стражников, но вместо этого все охранники вышли из комнаты. Девушка облегченно вздохнула.

— Алноша, о тебе в Казгаре ходят самые разнообразные слухи. И многие к ним прислушиваются. А еще болтают о подобном использовании черного колдовства, — сказала глава гильдии и постучала указательным пальцем по портрету. — Ты говоришь, что у Марка есть черные камни... как он их собрал?

— Думаю, что посредством обычного торга, леди. Один такой попал в руки Дана, когда я у него служила. В Казгаре этих камней может быть много. В том числе и у вас.

Леция поджала губы. Затем она чуть подалась вперед, схватившись за горло. На ее шее висела золотая цепочка. Женщина потащила цепочку к себе, и все озарилось ясным светом показавшегося кристалла. Нош не замедлила с ответом. Она выхватила из-за пазухи мешочек, который полыхал огнем, окрашивая ее пальцы нежно-розовым светом. Кристаллы в мешочке и камень в руке Леции пульсировали в унисон.

Женщина встала, переводя горящие глаза с мешочка на лицо Нош и обратно. А потом сложила руки у груди — запястья вместе, ладони разведены, пальцы полусогнуты.

— Давно ждала тебя, — сказала она. — Ты не можешь лгать. Потому Расскажи мне то, что я могу знать.

— ИСПОРЧЕННЫЕ, — заключила Нош.

Она сидела за столиком, похожим на сортировочные подставки у Дана и Марка, и разглядывала наспех сваленные в кучку драгоценные камни.

— Не знаю, леди, притягиваются ли они друг к другу, как Пальцы... — Она бросила взгляд на свой волосяной мешочек, лежащий на столе, и кристалл Леции. — Не владеющий знанием не смог бы отличить их от обычных камней.

Девушка отыскала пять черных камней в коллекции драгоценностей, которую предоставила ей для осмотра Леция. Сейчас она отдыхала, подперев рукой голову. Позади завозился Крин. Нош настояла, чтобы юноша остался при разговоре. Он кашлянул, и глава гильдии недовольно взглянула на парня.

— Леди, еще один момент.

— Что такое? — спросила она.

Он рассказал о продавце чародейских камней на базаре. И закончил:

— Я видел его, леди, несколько дней назад. Один из камней купила женщина из вашего дома. По крайней мере, она вошла в ту же дверь, в которую сегодня ворвались мы. Она поговорила с лоточником, а когда отошла, я недосчитался одного камня. Мы думаем, что зло в Казгаре исходит не только от Марка...

Крин вкратце пересказал историю с соколком. И напоследок сообщил, что один из тех дисков был на охраннике в доме Марка.

Леция принялась расхаживать по комнате, затем остановилась и повернулась к Крину.

— Значит, вы считаете, что кто-то из моих домочадцев купил тот мертвый камень?

— Я готов поклясться в этом, леди. Я шел за ней от самого базара, и она вошла в ваш дом.

— Ах так!

Леция подошла к двери и нажала какой-то выступ на стене. Вдалеке послышался звон колокольчика. Появилась служанка. Она была в летах и, видимо, служила Леции очень давно, поскольку сразу же заворчала:

— Уже за полночь, леди. Все добрые люди давно в постелях.

— Согласна, Варса. Слушай меня внимательно. Это наши почетные гости, но никто не должен знать, что они здесь. Проводишь их в тайный коридор и проследишь, чтобы они устроились со всеми удобствами. Затем вернешься сюда, у меня есть еще одно задание для тебя.

Крин и Нош пошли следом за служанкой по пустынным переходам. Нош едва держалась на ногах от усталости. Крину пришлось дважды поддерживать девушку, чтобы она не упала. Она прижимала руки к груди, надеясь, что кристаллы, которых теперь стало пять, — придадут ей сил. Пять... У нее уже пять Пальцев! Лишь эта радостная мысль не давала ей уснуть на ходу.

Они остановились перед зачарованной дверью, но у Варсы был магический ключ. За дверью оказались покои из нескольких уютных комнат. Служанка исчезла и вскоре появилась с подносом, на котором были расставлены холодные закуски. Увидев еду, Нош поняла, как сильно проголодалась. Крин отправился исследовать доставшиеся ему комнаты.

Затем Нош упала в мягкую постель, положила у головы мешочек с драгоценными Пальцами и мгновенно уснула.

Но сновидение перешло в ледящий кровь кошмар. Она вновь оказалась в замке Марка, перед распятым старым жрецом. Калека поднял голову, и его распухшее лицо оказалось прямо перед Нош. За спиной старика за клубился мрак и начал надвигаться на девушку. Она закричала изо всех сил.

Кто-то схватил ее и принялся трясти. Нош открыла глаза и увидела, что уже светло. Перед ней на постели на коленях стоял Крин и держал ее за плечи.

— Жрец... жрец Лиры... Они запытали его до смерти!

— Он не сомневался, что идет на смерть, — сказал Крин. — Я сидел с ним в одной камере. Перед тем как его забрали, он предупредил меня, что больше не вернется. Он... — Крин усадил девушку и пошарил у себя под рубашкой. Наконец он извлек запечатанный сверток, который нашел в тайнике. — Вот! Он оставил мне это!

Нош коснулась засветившейся изнутри руки Крина. Она уже поняла, что спрятано в свертке. Юноша испуганно вскрикнул и хотел было отбросить пакет, но девушка остановила его.

— Открой, — попросила она. — Скорее!

Крину пришлось пустить в ход нож, чтобы расковырять сургуч. Вероятно, сверток залили сургучом, чтобы скрыть волшебную силу содержимого. Из свертка выпал еще один камень — меньше по размеру, чем остальные, но сомнений быть не могло.

— Шесть! — возликовала Нош. — Одна рука и один палец второй руки.

Она тихо запела, поднимая мизинец с руки Лиры. А затем, повинаясь внутреннему порыву, схватила руку Крина, в которой до сих пор лежали обрывки пакета. Смахнув их, Нош вложила кристалл в его ладонь.

— Что ты делаешь! — возмутился юноша. — Мне не нужна эта колдовская сила...

Он вскочил и быстро вышел из спальни. Нош вздохнула. «Жрец доверился ему», — подумала она. И вспомнила волну силы, которая нахлынула, когда их плечи соприкоснулись, и помогла выбраться из подвала Марка. Сила Лиры растет. Есть Леция д'Арси, хранительница и жрица. А еще кто-то оставил кристалл в святилище. Сколько Пальцев еще хранится в Казгаре? Неизвестно.

Но город продолжали преследовать неудачи. В этом молодые люди убедились утром, когда в их тайный приют, о котором не слышали даже слуги, пришла Леция. Беглецы уже позавтракали. Им вновь принесли холодные закуски, но свежие и прекрасно приготовленные. Их начало уже томить бездельствием, хотя оба прекрасно понимали, что на некоторое время придется затаиться, чтобы их не обнаружили соглядатаи Марка.

Они уже начали потихоньку строить планы, которые рухнули при появлении Леции. Нетерпеливым жестом подозревая обоих поближе, словно сами стены могли подслушать разговор, женщина швырнула на стол какой-то предмет.

— Смотрите!

Это оказался пепельно-серый камень на шнурке, с отверстием, окаймленным розовым, в середине. Нош уже потянулась за камнем, но отшатнулась, словно кто-то ударил ее. Девушке пришлось ухватиться за спинку стула, чтобы не упасть.

Какая-то часть ее существа неудержимо стремилась коснуться его, хотя она понимала, что это — зло.

Крин смерил взглядом камень так, словно перед ним было незнакомое оружие. Затем тихо спросил:

— Это мертвый камень?

— Но те были красными! — возразила Нош, которая уже полностью овладела собой. Правда, она заложила руки за спину, чтобы невзначай не поддастся искушению.

— Мы нашли это утром на шее моей двоюродной сестры Инди. Она превратилась... — Леция запнулась, глядя потемневшими глазами на проклятый камень. — Она стала пускающей слюни идиоткой, хотя ложилась спать опытной и умной женщиной. Это коснулось не только ее. Казгар бурлит. Подобное случилось со многими, от мастеров до охраны, вплоть до среднего состава Совета. Мертвые камни? Но то, что случилось с Инди, хуже смерти. У этих бедняг словно кто-то высосал разум, как высасывают сок из плода янса через трубочку. То, что от них остается... это нельзя назвать человеком! А трое умерли в тот же час, когда их нашли. Мы не знаем, сколько горожан попались на этот крючок.

— Лоточник... — произнес Крин.

— Не нашли, — отрезала Леция. — Я сразу же послала стражу на базар. Его и след простыл. И никто из торговцев не представляет, кто он и куда делся. Мы только знаем, что он прибыл вместе с посольством, которое Совет не принял.

— Марк... — начала Нош, но Леция и Крин одновременно покачали головами.

— Ты сказал, воин, — Леция кивнула Крину, — что эти кошмарные камни находили в тех краях, где о Марке и не слышали. Да, Марк любит затевать грязные игры. Он завистлив и готов на все ради власти. Но это не его рук дело. Вы же сами рассказывали, что оставили амулет одного из стражников в камере, чтобы замести следы. Нет, это кто-то гораздо могущественней Марка, и он — наш общий враг.

Она помолчала, потом обратилась к Нош.

— Злые камни, которые ты обнаружила в моей сокровищнице, сегодня раздробили и сожгли. Оставшийся пепел глубоко закопали. Но этот, — она указала на амулет, — слишком опасен. Едва ли его можно уничтожить подобным образом.

Нош собрала все свое мужество. Девушка взглянула в лицо главы гильдии и, одной рукой сжав мешочек с Пальцами, протянула вторую к амулету. Она не стала трогать его, а просто накрыла ладошкой и зажмурилась.

Чувство, которое охватило ее при первом взгляде на камень, никуда не делось, хотя заметно ослабло. Вероятно, ее хранили Пальцы Лиры. Нош не увидела картинки — вероятно, потому, что не взяла камень в руки. Но она узнала, что произошло. Кто-то где-то, обладающий силой, какую девушке даже трудно было представить, вобрал в себя разум и жизненную силу носителей амулетов. Видимо, неизвестный маг чего-то боялся. Либо готовился нанести удар. Он копил силу, словно Высший король, собирающий войска для решающего удара.

Выходит, мертвые камни используются не только для передачи сведений, они сами — опасное оружие. Но тех, кто по незнанию надел амулеты коварного лоточника, уже не спасти.

— Что-то почувствовала? — спросила Леция.

— Только в общих чертах. Кто-то выжал из носителей всю силу, и даже жизни, и забрал себе.

Внезапно Леция выпрямилась, не сводя глаз с амулета.

— Неизвестно, сколько человек подпали под его удар. Возможно, мы лишились некоторых глав гильдий. Это заговор. Притом враг наш неизвестен. Мы... некоторые из нас... давно подозревали Марка. За последний год он приобрел немалую власть. Но все, к чему он стремится, это править Казгаром. Непохоже, чтобы в происходящем был виновен именно он. Тогда кто?

Крин решил. Он заговорил, положив руку на рукоять верного меча.

— Леди, на востоке служители фальшивого бога уничтожили всех, кто мог противостоять им. Высший король, который никогда не мог похвастаться полководческими талантами, направил армию на юг, где нет ничего, что оправдало бы потерю солдат и животных. Может, у вас происходит нечто подобное? Кому-то выгодно сломить всех, кто стоит у власти, перед грядущим вторжением?

— Каким вторжением? — спросила Леция. — Варвары с западных равнин не способны выставить против нас войско. Они привыкли нападать небольшими отрядами и совершенно

не подготовлены к долгой осаде и войне с регулярной армией. Ваш Высший король... неужели он рискнет переправляться через Высоты и атаковать Казгар? В это время года перевалы уже под снегом. А жрецы вашего фальшивого Единого уже побывали в городе и получили от ворот поворот. Кто еще?

С минуту Леция сидела прямо, а затем облокотилась на стол и уронила голову на руки.

— Неужели, — медленно начала она, тщательно подбирая слова, — легенды станут явью?

— Раскан! — вырвалось у Нош.

— Ведь он давным-давно мертв, — возразила Леция. — С тех пор как он исчез, этот мир покинули четыре... нет, пять поколений. Ты служишь Лире... Велика Ее сила, но в те дни Раскан победил.

— А если кто-нибудь нашел источник силы, из которого черпал Раскан? — предположил Крин.

— Возможно. Но... — покачала она головой. — Для чего ему насыпать напасти на Казгар, укреплять жрецов Единого и направлять Высшего короля в самоубийственный поход? Или его цель — только разрушение?

Нош сжала мешочек обеими руками.

— Кто бы он ни был, он боится Лиры! — уверенно сказала девушка. — Леди, у меня уже шесть Пальцев, осталось всего четыре. Я не знаю, что произойдет, когда у меня окажутся все Пальцы Лиры. Дрин ничего не сказала мне об этом. Но она была последней истинной жрицей Лиры, и она говорила, что мой дар предназначен для какого-то великого деяния.

Леция подняла голову и посмотрела на девушку. Затем медленно кивнула.

— Хорошо. Но чем раньше, Одаренная, ты соберешь остальные Пальцы, тем лучше.

— Я не могу выходить в город... — начала Нош.

— И не нужно, — отрезала глава гильдии. — Я получила свой кристалл от матери. Ее отец по прямой линии происходил от жреца, хранившего этот осколок после уничтожения святилища. В Казгаре оставались только двое служителей Лиры — жрец и жрица. Но они знали слишком мало — только то, что удалось сокрыть и потому сохранить.

— Они умерли, — сказал Крин. — Марк позаботился об этом.

— Я подозревала, но не было доказательств, а Совет не выносит решений лишь из-за чьих-то подозрений. Получается, Одаренная, что ты нашла все сокровища, которые были в Казгаре. Тебе придется искать остальные в другом месте, и поскорее.

— Как мы выберемся из города? — перешел к делу Крин. — Марк сразу же пустит по нашему следу своих трясун. Возможно, он уже знает, где мы спрячемся.

Леция встала.

— Это можно организовать. Я не могу дать вам сопровождающих, зато обеспечу самым лучшим снаряжением.

И она выполнила свое обещание. Вскоре старая служанка и встретивший беглецов лучник, но уже без лука, вдвоем принесли в комнаты Крина и Нош большую корзину. Там лежала дорожная одежда из великолепно выделанной кожи и смена нижних рубашек. Все было новым, но выглядело изрядно потрепанным. У Леции оказался наметанный глаз, потому что одежда сидела отлично, как специально на них сшитая. К радости Крина, там нашлась замечательная кольчуга, которую он немедленно надел взамен ржавой рухляди, позаимствованной у охранника Марка. Вторая, поменьше размером, досталась Нош.

Оба беглеца, как бывалые путешественники, сразу же рассортировали предоставленные Лецией снаряжение и припасы и упаковали два заплечных мешка. Крин выбрал гладкий шлем, а Нош ограничилась капюшоном с пелериной, под которым можно было легко спрятать лицо. Там оказался даже особый кармашек для зарка, на которого все это время с опаской поглядывали Леция и ее слуги. Она сообщила Нош, что эти ящерицы действительно ядовиты, но их яд не смертелен. Он вызывает долгий обморок, после которого жертва приходит в себя с сильной головной болью.

Крин затянул последний ремень на своем мешке и повернулся к Нош.

— И что теперь? Мы же не можем просто выйти из дома и направиться к воротам.

Но девушка верила хозяйке гильдии ювелиров.

— Леция сказала, что знает способ. Разве ты ей не доверяешь?

Крин скатал дорожный плащ и закрепил сверху мешка. Ему не хотелось путаться в его складках, по крайней мере, пока держится хорошая погода.

— Приходится, — ответил он. Но на его лице все явственней проступала тревога.

Подали обед. Они наелись до отвала, помня, что, хотя заплечные мешки и набиты под завязку продовольствием, походный рацион не может сравниться с обычным обедом за столом.

В окошке под потолком уже померк свет, когда наконец пришла Леция. Ее брови сошлись на переносице. Сразу стало ясно, что план побега ее чем-то не устраивает.

Нош тут же вспомнила Марка. Но прежде чем она успела задать вопрос, хозяйка дома достала из широкого рукава сложенный платок. Когда она разложила его на столе, оказалось, что это карта, на которой Казгар был помечен крестиком в левом нижнем углу.

— Я настоятельно рекомендую вам идти на северо-запад, — сказала она, разглядывая городские улицы. — Жрецы Лиры пришли из-за гор, так гласит семейное предание. Но далеко не все повернули на юг. На вашем месте я продолжила бы поиски на западе, а потом отправилась бы на север. У тебя есть свой проводник, — кивнула она Нош.

— Да. Они начинают светиться, когда рядом оказывается другой Палец. Только раз этого не произошло, — девушка бросила взгляд на Крина, — но камень оказался специально запечатан сургучом, чтобы света не было видно.

— Держитесь подальше от караванных путей. Да, уже поздно для путешествий, но еще попадаются путники. Те, кто бросится за вами в погоню, решат, что вы пойдете по дорогам. Но когда вы выберетесь из города, сразу поверните на запад и только через день пути сверните на север. Таким образом вы окажетесь вдали от привычных для горожан дорог.

— Когда мы выберемся из города... — заметил Крин. — Каким же образом, леди?

Леция сложила карту в небольшой треугольничек и передала Крину. Юноша спрятал ее в пояс.

— У древних домов наших гильдий есть свои тайны. Казгар не всегда был мирным городом, правда, в последнее время миром здесь и не пахнет. Я открою вам один из секретов клана, но попрошу выполнить одно условие. Если я прикажу вам закрыть глаза, вы их закроете и не будете открывать, пока я не разрешу.

Молодые люди кивнули. Глава гильдии направилась к двери. Нош с Крином, забросив за спину мешки, последовали за ней. Они прошли по коридору и вышли в большой зал, посреди которого располагался длинный стол, окруженный стульями с высокими спинками. Затем они попали во внутренний дворик, где плескался фонтан. Вместо растений в кадках, которые Нош привыкла видеть в местных зимних садиках, здесь были расставлены и разложены камни. Но не обычные серые глыбы, а украшенные кристаллическими щетками или вкраплениями. Свет фонаря, который несла Леция, заставил драгоценные камни искриться и сиять, разбрасывая в разные стороны удивительные отблески. В темноте казалось, что эти камни растут прямо из земли.

Такого великолепия Нош не видела с тех пор, как покинула алтарь Лиры. У нее невольно вырвался вздох восхищения.

— Теперь, — сказала Леция, — я попрошу вас на некоторое время закрыть глаза.

Оба покорно зажмурились. Через несколько мгновений слышался непонятный скрежещущий звук.

— Можете открыть глаза. Перед вами — выход.

Один из камней, едва ли не самый крупный из всего каменного сада, был слегка сдвинут, открывая черный провал в земле. Леция присела и посветила фонарем, чтобы они увидели начало лестницы.

— Вниз, — сказала хозяйка. — Там найдете факел, а рядом — трут и кресало. Зажжете его. Туннель не прямой, но ответвлений в нем нет. Идите, Одаренная и ты, воин, и да хранит вас Лира. Удачи.

— Как мы можем отблагодарить вас? — смущенно спросила Нош.

Эта женщина, увидев их в первый раз, так много сделала для их спасения!

— Ты уже отблагодарила меня, сестра по Лире, своими видящими руками. Теперь мой дом свободен от зла. Я знаю о планах Марка, если только новые напасти не заставили его передумать. Когда Руки вновь оживут, вспомни обо мне, Одаренная.

— Обязательно! — с жаром воскликнула Нош.

Крин уже начал спускаться вниз. Девушка последовала за ним, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу под тяжестью заплечного мешка. Затем она оказалась на ровной поверхности. Вверху вновь что-то зашуршало, и свежий ветерок, долетавший в подземелье, иссяк.

В темноте неожиданно громко щелкнуло кресало. Крин зажег факел, и Нош увидела, что они находятся в небольшом закутке под лестницей, а впереди начинается темный проход. Крин пошел первым, подняв факел над головой, хотя толку от него было мало. Стены туннеля состояли из камня, в некоторых местах путникам приходилось пригibasь, чтобы не задеть макушкой низкий потолок. Этим ходом пользовались нечасто. Тут и там по стенам сочилась вода. Рядом камень покрывала какая-то белесая плесень.

Как Леция и обещала, боковых ходов не было, так что заблудиться они не могли. Когда возник этот туннель? Вероятно, его проложили еще в те времена, когда Казгар только начинал превращаться в знаменитый торговый центр.

Наконец подземный туннель постепенно пошел вверх, видимо, скоро выход. Крин передал факел Нош, не имея ни малейшего желания выбираться в ночь с огнем, который могут увидеть издалека. Они не знали, на каком расстоянии от городских стен их выведет тайный ход и не попадутся ли поблизости бдительные стражники. Поскольку весь город взбудоражен случаем с мертвыми камнями, их могут сгоряча зарубить на месте.

Наконец они уперлись в тупик. Крин посветил факелом — никакого намека на дверь. И тут Нош сообразила.

— Защита!

Она встала у плеча Крина и приложила руки к каменной стене.

Оказалось, что дело не в чарах, а в потайном замке. Девушка быстро нащупала рычаг.

— Нашла!

Крин погасил факел и приналег на рычаг. Видимо, стена открылась, потому что вместо затхлого воздуха подземелья в лицо беглецам пахнул свежий ветер. Они выбрались наружу и подождали, пока дверь закроеется.

ИНТЕРЛЮДИЯ

ЗАЖЕГСЯ СВЕТ. Мужчина, сидящий в кресле, разглядывал результат своих трудов. Перед ним стояло предательское зеркало. Он уставился на гладкую поверхность с таким видом, словно изображение могло измениться по его приказу.

На его лице наконец пропали проклятые морщины — кожа была чистой, гладкой. Волосы, выющиеся из-под черной шапочки, почернели. Ни единого седого волоска. И какие густые!

Он перевел взгляд на свои руки. Молодые и крепкие. Куда девались вздувшиеся вены и старческие пятна? И так... пока все благополучно. Пока. Его довольную усмешку словно ветром сдуло. Холеное лицо исказила гримаса, и на мгновение оно вновь стало похоже на ту кошмарную личину, которую он с таким трудом сбросил. Ему дорого это обошлось. Скольких ему пришлось выпить до дна, чтобы снова вернуть молодость!

Слуги постарались на славу. Сила и разум тех, кого он выпил этой ночью, бодрили, как старое вино. Кое-что осталось, можно будет посмаковать позже.

Но...

Его взгляд потяжелел. Потери... Пора с этим заканчивать. Настало время возвести на трон нового Высшего короля, старый маразматик не удержится у власти. Хорошо, что у него есть наследник...

Он побарабанил пальцами по столу, словно подсчитывая потери, и замер. Колдун никогда бы не признался даже самому себе, что совершил глупость. Ведь тогда казалось очень мудрым, что наследник тоже подпадет под влияние мертвых камней. Что ж, значит, наследника нет. Тоже неплохо — в стране начнется хаос. Поскольку нет прямого наследника, разгорится борьба за престол. К сожалению, несколько подходящих кандидатур можно вычеркнуть после сегодняшней ночи.

Его плечи поникли, словно на них легло невидимое, но тяжкое бремя. Ни Высший король, ни его наследник или эти сумасшедшие лорды не нужны человеку, победившему смерть. Он снова в силе и легко отыщет укромный уголок, где переждет смутные времена. Сколько копий будет сломано... Победитель уничтожит слабых, воссядет на трон и только тогда поймет, что получил совсем не то, о чем мечтал. Колдун подумал, что как ни велики его потери, но все поправимо. Можно начинать раскидывать сеть на восток.

Голос...

Его губы растянулись в досадливом оскале. Да, это настоящая потеря. Этот Валкар был очень ценным инструментом, с уже свернутыми набок мозгами. Он с готовностью ринулся в нужном направлении, не понимая, что лишь выполняет чужую волю. Раскану редко попадались такие послушные орудия. Жаль, что нельзя было спасти жреца от высасывания... в будущем по этому поводу нужно будет что-то предпринять. Правда, он сомневался, что эту проблему можно решить. Высвобожденная сила не разбирает, кто чужие, кто свои. Она бьет в намеченную цель без промаха. Не исключено, что это можно поправить... он займется этим на досуге, когда будет время.

А пока Валкара и его ближайших помощников можно вычеркнуть из списка. Маг призадумался о том, что сейчас творится в Храме. Вдруг все, кого Валкар покори́л и отправил в рабство, получают свободу? Снова хаос.

Правая рука колдуна сжалась в кулак и с силой ударила по крышке стола. Эти... эти...

Губы беззвучно шевельнулись, а в глазах полыхнул гнев. Какая отвратительная промашка! И из-за кого?

Еще вчера он мог наслать на них смерть. Не нашлось бы щели, куда могли бы спрятаться эти жалкие черви! Но либо собрать все, либо ничего. И до поры до времени ни один из его слуг не может коснуться этих негодяев.

Если бы он был в состоянии отыскать эти осколки сам! Но в этом Лира оказалась сильнее. И если бы прямо перед ним оказался один из кристаллов, он не увидел бы его.

Нужно подождать. А он уже отвык ждать. Кроме того... слишком много сил уходит на поддержание собственной плоти. А вдруг он снова начнет стареть? И тогда... Кулак вновь

с грохотом опустился на стол. Колдун склонился к зеркалу и принялся пристально рассматривать отражение.

Юноша. На него смотрел молодой человек. Конечно, он может постареть, но у него в запасе будет много лет. За это время можно что-то предпринять. А когда они вернутся туда, где он легко достанет их... Они — прах, ничто! Животные, которых он давно изучил, — глупые, жадные, не видящие ничего дальше своего носа. Исход последней схватки предreshен, к тому же у него есть время, чтобы подготовиться к сражению. А им еще нужно завершить миссию.

Так, по поводу Высшего короля... Есть герцог Инграм. Пожалуй, у него больше шансов захватить трон, чем у остальных. Инграм...

Он мгновенно вспомнил все, что знал об этом человеке. Непрístupный аристократ, но у каждого есть свои слабости. И у него тоже. Валкар... Колдун понадеялся, что сможет найти настолько же податливый инструмент и сделать его Голосом. Большинство жрецов сгинули вместе со своим начальником... Власть Единого была великолепной затеей, которая превратила страну в огромную тюрьму. Он скривился. Потери этой ночи грозили обернуться сплошными заботами.

Большая часть накопленной энергии и жизненных сил пойдет на то, чтобы создать мощное оружие, которое раз и навсегда уничтожит Лиру.

24

НАКОНЕЦ ОНИ выбрались из города! Крин дернул плечом, поудобнее устроивая мешок. Чем скорее они уберутся подальше от Казгара, тем лучше.

Перед ними расстиались поля, где гильдия фермеров выращивала зерно и овощи, и обширные пастбища, на которых зимовали тягловые животные караванщиков. Варги и лошади дожидались следующего теплого сезона, когда во все концы потянутся караваны за новым товаром. Крин призадумался, не обзавестись ли лошадьми. Но кража животных может направить по их следу погоню. Хотя до Даста путь неблизкий, он

предпочел бы измерить его неспешными шагами, зная, что в спину не дышат разгневанные сторожа.

Глава гильдии ювелиров дала им мудрый совет. Им действительно лучше держаться подальше от дорог. Юноша поднял голову и принялся рассматривать звезды, чтобы сориентироваться. Вот Варг-в-Облаках, Две Стрелы, Скакун. Он знал эти созвездия с детства, к тому же умение ориентироваться по звездам было необходимым для любого странника. А Крин немало успел побродить за свою жизнь.

Беглецы незаметно пересекли одну из дорог, прячась за живой изгородью, которой были обсажены все поля. Нужно поскорее выбраться из заселенной местности.

Юноша приноровился к шагу Нош и показал в сторону рукой, хотя не был уверен, что в безлунную ночь она заметит его движение:

— Туда.

Днем девушка сплела более просторный мешочек, в котором легко поместились все кристаллы, заботливо завернутые в лоскутки ткани. Теперь Нош прижала руку к груди. Неужели она думает, что камни подскажут нужную дорогу? За последние дни он всего насмотрелся, так что не спешил лезть с вопросами.

— Как далеко на восток? — спросила она.

Крин озадаченно закусил губу. Ночью, конечно, можно идти по звездам, но это далеко не самый лучший путеводитель. Ему не улыбалось забраться на равнины, где живут варвары и ворзы. Поскорее бы вернуться в Даст, а лучший проводник к нему — дороги.

— Мы должны держаться возле караванного пути, — сказал он. — На равнине легко потеряться.

— Ты хочешь вернуться в Даст? — спросила Нош со странной ноткой в голосе.

— Даже если я не смог выполнить поручение лорда Ярта, он должен узнать об этом.

Девушка промолчала, словно не могла найти подходящих слов.

— Мы идем в Даст вместе! — добавил он твердо. Какой же мужчина позволит женщине, пусть даже Одаренной, отправиться в неведомые края одной?

— У меня только шесть Пальцев, Крин. Нужно найти еще четыре. Мои камни направят меня. — Она приподняла мешочек и продолжила: — Я знаю, что должна идти. Если они приведут меня к Дасту, так тому и быть. Но если они позовут меня в другую сторону, я пойду туда.

Юноша сдержался и решил не отвечать, пока не уляжется гнев. Какая глупость — бродить по свету с какими-то осколками в качестве проводника! Кто ее отпустит? Но лорд Ярт ждет, когда Крин исполнит обещание и привезет оружие. Нужно скорее дать ему знать, что затея провалилась.

С Высот накатывалась зима. И мятежникам предстоит встретить холодное время в грубых хижинах, а не в теплых пещерах. А припасы... Если охотникам не повезет настрелять дичи, то к весне им придется изрядно затянуть пояса. Едва ли провизии, которую они увезли из Казгара, хватит надолго. Хорошо, если они вообще благополучно доберутся до Даста. А что будет, если зимняя буря застанет их с Нош в степи, когда они будут искать эти проклятые камни? Те, кто не успел укрыться, не выживают и часа. Лучше переждать зиму в Дасте, чем шляться по заснеженным холмам. Какое-никакое, а убежище.

Крин решил, что пока они идут в одном направлении, спорить бессмысленно. Для начала им необходимо до рассвета отойти подальше от города, а утром где-нибудь спрятаться и отдохнуть.

В этой местности как будто не водились хищники вроде болотных волчаков. За несколько поколений горожане и жители окрестных сел истребили опасных животных. Против ожидания оказалось, что поля и пастбища тянутся на восток довольно далеко. Дважды беглецам приходилось прятаться от пастухов. Хорошо, что варгов трудно потревожить. Потому что эти крупные животные с рогами и острыми копытами в ярости делались опасны и остановить их могли только опытный лучник либо стая волчаков.

Пастухи, разъезжающие по пастбищу верхом, следили в первую очередь не за возможными хищниками, а за тем, чтобы варги не забредали на чужие участки. Если какой варг и учуял двоих путников, тайком пробирающихся вдоль кустарника, то не обратил на них внимания.

Когда они наконец добрались до последнего поля, ночь близилась к рассвету. Беглецы перешли на быстрый и равномерный шаг. Так привыкли передвигаться на большие расстояния мятежники, а Нош научилась ходить походным шагом во время их перехода в Даст. Но Крин понимал, что скоро придется искать какое-нибудь укрытие. Хотя они хорошо отдохнули в доме Леции, но такой темп долго выдержать не смогут.

В ушах свистел холодный ветер, который заставил путников завернуться в дорожные плащи, как только они выбрались из туннеля. Из высокой травы время от времени доносился писк какой-нибудь мелкой живности. Нош почувствовала, как под плащом завозился зарк. Она сказала Крину, что скоро нужно будет выпустить зверька поохотиться.

Наконец они наткнулись на овражек. Вокруг него поднималась густая трава, а сам овражек порос кустарником, так что в темноте они едва не прошли мимо. Крин сбросил свой мешок и плащ и скользнул вниз по склону. Но до дна не добрался, наткнувшись впотьмах на колючий куст. Он оцарапался и невольно выругался.

Юноша достал кинжал и начал прорубаться сквозь заросли, откладывая срезанные ветки в сторонку. Нош принялась ему помогать, хотя ей было велено оставаться на месте. «С ней спорить невозможно, — с горечью подумал Крин. — Вот и прекрасно, пускай получит свою порцию синяков и царапин!»

Его ожидания оправдались. Когда они прорубились к самому дну овражка, там оказался небольшой прудик. Когда-то, давным-давно, варги ходили сюда на водопой. Теперь пруд, который многие годы поил животных, почти высох и зарос. Когда наступало лето, варги приходили сюда, зарывались в грязь и спасались от невыносимой жары и безжалостных слепней.

Когда пруд высох, овраг зарос не только травой, но и густыми колючими кустами, необычными для открытой степи. Беглецы обрезали некоторые ветви и соорудили у самого водоема удобное убежище. Они поостереглись использовать воду из пруда. После дождей в низину стекались все ручьи, и едва ли эту воду можно было пить, не опасаясь за свое здоровье. Крин решил, что лучше утолять жажду водой из прихваченных бурдючков, и Нош одобрила его осторожность.

Они устроились на ночлег, почти бок о бок. Среди зарослей было слишком темно, чтобы видеть друг друга. Юноша услышал восторженный стрекот зарка. Видимо, Нош выпустила зверька из кармашка в плаще. Затем раздался шорох в траве — зарк отправился на охоту.

Вытянуться в полный рост не получалось, нужно было вырубить в зарослях больше свободного места. Но Крин вылез из укрытия и вскоре вернулся с охапкой травы, которую растелил на земле. Лежать стало мягче — ни корни, ни веточки не давили в бок. Они быстро обнаружили, что теплее всего лежать, прижавшись друг к другу. Крин подгрел девушку к себе. Нош повозилась, устраиваясь поудобнее в изгибе его тела. Сверху они накрылись плащами.

Видимо, девчонка заснула, как только закрыла глаза. Он слышал ее ровное дыхание. Но к юноше сон все не шел. У входа в убежище он оставил несколько сухих веток, так что подобраться к спящим незаметно будет нелегко. К тому же Крин почему-то был уверен, что часовые тут не нужны. Нош вздохнула и чуть пошевелилась. Юноша потянулся поправить сползший плащ и наткнулся на что-то, отозвавшееся в пальцах легким покалыванием. Он осторожно ошупал предмет. Мешочек... Да это проклятые Пальцы!

Эти обломки делали Нош непонятной и чужой. Ладно, он мог понять, что она искренне верит в свою Лиру. Тем более что до настоящего времени служители Лиры выгодно отличались от прислужников Единого. Но это не для него. Стараясь не разбудить девушку, Крин убрал руку.

И чем закончится ее миссия? Даже если она отыщет все Пальцы, разбросанные по свету, что она будет с ними делать? Говорит, что не знает. Даже если Дрин поделилась своими планами с лордом Яртом, он никому не рассказывал об этом.

Крина посетила неуютная мысль, что эту девчонку, одаренную необычной силой, в конце пути может ждать очень сильное разочарование. Но юноша понимал, что никто не убедит ее свернуть с намеченного пути.

И чего он беспокоится? Ему плевать на ее миссию! До того, как тлетворная вера в Единого расплзлась по его родной земле, соотечественники не особо спешили одарить богов и прочие силы своим вниманием.

А может, так все и было, когда Тьма охватила весь мир? Что в его роду знали о благом волшебстве? Крин не мог припомнить ни одной легенды о добрых богах. В его Доме все, кроме подпавших под влияние Единого, привыкли верить только в себя и свои силы. Он сомкнул пальцы на рукояти Дарующего Надежду. Воин должен полагаться только на себя и свое оружие. Иначе не выжить.

Девушка вздохнула и перевернулась, оказавшись к нему лицом.

Когда Крин еще жил в доме своего отца, его считали слишком юным, чтобы брать в город на развлечения. А когда он сделался мятежником, то женщин вообще близко не видел. Не считая Нош. Но юноша никогда не воспринимал ее как настоящую женщину, которую может возжелать мужчина. Даже сейчас, когда он чувствует ее дыхание на своей щеке... Нет, ни малейшего желания... Но юноша внезапно осознал, что точно так же, как он связан с лордом Яртом, он привязался к этой девчонке. Правда, это ненадолго — их пути скоро разойдутся.

Какая-то часть его существа воспротивилась этой мысли... и Крин безжалостно заглушил этот отголосок протеста. Видимо, последнее усилие утомило юношу окончательно, потому что он наконец заснул. Сквозь сон он почувствовал, как по плечу пробежались маленькие лапки, а затем он провалился в черное забытие, без сновидений.

Крин проснулся от холода. Сквозь ветви кустарника серело вечернее небо. Хмурое, неприветливое, нагоняющее уныние и непонятный страх. По степи гулял ветер. Когда юноша сел, то заметил, что на севере собираются тучи. Буря!

Нош не было. Но через минуту она спустилась в укрытие. Она уже успела закутаться в плащ, хотя ее заплечный мешок еще лежал рядом с травяной постелью. Лицо девушки пылало счастьем.

— Крин! — воскликнула она, хватая юношу за руку. — Мы должны идти...

Вторая рука ее скользнула под плащ, и Крин догадался, что Нош касается мешочка с Пальцами.

— Где-то рядом еще один! Он зовет!

Она махнула рукой на север.

Крин попытался собраться с мыслями. Он прежде не бывал в степи, но начиная с похода к Дасту успел повыспросить всех, живших на равнинах, о возможных опасностях в этих краях. Если те тучи на севере действительно несут с собой бурю, то попасть в нее на открытой местности — верная смерть. Остаться в этом овражке тоже нельзя, его мгновенно затопит потоками воды.

Стряхнув руку Нош и не слушая ее глупого бормотания, Крин встал и полез наверх. Ветер с севера крепчал. Идти навстречу грозе — это... это сушая глупость! Это...

Сзади зашуршали кусты — Нош выбралась за ним следом. На этот раз она не забыла свой мешок. Даже не взглянув на Крина, она направилась на север.

Крин закричал. Его гневный окрик остался без ответа. Юноша бросился в укрытие и поспешно собрал свои вещи. Какая идиотка! Но ему позарез нужно остановить Нош и заставить прислушаться к голосу разума.

Его задержка позволила Нош отойти на некоторое расстояние. Она шла, наклонившись, преодолевая сильные порывы ветра, норовящего сбить ее с ног. Плотно запахнув плащ, девушка шла навстречу буре. Как же заставить ее остановиться? Но сперва нужно догнать.

Крину казалось прежде, что он знаком с худшими природными явлениями, какие только могут подстергать род человеческий. Но этот ледяной ветер, не дающий сделать и шагу, был страшнее всего, с чем ему приходилось сталкиваться на Высотах. Он словно оказался игрушкой в руках невиданного великана, который щелчком сбивал крошечного человечка с ног, а под конец решил вогнать в стьюлую землю по самую макушку.

Глаз не открыть, сразу начинают слезиться. Нельзя потерять Нош. А девчонка как-то ухитрилась увеличить разделяющее их расстояние. Придется поспешить.

Нош тоже с трудом противостояла буре, но шла уверенно, словно видела перед собой некую невидимую для юноши цель. Под неистовую песню ветра Крин успел проклясть Лиру, Руки и каждый Палец по отдельности. Затем ему пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание.

Как только он наконец приблизился к девушке, случилось то, чего он и боялся. Началась настоящая буря. Небесные хля-

би разверзлись и обрушили на степь плотную пелену дождя. Плащи моментально покрылись ледяной коркой. Юноша до сих пор не мог подойти к Нош так близко, чтобы схватить ее за руку и остановить. Хотя что это даст? Укрытия здесь не найти. Может, стоит лечь на землю и укрыться плащами? Вряд ли это поможет. Холод проберет их до костей, и они насмерть замерзнут.

Прибитая к земле трава заледенела. Путники оскальзывались и теряли равновесие. А серое небо хмурилось все больше, быстро наливаясь чернотой. Нош продолжала упрямо стремиться вперед, словно ей светила путеводная звезда.

Крин начал задыхаться. Он поражался, как эта девчонка до сих пор держится на ногах. Он сам уже выбился из сил. Неужели ее поддерживают эти проклятые Пальцы? И гонят вперед... но куда?

Внезапно юноша осознал, что земля под ногами уже не покрыта травой. Ее совсем недавно перепахали под озимые. Значит, поблизости есть люди! Он едва не закричал от радости.

И в это мгновение Нош поскользнулась и упала на колени. Крин настиг девчонку, перебросил ее руку себе через плечо, подхватил и потащил вперед.

Навалилась тьма, хоть глаз выколи. Путники заметили препятствие, только когда наткнулись на него. Каменная стена немного сдерживала безумные порывы ветра, так что Кри-ну хватило сил пойти вдоль нее, шаря по камню онемевшими пальцами.

Вскоре он нащупал деревянную створку. Юноша провел по ней рукой вверх-вниз и быстро обнаружил простой засов на крючке. Он поднял крюк и распахнул дверь. Затолкав Нош внутрь, Крин ввалился следом. Пронзительный свист ветра сменился ровным гулом.

Извернувшись, он захлопнул дверь. Затем, придерживая ее бедром, пошарил вокруг. Нашупав сноп сена, он подпер им дверь — благо, ветер дул с противоположной стороны.

Судя по запахам, они нашли спасение в хлеву. Через минуту Крин услышал низкое мычание варга. Лучше всего держаться от животного подальше, незваные гости могут ему не понравиться. Оставалось надеяться, что он в стойле, но лучше не проверять.

Они в укрытии — уже хорошо. Но этого мало. Необходимо согреться, выпить и съесть чего-нибудь горячего и, конечно, сбросить промокшую одежду. Вот тогда можно считать, что они спасены. Крин поднялся и, пошатываясь, сделал несколько шагов, пока не споткнулся о недвижимое тело Нош. Не удержавшись, он рухнул на нее, едва успев немного извернуться, чтобы не зашибить девочку.

Нужно встать, двигаться, греться. Ни в коем случае нельзя поддаваться сонливости. Тогда точно конец!

Раздался скрип, и в глаза Крину ударил яркий свет, на миг ослепивший его. Проморгавшись, он смог разглядеть руку, держащую фонарь. Незнакомый прошел через не замеченную юношей дверь и поставил фонарь на высокий ящик.

К парню подошла женщина, одетая как крестьянка, которых он видел на казгарском базаре, в грубую сорочку и штаны. Ее волосы были спрятаны под чепцом, а морщинистое лицо выдавало преклонный возраст. Женщина поглядела на несчастных путников и заговорила.

Ее напевная речь отличалась от обычного говора неизвестным акцентом, но каким-то образом Крин сумел разобрать, что она говорит.

— Идти сможешь?

Он начал подниматься, опираясь о ближайший сноп сена, потому не стал тратить силы на ответ. Лучше умереть, но встать и пойти самостоятельно. Женщина, ничего больше не спрашивая, подхватила Нош под мышки и поволокла в дом. Крин подковылял к ней и даже поднял девочку за ноги, чтобы помочь занести ее в дом.

Они сразу же окунулись в тепло и свет. На столе горела лампа, а в углу жарко пылал очаг, распространяя по комнате волны тепла. Рядом стояло кресло с высокой спинкой, в него хозяйка дома и усадила Нош. Крин присел рядом, следя, чтобы девочка не свалилась на пол.

Женщина ушла в хлев за фонарем. Вернувшись, она встала над Крином и, уперев натруженные руки в бока, принялась разглядывать обоих потерпевших. Затем поманила юношу. Он устроил Нош поудобней и встал, хотя ноги еще дрожали и подгибались.

Хозяйка подошла к противоположной стене, где стоял выдавший виды деревянный сундук. Она подняла потемневшую от времени крышку, покопалась внутри и извлекла на свет кипу поношенной одежды. Захлопнув сундук, женщина свалила ворох одежды сверху, добавив к нему длинный грубый лоскут — видимо, полотенце. Затем она обратилась к юноше с краткой речью. Пожалуй, ей нечасто доводилось разговаривать с кем-то в этой глуши.

— Раздевайся, вытирайся, одевайся... потом к огню. Там суп.

Ни одного лишнего слова. Крин послушно исполнил ее приказание.

За его спиной женщина занялась Нош, и вскоре он услышал, что девушка разговаривает. Сознание того, что она жива, согрело его не меньше, чем мысль о супе, аппетитно булькающем в котле над огнем.

25

ТЕПЛО. Нош уже не надеялась когда-нибудь согреться. Было светло... горел огонь. Кто-то заслонил очаг и принялся черпать из котла, который висел над огнем. Затем этот кто-то подошел к Нош. Над девушкой склонилось морщинистое женское лицо с живыми яркими глазами.

— Горячо... но ты пей... ешь... поскорее.

В руки сунули миску. Нош опустила взгляд на ароматное, исходящее паром варево и только сейчас ощутила, как сильно ей хочется есть. Старушка куда-то пропала. Девушка была еще слишком слаба, чтобы повернуть голову и посмотреть, куда та делась.

Нош сидела в кресле, завернутая в залатанное, но чистое покрывало. Оно пахло травами. Нижнюю часть ее тела скрывала длинная юбка.

Оторвав взгляд от миски, она заметила у очага недвижимое маленькое тельце зарка. Неужели он умер? Кармашек в плаще был ненадежным укрытием в такую непогоду, а зарки Рифта отличались крайней теплолюбивостью. В холода они становились вялыми и спешили забиться в самые глубокие норы.

Слезы брызнули из глаз Нош. Она до крови прикусила нижнюю губу, чтобы не разрыдаться. Руки задрожали, и горячее варево в миске пошло волнами, едва не выплескиваясь ей на колени. Из-за высокой спинки кресла вышел ее недавний спутник.

Нош узнала его с трудом. Вместо кожаных одежд и кольчуги на Крине была грубая рубаха с множеством заплат. Правда, у прежнего хозяина этой рубашки руки были покороче, а плечи поуже. Крепкие запястья Крина выглядывали из рукавов, и ворот был распахнут на груди. А штаны не доходили до лодыжек босых ног.

Он подошел к Нош. Девушка показала пальцем на тарелку, для чего ей пришлось поставить миску.

— Он... он умер?

Крин опустил на колени и нежно погладил маленького зверька. Он тоже успел привязаться к существу, которое помогло им вырваться из плена.

— Дышит! Он отогреется.

Вновь подошла незнакомая женщина. Она подала Крину миску с варевом. Девушка поднесла край своей миски к губам и отхлебнула. Да, горячо, но язык не обжигает. Она проглотила. Суп был густым, он приятно прокатился к желудку, согревая Нош изнутри.

Откуда-то появилась деревянная ложка. Видимо, ее подала хозяйка, но девушка с такой жадностью набросилась на суп, что ничего вокруг не замечала. Она выпила бульон, а потом, уже неспешно, вычерпала гущу. Но когда показалось доньшко миски, веки Нош налились свинцом, движения стали вялыми и замедленными. С огромным трудом она заставила себя не смыкать ресницы. Девушка попыталась вспомнить, как она попала в эту комнату, но так и не смогла.

Подошла женщина и с неожиданной для ее возраста силой помогла Нош подняться и добрести до темного чуланчика, где на широком сундуке была разложена постель. Девушка легла, и усталость взяла свое. Хозяйка вышла и прикрыла за собой дверь, оставив узенькую щелочку.

Отсюда завывание бури казалось тихой, умиротворяющей песней. Сквозь сон Нош услышала, как зарк вскоре пробрался в постель и свернулся клубочком у изголовья.

Нош проснулась, внезапно охваченная страхом. Ей почудилось, что ее замуровали. Правда, на одеяле лежала тонкая полоска света. Неужели Марк снова их поймал? Затем девушка начала что-то припоминать. Зов, который едва не заглушила страшная буря... И этот зов привел ее сюда. Но куда?

Встревожившись, она села, протянула руку к светящейся щели и толкнула деревянную преграду. Дверь распахнулась, за ней открылась еще одна комната. В очаге горел огонь. Да, она вспомнила эту комнату, только прежде над очагом висел котел. Теперь посреди комнаты был стол, уставленный разными баночками и горшками. У стола какая-то женщина увлеченно и сосредоточенно месила тесто.

У самого очага лежал ворох одеял. Неожиданно одеяла зашевелились, из-под них вынырнул Крин. Он потряс головой, словно отгоняя какое-то неприятное видение или сон.

Нош выпуталась из своих одеял и привстала на кровати, которая на самом деле оказалась сундуком. Вместо привычной одежды на девушке была просторная сорочка из грубого полотна. Она ниспадала многочисленными складками — вероятно, ее шили для более крупной женщины.

Хорошенько размесив тесто, хозяйка свернула его калачом и положила на широкую деревянную лопату. В три шага она очутилась у очага. Открыв дверцу в каменной стене, женщина легким движением сунула тесто в духовку.

— Встали? — хрипло спросила она, обращаясь к обоим путешественникам сразу.

Нош слезла с сундука и задрожала, коснувшись босыми ступнями холодного каменного пола. Ее руки вспорхнули к груди. Да, мешочек с Пальцами на месте. Зарк выбрался из-под одеяла и вспрыгнул к ней на плечо. Девушка быстрым шагом направилась к огню.

Сорочка, в которую Нош нарядили, была слишком просторной, а вот у Крина наоборот. Его рубашка плотно обтягивала плечи и широкую грудь юноши. Он подобрал поближе разбросанные одеяла, чтобы Нош могла подойти к очагу. Но девушка сперва обратилась к хозяйке:

— Госпожа, мы в неоплатном долгу перед тобой. Этой ночью рука об руку с бурей шла смерть.

Женщина села на скамью и принялась нарезать какой-то корень огромным ножом, который уместней смотрелся бы в ножнах воина, чем на кухне.

— Да, — подтвердил Крин. — Мы чуть не погибли... этой ночью.

Или это был день? Черные тучи закрывали небо, превращая день в ночь.

Искрошив корень, женщина сгребла ножом кусочки в миску, которая стояла у нее на коленях. Она продолжала работать, словно на кухне кроме нее никого больше не было.

Нош заметила, что вдоль противоположной стены протянута веревка, на которой сушится одежда — и ее собственная, и Крина. Видимо, это жилище состояло всего из одной комнаты. А в углу лежала кольчуга и стоял, прислоненный к стене, Дарующий Надежду.

— Здесь чтят законы гостеприимства, — произнесла женщина, впервые выговорив не короткую, обрубленную фразу. — Для нуждающегося путника моя дверь всегда открыта.

Нош потрогала свой мешочек. Она не ошиблась — кристаллы нагрелись. Значит, где-то рядом еще один Палец. Девушка медленно оглядела комнату, но нигде не заметила ответного сияния.

— Ты едешь на охоту со степняками? — спросила женщина, обращаясь к Крину. — Здесь ты не найдешь ценной добычи. Но ветер разносит слухи о том, что за вами остаются кровь и пожары...

— Госпожа, — оборвал ее Крин. — Мы не из этой породы. И едва ли мы придемся им по вкусу.

— Для караванов не сезон, — заметила хозяйка, принявшись чистить другой корешок — красный и продолговатый. — Да и далеко отсюда до дороги. Так что вы за странники такие?

Нош встала напротив женщины и сказала:

— Госпожа, я хожу и ищу, а Наследнику пока со мною по пути.

Последний взмах ножа — и от красного корешка осталась кучка ровных кружочков. Но женщина не потянулась за следующим, а посмотрела прямо в глаза Нош.

— Ищешь? Что ты ищешь?

И Нош решилась. Она достала мешочек и показала вершущу одного из Пальцев. Как девушка и ожидала, камень засиял.

— Госпожа, он вел меня сквозь бурю, потому что почуял своего собрата. Который находится где-то здесь!

Хозяйка медленно поставила миску на стол, положила рядом нож. Затем ее натруженные руки сложились знакомым жестом — запястья вместе, пальцы разведены. Знак Лиры.

— Долго, очень долго, невыносимо долго, — тихо молвила она. — Но наконец ты пришла. Значит, Свет возрождается. Пойдем.

Она поднялась со скамьи и направилась к двери. Нош, не взирая на босые ноги, пошла следом. За ними увязался и Крин. Хозяйка вошла в хлев, который по местным обычаям примыкал к жилому дому. В стойле ворчал и жевал сено огромный варг. Нош достаточно навидалась этих животных, чтобы с первого взгляда узнать вожака стада. Теперь понятно, почему он окружен такой заботой.

— Стойте! — приказала женщина, поднимая руку. — Длинноносый не жалует чужаков. Он не раз уже сослужил мне добрую службу, когда сюда заявлялись незваные гости.

Она протиснулась в стойло и подошла к огромной рогатой голове. Как и все вожаки, на шее варг носил колотушку — деревянную коробочку с камешком внутри. Женщина потянулась к колотушке, и через мгновение в ее руке ослепительно засверкал Палец.

— Хороший тайник, — захихикала она. — Никто не осмелится подойти к Длинноносому, кроме меня.

Они вернулись на кухню. Женщина с прежней властью указала на лавку у стола. Палец она положила на середину столешницы. Он сиял ровным светом, окруженный баночками с сушеными семенами, мешочками с травами и горшками с кореньями.

— Садитесь, — приказала она. — Ешьте.

У огня на треножнике шипела сковорода. Там жарились оладьи. Хозяйка подала их на стол с каким-то вареньем, видимо сделанным из фруктов, часть из которых сушилась под прокопченным потолком. В кружки она налила разбавленного водой варжьего молока.

Нош обнаружила, что вновь успела проголодаться. Тем не менее за едой девушка не сводила глаз с Пальца. Да, тайник у него был действительно необычный.

Женщина больше не бралась за нож. Она впервые решила поговорить с гостями. Странники наконец сумели расположить ее к себе.

— Буря утихает. Три-четыре дня погода простоит неплохая. Куда вы направитесь отсюда?

Крин ответил вопросом на вопрос:

— Далеко до Даста?

— Даст! Если вам нужно туда, вы можете снова попасть в бурю. Смотрите...

Она отставила свою миску.

— Мы вот здесь. — Она ткнула пальцем в подливку и сделала метку на столе. — А Даст — здесь. — Она поставила новое пятно на некотором расстоянии от первого. — В холодный сезон верхом туда не доехать. Ну, так было всегда. Но недавно с той стороны налетели степняки. Здесь, — продолжила хозяйка, поставив третье пятно, — деревня... маленькая, на семь дворов. Она дальше к северо-востоку. Если вы хотите попасть в Даст, то мимо Жилы не пройдете. Благая Госпожа хранит деревню, так далеко степняки не забираются. Местные охотники хорошо знают дорогу к Дасту и проведут вас по кратчайшему пути.

— Но... госпожа, может статься, что мои поиски не приведут меня в Даст, — возразила Нош.

Женщина перевела взгляд с девушки на Палец.

— Есть такая легенда... очень старая легенда. Когда великое святилище Лиры было уничтожено и символ Ее силы разбился на осколки, Ее верные слуги взяли на хранение драгоценные Пальцы. Вероятно, эта часть легенды тебе хорошо известна?

Нош кивнула, и женщина продолжила:

— После поражения Лиры воспряли черные силы. Было решено, что хранители должны уехать подальше от святилища, чтобы их не могли выследить. Их осторожность оправдалась. Зло, которое ищет осколки и сейчас, не может — ни мыслью, ни силой, ни во плоти — проследить путь хранителей. Но они решили не встречаться, чтобы не выдать себя. Существует лишь один способ отыскать сокровища — Палец тянется к Пальцу, когда они оказываются рядом. Сдается мне, что те-

бе лучше направиться теперь на север. А поскольку начался сезон бурь, подумай хорошенько, прежде чем обходить Даст стороной.

Нош порывисто взяла хозяйку за руку.

— Кто ты? — прямо спросила девушка.

— Мое имя Раганат. Но что значит имя? Пустой звук. Моя жизнь истрепала его, истерла. И все же Лира благоволила ко мне — позволила укрыться и дожить до этого дня. Я спокойна, потому что исполнила свое предназначение. Выполняя свой долг, прислушивайся к зову сердца, но не забывай о мудрости. Зима будет суровой. Степняки свирепствуют пуще прежнего. Тьма подступает. Наверняка потому, что ты ходишь и ищешь. Неизвестно, по какой причине ты пошел вместе с ней... — добавила Раганат и умолкла, испытующе взглянув на Крина. — Возможно, дело не только в тебе. Я хочу сказать, что Госпожа никогда не скупится на вознаграждение для своих верных слуг. Может быть, в конце ваших странствий придет исполнение всех твоих желаний. Если вам нужно в Даст, вы попадете туда обязательно.

Нош внимательно слушала. Эта женщина оказалась такой же мудрой и сильной, как леди Леция д'Арси. И девушка понимала, что она дала хороший совет. Но знала, что если снова услышит зов, то не сможет не откликнуться, какая бы опасность ни подстерегала ее в пути.

Крин ничего не ответил Раганат, и Нош догадалась, что ему не понравились ее слова. Среди всех мятежников под предводительством лорда Ярта этот парень был самым упорным и непостижимым. Кто знает, вдруг его полное неприятие любого волшебства рано или поздно приведет к беде? Правда, госпожа Раганат почему-то считает, что он тоже избран для этой миссии.

Одежда еще не высохла, потому ее перевесили поближе к огню. Кожаные вещи сохли медленно. Крин присел на стул и принялся протирать кольчугу тряпочкой, вымоченной в масле. Он боялся, что после такого ливня металл может покрыться ржавчиной. Зарк объелся сушеного мяса и растянулся у очага, нежась в тепле. Его брюшко изрядно увеличилось после обеда. Нош предложила хозяйке свою помощь, но та отказалась. Видимо, Раганат никому не доверила бы приготовить в ее доме. По

комнате поплыл аромат свежеепеченного хлеба, смешиваясь с пряным запахом сушеных трав, развешанных под потолком.

Когда Крин закончил возиться с кольчугой и мечом, он вышел и вскоре вернулся с охапкой дров. Деревянные чурбачки были сложены штабелем вдоль внешней стены дома, одновременно защищая жилище от пронизывающих зимних ветров. Юноша подбросил дров в очаг, чем вызвал одобрительное ворчание хозяйки. Затем он присел у стола и начал изучать «карту», пока ее еще не успели вытереть.

Достав из-за пояса настоящую карту, которую вручила ему Леция, Крин убедился, что хозяйка не ошиблась. Правда, глава гильдии ничего не сказала о деревне Жила. Он отыскал селение на карте и обрадовался, увидев, что от него до Даста рукой подать.

Нош осталось найти всего три Пальца. Но разве это дело — отправляться куда глаза глядят, надеясь только на взаимное притяжение камней? А если их вновь настигнет буря? Юноша решил пустить в ход все средства убеждения и уговорить девчонку не рисковать и вернуться в Даст.

Они остались в доме Раганат еще на одну ночь. И в этот раз Нош убедила хозяйку спать на сундуке, а сама устроилась у огня, рядом с Крином. Девушка лежала и смотрела на постепенно затихающую игру пламени в очаге. В комнате витал мирный запах свежего хлеба, который они отведали на ужин.

Утром им предстоит вновь отправиться в путь. Раганат рассказала гостям о некоторых ориентирах, которых нужно придерживаться, чтобы благополучно попасть в Жилу. Ее история о хранителях кристаллов немного обескуражила Нош. Зато к совету направить поиски на север следовало прислушаться. Кроме того, один из Пальцев оказался в свадебном венце Софины, которая прибыла как раз из северных земель.

Наконец ее сморил сон. Но в эту ночь ей не удалось поспать спокойно. Неожиданно девушка оказалась в странном месте. Она ничего не видела вокруг, кроме зловещего шара, в котором кружилось пламя. Оно бушевало все сильнее, все неистовее... И зло, затаившееся в этом шаре, вырвалось наружу и начало расплзаться, как туман. Оно тянулось к Нош и хотело

поглотить ее. И самое страшное, что девушка понимала, — это все на самом деле. Где-то далеко черные силы ищут ее. Они растут, они крепнут и ждут, когда она попадет в их сети.

Во сне Нош напрягла все силы и вырвалась из этого страшного места. За ее спиной встала сияющая белая стена. Это один из Пальцев возвел огненную преграду и защитил ее.

Утром она не стала рассказывать об этом сне, он показался ей слишком смутным и неопределенным. Девушка принялась сердечно благодарить Раганат за все, что она сделала для них. Но крестьянка только отмахнулась.

— Все, что дашь странникам, вернется к тебе сторицей. Пусть над вами сомкнутся Руки и защитят от всего темного и злого.

Она не вышла проводить их. Зря Нош оборачивалась, чтобы помахать рукой их спасительнице.

И вот они снова в дороге, на этот раз их путь лежал к северо-востоку. Крину пришлось напряженно глазеть по сторонам, чтобы не пропустить ориентиры. На открытой местности он постоянно терялся и чувствовал себя не в своей тарелке.

26

ЗА ВЕСЬ СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ путешественники почти не разговаривали друг с другом. Они быстро пересекли несколько полей, примыкающих к домику Раганат. Нош поразились, как эта пожилая женщина справляется с такой тяжелой работой. Хозяйка ни разу не упомянула других домочадцев, и, судя по всему, давно живет одна.

Крин наконец заметил первый ориентир — груду камней у межи.

В придачу к своим заплечным мешкам оба путника несли холщовые мешочки с провизией, которые им дала Раганат, не желая слушать их возражений.

На открытых местах слабые солнечные лучи растопили ледяную корку на траве. За горкой камней начинались кусты, на которых еще остались ягоды. К счастью, холодный северный ветер утих. Стояла такая необычная тишина, что они слышали, как под ногами хрустят обледеневшие стебли травы.

К полудню местность начала подниматься, вдалеке замаячили деревья — передовой дозор леса, вторгшийся на равнину. Разбитое молнией высокое дерево было следующим ориентиром. Под ним путники сбросили мешки и сели перекусить. На обед были жаренные в масле пирожки. Даже остывшие, они оказались очень вкусными. Но воду приходилось беречь. Молодые люди позволили себе сделать только один глоток, чтобы промочить горло после еды. Раганат наполнила бурдючки, которые они прихватили еще в Казгаре, особым напитком на травах. Она сказала, что в холодный сезон он вкуснее и полезней любой родниковой воды.

Нош покормила зарка кусочками пирожка, поскольку в этой обледеневшей пустоши охота заведомо была обречена на неудачу. Тем более ему нельзя было долго оставаться на холоде, иначе зверек снова впал бы в оцепенение, которое и свалило его во время бури.

Они поднялись и перепаковали мешки. Крин вынул Дарующего Надежду, словно опасался, что в таком холоде меч мог примерзнуть к ножнам. Затем проверил, насколько надежно застегнут пояс.

Закончив с подгонкой снаряжения, путники вновь двинулись в путь, огибая рощу. Но не успели они отойти далеко от пораженного молнией дерева, как учуяли запах дыма. Они замедлили шаг, мгновенно вспомнив о прошлых ужасах, связанных с пожаром.

— Что-то горит! — воскликнула Нош, останавливаясь. Но пахло не только горящим деревом, а чем-то еще... И этот запах усилился.

Крин поднял руку. Этот знак разведчиков призывал к крайней осторожности. Они перебежали поближе к деревьям, хотя голая осенняя роща просматривалась почти насквозь. Затем беглецы замедлили шаг.

Крин что-то заметил под раскидистым кустом и сразу же выхватил меч. Ничего не происходило, и юноша опустил оружие, но возвращать его в ножны не стал. Раздвинув ветки, он увидел неподвижное тело, лежащее ничком. Кольчуга мертвеца была рассечена надвое. Страшный удар почти перерубил беднягу напополам.

Нош зажала ладошкой рот, чтобы не закричать. В нос ударил запах крови. Не выпуская меча из руки, Крин нагнулся и перевернул труп. Лицо убитого было в запекшейся крови, а пустые глаза бессмысленно уставились в серое небо. Бедняга был очень юным, почти мальчиком. Нош с ужасом заметила, что над трупом успели попить какие-то хищники.

— Не степняк, — отметил Крин, — лицо не разрисовано. Да и кольчуга не его, слишком велика.

Нош заставила себя опуститься на колени рядом с телом, хотя больше всего ей хотелось бежать отсюда подальше. Она взяла руку бедняги и принялась внимательно разглядывать. Ладонь была покрыта мозолями, а под обломанными ногтями скопилась грязь.

— Он крестьянин и привык работать в поле, — сказала Нош, бережно укладывая безжизненную руку на грудь мертвеца.

Крин выпрямился, все еще не сводя глаз с тела.

— Земля здесь... мерзлая. Мечом или ножом копать не получится. И камней нет, чтобы завалить его.

Он вспомнил могилу из камня, которую возвели над телом Эвина, чтобы до него не добрались волчаки.

Нош подняла взгляд на юношу. Она понимала, что он прав. Однако все ее существо восстало против того, чтобы оставить тело несчастного мальчика непогребенным, на растерзание диким зверям.

Но что им оставалось? Они пошли дальше, печальные и мрачные. Приходилось быть вдвойне осторожными, ведь юноша прибежал оттуда, куда они сейчас направлялись. Но сворачивать нельзя, ведь стоит сбиться с пути, как они потеряются на этих бескрайних равнинах и будут бесцельно блуждать, пока не погибнут во время следующей бури.

Еще несколько раз до путников долетал тревожный запах дыма. Крин крался впереди, Нош шла за ним по пятам. Наконец они вышли к какой-то речушке, настолько мелкой, что ее можно было назвать скорее ручьем. Прибрежная грязь была истоптана сапогами и копытами лошадей да так и замерзла. По ту сторону ручья начиналась хорошо протоптанная тропинка. Без сомнения, дорожка вела к Жиле.

Они не стали переправляться на тот берег, а пошли вдоль ручья, прячась за кустами и не теряя из виду тропинку. Время от времени Крин застывал и прислушивался. Но все было тихо, только поднимающийся ветер свистел в голых ветвях деревьев.

Затем кусты поредели. Крин шепотом приказал Нош сидеть на месте, а сам встал на четвереньки и пополз вперед. Девушка осталась ждть. Ее нервы натянулись до предела. Она вздрагивала от малейшего шороха веток. Крин дополз до открытой местности, дальше кусты заканчивались. Его взору предстала страшная картина смерти и разорения.

Впереди начинались поля, на которых успели взойти зеленые стебельки озимых. Но ближнее поле было истоптано копытами и превращено в застывшую грязь. Неподдалеку виднелось селение, вернее его руины. Поселяне прежде не бедствовали — дымящиеся и покрытые черной копотью стены когда-то были умело сложены из хорошего камня. Вероятно, в этих краях Жила считалась большим и богатым селением.

Но и сюда пришла беда. Какие-то безумцы разорили и подожгли все дома. Из обугленных хлевов тянуло горелым мясом — домашние животные не смогли вырваться на волю и погибли в пламени.

Смерть пришла в деревню сравнительно давно, возможно, пять-десять дней назад. Несколько домов и самый большой хлев до сих пор дымились. Но после пожара явно успела прогнестись буря. Видимо, в руинах сохранились горящие угли, которые потом снова раздул ветер.

Никого... Кроме стервятников. Чернокрылые падальщики с криками кружились над вымершим селом, они вдоволь попиروвали на этом страшном празднике смерти. Держась за кустами, Крин медленно встал. Выйти на открытое пространство — значило стать легкой мишенью. Но ведь необходимо проверить, не осталось ли среди развалин уцелевших или раненых жителей.

Даже во время набегов с отрядом лорда Ярта юноша не сталкивался с подобными кошмарами. Врагами мятежников были лишь церковь и Храмовники. И Храм никогда не выжигал селения дотла, он угонял жителей в рабство и грабил поместья.

Что толку медлить... Он либо идет туда, либо поворачивает обратно! И возможно, оставляет кого-то мучительно и медленно умирать среди руин. Крин наконец решился и бросился вперед, петляя на бегу — на случай, если по нему примутся стрелять из луков.

У первого дома юноша остановился. Желудок скрутило узлом, и к горлу подкатила тошнота. Полуобгоревшая дверь висела на одной петле. Определенно ее вышибли еще до пожара, но... к ней кто-то прибил длинными гвоздями... Крин повернулся и бросился прочь, не понимая, куда и зачем он бежит. Нет... нет, это не Храмовники... Здесь побывал сам дьявол!

Не оглядываясь на страшную дверь, он побрел к лужайке, вокруг которой стояло несколько домиков. Но на зеленой траве... Крин резко отвернулся, сложился пополам, и его стошнило. Юношу вырвало несколько раз подряд, пока в желудке ничего не осталось. Эти сволочи развлекались, им нравилось мучить и пытаться! Неужели это происходит не в кошмарном сне, а наяву?

Стервятники захлопали крыльями и, крича, опустились на лужайку. Они так увлеклись терзанием добычи, что не замечали стоящего рядом человека.

Здесь были сумасшедшие... люди не могли сотворить такое! Крин едва справился с бунтующим желудком. Он выпрямился и крикнул:

— Эй, кто-нибудь! Есть кто живой?

Парень сам не знал, почему закричал. Возможно, таким образом он пытался отогнать давящий ужас, который витал над разоренным поселком. Словно он хотел докричаться до мертвых и сказать, что пришел с миром.

Ответом были только вопли стервятников да рычание хищного зверя, похожего на волчка, который поспешил спрятаться в одном из сгоревших домов. Крин заставил себя пройти по селу, хотя это было самое тяжелое испытание в его жизни. Все мертвы — мужчины, женщины, дети... Дети! Крин резко отвернулся, не смея опустить взгляд на маленькие бездыханные тела.

Он слышал много рассказов о набегах степняков. Всадники никогда не оставляли за собой такого кошмара. Они нападали

на поселение, грабили и убивали тех, кто оказывал сопротивление... Но не мучили и не насиловали жителей.

Нош! Внезапно Крин вспомнил о своей спутнице. Она не должна этого видеть! Юноша решил провести Нош вокруг деревни. Они ничем не могут помочь, даже похоронить умерших.

Крин бегом вернулся к кустам на берегу ручья. Нош ждала его.

Девушка взглянула на его посеревшее лицо и спросила:

— Степняки?

Крин попытался загнать поглубже ужас и гнев, обуревавшие его.

— Нет, они не способны на такое. Это настоящие демоны... Не люди, а звери. Они... Нет, я не буду рассказывать, Нош, что я там нашел. Нормальному человеку лучше такого не видеть даже в кошмарах.

Девушка обеими руками прижала к груди мешочек с Пальцами. Она смертельно побледнела и сжалась, отчего стала казаться еще меньше... как ребенок... Нет! Нельзя думать о детях!

— Куда эти демоны поехали? — тоненьким голосом спросила она.

— Вдоль ручья. Туда, откуда мы пришли. На юг.

— Раганат! — вскричала Нош. — Мы должны предупредить ее!

— Нет, они поехали в другую сторону, на юго-восток. И прошло уже несколько дней. Они были здесь еще до бури, потому что их след покрылся льдом.

— Но они могут сделать круг, — возразила она. — Мы должны вернуться и предупредить ее.

— Нош! — сказал Крин, вернув меч в ножны и взяв девушку за плечи. — Послушай! Мы. Ничего. Не можем сделать. Если они поймают нас...

Юноша содрогнулся и сглотнул, борясь с подступившей тошнотой. Он представил Нош в руках этих нелюдей...

Девушка внимательно всмотрелась в его лицо. Затем сказала:

— Есть способ, Крин. Раганат происходит из рода служителей Лиры. Возможно, она способна чувствовать силу. Правда, я никогда такого раньше не делала. Я знаю, что ты ненавидишь волшебство и боишься всякой магии. Тем не менее ты

соприкасался с ним, когда забирал Палец, спрятанный жрецом в подземелье. Наверняка у тебя есть магическая сила, иначе бы мы не вырвались из замка Марка и не прорвали бы его защиты. Если ты чувствуешь, что у тебя не хватит сил, я не буду просить тебя о таком мучительном испытании.

Она помолчала.

— Хорошо. Пожалуйста, забудь свой страх и ненависть к тому, что я храню. Если ты поддержишь меня, возможно, мне удастся докричаться до Раганат. Если мы не можем вернуться к ней, то нужно хотя бы попробовать предупредить ее. Неужели ты хочешь, чтобы с ней случилась беда, как с жителями этой несчастной деревни?

Крин закусил губу. Магия... Он не может доверять, как Нош, этой силе. И все-таки девчонка права. Если у них есть шанс предупредить об опасности женщину, которая спасла им жизнь, то нужно попытаться. Он отпустил плечи Нош.

— Не доверяю я колдовству, но... делай, как считаешь нужным.

Юноша и не предполагал, что когда-нибудь сможет пойти на такую уступку.

Путники забрались в кусты, сели на траву и поставили заплечные мешки за спину. Нош развязала свою сумочку и вытряхнула все Пальцы. Они засияли, как солнце, приветствуя хозяйку, и девушка поверила, что у них все получится.

Она выбрала из кучки кристаллов Палец, который ей отдала Раганат. Он был крупным, так что Нош пришлось держать его обеими руками. Девушка крепко сжала драгоценный осколок.

— Закрой глаза, — приказала она Крину. — И постарайся вспомнить Раганат как можно лучше. Представь, что она стоит перед тобой. А потом возьми мои руки в свои.

Он покорился, хотя какая-то часть его существа продолжала сопротивляться происходящему. Юноше уже не раз приходилось убеждаться в действенности магии Нош, но тем не менее он сомневался, что из этой затеи что-то получится. Крин мысленно нарисовал образ крестьянки, сидящей за столом и рассказывающей о прежних временах.

Нош тоже пыталась вспомнить Раганат. Меж ее бровей пролегла сосредоточенная складочка. Их спасительница предстала перед девушкой как наяву.

Пальцы стали нагреваться. Даже сквозь закрытые веки Нош увидела разгорающееся сияние. Но она не позволила себе отвлечься.

Затем... Девушка собрала всю свою волю и послала ее вдаль, как копье, как стрелу с тетивы, летящую точно в цель.

И вновь увидела Раганат. Женщина сидела за столом. Картинка задрожала, и Нош напрягла не только свою силу, но и силу Крина, который согревал ее руки теплом своих ладоней. Девушка увидела, как крестьянка встревоженно вскинула голову, словно услышала чей-то оклик. Нош собралась с силами и послала к ней обостренное ощущение опасности. Призрачная Раганат встала из-за стола. В ее руке сверкнул кухонный нож. Женщина посмотрела прямо в глаза Нош, будто девушка стояла рядом с ней. Затем трижды кивнула.

Картинка подернулась рябью. Голову Нош пронзила острая боль, заныли пальцы. Она открыла глаза. Первое, что она увидела, было напряженное лицо Крина. Он сидел, крепко зажмурившись.

Силы покинули Нош. Она бессильно уронила руки, которые саднили, исколотые острыми гранями кристалла. Юноша открыл глаза. Его руки опустились на колени Нош, словно у него не осталось сил, чтобы поднять их.

— Мне кажется...— начала Нош, облизывая пересохшие губы, — кажется, что у нас получилось! Она... Я видела ее!

А вдруг это было просто видение?

Крин отодвинулся от нее. И внимательно принялся изучать свои руки, будто боялся, что кристаллы каким-то образом опалили его ладони.

Затем он перевел взгляд на Нош и криво усмехнулся.

— Дело сделано. Не будем терять времени. Нам нужно поскорее убраться отсюда.

Юноша четко давал понять, что не намерен обсуждать происшедшее, и Нош не осмелилась настаивать.

— За деревней есть один из ориентиров... — начала она, меняя неприятную для него тему разговора.

— А дальше? Те, кто знал дорогу к Дасту, погибли. Нам нужно найти укрытие. Лучше всего в таком месте, куда не смогут добраться всадники.

Он поднялся и пробрался через кусты к полю, за которым находилась деревня. Ручей оказался справа. Он был слишком мелким, а берега слишком низкими, чтобы под ними спрятаться. Крин сам не понимал, почему он так уверен в том, что эти демоны обязательно вернутся сюда. Может, на него настолько сильно подействовала кошмарная картина смерти и разорения?

Дальше к западу открылись пологие холмы, поросшие редколесьем. Не ахти какое укрытие, но не ночевать же на открытом месте. Крин указал на эти холмы и промолвил:

— Там и заночуем.

Но тревога его не покидала. Жила в руинах, а что происходит в Дасте? Вдруг эти нелюди напали и на поселок? Правда, там их встретили бы не беспомощные крестьяне, никогда не державшие в руке меч. И, в отличие от жителей мирной деревеньки, лорд Ярт наверняка выставил часовых. Крин знал, что его лорд опытный и талантливый военачальник.

Но вот как добраться до Даста? Единственное, что им известно, — Даст находится на северо-востоке отсюда. Обогнув деревню, нужно повернуть к востоку. Единственным ориентиром может стать караванный путь, по которому они добрались до Казгара. Но выходить на дорогу — последнее дело.

А пока придется идти на север, потому что поросшие лесом холмы хоть как-то могут скрыть путников от постороннего взгляда.

У Нош не нашлось возражений. Она не сказала, как сильно устала после мысленной связи с Раганат. Крин наверняка тоже вымотался, потому что шагал медленно. Когда они беспрепятственно добрались до первых деревьев, не замеченные никем, кроме стервятников, он сбросил мешок на землю и предложил перекусить. Нош жадно впилась зубами в хлеб. И заметила, что Крин ел неохотно, с трудом проглатывая пищу, словно съеденное просилось обратно.

Они шли до вечера, пока поля и деревня не скрылись из виду. Затем свернули немного к востоку и вскоре услышали журчание ручья.

Нош понимала, что о костре не может быть и речи. Путники натаскали сухих веток и ворох опавших листьев. Часть пошла на подстилку, часть — на невысокую загородку вокруг

лежбища. Внутри пришлось сидеть плечом к плечу, но девушка немного успокоилась — хоть какая-то защита.

Крин заявил, что ночью придется дежурить по очереди, и вызвался сторожить первым.

Сон Нош был тяжелым и глубоким, без сновидений. Слишком много сил ушло на поддержание мысленной связи с крестьянкой. Но девушка проснулась сразу, как только на ее плечо легла рука Крина. Нош села, обняв согнутые колени, чтобы юноша мог растянуться в полный рост. Непонятная тревога кольнула ее сердце, и Нош насторожилась.

Ночь катилась к рассвету, звезды начали тускнеть, а тревога... или некое странное ощущение не отпускало. Напротив, стало сильнее. Может, ее тянуло к разоренной деревне? Нет, скорее к тем дальним высоким холмам. Девушка бесцеремонно потрясла Крина за плечо. Еще не проснувшись окончательно, он потянулся к оружию.

— Нет! — воскликнула Нош, угадав его движение. — Все тихо... Но я должна идти! Я слышу зов.

Юноша попытался задержать ее, но девушка уже вскочила, подхватила свой заплечный мешок и бросилась во тьму. Кричу, чтобы найти дорогу, нужны ориентиры. А у нее был свой, внутренний проводник.

27

РЕЗКИЙ ТОЛЧОК едва не сбил Нош с ног.

— Дура! — зашипел Крин, ухватив девчонку за шиворот. — Куда ты несешься сломя голову? Ты разве знаешь, куда нужно идти?

Нош попыталась вырваться, но юноша только сильнее притянул ее к себе. Она вскинула голову и, прижав руки к мешочку, посмотрела ему прямо в глаза.

— Они знают, куда нужно идти! Я же сказала, что услышала зов! Разве они не спасли нас во время бури? Чего нам бояться на этот раз?

— Во-первых, — начал Крин, не отпуская девушку, — мы поедим. А во-вторых, идти будем медленно и осторожно.

На мгновение юноша пожалел, что не позволил ей увидеть ужасы Жилы — может, ума прибавилось бы.

— Если ты уже слышишь зов, он ведь не может прерваться, правда?

Нош помедлила с ответом. В ней боролись здравый смысл и необходимость следовать за зовом. Нет, связующая нить не может прерваться. Вот только сдерживать себя будет все труднее. Они сели и принялись доедать провизию, выданную Раганат. Отправив в рот последнюю пригоршню сушеных фруктов, Нош вывернулась из-под руки Крина и вскочила на ноги.

Юноша не стал задерживать ее. Он тоже встал, забросил за спину мешок и проверил оружие. В этой роще не было подлеска, так что путникам не приходилось продираться через кусты. Время от времени встречались валуны, поросшие мхом и подмороженным лишайником. Нош уже начала взбираться на высокий холм, когда ее нагнал Крин, до этого шагавший позади.

Он дернул девушку за руку. Нош рассердилась.

— Что...

— Тут кто-то был, — тихо произнес он. — Смотри!

Действительно, на земле виднелись следы копыт. Крин опустил на одно колено и внимательно исследовал один из отпечатков.

— Ушар, — заявил он. — И не один. Они прошли здесь несколько дней назад.

Юноша поднял голову и медленно оглядел местность. Затем быстро вскочил и, отойдя на пару шагов, поднял с земли длинный белоснежный волосок, различимый даже в предрасветных сумерках. Он понюхал находку и скривился, потому что ушары никогда не отличались приятным запахом.

— Да, несколько дней, — заключил он.

— Может, кому-то из жителей Жилы удалось спастись, — обрадовалась Нош.

Из разговоров казгарских купцов девушка знала, что ушары очень ценятся среди обитателей равнин. Эти животные редко производят потомство, потому их всегда окружают заботой и тщательно охраняют. Странно, что они оказались так далеко от села. Обычно стадо ушаров держали на специально огороженном пастбище. Правда, эти животные любили горную расти-

тельность. С рождения они отличались диким и независимым нравом, даже если вырастали в неволе.

Может, впереди находится еще одно селение? Вполне возможно, что туда и влечет ее зов кристаллов.

— Пойдем, — не выдержала Нош. — Ты не заметил, есть там следы сапог?

По крайней мере, Крин опытный следопыт и должен знать, ехал ли кто-то верхом на ушарах.

— Нет... только следы животных. Возможно, они просто вырвались из загородки и убежали из Жилы.

Но в голосе юноши звучало сомнение. И хотя он продолжал подозрительно оглядываться по сторонам, но больше не хватал ее за руку и не мешал идти вперед.

Зов не умолкал. Нош надеялась, что с каждым новым Пальцем радиус его действия увеличивается, так что она теперь способна почувствовать кристаллы на гораздо большем расстоянии. Решив, что так и есть, она немного замедлила шаг и послушно замирала по первому знаку Крина, чтобы оглядеться.

Они останавливались перед всеми открытыми участками дороги. Затем Крин проверял, все ли спокойно, а девушка, петляя из стороны в сторону, перебежала через встречающиеся поляны.

Гористая местность уже больше подходила для выпаса ушаров, хотя их любимые растения встречались пока нечасто. И чтобы прокормить даже небольшое стадо, пришлось бы изрядно попотеть, собирая драгоценную траву.

Подъем становился все круче. Впереди замаячила неровная кромка вершины. Но здешние холмы нельзя было сравнить с Высотами — склоны были более пологими и удобными для восхождения.

Следующий поворот тропинки вывел путников на широкую дорогу с глубокими колеями. Даже Нош, не столь опытная в чтении следов, как Крин, поняла, что недавно здесь прошло много тяжело груженных повозок. Колея сворачивала к западу, но некоторое время молодые люди шагали вдоль разъезженной дороги.

По сигналу Крина Нош спряталась за кустом, пока сам он отправился поглядеть, что находится впереди.

— Здесь ездили очень давно. Но лучше держаться от дороги подальше.

— Я не могу не следовать зову, — упрямо сказала Нош. — Можно не выходить на открытые места, но меня тянет в ту сторону.

Крин помрачнел еще больше.

— Хорошо, но только по лесу! — резко бросил юноша, и Нош поняла, что он разъярен.

Девушка пошла вдоль дороги. Вскоре она убедилась, что по этой дороге действительно давно никто не ездил. Поперек колеи лежало поваленное бурей огромное дерево.

Но путники не свернули и продолжали идти вдоль дороги. Неожиданно начался новый подъем. Тропинка, по которой они шагали, сузилась, а затем оборвалась, так что им волей-неволей пришлось вернуться к дороге. Миновав два вертикально стоящих камня, они оказались на краю огромной воронки. Внизу лежали обломки камней и умело стесанные глыбы. Видимо, это была каменоломня, где жители деревни добывали камень для постройки и ремонта домов.

На самом дне котловины что-то поблескивало — видимо, там был небольшой пруд. Неожиданно позади раздался перестук покотившихся камешков. Крин резко повернулся, выхватывая меч, и тут же начал заваливаться на спину. Меч выпал из его рук, а из-под шлема брызнула кровь.

Вскрикнув, Нош бросилась к нему и едва успела оттащить юношу от провала, куда он чуть было не ухнул. Она сбросила свой заплечный мешок и встала над телом Крина, со страхом ожидая новой атаки.

Сверху, из-под нависающего козырька скалы, посыпались камешки, раздался пронзительный свист, и все стихло.

Девушка подождала несколько бесконечных мгновений и лишь потом склонилась над Крином. При падении на землю его шлем перевернулся, так что лица юноши не было видно. Выбиваясь из сил, девушка оттащила раненого к дороге.

Затем, когда козырек скалы пропал из виду, она стащила шлем. Сперва Нош показалось, что ее друг умер. По его шее лилась кровь, стекая на плечо. Лекарства остались в ее мешке. Но сначала необходимо снять его заплечный мешок и закрыть тело Крина от врага. Ненадежное укрытие, но другого нет. За-

кончив, Нош вернулась к тому месту, где сбросила свой мешок. Девушка бежала, сжимаясь в комок при каждом шорохе. Она без особой надежды полагала, что таким образом будет не слишком удобной мишенью.

Подобравшись к мешку, она увидела, чем был сражен Крин — острым камнем. Взяв камень в руку, Нош сразу же сообразила, что его выпустили из пращи. Она сама охотилась с этим оружием, когда жила в Рифте. Девушка научилась владеть пращой в совершенстве, потому что от ее умения зависело, будет ли она вечером сыта или голодна. А дичь в тех краях водилась мелкая и очень шустрая.

Нет, всадники не стали бы использовать пращу. Отбросив окровавленный камень, Нош схватила свой мешок и побежала обратно к Крину.

Она стерла кровь с его лица кусочком мха. То ли враг был так умен, то ли по простой случайности, но камень просто расцарапал юноше скулу. Тем не менее, когда девушка сняла шлем и положила голову Крина к себе на колени, она обнаружила кое-что похуже. Падая, парень сильно ударился затылком о камни. Удар был так силен, что даже металлический шлем не выдержал.

Нош сразу же позабыла о врагах. Нужно было срочно заняться ранами Крина. Девушка опасалась, что целительница из нее никудышная. Левый глаз Крина начал заплывать. А ведь она даже не могла определить, сломана ли скуловая кость или нет. Нош оставалось только промыть рану и смазать ее лекарственной мазью.

Повреждения головы всегда очень опасны. Но когда девушка ощупала затылок Крина, то оказалось, что череп не пробит. Да, на ее пальцах осталась кровь. Но она, по крайней мере, не лилась ручьем, как из разбитой щеки.

Обработав раны, Нош огляделась. Ночь входила в свои права. Нужно было поскорее отыскать какое-нибудь убежище. Небо вновь начало хмуриться. Вероятно, приближается новая буря. Если она застанет путников на открытой местности, им конец. Но где спрятаться?

Тот, кто стрелял из пращи... Может, он присматривает за стадом ушаров? Они с Крином были при оружии. И тот человек мог подумать, что они принадлежат к отряду, напавшему

на село. Потому и запустил в них камнем. А вдруг он снова упадет? А может, увидев, что их всего двое, он просто убежал?

Страх, что на нее попытаются напасть, сразу же улегся. Но где найти укрытие на ночь? Крину нужно согреться. Повозившись с ранеными мятежниками из отряда Ярта, Нош прекрасно знала, что шок после ранения сам по себе опасен.

Она пододвинулась к юноше и взялась за мешочек с Пальцами. Они были теплыми. Ее осенило — тепло! Неизвестно, будут ли кристаллы действовать на кого-то другого. Но попытаться стоило. Девушка сняла мешочек и положила на грудь Крина. Затем выдернула шнур из мешка и привязала руки юноши так, чтобы они накрыли сумочку с Пальцами. После чего плотно закутала раненого в плащ.

Плевать на опасность, нужно развести костер. Если, конечно, его не загасит буря. Но сперва необходимо проверить, нет ли поблизости более удобного места для ночлега. Нош вернулась к каменоломне. В стенах воронки виднелось множество ям и впадин, откуда были выворочены самые большие глыбы. Но все они были открыты, а путникам больше подошла бы пещера. Да и ближайшая впадина была расположена довольно далеко... Нош попыталась взглядом измерить расстояние.

Нет, стащить туда Крина не удастся. Лучше устроиться под одной из глыб. И...

Что-то свистнуло в воздухе и, выбив сноп искр, ударилось о камни у ее ног.

— Убью! Не двигайся — убью! — заверещал тонкий перепуганный голосок. Нош окаменела.

Снова полетели камни — не прицельно, а явно для устрашения. Только начало смеркаться, хотя стены каменоломни уже затягивала ночная мгла. Сверху кто-то спускался, перепрыгивая с камня на камень с ловкостью зарка. Наконец незнакомец оказался напротив Нош. Он поднял пращу, готовый немедленно пустить оружие в ход.

Нош удивленно разглядывала маленькую фигурку. Да это всего лишь ребенок!

Грязные волосы, когда-то заплетенные в косицу или собранные в хвост, свисали нечесаными прядями вдоль худого

чумазого лица. На щеках виднелись светлые дорожки недавних слез.

Глаза, направленные на девушку, яростно светились. В них мелькал какой-то дикий огонек. Мальчишка оскалился, как загнанный в угол зверек, готовый сражаться до последней капли крови.

— Я не причиню тебе вреда... — промолвила Нош, вытягивая вперед пустые руки узнаваемым повсеместно жестом мира и дружелюбия. Вероятно, ее движение потревожило ящерицу, потому что зарк выскользнул из кармашка и вскарабкался ей на плечо.

Мальчишка заморгал и попятился. Он перевел взгляд на сверкающего зверька, который распустил алый капюшон и что-то встревоженно застрекотал в ухо Нош.

— Я... мы не причиним вреда, — повторила девушка. — Мы не степняки...

Она решила, что это уцелевший житель Жилы, с которым можно договориться. Нужно поспешить — поднимается ветер. Если не найти укрытия, Крин не переживет этой ночи.

— Ай-я-ло! — выдохнул мальчик и выронил пращу. Он задрожал и упал на колени, прижав ладони к глазам.

Нош не знала, что значит это странное восклицание. Может, какая-то местная молитва? Девушка осторожно сделала шаг вперед, затем еще один. Мальчик сжался в комок, но не убежал.

— Я не враг, — медленно произнесла Нош. — Я тоже прячусь от степняков.

А вдруг мальчик не понимает ее? Или понимает, но не верит? Девушка подошла к скорчившейся фигурке, осторожно наклонилась и погладила мальчишку по волосам. Бедняжка попытался втянуть голову поглубже в плечи. От ее прикосновения маленькое тело задрожало еще сильнее. А потом мальчик поднял голову. Нош рискнула откинуть с его лба свисающие пряди волос и уверенно встретила взгляд этих глаз. Дикий огонек в них погас, но тревога осталась.

— Меня зовут Нош, — сказала она. — Я твой друг.

Она протянула палец к зарку, и зверек лизнул его длинным язычком.

— Мы оба твои друзья. Но...

Налетел холодный порыв ветра, и Нош поняла, что время разводить церемонии закончилось. Нужно действовать, и действовать быстро.

— Вообще-то нас трое. Еще парень, и он ранен. Начинается буря... — добавила она, понимая, что местный житель наверняка разбирается в погоде на равнинах получше ее. — Мы должны где-нибудь укрыться...

— Я Ханка, — впервые подал голос мальчик. — Там есть одно место... внизу... где ушары.

Он показал куда-то вбок. Нош рискнула оглянуться и посмотреть в карьер. Да, ей даже удалось различить неприметную цепочку следов и почувствовать стойкий запах ушаров.

Но как доставить туда мужчину без сознания, с раной в голове? Ему же нельзя двигаться! У Нош опустились руки. Это все равно как если бы ей приказали срыть все холмы до самой равнины.

— Мой друг ранен, он не может идти, — сказала она. — И я не знаю...

Мальчик вскочил на ноги. С минуту он стоял, замерев, словно до конца не пришел в себя, затем пронзительно свистнул. Нош подошла к обрыву.

Может, нарубить веток и соорудить что-то вроде волокуши? Он может не выдержать, но ночь и надвигающаяся буря убьют его наверняка. Нельзя сдаваться, нужно бороться за его жизнь!

Вернувшись к месту, где она оставила юношу, Нош увидела, что Крин ворочается внутри своего плаща, пытаясь выпутаться из складок.

Девушка подбежала к другу. Он взглянул на нее снизу вверх. Непонятно, узнает ее Крин или нет.

— Что... — прошептал он и попытался приподняться. Испугавшись, что все лечение пойдет насмарку, Нош упала сверху и прижала его к земле. Ему нужно лежать, пока не...

Пока что? Нош задумалась, не зная, что предпринять. Если Крин полностью пришел в себя, значит, дело не так уж и плохо. Может, его даже удастся перевести в укрытие.

— Что ты делаешь? — окрепшим голосом промолвил Крин, пытаясь высвободиться из ее объятий, хотя ему определенно пока не хватало сил сбросить девушку.

— Начинается буря... мы должны идти.

— Мои руки... огонь... руки...

Неужели у него начался бред? Нош распутала плащ. Его руки до сих пор прижимали к груди Пальцы. Нош никогда не видела ничего подобного — фаланги пальцев просвечивали сквозь горящую розовую плоть.

Девушка выхватила мешочек с кристаллами, повесила на шею и принялась рассматривать его пальцы. Никаких следов ожогов. Она облегченно вздохнула. Неужели это волшебная сила Пальцев привела Крина в чувство? Дрин ничего не говорила о их целебных свойствах. Но Лира наверняка могла исцелять... она дала жизнь самому Рифту. Видимо, это один из даров Лиры.

Неподалеку раздался топот. Нош оглянулась. По дороге шли двое ушаров, а между ними шагал мальчик, уже без пращи. Нош никогда не видела таких больших зверюг. Девушка и не знала, что они могут достигать таких размеров.

Пастушок направил животных к Крину. Ему пришлось встать на цыпочки, чтобы придержать ушаров за холки. Над Нош склонились две огромные головы на длинных шеях.

— Башар и Брит, — представил зверей мальчик, кивнув сперва на одного, затем на другого. — Вот он, — на этот раз он кивнул на Крина, — может идти между ними и держаться за спины.

Юноша фыркнул. Он опять попытался встать. Им предложили невероятный выход из положения, но что остается?

Нош забросила на плечи оба мешка и подняла Дарующего Надежду. Она сунула зарка обратно в потайной кармашек, не обращая внимания на его возмущенное чириканье. Каким-то чудом ей удалось поднять Крина на ноги. Девушка пришла к выводу, что ей помогли кристаллы, потому что своих сил явно не хватило бы.

Наконец маленький караван двинулся в путь. Мальчик шел впереди, указывая дорогу, за ним мерно вышагивали два ушара, между которыми молча ковылял Крин. Процессию завершала Нош. Свой мешок она несла на плече, а криновский пришлось уже волочь за собой.

Вскоре они свернули на неприметную тропку и, когда грозовые тучи полностью заволокли небо, добрались до сложеного из камней хлева. Крыша домика была обшита дранкой.

В хлеву, из которого разило терпким звериным запахом, оказалось еще шесть ушаров. Было тесно, но пастушок отогнал их в угол, чтобы освободить для Крина пространство. Юноша сразу же рухнул на земляной пол. Нош затащила внутрь мешки. По крыше забарабанили первые капли начинающегося ливня.

28

НОШ УДИВИЛАСЬ, когда в хлеву затеплился свет. Поднявшись на цыпочки, мальчик зажег помятый фонарь, стоящий на высокой полке. Сперва девушка хотела возразить, но потом сообразила, что этот дом надежно спрятан среди скал, так что свет их не выдаст. Тем более начинающаяся буря загонит в укрытия всех, кто бродит в округе.

Хотя фонарь едва теплился, Нош сумела разглядеть хлев получше. Ушары сгрудились в дальнем конце, за поперечной жердью. Видимо, это было их обычное стойло. Животные опустились на колени и принялись пережевывать жвачку.

За ушарами заботливо ухаживали — в хлеву был не только фонарь, но и очаг. Пастушок занялся разведением огня, он ломал ветки и умело укладывал их в очаг. Мальчик достал из-за пазухи кресало. С первой же попытки оно выдало целый снопок искр. Дрова вспыхнули и разгорелись ровным и мощным пламенем.

Нош расстелила плащ Крина на земле и помогла юноше устроиться на этом убогом ложе, сунув ему под голову заплечный мешок.

Он пробормотал что-то бессвязное, вероятно, снова погружаясь в забытие. Нош не разобрала ни слова. Она накрыла друга своим плащом, который оказался слишком коротким. Затем девушка принялась проверять снаряжение и через минуту уложила Дарующего Надежду рядом с хозяином. Она потеряла ноющее плечо, на котором несла тяжелый меч от самой дороги.

Мальчик отошел от очага и начал раздеваться. Размотал и сложил длинный шарф грубой вязки. Сбросил кожаную куртку, явно сшитую на более крупного мужчину, и остался в обвисших штанах и свободной рубашке. Он посмотрел на Нош,

достал из щели в стене гребешок с несколькими сломанными зубцами и принялся расчесывать спутанную гриву волос. И вскоре перед Нош предстала девочка — не старше ее самой в те дни, когда она встретила в Рифте с Дрин. И за спиной этого ребенка остался такой же кошмар, какой успела пережить маленькая Нош.

— Ханка, — обескураженно произнесла девушка, не зная, как подступиться к пастушке. Хотя причесавшаяся девочка уже не казалась перепуганной беженкой из Жилы. — Ханка, ты из этой деревни?

Может, где-то рядом есть еще одно поселение, куда степняки не успели добраться? Правда, первый окрик Ханки доказывал: она прекрасно знала, что вооруженные чужаки очень опасны.

Девочка ничего не ответила. Она потянулась в закуток позади очага, достала сумку, сплетенную из высушенных степных трав, и принялась перебирать ее содержимое. На свет появился ломоть черного, как земля, хлеба. Такой пекут в самых бедных домах. За хлебом последовало высохшее мохнатое тельце какого-то зверька, похожего на обычную крысу.

Зарк зашевелился в своем кармашке и запросился на волю. Нош приподняла пелерину, и ящерица выскользнула наружу. С минуту зарк сидел на ее коленях, а затем молниеносно бросился вперед и вцепился в мохнатый бок мертвого зверька.

— Нет! — воскликнула Нош, хватая ящерицу. Она испугалась, что девочка примется отстать свою добычу, а зарк разозлится и ужалит ее. Но Ханка продолжала сидеть смирно. В ее глазах появилось заинтересованное выражение, когда она увидела, что ящерица пытается украсть ее припасы.

— Это что? — спросила Ханка, подняв взгляд на Нош.

— Это зарк, горная ящерица, — ответила та, обрадовавшись, что нашлась тема, которую девочка готова поддержать.

— Зарк, — повторила пастушка. Она заворуженно следила, как зверек с наслаждением обгладывает тушку. Видимо, он успел истосковаться по мясу.

Поскольку Ханка достала свою провизию, Нош начала выкладывать их собственные запасы. Пирожки Раганат уже закончились, зато остались сушеные фрукты и сушеное мясо, которое, прежде чем есть, нужно было разрезать на кусочки.

Были еще сухие корешки. Нош насадила их на палочку и подвинула к огню, чтобы поджарить.

— Вы... — начала Ханка, окинув взглядом это богатство. — Вы почему пошли на верхнее пастбище? Это время бурь... Плохое время.

Впервые с той минуты, как Крин был ранен, Нош вспомнила о своей миссии. Она вытащила из-за пазухи мешочек с Пальцами. По комнате разлилось яркое сияние, поглотившее свет фонаря и очага.

Нош ожидала, что девочка испугается. Но Ханка просто разглядывала полыхающий волшебным светом мешочек. Затем указала на него грязным пальцем с обломанным ногтем:

— А это что?

Нош замялась. Что с того, если она покажет ребенку то, что давным-давно не видели люди? Она вытряхнула кристаллы на ладонь и разложила по полу в ряд. Они горели ровно и ясно, а тепло чувствовалось даже на расстоянии.

— Ах-х-х! — выдохнула Ханка, благоговейно и слегка удивленно. Да, она явно была удивлена и обрадована.

Девочка вскочила и подбежала к стойлу, в котором полулежали утомленные ушары. Из угла она достала пастушеский кнут, потертый и истрепанный. В рукояти что-то блеснуло.

Девочка вернулась на свое место у очага и протянула Нош сверкающую рукоять хлыста. Еще не разглядев предмет, который испускал сияние, Нош знала, что наконец нашла то, что притянуло ее сюда. На деревянной рукояти хлыста блистал Палец, закрепленный металлическими полосами.

— Лира...

Нош опешила. Откуда эта маленькая пастушка знает о Пальцах? Она медлила, боясь взять в руки хлыст. Ей казалось, что владелец должен сам передать ей кристалл.

— Руки...

Девушка сложила руки традиционным приветствием слушителей Лир. Ханка радостно закивала и вновь протянула хлыст. Нош только этого и ждала. Она вытащила свой нож, который носила за поясом, и осторожно отогнула железные полосы, удерживающие камень. Ханка крепко держала хлыст, пока девушка трудилась над освобождением кристалла. Наконец Палец вывалился из гнезда. Нош не успела подхватить его,

но камень без всякого вреда для себя упал на своих собратьев. Раздался нежный хрустальный звон. Пальцы Лиры ответили непривычно яркой вспышкой света.

Сзади раздался сдавленный стон. Нош обернулась. Крин сбросил покрывало и трясущимися пальцами обхватил свою голову. Затем открыл глаза. Хотя он смотрел прямо на нее, девушка каким-то образом поняла, что он ее не видит.

— Лира... — эхом повторил он за Ханкой. Он бессильно уронил руки вдоль тела. Затем взгляд его стал более осмысленным, и, судя по всему, он узнал Нош.

— Колдовство, — медленно и отдельно произнес юноша с обычным презрительным оттенком. — Колдовство... сила!

— Это сила света, — сказала Нош, отодвигаясь в сторону, чтобы он увидел сияющие камни.

Крин повернул голову. Зажмурился, затем снова открыл глаза. Когда он заговорил, его голос зазвучал с прежней силой.

— Ты добралась до цели, Нош.

— До очередной цели, — добавила она, затем повернулась к Ханке. — Спасибо тебе, сестрица...

— Эйлин завещала хранить его, пока за ним не придут. Вот Джосс хранил... потом Янкин... Были сны. — Она запнулась. Ее лицо исказилось, словно она хотела закричать, но потом опомнилась. — Янкин сказал мне... отведи в горы стадо ушаров и не возвращайся. Берегись людей... демонов в плащах... Как ты, — кивнула она Крину. — Как он. У них лица раскрашены. А у тебя нет.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Пять дней назад Янкин вернулся очень рано, сказал всем, что там смерть. Все сказали, что поздно для степняков. Он сказал, что пойдет посмотреть... и отдал это Ханке. — Она потрясла в руке хлыст. — Я помогаю Янкину. Ушары... они как я. Потому я свистнула ушарам Янкина, они ответили мне. И рано-рано мы пошли в горы. Этот дом сделал Янкин, чтобы прятаться от грозы. — Она вздохнула. — Я оставила ушаров тут и пошла к дереву. Высокому. Залезла и начала смотреть... далеко видно. А там огонь, все горит, и чужие люди на конях. Я вернулась... но ушарам надо есть... а тут травы не запасено. Я отвела их в долину, где есть такая трава. Пока они ее едят,

Были еще сухие корешки. Нош насадила их на палочку и подвинула к огню, чтобы поджарить.

— Вы... — начала Ханка, окинув взглядом это богатство. — Вы почему пошли на верхнее пастбище? Это время бурь... Плохое время.

Впервые с той минуты, как Крин был ранен, Нош вспомнила о своей миссии. Она вытащила из-за пазухи мешочек с Пальцами. По комнате разлилось яркое сияние, поглотившее свет фонаря и очага.

Нош ожидала, что девочка испугается. Но Ханка просто разглядывала полыхающий волшебным светом мешочек. Затем указала на него грязным пальцем с обломанным ногтем:

— А это что?

Нош замялась. Что с того, если она покажет ребенку то, что давным-давно не видели люди? Она вытряхнула кристаллы на ладонь и разложила по полу в ряд. Они горели ровно и ясно, а тепло чувствовалось даже на расстоянии.

— Ах-х-х! — выдохнула Ханка, благоговейно и слегка удивленно. Да, она явно была удивлена и обрадована.

Девочка вскочила и подбежала к стойлу, в котором полулежали утомленные ушары. Из угла она достала пастушеский кнут, потертый и истрепанный. В рукояти что-то блеснуло.

Девочка вернулась на свое место у очага и протянула Нош сверкающую рукоять хлыста. Еще не разглядев предмет, который испускал сияние, Нош знала, что наконец нашла то, что притянуло ее сюда. На деревянной рукояти хлыста блистал Палец, закрепленный металлическими полосами.

— Лира...

Нош опешила. Откуда эта маленькая пастушка знает о Пальцах? Она медлила, боясь взять в руки хлыст. Ей казалось, что владелец должен сам передать ей кристалл.

— Руки...

Девушка сложила руки традиционным приветствием слушателей Лир. Ханка радостно закивала и вновь протянула хлыст. Нош только этого и ждала. Она вытащила свой нож, который носила за поясом, и осторожно отогнула железные полосы, удерживающие камень. Ханка крепко держала хлыст, пока девушка трудилась над освобождением кристалла. Наконец Палец вывалился из гнезда. Нош не успела подхватить его,

но камень без всякого вреда для себя упал на своих собратьев. Раздался нежный хрустальный звон. Пальцы Лиры ответили непривычно яркой вспышкой света.

Сзади раздался сдавленный стон. Нош обернулась. Крин сбросил покрывало и трясущимися пальцами обхватил свою голову. Затем открыл глаза. Хотя он смотрел прямо на нее, девушка каким-то образом поняла, что он ее не видит.

— Лира... — эхом повторил он за Ханкой. Он бессильно уронил руки вдоль тела. Затем взгляд его стал более осмысленным, и, судя по всему, он узнал Нош.

— Колдовство, — медленно и отдельно произнес юноша с обычным презрительным оттенком. — Колдовство... сила!

— Это сила света, — сказала Нош, отодвигаясь в сторону, чтобы он увидел сияющие камни.

Крин повернул голову. Зажмурился, затем снова открыл глаза. Когда он заговорил, его голос зазвучал с прежней силой.

— Ты добралась до цели, Нош.

— До очередной цели, — добавила она, затем повернулась к Ханке. — Спасибо тебе, сестрица...

— Эйлин завещала хранить его, пока за ним не придут. Вот Джосс хранил... потом Янкин... Были сны. — Она запнулась. Ее лицо исказилось, словно она хотела закричать, но потом опомнилась. — Янкин сказал мне... отведи в горы стадо ушаров и не возвращайся. Берегись людей... демонов в плащах... Как ты, — кивнула она Крину. — Как он. У них лица раскрашены. А у тебя нет.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Пять дней назад Янкин вернулся очень рано, сказал всем, что там смерть. Все сказали, что поздно для степняков. Он сказал, что пойдет посмотреть... и отдал это Ханке. — Она потрясла в руке хлыст. — Я помогаю Янкину. Ушары... они как я. Потому я свистнула ушарам Янкина, они ответили мне. И рано-рано мы пошли в горы. Этот дом сделал Янкин, чтобы прятаться от грозы. — Она вздохнула. — Я оставила ушаров тут и пошла к дереву. Высокому. Залезла и начала смотреть... далеко видно. А там огонь, все горит, и чужие люди на конях. Я вернулась... но ушарам надо есть... а тут травы не запасено. Я отвела их в долину, где есть такая трава. Пока они ее едят,

то далеко не отходят. Я вернулась к дереву и смотрела. Никто не вышел из деревни. Вот пока только вы.

— Янкин был твоим братом? — мягко спросила Нош.

— Я безродная, — покачала головой Ханка. — Давно в деревню пришла женщина. Она не сказала, кто она и откуда. С ней была корзина, а там ребенок. Она больная была, умерла. Меня оставили в одном роду, потом в еще одном, потом еще. Янкин... он сын старейшины. Он видел меня с ушарами и знает, что они меня любят. Ушары любят не всех. Если тот, кого они не любят, ведет стадо, они его не слушаются. Потому он меня и взял.

— Значит, это Янкин рассказал тебе об этом, — сказала Нош, дотронувшись до нового Пальца.

— Это тайна. Люди смеются... старый хлам... никакой пользы. А он сказал мне... он верил, что это важно. И он оказался прав!

Девочка вновь умолкла. Она продолжала поигрывать хлыстом, уставившись в пламя очага. Затем снова заговорила, бросив на Нош смущенный взгляд.

— Янкин сказал, чтобы он был у меня. Когда мы выходили из деревни, он отдал его мне. Он показывал всякие штуки. Ушар раз упал на камни, поранился. Кровь пошла. Я приложила вот это, и он выздоровел. Ни шрама, ни царапины. Когда буря, держи при себе камень. Будет светло. Но люди в деревне не знали, они думали, что это старая, непригодная штука. Пастухи передавали ее друг другу. Может, думали, талисман на удачу. Я знаю, что это так и есть. Янкин сказал, что за камнем придут. И тому пастуху, что передаст его, будет большая удача. Вот, госпожа, ты нашла меня, а я тебя. Значит, этот камень и вправду приносит удачу.

Нош медленно кивнула. Такого хранителя Пальца она встречала впервые. Был скелет в горах, пролежавший там много-много лет, затем был свадебный венец Софины. Странно, что жена купца, питая открытую неприязнь к Нош, позволила отдать ей камень.

Потом было заброшенное святилище. Крин и зарк помогли ей получить желаемое сокровище. Замученный жрец, оставивший Палец в тюремной камере на хранение Крину. Затем Леция, к которой им просто пришлось обратиться за помощью,

потому что не было другого выхода. Они получили не только помощь, но и следующий Палец. Затем — буря, и Раганат. Девушка надеялась, что с крестьянкой все в порядке. Но...

Эта встреча! Нош вспомнила, как была безродным несчастным ребенком, когда ее подобрала и обучила Дрин. Вот теперь перед ней сидит другое беспомощное и несчастное дитя, одинокое и никому не нужное... кроме Янкина, который хотя бы относился к девочке не как к пропащему человеку. Когда Крин встанет на ноги, они ни за что не оставят малышку в этих глухих местах.

Для степняков поздно... Возможно, они еще вернутся. Ушары могут привлечь крупных хищников... Но когда они снова тронутся в путь, то непременно прихватят девочку с собой, даже если потом придется искать, где ее пристроить. Даст... Крин так хотел вернуться в Даст!

Едва ли лагерь мятежников подходит для сироты. Но в нем командует лорд Ярт, так что Ханка будет в полной безопасности.

Пожалуй, Крин был прав. Нужно идти на восток, отыскать караванный путь и вернуться в Даст. И поскорей, пока бури не сменились холодными зимними метелями.

— Пора есть, — сказала Ханка, пододвигая прожарившиеся коренья. От них шел аппетитный аромат. Девушка сняла корешки с палочки, на которой они жарились.

Зарк устроился возле огня, сдвинув недоеденную тушку себе за спину. Его брюшко раздулось. Зверек лежал, положив голову на передние лапки, и сыто жмурился.

Нош положила несколько корешков на плоскую деревяшку, которую ей дала Ханка, и направилась к Крину. Она провела рукой по его волосам и лбу, стараясь не касаться раны на щеке. Левый глаз заплыл окончательно, зато правый открылся легко.

— Что...— начал он.

— Лежи, — приказала Нош не терпящим возражений голосом, каким обычно обращался к раненым лекарь Лайон. — Ешь...

Она поправила мешок под его головой. Когда он протянул руки к блюду, Нош увидела, что они дрожат, и покачала голо-

вой. Затем присела рядом и принялась кормить его, поддевая кусочки острием ножа. На удивление, Крин не протестовал.

Но девушка заметила, что жует он с трудом. Видимо, рана на щеке давала о себе знать. Он съел всего лишь пару кусочков мяса с фруктами, а затем отрицательно покачал головой. Зато жадно выпил немного настоя из трав, который налила в бурдючок Раганат.

Когда юноша поел, его сознание достаточно прояснилось, чтобы он заинтересовался происходящим. Нош вкратце объяснила, что случилось.

— Я помню, — медленно промолвил Крин. — Эти звезды...

— Они тоже здесь, — сказала Нош, кивнув в сторону стойла. — И пастушка, Ханка.

Нош поманила девочку пальцем, и Ханка встала так, чтобы Крин мог увидеть ее.

— Из Жилы? — спросил он.

— Да. Им было предостережение... сон. Но Сновидцу не поверили. Он отправился на поиски доказательств и не вернулся.

Внезапно Нош вспомнила молодого парня, которого они нашли в лесу. Вдруг это и был Янкин?

Затем она пересказала историю Ханки. Когда Нош протянула руку, пастушка вложила ей в ладонь хлыст, который долгие годы хранился в этой деревне.

— Так что зов не обманул меня, — закончила Нош. — Осталось найти всего два...

Крин вздохнул и поудобнее пристроил голову на мешке.

— Прошу тебя, Одаренная, не начинай новую охоту... прямо сейчас.

И к своему удивлению, девушка заметила, как его губы тронула легкая улыбка. Правда, он смог улыбнуться только одним уголком губ.

— Нет-нет, не сейчас, — поспешила ответить Нош, складывая Пальцы в мешочек. Но вешать его на шею она не стала. Он слишком раздался, чтобы его можно было спрятать за пазухой. Девушка положила мешочек рядом с головой Крина. Так, чтобы он не касался щеки юноши, но лежал неподалеку. Она ждала взрыва возмущения.

Не поворачивая головы, парень покосился на мешочек.

— Я изучаю, что может делать заключенная в них сила, — объяснила Нош. — Ханка сказала, что она исцеляла ушаров. И...

Она помолчала, накрыв мешочек ладонью.

— Когда я уходила на разведку, то оставила их с тобой. У тебя был шок, а лекари говорят...

— Ты и вправду в это веришь? — прошипел он.

— Да, — кивнула она. — Потому и прошу тебя. Пусть этой ночью они будут рядом с тобой. Клянусь... кровью, если пожелаешь... что они никогда не причинят тебе вреда! Скорее наоборот, помогут. Даже такому неверующему упрямцу, как ты!

Последние слова она произнесла более мягко и улыбнулась.

— О, иди и поешь, Одаренная, — ответил он, криво усмехнувшись. — Можешь оставить свое сокровище, где пожелаешь. Я не буду возражать.

Ханка нырнула в стойло к ушарам и притихла. Когда Нош подняла фонарь повыше и искала ее взглядом, то обнаружила, что девочка прикорнула между теплыми мохнатыми телами и положила голову на спину ближайшего животного. Вероятно, она не раз уже ночевала в компании своих подопечных.

Нош погасила фонарь, опасаясь, что масло выгорит слишком быстро. Затем подкинула в костер несколько веток. Она прилегла рядом с Крином, накрывшись своим плащом. Мешочек с тлеющими Пальцами оказался между ними. Через минуту прибежал зарк и забрался в привычное убежище. Нош закрыла глаза и прислушалась к буре, которая бушевала за стенами хлева. Пастухи выстроили домик добротнo, внутрь не проникало ни капли дождя и по полу не тянуло сквозняком.

29

КРИНА РАЗБУДИЛ страшный шум. Юноша дернулся, пытаясь выпутаться из-под плаща, но голова взорвалась дикой болью, и он рухнул обратно на подушку. Гвалт и шум нарастали. Голова Крина раскалывалась на части. Он высвободил руки и хотел зажать ладонями уши. Но, ко всем несчастьям, невзначай шлепнул себя по левой щеке.

К шуму прибавился пронзительный свист, а затем высокий девичий голос. Крин обнаружил, что один глаз не желает открываться, зато второй цел. Юноша уставился в потолок. Ага, он в каком-то доме. Но гомон и боль в голове мешали сосредоточиться и вспомнить, как он сюда попал. Над ним склонилась Нош.

— Это ушары, — пояснила она. — Они хотят выйти на пастбище. Если я помогу тебе, ты сможешь отодвинуться?

Какая-то часть сознания поразила: «Ушары?», но второй части хватило осознать смысл вопроса и утвердительно взмахнуть рукой. Нош помогла ему отодвинуться к стене.

— Давай, Башар! — завопил невыносимый голос. Огромная четвероногая туша прошла совсем рядом с лежащим юношей. За вожаком повалили остальные животные. Крина окатила плотная, душающая волна их запаха. Он закашлялся.

Наконец ушары вышли. В комнате стало просторно, и Крин заметил небольшой очаг. Но сбоку, совсем рядом, что-то светилось даже ярче, чем огонь в очаге. С минуту он непонимающе разглядывал мешочек, затем догадался, что это такое. Рухнули последние барьеры, и он вспомнил все события вчерашнего дня.

— Они ушли пастись? — спросил он. — Но что...

Нош, которая до этого обеспокоенно изучала его лицо, занялась мешками.

— Ханка сказала, что они очень осторожные звери. Она повела их в небольшую долину, где есть их любимая трава. Правда, немного, так что нам придется искать новое пастбище...

Крин оправился настолько, что уловил неожиданное местоимение в ее последней фразе.

— Мы должны отыскать пастбище... Но зачем нам эти звери? Да, мы заберем этого ребенка с собой...

— В Даст, — закончила за него Нош. — Конечно, Ханку нельзя бросать здесь. Но она не оставит своих зверей. Ни один пастух так не сделал бы. Неужели те, кто обосновался в Дасте, не обрадуются такому четвероногому богатству? Их, конечно, нельзя пускать на мясо... зато весной они будут линять, а их шерсть такая теплая! В Даст придут караваны, так что можно будет устроить торги.

— Даст! — воскликнул юноша, наконец осознав ее идею. — Значит, мы возвращаемся в Даст?

— Если найдем туда дорогу, — улыбнулась Нош. — Мы ведь не можем просто идти на восток, в надежде когда-нибудь попасть в Даст. Да, я собираюсь туда. Если только... если только не услышу зов.

И она твердо посмотрела ему в глаза.

— Может, пронесет! — выдохнул Крин, наконец заставив ее рассмеяться.

— Увы, Крин, с тех самых пор, как ты неохотно согласился проводить меня в то казгарское святилище, куда мы только ни попадали! И все против твоей воли. Но сейчас я согласна с тобой — мы идем в Даст. Но только после того, как ты поправишься.

Буря, которая гроыхала целый день до самого вечера, наконец улеглась. На небе не было ни облачка.

Дверь хлева, сложенного из необтесанных глыб, слепленных глиной, была открыта. Снаружи ярко сияло солнце, которое уже клонилось к горизонту. В помещение ворвался свежий ветерок, такой приятный после звериной вони, которую оставили после себя ушары. В воздухе запахло весной.

В холодный сезон иногда случаются оттепели. Видимо, природа решила одарить холмы неожиданным теплом.

Когда Нош смазала его раны целебной мазью, боль немного улеглась. Крин заметил, что до этого девушка подержала мазь над мешочком с Пальцами. Сев на постели, юноша увидел Дарующего Надежду и принялся внимательно проверять остроту клинка. На лезвии не было ни пятнышка, ни зазубринки, но парень предпочел бы заточить его заново в хорошей оружейной.

Закончив возиться с разными маленькими коробочками, Нош подошла к Крину и присела, скрестив ноги. Она откинула капюшон, скрывавший ее лицо, на спину и с наслаждением вдыхала пьянящий теплый воздух.

— Интересно, далеко ли отсюда караванный путь? — промолвил Крин, задвигая Дарующего Надежду обратно в ножны. — Узнать не у кого. Я знаю только, что это где-то на востоке. Если идти на восток, рано или поздно наткнешься на дорогу.

Хотя голова болеть перестала, Крин смог встать на ноги только через три дня. Притом первые попытки закончились неудачей. И юноша прекрасно понимал, что ему еще рано пускаться в путь, где их могут подстеречь неведомые опасности.

Когда Ханка пригнала стадо обратно, он принялся расспрашивать девочку о прилегающей к деревне территории. Но она знала немного. Хлев, в котором они укрывались, Янкин построил всего два года назад. Это была крайняя точка, куда забиралась пастушка, и то нечасто.

Придется смириться с тем, что Нош и Ханка некоторое время будут его глазами и ушами. Девочка повела Нош к дереву, с которого открывался вид на окрестности. Именно отсюда Ханка видела страшный конец Жилы. Длительное наблюдение показало, что в село больше никто не возвращался — ни поселянин, ни степняк.

Крин изводился от нетерпения. Он знал за собой этот недостаток и старался преодолеть его. Ну чего хорошего он добьется, если заставит всех покинуть это надежное укрытие и тащиться в неведомые дали, если сам не продержится на ногах и до конца дня?

Утром пятого дня Ханка не повела ушаров на пастбище, как обычно. Животные беспокоились и выли в своем стойле. Пастушка подошла к Нош и что-то прошептала ей на ухо. Нош призадумалась, затем кивнула. И обратилась к Крину:

— На старом пастбище не осталось травы. Ушаров нужно переводить на другое место. Ханка погонит их, как я посоветовала, на восток. Хотя она сама там никогда не бывала. Мы пойдем следом, потому что животные могут зайти так далеко, что не успеют вернуться к ночи.

Крин дернул уголком рта. Пускаться в путь сейчас — все равно что прыгать с обрыва с завязанными глазами, и вполне вероятно, что внизу ждут острые камни. Но рано или поздно все равно пришлось бы уходить отсюда. По крайней мере, он уже может держаться на ногах, а припасов заметно поубавилось, так что мешок сильно полегчал. Когда Ханка вывела ушаров из хлева, Крин заметил, что Нош, упаковывая мешки, большую часть снаряжения переложила в свой.

Когда юноша попытался возразить, она ответила:

— Ты понесешь Дарующего Надежду и не вздумай говорить, что он легкий. Мне пришлось нести его сюда, и я знаю, сколько он весит. В Рифте я научилась носить тяжести... К тому же ты должен быть готов защищать нас, если возникнет необходимость. Луков у нас нет, но...

Девушка показала Крину полосу кожи, положила посредине камень и взмахнула получившейся пращей.

— Я часто охотилась в Рифте с этой штукой, попрактикуюсь немного, и ко мне вернется прежнее мастерство. Ты не станешь отрицать, что это настоящее оружие...

— Не стану, — согласился он, дотронувшись до заживающей щеки.

Утром они как следует поели и принялись паковать. Пастушка Ханка увела стадо, прихватив с собой часть снаряжения. Нош встала на пороге и окинула убежище прощальным взглядом. Пустое и брошенное строение, но оно спасло им жизнь. Девушка вздохнула, покидая дом.

Они прошли по старой дороге из каменоломни, которая была достаточно широкой, чтобы шагать бок о бок. След, оставленный ушарами и Ханкой, виднелся четко, так что к полудню путники нагнали стадо. Когда солнце только встало над горизонтом, следы копыт свернули с дороги в кусты. Вскоре Нош и Крин вышли на поляну, поросшую высокой пожухлой травой, где и увидели пасущееся стадо. У дальнего холма чернела тонкая фигурка, которая сразу же замахала руками.

— Они идут слишком медленно, — заметил Крин, хмуро разглядывая животных, которые неспешно набивали желудки травой. — Если мы будем подстраиваться под их шаг, то не попадем в Даст до зимы. Если они будут все время пастись...

— Будут, — сказала Нош. — Если ты так рвешься в Даст, воин, иди туда сам.

Она устала. Но не от перехода, а от постоянной внутренней борьбы. Крин прав: животные в тягость, они передвигаются слишком медленно. Но... как же Ханка? Оглянувшись на девочку, Нош увидела рядом с ней другую малышку, которую милость Лиры вырвала из объятий смерти. Нет, она ни за что не бросит Ханку, хотя и понимает, что пастушка никогда не оставит свое стадо.

Крин встал и прошелся по поляне. Он явно расстроился. Нош призадумалась и решила, что ее брошенное сторяча предложение, возможно, самый лучший выход из сложившейся ситуации. И вправду, пусть он идет в Даст, а когда доберется, отправит им навстречу отряд воинов.

Девушка уже собралась высказать это вслух, когда Крин подошел к ней. Он был мрачен.

— Госпожа, — обратился он к ней, на мгновение превращаясь в высокородного Наследника Дома, — я присягнул лорду Ярту. Пока я не смог выполнить его поручение. Но мой лорд считал себя обязанным твоей жрице Дрин. Он выполнял все ее просьбы. Вот и ответ на мой вопрос. Мы останемся вместе и будем надеяться, что успеем добраться в Даст до наступления холодов.

Он замолчал и сел, блуждая рассеянным взглядом по лужайке.

Нош принялась собирать камни, проверяя, подходят ли они для ее пращи. Что гадать о будущих опасностях? Нужно быть к ним готовым, но не изводить себя боязнью того, что не в силах изменить.

Они провели ночь в кустах у края поляны. Огня разводить не стали. Нош легла рядом с Ханкой и укрылась плащом. Снова нагретый мешочек с кристаллами она положила между собой и Крином. Девушка знала, что парень решил дежурить ночью, хотя Ханка уверяла, что ушары спят очень чутко и предупредят, если что-то случится.

На рассвете стадо проснулось и принялось пастись. Крин все-таки заснул, а когда открыл глаза, то обнаружил, что его откинута рука лежит у этого проклятого мешочка.

Ханка выбралась из-под плаща Нош и села, протирая глаза. Занимался серый рассвет. Пастушка склонила голову набок, прислушиваясь к мерному хрусту стада. Затем перевела взгляд на Крина.

— Башар знает. Сегодня они пойдут дальше. Ушары не такие глупые, как все животные.

Когда путники перекусили, солнце уже окрасило верхушки деревьев розовым светом. Ханка встала и пронзительно крикнула. Самый крупный ушар поднял голову, заворчал и пошел вперед. Остальные медленно потянулись следом. До заката они

прошли довольно много, учитывая скорость, с которой передвигалось стадо. Ушары на ходу подхватывали кустики и пучки травы и медленно пережевывали. Ханка шагала впереди, рядом с вожакom, обнимая огромное животное за мохнатую шею.

К ночи путники так и не нашли новое пастбище, зато добрались до равнины. Крин удивился, заметив, что ушары не стали выбегать на открытое пространство, как это сделали бы варги или лошади. Осторожные животные бродили вдоль крайних кустов, вытягивая шеи и пощипывая траву, не выходя из укрытия. Ему даже пришла в голову дикая мысль, что Ханка каким-то образом убедила ушаров безостановочно двигаться и соблюдать крайнюю осторожность.

Когда путешественники устроились на ночлег, стадо окружило их и улеглось, образовав теплую мохнатую стену вокруг спящих людей.

В эту ночь Крин не стал сидеть на часах. Он заснул как убитый, дневной переход дался юноше нелегко. Поэтому он решил положиться на уговоры Ханки, которая твердила, что животные сами позаботятся о страже.

Три дня они шли на северо-восток, избегая открытых пространств. К счастью, продолжала держаться хорошая погода. Вожак стада отыскал ручей, и путники смогли вдоволь напиться и наполнить бурдюки. Ханке удалось подбить трех иноходок. Нош запекла дичь в глине, найденной на берегу ручья. Птицы были более тощими, чем их домашние сородичи, но оказались не менее вкусными.

Дважды Нош находила полезную травку. Она отрывала корешки и заставляла своих товарищей жевать стебли. Путешественники испытывали постоянное чувство голода, хотя ели достаточно, чтобы продолжать путь и не валиться с ног. На каждом привале Нош отпускала зарка. Зверек убегал охотиться и возвращался с выкопанными червями в зубах. Пожалуй, он был единственным из всей компании, кто наелся до отвала.

Наконец Крин решил, что нужно сворачивать на восток и отыскать караванный путь. Нельзя только забывать, что там их могут подстергать враги. Но добраться в Даст без каких-либо ориентиров не представлялось возможным.

И вот путешественники вышли на равнину. Хорошо, что она не была совсем уж ровной. Нет, эта местность скорее на-

поминала череду холмов неподалеку от Жилы. И стадо, и люди держались в низинах, стараясь не подниматься на вершины холмов.

Время от времени Крин отправлялся на разведку, не в силах справиться со своим обычным нетерпением. И когда в очередной раз он, пригнувшись, взобрался на холм, то с радостью увидел впереди отчетливую ленту дороги. Теперь отряд пошел быстрее. Даже ушары прониклись общим стремлением поскорее добраться до места и уже не останавливались, а паслись прямо на ходу. Крин понятия не имел, сколько еще осталось до Даста, но не переставал вглядываться в горизонт, каждую минуту ожидая увидеть очертания знакомых домов. Он надеялся, что за прошедшее время, которое самому ему казалось вечностью, товарищи из Братства успели обжиться в отстроенном поселке.

Наконец там, куда убегала лента дороги, показались темные отроги Высот. Это был второй ориентир, значит, они идут в верном направлении. За Высотами лежала родная страна Крина.

Вспоминать род Кунионов становилось все труднее. Собственное детство казалось юноше таким далеким и незначительным, не имеющим никакого отношения к его нынешней жизни. Когда он попытался припомнить картину семейного ужина за длинным столом в главном зале замка, лица родственников дрожали и расплывались смутными пятнами. Во всем роду он остался единственным свободным человеком. И вот его меч — на службе будущей жрицы, девчонки-сироты и стада ушаров. Юноша улыбнулся, впервые за несколько дней. Хорошо, что уже можно нормально улыбаться, не боясь разбередить рану на щеке. И второй глаз наконец открылся.

На фоне далеких гор он заметил черную точку. Ну конечно! Это же Даст! Они добрались, невзирая на стадо, невзирая ни на что!

В порыве чувств Крин задрал голову и выдал пронзительную птичью трель — таким образом переговаривались разведчики, когда находились на равнине. Насколько он знает Ярта, часовые выставлены на приличном расстоянии от поселка. И чем раньше они узнают, что эта странная компания — не враги, тем лучше.

Ответа не было. Никто не выскочил из травы, не замахал рукой. Крина сперва охватило разочарование, а затем внутри все заледенело от страха. Он ни на минуту не забывал о страшной участи Жилы. Неужели в Дасте тоже побывал отряд этих демонов?

Юноша вскинул руку, приказывая товарищам остановиться, а сам начал вертеть головой, пригнувшись. Больше всего он боялся уловить запах дыма и горелого мяса. Нет, никакого запаха. Может, он успел выветриться? Кто-то дернул его за пояс. Оглянувшись, Крин увидел загорелое лицо Ханки.

— Башар ничего не чувствует. Впереди никого нет.

Юноша заморгал, не в силах осознать смысл ее слов. Затем он задохнулся от ужаса. Даст погиб...

— Они умерли... — прошептал Крин, обращаясь скорее к самому себе, чем к пастушке или к Нош, которая подошла поближе.

— Мертвых тоже нет, — промолвила Ханка, и ее голос странным образом развеял его страх и гнев. — Никого нет.

Да откуда животному это знать? Ну и дурак он — слушает лепет какого-то ребенка! Есть только один способ проверить — отправиться туда самому. Без Нош и этой девочки. Если Даст постигла судьба несчастной деревни, им лучше ничего не видеть.

— Оставайтесь здесь! — прорычал Крин таким голосом, что его, кажется, понял даже вожак стада. Животное повернулось к юноше и уставилось на него своими лучистыми карими глазами.

Юноша сбросил плащ и заплечный мешок. Если поблизости от поселка остались враги, они уже заметили его. Парень вытащил из ножен Дарующего Надежду. Лучи полуденного солнца отразились от серой стали меча, бросив на пожухлую траву россыпь солнечных зайчиков. Крин повернулся и быстро зашагал в сторону далекого Даста.

С тех пор как он покинул поселок, стены, соединяющие шесть хижин, выросли до плеча взрослого человека. Даже появились ворота. Сейчас они стояли распахнутыми настежь. Юноша вошел в лагерь, с замиранием сердца ожидая увидеть кошмарную картину смерти и запустения.

Он встал у ворот, оглядывая хижины. Трупов не было. Двери домов были закрыты, никто их не выбивал и не жег. Ничего кошмарного в лагере не было.

— Тувер! — позвал Крин. — Хаспер!

Меж стен заметалось эхо. На негнувшихся ногах парень пошел к ближайшей хижине и толкнул дверь. Она подалась. В полутьме дома Крин увидел сооруженные мятежниками кровати, но совершенно пустые — ни одеял, ни подушек, ничего. Юноша пробежал мимо колодца и бросился к дому, где когда-то разговаривал с Яртом. Снова никого и ничего. Пустота. Они ушли... Почему-то Крин был уверен, что ушли сами, по собственной воле. Без борьбы.

Совершенно сбитый с толку этой загадкой, юноша вернулся к воротам и увидел, что его спутники успели подойти ближе к лагерю. Подняв Дарующего Надежду над головой, словно боевое знамя, он замахал им мечом.

Но ждять, когда маленький караван войдет в Даст, не стал. Его слишком занимали размышления о том, что могло здесь произойти. Ярт... Определенно, нужно начать с дома, где жил командир. Крин направился прямо туда. Посреди комнаты стоял грубый стол, сколоченный из досок, оставшихся от сломанной повозки Дана. А на нем...

Впервые в жизни Крин выронил меч, сам того не заметив. На столе лежал прямоугольник тонкой кожи, сложенный несколько раз пополам и приколотый к деревянной крышке кинжалом Ярта. Крин неоднократно видел это оружие на поясе командира. Вероятно, потому лорд и оставил этот кинжал — чтобы Наследник Дома сразу понял, от кого послание. Юноша вытащил нож и поднял светлый прямоугольник. На стол полетела пыль.

30

УШАРЫ ПРОТОЛКАЛИСЬ через ворота и сразу же бросились к колодцу. Они склонились над желобом и жалобно заревели, требуя воды. Нош сбросила мешки под стеной лагеря, подальше от взволнованных животных.

— Госпожа, они хотят пить! — взмолилась Ханка.

Колодезный ворот одному не повернуть, если ты не силач. А где Крин? Он успел куда-то убежать, пока стадо входило в поселок. Но Ханка права, ушаров нужно напоить. Девушка подошла к вороту и, напрягая все силы, начала вращать рукоять. Звери заревели еще громче:

Наконец ведро, наполненное водой, показалось над срезом колодца. Ханка подхватила его и вылила воду в поилку. Чтобы напоить их маленькое стадо, пришлось вытащить еще два ведра. А затем еще одно — для себя. Вот тогда на небольшой площади появился Крин, сжимая в руках скрученный в трубочку лоскут кожи.

— Где они? — спросила Нош.

Пустой лагерь, так хорошо приготовленный к зимовке, поразил ее. Тем более что следов сражения не видно. Мятажни-ки, с которыми она делила все тягости жизни в горах, исчезли, словно их никогда и не было.

— Лорд Ярт... — начал Крин, умолк и протянул ей развернутый пергамент. Это было послание, написанное какими-то незнакомыми Нош буквами. Они сильно отличались от привычных рун, которые девушка выучила по древним книгам Дрин.

— Это особый шифр, — снова начал Крин. — Здесь написано: «Нам снова угрожает Тьма. Мы подстрелили пять соколов, у каждого были чародейские амулеты. Мы их уничтожили. Отряд колоссиан с северных взгорий сообщил, что две их деревни сожгли степняки. Они напали внезапно, потому что были защищены какой-то странной магией. Колоссиане заметили нападающих слишком поздно.

Наши припасы подходят к концу. Сюда добрались только две лошади, отправленные из Казгара. Хансель был ранен стрелой. Стреляли ночью, кто — неизвестно. Еще сны. Они встревожили даже таких упрямецев, как Тувер, которые никогда не верили в колдовство. Люди боятся засыпать. Среди нас нет Сновидца, но все видят во снах наступление Тьмы. Возможно, таким образом нас хотят выкурить из Даста, как пчел из улья. А может, это предупреждение.

У нас мало лошадей, только те, которых оставил Дан. Они в плохой форме. До Казгара не добраться. Долгое время Высоты помогали нам, поэтому мы вернемся в горы. Опасности, кото-

рые ждут нас в горах, привычны и понятны. Мы не знаем, что может случиться с нами здесь.

Мы будем оставлять обычные ориентиры. Если ты жив, Наследник Дома Крин, ты найдешь нас. Я считаю, что мы делаем правильный выбор».

— Сны и соколки, — промолвила Нош, вздрагивая. — Тьма и вправду угрожала Дасту. Хорошо, что они решили вернуться в горы. Возможно, это действительно было предупреждением — уходите, или вас настигнет участь Жилы.

Крин скрутил послание в трубочку и спрятал за пояс.

— Лорд Ярт не из тех, кто боится собственной тени, — промолвил он, словно отвечая собственным мыслям. — Наверняка это были тяжелые сны. Но...

Уперев руки в бока, юноша огляделся.

— Я осмотрел дома, они вынесли все, что было. Все снаряжение и припасы. И оружие...

Он закусил губу и отвел глаза, стараясь не встречаться взглядом с Нош.

— Как бы ты, один-одинешенек, — вскинулась девушка, — защитил своего лорда от неприятностей в Казгаре, где местные главы гильдий готовы перегрызть друг другу глотки? Разве мы сами не попали в ловушку и только чудом из нее выбрались? Лорд Ярт наверняка расспросил вернувшихся товарищей и узнал, что в город идти бессмысленно.

Крин опустил взгляд и принялся ковырять пыльную землю потертым носком сапога. Девушка понимала, что он чувствует. Он считает, что потерпел полное поражение. Необходимо отвлечь его от мрачных мыслей. Она была уверена: лорд Ярт все не думал, что Крин его подвел.

— Мы пойдем за ними, — заявила Нош.

Она взяла глиняную плошку, которая висела у колодца, зачерпнула воды, еще оставшейся в желобе, и протянула юноше.

— Пей! Мы все успели наглотаться дорожной пыли, нужно промочить горло.

Девушка оттолкнула локтем ушара, продолжавшего жадно глотать воду из желоба.

Крин выпил. Отняв плошку от губ, он задумчиво посмотрел на дом Ярта.

— Может быть...

Не закончив фразы, он сорвался с места и бросился обратно в хижину, из которой только что вышел. Нош направилась за ним и увидела, что юноша отодвигает стол в сторону. Затем Крин встал на колени и принялся шарить пальцами по старому деревянному полу. Негромко вскрикнув, он выхватил из-за пояса кинжал Ярта, поддел одну из досок и приналег. С громким треском от пола отделились сразу три доски, открыв под собой темный тайник. Пошарив, Крин вытащил на свет длинный сверток, который мог быть только луком, колчан со стрелами и три плотно набитые сумки. Присев на корточки, юноша начал разглядывать найденные сокровища.

— Рольфова работа, — сказал он, развернув лук и любовно оглаживая оружие. — Он был лучшим мастером.

Отложив лук, он подбросил кинжал Ярта и ловко поймал его.

— А я-то думал, почему тебя здесь бросили?

— Лук, стрелы, — довольно кивнула Нош и перевела взгляд на сумки. — А здесь что?

Крин распустил завязки одного из мешков и вытряс на пол набор инструментов. Оселок для заточки оружия, два шила для работы с кожей, новый кремь для разжигания огня. Все это добро было завернуто в кусок кожи, которая может пригодиться, чтобы починить прохудившуюся одежду или сапоги.

Оставшиеся сумки оказались не менее ценными. Над одной сразу же склонилась Нош, уловив стойкий травяной запах. Наверняка это была часть бесценных запасов Лайона. В последнем мешочке лежал пакетик с солью и кусок вяленого мяса. Небогатый дар, но если вспомнить, что это взяли из общих припасов, то цена его вырастала до небес. Лорд Ярт определенно верил, что рано или поздно Крин здесь появится. И ожидал, что Наследник Дома отправится за отрядом.

Когда Крин начал перебирать найденное добро по второму разу, на плечо Нош опустилась маленькая рука. Девушка оглянулась и увидела Ханку.

— Это плохое место, — прошептала пастушка, испуганно озираясь, словно опасалась, что кто-то стоит у нее за спиной. — Мы не останемся тут?

— Нет, — решительно ответил Крин. — Мы найдем тайные пометки Братства. И нагоним отряд. Но... — Он бросил

на Ханку неуверенный взгляд и продолжил: — Мы идем в горы, на Высоты. Твои животные там не пройдут. Здесь, на равнине, полно травы. Отпусти жожака, они разбредутся. Ничего, выживут...

Ханка подошла к юноше вплотную. Ее загорелое лицо начало наливаться краской. Девочка уперла руки в бока, чуть выдвинула вперед нижнюю губу и заявила:

— Что ты знаешь про ушаров, вояка? Ты их пас? Ты за ними смотрел? Куда я, туда и Башар, а за ним и остальные. Может, там и мало еды, — она ткнула пальцем куда-то вверх, подразумевая горы, — но в голодное время они могут жить только на своем жиру! А как, ты думал, они зимуют? Так и зимуют. А еще они находят еду там, где ты и не подозреваешь. Ты идешь, госпожа идет, Ханка идет, и ушары тоже идут!

Она говорила так убежденно, что Крин не нашелся, что возразить на эту пламенную речь. Нош знала, что сейчас юноша переполнен гневом и досадой. Еще бы! Одно дело путешествовать по тайным тропам одному, и совсем другое — с ребенком, женщиной и стадом из восьми медлительных животных за спиной. Девушка спрятала улыбку. То, что ей самой казалось смешным, для Крина было настоящей катастрофой.

Но перед выходом необходимо было подготовиться. Нош забрала слишком просторную и неудобную одежду Ханки, и, ловко орудуя ножом, подправила ее до нужного размера. Из обрезков соорудили сумку, куда пастушка принялась собирать длинные волоски ушаров, остающиеся на кустах. Крин подлатал собственные сапоги и занялся пошивом обуви для Ханки. Уцелевшую верхнюю часть ее сапог он оставил, а подметки соорудил из кожи, оставленной в тайнике. Вместо ниток он использовал оставшиеся лоскутки, нарезанные тонкими полосками.

Затем пришлось переупаковать мешки, чтобы рассовать оставленные мятежниками припасы. Нош забрала себе сумку Лайона с лекарственными травами. Когда девушка перебирала сушеные растения, к ней подошла Ханка, присела на корточки и принялась внимательно наблюдать. Нош сама не заметила, как начала рассказывать девочке о разновидностях и предназначении целебных трав. Как когда-то делала Дрин... как давно это было!

Следуя совету Ханки, путешественники осмотрели копыта каждого ушара. Звери никогда не дали бы в руки чужаков, если бы не вожак, смиряющий стадо повелительным ревом. Нош выделила один пузырек с мазью, и Ханка быстро смазала ноги двум молодым животным, которые успели исцарапаться.

Каждый день пастушка отгоняла стадо на пастбище. Ушары набивали животы травой, а девочка охотилась с пращей на мелкую дичь. Каждый вечер она приносила что-нибудь для ужина. Забитых зверюшек хватало и на то, чтобы накопить немного мяса для путешествия. Крин предупредил пастушку о соколках и приказал быть осторожней. Но в небесах не появился ни один крылатый шпион. Возможно, когда отряд ушел из Даста, поселок перестал интересоваться неведомого врага.

Нош припомнила прежнее умение и, когда Ханка натаскала ей прочных и длинных стеблей травы, сплела сумки, которые можно было перекинуть через спины ушаров и нагрузить запасом корма.

К ночи девушка изготовила три такие сумки и повесила их сушиться над огнем очага, разведенного в доме лорда Ярта. Нош смазала израненные руки лечебной мазью. Крин каждый вечер занимался оружием, словно боялся, что за день клинки может проесть ржавчина.

В первую ночь, которую они провели в лагере, Нош совершила небольшой обряд. Она расстелила одну из травяных подстилок перед очагом. Мятажники оставили небольшой запас дров, поэтому путники спали в тепле. На подстилку девушка выложила все кристаллы в порядке, соответствующем расположению пальцев на руке. Осталось найти всего два, а потом... И внезапно она поняла, что нужно будет сделать потом. Это знание всплыло из тайных снов и крепко каждую ночь. Она должна вернуться в Рифт. Да, там подстерегает опасность, о которой Нош старалась не думать, но знала, что рано или поздно ей придется встретиться с неведомым врагом лицом к лицу.

Она легла рядом с камнями и спокойно проспала всю ночь. Девушка не знала, что побудило ее так поступить, но была уверена, что все делает правильно. Каждую ночь Крин бросал в ее сторону неодобрительные взгляды, но ничего не говорил.

метки. Варги определенно здесь не проходили, но он нашел уже несколько меток лорда Ярта.

Туман сгустился. Нош пристально вглядывалась вперед, потеряв Крина из виду, когда ее резко качнуло, словно от сильного удара в голову. Зов был настолько сильным, что противиться ему не было никакой возможности. Нош не пошла бы на зов, только будучи связанной по рукам и ногам.

Она бросилась туда, откуда пришло послание, не обращая внимание на встревоженные вопросы Ханки. Она ничего уже не слышала. Ее вела вперед одна, сокрушающая жажда. Какая-то часть сознания еще контролировала происходящее, не позволяя Нош наткаться на стволы деревьев. И все равно девушка исцарапалась в кровь, продираясь через кусты и низкие ветви. Дважды она оскальзывалась на мокрых листьях и падала. Но тут же поднималась и мчалась вперед, выставив перед собой руки, словно слепая. Сзади раздался отдаленный шум, но она не обратила на это внимания. Найти, найти, найти...

Туман встал плотной белой стеной. Деревья выступали из молочной пелены только тогда, когда она едва не упиралась в них лбом. Ноги скользили по опавшей листве, как по льду. Нош начала всхлипывать. Это был самый трудный путь к сокровищу.

— Лира... О, Лира! — взмолилась девушка, преодолевая душившие ее рыдания. — Лира! Почему...

Прямо перед ней возникла черная высокая стена. Почва подалась под ногами, и Нош упала, ударившись головой о выступающий древесный корень. Ее вскинутая рука проехала по стене, обдирая ладонь в кровь.

Но она еще не закончила свое безумное путешествие. Нужно подняться на ноги, выбраться из этой ямы, цепляясь за осыпающуюся почву и корни деревьев. Когда Нош ухватилась за ближайший корень, ее рука отозвалась острой болью. Девушка полезла вверх. Слезы катились по ее щекам, промывая дорожки в грязи и прилипших травинках.

Каким-то чудом ей удалось выбраться из ямы. Она оказалась у корней огромного поваленного дерева, крона которого терялась в тумане. Цепляясь ногтями за древнюю растрескав-

шуюся кору, Нош пошла вдоль ствола. И вдруг... впереди блеснул знакомый огонек.

— Лира! — бессильно выдохнула Нош и потянулась рукой к немеркнущему свету.

Кристалл был так давно спрятан в маленьком дупле, что еще до падения дерева успел почти полностью обрасти корой. Девушка налегла на ствол, разглядывая находку. Затем достала из-за пояса нож. Правая рука была скользкой от крови, поэтому она переложила оружие в левую и приняласьковырять чешуйки коры вокруг светящейся точки. Наконец она освободила кристалл и, сунув нож за пояс, ухватила желанный Палец.

Это резкое движение заставило Нош покачнуться и потерять равновесие. Девушка рухнула на мокрую листву, и силы покинули ее. Она лежала на боку, так и не успев сбросить заплечный мешок. Сжимала мертвой хваткой найденный Палец и всхлипывала от бессилия.

Такой ее и нашел Крин. Он стащил ее мешок и помог сесть, прислонив спиной к дереву. С детской улыбкой Нош показала ему зажатый в кулаке Палец.

— Видишь? — тихо спросила она.

Руки Крина сильнее сжали ее плечи.

— Идиотка! У тебя мозгов нет совсем! Ты же могла потерять... упасть в пропасть... умереть... И все ради какой-то стекляшки! Никогда... слышишь? Никогда больше не убегай так сломя голову!

Его голос звенел от гнева.

— Я услышала зов... — попыталась объяснить Нош. — Такой сильный... Очень сильный! Я не выдержала... Я даже не успела сказать, куда я бегу.

— Ладно, вот ты его нашла. Встать можешь? Ты убежала далеко от дороги.

Он грубо ухватил Нош под мышки, помогая подняться на ноги.

Неподалеку послышался треск кустов. Крин выругался.

— Эти проклятые твари потащились за нами. И один, кажется, успел сломать себе ногу!

К СЧАСТЬЮ, мрачное предсказание Крина не исполнилось — ни один из ушаров не пострадал, продираясь через лес. Не говоря ни слова, Крин подошел к вожаку стада и взвалил ему на спину мешок Нош.

Животные протолкались к стволу упавшего дерева и принялись обнюхивать его, видимо, надеясь обнаружить противную губку, которая пришлась им по вкусу. Нош чувствовала себя странно, словно между ней и остальными клубился не просто изорванный в клочья туман. Что-то еще... что-то непонятное...

Она так устала и едва держалась на ногах. Крин осмотрел ушаров, проверил, не поранился ли кто из животных, а затем вернулся к Нош.

— Перед тем как ты убежала, я нашел тропу, по которой прошли варги. Наверное, нам лучше пойти по той дороге.

Его слова были такими бессмысленными. Пусть идут по какой угодно дороге. Но... Девушка сжала мешочек со свечящимися и излучающими тепло кристаллами обеими руками. Но если снова раздастся зов, она последует за ним невзирая ни на что.

Путешественники вернулись на прежнюю дорогу и вскоре обнаружили новую тропу, истоптанную копытами варгов. Крин установил, что животные прошли здесь всего декаду назад. Но варги передвигаются очень медленно. Судя по следам, с животными шли всего трое погонщиков. Видимо, отряд действительно разделился и остальная его часть двинулась по горной тропе быстрым маршем.

К несчастью, варги основательно обглодали кусты и траву, так что ушарам мало что осталось на пропитание. Утром второго дня пути Ханка взбунтовалась.

— Им нечего есть! Тут вообще мало еды. Ушаров нужно гнать по другой дороге.

Она произнесла свою краткую речь, для убедительности постукивая хлыстом по земле.

Крин нахмурился. Тратить время на то, чтобы вести животных обратно к дороге и искать новые пометки... И, кто знает, может, никаких пометок он не найдет. Ведь на этой стороне Высот он почти не бывал. Но Ханка права. Если они сейчас

израсходуют прихваченный из Даста запас травы, чем кормить ушаров потом, когда пойдут голые скалы и начнутся снегопады?

Нош смогла нести свой мешок на следующий день. Чувство обособленности от остальных ослабло, но не исчезло до конца. Как и Крин, она начала вглядываться в заросшие лесом склоны, гадая, где можно найти другую дорогу. Ушары оказались выносливыми животными. Предыдущий переход только подтвердил это. Возможно, они сумеют пройти по тропе, по которой ушел второй отряд Братства.

Путешественники сошли с размеченной дороги. Крин часто отправлялся на разведку, кружа по лесу и отыскивая пути вверх.

Нош шла с трудом, спотыкаясь все чаще. Мешочек с кристаллами стал таким тяжелым, что ей приходилось нести его, прижимая к груди. Пальцы не только непрерывно светились, но и тихо гудели. Они урчали низко и ровно, словно греющийся у очага накормленный полосатик. Правда, этого никто не замечал, кроме Нош. А сама она не спешила делиться с остальными своими наблюдениями. Она ждала, когда раздастся следующий зов. Который вновь завладеет ее телом и душой и заставит бежать куда-то, не разбирая дороги.

К вечеру Крин отыскал горную тропу. Путешественники кое-как устроились на ночь возле едва заметной пометки. Нош сразу же опустилась на землю. Ей не хватило сил даже сбросить заплечный мешок. Она с тоской вспомнила свою жизнь в доме купца Дана — единственное благословенное время, когда в ее распоряжении была теплая вода. Не нужно было умываться или купаться в ледяном ручье, дрожа от холода. Мыло было мягким и жидким, его можно выливать из пузырька в ладонь. Оно так приятно пенилось! И одежда всегда была чистой и свежей.

Перед выходом из Даста они, конечно, вымылись и постирали свои рубашки и штаны. Но через несколько дней одежда пропиталась грязью и потом, отчего все тело чесалось. Нош провела рукой по лицу и почувствовала под пальцами корку присохшей грязи.

Девушка сама не понимала, с чего это вдруг она помешалась на чистоте. В Рифте вода была на вес золота, ее приходилось носить от горного ручья, потому что из реки пить было нельзя.

Но тогда Нош не чувствовала себя обделенной. Едва ли ее разнежили несколько недель, проведенные у Дана.

Они лежали с Ханкой под одним плащом, и, засыпая, Нош подумала о том, что их путешествие длится целую вечность. Ей надоели постоянная грязь, усталость и тяжелые переходы.

Видимо, не одну Нош посещали мрачные мысли. На следующее утро Крин высказал что-то подобное. Юноша стоял, сжимая в руке шлем. Из-за раненой головы он смог надеть шлем только после выхода из Даста. Он подставил лицо ветру, который вздохматил его слипшиеся пряди волос.

— Хорошо бы найти речку и искупаться. Но в Высотах ничего такого нет. Не будем жаловаться, судьба и так была к нам благосклонна.

Сумки с запасами травы для ушаров постепенно пустели. Животные начали худеть, хотя под густой пышной шерстью это пока не было заметно. Но ни один ушар не пытался отстать от стада. Да, утром, когда их подгоняли в путь, они возмущенно ревели, но покорно следовали за вожаком, которого вела Ханка.

Нош отрезала подол от своего плаща и обвязала разваливающиеся сапоги пастушки. Судя по всему, единственным довольным жизнью путешественником из их компании был зарк. Он сидел на плече Нош, иногда перепрыгивая на спину Башара. Вожак не возражал.

Но когда похолодало, зверек забился в привычный кармашек и впал в спячку.

Это случилось на пятый день после того, как они сошли с варжей дороги. Правда, Нош давно потеряла счет дням, которые были похожи друг на друга как братья-близнецы. Внезапно Башар поднял голову и издал пронзительный трубный рев, который девушка впервые слышала от ушара. Вожак ринулся не вперед, а в сторону, потянув за собой Ханку.

Девочка послушно побежала следом за животным. Крин ходил далеко впереди и не успел остановить ее. А Нош, которую все утро донимало странное чувство отчужденности, просто пошла следом за стадом. Позади раздался возмущенный окрик Крина, на который девушка не обратила внимания.

Башар явно знал, куда идти, и неудержимо стремился к невидимой пока цели. В душе Нош поднялась уверенность,

что они на верном пути. Нет, это был не зов, а что-то иное. Крин схватил ее за руку и собрался было проскочить мимо, чтобы остановить Ханку и Башара. Но девушка с поразительной силой вцепилась в парня и повисла на нем, не позволяя сделать и шага.

— Пусти! — закричал Крин, поднимая руку, чтобы оттолкнуть Нош.

— Мы идем... правильно...

Конечно, это не долгожданный зов. А вдруг все дело в происках Тьмы? Девушка посмотрела на кристаллы. Они просвечивали через мешочек. Нет, это не черное наваждение.

Крин не сводил с нее глаз, но вырваться перестал. Они неспешно пошли по тропинке.

— Ты тоже это почувствовал! — заявила Нош.

— Я не знаю, что там я чувствую, — надулся он. — Наверное, это твои шуточки, Одаренная. Вообще-то, да... впереди что-то есть.

— И Тьма здесь ни при чем, — добавила Нош, окончательно в этом уверившись.

Юноша посмотрел на взволнованных ушаров, которые спешили вперед. Бедные животные исхудали так, что стали заметны ребра.

Затем он вновь повернулся к Нош.

— Ничего не понимаю...

Деревья впереди расступились, открывая поляну, залитую яркими лучами солнца. Только сейчас Нош заметила, что их путь лежал через лес и солнце не могло пробиться сквозь густые кроны деревьев. Башар и Ханка, висящая на шее вожака, вырвались на ослепительную прогалину. Нош и Крин последовали за ними.

От восторга у девушки захватило дух. На Высоты уже спустилась зима, наступили холодные дни. А здесь царил лето, словно время остановилось. Зеленая свежая трава доходила до колен, украшенная яркой россыпью цветов.

Путешественники оказались в долине, которая формой напоминала чашу. По краям вздымались голые скалы, лишённые растительности. И проход в эту чудесную долину был только один.

Но скалы не были мрачно-серого цвета, как в разрушенном Рифте. Отнюдь, склоны пестрели разноцветными слоями, сверкали вкраплениями драгоценных кристаллов и по яркости окраски соперничали с цветущей долиной. Солнечные лучи отражались от скал и расходились над деревьями бесконечно пересекающимися плоскостями света.

Посредине долины ослепительно сверкало озеро. Над водной гладью кружились легкие спирали, увенчанные облачками пара. Над водоемом висела огромная прозрачная радуга. Нош где стояла, там и села, не в силах оторвать взгляд от этого великолепия.

Ушары направились к воде. Куда девалась их поспешная толкотня? Животные двигались спокойно и грациозно. Башар вошел в озеро, затащив за собой Ханку. Затем вожак встряхнулся, и девочка упала, очутившись в воде по подбородок.

— Она... Она теплая! — тоненько закричала Ханка. Нош услышала ее радостный вопль, но у девушки не хватило сил, чтобы встать. Теплое озеро было частью волшебства, частью той силы, которая витала в этой долине. Горное озеро должно было оказаться ледяным, как и ветра над долиной. Но здесь дул легкий теплый ветерок и светило горячее летнее солнце...

Крин пошел за последним ушаром к воде, остановился на берегу и ошеломленно огляделся. На его лице отразилось крайнее изумление, словно он не верил своим глазам. Но девушка твердо знала, что это не обман зрения.

Крин сбросил заплечный мешок. Не торопясь, положил на берег меч, пояс, кольчугу и изношенные сапоги. Он бросал каждый предмет отдельно, не глядя, будто не собирался больше к ним возвращаться. Ханка встала. Вода доходила ей до пояса. Девочка побрела к берегу и принялась стаскивать грязную одежду, пока не осталась совершенной нагой. Затем игриво плеснула водой на Крина, который успел раздеться догола и стоял, не зная, что делать.

Нош поднялась и направилась к берегу. Ей было тепло... даже жарко. И немного мутило от вони заскорузлой, грязной одежды. Ушары зашли в воду по шею, а затем поплыли и вскоре скрылись за туманной дымкой.

Девочка сбросила мешок и плащ, затем, с большой осторожностью и заботой, сложила отдельно пелерину, где спал

зарк, и мешочек с кристаллами. Дрожащими от нетерпения пальцами она принялась расшнуровывать одежду.

— Давай сюда! Скорее! — завопила Ханка.

Крин уже успел зайти в воду по плечи. Пастушка плескалась у самого берега. Не раздумывая, Нош освободилась от одежды и вошла в воду. Ханка ухватила ее за руку и потащила за собой.

— Поплыли!

Вода была теплой и нежной, как парное молоко, которое Нош однажды пробовала в доме Дана. Ханка тащила девушку на глубину. Они прорвались через туманную завесу, и Нош подумалось, что наверняка на дне озера бьют горячие ключи.

— Да... вперед! — подхватил Крин и нырнул. Через минуту он вынырнул. Черные волосы облепили его лицо и плечи, скрывая шрам на щеке. Он взрезал водную гладь, стремительно загребая руками. Только сейчас Нош заметила, какой он юный. Крин резвился, как ребенок, которого родители отпустили из дома на целый день.

Девушка поплыла следом за ним. Ханка плескалась где-то в стороне. Дно озера было выстлано песком. Против ожидания там не было никаких острых камней или больших валунов. Крин подплыл и схватил Нош за руку.

— Сейчас утяну тебя вниз!

Она засмеялась и начала отбиваться. Юноша отпустил ее руку и нырнул. Затем вырвался на поверхность с целым фонтаном брызг и снова ушел под воду. Когда он вынырнул, в его вытянутой руке ярким факелом горел камень.

— Наступил... — начал Крин и запнулся, глядя на сверкающий кристалл. — Но... Я... это же ты должна была его найти!

Он укоризненно взглянул на Нош.

— Так решила Лира, ведь это ее владения, — спокойно ответила девушка, понимая, что говорит чистую правду.

Каким-то образом, на середине поисков, что-то изменилось. Сила вела и направляла не только ее. Невидимая ледяная броня Крина дала трещину. Глядя на юношу, который переводил взгляд с камня на нее, Нош поняла, что ее спутник переменялся. Он стал другим, но не менее дорогим ее сердцу!

Последняя мысль заставила девушку вздрогнуть. Ничего подобного она прежде не испытывала. Это чувство необходимо сохранить в тайне и обдумать в одиночестве.

— Я не жрец! — возмутился Крин.

— Лире служили не только жрецы, — сказала девушка, чувствуя, что слова рождаются где-то глубоко в сердце. — У Нее были свои воины, которые погибли в Темные годы.

Юноша подплыл к Нош и протянул кристалл.

— И что ты теперь будешь делать? Куда направишься? — тихо спросил он.

— Мы пойдем, Крин, — горячо заговорила девушка, не принимая Палец и даже пряча руку за спиной. — Крин, поверь в себя... как я. И ты тоже все поймешь.

Юноша поплыл к берегу, выбрался и взял в руки мешочек с кристаллами. Когда он положил найденный Палец к его братьям, над озером зазвучала легкая хрустальная музыка.

Волшебная мелодия наполнила всю долину. Восторженный рев ушаров стих. По щекам Нош покатались слезы. Ей хотелось запеть под эту музыку. Увы, таким талантом девушка не обладала. Крин стоял на берегу, не отводя взгляда от сверкающих Пальцев. Нош не могла видеть его лицо, но все тело юноши напряглось, будто он шел по странному, заметному только ему следу. Затем он резко повернулся на пятках и выхватил свой меч из ножен. Он поднял Дарующего Надежду высоко над головой, прямо к небесному куполу над солнечной долиной.

Нет, Нош не ошиблась. Холодная сталь засверкала, словно присыпанная алмазной крошкой или мелкими кристаллами Лиры. Наверняка Крин тоже это заметил, потому что сдавленно вскрикнул и упал на колени. Непонятно — случайно или намеренно — меч вонзился в землю. Юноша сжал его обеими руками и медленно склонил голову, пока не коснулся лбом яблока на рукояти.

Хрустальная музыка умолкла. Крин стоял на коленях, закрыв глаза. Нош поплыла к берегу. Она поняла, что произошло. Крин наконец освободился от остатков своей брони и стал совсем другим человеком. Не чужим и чуждым, а родным и близким.

Девушка разжала его руки, судорожно сжимавшие рукоять меча. Он медленно и любовно погладил клинок.

— Ты уже не родовой меч, — тихим, надтреснутым голосом промолвил Крин.

— Он нечто большее, — мягко добавила Нош. Ей захотелось обнять юношу, прижать его голову к груди и успокоить.

Не поворачивая головы, Крин заговорил снова. И на этот раз в его голосе звучал отголосок прежней неприязни.

— Твоя Госпожа захватила меня в плен. Но для чего ей я...

— Потом поймешь, призванный на служение. Госпожа Лира — хороший лорд.

Он рассмеялся.

— Ну, никакие подвиги не отташат меня от этого озера. Пойдем, а то все удовольствие достанется Ханке...

Девочка плескалась на мелководье, пытаясь оттереть грязь с худенького тела пригоршнями мягкого песка. Она была так увлечена своим занятием, что не заметила, как ее взрослые товарищи вылезли из воды.

Нош тоже засмеялась. Ей было так легко и хорошо, как никогда в жизни.

Девушка зашла в озеро по плечи и последовала примеру Ханки. Вскоре Крин присоединился к ней.

Ушары наконец накупались всласть и теперь бродили в лугу и катались по густой траве, отъедаясь за долгие голодные дни.

Нош как следует вымыла голову, перебирая пальцами длинные черные пряди. Волосы успели отрасти уже до лопаток. Девушка высушила их на ветру, а затем расчесала деревянным гребнем, который положила в мешок Леция.

Как она сейчас? Что произошло в Казгаре со времени их побега? Не навалились ли на город новые беды и несчастья? Неожиданно незамутненное удовольствие от воды и солнца затуманилось. Тьма так просто не отступится от своего. С чем предстоит столкнуться Лире на этот раз?

Искупавшись, путешественники постирали одежду и разложили ее сушиться на берегу. Солнце стояло в зените, но они собирались остаться в долине на ночь. Нош не хотелось покидать эту чудесную каменную чашу. Она еще не чувствовала себя готовой продолжать путь.

Ханка, которая отказалась надевать влажную одежду, поползала в траве и вернулась с полной пригоршней спелых ягод, которые сочно блестели в ее смуглой ладони. Друзья полакомились ягодами и сели на траву, наслаждаясь теплом и поко-

ем. О том, что завтра нужно будет снова отправляться в дорогу, думать не хотелось.

Поужинав, они улеглись в густой траве на берегу озера. Ушары устроились немного поодаль. Ханка сразу же уснула, а Нош еще некоторое время лежала без сна, глядя на звезды. Такие крупные, как кристаллы, звезды бывают только в горах. Девушка попыталась понять, уснул ли Крин, и неожиданно заснула сама.

Она очутилась в святилище Лиры, прямо у пьедестала с изуродованными Руками. Над головой висел черный шар, в котором извивались языки пламени. Они рвались наружу и тянулись во все стороны, словно желая поглотить Свет.

Во сне Нош внезапно поняла, что нужно делать. Ей даже показалось, что рядом незримо стоит Дрин и терпеливо все объясняет. Ах, если бы Дрин действительно ждала ее там!

Шар начал раздуваться. Может, он истончается с каждой новой победой Света? А вдруг он сейчас взорвется? Нет, пока она здесь, его сила ограничена. Темнота в углах хрустальной пещеры зашевелилась, как волчак, почувывая добычу. Но девушка знала, что пока остается невидимой для неведомого врага.

Этот сон был таким ярким, что, проснувшись, Нош продолжала двигать руками, словно выполняя указания Дрин. Все исчезло. Но она понимала, что нужно поскорее закончить миссию, потому что время на исходе.

Нош села и увидела, что Крин пакует мешки.

— Мы идем в Рифт, — заявила девушка.

— Видела вещий сон? Я тоже. Да, нам нужно идти. А ей?

И он кивнул на Ханку.

— Ее можно оставить здесь...

Да, ребенку и ушарам безопасней остаться в долине.

— Мы вам пригодимся! — неизвестно откуда выскочила Ханка. Она встала перед Нош, уперев руки в бока. Молодые люди сразу поняли, что девчонка собирается стоять на своем до конца. — Мы идем с вами!

— Тебе что-то снилось? — удивленно спросила Нош.

— Может, и снилось, — лукаво усмехнулась пастушка. — Погодите, сами увидите.

ПЕРЕД НИМИ раскинулся мертвый, испепеленный Рифт. Даже в полдень небо закрывали тяжелые серые тучи. Холодный ветер уныло свистел между вставшими на дыбы скалами, которые перекрывали путь с запада. Странно, но ушары первыми обнаружили дорогу в Рифт. На третий день после того, как путешественники покинули гостеприимную долину, Башар встревожился, поскакал в сторону и заревел, призывая стадо следовать за собой.

Нош не заметила никаких признаков дороги. Крин насторожился, он до сих пор не доверял выбору животных. Но ощущение мира и дружбы, поселившееся в сердцах, было так велико, что юноша только проворчал себе что-то под нос и не стал отговаривать товарищей.

Вскоре они добрались до обмельчавшей речки, которую Нош сразу узнала. Здесь они с Дрин встретились с отрядом лорда Ярта. Перебравшись через реку, путники вступили на мертвую, разоренную землю. Где нет места жизни...

Нет, есть! Из переметной сумки на спине Башара выбрался зарк и застыл свечкой, вцепившись передними лапками в гриву вожака. Горлышко ящерицы затрепетало, капюшон раздулся и налился алой краской. Зверек издал чистый пронзительный крик, так непохожий на его обычное шелканье.

Камни зашевелились, и Нош, зная о поразительной способности зарков прятаться практически на виду, заметила множество ящериц, которые пришли поприветствовать своего брата. Ну, или двоюродного брата, поскольку местные зарки отличались серой окраской, а ее дружок блистал яркой чешуей. Зверьки прыгали между камней, следуя за караваном, и дружно стрекотали, перекликаясь между собой.

Наконец путешественники добрались до конца дороги. Оказывается, ушары прекрасно умели ходить по горам. Они забирались на такую высоту, куда люди не решались подняться. Оказавшись на вершине горы, все остановились. Прямо под ногами раскинулся Рифт.

Нош призадумалась, а затем твердо сказала:

— На север.

В ее душе что-то всколыхнулось и принялось подгонять: скорее, скорее...

Девушка начала спуск первой, за ней шел Крин, а позади — Ханка и стадо ушаров, растянувшееся цепочкой.

Нош быстро шагала между вертикально стоящими глыбами, ее направляли то ли старые воспоминания, то ли непонятное шестое чувство. Неужели она и вправду помнила, каким путем ее вела Дрин? Тем не менее девушка была уверена, что идет в верном направлении.

Когда они вышли к тайному проходу в святилище, Нош вспомнила о своем заплечном мешке. Она сбросила поклажу и оставила под ближайшим утесом. Крин тоже положил свой мешок. Ханка повернулась к ушарам и взмахнула хлыстом. Башар затрубил. Животные встали кругом, и каждый принялся отщипывать траву из сумки стоящего впереди товарища.

Зарк вспрыгнул на вершину скалы и принялся отплясывать какой-то непонятный танец, пока к нему взбирались его сородичи.

Сюда... теперь сюда... вот сюда... Нош знала, что идет правильно. Серый день клонился к закату. Наступала ночь. Но девушка знала, что у нее мало времени. Медлить нельзя.

Когда она нашла тайный вход в святилище, кристаллы в мешочке, который Нош прижимала к груди, начали гудеть и подрагивать. Казалось, в них бурлила странная, нечеловеческая жизнь.

На этот раз факел не пригодился, потому что сияющие Пальцы освещали дорогу. Когда девушка свернула за последний поворот, хрустальная пещера ожила, засверкала мириадами огней, и под ее сводами полыхнула яркая радуга. Но здесь обитал не только свет. Над пьедесталом висел страшный шар. Нош показалось, что внутри зловещего круга плещется яд. Багровая жидкость пришла в движение и начала быстро кружиться.

Вспомнив свой вещий сон, Нош повернулась к углу, из которого прежде выползала тьма. Так и есть, там притаился сгусток темноты, который зашевелился и потянулся к пьедесталу.

Вперед выступил Крин, выхватив из ножен Дарующего Надежду. По клинку заскользили ослепительные огоньки, как тог-

да, в долине. Юноша приготовился отражать нападение. Вероятно, он видел это во сне и теперь знал, что нужно делать.

В эту минуту Нош полностью доверяла своему другу. Девушка знала, что требуется от нее, и никакие тени не могли помешать ей исполнить задуманное. Кто-то дернул Нош за рукав. Рядом появилась Ханка, ее сияющий взгляд был обращен к горящему мешочку с Пальцами. Держась за рукав Нош, пастушка не отставала от старшей подруги ни на шаг.

Она даже не оглянулась на Крина и на страшную тень, выходящую из угла. У девочки было свое поле битвы.

Ханка протянула руки, и Нош, как и велела ей невидимая Дрин, вручила ей мешочек с кристаллами. Он открылся сам, словно кто-то резко разорвал шнурок, стягивающий горловину.

Нош взяла первый Палец. Ей пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться до Руки Лиры. Когда камень коснулся божественной ладони, он слился с ней воедино, словно никогда и не был отломлен.

По пещере пронесся порыв удушающей вони. Нош закашлялась. Алый шар маячил над головой — то приближался, то улетал вдаль... Нош приложила второй Палец к Руке. Откуда-то донесся душераздирающий вой. Нош поняла, что черная сила стекает со всех концов в эту пещеру.

Но девушка заставила себя не думать об этом. Ничто не сможет оторвать ее от постепенно возрождающихся Рук. Она верила в Крина и продолжала исполнять свой долг. Горло перехватило от новой дымной волны, каждый вдох давался с трудом.

Тяжесть... Плечи и руки налились свинцом, словно висевший над пьедесталом шар обрушил на нее невыносимую тяжесть. Все труднее тянуться к алтарю... Прочь! Забудь обо всем, кроме своего дела. Еще один Палец встал на место. Одна Рука готова!

Из шара вырвался оглушительный рев. Пылающий круг опустился ниже, он вот-вот коснется ее рук! Третья удушающая волна ударила прямо в лицо. Нош закашлялась, из глаз брызнули слезы.

Даже сияющие Пальцы начали тускнеть. На мгновение они стали обычными осколками стекла. Затем Руки закружились и начали расти. А через миг съежились и стали такими крохотными, что Нош едва могла разглядеть их. Как она прикрепит

такие огромные Пальцы к таким маленьким ладоням? Руки девушки дрожали, но она ухитрилась водрузить еще один Палец на место. Затем что-то — видимо, проклятый шар — высосало всю ее силу. Время остановилось, время исчезло.

Следующий Палец. На нее хлынул уже не гнев, а холодная злость, опутав руки ледяными цепями.

Нош позабыла о Крине... Она с трудом заставляла себя помнить об одном — останавливаться нельзя. Девушка едва дышала, ее клонила к земле незримая гигантская рука. Последний Палец!

Шар взорвался. Нош отбросило в сторону. На Руки хлынул ядовитый поток. А затем страшный черный огонь, если только огонь может быть черным. Нош прижалась к хрустальному полу пещеры. Воцарилась тьма. Затем слабо вспыхнул один кристалл, за ним еще один, еще...

Рядом с Нош рухнуло дрожащее тело. Ханка. Девушка с трудом вспомнила имя девочки. Но даже не протянула руку, чтобы успокоить перепуганного насмерть ребенка.

Она осторожно подняла голову и посмотрела туда, куда устремилось черное пламя. Она почему-то знала, что это пламя воссоединилось с темной тенью в углу.

Теперь тень приняла очертания человека. Нош увидела, как этот человек постепенно обретает плоть. Но у нее не осталось сил, чтобы даже поднять руку и закрыться от исходящей от него угрозы.

И все же она была не одна. Кристаллы горели уже не так ярко, но их света хватало, чтобы разглядеть мерцающий в темноте клинок. Хотя девушка не могла разглядеть владельца клинка, который вышел вперед и встал перед средоточием Тьмы.

Черный Господин воплотился полностью. Он стоял и мягко улыбался, словно взрослый, заставший расшалившихся детей и собравшийся как следует наказать шалопаяев.

И все-таки что-то было с ним не так. Если приглядеться, его фигура начинала дрожать и покрываться рябью. На мгновение он становился изможденным стариком, давно пережившим свою смерть, а затем снова превращался в зрелого и сильного мужчину.

— Такие молодые и такие глупые... — мягко заговорил он. — И все-таки я у вас в долгу. Вы принесли мне прямо в руки то,

что никак мне не давалось. Мелкая, ничтожная магия. Вы сделали мне самый дорогой подарок. Смотри, что сейчас станется с Руками!

Преодолевая невыносимый гнет, Нош повернула голову к пьедесталу. Драгоценные кристаллы по-прежнему оставались на ладонях. Но они были отравлены и больше не светились.

Девушка взглянула на Черного Господина. Он взмахнул рукой, словно отгоняя назойливую муху.

И в этот миг Крин бросился вперед. Дарующий Надежду за сверкал в круговом ударе. Но юноша метил не в темную фигуру, а в едва заметную черную нить, соединяющую человека-из-тени и отвратительный шар. Меч полыхнул сине-зеленым пламенем, а затем залился золотым солнечным светом.

Пьедестал вспыхнул. Из каждого Пальца оживших Рук ввысь взметнулись языки чистого белого огня. Тьма растворилась в истинном Свете.

— Не-е-е-ет! — заревел человек-из-тени, вскидывая руки в жесте бессильной ярости. Его плоть распалась на глазах, и из крепкого мужчины средних лет он превратился в иссушенного древнего старца. Эти живые моши продолжали выкрикивать беззубым ртом какие-то проклятия. Затем мигом облысевшая голова упала на костлявую грудь, и старик рухнул на пол бесформенной грудой. Среди складок одежды остались только белые кости, которые через миг рассыпались прахом.

А пламя Рук Лиры разгоралось все сильнее. Удушающую вонь унес порыв теплого весеннего воздуха. Благодатный огонь Лиры устремился в пробитое в потолке пещеры отверстие и разлился над Рифтом.

Крин вывел Нош из благоговейного созерцания. Он помог ей подняться на ноги. Ханка, которая до сих пор держалась за рукав девушки, тоже встала. Меч Крина остался лежать посреди пещеры. На его лезвии играли яркие огоньки, словно тысячи маленьких звездочек, спустившихся с неба. Юноша не стал поднимать Дарующего Надежду.

— Да, — выдохнула Нош, встряхнув с себя чары удивительного зрелища. — Давайте вернемся... вернемся в прежние владения Лиры.

Они покинули пещеру. Серые тучи разошлись, и на иссушенную землю упали солнечные лучи. Ханка отпустила руку

Нош и бросилась вперед. К ней подошел вожак ушаров. Девочка сбросила со спины Башара переметные сумки и помчалась дальше. Животные затрусили вслед за пастушкой, вытянувшись длинной взволнованной вереницей. Они тоже праздновали победу. Затем Ханка откатила в сторону несколько камней, расчищая почву. Она изо всех сил воткнула в землю деревянную рукоять хлыста. Рукоять задрожала. На ней проклюнулись веточки, потянулись вверх и тотчас выбросили крохотные листочки. Сезон холодов и смерти закончился, в Рифт вернулась жизнь.

Словно по сигналу, трое друзей вскарабкались на высокий утес у древней дороги. Над ними сияло жаркое солнце.

Сверху открывался вид на весь Рифт. Черная земля начала покрываться зеленой травой. Пересохшее русло реки забурлило и наполнилось чистой проточной водой.

Прямо на глазах пустынная местность преобразилась. Из земли показались тоненькие прутики, будущие леса и сады, которые торопливо потянулись к небу и раскинули пышные кроны.

Легкий ветерок донес аромат цветов и свежей зелени. Ковер сочной травы засверкал разноцветными капельками, и недавно мертвая земля превратилась в цветущий сад.

Ушары принялись гоняться друг за другом, словно беспечные детеныши. У ног друзей раздалось веселое шелканье, и на каменную площадку взлетело сверкающее тельце. Зарк ухватился за юбку Нош и вскарабкался ей на руку. Снизу грянул дружный хор его сородичей, которые устроили весеннюю брачную пляску.

Вдалеке послышались стук копыт, скрип повозок и фыркание варгов. Нош повернула голову, и ее взгляд устремился вдаль и чудесным образом разглядел путешественников, показавшихся на границе Рифта.

По дороге ехал старый, неуклюжий фургон, который тащили два исхудавших варга. Животные замерли, вдохнули целебный воздух и припустили рысью. Они замотали головами, словно хотели сбросить надоевшее ярмо и вдоволь попастись на свежей траве.

Рядом с фургоном шагала девочка-подросток с кнутом в руке. Она тоже пораженно оглядывала весеннее великолепие Рифта. За ней бежала сестра, совсем еще ребенок.

На козлах повозки, окруженная тюками и мешками, сидела женщина. Она баюкала крохотного младенца.

За фургоном шли четверо мужчин. Они вели в поводу лошадей — кожа да кости. Но животные радовались свежей зелени так же, как и варги. Двое мужчин направились к чистой, полноводной реке. Остальные пошли за фургоном. Они были похожи друг на друга — усталые, изможденные, с печатью страданий на лицах. Но сейчас их глаза светились неожиданным счастьем.

Нош вскинула правую руку. С ее пальцев сорвалось сияние. Яркие лучи полетели к далеким странникам.

— Рифт жив! — воскликнула она, чувствуя, что по щекам текут слезы радости. — Здесь возродится новое племя!

— А как же ты? — тихо спросил Крин со странной, незнакомой ноткой в голосе.

Волшебное зрение через миг оставило девушку. Видение новоприбывших путников пропало. Но девушка знала, что они уже здесь.

— Я буду служить Лире, — не задумываясь ответила Нош.

Юноша взял ее за руки и притянул к себе.

— Значит, жрица, ты сделала свой выбор?

Нош положила руки ему на плечи и крепко, почти властно, обняла.

— Лира благословляет любовь... близость тел и душ. И награждает дарами. Зло исчезло. Храма больше нет. И, как я уже говорила, Лире служат не только жрецы и жрицы, но и воины.

Крин взял ее за плечи и развернул лицом к себе. Девушка подняла свои волшебные руки и погладила его по щекам. А затем притянула голову юноши к себе, и их губы встретились. Сперва робко, несмело, а затем слились в долгом счастливом поцелуе.

Потом говорили, что именно с этого дня хаос в остальном мире, за пределами Рифта, начал сменяться порядком. Свет прогнал тьму, потому что Раскан больше не сеял смуту среди людей. Благословенный Свет Лиры, воссиявший над Рифтом,

в одном месте коснулся мужчины, в другом — женщины, а где и ребенка. И все призванные с радостью принимали Ее дар и отдавали служению все силы души.

Лорд Ярт, который взошел на трон Высшего короля, приехал в Рифт и гостил под сенью Живых Рук целый сезон. Он преклонил голову и возблагодарил Светлую Госпожу. С тех пор его Дом не знал горя и утрат, а подвиги и славные деяния Высшего короля долго радовали потомков.

Когда он вернулся в столицу, то привез плащ из лучшей шерсти ушаров. Этот наряд был теплым и легким, как знаменитые западные шелка. На плаще не было никаких украшений или дорогого шитья, но он застегивался пряжкой с удивительным камнем. Поговаривали, что этот странный кристалл светится в темноте. Как бы то ни было, но этот плащ стал праздничной мантией короля Ярта, и он носил его до конца своей долгой жизни.

Но это все произошло во внешнем мире. А у Рифта появились свои дети, осененные благодатью и любовью Лиры.

ЗЕРКАЛО СУДЬБЫ

КОМНАТА БЫЛА узкой и длинной, с низким потолком. Эта комната обладала странным свойством — временами казалось, что она меняется в размерах. Впрочем, эту странность можно было отнести на счет богатого воображения тех, кто сюда попадал. В комнате царил невообразимый беспорядок — но и у любой другой хозяйки был бы не меньший кавардак.

На бесчисленных полках и полочках, тянувшихся вдоль стен, стояло огромное множество разнообразных ящичков, коробочек, баночек и кувшинчиков — пересчитать их все смог бы разве что самый терпеливый и усердный наблюдатель. Большие ящики были тщательно разделены перегородками на более мелкие отделения, в которых хранились запасы сушеных трав, листьев, цветков, корней и стеблей, а также пакетики с драгоценными чужеземными пряностями.

Вдоль длинного стола, стоящего посреди комнаты, выстроились ряды бутылок и бутылочек, всех мыслимых форм и размеров. Бутылочки были закупорены пробками в форме гротескной головы, явно не человеческой, скорее принадлежавшей какой-то чудовищной твари. В доме добропорядочных обывателей никогда не увидишь вещиц подобного рода.

На первый взгляд эта странная длинная комната казалась слишком темной и мрачной, но когда глаза вошедшего немного привыкали, он обнаруживал, что какой-то свет все же присут-

ствует. Этот свет, вопреки всяким законам природы, почему-то собирался и держался рядом с занятыми своими делами обитателями. В это ясное весеннее утро обитателей было двое с половиной — если считать за половинку громадного пепельно-серого кота, который сидел на столе совершенно неподвижно, словно изваяние, так что его можно было счесть продолжением батареи бутылок с пробками в виде звериных морд.

Кот внимательно наблюдал за работающей девушкой. Могло даже показаться, что кот присматривает за ее трудами — все ли она делает правильно. Девушка полностью погрузилась в работу — она ритмично водила пальцами по гладкой круглой пластинке и, чуть склонив голову, следила взглядом за движениями своих пальцев.

Девушка была совсем молоденькая, ее светло-каштановые волосы были заплетены в тугие косы, бледное лицо с немного резковатыми чертами выражало глубокую сосредоточенность. Одета она была в невзрачное и довольно потрепанное домашнее платье темно-зеленого цвета, стянутое на талии широким рабочим поясом со множеством петелек и кармашков — для разных маленьких ножичков, домашних инструментов и прочих необходимых мелочей. Старое платье собиралось широкими складками, но все равно не скрывало по-детски тонкой фигурки девушки.

Твилла, ученица ведуньи Халди, прервала ненадолго свое занятие, поднесла правую руку к свету и внимательно осмотрела маленькие колпачки, надетые на кончики пальцев. Диск, по поверхности которого она только что водила пальцами, Твилла пристроила на колено, а левой рукой аккуратно сняла колпачки, которые успели протереться почти насквозь и казались сделанными из тончайшей, полупрозрачной паутинки. Девушка отложила использованные колпачки в сторонку и натянула на каждый палец по новому колпачку — их она взяла из коробочки, стоящей здесь же рядом, у края стола.

Надежно водрузив колпачки на пальцы, Твилла вернулась к прерванному занятию. Она полировала гладкую серебряную поверхность диска, проводя по ней пальцами — постоянно в одной и той же, неизменно повторяющейся последовательности, так что ритмичные движения ее пальцев образовывали на серебряной пластинке сложный, запутанный узор.

— Вверх и вниз, туда-сюда,
Где солнце, воздух и вода!
Сила выйдет на твой зов
Изнутри, сквозь плоть и кровь!

Такие вот песенки-считалочки обычно напевают маленькие девочки, прыгая через скакалку или играя с мячиком. Только эта песенка была чем-то большим, чем детская игра, и Твилла повторяла слова очень аккуратно — она знала, что нельзя ничего упустить или перепутать. Девушка полировала серебряное зеркальце по часу каждый день, и ничто не могло бы оторвать ее от этой кропотливой работы — разве что стены дома вдруг начали бы рушиться ей на голову.

Твилле было всего восемь лет — насколько смог определить содержатель сиротского приюта, — когда ее, неприкаемую бродяжку, схватили в порту во время очередной облавы. Время от времени городская стража устраивала такие облавы в целях поддержания общественного порядка. Как раз тогда ведунья Халди подыскивала себе ученицу — а в Варваде нашлось не так уж много семей, которые отдали бы свою дочь обучаться столь сомнительному и небезопасному ремеслу.

Уже тогда, в столь юном возрасте, Твилла хорошо усвоила суровые законы выживания — она была подозрительной, осторожной и всегда готовой постоять за себя. Но девочка не отпрянула в страхе, когда Халди, похожая в своем развевающемся плаще на странную и жутковатую птицу, указала на нее пальцем, выбрав среди пятерых претенденток.

Халди ни в малейшей мере не походила на добрую матушку — высокая и худая, с грубыми чертами лица. Когда она говорила, в ее голосе отчетливо слышались резкие, хрипловатые нотки — так говорят люди, привыкшие, чтобы им повиновались. И все же Твилла была очень довольна, что это именно она, а не какая-нибудь другая девочка покинула сиротский приют вместе с ведуньей. Ей приходилось идти очень быстро, то и дело переходя на бег, чтобы поспевать за широкими шагами своей новообретенной госпожи и наставницы.

За десять лет, которые прошли с той поры, Твилла много раз успела поблагодарить неведомые высшие силы, принимавшие участие в ее судьбе, за то, что ведунья Халди выбрала ее в уче-

ницы. Шли долгие месяцы, долгие годы испытаний, но Твилла училась усердно — о, как же она училась! Девочка с такой же жадностью впитывала в себя новые знания, с какой потерявшийся в пустыне странник преникает к нежданно встреченному на пути источнику.

Целой жизни не хватит, чтобы овладеть в совершенстве ремеслом ведуньи, как любила повторять Халди. Она и сама до сих пор продолжала учиться, с каждым годом упорно наращивала свои силы и мастерство. А Твилла, хотя только-только начала постигать премудрости этого ремесла, уже овладела искусством чтения и письма и неплохо натренировала память. Девушка научилась крепко запоминать то, что действительно важно. Она знала теперь, на что годится множество самых разных трав и кореньев. Твилла часто сопровождала свою наставницу к роженицам или к больным и немощным, готовым вот-вот испустить дух, так что и сами обряды, и навыки в искусстве ведуньи сделались для нее привычными, стали почти что ее второй натурой, несмотря на то что девушка никогда еще по-настоящему не испытала на себе самой ничего подобного — ни родов, ни тяжелой болезни.

Та вещица, над изготовлением которой Твилла так усердно сейчас трудилась, предназначалась для нее — так распорядилась Халди. Где-то около трех месяцев тому назад ведунья сделала небольшое круглое зеркальце. Отражающая поверхность маленького диска выглядела тусклой и мутной, словно затуманенное оконное стекло. А тыльная сторона зеркальца была сделана из зеленоватого металла, причем каждый дюйм пластинки покрывала затейливая гравировка. В переплетении тонких, извилистых линий гравировки угадывались таинственные знаки и символы, кое-где проступали изображения каких-то причудливых животных, словно пойманных в сеть тонкой резьбы.

На долю Твиллы осталась завершающая часть работы — полировка отражающей поверхности диска до зеркального блеска. Девушка должна была отполировать зеркальце своими собственными пальцами, надев на каждый палец специальный колпачок из мягкой, шелковистой ткани, пропитанной вытяжками из разных растений. Когда Твилла полировала зеркальце, от непрерывного, размеренного трения колпачки нагревались

и выделяли ароматические вещества — и благовонные, и дурно пахнущие, но все они были необходимы.

Девушка работала сосредоточенно, однако нельзя было сказать, что она при этом не видела и не слышала ничего, что творится вокруг. Твилла, конечно же, заметила внезапную перемену в поведении серого кота, который все это время сидел неподвижно и присматривал за ней хозяйским взглядом. Дымок вскочил, изогнул спину и распушил хвост, глядя желтыми глазищами с двумя узкими черными щелками зрачков на наружную дверь, которая находилась как раз у Твиллы за спиной. Из горла кота вырвалось низкое, воинственное урчание. Услышав этот звук, Халди, как по сигналу, оставила свое занятие — она сидела у очага и неторопливо, размеренно помешивала деревянным половником варево, кипевшее в маленьком котелке, — и повернулась к коту. Ведунья долгим, внимательным взглядом посмотрела на Дымка, потом сняла варево с огня, подняла цепочку, на которой висел котелок, и тоже посмотрела в сторону входной двери. Не отрывая глаз от двери, она вытерла руки о полотенце, заткнутое за тесемку фартука.

Пальцы Твиллы замерли, она даже не закончила очередной виток скольжения по серебристой поверхности зеркального диска. Девушка взглянула на Халди и развернулась на стуле, чтобы тоже оказаться лицом ко входной двери. Стены этого старинного дома были очень толстыми и заглушали почти все звуки, доносившиеся из шумного порта. Но Халди, как, впрочем, и Дымок, обладала способностью чуть беду, даже когда ее еще не видно и не слышно. Беду?

Твиллу захлестнула волна дурного предчувствия. Девушка быстро сунула зеркальце в специально для него предназначенный мешочек, туго затянула шнурок и надела себе на шею, так что мешочек повис на уровне груди. Твилла не оставила его на виду, а спрятала за пазухой, под своим просторным старым платьем. Затем она поспешно сняла с пальцев использованные полировочные колпачки, сложила их вместе и бросила в большой широкогорлый кувшин, потом плотно закрыла крышку ящичка, в котором хранился запас новых колпачков.

Ничего страшного пока не случилось — никто даже не стучал в дверь...

Не успела Твилла об этом подумать, как в дверь постучали. Девушка с удивлением увидела, как ее наставница подняла руку и звонко щелкнула пальцами. Обычно Халди так явно использовала свою силу, только когда они с Твиллой были одни.

Засов на двери, повинувшись воле ведуньи, плавно скользнул в сторону, и дверь распахнулась внутрь — да так быстро, что человек, который стоял на пороге и уже поднял было руку, собираясь постучать снова, не удержал равновесия, ввалился в комнату и едва не упал. Он остановился у входа и завертел головой, слепо глядя прямо перед собой невидящими глазами, потому как из ясного, погожего дня сразу попал в полумрак. И тут, безо всякой видимой причины, в комнате мгновенно стало светлее — так что две женщины смогли ясно рассмотреть своего нежданного гостя.

— Это ты, Гарходж... — Ведунья назвала мужчину по имени, и Твилла тоже его узнала. Гарходж жил по соседству, на этой же улице. Две недели назад Халди помогала при родах его жене. Роды были тяжелые, но ведунья сумела спасти и малыша, и мать, когда другие повивальные бабки уже ничего не могли сделать и все распрощались с надеждой, что женщина и ребенок останутся в живых.

— Ведунья Халди! — Гарходж дышал тяжело и прерывисто, как человек, которому только что пришлось быстро бежать. — Они идут, они прошли уже и по Гюнтер-лэйн, и через Грифалькон. У них сейчас недобор, поэтому хватают всех подряд, даже если это не по закону!

Твилла сжалась на стуле в комочек. Гарходжу больше ничего не нужно было объяснять — они и так все поняли.

Охота за невестами! Уже пять лет охотники за девушками время от времени переворачивали вверх дном портовый город, равно как и села, и поселки, и еще два других крупных города Варслаада. Любая не обрученная и здоровая телом девушка могла стать жертвой этой охоты.

Причем ни о каком разбое не было и речи — государственный Совет в полном составе признал «охоту за невестами» законной, и сам король скрепил решение Совета своей подписью и печатью. Поселенцам в Пограничье нужны были жены — и родная страна должна была их предоставить. Конечно, девушкам благородного происхождения такая незавидная

участь не грозила, как и тем, которые были помолвлены по всем правилам, с регистрацией в городской ратуше. Зато любую не слишком родовитую свободную девицу в любой миг могли забрать из родительского дома, оторвать от семьи, от всего, что было с детства знакомо, увезти далеко-далеко, за горы, и выдать замуж за первого встречного незнакомца. Непонятно, почему такое происходило — об этом ходили только неясные слухи... Будто бы любому мужчине, переселившемуся в Пограничье, угрожала смертельная опасность, ежели он не был женат. Казалось бы, над такими нелепыми, невероятными слухами можно просто посмеяться... Да только никто не смеялся. А Варслаад очень нуждался в продуктах, которые производили фермеры Пограничья.

Земли самого Варслаада не годились для сельского хозяйства. Из-за обширной открытой добычи ценных руд, на которой основывались богатство и безопасность государства, плодородной почвы здесь почти не осталось. Страна нуждалась в новых землях, пригодных для возделывания. Почти в каждый сезон холодов случались народные бунты — лишенные клочка земли фермеры и голодающие шахтеры выказывали недовольство настоящим положением вещей. А западные земли были сказочно богаты... Караваны из-за гор привозили столько прекрасного зерна и такое изобилие разнообразной еды, что люди всякий раз собирались толпами встречать прибывающих путешественников и с восхищением рассматривали удивительные грузы.

Вот потому-то и охотились за невестами... Хотя из каждой семьи по закону разрешалось забирать только одну дочь, подходящих девушек все равно хватало — да только вечно голодные дочери разорившихся фермеров и обедневших шахтеров были слишком хилыми и слабыми. У них просто не хватило бы сил перенести долгое и трудное путешествие через горы, в дальнее Пограничье.

— Твила отдана мне в ученицы, — напомнила Халди.

— Ох, ведунья... Поговаривают, будто Скимиш донес в городскую управу, что вашу Твиллу взяли из приюта. А потому она как бы и не совсем тебе ученица. Да и кровной родни у сиротки нету, никаких добрых людей, чтоб за нее могли поручиться. А еще... Не гневайся, ведунья... Только есть и такие,

кто дурное про тебя говорит. Втихомолку, конечно, — опасаются все же открыто напраслину возводить. Но кому надо, тот услышит... Будто бы ты, ведунья, недобрые и опасные дела творишь, и не мешало бы кому следует за тобой лучше присматривать... Если ты сейчас против них слово скажешь — вот оно и выйдет, что не зря они насчет тебя тень на плетень наводили...

Твилла облизала пересохшие губы. Девушка знала, что таких людей, как Халди, — тех, кто обладает сверхъестественными силами, — многие боятся и даже ненавидят. И неважно, сколько добра было сделано с помощью этих чудесных сил... Да, пекарь прав...

Девушка встала со стула и повернулась к своей наставнице.

— Мастер Гарходж верно говорит, госпожа моя. Я не допущу, чтобы из-за меня пошло прахом все, чего вы здесь достигли. Я ведь и вправду из сиротского приюта, и у меня нет кровных родичей. За меня некому поручиться. Вы же знаете, как в Варваде относятся к таким, как я, — Твилла едва заметно вздрогнула, произнеся слово «Варвад». Но она твердо решила не отступать от своих намерений. Ведунья Халди сделала для нее так много хорошего, и Твилле не хотелось отплатить ей злом за добро.

Халди поманила девушку пальцем. Твилла тотчас же подошла и стала перед ведуньей. Та взяла ее правую руку в свою, повернула открытой ладонью кверху и, низко склонив голову, стала пристально всматриваться в линии на девичьей ладони, словно надеясь увидеть там предсказание того, что может случиться.

Твилла почувствовала, как тело ведуньи внезапно напряглось, и тут Халди заговорила:

— Нужно следовать зову Сил... Невозможно плыть поперек течения, не считаясь с мощью потока. Не думала я, что потеряю... — Ведунья подняла голову и смотрела теперь с высоты своего немалого роста прямо Твилле в глаза. — Если уж так суждено, значит, ничего не поделаешь. Ты стала мне почти что родной дочерью, девочка... Однако, похоже, наши с тобой линии судьбы отныне расходятся в разные стороны. Если тебя заберут... — При этих словах глаза ведуньи полыхнули яростным огнем, а тонкие губы плотно сжались. — Если тебя заберут,

они очень скоро обнаружат, что на этом приобретении много потеряли. Возьми то, что на тебе сейчас, применяй это так, как подскажет тебе вдохновение... И в конце концов это принесет избавление не только тебе одной, Твилла. Ты обучена искусству исцеления. Надеюсь, эти знания помогут тебе справиться с невзгодами. Используй все, что знаешь и умеешь, в полную силу — старайся делать лучшее, на что ты способна.

Снаружи донесся какой-то неясный шум, послышался гулкий топот тяжелых сапог, по мостовой загрохотали колеса повозки. Халди вскинула руку и повелительным жестом указала на дверь за спиной у Гарходжа. Дверь бесшумно закрылась, и они снова оказались в тишине своего маленького мира.

— Мастер Гарходж, вы пришли попросить у меня снотворного для вашей жены. — Халди говорила сухо и деловито, ее слова намертво впечатывались в память. Она подошла к столу, заставленному всевозможными бутылками и склянками, и провела рукой вдоль длинного ряда сосудов, будто что-то выбирая.

Гарходж коротко кивнул. Пряди соломенных волос выбились из-под шапки и упали на лоб. В глазах пекаря только сейчас промелькнуло понимание — ведь сейчас его застанут в очень неподходящем месте, в неподходящее время...

Повинуясь едва заметному жесту наставницы, Твилла быстро скользнула вокруг стола и присела у очага. Она взяла деревянный половник, который Халди вставила ручкой в одно из звеньев цепи, передвинула котелок обратно, на самый жаркий огонь, и принялась помешивать варево с таким видом, будто ничем другим она и не занималась.

Халди как раз успела выбрать подходящую бутылочку и поднести к свету, чтобы Гарходж мог получше ее разглядеть, — и тут снова раздался настойчивый стук в дверь. Не успел еще отзвучать первый стук, как в дверь постучали снова, выказывая тем самым жгучее нетерпение. По комнате метнулся пушистый серый комок — кот не пожелал встречать незваных гостей и предпочел спрятаться. Халди с бутылочкой в руке подошла к двери, отодвинула щеколду и встретила гостей на пороге.

Новый посетитель был приземистым, ростом ниже среднего для мужчины. Ведунья Халди была даже выше его. Видимо, из-за этого он держался подчеркнуто высокомерно и надмен-

но — так обычно ведут себя провинциальные дворяне, впервые приехавшие в большой город.

Узкая, выдающаяся вперед нижняя челюсть была выбрита так небрежно, что кое-где остались клочки темной щетины, издавека похожие на следы от грязных пальцев.

Из-под его массивной стальной кирасы выглядывала грязная, поношенная кожаная куртка. Доспехи дополнялись металлическими наручами почти до локтя. Шлем он чуть сдвинул к затылку — наверное, чтобы лучше видеть. Через плечо к бедру, поверх кирасы, была повязана грязная, измятая лента, которая обозначала высокий ранг этого офицера. Несомненно, это и был предводитель отряда охотников за невестами. Он окинул тяжелым, холодным взглядом ведунью Халди, с подозрением зыркнул на Гарходжа, стоявшего в глубине комнаты, и на хлопотавшую у огня девушку.

— Чего изволите? Есть лекарства от всяких хворей... — Голос Халди как-то странно изменился, стал тише. Привычные повелительные нотки исчезли без следа, осталось лишь старческое дребезжание. Да и сама ведунья вдруг словно сделалась меньше, как-то усохла и сморщилась — накинув себе возраст, как набрасывают плащ.

— В вашем доме живет девушка из сиротского приюта! — рявкнул офицер. — По возрасту она годится в невесты и еще ни с кем не обручена...

— Она отдана мне в ученицы. — В голосе ведуньи послышались просительные, подобострастные нотки.

— Она — сирота! У нее нет родни, которая могла бы подписать документы, а значит, никто не мог отдать ее в учение. Эй, девушка! Выходи сюда!

Офицер прошел на шаг или два в глубь комнаты и, выкрикивая этот приказ, отвел настороженный взгляд от Халди.

Твилла не спешила выполнять приказание. Она потянула время, делая вид, что для нее нет ничего важнее порученной работы, — девушка думала, что именно так должна вести себя сиротка-ученица, которую наставница держит в ежовых рукавицах. Поэтому Твилла сперва отставила с огня котелок, положила на место деревянный половник и только потом обернулась к офицеру.

Напыщенный командир отряда окинул ее взглядом с головы до ног, всем своим видом давая понять, насколько невысоко его мнение об этой будущей невесте для поселенца.

— Она должна...

— Как скажете, капитан. — Халди почтительно поклонилась, и Твилла поняла, что ведунья пытается выиграть время. — Она будет готова, когда вы скажете.

— Она пойдет с нами сейчас! — заорал в ответ офицер. — Татан! — Он не повернул головы, но повысил голос, и на его зов не полностью прикрытая дверь распахнулась настезь.

Тяжело ступая, в комнату вошла женщина, тоже в доспехах, как и командир отряда. Но только вместо кирасы она была одета в двухслойную стеганую куртку из толстой кожи, штаны и сапоги — все явно армейского образца. Волосы женщины были коротко обрезаны. На ее лице с грубыми, тяжелыми чертами выделялись маленькие, но очень живые глазки. Женщина-солдат настороженно и подозрительно поглядывала по сторонам — так же настороженно, как и ее командир.

— Татан пойдет с тобой, девушка. Она проверит твои пожитки, и ты возьмешь только те вещи, на которые она укажет. Поняла?

Твилла кивнула, стараясь казаться очень испуганной, — девушка надеялась, что они сочтут ее тихой и послушной.

— Твилла немного обучена врачеванию, — сказала Халди. — Эти ее умения при случае могут вам пригодиться, добрый капитан. Если бы вы позволили ей взять с собой сумку с целебными травами и мазями...

— Так тому и быть, ведунья. Но ты покажешь мне все, что будет в этой сумке, и растолкуешь, для чего это нужно. А ты, девушка, иди собирайся!

Повинуясь настойчивым распоряжениям командира отряда, Твилла выскочила из комнаты через другую дверь. Одной рукой она прижимала к груди заветное зеркальце. Девушка знала, что ведунья Халди управляет могучими силами, с помощью которых вполне могла бы защитить свою ученицу от такой напасти. И то, что Халди решила не прибегать к этим силам, само по себе служило для Твиллы указанием.

Девушка поднялась по кривым ступенькам узенькой лестницы наверх, в комнату, которая уже столько лет была ее домом, ее убежищем.

— Возьми теплые вещи и крепкие ботинки. Тебе предстоит долгая и трудная дорога, сиротка! — На Твиллу пахнуло тяжелым дыханием, сдобренным крепким запахом дешевого пива, как будто Татан стояла прямо у нее за плечом.

Девушка ничего не ответила, все еще разыгрывая из себя запуганную тихоню. Она молча вынула из сундука, стоявшего у изголовья узкой кровати, теплый зимний плащ. Потом из того же сундука достала простую и прочную одежду, которую надевала, когда отправлялась вместе со своей наставницей в дикие места собирать целебные травы. Это были стеганые штаны из трех слоев грубой шерсти и кожаная куртка, почти такого же покроя и качества, как у Татан. Но только от одежды Твиллы не разлило застарелым потом и невымытым телом, а пахло тонким ароматом сушеных трав.

Повернувшись спиной к своей надзирательнице, Твилла распустила завязку на вороте платья и сняла пояс, увешанный множеством маленьких мешочков и всяких полезных инструментов. Старое домашнее платье упало к ногам девушки. Твилла осталась в одной нижней рубашке, под которой пряталось зеркальце.

Сменив одежду на походную, Твилла окинула взглядом комнату. Запасное белье... Они наверняка позволят прихватить несколько чистых нижних рубашек. Девушка с глубоким сожалением посмотрела на коротенький ряд книжек на полке. Нет, лучше не надо... Все, что взято из дома ведуньи Халди, вызовет ненужные подозрения. Твилла хотела было наклониться и подобрать свой рабочий пояс, но Татан остановила ее, схватив за плечо крепкой, мускулистой рукой:

— Там, куда ты отправляешься, эти безделушки тебе не понадобятся. Ведьмовские штучки!

Твилла оставила пояс на полу, вынула из сундука длинный шарф и повязала на талию. Причем проделала это так быстро и ловко, что Татан наверняка не заметила особых знаков, вышитых по шарфу цветными нитками, так удачно подобранными в тон основному цвету ткани, что они почти сливались

с фоном. Затем девушка увязала в узел чистые нижние рубашки и повернулась к Татан:

— Я готова.

Твилла низко надвинула на лицо капюшон дорожного плаща, чтобы не выдать обуревавших ее чувств. Ей не пришлось притворяться, чтобы изобразить дрожь в голосе. Ведь так внезапно девушку вырвали из тихого, безопасного уголка, и что теперь ждало ее впереди? Неизвестность.

Халди уже собрала для нее небольшой дорожный мешок. Гарходж тихонько отошел в самый темный угол и в волнении грыз там свои грязные ногти. Офицер в кирасе привалился к столу и мрачно, с неодобрением наблюдал за сборами.

— Я учила тебя лекарскому искусству, — сказала Халди. — Если ты, девочка, хоть что-нибудь усвоила за те годы, что провела здесь, среди моих горшков и бутылок, — покажи свое умение. Помни... — Пронзительный взгляд ведуньи, казалось, проникал сквозь низко опущенный капюшон. Твилла кожей чувствовала, что Халди смотрит прямо ей в глаза. — Помни — все, чему ты научилась, надо применять, чтобы нести облегчение страждущим, во благо всем и каждому. Да пребудет с тобой благословение Новой, Полной и Старой! — Ведунья не поднимала руки, осеняя ученицу тройным знамением, но пальцы Твиллы, скрытые под полой плаща, сами собой двинулись, следуя этому древнему знаку.

Получив такое благословение, Твилла еще ниже опустила голову. Она понимала, что Халди, конечно же, обо всем догадывается... Твилла плакала очень редко и почти забыла, когда в последний раз на ее глазах появлялись слезы.

— Госпожа моя, ведунья! Благодарю тебя за доброту и милосердие. — Голос девушки предательски задрожал. Татан ухватила ее за локоть и развернула лицом к открытой двери. Твилла споткнулась, переступая порог, — ноги отказывались уходить из ставшего таким родным дома. Но она справилась с собой — потому что чувствовала на груди гладкую пластинку серебряного зеркальца, которое как будто и сейчас черпало из нее некую неведомую силу.

НЕУКЛЮЖУЮ ПОВОЗКУ сильно трясло и подбрасывало на ухабах. Сидевшим внутри приходилось все время цепляться за что придется, чтобы не соскользнуть с лавки и не свалиться на устланный соломой пол. Хотя шел уже первый месяц весны, со стороны высокого сиденья для кучера внутрь повозки время от времени задувал сильный порывистый ветер, очень холодный. Люди в повозке зябко кутались в дорожные плащи, пытались согреться.

Твилла старалась сохранять равновесие, но когда повозка подсакивала на особенно глубоких ухабах, девушка не могла удержаться и приваливалась боком к своей соседке по лавке. Та всякий раз недовольно ежилась и передергивала плечами, как будто ей были до крайности неприятны прикосновения Твиллы.

Прошло уже три дня, как они покинули Варвад. Процессия из трех повозок продвигалась вперед не спеша. Твилла попала в сети охотников за невестами за несколько дней до их отъезда из города и успела повидать других девушек, которым выпала та же участь. Компания подобралась весьма пестрая — даже для портового города с развитой торговлей, в который стекается множество самых разных чужестранцев.

Всего повозок было три, и в каждой ехали по шесть пленниц. Повозка, в которой сидела Твилла, располагалась посредине процессии, между двумя другими. С тех пор как будущих невест для поселенцев согнали вместе, девушки еще не успели не то что подружиться — даже как следует познакомиться. Слишком разными они были.

С одной стороны от Твиллы сидела маленькая, похожая на мышку девушка по имени Аскла. Она постоянно плакала, и лицо у нее до того распухло от слез, что глаза превратились в узенькие щелочки. Со стороны казалось, что в ее маленьком, худосочном тельце почти совсем не осталось сил. На ней было опрятное и хорошо сшитое, хотя теперь и измятое платье, а также добротный плащ с каймой. Если судить по одежде, Аскла происходила из семьи с достатком — скорее всего, она была младшей дочерью какого-нибудь торговца. Вторая соседка, наоборот, была гораздо крупнее и массивнее Твиллы — мускули-

стая рыбачка в пропитанной морской солью одежде, от которой исходил непередаваемый запах сырой рыбы.

Эта девушка, Лила, не проронила ни слезинки. На ее загорелом лице с квадратным подбородком отражалось только искреннее любопытство. Лила посмотрела на Твиллу, и ее полные губы расплылись в кривой усмешке.

— Придется нас по кусочкам собирать, когда доберемся до места, — заметила она. — Какой же мужик захочет взять себе в постель страшилище в синяках и кровоподтеках? Лучше бы эти парни позаботились, как доставить нас через горы в целости и сохранности, чтобы выставить на аукцион в лучшем виде. А то вряд ли они много получат.

— Аукцион? — За последние несколько дней до Твиллы доходили самые разнообразные предположения, так что она решила спросить. — Я думала, это будет лотерея...

Лила подмигнула ей и сразу же покрепче схватилась за борт, потому что повозка угодила в очередную выбоину на дороге и сильно накренилась.

— Лотерея — это не то, про что рассказывал Сэмпер. Ну да, конечно, — на бумажках пишут имена и бросают в горшок, а потом тянут жребий... Так оно должно быть по закону — ну, когда женятся. Но за то, чтоб им дали вытянуть бумажку из горшка, тамошние мужики должны выложить денежки. Так что этот лорд Хармонд — он имеет себе кой-какие доходы... Не сильно много, конечно, а то король потребует, чтобы и ему отстегивали долю. Но одного этот лорд держится твердо, так и знайте... Раз уж кто из этих, что в грязи ковыряются, свой жребий вытянул — он должен принять то, что ему выпало. Отказаться и тянуть по второму разу уже нельзя. И неважно, понравится ему то, что досталось, или не понравится — это когда разберутся, про кого в бумажке написано, да посмотрят они друг на друга...

Твилла напряглась.

— А если жениху не понравится девушка, которая ему досталась по жребию? Или если он ей не понравится? — спросила она. И только сейчас заметила, что всхлипывания с другой стороны от нее немного поутихли — похоже, вторая соседка тоже прислушивалась к разговору.

Ли́ла пожа́ла плеча́ми. Плечи́ у молодой рыба́чки были широ́кие и крепо́е, натрениро́ванные за мно́го сезо́нов лова́, и от это́го жест получи́лся вдвойне вырази́тельным. Ли́ле приходи́лось поднимать па́руса, забрасывать и вы́таскивать се́ти, управ́ляться с весла́ми...

— А до это́го уже́ нико́му нет де́ла. Вот Сэ́мпер мне говори́л — раз уж кто ка́кую де́вку вы́тащил, тот на ней и поже́нится, и бу́дут себе́ жить ка́к е́сть... Если то́лько зеле́ные де́моны не ута́щат ко́го-нибу́дь из них.

— Зеле́ные де́моны? — пере́спросила Твилла. Оказыва́ется, рыба́чке изве́стно го́раздо бо́льше то́го, о чем пере́шепты́ваются ме́жду собо́й дру́гие. Это́ уже́ не просто́ слухи́ и домы́слы.

— Ты не слы́хала про зеле́ных де́монов, ба́рышня? Из-за это́го мы им и ну́жны. Мне е́ще здо́рово пове́зло, что Сэ́мпер — он тут у нас се́йчас вро́де ка́к в стра́же... Ну, так Сэ́мпер-то — он же са́м из Вулкеро́в, то е́сть, выходи́т, все́м на́шим двою́родная ро́дня. Ну, так он мне тут по́рассказа́л вся́кого, Сэ́мпер-то. А это́ стои́т послу́шать, если хо́чешь зна́ть, что нас все́х ожида́ет там, впе́реди... — Повозку́ в о́чередной раз крепо́о тря́хнуло, и Ли́ла проворча́ла: — Если то́лько они до́везут нас ту́да живо́выми! Ну, так вот. Похо́же, у них там, за го́рами, все́гда бы́ло нела́дно. Нача́лось все́ е́ще при пе́рвых пере́селенца́х. Все́ они бы́ли ферме́ры, потомстве́нные земе́лекопа́тели. У них отобра́ли земе́лю и на то́м ме́сте выры́ли ша́хты. Ну, а э́ти-то, ферме́ры, — они пе́ребра́лись че́рез го́ры и, ка́к положе́но, нача́ли разводи́ть свои́ фермы́ на но́вом ме́сте. То́лько хвата́ло их ненадо́лго. Ко́гда ту́да при́шли пе́рвые кара́ваны... Ну, в о́бщем, ника́ких ферме́ров там бо́льше просто́ не бы́ло. Кара́ванщи́ки все́ обы́скали и на́шли то́лько не́скольких — со́всем из ума́ выжи́вших. Бро́дили там се́бе, ка́к тупа́я скоти́на бессло́весная. Ну, вот... И то́гда коро́ль, говори́т, посла́л ту́да солда́т. Что́бы оты́скали те́х, кто та́кое с пере́селенца́ми вы́творил, и разо́брались, что́ к че́му. То́лько и солда́ты ни́чего о́собо́ не на́шли — и где́ иска́ть-то? О́ткры́тая ра́внина, а за ней бо́льшой ле́с. Пра́вда, в ле́с это́т солда́ты ле́зть не хо́тели. А их ка́питан сказа́л, что́ надо́ иди́ти, — и при́шлось по́йти. Ну, и ни́чего хоро́шего из это́го не вы́шло. По́тому ка́к из ле́су то́лько по́ловина о́тря́да и верну́лась. Да и те́, кто верну́лся, ли́бо на го́лову́ двину́тые сде́лались, ли́бо воо́бще ослепли́. И все́ рассказы́вали про ка́ких-то ра́спрекра́сных де́в, что́

в том лесу живут. Так с тех пор и пошло — мужиков туда как притягивает чем-то. Уходят они, и кто вообще не возвращается, а кто выбирается обратно — становится полудурком. Один только лорд Хармонд кой-чего подметил... Что ежели мужик женатый и есть у него баба в доме, с которой и спит он, — так такие мужики никуда бродить не рвутся. Вот. — Лила развела в стороны свои сильные, мускулистые руки с широкими, мозолистыми ладонями. — Вот с тех пор они туда невест и вывозят.

Было совершенно очевидно, что рыбачка Лила искренне верила в то, о чем рассказывала. Для нее это были не какие-нибудь слухи, а вполне достоверные факты. Но даже если так, у Твиллы нисколько не прибавилось желания сделаться женой какого-нибудь фермера, который выиграет ее в свадебной лотерее. Она — целительница. Нужно будет непременно поговорить с этим лордом Хармондом... Не стоит даже пытаться убедать кого-то из низких чинов — это Твилла уже хорошо усвоила. Но если добраться до самого лорда Хармонда, тогда она сможет доказать, что принесет гораздо больше пользы, если останется свободной.

В полдень повозки остановились, и девушкам приказали выйти наружу. Многие оступались и спотыкались, жалуясь на боль в затекших от долгого сидения ногах. Вокруг простиралась мрачная, унылая местность, на которую и смотреть-то было неприятно. Повсюду виднелись невысокие пологие холмы — отвалы горных выработок. Руду добывали открытым способом, срывали верхние слои земли, пока рудоносная жила не истощалась, — тогда такие обедневшие шахты просто бросали.

Плодородного слоя почвы в этих местах почти не осталось, и только кое-где виднелись зеленые заплатки упрямой растительности, которая цеплялась за жалкие клочки земли. Твиллу глубоко потрясла эта картина запустения. Ученица ведуньи привыкла относиться с уважением ко всем растениям и с благодарностью принимать эти дары земли. Пустыня, сотворенная руками человека... Твилла отвернулась, чтобы не смотреть на это душераздирающее зрелище, и принялась жевать ломоть черствого хлеба, запивая водой из бутылки, которую девушки передавали по кругу.

Казалось, здесь не осталось ничего живого. Твилла вспомнила, как они с Халди выбирались из Варвада за город собирать

травы. Насколько там все было иначе! Вокруг Варвада во все стороны раскинулись заросшие буйными травами поля и ухоженные, обработанные фермерские участки. Повсюду встречались небольшие рощицы и перелески, и везде можно было найти ручеек с чистой родниковой водой. А здесь ничего такого не было.

Даже птиц здесь нет! Хотя... Вон же она! Птица! Твилла сдернула капюшон и запрокинула голову, стараясь проследить за полетом одинокой птицы. Но та летела слишком высоко — маленькая темная точка на сером небе. Слишком высоко, слишком далеко... Не разглядеть.

— Пожрали — теперь все налево, облегчитесь перед дорогой! — крикнула Татан, которая в пути присматривала за девушками из той повозки, где ехала Твилла. — А ты чего сопли распустила? — накинулась она на хрупкую, маленькую Асклу. — Прекрати хныкать, а не то я тебе так всыплю, что заткнешься надолго! — Она замахнулась на девушку тяжелым кулаком, и та поспешила спрятаться за Лилу. Крепкая, статная рыбачка обняла ее за плечи, стараясь успокоить.

— Эй, стражница, ты чего это? Вздумала поколотить королевскую невесту, а? Нас как будто так и называют, верно? Он нам вроде даже и приданое дает... Дает же?

Нижняя челюсть Татан мгновенно выдвинулась вперед, как у мастифа, почуявшего запах возможной свары.

— А ты, рыбачка, держи язык за зубами, когда тебя не спрашивают! Будь поучтивее с...

Ее отвлек какой-то шум, донесшийся от передней повозки, и, еще раз сердито зыркнув на Асклу, она развернулась и утопала туда.

Лила подмигнула Твилле и задорно улыбнулась. Но ученица ведуньи не разделяла ее веселья.

— Наверное, лучше не надо лишний раз ее сердить. Впереди долгий и трудный путь через горы, и у нее будет много времени и возможностей сделать нашу жизнь еще тяжелее.

Лила перестала улыбаться и искоса взглянула на подругу по несчастью.

— Может, ты и права. Но эта баба — из склочной породы, а такие забияки не видят тебя в упор, пока не покажешь им кулак, такой же здоровый, как у них самих. Слушай, Аскла, —

повернулась она к маленькой худышке. — Раз уж мы попали в этот садок для устриц, возврата нам не будет. Остается только смириться и сполна использовать то, что у нас есть.

У Асклы задрожал подбородок.

— Я хочу... Хочу к маме... — тоненько всхлипнула она. Твиллу до глубины души поразила эта робкая жалоба. Она заметила, что Лила смотрит на нее поверх склоненной головы несчастной Асклы.

— Слушай, Твилла, ты вроде училась на лекарку? Можешь ей помочь? А то она совсем захворает... И мне что-то слабо верится, что от этой, — рыбачка кивнула в ту сторону, куда ушла разозленная Татан, — дождешься чего-нибудь толкового на счет лечения.

— Да, конечно, — кивнула Твилла и зарделась от смущения. Она первой должна была об этом подумать — ведь она так гордилась своими скромными познаниями в целительском искусстве! Девушка быстро отыскала нужный пакетик в дорожном мешке, который собрала для нее Халди. Разок понюхав его содержимое, Твилла убедилась, что это именно то, что она искала.

— Аскла, пожуй вот эти листочки, — мягко сказала она маленькой девушке. — Я и вправду училась врачеванию. Вот увидишь, тебе станет легче!

Худышка Аскла, которая все еще прижималась к своей зашитнице, настороженно посмотрела на Твиллу.

— Возьми, что тебе дают! — велела рыбачка, и Аскла нехотя повиновалась. Под строгим взглядом Лилы она взяла у Твиллы маленький шарик из сушеных трав и сунула в рот.

Нельзя сказать, чтобы им давали мало еды, но это была очень грубая и невкусная пища — Твилла думала, что именно так обычно питаются солдаты в походах. Покопавшись еще немного в лекарском мешке, она достала маленькую баночку с каким-то порошком и слегка присыпала этим снадобьем свою порцию хлеба — черствого, как камень. А потом подала хлеб Лиле.

Молодая рыбачка с подозрением посмотрела на кусок хлеба и осторожно принялась, пытаясь понять, чем от него пахнет. Вскоре на ее широком лице снова расцвела улыбка, и она пере-

дала Твилле свою порцию хлеба, чтобы та сдобрила и этот кусок бледно-зеленым порошком.

— Давно не ела такой вкуснятины! — призналась Лила.

— Аскла, возьми и себе. — Твилла предложила приправу и второй девушке, но та ничего не ответила. Аскла стояла, сжимая в руке кусок черствого хлеба, но взгляд ее был устремлен куда-то в необозримые дали, и впервые на ее тонких, маленьких губах появилась слабая тень улыбки.

Лила критически осмотрела ее и сказала:

— Она сейчас в мире грез. Так... Надо проследить, чтоб ей досталась ее пайка, когда проснется. — Рыбачка вынула закаменевший хлеб из безвольной руки Асклы и засунула его поглубже в карман ее плаща.

— Что тут дают? — Это спросила еще одна из их соседок по повозке, подходя поближе. Голос у девушки был еще грубее, чем у Лилы. Она была одета в бедный, поношенный плащ, в нескольких местах не слишком аккуратно заштопанный, со множеством заплаток самых разных цветов, которые совершенно не сочетались друг с другом. Судя по ее виду, эту девушку охотники за невестами увезли из нищенского хутора, где жили разорившиеся фермеры и оставшиеся без работы крестьяне. Она быстро переводила взгляд с одной спутницы на другую.

— Просто кое-какие приправы, — объяснила Твилла. — У вас такие есть?

Тут подошли поближе и две другие девушки, которые сидели на одной лавке с крестьянкой в залатанной одежде. Одна из них, в плаще с широким капюшоном, прикрывавшим голову только до половины, стройностью и хрупким сложением могла сравниться с маленькой Асклой. У этой девушки была гладкая, чистая кожа и горделивая осанка, держалась она с достоинством — так что ее легко можно было счесть девицей благородного происхождения.

Она внимательно пригляделась к Твилле и сказала:

— Я тебя знаю. Ты была ученицей ведуньи Халди. Когда ведунья приходила лечить нашего работника от нагноения в руке, ты была с ней. Как случилось, что они тебя забрали?

Твилла рассказала чистую правду.

— Я из сиротского приюта — они сказали, что у меня нет родных, которые могли бы подписать мои бумаги и отдать ме-

ня в ученичество. — Она уже узнала девушку, которая с ней заговорила. Это была дочь мастера-кузнеца. Странно было встретить здесь девушку из такой семьи — ей давным-давно должны были подыскать хорошего жениха и обручить с ним по всем правилам.

— А они широко раскинули свои сети! — заметила Лила. — Ты-то точно не из таких, как мы... Разве глава вашего дома не обручил тебя?

Девушка покраснела от смущения и неприязненно взглянула на Лилу.

— У меня был жених! Но он умер от лихорадки два месяца назад.

— Да, не повезло тебе... — В голосе рыбачки проскользнули нотки сочувствия.

— Ну хватит вам! — резко перебила их девушка в старом плаще. — Меня зовут Джесс, ее — Рута. — Она показала смуглой рукой на дочку кузнеца. Потом кивнула на третью девушку и сказала: — А это — Хади. Ну, а теперь покажи-ка, что ты там добавляла к хлебу, а, целительница?

— Я ведь уже сказала — это просто приправы, — ответила Твилла. — Если хочешь, попробуй сама. — И она снова вынула из мешка баночку со специями.

Джесс, как и Лила, принялась к запаху сушеных трав в баночке и сразу же перестала задираться.

— Тертый сыр, листья мяты и еще... А что тут еще? — Она с любопытством посмотрела на Твиллу.

— Первый весенний варгент, — сразу же ответила ученица ведуньи. — Значит, ты разбираешься в травах, Джесс?

Крестьянка громогласно расхохоталась:

— Я родилась на земле, земля же меня и выучила. Да уж, мы тоже кой-чего знаем... Вот моя тетка — да, она здорово в этом разбиралась... Когда у нас еще была своя земля...

Рута и Джесс взяли понемногу приправы из баночки, но третья девушка, Хади, покачала головой и отошла в сторонку. А потом высвободила руку из-под плаща и начертила какой-то знак в воздухе между собой и Твиллой.

— Колдовство это все... — сказала она и, круто развернувшись, быстро зашагала прочь.

— Да кто она такая? Чудачка... — Благостное настроение у Лилы быстро испарилось. — Что она там бормотала — про колдовство какое-то?

— Это новая вера, — с удовольствием принялась объяснять Рута. Девушке явно нравилось, что она знает что-то, неизвестное другим. — Хади сама родом из-за моря. Работала служанкой в доме одного из вестников рока. Мой отец говорит, они все умом тронутые. Только все больше и больше людей начинают прислушиваться, когда эти вестники разглагольствуют на площади в базарный день. Хозяина Хади два раза забирали городские стражники — за вредные речи. И на этот раз ее вестник рока что-то ничем ей не помог!

Хади обернулась и сбросила капюшон плаща. Твилла ахнула от удивления — девушка оказалась совсем молоденькой, почти девочкой, и ее голова была недавно обрита наголо, так что волосы только-только начали отрастать. На лбу у Хади виднелась красная метка в форме треугольника — как будто родимое пятно на коже.

Лиля только присвистнула:

— Благодарю высшие силы, Хади, что нам так долго ехать через эти горы! Может, твои волосы успеют отрасти. А не то мужик, который выиграет тебя в лотерее, первым делом высыплет тебе так, что не поздоровится, — за то, что ему досталась такая уродина.

— Злые люди везут меня на заклятие, — ответила Хади. — Видно, тяжки мои грехи и не избежать мне этой участи. — С этими словами она прикрыла голову руками и повернулась спиной к остальным девушкам.

— Пора загружаться! Ну-ка, быстро — все в повозку! — набросилась на девушек подоспевшая Татан.

Твилла глянула на Асклу и поспешила схватить ее за руку. Малышка совсем размечталась — с безмятежной улыбкой на лице она отрешенно смотрела куда-то вдаль, на что-то невидимое для всех остальных. Успокаивающее лекарство подействовало куда быстрее и сильнее, чем Твилла рассчитывала.

Вместе с Лилой они помогли Аскле забраться в повозку и усадили ее на жесткую деревянную лавку, а сами сели рядом. Три другие девушки тоже залезли в повозку и заняли свои места на другой лавке. Послышались крики погонщиков, которые

поторапливали неуклюжих, тяжеловесных животных, тянувших повозки. Животные двинулись вперед неспешным, шатким шагом, к которому путешественницы уже успели привыкнуть. Обоз из трех повозок покати́л дальше.

Повозки то и дело подсакивали на выбоинах и сильно раскачивались из стороны в сторону. Поэтому ехавшим внутри девушкам приходилось все время быть настороже, чтобы при случае успеть за что-нибудь ухватиться и не свалиться с лавки. Аскла, на которую успокаивающее лекарство подействовало слишком сильно, безвольно привалилась всем телом к Лиле. Крепкая, мускулистая рыбка придерживала маленькую соседку одной рукой, чтобы та не упала.

Мысли Твиллы блуждали далеко от неуклюжей повозки и товаров по несчастью. То, что девушка узнала от Лилы о предстоящих испытаниях, кого угодно могло привести в уныние. Если она не сумеет привлечь внимание кого-нибудь из высоких чинов своим целительским искусством, то избежать брачной лотереи, скорее всего, не удастся.

От этих мыслей у нее напрягалось все тело, а во рту делалось горько. Целительницы никогда не выходят замуж иначе как по своему собственному выбору. Замужество не должно мешать целительнице заниматься ее ремеслом. Потому что тот, кто обучился искусству исцеления, никогда уже не сможет забыть усвоенные навыки и должен использовать свои знания и умения всегда, когда в этом есть нужда.

Твилла не для того десять лет овладевала искусством целительства, чтобы работать в поле и по дому для какого-нибудь неграмотного землепашца — а ведь именно эта участь, скорее всего, и ожидала захваченных девушек. Повозку резко бросало из стороны в сторону на каждом ухабе, Твилла крепко держалась за лавку, чтобы не упасть, и в то же время, закрыв глаза, вспоминала все, что Халди когда-либо говорила ей о своем ремесле.

Халди была очень известной и уважаемой целительницей. Но Твилла знала, что ее наставница-веду́нья владела не только искусством исцеления — хотя соседи-горожане, скорее всего, даже не догадывались об этом. У Халди было много старинных книг. Их потрепанные страницы хранили множество знаний. Твилла тоже, хотя бы отчасти, приобщилась к этим знаниям.

Девушка была уверена, что Халди умеет не только готовить целительные настои и лечить больных. Ведунья могла зажигать свечи одним движением пальца, могла предвидеть будущее — правда, не всегда. Но Халди никогда не стремилась к могуществу ради самого могущества.

Твилла перебирала воспоминания и внимательно просматривала все картины, всплывавшие в памяти. Она страстно желала улучшить свободную минутку для упражнений и опытов, но при сложившихся обстоятельствах это было слишком опасно. Девушка не забывала ту неясную угрозу, из-за которой ведунья без сопротивления рассталась со своей ученицей. Или это были всего лишь пустые слухи, которые Гарходж пересказал им, просто чтобы предупредить?

Она вспомнила, как Халди стояла и держала ее за руку — ведунья предстала перед ее мысленным взором так ясно и отчетливо, словно наяву. Как будто Халди, несмотря на свои огромные способности, повиновалась чьему-то безмолвному приказу...

Твилла тряхнула головой — зачем строить бессмысленные догадки? Любые предположения не имеют никакого отношения к фактам. А единственным непреложным фактом оставалось круглое серебряное зеркальце, которое висело у Твиллы на груди. Девушке в который раз нестерпимо захотелось вынуть зеркальце из-за пазухи и посмотреть в него — но она не сделала этого из благоразумия и осторожности.

Перед самым заходом солнца повозки наконец остановились. Они уже добрались до подножия гор. Но даже здесь земля была изуродована, покрыта зияющими ранами, которые нанес человек. И все равно девушки с радостью покинули смертельно надоевший за день фургон-тюрьму. Погонщики развели два костра, и девушки расселись вокруг огня. Тем временем Татан громкими начальственными криками заставила погонщиков убрать из фургонов лавки, на которых девушки сидели днем. Затем они вытащили откуда-то длинные мешки, набитые соломой, и побросали на пол — на этих тюфяках девушкам предстояло спать ночью.

Погонщики, занятые приготовлениями к ночлегу, громко переговаривались между собой и сильно шумели. А девушки разговаривали мало — они очень устали за день от бесконеч-

ного однообразного колыхания на жестких, неудобных сиденьях в шаткой повозке. У них совсем не осталось сил. И потому они молча сидели возле костра, прижавшись друг к другу, и тупо, безучастно смотрели, как Татан и еще одна женщина-конвоир подвешивали над огнем котелок, заливали туда воду, принесенную из протекавшего неподалеку ручья, потом быстро забрасывали в котел плитки сушеного мяса — твердого, как камень, и брикеты высушенных под прессом овощей.

Татан стояла, уперев кулаки в бока, и следила за своей товаркой, которая как раз закинула в котелок все необходимые продукты.

— Эй ты, иди сюда! — Татан повернулась к Твилле и поманила ее пальцем. — Размешивай! Ты здорово выучилась это делать, пока жила у выскочки-ведуньи.

Твилла покорно взяла деревянный половник, откинула полы плаща, придвинулась к огню и принялась помешивать содержимое котелка, которое уже начинало булькать. Конечно, запах от этого варева шел далеко не такой приятный, как от котелков с супами и тушеным мясом в доме Халди. Но Татан внимательно следила за Твиллой, и та не решилась подсыпать в котел приправы, которые могли бы хоть как-то улучшить вкус грубой пищи.

В конце концов еда была готова, и каждая из девушек получила по миске водянистой похлебки, в которой плавали куски жира, и по куску твердокаменного походного хлеба — его следовало размочить в похлебке. Кроме того, им выдали на всех небольшую кожаную бутылку с дешевым кислым пивом. Твилла заметила, что только Лила и Джесс отхлебнули из бутылки больше одного раза. Сама она сразу отказалась от пива и вместо этого зачерпнула кружкой воду из бочонка, притороченного сбоку к повозке.

Небо совсем потемнело. Горы стали казаться притаившимися во тьме чудовищами из кошмарных сновидений. На черном бархате неба начали загораться первые звезды. Когда над горизонтом взошла полная луна, стало немного светлее. Кроме того, охранники зажгли несколько масляных светильников.

Девушки все еще сидели вокруг костра, усталые и измученные. Бездна и обреченность захлестывали их, словно морские волны. И тут Татан нависла над ними и скомандовала:

— Забирайтесь внутрь!

Охранница указала рукой на повозки. Девушки медленно стали подниматься, морщась от боли в каждой мышце истомленного долгой поездкой тела. Одна за другой они залезали в повозку и укладывались на жесткие, набитые соломой тюфяки.

Аскла вздохнула, а затем негромко ахнула, очнувшись от своих грез. Твилла потянулась к ней и положила руку на плечо маленькой девушке, свернувшейся клубочком на жалком ложе.

— Думай о чем-нибудь хорошем. — Твилла повторяла старые-престарые слова, которые когда-то давно ей самой говорили в сиротском приюте. — Вспомни тех, кого ты любишь и кто любит тебя...

Аскла вздрогнула от ее прикосновения.

— Я больше никогда не увижу мою мамочку... — громко прошептала она охрипшим от горя голосом.

— Наверное. Лежи тихонько... — Твилла приподнялась со своего тюфяка и склонилась над Асклой. Она погладила ее по плечу, потом немного раздвинула складки капюшона и прикоснулась ко лбу девушки, прямо посередине, чуть выше бровей. — Все хорошо... — Твилла заговорила нараспев и так тихо, что никто в повозке не смог бы ее услышать. Халди научила ее исцелять не только лекарствами, но и одной только силой воли.

Ученица ведуньи старалась передать несчастной маленькой девушке ощущение покоя и умиротворения. Исцелять самой оказалось гораздо труднее, чем стоять у постели больного и смотреть, как это делает Халди. Тем более что в душе Твиллы сейчас было слишком мало мира и спокойствия, которыми она могла бы поделиться. И все же вскоре она почувствовала, что Аскла перестала дрожать, дыхание ее сделалось ровным и спокойным. Твилла поняла, что девушка спит.

Лила заворочалась, под ней зашуршала соломенная подстилка. Стараясь говорить как можно тише, рыбачка прошептала:

— А ты молодец, целительница! Она переносит это тяжелее всех нас — кроме, разве что, этой Хади, у которой голова обрита налысо и такой противный хныкающий голос. Нам сейчас лучше всего держаться и не падать духом. Никакому мужику не понравится девка, распускаящая нюни. Или какая-нибудь уро-

дина. Надо постараться подать себя в лучшем виде — глядишь, и удача улыбнется, не самый поганый мужик достанется.

— Да, конечно, Лила... — Твилла старалась подобрать правильные слова, чтобы задать вопрос, который уже давно ее занимал. — Скажи... А что, если бы среди нас... Мы ведь толком и не видели остальных... Что, если бы среди нас была какая-нибудь очень уж непривлекательная девушка? Что за судьба ожидала бы ее?

Под Лилой снова зашуршала солома.

— Уж я бы себе такой судьбы точно не пожелала, целительница. Радуйся, что у тебя хорошенькое личико. Я и сама ничего, к тому же — сильная, смогу работать в поле. Опять же Джесс... Она хоть и невысокая, и тощая, но зато жилистая и понимает толк в фермерском хозяйстве, потому как сама из крестьян. Рута — это, конечно, штучка совсем другого сорта. Но полным-полно мужиков, которые страшно гордятся, когда на их жен вечно заглядываются другие мужчины. А эта Хади... Кто ее знает?

Больше рыбачка ничего не сказала, и Твилла решила, что она заснула. А сама Твилла, вместо того чтобы спать, нащупала за пазухой маленький мешочек и осторожно вытащила зеркальце. Девушка пожалела, что в такой темноте не сможет как следует рассмотреть свое сокровище — а ведь ей так хотелось взглянуть на зеркальце! Пальцы Твиллы, на которых сейчас не было пропитанных настоем трав полировальных колпачков, снова заскользили по гладкой поверхности серебряного диска, повторяя все тот же давно заученный узор.

Спустя какое-то время Твилла снова спрятала зеркальце в надежное укрытие и наконец заснула.

3

ПУТНИКИ ПРОСНУЛИСЬ ранним утром — обычно с первыми лучами восходящего солнца караван отправлялся в путь. Уже три дня они поднимались в горы. Поначалу подъем был пологим, но постепенно становился все круче и круче, а дорога сделалась совсем узкой. В трудных местах, чтобы облегчить груз тягловым животным, девушкам приказывали выйти из повозок,

и они брели следом. На третий день пошел дождь — не ливень с градом, а занудный, мелкий дождик, который моросил и моросил не переставая. Дорога раскисла и превратилась в грязное месиво, путники промокли до нитки.

Зато на такой высоте уже не было видно развороченной шахтами земли, и кое-где даже встречалась ярко-зеленая весенняя трава — пусть хоть и редко, и небольшими островками. По обочинам дороги валялись засохшие высокогорные карликовые деревья с изогнутыми, перекрученными ветвями — их вырубili еще тогда, когда прокладывали дорогу. А поскольку на топливо для костра эти жалкие клубки тонких веток не годились, их так и оставили гнить. Мертвые деревья покрылись плесенью и поросли причудливыми лишайниками.

Твилла все время посматривала по сторонам, пытаясь распознать какие-нибудь полезные растения, из которых Халди готовила целебные настои. Тот запас лекарств, который ведунья собрала ей в дорогу, был, конечно же, весьма невелик. И потому Твилла старалась по крайней мере узнать, какие травы встречаются в этих местах, хотя у нее не было ни времени, ни подходящих условий для сбора и заготовки целебных растений.

Татан и ее еще более отвратительная товарка, которая помогала управлять повозкой и стеречь невест, постоянно следили за девушками, словно сторожевые собаки. Когда дорога забирала круто в гору и девушкам приходилось вылезать из повозки, охранницы заставляли их сбиться в плотную кучку и постоянно подгоняли громкими, грубыми криками. Напарницу Татан звали Айт. Когда наступал ее черед сгонять девушек в стадо и поторапливать, Айт изводила пленниц занудными рассказами о той судьбе, которая ожидает их впереди.

Ее слова только подтверждали то, что Лила узнала от своего родственника. У будущих невест не было никакого выбора. Впрочем, у их будущих женихов выбор тоже был не слишком большим. Но если мужчина мог при желании отказаться от участия в брачной лотерее, то девушкам этого не позволялось.

Как ни странно, именно Хади прервала очередной поток исполненных тайного злорадства словоизлияний охранницы вопросом:

— А если никакой мужчина нас не выберет — что тогда? — Девушка старательно придерживала капюшон плаща, чтобы не сползал с ее бритой головы, на которой едва-едва показался ершик темных волос.

Айт расхохоталась.

— Выбор — это твоя удача, королевская невеста. Бирку с именем твоего мужчины опустят в горшок, а потом кто-нибудь ее вытащит... И если даже он решит, что ты — жуткое страшное лицо, пугало огородное, он все равно не сможет от тебя отказаться. Наш лорд Хармонд — он человек честный и справедливый. Каждому дается шанс тянуть один раз. Так что вам обеим повезет одинаково. А вы... — Она повысила голос, чтобы все девушки прислушались к ее мудрым советам и напутствиям. — Уж расстарайтесь, покажите себя в лучшем виде. И главное, почаще щебечите, приветствуя женихов!

Твилла старательно обдумала услышанное. Им наверняка понадобится целительница. Она внимательно прислушивалась к любому обрывку слухов, к любым рассказам о жизни фермеров в новых землях, и ни разу никто не упомянул о том, что среди них есть целители. Если ей удастся хорошо зарекомендовать себя... А тем временем Айт продолжала разглазговать:

— Пару ездов назад попала к нам одна девчонка... У ней после язвы остался корявый шрам на пол-лица — так выглядела она страшнее жабы бородавчатой. А мужчина, которому эта девка досталась в лотерею, был офицер и из себя видный... Ну... Так это... Пропала она куда-то. Может, зеленые демоны к себе прибрали... — Айт облизала толстые губы языком, словно собственные слова были для нее вместо острой приправы к пресному мясу.

— Зеленые демоны? — поинтересовалась Рута. — Скорее...

— Придержи язык, курносыя! — рявкнула на нее Айт. — И не думай, что зеленые демоны — выдумки. Они есть, это точно! Вы еще увидите, чего они наворотили там, по ту сторону гор. А если подойдете слишком близко к лихому лесу, то, может, и встретите кого из них.

— Эти демоны... — Твилла впервые вмешалась в разговор. Она старалась молчать, когда Татан или Айт были где-нибудь поблизости, и почти ничего не говорила даже своим соседкам.

Девушка с самого начала поняла, что здесь лучше поменьше говорить и побольше слушать. — Эти зеленые демоны — какой вред они причиняют?

Айт вскинула руку и скрестила пальцы в охраняющем знаке.

— Они похищают у мужчин рассудок или зрение, а то и всего мужчину целиком! Не приведи такому случиться, но если мужчина, у которого нету жены в доме, подойдет слишком близко к лихому лесу — считай, пропал мужик! Попал на поживу зеленым демонам. Даже Илона, сына самого лорда Хармонда, и того демоны изувечили! Обоих глаз — словно не бывало. Проклятые демоны забрали было и нескольких детишек, и пару женщин — но всех их потом нашли... Бродили, бедняжечки, совсем ополоумевшие. Кое-кто со временем оправился, и соображение к ним вернулось... Только они совсем не помнили, где были и что там с ними стряслось. Но это женщины. А дети... С детьми вообще беда — все норовили потом удрать, да не куда-нибудь, а все в лес этот проклятуший! Приходилось привязывать и запирать под замок, да — пока наконец припадки эти у них не прошли. Так что мужчина, у которого жена уродина, запросто может выгнать ее к демонам — и с концами!

Девушка с лицом, изуродованным шрамами, завоевала себе свободу... Или ее обрек на верную смерть мужчина, которого вынудили на ней жениться? Твилла задумалась. А что касается этих сказок о зеленых демонах... Твилла читала в старых книгах ведуньи, что есть такие ягоды, от которых человек повреждается в рассудке и переживает как наяву всякие видения. Наверное, в этом их лесу произрастают такие виды растений, которых люди с побережья совсем не знают, неизвестные даже ведуньям, которые жили до Халди.

Несомненно, лорду Хармонду необходима сведущая целительница, чтобы избавить людей, живущих в его владениях, от стольких опасностей. Только вот как же ей добраться до лорда Хармонда? Даже командира отряда охотников за невестами Твилла видела всего несколько раз, и то издали. Он со своими солдатами все время держался подальше от повозок, в которых ехали королевские невесты. Охраняли девушек одни только женщины. И Твилла сильно сомневалась, что ей удастся привлечь внимание Татан или ее напарницы Айт — разве что такое внимание, которого Твилла предпочла бы избежать.

На четвертую ночь караван остановился на привал посреди небольшой высокогорной луговины. Здесь они встретились с другим отрядом, который доставил с равнин свежих верховых и тягловых животных. Дождь почти прекратился, тучи поредели. На небосводе показалась зловещая багровая полоса заката, и Твилла подумала, что завтра, наверное, день будет ясный и погожий. На следующий день караван должен был одолеть последний подъем и перевалить на ту сторону горного хребта.

Как обычно, на ночь девушек загнали в повозки с соломенными постелями сразу после ужина. Аскла почти все время молчала. Она походила на какое-то маленькое животное, которое покорно исполняет все приказы дрессировщика. Твилле казалось, что настоящая Аскла настолько глубоко спряталась в какое-то безопасное потайное укрытие, что снаружи, в реальном мире, осталась одна лишь пустая оболочка. Когда девушек водили к ручью попить воды и помыться, Лила поранила ногу об острый камень. Твилла промыла рану, наложила компресс из целебных трав и закрепила аккуратной повязкой. Пока она возилась с перевязкой, к девушкам подошла Татан и стала за ними наблюдать.

— Целительница? Ну, можешь выбросить из головы эти свои штучки-дрючки, как только мы переберемся за горы! Лорду Хармонду ведуньи не нужны. Если у тебя есть хоть капля соображения, ты завтра же выкинешь эту свою сумку с сеном в кусты. То, чем ты занимаешься, — лишнее для невесты.

Твилла настолько удивилась, что так и села где стояла, глядя на Татан широко раскрытыми от изумления глазами.

— Но ведь... Целительницам везде рады... Они всем необходимы!

— Лорд Хармонд — он не желает, чтобы женщины таскались то туда, то сюда, беспокоя народ. Женщин и так не хватает — нечего им шляться по округе! Лорду Хармонду больно надо, чтобы какую-нибудь бестолковую бабу еще и похитили, пока она бродит где попало, когда должна сидеть дома, при своем законном муже! Так что забудь и думать, сиротка, что ты пристроишься там как ведунья и останешься незамужней и свободной — потому что ничего такого не будет! — Татан широко улыбнулась, выставив напоказ кривые желтые зубы. — Эта твоя ведунья — не слишком важная шишка, верно? Позволила

нам увести тебя — и не пикнула! Старая ведьма палец о палец не ударила, чтоб тебя выручить, помнишь? Так что лучше тебе поскорее выбросить из головы эту дурь. И не думай, что ты тут у нас особенная, — ты точно такая же, как и все остальные девки.

Татан расхохоталась и с довольным видом потопала прочь. Твилла потуже затянула последний виток повязки на ноге Лилы. Она тупо смотрела на повязку, но мысли ее блуждали где-то совсем в другом месте — у Твиллы было такое ощущение, будто ее только что хорошенько встряхнули.

— Может, она и права, — негромко сказала рыбачка. — Я думаю, ты как раз на это и рассчитывала — назваться целительницей и таким манером отвертеться от свадьбы, а? Они ведь по большей части вообще никогда не выходят замуж, верно? Ну, а этому лорду Хармонду, выходит, нужны только жены...

Твилла обдумала предостережение, которое с таким удовольствием высказала ей Татан. Да, это действительно может оказаться правдой. Сама она привыкла, что к могуществу Халди многие относятся с опаской, а то и откровенно боятся. Именно поэтому ведунье пришлось идти в сиротский приют, чтобы выбрать себе ученицу и преемницу. Большинство отцов не согласились бы отдать свою дочь в обучение ремеслу, которое могло бы поставить девушку в более высокое положение в обществе, чем у самих отцов. А благородные дворяне относились к ведовскому ремеслу с еще большим предубеждением — они привыкли смотреть на собственных дочерей только как на предмет для выгодных брачных контрактов, с помощью которых получали еще большую власть и могущество.

Вот так надежда Твиллы самой выбирать свою судьбу по ту сторону гор оказалась под угрозой. А значит... «Значит, следует все хорошенько обдумать», — решила Твилла.

И сейчас, когда девушки уже лежали на своих тюфяках в повозке и, как предполагалось, спали, Твилла мысленно взвешивала возможные опасности. И не то чтобы она была так уж уверена, что сможет совершить то, что сейчас задумала...

Уродливая жена для поселенца из дальних земель — все равно что мертвая жена. Но, с другой стороны, Твилла знала несколько уловов, с помощью которых могла бы себя защитить после того, как лотерея закончится. Порошки и снадобья в ее

заплечном мешке были не самыми сильнодействующими средствами, которые она прихватила с собой. В складках вышитого шарфа были спрятаны еще два маленьких пакетика — на них-то и стоило рассчитывать в случае чего. Безумие и слепота, зеленые демоны... Тот, кто разбирается в болезнях, ради собственной безопасности легко сможет на время притвориться больным. Но самое главное...

Тюфяк Твиллы лежал в самом дальнем углу повозки. Ущербная луна на небе была похожа на тоненький ломтик. Да, именно свет ущербной, а не растущей луны обладал наиболее могущественной силой... Твилла еще никогда не пробовала делать то, что собиралась сделать сейчас. Девушка даже не знала наверняка, хватит ли на это ее скромных сил. Но она не могла упустить свой последний шанс!

Твилла чуть привсталала — так, чтобы видеть луну сквозь дыру в брезентовой крыше фургона.

Потом она осторожно достала зеркальце и пристроила у себя между колен, пропустив шнурок через бороздку на тыльной поверхности маленького серебристого диска.

— Вверх и вниз, вовне и внутрь
 Посолонь и вслед за ветром
 Лик смени, оставив суть.
 Пусть увидят, чего нету!

Юная ученица ведуньи повторяла шепотом этот простенький стишок, а пальцы ее словно сами собой скользили по гладкой поверхности зеркальца. Но только теперь девушка выводила на зеркале совсем другие узоры — такие, каких она ни разу не пробовала рисовать, пока училась у Халди.

Она лихорадочно пыталась создать в воображении картинку, представить ее в малейших подробностях и при этом удерживать подольше в памяти. Девушка старалась как могла, пока наконец не увидела, что ее отраженное в зеркальце лицо стало именно таким, какое она себе вообразила. Редкие брови кустиками торчали над маленькими, водянистыми глазками с покрасневшими, воспаленными веками. Нос так распух, что стал похож на свиное рыло. Но удачнее всего получились ямки и рытвины на щеках и подбородке. За то время, пока Твилла училась у ведуньи, она успела повидать немало больных коровьей

оспой, а потому с легкостью сумела воспроизвести характерные для этой болезни отметины на лице.

Поднеся зеркальце совсем близко к лицу, так, что едва не ткнулась в него носом, Твилла внимательно рассмотрела свое отражение. Выходит, у нее все-таки получилось! Но оставалось неясным: проецирует ли зеркальце это отражение непосредственно на нее? Твилла провела ладонью по подбородку. На ощупь кожа оставалась такой же гладкой, как и раньше, — но ведь так и должно было быть... Ведь волшебство должно было изменить ее внешний вид только для взглядов других людей.

Но как же это проверить? Погоди-ка... Эти рубцы от оспы...

Наверное, сейчас лучше показать самый разгар болезни. Вот именно! По крайней мере, такое преображение будет казаться более естественным. Кроме того, она сможет на время вызвать у себя легкую лихорадку... Тогда они... Они, может быть, даже постараются отделаться от нее, если поверят, что болезнь заразна! Твилла снова напряженно всмотрелась в зеркало, и зажившие рубцы от оспенных язв превратились в набухшие красные шишки — именно так выглядела кожа больных коровьей оспой в разгар болезни. Непомерно распухший нос Твилла решила оставить как есть.

При караване не было целительницы — во всяком случае, о ней ни разу никто не упоминал. Хотя, конечно, девушек держали отдельно от всего остального отряда, при них все время находились только женщины-охранницы. У Твиллы в мешке с лекарскими снадобьями нашлись кое-какие травы, которые вызывали умеренную лихорадку, если принять их сразу в большом количестве. Именно такая лихорадка бывала у людей, недавно заболевших коровьей оспой. Однако снадобья, вызывающие лихорадку, еще и притупляли рассудок, а этого Твилла не могла себе позволить. Она не знала, долго ли зеркальце сможет поддерживать изменение облика. Возможно, придется возобновлять действие волшебства — может, даже каждую ночь.

Сможет ли она настолько правдоподобно изобразить проявления оспенной лихорадки, чтобы все спутницы ей поверили? Два года назад Халди лечила одного такого больного... Его сразу заперли в отдельной комнате, как только поняли, что у него за болезнь. Но никто не посмел отказаться от помощи целительницы. К счастью, оспа не распространилась среди других

людей, этот больной оказался единственным, — но Твилла все равно хорошо запомнила, как Халди его лечила. Девушка запомнила и то, что ведунья говорила: если на коже появились высыпания, то сделать уже ничего невозможно, остается только давать несчастному больному особое укрепляющее питье и содержать его в тепле и чистоте.

Тот больной, которого лечила Халди, был торговцем с холмов, его подобрали в поле за городом. Торговец в конце концов выздоровел, но до конца дней лицо его будет обезображено уродливыми рубцами, которые оставила болезнь.

Твилла заворочалась на жестком тюфяке, начала метаться из стороны в сторону — как раз так ведут себя больные с сильным жаром.

— Эй, в чем дело? — спросила Лила. Она спала совсем рядом с Твиллой, и ее, наверное, разбудила эта возня.

— Как же мне жарко... Так жарко... — пробормотала Твилла слабым, умирающим голосом. Юная ведунья уже давно положила зеркальце в мешочек и надежно спрятала под одеждой. И теперь она решила, что пришло время разыграть первый акт представления, которое непременно произведет впечатление на всех окружающих.

— Глупости! — фыркнула Лила. — Такая холодина, что у рыбы чешуя поотмерзала бы. Спи уже!

— Жарко... — Твилла откинула в сторону полу плаща. — О, моя голова... Как больно...

— Заткнитесь наконец — вы, там! — От грозного хриплого шепота Татан проснулись и те, кто давным-давно спал. — Что вы там бормочете?

— Это целительница, — ответила Рута. Девушки зашевелились, стали приподниматься на локтях, шурша соломенными подстилками.

— Жарко... Как жарко... — жалобно простонала Твилла, достаточно громко, чтобы ее услышали все, кто находился в повозке. — Моя голова... Халди... Госпожа... Дайте мне выпить лекарства... Голова моя...

— Эй, Айт! Зажги лампу! — приказала Татан. — Эта девочка несет какую-то чушь. Но мы научим ее не мешать всем спать по ночам!

Девушки уже проснулись, и охранницы тоже. Все теперь сидели на своих тюфяках и переглядывались. Но Твилла могла только догадываться об этом, потому что, пока охранница не зажгла лампу, в фургоне было совсем темно — даже тонкий серп луны уже покинул небосвод.

— Подвинься, чтоб тебя! Да, ты, вечно хныкающее демонское отродье! — Татан с фонарем в руке, пробираясь мимо Хади, так сильно пнула хрупкую девушку, что та откатилась в сторону и больно ударилась о борт повозки. Рута и Джесс успели вовремя отодвинуться в сторонку, давая охраннице пройти, а Лила не только посторонилась сама, но отодвинула заодно и Асклу. Наконец Татан добралась до тюфяка в дальнем углу повозки и, наклонившись, поднесла фонарь к самому лицу Твиллы.

Удержались ли чары? Удалось ли ей волшебство, или же она обманывала сама себя, поверив в то, во что так хотелось верить? Твилла снова издала жалобный стон, стремительно вскинула руку к голове и отбросила в сторону капюшон плаща, полностью открывая лицо, хорошо освещенное фонарем.

— Плавники Гара! — Твилла почувствовала, как рыбачка Лила отшатнулась от нее. — Что за...

— Ты что, никогда не видела оспы? — Если Рута и боялась, по ее голосу это было совершенно незаметно. — Она говорила, что целительница, верно ведь? Кто же еще, как не она, мог занести к нам такую заразу? Кто знает, где она бывала перед тем, как мы все отправились в это путешествие? Наверное, должно пройти какое-то время, прежде чем зараза, поселившаяся в человеческом теле, начнет как-то проявляться...

Даже Татан отступила на шаг. Твилла сразу же исполнилась уверенности в себе и подумала: «Выходит, они в самом деле увидели то, что я хотела показать! Значит, мой облик действительно переменился!»

— Немедленно вышвырните ее отсюда! — закричала Джесс. — Уберите ее!

Кто-то нервно засмеялся, явно еле сдерживаясь, чтобы не впасть в истерику от страха. Потом снова заговорила Рута:

— Мы целых десять дней ехали с ней вместе. Эта девушка ела с нами из одного котла и пила из одной бутылки. Говорят, оспа передается именно так — через общие вещи и еду. Если

мы избавимся от нее, мы сделаем себе только хуже. Ведь эта Твилла — целительница, и у нее есть с собой мешок с целебными травами. Когда лихорадка немного отступит, Твилла сама сможет себя вылечить. А потом, в случае чего, она поможет и всем нам своими знаниями и снадобьями... — Она придвинулась чуть ближе, в круг света от фонаря, и заглянула охраннице в лицо. — Но если ты хоть немного дорожишь своей шкурой, ты расскажешь обо всем своему командиру. Вы все время держали нас отдельно от остальных в караване, а значит, на них зараза могла и не перекинуться.

— Ну тогда молись, чтобы капитан Вассер думал про это так же, как и ты. А не то нам всем конец — они перережут нам глотки и сожгут вместе с повозкой! — Татан произнесла последние слова с дрожью в голосе. Твилла содрогнулась. Прислушаются ли солдаты к доводам здравого смысла, которые высказала Рута, или же окажутся настолько невежественными, что поступят так, как говорит Татан? Если все обернется к худшему, придется поскорее исправлять то, что она так самонадеянно натворила. Халди всегда заставляла ученицу старательно обдумывать все действия, связанные с применением особых сил, — и не зря. Из-за того что Твилла все как следует не продумала, может случиться ужасное несчастье!

Девушки сбились в кучку в противоположном углу фургона, стараясь держаться подальше от Твиллы. Ученица ведуньи лежала теперь одна, рядом с ней стоял светильник.

— Она — наша погибель! — грубым голосом сказала Джесс.

— Так ты говоришь, у нее в мешке есть снадобья, которыми это можно вылечить? — Судя по всему, рыбачка Лила обращалась к Руте.

— Возможно. Но разве кто-нибудь из нас знает, какие травы ей дать из тех, что в мешке? Мы не ведуньи и не травницы.

Твилла почувствовала, что к ней кто-то подошел. Широкие плечи заслонили свет. Она отважилась чуть-чуть повернуть голову.

— Лила... Это ты, Лила? — Твилла притворилась, что на некоторое время пришла в сознание, — для того, чтобы подтвердить разумное предположение Руты.

— Да, это я.

— Воды... Попить...

Ли́ла обернулась через плечо и сказала:

— Айт, передай сюда бутылку с водой!

— Ага, чтоб эта, с оспой, ее обслюнявила? Ты что, рыбачка, совсем сбрендила или просто такая тупая? — возразила пошница Татан.

— Ли́ла... — Твилла решила заговорить чуть громче, чтобы ее услышала и Рута, от здравомыслия которой сейчас зависело столь многое. — У меня жар... В моем мешке... Сухие прутики... Перевязаны зеленой ниткой... Разломай и брось в воду... И дай мне выпить... — Твилла старалась, чтобы ее голос звучал успокаивающе — насколько это допустимо для ее состояния. Девушка скорее угадала, чем увидела, как кто-то бросил Лиле драгоценный мешок с целебными снадобьями.

— Нашла! — торжествующе объявила рыбачка спустя какое-то время, которое для Твиллы тянулось невыносимо долго. — Ну, так что — дадите вы мне наконец эту воду? Или вам охота объясняться потом с капитаном, когда он спросит, почему мы не делали то, что можно было сделать?

— Солдат! Мы наконец начнем что-нибудь делать или так и будем сидеть и ждать смерти? — Резкий и четкий городской выговор Руты звучал так, будто она отдавала приказания какой-то тупоумной девчонке-служанке в своем родном доме.

— Она же больная — откуда ей знать, что надо делать? А эта вода в бутылке — вся, что осталась у нас до завтра. Если эта девка перепортит всю воду...

— Ты ведь умеешь обращаться с мечом, который носишь на поясе, — верно? — продолжала Рута. — У каждого свое ремесло. И если целительница умеет лечить других, значит, ей должно хватить знаний и на то, чтобы вылечить саму себя. Вот моя чашка — хочешь, возьми и налей воды сюда. И посмотрим, что получится...

В темноте фургона произошло какое-то шевеление. Вероятно, доводы Руты перевесили. Потому что вскоре Твилла в свете фонаря увидела, как рыбачка Ли́ла разламывает нужную связку прутиков на мелкие кусочки и бросает в чашку с водой. Эти прутики были, конечно же, не лекарством от лихорадки. Их применяли при сильных потрясениях, для подкрепления сил и прояснения разума — и то и другое Твилле сейчас совсем не помешает.

Твилла немного приподнялась — так, чтобы девушки и охранницы хорошо видели ее изуродованное красными оспенными буграми лицо. Она и не ожидала, что ей кто-то поможет. Все знали, насколько это страшная болезнь — оспа. Но Лила все-таки осталась рядом с больной и подала ей чашку, от которой поднимался приятный терпкий аромат. Твилла отпила глоток, другой, потом выпила все, что было в чашке, — на дне остались только обломки душистых прутиков.

Снаружи послышались голоса. Татан уходила доложить о случившемся своему начальству и, похоже, вернулась не одна. Раздался мужской голос:

— Не подходи! Держись от меня подальше, женщина. Мы не можем никого бросить. Сколько девок нам велено доставить — столько мы и привезем! Даже если этот фургон будет загружен одними трупами — они все равно нам нужны, для ровного счета. Как только перевалим через горы — пошлем гонца с известием. Но наутро вы поедете вместе со всеми, как всегда, — понятно? И чтоб ни одна из вас не смела и близко подходить к кому-то еще! Мы поделим припасы и оставим вашу долю. Пойдете и заберете, когда мы отъедем. Эта, которая заболела, — она как будто училась на лекарку? Вот пусть и опробует свое умение на себе самой. Но держитесь от нас подальше, вы все! А не то, клянусь рогами Раму...

Если Татан что-то и возражала — те, кто сидел внутри повозки, этого не слышали. Потом она тоже забралась в фургон, со стороны сиденья погонщика.

— Слышали, что сказал капитан? — мрачно спросила она. — Нам придется рискнуть — он не велел никого бросать. Капитан прав — отряд должен привезти столько невест, сколько заказано. Вот так и Робину пришлось в прошлый раз везти до конца тело одной дурехи, которая упала со скалы и разбилась насмерть. А что делать? Он должен был доказать, что выехал с полным набором... Ну, что будем делать?

Татан говорила непривычно тихо и как-то сразу подрастеряла всю свою громогласную самоуверенность.

— Жар у нее немного спал, — сообщила Рута. — Скажи нам, что делать дальше. Айт, налей еще воды в чашку — она нам пригодится.

— Что это ты вздумала тут распоряжаться? — заворчала охранница. — Языкатая какая! С чего ты взяла, что она тебе не наврала?

— Лучше пытаться сделать хоть что-то, чем сидеть и не делать ничего, пока не станет совсем худо, — ответила Рута. — Ну, Лила, давай посмотрим, помогло ей то, что ты дала, или нет? — К тени, которую отбрасывала рыбачка Лила, прибавилась еще одна. — Как странно... До чего же меняется лицо от этой болезни! Наверное, это из-за того, что кожа так сильно распухает. Твиллу прямо не узнать — как будто это совсем другая девушка...

Твилла подумала, что пришло время показать, будто ей стало немного лучше.

— Спасибо тебе, Лила, — сказала она нормальным голосом, когда рыбачка подала ей вторую чашку с питьем. На этот раз она уже не просто приподнялась на ложе, а села, взяла чашку и сама бросила в затхлую, отдающую ржавчиной воду целебное снадобье.

— В прошлом году... была оспа... у одного торговца...

— Это был чужеземец с севера. Да, в городском совете были очень обеспокоены, — перебила ее Рута. И взволнованно добавила: — Но ведь он выздоровел — разве нет? Да и вылечила его как раз твоя наставница, ведунья!

— Да, Халди очень многое знает и умеет... И я тоже — но мои познания не сравнить с тем, что ведомо ей... Это она научила меня всему... — Твилла выпила травяной настой, а потом достала со дна чашки мокрые листья — так, чтобы все видели, — и стала медленно жевать их.

— Держитесь от меня подальше следующие три дня, — сказала она, выплюнув пережеванные листья себе на ладонь. — Если за это время волдыри на коже вскроются и опадут — значит, вам нечего опасаться. Я думаю, что именно так все и будет. Лила, — Твилла снова обратилась к рыбачке, которая после ее предупреждения благоразумно отошла подальше. — Пожалуй-ста, поищи еще кое-что в моем мешке... Маленькую коробочку, на которой нарисована летящая птица. Я не буду до нее дотрагиваться, так что это не опасно. Можете не бояться. Лила, в этой коробочке — густая паста. Скатай из нее маленькие шарики и раздай всем по одному. Пусть каждая из вас примет это

снадобье. Вас будет немного клонить в сон... Да, и вот еще что. Раз уж караван все равно отправится в путь раньше нас, а мы поедем потом следом — то, наверное, нам не обязательно подниматься утром по первому звуку рога... Завтра вы еще будете чувствовать себя уставшими, и сонливость, возможно, тоже останется — но через день все пройдет. Халди всегда употребляла это средство в опасных случаях...

Да — когда опасность представляли слишком нервные больные, которых надо было успокаивать, прежде чем приняться за лечение.

— Ведьмовские штучки... — начала было Татан, но в разговор снова вмешалась Рута.

— ...Лучше, чем все, что может предложить ваш капитан! — чеканным голосом ответила девушка. — Твилла, если нам действительно удастся из этого выкарабкаться, я буду относиться к целительницам с превеликим почтением.

4

ПРОШЛО ТРИ ДНЯ. Повозка, в которой везли Твиллу, катилась в хвосте каравана. Они миновали горный перевал — рубеж, разделявший родной и знакомый мир, который девушки покидали навсегда, и новый, неизведанный мир дальнего Пограничья. У Твиллы совсем закончилось мягкое успокоительное снадобье — она растратила весь свой запас на взволнованных спутниц. Поскольку ни у кого из девушек так и не появилось никаких признаков страшной болезни, они постепенно успокоились. От напряженности, охватившей всех в то утро, когда их повозку впервые переместили в хвост каравана, не осталось и следа.

Но капитан вовсе не забыл о них. Каждое утро появлялся один из его людей — стараясь не подходить слишком близко к их повозке — и интересовался состоянием Твиллы. Солдат узнавал также, не заболела ли еще какая-нибудь девушка, и спрашивал, что им нужно из припасов. И поскольку известия все время оказывались весьма обнадеживающими, Твилла мало-помалу перестала опасаться, что за горами ее спутниц ждет судьба изгоев общества.

Она сделала вид, что постепенно выздоравливает, — хотя «выздоровление» проходило слишком быстро для настоящей оспы.

Однако, пользуясь своим положением целительницы и благоговейным отношением девушек к ее знаниям, которым они прониклись в связи с последними событиями, Твилла сумела убедить всех, что именно благодаря прошлогодним изысканиям мудрой ведуньи Халди ее ученица сейчас так быстро справилась с ужасной болезнью.

Под предлогом своей болезни Твилла настояла, чтобы девушки как можно больше времени проводили вне фургона. Поэтому ночью они теперь ложились спать не внутри повозки, а вокруг костра, положив на землю те же набитые соломой тюфяки и кутаясь в одеяла, — ночи так высоко в горах были довольно холодные. Татан нисколько не сомневалась, что ни одна из девушек не убежит от этого костра неведомо куда — караван находился сейчас слишком далеко от людских поселений, жители которых могли бы дать пристанище или еще как-то помочь беглянке.

Рута и Лила старательно ухаживали за больной Твиллой. Странная это была пара — образованная дочь богатого торговца и неграмотная рыбачка. Но обе они обладали особой женской мудростью, для пробуждения которой не нужны никакие книжные знания. И когда Твилла с виду поправилась настолько, что, по мнению девушек, уже не представляла опасности для тех, кто находится с ней рядом, обе девушки принялись с интересом расспрашивать юную ведунью о премудростях лечения целебными травами.

Твилле пришлось достать свою маленькую записную книжку с очень тонкими страницами, исписанную мелким четким почерком — чтобы на каждую страницу вместились побольше драгоценных знаний. В этой книжечке были перечислены и описаны самые распространенные, самые нужные лекарственные травы и приготовленные из них снадобья, которые могли пригодиться в каждом доме круглый год.

Она рисовала прутиком на ровной земле очертания разных листьев и цветков и рассказывала, где и в какое время следует искать то или иное растение. Может, лорду Хармонду и не нуж-

ны ведуньи, но он не сможет отказать женщине в ее законном праве заботиться о своем доме и здоровье родных.

Аскла тоже прислушивалась к рассказам Твиллы, но сразу было ясно, что это — всего лишь детское любопытство. Ее интерес сразу пропадал, как только она начинала уставать. Джесс время от времени вставляла тоже словечко, а иногда подшучивала над ними. Ее гораздо больше интересовали Татан и Айт, которые рассказывали о разных сражениях, о зеленых демонах и о великих делах, которые еще впереди. Она внимала рассказам наемниц с восторгом и благоговейным трепетом, что довольно необычно для крестьянской девушки, всю жизнь трудившейся на земле. Что касается Хади, девушки-служанки родом из заморских земель... Она всячески подчеркивала свое неодобрение по отношению ко всему, что говорит Твилла. Хади громко, чтобы все ее слышали, повторяла, что все это — черное колдовство, и тех, кто этим занимается, заберут к себе самые злые и страшные духи. Ее с трудом заставили даже принять прописанные Твиллой лекарства. Хади все-таки проглотила снадобье — но для этого Татан пришлось всерьез пригрозить ей кулаком.

По ночам все спокойно спали, и у Твиллы было время на то, чтобы хорошенько продумать свои планы. Ее обезображенное лицо и предполагаемая помощь при страшной болезни, угрожавшей каравану, несомненно, должны произвести впечатление даже на лорда Хармонда, известного своей строгостью в том, чтобы придерживаться им же самим установленных обычаев.

Твилла трудилась над созданием своего нового облика с помощью зеркала и лунного света с таким же старанием, с каким художник рисует свой величайший шедевр. Багровые вздутия у нее на лице вскоре превратились в сочащиеся гнойной жижой язвы, настолько отвратительные, что от Твиллы шархались даже лучшие подружки. Рута снова и снова спрашивала: нет ли какого лекарства от этих язв? Твилла отвечала, что если уж болезнь началась, то должны пройти все ее стадии, одна за другой. И вскрытие нарывов — это просто проявление следующей стадии, а значит, очередной шаг к выздоровлению.

На следующую ночь после того, как караван миновал перевал, Рута раздала девушкам последние порции успокоительного

снадобья. Борясь с нетерпением, Твилла дождалась, когда все заснут. И только тогда она смогла полностью сосредоточиться на внутренней сущности волшебного зеркальца. Девушка немного изменила внешний вид своих глаз — они теперь стали казаться маленькими, ресницы поредели и поблекли, веки покраснели. Многие тяжелые болезни оставляют по себе такие неприглядные следы.

Твилла задумалась, разглядывая отражение отечного, кошмарно распухшего носа. Никто из девушек до сих пор не обратил внимания на ее нос — даже Лила, которая общалась с Твиллой чаще других. Судя по всему, спутницы уже позабыли, как Твилла выглядела в начале путешествия — до того, как ее обезобразила страшная болезнь. Все взвесив, юная ведунья решила не менять нос — так ее лицо выглядело особенно отвратительно. Затем она сосредоточилась на изменениях кожи. Твилла убрала большую часть изъязвлений, оставив на их месте углубления с неровными красноватыми краями. Со временем эти отметины превратятся в плотные и глубокие рубцы от недавно заживших оспенных язв. Вряд ли кому-то понравится девушка, у которой щеки исковерканы такими жуткими рытвинами. Какое-то время Твилла при свете догорающего костра рассматривала то, что получилось в результате ее стараний. Потом спрятала зеркальце обратно в мешочек и убрала под рубашку.

Впереди ее поджидала еще одна опасность. Среди жителей Пограничья, конечно же, есть такие, кто в той или иной степени разбирается в лечении болезней, несмотря на то что лорд Хармонд так резко настроен против целительниц. С любой армией всегда путешествуют лекари, которые умеют вправлять переломы и зашивать раны. Если такого знахаря пришлют, чтобы он осмотрел девушек из нового каравана, тогда Твилле опасаться нечего. Но совсем другое дело, если ей придется встретиться с кем-то вроде Халди...

До захода солнца выяснится, права ли она. Повозки каравана длинной вереницей вытянулись вдоль дороги, спускавшейся с гор в долину. Впереди широко раскинулись просторы новой, неизведанной земли. Каравану еще предстояло преодолеть несколько не очень высоких холмов, которые периодически за-

крывали вид на равнину — когда фургоны оказывались в низинах между двумя холмами.

Твилла впервые после болезни попробовала идти вместе со всеми рядом с фургоном. Верная Лила все время держалась поблизости, чтобы в случае чего ее поддержать. На юго-западе до самого горизонта простиралась необъятная плоская равнина. Твилле показалось, что она разглядела и кое-какие признаки фермерского поселения — обнесенные изгородями поля и несколько маленьких стожков.

А на севере открытого пространства не было видно вообще. Там, словно мрачная твердыня, нависающая над страной, словно огромная черная клякса, темнел высокий лес, который скрывал все, что могло находиться за ним.

Да, это мог быть только тот самый лес, которого все так боялись. Тот самый лес, в котором таилось неведомое волшебство, безжалостное к любому, посягнувшему на его секреты. Твилла внимательно рассмотрела границу леса. Таких высоких и толстых деревьев, под сенью которых совершенно незаметно было земли, в Варслааде никто даже не видел — ведь там с незапамятных времен жили люди. Они расчищали поля под посевы, устраивали шахты для добычи руды, вырубали лес для различных потребностей. Там, к востоку от горной гряды, похоже, остались только те деревья, которые посадили люди. Деревья в садах цвели и плодоносили в должном порядке, их обрезали, когда нужно, выкорчевывали старые и высаживали новые — как того желал владелец сада. Даже редкие пихты, растущие в еще не полностью освоенных людьми уголках Варслаада, — и те казались какими-то маленькими и худосочными. Они словно надеялись, что люди не обратят на них внимания и оставят в покое.

Этот темный лес не сдерживали никакие узы, наложенные руками человека. Лес сам таил немало препятствий для непрощенных гостей. Твилла не могла даже приблизительно определить высоту этих деревьев, сливавшихся в одну темную массу, но догадывалась, что они огромны — настолько огромны, что любого пришельца из восточных земель при взгляде на этот лес охватит благоговейный трепет. Да, несомненно, любому, кто рискнет забраться в такую темную, дремучую чащобу, вполне могут привидеться демоны.

Рута словно угадала, о чем думает целительница.

— Земля демонов, — сказала она. — Выглядит довольно жутко. О таких местах вечно выдумывают кучу страшных историй.

Впереди раздался звон сигнального колокола. Повозка остановилась. Девушки, которые брели пешком за фургоном, тоже остановились.

Снизу, отрезая их от последнего фургона ушедшего вперед каравана, скакала небольшая группа всадников. Подъехав поближе, всадники придержали коней и встали на приличном расстоянии. Только один всадник приблизился, но и он явно держался настороженно. Всадник спешил и, не отходя от своего скакуна, крикнул резким, повелительным тоном:

— Эй, вы! А ну-ка покажитесь! Нам сказали, что у вас тут оспа.

Твилла, Рута и Лила, которые стояли рядом с повозкой, покорно выстроились в ряд. Аскла, Джесс и Хади выбрались из фургона и присоединились к ним. Татан передала вожжи второй охраннице, Айт, и тоже подошла к девушкам.

Мужчина приблизился, держа лошадь в поводу — как будто ему было спокойнее, когда он в любое мгновение мог вскочить в седло и умчаться от опасности. По одежде этого человека можно было принять и за стражника, и за обычного горожанина. Мужчина средних лет с загорелым, как у всех солдат, лицом и пронизательным взглядом внимательно осмотрел девушек и женщин-охранниц и спросил:

— Вы все здесь?

— Все, — спокойно ответила Татан. — Шесть королевских невест, двое из отряда — так мы выезжали из Варвада, так едем и до сих пор.

Мужчина наконец обратил внимание на Твиллу. Он не стал подходить к девушке, только указал на нее пальцем и сказал:

— Вот эта... У нее на лице оспины...

— Она выздоровела, — сказала Татан, защищая девушку так, будто мужчина усомнился в ее собственных знаниях и умениях. — Она — целительница и смогла вылечить себя. И сделала так, что больше никто из нас не заболел. Вот мы все здесь — и она идет за повозкой вместе с другими, как ты сам видишь. Может, лицо у нее и в оспинах, зато у девушки талант...

Твилла удивилась словам Татан. Девушка не ожидала услышать от охранницы столь лестного отзыва и не думала, что та станет ее защищать. Однако Татан, похоже, старалась показать вверенных ей королевских невест с самой лучшей стороны.

— Целительница! — пренебрежительно фыркнул мужчина. — Она — такая же королевская невеста, как и все остальные. Ты прекрасно знаешь, что наш лорд не церемонится со всякими там целительницами.

— Выбирать королевских невест не мое дело, господин, — ответила Татан. — Я только охраняю караваны. Но то, что я сказала, — правда. Она вылечила себя, и ни у кого из нас нет на лице следов от оспы.

— Все равно держитесь подальше от остальных. Не въезжайте на подворье. Остановитесь там, где вам укажут. Разбейте лагерь и ждите, пока лорд решит, что с вами делать дальше. — С этими словами он вскочил в седло, развернул коня и подъехал напрямик к Твилле. Лила, которая стояла рядом, едва успела отскочить в сторону, чтобы не попасть под копыта. Всадник рукоятью плети откинул капюшон с лица Твиллы и, сузив глаза, внимательно рассмотрел девушку.

— С такими отметинами на лице... — проговорил он. — Однако ты действительно выздоровела. Что ж... Не завидую я тому парню, которому ты достанешься в невесты.

Сказав это, он снова повернул коня и ускакал. Остальные всадники последовали за ним. Вскоре караван тронулся в путь, и девушки снова медленно побрели за повозкой. Они шли целый день и только в глубоких сумерках добрались до той равнины, которая показалась впереди еще утром.

Но было еще не совсем темно, и потому Твилла смогла разглядеть черную точку, которая по спирали взмыла в небо над темной громадой леса, окаймлявшего равнину на севере. Вскоре девушка потеряла ее из виду. Но потом послышалось хлопанье крыльев — огромная птица спикировала вниз из поднебесья и зависла над фургоном, медленно катившим по дороге.

По размаху крыльев Твилла определила, что эта птица намного больше тех, которых она видела в горах. Кроме того, эта птица способна была скользить по воздуху, почти не шевеля крыльями, оставаясь при этом на одном и том же расстоянии от фургона. Твилла почему-то была уверена, что именно эта

птица не так давно взлетела над лесом, о котором ходила недобрая слава. В старинных книгах ведуньи Халди Твилла читала о древних силах, с помощью которых можно было заставить служить себе разных животных и птиц. Так что вполне могло оказаться, что сейчас за их повозкой кто-то следит. Однако Твилла ничего не сказала своим подружкам и не стала привлекать их внимание к крылатому наблюдателю.

Насколько она могла понять из разрозненных слухов, людям, которые старались держаться подальше от страшного леса, ничего не угрожало. А дорога, по которой двигался караван, делала большой крюк, на приличном расстоянии огибая южную оконечность леса. Сумерки сгустились, на всех повозках засветились фонари. Караван медленно продвигался все дальше от гор. И все это время за ним неотступно следовал крылатый повелитель ветров.

Впереди показался ряд домов. В некоторых окошках горел свет. Первые повозки были уже совсем близко к городским воротам. Последний фургон ехал очень медленно: возница следовал указанию местного начальства держаться подальше от остальных. Поэтому в сгустившихся сумерках Твилла и остальные девушки почти ничего не увидели — только огоньки на повозках, которые вереницей проезжали через ворота за крепкий частокол.

К ним снова подъехал всадник, приказал сворачивать с дороги прямо в поле и показал, где им велено стать лагерем — рядом с городом, но не внутри крепостных стен.

Как это бывало в течение многих недель путешествия, Татан и Айт распрягли животных и отпустили их пастись, а девушкам велели обустроить лагерь. Рута разобрала припасы, оставленные им на день, и поднесла к костру, на котором уже стояла жаровня, огромная, как таз для умывания. Только на этот раз в костре горели не поленья, а куски какого-то плотного черного вещества — девушки никогда еще такого не видели.

Это необычное топливо дымило сильнее и воняло гораздо хуже по сравнению с дровами, к которым девушки успели привыкнуть за время путешествия. Твилла даже закашлялась, когда на нее пахнуло этим отвратительным дымом. Она начала понимать, почему жители этой равнины так стремятся пробраться в лес — раз им приходится использовать такое топливо...

Было уже слишком темно, чтобы разглядеть парящую в вышине огромную птицу. Но в эту ночь должна была народиться новая луна. Твилла не решилась даже попытаться усилить свое заклинание — для этого волшебства нужно, чтобы луна шла на убыль. Но когда девушки устроились на своих убогих постелях внутри фургона, руки Твиллы словно сами собой потянулись к зеркальцу. Она крепко сжала заветный мешочек в ладони. Казалось, от зеркальца исходило странное тепло. Оно осталось теплым, даже когда Твилла чуть отстранила его от тела. И еще — зеркальце как будто пульсировало, оставаясь при этом неподвижным.

Неужели она обманывала себя тщетной, безумной надеждой, что удастся избежать уготованной ей участи? Твилла впилась взглядом в темную поверхность зеркала и подумала о Халди. Сама Твилла знала так мало... Да, конечно, она неплохо овладела целительским искусством, но почти ничего не знала о тех волшебных силах, с которыми ведунья Халди обращалась легко и умело. Твилле оставалось только набраться терпения и ждать, что же будет дальше. А беспокойство терзало ее все сильнее.

Достаточно ли убедительным будет для лорда Хармонда ее трюк с оспой? Пересмотрит ли лорд свое мнение относительно пользы, которую может принести целительница ему самому и его людям? Твилла не знала. Ей оставалось только надеяться на лучшее.

Утром их разбудил звук рога. Девушки выбрались из фургона. Теперь, при дневном свете, они смогли получше рассмотреть Киптаун. В отличие от всех городов Варслаада этот город не был обнесен высокой каменной стеной. Вместо камня для постройки стены здесь использовали блоки из плотно утрамбованной земли, сложенные один на другой и, по-видимому, обработанные огнем так, что они сплывались в цельную массу. Эта стена поднималась намного выше крыши фургона.

Неподалеку виднелись широкие городские ворота из массивных деревянных брусьев, укрепленные полосами металла. За стеной высилась одинокая четырехугольная башня. В ней было никак не меньше трех этажей. Впрочем, остальные дома были такой же высоты.

Ворота были распахнуты настежь, и оттуда к стоящему на отшибе фургону направлялась группа людей. Некоторые шли пешком, другие ехали на конях. Как и при встрече в предгорьях, все они остановились довольно далеко от фургона, и только один подошел поближе.

Твилла насторожилась. Она, конечно, ожидала увидеть какого-нибудь лекаря — но только не одного из жрецов Дандуса, которым давным-давно уже никто не верил! Каким только чудом он попал сюда, в недавно заселенные земли? Разве что... Скорее всего, странные и недобрые происшествия, связанные с лесом, побудили какого-то тупоумного советника призвать сюда жреца, исповедующего сумеречное учение.

Ведовство Халди было родственно силам земли и ее щедрым дарам. Халди всегда старалась привязать своих пациентов к целебным силам природы. А жрецы Дандуса полагали, что человек выше природы и не должен идти ни на какие уступки ради других форм жизни. Сейчас почитатели Дандуса встречались крайне редко. В основном они жили в единственном храме, посвященном этому божеству, в столице. И уже довольно долго послушниками в этом храме становились почти исключительно люди благородного происхождения.

Вера человека, который сейчас приближался к Твилле, была настолько же далека от того, чему она служила всю свою жизнь, как Солнце от Земли. Что ж, если лорд Хармонд покровительствует жрецам Дандуса — он действительно не станет прислушиваться к словам ведуньи.

— Где тут эта больная оспой? — резко спросил жрец Дандуса, не дойдя до фургона нескольких шагов. Его короткая ржаво-красная туника казалась пятном быстро подсыхающей крови.

— Вот она... — Татан схватила девушку за руку и подтолкнула вперед, а другой рукой откинула у нее с головы капюшон, открыв на всеобщее обозрение изуродованное свежими рубцами лицо. Твилла, которая во все глаза смотрела на жреца, не успела даже пошевелиться.

Что ему известно? Обладают ли почитатели Дандуса волшебными силами, которыми не владела Халди? Сможет ли жрец почувствовать то, что Твилла носит на груди? Распознает ли он ее волшебство?

Жрец Дандуса подошел к Твилле почти вплотную. Рукой в перчатке он больно схватил девушку за подбородок и повернул ее голову сначала влево, затем вправо. Потом опустил руку и сказал:

— Теперь покажите мне остальных!

Татан уже выстроила королевских невест в ряд. Жрец велел всем снять капюшоны и прошел вдоль ряда, пристально рассматривая каждую девушку. Он заглядывал им в глаза и иногда даже пощипывал за щеки. Возле Хади жрец остановился как вкопанный.

— Что за женщину ты сюда притащила, солдат?! — резко спросил он. — Почему она обрита наголо, как смертник перед казнью?

— Она была служанкой у одного заморского купца из этих, вестников рока, — объяснила Татан. — Когда ее хозяина посадили под стражу за изменнические речи, девицу объявили дочерью греха и успели так вот обработать — как раз перед тем, как до нее добрался наш отряд.

Жрец Дандуса неприязненно скривился.

— Чужеземка! — Он почти выплевывал слова в лицо Хади. — Запомни — мы не станем выслушивать те бредни, которыми твои соотечественники пытаются развращать здравомыслящих людей. Тебе придется забыть все, чему тебя там учили, а не то твой муж переучит тебя палкой, с полного одобрения нашего доброго лорда. Наш лорд не любит женщин, которые не знают своего места!

Он еще раз прошелся перед стоявшими рядом девушками и снова остановился возле Твиллы.

— Теперь ты... Тут что-то болтали о твоём искусстве, которое спасло жизнь тебе и оградило от болезни вот этих девиц. Здесь у нас нет других целителей, кроме отмеченных Дандусом. Подумай об этом и постарайся хорошенько для себя уяснить. Ты — такая же королевская невеста, как и все остальные. И ты будешь полностью подвластна тому неудачнику, которому доведется тебя выиграть, — хотя здесь у нас вряд ли найдется желающий заполучить такую уродину... Но даже с таким лицом тебя все равно выдадут замуж.

Жрец отвернулся от нее, и впервые с тех пор, как он сюда прибыл, Твилла вздохнула с облегчением. Она боялась, что ее

волшебство обнаружат и подвергнут ее за это гонениям. Однако ничего подобного не случилось. И девушка понемногу уверилась, что тяжелое испытание позади.

Девушки снова забрались в повозку и поехали в город. Повозка миновала ворота, покатила по плотно утрамбованной земле улицы и остановилась возле здания в самом центре города, неподалеку от башни. Здесь королевским невестам велели выйти из фургона, забрать свои вещи и присоединиться к другим девушкам, которые прибыли с этим же караваном и уже успели расположиться в доме.

По крайней мере, накормили их на этот раз хорошо. Вместо привычной грубой походной пищи они получили свежие овощи, мясо и фрукты. Здесь было место, где можно помыться, и девушки наконец смогли по-настоящему искупаться, смыть пыль и грязь с волос и тела. Твилла держалась немного особняком — незнакомые девушки старались сторониться ее, словно опасаясь подхватить от нее что-то дурное. По крайней мере, так ей удалось утаить драгоценное зеркальце — его никто не заметил. Когда у девушек забрали грязную походную одежду, Твилла спрятала зеркальце под полотенцем. Потом, когда им принесли новую одежду, Твилла незаметно надела мешочек с зеркалом на шею. Девушкам выдали грубые полотняные рубашки кремового цвета и длинные платья с лифом на шнуровке. Все платья были одинаковые — темно-коричневого оттенка, неотличимого от цвета пыли на дороге, по которой они так долго путешествовали.

По-видимому, девушкам так и не собирались давать возможность прихорошиться. Аскла страдала от этого не меньше Хади, Джесс стала похожа на одну из тех маленьких невзрачных птичек, что селятся под крышами городских домов. Только Лила и Рута выделялись на общем фоне — высоким ростом и спокойной, уверенной манерой держаться. Хади представляла собой жалкое и безрадостное зрелище — Твилла надеялась, что и сама она выглядит не лучше.

Три дня девушек держали в заключении. С тех пор как их поселили всех вместе, между ними начались ссоры, зазвучали резкие слова и насмешки. Твилла понимала, что главная причина всего этого — страх перед неведомой судьбой, которая их ожидает. Никто не потрудился объяснить пленницам, что им

предстоит. Им было известно только то, что они узнали еще во время путешествия с караваном. И никого из девушек не радовала перспектива выйти замуж за совершенно незнакомого мужчину и жить с ним в этом краю, который пользовался столь дурной славой.

Утром четвертого дня к королевским невестам пришла Татан с тремя помощницами. Девушкам велели собрать вещи, выстроили их по парам и впервые за все это время вывели наружу.

На улице уже собралась толпа желающих посмотреть на королевских невест. Когда девушки проходили мимо, им вслед летели замечания относительно их внешности. Некоторых приветствовали свистом, других провожали неодобрительными выкриками и улюлюканьем. Твилла удостоилась самых крепких словечек — она сгорела бы со стыда, если бы не знала, что делает и зачем. Но девушка твердо решила держаться до последнего.

Жрец Дандуса охладил ее пыл, и Твилла больше не решалась искать признания как целительница. Но она все же надеялась получить какую-то отсрочку и со временем отстоять свою свободу, если мужчина, который выиграет ее в лотерею, сочтет свою жену слишком отвратительной и не станет сразу предъявлять свои супружеские права. Это была очень слабая и робкая надежда, но сейчас Твилле больше не на что было рассчитывать.

На городской площади было устроено возвышение, на котором стояло кресло. Это было почетное место, которое подчеркивало высокий ранг сидевшего в нем человека — мужчины в полувоенной одежде и роскошном плаще.

Мужчина был среднего возраста, но моложавый. В отличие от тех дворян, которых Твилла видела в родном городе, у этого лорда лицо было загорелым и обветренным — как видно, он много времени проводил под открытым небом. Создавалось впечатление, что сейчас он исполняет какую-то неприятную, постыльную обязанность и ему не терпится заняться другими, более важными делами.

Рядом с лордом стояли двое офицеров и внушительный, плотный мужчина в богатой одежде, какую в Варваде носили состоятельные торговцы.

Перед ними на высоком треножнике была укреплена металлическая чаша. На площади вокруг возвышения толпился народ. В основном здесь собрались мужчины, но Твилла заметила и нескольких женщин в задних рядах. Все они были одеты в почти одинаковые грязно-коричневые платья, в каких обычно ходят простые крестьянки и жены бедных фермеров.

Королевских невест выстроили в один ряд. Твилла по какой-то случайности оказалась последней в ряду. Плохо это или хорошо — она не знала.

5

БЫЛО ЧТО-ТО ПОСТЫДНОЕ во всей этой процедуре — девушки стояли на площади, словно самки животных, выставленные на продажу. Твилла подумала, что, может быть, так сделали намеренно, чтобы любая девушка, которая еще надеялась воспротивиться уготованной участи, сразу поняла — ее желания и стремления здесь ничего не значат. Важно только одно — то, что она женщина. А значит, способна каким-то непонятным образом избавить одного из мужчин, в нетерпении толпившихся на площади, от страшной угрозы со стороны таинственного северного леса.

Похоже, на этот раз аукцион невест почему-то задерживался. Твилла заметила, как лорд Хармонд нетерпеливо поерзал на своем троне и сердито сдвинул густые брови. В то же самое время в толпе собравшихся раздались недовольные возгласы и приглушенный ропот. Из обрывков разговоров Твилла поняла, что кто-то важный опаздывает на всеобщее собрание.

Лорд Хармонд чуть повернул голову, и офицер, стоявший справа от него, тотчас же наклонился, чтобы лучше слышать слова своего командира. Затем офицер отсалютовал и поспешил к ступенькам у дальнего края возвышения. Однако не успел он сойти с подиума, как сквозь толпу к помосту начал проталкиваться какой-то молодой парень. Толпа поспешно расступалась, давая ему пройти. Юноша был мрачен, как и лорд Хармонд. Он встал в самом переднем ряду толпы с таким видом, будто его сейчас должны были разрубить на куски. Было

совершенно очевидно, что этот юноша ни за что не явился бы сюда по собственной воле.

Лорд Хармонд смерил парня тяжелым взглядом — так люди, облеченные властью, смотрят на своих нерадивых вассалов, принуждая их к покорности. Затем лорд звонко щелкнул пальцами. Повинуясь этому знаку, охранница взяла за руку девушку, которая стояла первой в ряду невест, и подтолкнула ее к ступенькам, ведущим на подиум.

Эту девушку Твилла не знала. Она была невысокая, худая и жилистая, как Джесс. Девушка двумя руками прижимала к себе узел с вещами, завернутый в старое одеяло, все в заплатках. Наверное, ее тоже забрали из нищенской общины безземельных крестьян.

Повинуясь жесту лорда Хармонда, девушка повернулась лицом к выжидающей толпе. Она не смотрела на собравшихся людей — стояла, потупив взгляд. Щеки ее пламенели, залитые краской стыда.

Лорд Хармонд подался вперед, запустил руку в чашу и вытащил оттуда небольшой листок грубой, сероватой бумаги.

— Ивон Гартерер из Двух Ручьев...

Он прочитал это громко и отчетливо. Все разговоры в толпе к тому времени умолкли, и в наступившей тишине имя фермера эхом разнеслось по площади.

— Я здесь, мой лорд... — Мужчина средних лет начал проталкиваться сквозь толпу к ступенькам с другой стороны возвышения. Он поднялся на подиум, по пути сдернув с головы шапку, и низко поклонился лорду Хармонду. Потом фермер быстро подошел к съездившейся от смущения и страха девушке, схватил ее за руку и подвел к королевскому наместнику.

— При всех свидетельствую, что Ивон Гартерер берет эту девушку себе в невесты, по благоволению короля, нашего владыки, и не стану противоречить его выбору. — Было заметно, что лорд Хармонд произносит давно заученную на память официальную формулировку, которую ему доводилось повторять уже очень много раз.

Ивон неуклюже поклонился и, подтолкнув девушку, чтобы она шла впереди него, направился к тем самым ступенькам, по которым поднимался на подиум. Тем временем с другой сторо-

ны подиума охранница выставила на всеобщее обозрение очередную жертву.

Так все это и проходило. Девушки не противились своей участи, а мужчины, как видно, уже давно привыкли покорно принимать то, что выпадет им в этой лотерее. Случалось, что жених и невеста составляли ужасно неподходящую пару, а иногда молоденькой девушке доставался молодой и крепкий парень.

Твилла напряженно следила за происходящим, когда на подиум выходили девушки, с которыми она успела подружиться во время путешествия.

Лила досталась мускулисту, широкоплечему молодому парню, который вполне мог потягаться с ней в физической силе. Хрупкая юная Аскла стала невестой старика, который по возрасту годился ей в отцы. Жених Руты был одет богаче многих других — наверное, это был какой-то горожанин, а может, даже личный слуга самого лорда Хармонда.

Мужчина, которому досталась Джесс, явно был не слишком преуспевающим мелким фермером. Когда на подиум выставили Хади, в толпе раздался ропот недовольства, и Твилла поняла, что эту невесту ни один жених не встретит с распростертыми объятиями.

И вот наконец настал черед самой Твиллы. Мужчина в богатой одежде, стоявший рядом с лордом Хармондом, недовольно нахмурился. Толпа заволновалась, раздалась громкие выкрики, гораздо более унижительные и обидные, чем раньше. Но лорд Хармонд не обратил на это ни малейшего внимания. Все так же невозмутимо он протянул руку и достал из чаши последний оставшийся там листок с именем. Когда лорд прочитал это имя, на площади воцарилась мертвая тишина.

Молодой человек, который опоздал к началу лотереи, дернулся, словно лошадь, в бока которой внезапно вонзили острые шпоры.

— Это кошмарное лицо! Нет! — Щеки юноши вспыхнули. Он не двинулся с места, не сделал ни шагу к ступеням на помост, где королевский наместник должен был объявить о выборе, дарованном ему судьбой.

Лорд Хармонд не поднялся со своего трона, но его гневный взгляд, обращенный на молодого офицера, метал молнии. Ког-

да лорд заговорил, его голос был холоден как лед. Этого приказа невозможно было послушаться.

— Закон известен всем, и каждый человек обязан ему следовать — независимо от того, какое положение в обществе он занимает. Ты поступишь так, капитан, как поступил бы на твоём месте любой из присутствующих здесь. Прими же невесту, которую предназначила тебе судьба.

— Нет! — Молодой человек развернулся и кинулся прочь, расталкивая столпившийся народ. Толпа возмущенно зароптала. Лорд Хармонд кивнул стоявшему рядом офицеру, и тот бросился вдогонку за юношей. Тем временем лорд Хармонд повернулся к Твилле и оглядел ее с головы до ног. Его губы скривились, словно он глотнул кислого вина.

— Мы соблюдаем закон, — сказал он. — Ни один мужчина, даже мой собственный сын, не откажется от невесты, которая досталась ему в лотерее. Ты теперь принадлежишь к моей семье и должна вести себя подобающим образом. Отведите ее в башню. — Последние слова относились к Татан, которая поднялась на подиум по знаку лорда.

Сын самого лорда Хармонда! Твилла изо всех сил вцепилась в свой узел с вещами, а Татан поспешно повела ее вниз с помоста и дальше, прямо к воротам башни. В какую же запутанную ситуацию вовлекла ее судьба! Лорд Хармонд твердо намерен соблюсти закон. Как же он поступит, если она внушает его сыну такое отвращение? Сердце Твиллы билось чаще обычного, пока Татан поспешно уводила ее с площади.

Если бы ее выдали замуж за какого-нибудь простого крестьянина, ей, возможно, представилась бы возможность бежать. Но теперь надеяться на это не стоило. Лорд Хармонд непременно настоит на том, чтобы его сын женился на Твилле. Он не сможет пойти на уступку ради собственного сына — и из-за своей приверженности закону, и для того, чтобы поддержать дисциплину среди вассалов.

В отличие от всех остальных домов в городе обиталище лорда было построено не из обожженных глиняных кирпичей, а из камня. Строительный камень, судя по всему, приходилось везти откуда-то издалека. В этом здании не чувствовалось того особого запаха древности, которым отличались дома лордов по ту сторону гор. Здесь, напротив, пахло свежеструганым де-

ревом и еще характерным запахом жилища, в котором обитает очень много людей.

Татан подвела Твиллу к крутым ступенькам, вделанным в стену, — таким узким, что на них с трудом могли бы разойтись два человека. По этой лестнице они поднялись наверх, до второго этажа башни, и попали на тесную площадку, на которую выходило две двери. Татан открыла одну из дверей и велела Твилле войти. Девушка покорно повиновалась — и оказалась в небольшой комнате, обставленной очень скудно. Из мебели — только простая кровать, сундук, грубо сделанный стол и пара стульев. Да уж, жилище лорда Хармонда не отличалось роскошью.

Татан встала, уперев руки в бока, и оглядела девушку с головы до ног. Потом грубо рассмеялась:

— Хорошо, что ты целительница! Тебе здорово пригодится лекарское умение — после того как муж отделает тебя плеткой. Молодому лорду не понравится такая невеста, как ты, а лорд Хармонд не позволит ему сорваться с привязи. Он же все время говорил, что выбор лотереи никто не может изменить. Капитан Астар вообще не хотел жениться, но тут начали поговаривать, что надо привезти из лесу бревен для новых домов — а на такое дело должны идти только женатые. Никто во всем городе не позавидует тебе, девочка, даже если ты и выбилась в высшие круги по лотерее.

Татан еще раз хохотнула и вышла. Когда за ней закрылась дверь, Твилла сразу опустилась на ближайший стул, чтобы не упасть. Девушка дрожала всем телом. Зеркало... С помощью зеркала она наворожила себе такой облик, какой захотела, — глупая, безрассудная девчонка!.. А теперь Твилла даже не знала, сможет ли избавиться от этой уродливой личины. Еще какое-то время, конечно, нет. Потому что сперва ей нужно было постепенно укрепить внутренние силы. К тому же если она вот так сразу покажет свое истинное лицо — до нее сразу же доберется жрец Дандуса. Если лорд Хармонд доверяет этой братии, значит, он первый осудит и заклеймит владеющую магией ученицу ведуньи. Она в ловушке!

Твилла обхватила себя руками за плечи. Зеркальце больно вдавилось в грудь. В любое мгновение сюда мог явиться Астар и... И что? Твилла припомнила истории, которые рассказывали

во время путешествия о тех несчастных девушках, которые бесследно исчезали — что было очень на руку их невольным мужьям. Впрочем, вряд ли кто-то отважится убить ее прямо здесь, в доме лорда Хармонда... Хотя бы потому, что лорд не позволит своему сыну таким образом увильнуть от исполнения закона. Ведь всем известно, как строго лорд Хармонд придерживается законов.

Твилла наклонилась и принялась рыться в своем дорожном мешке. Она могла кое-что сделать при помощи трав... Однако до этой последней крайности дело еще не дошло. И тем не менее девушка считала, что имеет полное право защищаться, если ей будет что-то угрожать.

Она достала из лекарского мешка последние крохи проясняющего сознание снадобья — того самого, которое использовала в самом начале безумной затеи с переменной облика.

Здесь не было воды, чтобы развести лекарство, поэтому Твилла просто разжевала две веточки. Но во рту у нее все пересохло от волнения, так что сделать это оказалось совсем не просто.

Потом девушка решила повнимательнее обследовать комнату. В стену были вбиты крючья, и на одном из них висел теплый плащ. С другого крюка свисал богато отделанный праздничный пояс, который сверкал украшениями даже в этой полутемной комнате. Твилла в одно мгновение вскочила со стула и бросилась к нему — но даже не беря пояс в руки, девушка уже поняла, что в ножнах, прикрепленных к поясу, кинжала нет.

Она повернулась к сундуку и с усилием подняла его тяжелую крышку. Одежды, которые там лежали, были оторочены мехом — наверное, их носили в холода. Богато расшитая туника соответствовала по изяществу роскошному поясу, который висел на крюке. Да, это действительно были одежды знатного человека.

Твилла осторожно прощупала дно сундука, надеясь отыскать спрятанное под одеждой оружие, но ничего подходящего не нашла. Окна в комнате были затянуты промасленной кожей, сквозь которую внутрь проникало не слишком много света. И выглянуть наружу тоже было невозможно — кожа не отдергивалась в сторону, как занавеска. Руки у Твиллы опустились, она не знала, что еще предпринять. И в это мгновение

дверь безо всякого предупреждения распахнулась. Твилла быстро обернулась — посмотреть, кто это так бесцеремонно вошел в комнату.

Этого человека она еще не видела. Это определенно был не Астар, и не его отец, и не тот офицер, что стоял на подиуме. Твилла по каким-то неуловимым признакам определила, что этот мужчина — благородного происхождения. Однако, пристотревшись повнимательнее, девушка заметила, что его одежда, когда-то добротная, уже давно выцвела и поистерлась. Куртка со слабо затянутой шнуровкой на груди и видневшаяся под ней рубашка были заляпаны грязными и жирными пятнами.

Он двигался немного странно — при каждом шаге вначале как будто ощупывал ногой пол, проверяя, достаточно ли он надежен, и только потом переносил на эту ногу весь вес. Голову он держал прямо. Плохо расчесанные густые темные волосы свисали на лоб, на лице застыло странное пытливое выражение, а глаза... Он смотрел прямо перед собой, словно вовсе не заметил, что в комнате кто-то есть! Серо-голубые глаза темно-волосого мужчины были широко раскрыты, зрачки расширены до предела, словно он находился в полной темноте... В темноте! Он — слепой!

Наверное, Твилла выдала свое присутствие каким-то звуком, потому что мужчина быстро обернулся к ней — с той быстротой, которая свойственна слепым людям, вынужденным полагаться на второе чувство. Точно так же охотничьи собаки поворачивают головы на зов трубящих вдалеке рогов.

— Кто здесь? — быстро спросил мужчина. Твилла видела, как раздуваются его ноздри — он втягивал носом воздух, словно пес, у которого обоняние столь же чувствительно, как и слух.

Он держался так, словно на пути по этому миру без единого лучика света его всегда и повсюду подстерегали опасности.

Твилла наконец отважилась заговорить. Хотя одежда незнакомца была грязной и поношенной, но это была одежда не простого человека. И Твилла решила обращаться к нему как к дворянину.

— Я — Твилла, одна из девушек, которых привезли из-за гор, чтобы выдать замуж...

Губы мужчины растянулись в улыбке, больше похожей на волчий оскал.

— Невеста? Значит, мой отец исполнил свою угрозу — повесил на шею молодому Астару невесту! Он решил все-таки довести до конца эту затею, захотел снова сунуться в лес... Но прежде надежно обезопасил наследника — чтобы тот не вернулся никчемным калекой...

Твилла не знала, что на это ответить. Мужчина снова глубоко втянул носом воздух.

— Что за приданое ты принесла с собой, Твилла? Я чую... — Он на мгновение запнулся, потом договорил: — Травы — да, но не такие, из которых делают отдушки для тела и одежды. Скажи — для чего тебе эти травы?

— Хотя ваш жрец Дандуса и запрещает это, я — целительница. — Девушка решила испробовать этот шанс. — А в этой сумке — лечебные травы, которые наставница собрала для меня в дорогу.

— Целительница! — Он глухо рассмеялся. — Похоже, меня привела сюда сама судьба! Какое лекарство ты можешь предложить при слепоте, целительница? Я неполноценный мужчина, бесполезный лишний рот, мое наследство перешло к младшему брату — и все из-за этого! — Его руки метнулись к лицу, словно он хотел выцарапать бесполезные невидящие глаза.

— Из-за чего это с тобой случилось? Ты потерял зрение после болезни? — Твилла слышала о таких случаях.

Она подошла к мужчине поближе и внимательно осмотрела его неподвижные серо-голубые глаза.

— Это... — Он тряхнул головой, словно отгоняя какие-то неприятные мысли. — Это — проклятие, и я не помню, как оно меня настигло. Это правда! — Последние слова он выговорил с жаром, словно опасаясь, что девушка станет над ним насмехаться, — наверное, ему уже не раз приходилось выслушивать издевки и насмешки от других.

— Позволь, я взгляну. — Твилла заговорила с ним спокойно и мягко. Она привыкла так обращаться к больным, которые напуганы своим недугом.

Сперва мужчина отшатнулся, но потом сразу замер, когда молодая целительница положила руку ему на плечо и повлекла к окну — туда, где в этой сумрачной комнате было светлее всего.

— Присядь, мой лорд. — Она подвела его к окну так, чтобы он прикоснулся коленом к сундуку. Мужчина послушно сел.

Внешне его глаза оставались совершенно нормальными во всем — за исключением этого замершего, неподвижного взгляда. Твилла не обнаружила ни покраснения, ни каких-либо корок на веках — никаких признаков тех немногих глазных болезней, которые она умела лечить.

— Как давно это с тобой случилось? — спросила девушка.

— Как давно? — Его голос зазвенел. — Достаточно давно, целительница, и даже более того. Для слепых времени не существует. Мы не видим ни дня, ни ночи — для нас все едино. Я знаю только, что отправился в лес демонов с отрядом разведчиков и случайно отбился от своих. А когда меня нашли, я был все равно что пьяный, молол какую-то чушь, рассказывал о таком, чего на самом деле не бывает... И еще — я стал слепым. Они доставили меня обратно к отцу. А ему ни к чему сын-калека, законный он или нет. Счастье для него, что есть еще Астар — родной сын и наследник, который будет править после отца.

От его слов веяло такой горечью, что мороз пробирал по коже.

— Видишь ли, моего отца обещали сделать местным правителем. Он должен был только добиться того, чтобы здешние земли приносили доход — и все, после этого он становился королевским наместником, которого никто не смеет ослушаться. Отец стал лордом, у которого нет здесь завистников, — а ведь там, за горами, полным-полно дворян, которые готовы в глотки друг другу вцепиться, добиваясь внимания и благосклонности короля. Мой отец всегда строго следил, чтобы все было по закону...

Он снова замолчал. Твилла взяла свой дорожный мешок и принялась искать в нем нужную бутылочку.

— И потому искалеченный сын стал никому не нужным, а второй сын должен жениться против воли, чтобы исполнить то, в чем не преуспел его старший брат.

Твилла по каплям отмерила прозрачный настой и пропитала им комочек хорошо очищенной овечьей шерсти. Отсчитывая капли, юная ведунья мысленно складывала слова в нехитрое заклинание, пробуждающее волшебную силу:

— Пусть снова свет увидит
Тот, кто родился зрячим...

Твилла осторожно протерла глаза слепого комочком шерсти, смоченным целебным настоем, внимательно следя за тем, чтобы его веки были плотно прикрыты. Но не слишком плотно — пусть лекарство проникнет к самим глазам.

Затем девушка отступила на шаг и достала из потайного мешочка волшебное зеркальце. Если эта слепота действительно вызвана каким-то злым чародейством, как о том болтают, — зеркало это покажет.

— Открой глаза! — приказала Твилла. Девушке хотелось поскорее разделаться с этим испытанием и снова надежно спрятать свое сокровище.

Слепой открыл глаза и уставился прямо перед собой все тем же невидящим взглядом. Твилла вскинула зеркальце к его лицу и посмотрела на отражение. Она была готова к тому, что увидит, и все равно едва не вскрикнула от неожиданности.

В зеркале отражались плохо выбритое лицо мужчины, его встрепанная буйная шевелюра и... Он был словно в полумаске — поперек лица, закрывая глаза, светилась полоска густого серебристого тумана.

— Колдовство, — сказала Твилла.

Мужчина горько рассмеялся.

— Ты могла бы и не трудиться так, целительница, чтобы это распознать. Жрец Дандуса и без того увидел на мне порчу. Но разве я мог противостоять колдовскому проклятию? И ты разве можешь? Меня поразили демоны. Я должен радоваться уже тому, что ко мне вернулся рассудок и я больше не бормочу бессмысленную чушь... А стоит ли этому радоваться? Лучше уж не понимать своего несчастья! Мне теперь остается только одно — умереть!

Твилла облизала губы. Девушка старалась припомнить все, что она узнала о таких недобрых заклинаниях, учась у ведуньи Халди. В первую очередь следовало распознать природу волшебства, лежавшего в основе заклинания, — а это можно было узнать только у того, кто сотворил его.

— Мой лорд, ты ничего не помнишь о том, что случилось с тобой в лесу?

— Только не надо снова об этом спрашивать! — рассердился слепой. — Они целую вечность допрашивали меня расспросами, допытывались и так, и эдак... Нет, целительница, я не помню! Если бы помнил, то, может быть, сумел бы еще как-то за себя постоять. Никто не знает, что там, в этом проклятом лесу. Известно лишь, что туда отваживаются ходить только женатые мужчины. А тех, у кого нет жены, ожидает участь вроде моей, а то и похуже. Почему так происходит — никто не знает. Жрец Дандуса говорит, что в лесу таится демоническое черное колдовство, которое даже он, при всех своих обширных знаниях, не в силах одолеть.

Твилла протянула руку и убрала длинную прядь волос, свисавшую поверх невидящих глаз собеседника. Она понимала, что для такого человека потеря зрения гораздо страшнее смерти.

— Так, значит... Значит, ты ничем не можешь мне помочь, целительница? — В твердой броне, в которую он себя заковал, наметилась трещина.

— С помощью трав — нет, мой лорд. Моих скудных знаний на это не хватит. Но я клянусь, что твой недуг — не телесный. Причина этого недуга — злое чародейство, и исцелить его можно тем же средством.

— Но где же мне искать это средство? — Он снова гордо вскинул голову, его голос обрел прежнюю твердость. — У лесных демонов? Вряд ли они отнесутся ко мне с состраданием... Но, может быть, ты и права. — Слепой лорд встал и безошибочно повернулся к двери. Как видно, он настолько хорошо знал эту комнату, что просто не мог ошибиться. — Может быть, и вправду лучше жить в проклятом лесу, с демонами, — для такого недочеловека, каким я стал...

Два быстрых шага — и слепой уже был у выхода. Твилла не успела ничего сказать прежде, чем он захлопнул за собой дверь.

6

ТВИЛЛА ПРИВЕЛА В ПОРЯДОК свою сумку с лекарствами и снова уселась на стул. В комнате постепенно становилось все темнее и темнее. Девушка почувствовала, что проголода-

лась. Свадьбы, на которых она бывала вместе с ведуньей Халди, были совсем другими.

На тех свадьбах угощали гостей и веселились, танцевали, смеялись, радовались началу новой, совместной жизни молодых супругов. Но там, по ту сторону гор, не было никакой унизительной лотереи, и к девушкам там относились совсем по-другому. Здесь же женщина была всего лишь живым талисманом, оберегом, необходимым мужчине для защиты от какой-то невидимой опасности. В родном городе Твиллы все было совсем по-другому. Если даже брак устраивали по уговору между двумя семьями, молодых людей всегда заранее знакомили друг с другом. Твилла ни разу не слышала, чтобы какую-нибудь девушку заставили выйти замуж против ее желания.

Она задумалась о том, что случилось с ее недавними спутницами. Большинство мужчин, выигравших в этой лотерее невесту, наверняка были фермерами. Наверное, некоторые фермы расположены довольно далеко от города-крепости... И сейчас эти счастливицы, скорее всего, устало тащатся по дороге обратно к своему жилищу, а выигранные «невесты» бредут за ними, словно купленный на рынке домашний скот.

Они были обручены — и по воле лорда Хармонда, а также согласно словам официального обряда, которые он произнес... Твилла ахнула. Ведь ее не обвенчали как полагается! Лорд Хармонд не совершал никакого обряда! Непокорный Астар ведь так и не вернулся и не встал рядом с нею перед своим отцом... А это означает, что никакие нерушимые узы ее с Астаром не связывают!

Ну, и какая ей с этого польза? Стоило ли сомневаться, что рано или поздно они с Астаром все-таки встретятся? И уж тогда его отец проследит, чтобы сын женился как положено, по всем правилам, потому что, только будучи женатым, Астар сможет отправиться в опасный поход к лесу, где обитают демоны. Ведь в этом лесу только женатому мужчине ничто не угрожает. А значит, это не избавление для Твиллы, а всего лишь короткая передышка.

Девушка снова вынула зеркальце и всмотрелась в его серебристую гладь. В комнате было уже почти темно, а промасленная кожа на окнах не пропускала внутрь ни единого лучика лунного света, но Твилла смогла разглядеть в зеркальце то са-

мое уродливое обличье, которое она себе наворожила и которое, возможно, ее погубит. Красные пятна с неровными краями побледнели и превратились в глубокие оспенные рубцы. Глаза оставались все такими же маленькими и мутными. На красноватых, словно воспаленных веках едва виднелись редкие белые ресницы. Ко всему этому еще и огромный распухший нос... С таким лицом она была в точности похожа на молодую свиноматку. Да уж, любой мужчина с отвращением отшатнется от такой невесты. Твилла заметила, что ей становится все труднее с этим мириться.

Она уже начала подумывать о том, чтобы утолить голод какими-нибудь травами из целительского запаса, но тут в дверь громко постучали. Мгновение спустя в комнату ввалилась Татан, державшая в руках поднос с едой. Охранница поставила поднос на крышку сундука, хитро подмигнула Твилле и сказала:

— Ешь! Девушке нужно подкрепить силы, прежде чем ложиться в постель. Хотя с этим, наверное, тебе придется обождать. Лорд Астар и его отец не сошлись пока во мнениях насчет тебя. Но лорд Хармонд все равно одержит верх в этом споре. Не беспокойся, скоро тебя поведут вниз, поставят перед честной компанией рядом с молодым лордом, поженят, как полагается, и споют вам свадебную песню... Будут поздравлять, как госпожу, хотя кто ж такой госпоже обрадуется? — Татан какое-то время помолчала, потом сказала: — Слыхала я, что вы, ведуньи, бывает, и ворожить умеете... Только жрец Дандуса уж точно проследит, чтоб ты чего не вытворила. Их братия с вашими не ладит, это всякий знает. Так что лучше не делай ничего такого, а то вдруг этот заметит — только хуже будет... Ешь и радуйся, если о тебе вспомнят, когда будут наполнять кубки.

С этими словами Татан ушла и закрыла за собой дверь на засов. Тогда Твилла придвинула стул к сундуку и исследовала содержимое двух мисок и высокой пивной кружки, которые принесла на подносе охранница. Девушке так хотелось есть, что она не могла сейчас думать ни о чем другом.

Ужин состоял из густого овощного рагу и порезанного небольшими кусочками мяса. Твилла обратила внимание на то, что для этих блюд не требовался нож — ей принесли только

ложку. Когда Твилла принялась за еду, ей почему-то вспомнился слепой мужчина, который заходил сюда сегодня вечером.

Он вошел в комнату так, будто не рассчитывал никого здесь застать. Может быть, ее поселили в комнату, которая раньше принадлежала ему? А ведь она даже не знает, как зовут этого человека... Знает только, что на него обрушилось проклятие лесных демонов и после этого он, похоже, стал чем-то вроде отверженного, изгоя в родном доме.

Теперь, когда слепого гостя не было рядом и внимание девушки не отвлекал его физический недостаток, Твилла вспомнила многие мелочи... Она еще при встрече подсознательно отметила эти незначительные подробности, но только сейчас до конца осознала все их значение. Одежда слепого была грязной, испачканной пятнами от еды. А значит, уже довольно долгое время никто не заботился о его внешнем виде и, судя по всему, вообще не уделял ему никакого внимания.

И тем не менее он явно как-то умудрялся бриться самостоятельно. Твилла достаточно хорошо разбиралась в обычаях дворянства, поэтому поняла, что таким образом он пытается подтвердить принадлежность к своей касте — цепляясь хотя бы за такую незначительную деталь, как ежедневное бритье. Мужчины из низших классов — крестьяне, торговцы и ремесленники — могли носить бороды в свое удовольствие. Но всякий, кто претендовал на благородное происхождение, считал своим прямым долгом гордо демонстрировать миру чисто выбритое лицо. И несмотря на несколько мелких порезов и оставшуюся кое-где короткую щетину, недавний гость Твиллы был выбрит довольно аккуратно — а это немалый подвиг, если вспомнить, что ему приходилось орудовать бритвой на ощупь.

Твилла вдруг подумала, что если бы этот мужчина мог как следует привести себя в порядок, он выглядел бы довольно привлекательным... Чертами лица он походил на лорда Хармонда, но в нем не было неумолимой суровости, присущей королевскому наместнику. Кроме того, этот мужчина был гораздо моложе, чем Твилле показалось вначале. Наверное, он был всего на год или два старше Астара — и из-за этого еще тяжелее переносил свое нынешнее увечье.

Колдовство... Да, ведунья Халди, конечно же, рассказывала о таком, пока Твилла у нее училась. Но в отношении наколдо-

ванных немочей для ведуний существовало одно твердое правило. Всякий, кто накличет бедствие на другого человека, и сам непременно за это поплатится. То мнимое изменение облика, которое Твилла наворожила себе самой, не затрагивало никого другого — а значит, ей не будет от этого колдовства ничего дурного.

Но ведунья Халди могла передать ученице только те знания, что сумела накопить сама за много лет исследований и экспериментов. Наставница самой Халди, ведунья Катерна — давным-давно умершая — занималась преимущественно целительством. Потому все сведения о волшебных силах Халди пришлось добывать самой. И лишь малые крупички этих знаний Халди передала Твилле, не уставая напоминать юной ученице о том, что в обращении с этими силами следует соблюдать величайшую осторожность.

Колдовство, сотворенное в чаше таинственного и страшного леса, могло оказаться совершенно иным — таким, о котором Халди даже не подозревала. Может быть, это колдовство подчинялось совсем другим законам... Возможно, эти злые чары ничто не ограничивало, и сотворивший их ничего не должен был отдавать взамен. Твилла содрогнулась, ее руки сами собой потянулись к зеркальцу. Девушка крепко прижала свое сокровище к груди. Всем враждебным силам этого нового мира она может противопоставить только это маленькое зеркальце, даже не зная до конца, на что оно способно.

Твилла отодвинулась от сундука, который служил ей обеденным столом. Есть ей внезапно расхотелось. Она взяла кусок хлеба и стала отщипывать от него маленькие кусочки — детская привычка, про которую Твилла, как ей казалось, давным-давно забыла.

По крайней мере, в еде ее не ограничивали. И по сравнению со скудной походной пищей, которую девушкам давали во время путешествия, здесь ей подали поистине королевский ужин. Правда, к кружке с напитком Твилла даже не прикоснулась. Там было темное и густое вино, судя по запаху — довольно крепкое. Целительницы могли позволить себе выпить вина только тогда, когда надо было подкрепить силы после тяжелой физической работы. Кто же захочет дурманить свой разум таким зельем?

Или, может быть, крепкое вино перед первой брачной ночью здесь подавали специально? Чтобы женщина не сопротивлялась требованиям своего нового господина? Твилла прикусила губу. Ей в голову пришла совсем другая мысль.

У нее было с собой средство, которое притупляло рассудок гораздо сильнее, чем самое крепкое вино. Может быть, когда Астар явится исполнять волю своего отца, ей стоит таким образом избежать надругательства — хотя бы над душой, если невозможно спасти тело?

Нет! Это трусливая уловка, недостойная ведуньи. У Твиллы были припасены кое-какие сильнодействующие снадобья. Если понадобится, она сумеет даже лишиться себя жизни, а не только на время притупить чувства. Однако Твилла считала, что время для этого еще не пришло. Она снова стиснула в ладони зеркальце, и тут в ней пробудилось нестерпимое отвращение к таким мрачным мыслям. Нет, этот путь — не для нее.

В комнате уже было очень темно. Твилла не заметила здесь ни свечи, ни лампы, и когда она попробовала пройтись, то сразу же наткнулась на край кровати. Девушке пришлось двигаться на ощупь — она вытянула вперед руку и шла, все время касаясь стены, пока не почувствовала под ладонью гладкие доски тяжелой двери.

Твилла не видела никакого засова или щеколды с этой стороны — наверное, изнутри дверь вообще не запиралась. А вот снаружи... Твилла слышала, как Татан, уходя, закрыла дверь на задвижку. Девушка хотела приспособить что-нибудь вместо замка, чтобы никто не мог войти в комнату без ее ведома, но ничего подходящего для этой цели не нашлось. Тогда она решила хотя бы подпереть дверь стулом. Двигаясь все так же, на ощупь, она нашла стул и приставила его к двери.

Толстые, грубо вырезанные деревянные ножки стула так громко скрипели, когда стул скользил по полу, что Твилла не сомневалась — этот звук она непременно услышит, даже если и не заметит, как снаружи откроют задвижку.

Сделав все, что могла, Твилла побрела обратно к кровати. Она двигалась в темноте медленно и неуклюже и все равно до крови ободрала ногу, больно ударившись об угол сундука. На сундуке задребезжали тарелки, в которых Твилле принес-

ли ужин. Держась за край сундука, девушка кое-как добралась до кровати.

Похоже, спор лорда Хармонда с его младшим сыном затянулся надолго. Твиллу до сих пор не отвели в общий зал, как обещала Татан, и не обвенчали с молодым лордом в присутствии всех, кто живет в этом доме.

Девушка задумалась: какие же доводы выдвинет Астар в свою защиту? Скорее всего, уже ничто не заставит лорда Хармонда свернуть с намеченного пути. Королевский наместник обязан соблюсти закон и женить своего сына на той девушке, которая досталась ему в лотерее.

Твилла присела на край кровати. Сквозь одно из окон теперь пробивалось немного света — наверное, где-то неподалеку зажгли фонарь или факел. Но для волшебного зеркальца этого было недостаточно.

Твилла только сейчас вдруг почувствовала, как сильно она устала — словно все страхи и волнения прошедшего дня разом навалились ей на плечи. Девушке захотелось спать. Да, она действительно нуждалась в отдыхе.

Повинуясь внезапному порыву, она распустила посвободнее шнурок, на котором висел мешочек с зеркальцем, — так, чтобы можно было спрятать зеркальце под подушку.

— Вслед за солнцем и против солнца... — Девушка проговаривала слова заклинания беззвучно, одними губами.

— Силы жизни, встаньте на страже,
Оградите от зла лихого.
Крепнут во мне чары луны
И даруют спокойные сны.

Такой вот простенький, нескладный стишок — ничуть не лучше обыкновенных детских считалок. Твилла легла на кровать, подложив руку под голову. Она сжимала зеркальце в ладони и, пытаясь заснуть, все гладила и гладила пальцами блестящую поверхность.

Может быть, из-за того, что Твилла так привыкла к этому занятию и полировка зеркальца сама по себе действовала на нее успокаивающе, — но вскоре девушка заметила, что все ее страхи и опасения постепенно начали ослабевать, а потом и совсем развеялись. И даже более того. В нее словно влились но-

вые силы — и телесные, и духовные, возросли и окрепли целеустремленность и уверенность в себе. Твилла решила, что все это ей не только кажется — она просто не могла в это не поверить. Успокоившись, девушка закрыла глаза и уснула.

Туман... Плотная серебристая мгла клубилась вокруг, застилала взор, превращала все окружающее в нечто таинственное и неведомое. Твилла упорно шла вперед, и туман жадно цеплялся за нее, но был бессилён поглотить ее целиком.

Твилла уже видела однажды такой серебристый туман. Смутные воспоминания прояснились и сложились в четкую картину — да, она видела полумаску из точно такого же тумана, закрывающую верхнюю половину лица... Изможденного, мрачного лица молодого человека. Этот туман ослеплял!

Туманная мгла вокруг нее сгустилась. Она что-то сжимала в руке, что-то обжигаяще холодное — сияющий диск... Холодный свет... Лунный свет... Ни лучика солнца... Серебристый туман отступил. Твилла почувствовала, как ее хлестнула невидимая, безмолвная волна злобы. Злобы, смешанной с таким презрением, от которого она становилась вдвое сильнее. Но эта злоба... Этот туман... Что бы это ни было, оно не достигло своей цели.

Твилла проснулась. Никакого тумана не было — только крошечная темнота в маленькой комнате. Но девушка была совершенно уверена — так, как будто сама Халди ей об этом сказала, — что этой ночью ее испытывало нечто, лежащее за пределами понимания обычных людей. И это нечто было настроено по отношению к юной ведунье крайне враждебно. Однако, как ни странно, Твилла совсем не боялась.

Наверное, было бы благоразумнее бояться опасности. Но это неведомое основывалось на хорошо известном чувстве, имя которому — злоба, высокомерная, презрительная злоба. И еще Твилла знала, что этот сон — если это был сон — навеян ей кем-то или кем-то, находящимся далеко отсюда. И жрец Дандуса здесь ни при чем. Жрецы Дандуса имели о подобных видениях самое поверхностное представление и считали их просто страшными ночными кошмарами.

Слепой лорд! Твилла резко села на кровати. Если этот сон — порождение его сознания... Нет! Он не стал бы пытаться опутать ее той же сетью, от которой сам столь тяжко пострадал.

Твилла не причинила ему никакого вреда. Но может быть, у слепого лорда слишком извращенный ход мыслей? Что, если он желает досадить своему удачливому брату, хочет, чтобы с Астаром случилось то же самое, что и с ним самим? И использует ее, Твиллу, в качестве орудия мести...

Твилла услышала необычный звук, который доносился не из-за двери — нет, дверь ее комнаты открывалась во внутренние помещения... Этот звук раздавался снаружи. Больше всего он напоминал хлопанье огромных крыльев. Почти сразу же где-то внизу закричал встревоженный часовой.

Твилла напрягала слух, чтобы по звукам, доносящимся снаружи, догадаться о том, что там происходит. Тем временем хлопанье крыльев — если это действительно были крылья — постепенно затихло. Но шум внизу становился все громче.

И тут раздался еще один звук — на этот раз прямо из-за двери в ее комнату. Твилла насторожилась. Она услышала, как кто-то поспешно отодвинул засов. А потом дверь резко распахнулась — ее толкнули с такой силой, что стул, который девушка поставила под дверь, отлетел через всю комнату к противоположной стене.

Света, проникшего со стороны лестницы, оказалось достаточно, чтобы Твилла разглядела фигуру человека, который стоял в дверном проеме. Это был слепой лорд — она узнала его.

Твилла вскочила с кровати и быстрым движением спрятала зеркальце под одежду. Она успела подойти к слепому как раз вовремя, иначе он с размаху налетел бы на сундук.

Хотя лицо слепого было в тени, Твилла не сомневалась, что он ищет ее. Она окончательно в этом убедилась, когда он молниеносным движением тренированного воина схватил ее за плечи — так, словно видел, где она находится.

— Что ты творишь? — Он говорил отрывисто, словно выплевывая слова ей в лицо. — Какие злые чары ты здесь плетешь?

Он встряхнул ее с такой силой, что у Твиллы закружилась голова.

— Я... ничего... не делаю... — Девушка едва смогла выдавить из себя несколько слов — так сильно молодой лорд сжимал ее плечи.

— Ты лжешь! Я... Я видел!.. На долю мгновения я снова стал видеть... И я увидел... Паутину, сплетенную из тумана... И... И я

вспомнил! — Его гнев отступил, сменившись ликованием. — Она оплела меня колдовской паутиной, но я вырвался на свободу... А теперь она подслала тебя, чтобы ты снова сделала меня пленником!

— Нет!

Он встряхивал ее с каждым разом все сильнее, отталкивая назад. И вот Твилла оказалась прижатой к кровати. Все пути к бегству были отрезаны.

— Нет!

Лорд железной хваткой вцепился девушке в плечи, не давая ей никакой возможности вырваться. Она начала бешено извиваться, пытаясь освободиться. Во время борьбы зеркальце выскользнуло у нее из-под рубашки.

Слепой лорд навалился на нее с такой силой, словно хотел раздавить. Зеркальце оказалось прижатым отражающей поверхностью к его груди.

— Что это?! — Лорд коротко вскрикнул и замолчал, словно ему зажали рот. Почти сразу же его хватка ослабела — так внезапно, что Твилла не удержалась на ногах и повалилась на кровать. Лорд отшатнулся от девушки, словно от огня.

Твилла нащупала зеркальце и снова спрятала его в потайное место. Слепой лорд отошел почти на середину комнаты. Сейчас он весь был хорошо виден в свете, попадавшем в комнату из коридора сквозь раскрытую дверь.

Темные брови молодого лорда сошлись к переносице, на щеках играли желваки. Он выглядел как человек, столкнувшийся с недоступным его пониманию явлением и все же не желающий уступить.

— Я ничего не делала, — сказала Твилла и порадовалась, что даже в таких обстоятельствах способна говорить спокойно и рассудительно. — Я спала. Мне приснился... Туман... Но это не я его наворожила.

Молодой лорд чуть повернул голову. Твилла скорее почувствовала, чем увидела, что его слепые глаза обращены на нее — как будто он хотел разглядеть ее, чтобы узнать...

— Туман... — повторил слепой. Потом неуверенно поднял руку и потер лоб. Твилла заметила, что он покачнулся, и подошла как раз вовремя, чтобы подставить ему свое плечо. Девушка кое-как помогла слепому добрести до кровати. Он рух-

нул на ложе и скорчился, спрятав лицо в ладонях и опираясь локтями о колени. Все его тело дрожало мелкой дрожью, тряслось, словно он стоял обнаженный на ледящем зимнем ветру.

Твилла наклонилась к нему и, пригладив копну спутанных, грязных волос, возложила руки ему на голову, высвобождая поток целительной силы. Затем ее ладони скользнули ниже, к сгорбленным плечам несчастного. Юная ведунья стала разминать его закаменевшие мышцы — и делала это до тех пор, пока он не расслабился. Слепой лорд вздохнул и поднял голову.

— Я не знаю, кто ты или что ты такое на самом деле, — сказал он медленно, как человек, разгадывающий непростую загадку. — Но я верю, что ты не желаешь мне зла, целительница. Ты какая-то особенная, не похожая на других. Я слышал о ведовстве... О вас, ведуньях, говорят разное. Некоторые отзываются очень благожелательно, другие — как, например, жрецы Дандуса — считают, что вы открываете врата в мир для злых демонов. Но я знаю, что в тебе нет зла, — это так же верно, как то, что меня зовут Илон и я — сын лорда Хармонда. Или...

Его тело внезапно снова напряглось под ее ладонями. Лорд Илон тряхнул головой и резко сказал:

— Нет!

Твилла не поняла, к чему относилось это отрицание. Слепой лорд неожиданно повернулся к ней. Его лицо снова оказалось в тени.

— Тебе угрожает опасность, целительница. Страшная опасность, о которой ты даже не догадываешься. Нельзя плохо отзываться о родственниках... Но послушай меня. — Он снова протянул руки и схватил ее за плечи. Только на этот раз не больно и не так сильно, как раньше, — хотя и крепко. Так, словно она пошатнулась, а он поддержал ее, не давая упасть.

— Из-за того, что я слепой... калека, неполноценный человек... родственники отвернулись от меня. Они просто не обращают на меня внимания — будто я пустое место, стена, собака, бездушная тварь, которая не умеет ни мыслить, ни чувствовать. Мой брат Астар считает, что такая невеста, как ты, позорит его. Астар даже открыто выказал неповиновение отцу — хотя я не думал, что он на это решится. Мой брат очень обозлился, но не на отца и не на закон, который принуждает его взять нежеланную невесту, — нет! Вся его ненависть обратилась на тебя.

Твилла содрогнулась всем телом. Слепой лорд предостерегал ее с таким пылом, что сразу ожили все те страхи, которые зародились в ней, когда она стояла на возвышении во время королевской лотереи.

— Он убьет меня... — сказала она, стараясь сдержать дрожь в голосе.

— Нет. Этой ночью я слышал, что брат замышляет кое-что похуже простого убийства... — Он замолчал, как будто не сумев сразу подобрать верные слова, чтобы объяснить все до конца.

— Жрец Дандуса? — Этого Твилла боялась с той самой минуты, когда впервые увидела жреца под крепостной стеной. Какую же злую судьбу готовят эти фанатики ведунье — одной из тех, кого их орден так давно стремится извести?

— Нет. — Лорд Илон говорил очень тихо, почти шепотом. — Жрец Дандуса не может рисковать своим положением и не станет предпринимать ничего, противоречащего закону, который мой отец так строго блюдет. Нет, мой брат задумал нечто совсем дурное... Такое, что идет вразрез с основными законами крови высших домов. Мужчина из знатного дома не может взять в жены девушку, которая уже с кем-то была...

— С кем-то была?.. — Твилла не сразу поняла, о чем он говорит, а потом вся вспыхнула от стыда и гнева — хотя никто этого и не увидел.

— Сюда всегда присылают намного меньше женщин, чем нам нужно. Многие мужчины подолгу остаются одинокими. — Илон говорил совершенно бесстрастно, но было заметно, скольких усилий это ему стоит. — К участию в лотерее допускают тех, кто строит отдельные поселения в отдаленных землях, и иногда — кое-кого из горожан. У солдат же, по большей части, нет ни своего дома, ни семьи. Даже при том, что солдаты чаще других бывают в лесных экспедициях, где до них могут добраться демоны, им все равно редко позволяют жениться. Удел солдата — служба. И участвовать в аукционе невест разрешают только немногим из них, особо отличившимся. Но в любой армии всегда найдутся такие, которые мало чем отличаются от животных, — а под началом моего отца таким солдатам нечего и надеяться на то, чтобы получить невесту. Для многих из них женщина — самая желанная и почти недостижимая добыча. И они готовы рискнуть очень многим, только бы удовлет-

ворить плотские желания... Вот с ними-то Астар и решил договориться. Он, наверное, прямо сейчас подбивает их на грязное дело... И если какой-нибудь озверевший солдат доберется до тебя и утолит свою похоть — хотя это чудовищное преступление в здешних землях, — то уже ни один мужчина не возьмет тебя в жены. Ведь тогда нельзя будет с уверенностью сказать, от кого женщина понесла дитя — от мужа или от насильника.

Твилла задрожала сильнее. Ее всю трясло — точно так же, как недавно трясло Илона. Зеркальце... Сможет ли зеркальце как-нибудь избавить ее от этого ужаса? Или, может, настал час прибегнуть к сильнодействующим травам, которые хранятся в лекарской сумке?

— Что же мне делать? — спросила она вслух, хотя спрашивала скорее себя, а не его.

Но лорд Илон ответил:

— Наверное, то же самое, что и мне. — Он сидел теперь прямо, развернув плечи, словно в нем пробудилась дремавшая внутренняя сила. — Я верю, что ты и в самом деле настоящая целительница. Ты показала мне... — Он замолчал, потом продолжил: — Каким-то образом ты заставила меня поверить, что я — не никчемный и бесполезный недочеловек. Сегодня ночью... Эти туманы... Когда я пришел к тебе, меня словно вела какая-то высшая воля, которая помогла мне вырваться из тумана, — и я как будто снова стал настоящим мужчиной. А потому я буду поступать как мужчина. Я верю... Я действительно верю, что тайна моего увечья кроется в лесу, и если я ее не раскрою, то никогда не стану снова свободным. И теперь я намерен вернуться туда...

Твилла взяла его за руку. Она понимала — насколько вообще возможно такое понять, — чего ему стоит такое решение.

— Ты уже слышала об опасностях, которые подстерегают в лесу, — продолжал Илон. — Там люди теряют рассудок, зрение, а иногда и совсем исчезают. Но в тебе есть такая сила, которой я никогда прежде не встречал. И в лесу тебе не страшны будут те опасности, которые угрожают здесь.

— Как... — начала она, но Илон внезапно сжал ее ладонь.

— Тихо! — едва слышно прошептал он, встал и пошел к двери. Твилла тоже вскочила и поспешила убрать стул у него с дороги. Но лорд Илон не вышел из комнаты. Он спрятался

за приоткрытой дверью. И только теперь Твилла тоже услышала топот тяжелых сапог где-то на нижних пролетах лестницы.

7

ИЛОН ОСТОРОЖНО прикрыл дверь, и в комнате снова стало совсем темно. Правда, вернуть на место наружный засов на двери, находясь внутри комнаты, не представлялось возможным. Идущий сюда сразу поймет, что в комнату уже кто-то заходил.

Твилла отошла в глубь комнаты и прижалась спиной к затянутому промасленной кожей окну. Ей показалось, или она действительно слышала топот не одной пары ног?

И вот дверь снова широко распахнулась от сильного пинка — наверное, Илона больно ударило створкой в его укрытии. В комнате сразу стало светло — вошедший принес с собой лампу. От него сильно разило плохим пивом, которое так любят местные жители. Лицо мужчины покраснелось от выпивки, и на ногах он держался не слишком уверенно.

Он поднял лампу повыше и осветил Твиллу с головы до ног. Потом сердито нахмурился и плюнул ей на платье:

— Свиномордая уродина!

Твилла попыталась отступить в сторону, ускользнуть от него, но мужчина двигался неожиданно быстро, несмотря на то что был сильно пьян. Он выпустил лампу, и она упала на пол. Одной рукой он крепко схватил девушку за волосы и, больно дернув, притянул к себе, а второй рукой с размаху ударил ее по лицу.

На мгновение у Твиллы закружилась голова, зрение затуманилось. Потом ей в лицо ударил зловонный запах перегара — вошедший притянул ее за волосы еще ближе к себе.

— Невеста... — Он говорил, словно кудахтал, — его одновременно разбирал смех и душил гнев. — Вот и поглядим... Да, уродина, и тебя уложат в постель — только не я. У тебя будет мужчина, тварь такая, и даже не один... А они крепкие ребята... Заставят тебя поплясать. Они ждут не дождутся — так и знай, свинорылая, они мечтают забраться с тобой в постель!

Пьяный за волосы потянул голову Твиллы вниз, так чтобы она ничего не смогла увидеть. Девушка попыталась вырваться — но безуспешно, только получила еще одну крепкую за-трещину.

— Нет смысла вырваться...

Он не договорил — только ахнул и вдруг выпустил волосы Твиллы. Девушка метнулась в сторону. Астар рухнул на пол, его голова с громким стуком ударилась об угол сундука. Молодой лорд лежал не шевелясь, а над ним угрожающе нависал его старший брат.

Твила уже успела прийти в себя настолько, чтобы сделать два важных дела. Во-первых, она попросила Илона снова закрыть дверь. А потом взяла лампу и перенесла в центр комнаты, чтобы полностью осветить лежащего на полу Астара.

Голова молодого человека была откинута так неестественно, что у Твиллы перехватило дыхание.

— Поднимайся, презренный трус! — Илон пнул распростертого на полу брата носком сапога — так, что тело дернулось под ладонью Твиллы.

— Не надо... Не надо! Он... Кажется, он... Мертвый... — Твилле никак не удавалось прощупать у Астара пульс. Она принялась поспешно распускать шнуровку на его куртке, чтобы освободить грудь и послушать, бьется ли сердце.

— Он... умер? — глухо сказал слепой лорд над головой Твиллы.

— Я не чувствую, как бьется его сердце. — Девушка старалась успокоиться и вспомнить, что должна делать целительница в таких случаях.

— Тогда... Тогда тебе нужно немедленно выбираться отсюда! — Голос Илона звучал по-прежнему глухо, но теперь в нем прорезались нотки нетерпения. — Все подумают, что это ты убила его, когда...

— Но ведь... Но ты ведь можешь рассказать правду! — Девушка подняла голову и взглянула ему в лицо.

— Могу, конечно... — Илон горько рассмеялся. — Я могу в подробностях поведать всю эту грязную историю — и скажут, что у меня снова ум за разум зашел, как это уже случалось раньше. А ты все равно пострадаешь — так или иначе. Мой благо-

родный отец не так-то легко примирится с потерей второго сына. Нет, Твилла, для тебя осталась только одна надежда, и это...

Он протянул руку и осторожно провел пальцами по ее волосам. Это прикосновение ничуть не походило на бешеную хватку Астара, от которой у Твиллы до сих пор болела голова.

— Ты должна уходить отсюда, — твердо сказал Илон.

— Но как? Они, наверное, уже услышали...

— Если крепость построил человек, выросший в стране, где кланы вечно враждуют между собой, то в такой крепости всегда полным-полно потайных ходов, — сказал Илон. — Я покажу тебе выход из крепости, а потом... А что потом — это будет зависеть только от тебя, Твилла. Они погонятся за тобой, но ни за что не войдут в глубь леса.

Твилла сидела очень тихо. От прикосновений Илона ей было так спокойно...

— А как же ты?.. — спросила она.

— Я? Да какая разница? Я уже ни на что не могу им пригодиться... И себе самому тоже...

— Нет. Послушай! — Твилла порывисто схватила Илона за руку и встала. Они стояли совсем близко друг к другу. — Послушай! — Твилла почти кричала, она хотела, чтобы он поверил в то, во что только что поверила она сама. — В том лесу кроется источник злого колдовства, которое тебя поразило, — а я клянусь тремя ликами Луны, что ты заколдован! Если ты вновь отправишься в этот лес — кто знает, возможно, тебе удастся вернуть то, что ты потерял!

Она услышала, как тяжело он вздохнул.

— Я — слепец, а до леса так далеко... Ты сможешь где-нибудь укрыться, спрятаться, — и может быть, тебе повезет добраться туда. А с такой обузой, как я, об этом не стоит и мечтать.

— Ты можешь вывести нас из крепости — ты сам это сказал. А я могу видеть — так пусть же мои глаза послужат нам обоим! Сегодня ты спас меня от ужасной участи... Неужели ты думаешь, что во мне неостанет твердости духа, чтобы вернуть этот долг?

Тут Твилла заметила, что распростертое на полу тело шевельнулось. Значит, Астар все-таки жив!

— Он жив... Я должна ему помочь... — Долг целительницы напомнил о себе, но когда Твилла начала наклоняться к лежа-

щему на полу раненому, Илон быстро перехватил ее и удержал рядом с собой.

— Не сейчас. У нас мало времени. Живой или мертвый — Астар принесет тебе только смерть. Это истинная правда — могу тебе в этом поклясться.

Он отпустил девушку, но тут его рука запуталась в широких складках ее полотняной рубашки.

— Тебе нельзя уходить в этой одежде. В этом тебя узнают с первого взгляда, и первый же встречный на дороге направит погоню по нашему следу. В сундуке... Выбери, что тебе подойдет, и переоденься. Только быстро!

Твилла хотела возразить, но он говорил так уверенно, что невозможно было не подчиниться. Она открыла сундук и достала оттуда штаны, рубашку и кожаную куртку — все землисто-коричневого оттенка. Потом быстро сбросила с себя грубое платье и нижнюю юбку, оставшись в одной только сорочке, и поспешно натянула ту одежду, которую взяла из сундука. Все было ей велико, но Твилла дважды обернула вокруг талии свой вышитый шарф — и брюки перестали спадать. Куртка была рассчитана на более широкие, не девичьи плечи, и рукава пришлось подвернуть, но в целом получилось вполне сносно.

Закончив с переодеванием, девушка снова посмотрела на Астара. Она присела возле него и проверила, не идет ли кровь из ушей — это указало бы на тяжелый перелом черепа. Поддавшись внезапному порыву, Твилла стащила с кровати одеяло и накрыла им бесчувственное тело. И все равно юную ведунью мучили угрызения совести, оттого что она больше ничего не сделала для раненого.

— Я готова. — Твилла подхватила на плечо свой дорожный мешок с целебными снадобьями, который за время путешествия через горы заметно полегчал. Илон стоял у слегка приоткрытой двери и напряженно вслушивался.

— Идет кто-нибудь? — шепотом спросила Твилла, подходя к нему.

— Пока нет. Оставь лампу здесь — пусть светит. Они решат, что ты здесь, и сперва побегут сюда.

Илон вывел ее из комнаты, на лестничную площадку. Здесь было не совсем темно — пролетом ниже лестницу освещал тусклый фонарик.

Слепой лорд наклонился, поднял засов и вставил на место, в прочные железные скобы.

— Пойдем! — Он протянул руку, и Твилла доверчиво ухватилась за нее. Илон сжал ее ладонь крепко, но бережно и повел девушку за собой вниз по лестнице.

— Я очень надеюсь, что Астар позаботился о том, чтобы здесь никого не было, — прошептал он так тихо, что Твилла едва расслышала. — Он ведь не хотел, чтобы его грязной затее кто-нибудь помешал... Мой брат — капитан стражи, охранники обязаны были подчиниться его приказу.

Они спускались медленно, со ступеньки на ступеньку, и останавливались чуть ли не на каждом шагу, чтобы прислушаться. Это было настолько утомительно, что у Твиллы начало сводить мускулы от усталости.

До самого нижнего этажа их так никто и не окликнул. Ни одна дверь не открылась. Кое-где горели фонари, но этой ночью весь дом словно вымер. У подножия лестницы Илон свернул направо и вошел в комнату. Здесь было очень темно, но слепой лорд уверенно прошел через всю комнату, ведя за собой Твиллу. Девушка старалась держаться поближе к нему в надежде, что он поможет ей не наткнуться в темноте на какую-нибудь мебель. Как целительница она знала, что если у людей не действует какой-либо орган чувств, другие чувства развиваются сильнее обычного.

— Стой! — прошептал Илон. — Жди здесь.

Он отпустил ее руку. Твилла услышала звуки его легких шагов, шорох одежды и негромкий скрип туго поддающейся двери. Потом Илон вернулся.

— Нам нужно спуститься, — сказал он. — Здесь простая лестница, с перекладинами. Я пойду первым. Когда будешь спускаться, осторожно нащупывай ногой каждую перекладину и только потом становись. Я буду тебе помогать.

Девушка услышала, как он начал спускаться по лестнице, потом прошептал:

— Давай!

Твилла опустилась на четвереньки и осторожно поползла вперед. Опираясь ладонями о грубо оструганные доски пола было очень неприятно. Очень скоро Твилла нащупала край проема в полу и двинулась туда. Оказалось, что ориентировать-

ся только при помощи прикосновений невероятно трудно. Но в конце концов Твилла все-таки отыскала лестницу. И, доверившись лорду Илону — потому что больше ничего не осталось, — девушка начала спускаться в кромешную темноту.

Вскоре Илон взял ее за лодыжку и легонько сжал — Твилла почувствовала это сквозь мягкую кожу сапог. Как ни странно, прикосновение Илона приободрило девушку, развеяло мрачные предчувствия, которые уже начали ее одолевать.

И вот Твилла снова почувствовала под ногами пол.

— Подожди здесь. — На этот раз Илон заговорил уже громче. — Я должен закрыть люк наверху.

Стоя в темноте, она слышала, как поскрипывали перекладки лестницы под его ногами, потом сверху донесся стук закрывшейся дверцы люка, и вскоре Илон снова спустился вниз.

Когда слепой лорд проходил мимо Твиллы, он взял ее за руку, как и прежде, и повел за собой.

— Проход узкий, — предупредил он.

Проход действительно оказался весьма тесным.

Твилла очень скоро в этом убедилась — когда ее лекарская сумка зацепилась за стену и слетела с плеча. Девушке пришлось идти, крепко прижав сумку к груди. Здесь пахло сырой землей, никогда не знавшей тепла солнечных лучей. Твилле было все труднее дышать полной грудью. Они с Илоном медленно шли по подземному тоннелю, то и дело задевая плечами земляные стены и покрытые плесенью деревянные подпорки. Но Илон все так же крепко и надежно держал ее за руку.

Это путешествие в кромешной тьме помогло Твилле понять, каково приходится человеку, потерявшему зрение. Даже здесь слепой лорд двигался уверенно, как будто точно знал, что делает. Действительно ли ему было опасно оставаться? Твилла не слишком хорошо знала обычаи знати. Возможно ли такое, чтобы отец причинил вред родному сыну, выслушав его рассказ? Но Илон как будто был совершенно уверен, что ему никто не поверит.

— Проход поворачивает, — предупредил он.

Они продвигались очень медленно. Твилла всякий раз сперва ощупывала землю ногой и только потом делала шаг.

— Впереди — вода, — сказал Илон. — Здесь мелко, мы перейдем вброд.

Он все так же крепко держал ее за руку. Твилла ахнула, потому что на следующем шаге ее нога опустилась в ручей, правда, неглубокий — вода доходила только до лодыжек. Твилла ощущала напор бегущей воды, но не слишком сильный — девушка даже не испугалась.

По крайней мере, воздух здесь стал получше — словно ручей принес с собой отголоски свежести внешнего мира.

Слепой лорд повел ее вправо. Под ногами у них хлюпала вода. Илон замедлил шаги, и Твилла испугалась, что он заблудился — пропустил какой-то ориентир и теперь не знает, как отсюда выйти.

— Сюда! — В его голосе прозвучала такая радость, что Твилла поняла — Илона мучили те же сомнения, что и ее.

— Здесь две ступеньки вверх, — сказал он.

Твилла отыскала первую ступеньку, больно ударившись о нее ногой. Илон повел ее дальше, направляя точно так же, как на лестнице. Девушка не могла бы сказать, сколько времени они уже блуждают по этому темному подземелью. Может быть, они уже выбрались за город? Или все еще где-то внутри крепостных стен? Она не знала даже, день сейчас или ночь.

Твилла утратила чувство времени. Ее беспокоило, что они могут выйти из подземелья среди бела дня и какой-нибудь случайный прохожий сразу же их заметит.

— Снова ступеньки, — предупредил Илон. — Я должен пойти и открыть наружную дверь.

Когда он отпустил ее руку, Твилла внезапно почувствовала себя потерянной. Девушка не сознавала, насколько она сейчас зависит от слепого лорда и насколько сильно должна ему доверять. А ведь это только первые шаги их совместного отчаянного путешествия... Когда они выберутся на поверхность, настанет ее черед вести за собой Илона. Твилла представила, какую огромную ответственность она собирается взять на себя, и ее уверенность в себе немного поколебалась.

— Поднимайся вверх. — Слова Илона вернули ее к действительности. Здесь была не лестница с перекладинами, а узкие земляные ступеньки, тщательно утопанные для надежности. И все же край первой ступеньки под ногой Твиллы слегка осыпался.

А потом... Там был свет! Благословенный свет!

Твилла прекрасно видела ступеньки, хотя Илон своим телом частично заслонял свет. Дневной свет! Значит, ночь закончилась...

Поднявшись наверх до конца лестницы, девушка оказалась в такой маленькой и тесной камерке, в которой они вдвоем с Илоном помещались с большим трудом. Свет проникал в камерку сквозь частую сетку, оплетенную плющом и диким виноградом. Плющ разросся так буйно, что Твилле даже показалось, будто они с Илоном крепко заперты и не смогут выбраться наружу.

Илон провел рукой вдоль рамы, поддерживающей живой занавес. Потом он уперся в раму плечом и толкнул, еще сильнее потеснив Твиллу. Сплетение зеленых лоз подалось под его напором. Слепой лорд прорвался наружу и упал лицом вниз, зацепившись ногой за спутанный клубок веток.

Твилла поспешила за ним — протиснулась сквозь дыру в живой изгороди и выбралась наконец на дневной свет. Она не сразу встала на ноги. Припав к земле, девушка быстро огляделась по сторонам.

Они очутились на берегу реки. Наверное, именно из этой реки брал начало поток, который они переходили вброд в подземелье. Твилла не помнила, чтобы по дороге в этот край их караван проезжал мимо реки... Но город виднелся на востоке — а значит, подземный ход увел их еще дальше к западу.

Твилла осмелилась подняться и медленно повернулась, чтобы посмотреть назад. И сразу же, ахнув, бросилась на землю и повалила Илона, который уже встал, опираясь на руки и колени. Слепой снова упал плашмя и выругался.

— Стена! Она совсем рядом, прямо за нами! Нас может заметить любой часовой! — Она потрясла Илона за плечо. — Может, нас уже заметили.

Илон сел на траве.

— Мы на берегу реки?

— Да... Да!

— Что ты видишь в воде?

Твилла не поняла, что он имеет в виду. Что такого можно увидеть в воде? Однако у Илона наверняка были веские основания задавать ей такой вопрос.

Течение в реке было явно более сильным, чем в том неглубоком потоке, который протекал в подземелье. По реке плыли обрывки водорослей, бревна и сухие ветки. Край берега подмывало течением, и несколько молодых деревьев, выросших у самой воды, вот-вот могли свалиться в реку. За их оголенные корни цеплялся всякий проплывающий мусор. Пересечь эту реку будет не так-то просто. Соваться в воду слишком опасно — об этом Твилла и сообщила Илону.

— Река течет на юг, а нам надо на север, — сказал он, протирая невидящие глаза, словно ему не терпелось снова прозреть. — В это время года часто бывают бури, и никто не рискнет перебираться через реку... А значит, у нас есть надежда ускользнуть от погони.

Слепой лорд дернул за рукав своей рубашки.

— У тебя есть нож? — спросил он.

— Нет. У меня все забрали.

— Тогда порвем руками! — Голос Илона звенел от нетерпения. Он возился с рукавом, пока не оторвал его напрочь, а затем принялся разрывать на полоски. — Делай как я!

Твилла пока не поняла, что он задумал, но верила, что у лорда созрел какой-то план. Девушка распустила шарф, которым, как поясом, подвязывала слишком свободные штаны. Она уже оторвала полоску ткани от шарфа, но потом ей в голову пришла другая мысль. Твилла вытащила из дорожного мешка льняной домашний чепец — один из тех, что ей позволили взять с собой из дому.

— У меня есть кусок шарфа и домашний чепчик, — сказала она.

— Хорошо, — кивнул Илон, но потом озабоченно нахмурился. Он отполз подальше от выломанной решетки, закрывавшей выход из подземного тоннеля. — Так... Посмотри — плывет по реке какая-нибудь ветка, так, чтобы ты смогла до нее дотянуться?

Твилла оставила дорожный мешок возле него и на четвереньках поползла вниз, к самой кромке воды. Девушка все время боялась услышать окрик часового со стены. Вода в реке поднялась и затопила прибрежные камыши, а теперь подмывала берег. Твилла уже думала, что не удастся найти ничего подходящего, и тут ей на глаза попало как раз то, что надо.

Плавающий куст запутался в зарослях камышей совсем близко от берега, и Твилла смогла дотянуться до его торчащих из воды корней. Она ухватила за корень и осторожно потянула. К счастью, этот куст был не слишком большим, и у девушки хватило сил подтащить его к берегу. Твилла не стала совсем вытаскивать его из реки, а повела свою находку прямо по воде, вдоль берега, к тому месту, где поджидал сидевший на корточках Илон. Слепой повернулся к девушке, словно видел ее, но Твилла понимала, что на самом деле ему приходилось полагаться только на слух.

Когда Твилла объяснила, что ей удалось выловить в реке, Илон подал ей обрывки своей рубашки и части ее собственной одежды.

— Развесь это получше — желательно, чтобы всякий, кто это увидит, подумал бы, что один из нас утонул в реке, а второй погиб, пытаясь спасти тонущего... — Илон рассмеялся. — Пусть думают, что я погиб героем, — хотя все они говорили, что я уже ни на что не годен...

Твилла постаралась сделать как он велел, чтобы любому, кто увидит результат ее трудов, представилась нужная картина развития событий. Затем девушка отерла мокрые руки об одежду и вернулась к Илону.

— Значит, лес лежит к северу отсюда? А эта река течет на юг. Как же мы доберемся до леса?

— Какое сейчас время суток? — спросил он в свою очередь.

Поначалу Твилле показалось, что день уже близится к вечеру, но точно она определить не смогла — солнца не было видно за темными грозowymi тучами. Девушка рассказала слепому о том, что увидела.

— Гроза? Похоже, нам покровительствуют неведомые высшие силы! Там, дальше к северу, — переправа. Паром. Раньше там строили мост, но его снесло очередным наводнением. Если мы успеем добраться до переправы, когда гроза уже начнется, паром будет на этой стороне реки. Есть строгий приказ — всегда держать паром наготове на случай, если придется переправлять отряд разведчиков.

— Паром? Но ведь при нем будет паромщик...

— Паромщик наверняка будет пережидать грозу в укрытии. А нам вовсе не надо переправляться прямо там. — Илон заго-

ворил медленнее, как будто с каждым словом сложившийся в его голове план становился все яснее и четче. — Мы заберемся на паром и отвяжем его от крепящих тросов. Нас подхватит течение и понесет вниз по реке — да, но... по реке сейчас плывет столько бревен и веток... Мы переберемся по ним на другой берег. А те, кто бросится за нами в погоню, могут подумать, что паром сорвало с места случайно — даже если они не поверят, что мы к тому времени уже утонули в реке...

Твилле казалось, что в этом плане полным-полно слабых мест. Но, с другой стороны, девушка не могла предложить ничего лучшего. А если они останутся здесь — все предыдущие усилия окажутся напрасными.

— Нужно дождаться грозы! — Илон поднял голову к небу и втянул носом воздух. — Похоже, буря будет на редкость сильной.

Они стали ждать. Становилось все темнее. Тучи на небе сгустились, слышались первые раскаты грома. В зловеще черных тучах засверкали молнии. Пошел дождь. Крупные капли вспенили гладь реки. Твилла и Илон почти сразу промокли до нитки. Настал черед Твиллы вести слепого лорда за собой. Девушка взяла его за руку так же крепко, как он держал ее, пока они шли по темному подземелью. Твилла повела его вдоль реки, на север, борясь со штормовым ветром и стараясь вовремя предупредить слепого обо всех препятствиях и неровностях дороги.

Твилле никогда прежде не приходилось попадать в такую свирепую бурю. Девушка то и дело поглядывала на реку, и всякий раз ее сердце сжималось от недоброго предчувствия. Отвязать паром и отдаться на волю этих бурных волн... Твилла почти готова была поверить, что у Илона не все в порядке с рассудком.

Спустя какое-то время они наконец отыскали переправу. В маленьком домике рядом с переправой горел свет. Но беглецы из осторожности сделали приличный крюк и подошли к небольшой пристани с другой стороны — так, чтобы их случайно не заметили из дома. Вода в реке уже сильно поднялась. Бурные волны перехлестывали через пристань. Паром, привязанный крепким тросом, мотало из стороны в сторону.

Твилла сама не помнила, как им с Илоном удалось взобраться на верткий, неустойчивый паром. Волны бились о плот, путников то и дело окатывало холодными брызгами. Впрочем, оба и так уже давно насквозь промокли. Илон отпустил ее руку и стал на ощупь пробираться к тому краю плота, где был прикреплен якорный трос. Добравшись до троса, слепой лорд стал возиться с узлами. Задыхаясь под хлесткими струями льющей с неба воды, Твилла двинулась ему на помощь.

Похоже, и на этот раз развитое осязание послужило слепому вместо зрения. Илону все-таки удалось справиться с узлами, и плот сорвался с привязи. Хрупкое суденышко подхватило яростные волны и понесло по разбушевавшейся реке.

Потом Твилла мало что могла вспомнить об этом бешеном сплаве. Плот дважды с размаху налетал на проплывающие мимо обломки деревьев и едва не перевернулся — но все-таки удержался на плаву и не затонул.

Во второй раз столкновение с проплывающим деревом даже сыграло на руку беглецам — их плот отбросило к противоположному берегу реки. И вот сквозь плотные струи дождя Твилла разглядела впереди ствол дерева, торчащий из воды посреди бурного потока, затопившего берег. Их несло прямо на этот ствол.

Плот врезался в дерево и перевернулся. Людей выбросило в воду, но Твилла широко раскинула руки и успела ухватиться за торчащие из-под воды корни. Девушка вцепилась в корень мертвой хваткой и даже нашла в себе силы подтянуться повыше и устроиться понадежнее на затопленном водой дереве. Потом Твилла быстро огляделась. Она заметила темную фигуру человека, который тоже барахтался среди корней дерева. Девушка передвинулась назад, потянулась и ухватилась за намокшую кожаную куртку на плече Илона. Напрягая последние силы, Твилла подтащила его повыше, в более безопасное место.

Двоим, помогая друг другу, они кое-как добрались по дереву до скользкого глинистого берега. Цепляясь за размытую землю, беглецы выкарабкались наверх и упали без сил под струями дождя.

ТВИЛЛА ПОПЫТАЛАСЬ приподняться, опираясь на руки и колени, но силы оставили ее, и девушка, тяжело дыша, упала на мокрую землю. Она опустила голову на согнутую в локте руку и погрузилась во тьму, порожденную не бурей, бушевавшей над землей.

Боль вырвала Твиллу из небытия. Астар вцепился ей в волосы — негодяй все-таки добрался до нее!.. Девушка закричала и слабо попыталась вырваться.

— Вставай! Вставай же! Вода поднимается, нас снова унесет в реку!

Вода... Да, Твилла чувствовала, как потоки воды омывают ее ноги, доходя уже до самых бедер. Еще немного, и ее унесет течением в реку... Крепкая мужская рука держала ее за ворот куртки, а совсем не за волосы, как Твилле показалось вначале. Мужчина поволок почти бесчувственную девушку подальше от реки. Камыши больно хлестали Твиллу по лицу.

Девушка как-то сумела высвободить руки и стала отталкивать камыши от лица. Обнаружив, что камыши прочно держатся на корнях, девушка из последних сил ухватилась за них, чтобы отползти повыше на берег. Мужчина отпустил ее.

Впереди высилось что-то темное. Полыхнула молния и на короткий миг озарила все вокруг. Твилла увидела, что обрывистый берег прямо перед ней круто поднимается высоко вверх.

Рядом с Твиллой был еще кто-то — он тоже ошупывал руками стену утеса. Девушка с изумлением вспомнила, что это — слепой лорд Илон. А вода все прибывала. Они до сих пор не выбрались из разлившейся реки. Усилием воли Твилла заставила себя встать на колени и ошупала руками невидимую в такой темноте стену обрыва. Она искала какой-нибудь выступ, за который можно ухватиться. Вскоре правая рука девушки наткнулась на твердый корень, выпирающий из скользкой, мокрой земли. Твилла ухватилась за этот корень изо всех оставшихся сил и подтянулась наверх.

Словно несчастное животное, которое спасается от наводнения, затопившего родные пастбища, Твилла карабкалась на откос, подальше от воды. Неизвестно, откуда у нее брались си-

лы, — но девушка смогла взобраться на самый верх обрыва, перекатилась через край да так и осталась лежать без сил, подставив лицо хлестким струям дождя. Потом ее толкнули и сильно, до боли прижали к каменистой земле — это Илон вслед за Твиллой взобрался на утес и упал прямо на нее, придавив своим телом.

Твилла так и осталась бы лежать на месте. Она слишком устала. Ей было уже безразлично, удалось ли им наконец вырваться из цепкой хватки наступающей реки.

— Вставай! — Илон теребил девушку за рукав куртки. Его пальцы соскальзывали с мокрой кожи. — Укрытие... Нам нужно найти укрытие...

Укрытие? Здесь? На этот раз он, похоже, действительно повредился в уме. Но Илон не собирался оставить ее в покое. Он вцепился в ее руку с такой силой, что Твилле стало больно, несмотря на толстую кожу куртки.

Слепой лорд схватил ее с неистовой силой и подтащил к себе. Девушка не видела в темноте его лица, но голос Илона звенел от гнева, когда он закричал ей прямо в ухо, перекрывая грохот бури:

— Ради медной глотки Трижды мертвого — вставай же!

Этот гневный призыв подействовал, но лишь отчасти — Твилла напрягла последние силы и немного приподнялась. Но тотчас же покачнулась и упала, словно срубленное молодое дерево.

Снова полыхнула молния. Голова Илона была повернута куда-то в сторону, хотя он все так же крепко прижимал к себе Твиллу. Слепой лорд смотрел в сторону от реки. Значит, он все-таки что-то... Увидел?.. Почуял?.. Или услышал?.. Твилла даже не знала, какое чувство могло руководить им в этом неистовом буйстве стихий — под бешеными порывами ветра и струями проливного дождя.

— Идем! — решительно сказал Илон и потащил девушку за собой. Твилла была слишком слаба, чтобы сопротивляться. Хорошо, хоть земля оказалась достаточно ровной. Твилла сумела высвободить одну руку — раньше ее придавливал своим телом Илон. Девушка протянула руку вперед, чтобы в случае чего заранее нащупать неожиданное препятствие.

Мокрая трава обвивалась вокруг их ног и затрудняла движения. Вдруг Твилла больно ударилась обо что-то вытянутой вперед рукой и, ощупав то, на что наткнулась, с удивлением поняла — это изгородь.

— Изгородь! — Твилла удержала слепого, чтобы тот не натолкнулся на препятствие.

— Веди!..

Одного слова хватило, чтобы девушка поняла, чего от нее хочет Илон. Проведя его за собой шаг или два, Твилла выскободилась из его хватки и положила руку Илона на изгородь. Он постоял немного, словно не зная, в какую сторону лучше направиться, потом повернул направо, увлекая за собой Твиллу.

Девушка одной рукой тоже держалась за изгородь, а второй ухватилась за пояс слепого лорда. Они брели вдоль забора, борясь с яростными порывами ветра. Леденящий ветер пронизывал до костей. Насквозь промокшая одежда не только не защищала от холода — наоборот, она липла к телу и холодила еще сильнее. Твиллу колотила крупная дрожь. По своему целительскому опыту девушка знала, что им обоим сейчас угрожает смерть от переохлаждения, если они не найдут, где укрыться от непогоды. Может быть, эта изгородь никуда их и не приведет — но никакого другого ориентира здесь все равно не было.

Твилла медленно брела вперед. Ноги у нее онемели от холода, и каждый следующий шаг требовал все больших и больших усилий. Внезапно Илон остановился — так резко, что Твилла на него натолкнулась.

— Угол...

Ветер немного утих, и Твилла хорошо расслышала, что сказал Илон. Но девушка была измучена до крайности и потому далеко не сразу поняла, что это означает. Они дошли до того места, где изгородь поворачивала.

Илон повернул вправо. Твилла последовала за ним. В ее истерзанное сознание постепенно пробилось понимание того, что небо начало светлеть, ветер затих, и дождь хлещет уже не так сильно.

Твилла осознала, что видит изгородь — правда, только на близком расстоянии. Но она увидела и кое-что другое — темную массу, которая могла быть только каким-то зданием —

скорее всего, сараем, потому что дома фермеров обычно бывают гораздо больших размеров. Твилла дернула Илона за пояс, придвинулась к нему поближе, чтобы не пришлось кричать, и сказала:

— Там... Какое-то строение...

Слепой лорд вскинул голову:

— Где?

— Прямо впереди — с другой стороны изгороди.

Мысль о том, что вскоре они смогут где-то укрыться от этой чудовищной непогоды, придала им обоим сил. Они побрели чуть быстрее. И вот наконец добрались до невысокого строения. К тому времени стало еще светлее. Твилла разглядела, что в ближайшей к ним стене двери нет, но прямо у нее над головой виднелся темный квадрат — скорее всего, это было закрытое ставнями окно.

— Двери нет, — сообщила она своему слепому спутнику. — Наверное, она с другой стороны.

Илон ощупал изгородь. Только по самому верху изгороди тянулся деревянный брус, а в целом забор был сделан из камней, скрепленных глинистой землей. Слепой лорд кое-как перебрался через изгородь — Твилла направляла его, подсказывая, за что ухватиться и куда лучше поставить ногу. Потом девушка неуклюже перелезла через забор вслед за Илоном. Она так дрожала от пронизывающего холода, что двигаться ей было невероятно трудно.

Стены сарая были сложены из таких же камней, скрепленных землей, что и изгородь. Мощные потоки дождя заметно размыли кладку. Твилла и Илон повернули за угол. Девушка увидела, что в сарае вообще нет никакой двери — только широкий открытый проем в стене.

— Овчарня! — понял Илон.

Твилла тоже почуяла характерный запах домашних животных и даже увидела самих овец, которые находились внутри сарая. Овцы... Может быть, где-то неподалеку есть и пастух, который их охраняет?

— Пастух... — прошептала девушка.

Илон чуть наклонил голову, прислушиваясь. Твилла тоже напрягла слух, но услышала только раздраженное блеяние

отары. Наверное, овцам нынешняя погода нравилась не больше, чем двум промокшим до нитки беглецам.

Уже достаточно рассвело, чтобы любой, кто скрывается внутри овчарни, смог увидеть двоих людей, стоявших перед входом. Дождь совсем прекратился. Тучи на небе медленно рассеивались. Но внутри овчарни все равно было очень темно, и Твилла смогла разглядеть только беспокойно толкущихся на месте овец. И еще — кипу прошлогоднего сена у дальней стены сарая.

— За нами наверняка уже отправили погоню, — сказал Илон, обращаясь скорее к себе самому, чем к девушке. — Если мы спрячемся внутри... Животные не причинят нам вреда. Даже наоборот — они помогут нам обоим согреться.

Твилла повела его в овчарню. Они пробрались вдоль стены к разворошенной кипе сена и без сил упали на мягкую, душистую подстилку. Овцы испуганно заблеяли и сбились в кучу у противоположной стены сарая.

Твилла с наслаждением зарылась в душистое сухое сено, вдохнула острый запах свежего навоза и поняла, что больше не сможет даже пошевелиться. Сил у нее совсем не осталось.

— Овцы острижены? — Неожиданный вопрос Илона вырвал девушку из блаженного небытия.

Твилла совсем не разбиралась в овцеводстве, но все равно сумела сообразить, что имеет в виду слепой лорд. Этих овец, похоже, действительно недавно остригли.

А это означало, что отару уже вернули на летнее пастбище. И если в здешних местах не водятся какие-нибудь опасные хищники, то за овцами, скорее всего, никто здесь не присматривает и они большую часть времени предоставлены самим себе. Эта овчарня должна была защитить животных от непогоды — если в фермерском хозяйстве недостает рабочих рук, то лучшего выхода и не придумаешь.

— Значит, они на вольном выпасе... — Твилла почувствовала, что ее спутник перестал тревожиться. — Хозяин время от времени навевается сюда, но постоянно за овцами никто не следит. Пастуха здесь нет... Значит, мы можем спокойно отдохнуть...

Илон стал сгребать сено в кучу вокруг себя, устраивая что-то вроде гнезда.

— Заройся в сено! — велел он Твилле.

— Ты... — Девушка так устала, что с трудом смогла выговорить только одно слово.

— Я уже. Теперь ты.

Твилла стащила с себя мокрую верхнюю одежду, сложила ее как могла, замечая, что Илон последовал ее примеру. Оставшись в одной только мокрой нижней рубашке, которая облепила ее дрожащее тело и скрыла под собой заветное зеркальце, Твилла нырнула в ворох сена и почти сразу же крепко уснула, несмотря на страшную усталость и боль во всем теле.

Девушку разбудили солнечные лучи, проникавшие в овчарню сквозь широкий проем в стене. Овцы куда-то исчезли, оставив на память о своем пребывании только кучки свежего навоза. Твилла приподнялась на локте и выглянула наружу. Страшной бури словно и не бывало.

Совсем рядом послышалось тихое сопение. Твилла быстро повернулась на звук. И увидела затылок спящего Илона. В его густых черных волосах запутались стебельки сухой травы.

Стараясь не разбудить его, Твилла осторожно выбралась из уютной душистой постели. Ее мокрая одежда лежала там, где она ее оставила. Девушка расправила кожаную куртку, попыталась выжать воду из штанов и рубашки. Больше всего ей было жаль потерянного мешка с целебными травами. Там были и такие снадобья, которые помогали выдержать сильные холода и не простудиться при этом.

Твилла для пробы сглотнула. Так и есть — горло побаливало. Если сейчас снова надеть мокрую и холодную одежду...

— Ко мне, храбрецы! Свобода зовет!
Поднять паруса — и полный вперед!
Подружки помашут рукой,
И скроется берег родной.
Но в каждом порту тебя новая
девушка ждет!

Твилла крепко прижала к себе мокрую куртку. Этот голос, такой радостный, раздавался где-то совсем неподалеку. Неужели хозяйева пришли проверить, как отара пережила ненастную ночь?

Девушка быстро сложила мокрую одежду в кучу и забросала сеном. Потом прикрыла сеном голову Илона и спряталась сама, дрожа от страха и холода.

Песня доносилась откуда-то из-за угла овчарни. Еще немного — и их заметят!

— Сердце стучит — только держись!
Пляшет с волнами и вверх, и вниз.
Море бурлит, как в жилах кровь.
Синее море — наша любовь.
Только здесь ты поймешь, какова
настоящая жизнь!

— Пропади ты пропадом! Клянусь зубами седьмой акулы, что за грязь! — Песня была забыта. Ее сменили раздраженные выкрики.

Говоривший находился прямо за стеной овчарни. Только это был не мужчина. Нет! Голос, хотя и низкий, принадлежал женщине. Твилла лежала очень тихо, не шевелясь. Мысли крутились в ее голове бешеной каруселью. Она узнала этот голос. Это была Лила! Но какими судьбами Лила оказалась здесь?

Хотя молодая рыбачка всячески поддерживала Твиллу и помогала ей во время путешествия через горы, не было никакой веской причины, которая сейчас помешала бы Лиле выдать беглецов.

Твилла попыталась вспомнить что-нибудь о мужчине, за которого лорд Хармонд выдал рыбачку Лилу. Это был молодой парень — да, верно! — высокий и широкоплечий, так что рядом с ним даже крепко сбитая Лила казалась миниатюрной и женственной. Это определенно был фермер, а значит, он полностью подвластен воле лорда.

Твилла услышала, как по стене чем-то поскребли, потом раздался глухой стук. А потом в стенном проеме показалась Лила. Плотная безрукавка открывала руки девушки по самые плечи, штаны были заправлены в высокие фермерские ботинки. Свои выгоревшие на солнце волосы рыбачка собрала в пучок и перевязала шнурком. Девушка ничуть не напоминала изнуренную тяжелой работой крестьянку. Лила определенно сумела по-хорошему договориться со своей судьбой.

Рыбачка остановилась как раз напротив входа в овчарню, повернувшись к ней спиной, и, уперев руки в бока, стала кого-то высматривать на ближайшем поле.

Твилла вцепилась в свое волшебное зеркальце, словно оно могло помочь им спрятаться так, чтобы никто не нашел. Может, зеркальце и помогло бы, если бы Твилла больше о нем знала.

— Нет! Я не позволю!.. — проговорил во сне Илон и резко сел. Он сурово хмурил брови, губы были плотно сжаты — наверное, во сне слепой лорд с кем-то сражался.

Лила быстро повернулась и замерла с открытым от удивления ртом, уставясь на незваного гостя. Прятаться дольше не имело никакого смысла. Твилла выбралась из-под сена, придвинулась к Илону и потрясла его за плечо, пробуждая от дурного сна, который выдал их обоих.

— Ты! — Лила шагнула к ним. — Что ты здесь делаешь, целительница?

Похоже, девушка искренне удивилась, обнаружив, что в овчарне кто-то прячется. Потом она присмотрелась к Илону, и ее глаза недобро сузились.

— Кто здесь? — спросил слепой лорд.

— Это Лила, нас с ней вместе привезли из-за гор, — объяснила Твилла. Потом повернулась к Лиле и сказала: — Он слепой...

Лила вскинула руку в жесте, ограждающем от всякого несчастья.

— Слепой мужчина... Они выдали тебя за слепого? — спросила рыбачка.

Твилла решила, что лучше рассказать правду. Их уже обнаружили. Но оставалась еще слабая надежда, что Лила все-таки не выдаст их и позволит уйти — если, конечно, ничто не будет угрожать ее собственной безопасности, когда явится погоня... А погоня вполне могла сюда заявиться.

— Меня должны были отдать замуж за лорда Астара, сына лорда Хармонда, — начала рассказывать юная ведунья. — Но он прямо заявил мне, что не намерен брать в жены такую свиномордую уродину, как я. И он... — Твилла затаила дыхание. Может быть, если рассказать всю правду, в подробностях, то Лила посочувствует ей и даже поможет? Только на это и оста-

валось надеяться. — И молодой лорд Астар решил отдать меня стражникам — чтобы они утолили свою похоть... Потому что тогда отец не сможет заставить его взять в жены подпорченный товар... А это... — Она тронула Илона за руку. — Это старший сын лорда Хармонда. Его настигло проклятие лесных демонов, которые отняли у него зрение. Он спас меня от ужасной участи, которую готовил мне лорд Астар.

Пока Твилла рассказывала, Лила несколько раз удивленно моргнула. А потом покачала головой и рассмеялась:

— Ты, целительница, вечно вытворишь что-нибудь неожиданное! Выходит, вы удрали из города. Но где вы собираетесь найти пристанище? Здесь вокруг — только фермы, и... — Лила помрачнела. — И те, кто здесь живет, не захотят искать ссоры со своим лордом. Вас выдаст лорду первый же встречный.

— Но ты нас не выдашь! — сказал Илон так, будто был в этом совершенно уверен.

— Мой лорд. — Лила посмотрела на него. — Мне выпал счастливый жребий в этой вашей лотерее. Мне достался такой мужчина, с которым я с радостью разделила ложе, и вообще мы с ним хорошо поладили. Но эти ваши насильные свадьбы... Такое годится для животных, но не для людей. Некоторым, конечно, может и посчастливиться — вот как мне, к примеру... Но сколько же несчастных твой благородный отец обрекает на страдания! Может, невестам скорее повезет, если его сети будут возвращаться с более щедрым уловом? Я хорошо знаю Твиллу и верю тому, что она рассказала. Это очень дурное дело — когда насильничают над беспомощными! Однако же я не допущу, чтоб мой Йохан впутался в это дело. Другими словами, я не собираюсь вас здесь привечать.

— Мы не просим тебя дать нам прибежище, — сказала тогда Твилла. — Лорд Илон спас меня от злой судьбы, и я должна отплатить ему добром за добро...

— Это как же? — перебила ее Лила.

— Мы держим путь в лес. Это там его зачаровали злые демоны. Я — целительница и знаю, что глаза его целы и невредимы, а не видит он оттого, что на него пало чародейское проклятие. Я была ученицей мудрой ведуньи Халди и многое постигла в ее искусстве. Поэтому мы собираемся отыскать источник чародейства, поразившего лорда Илона, и тогда... И тогда посмо-

трим, что можно сделать. Кроме того, я не думаю, что воины лорда Хармонда отважатся преследовать нас в лесу.

— За них это сделают демоны!

Твилла содрогнулась.

— О демонах мне ничего не известно, а на что способны злые люди — я прекрасно знаю. И я скорее предпочту встретиться с демонами, чем вернуться к лорду Хармонду. Я не хочу, чтобы меня растерзали его солдаты!

— Что ж, твое право — выбирать. Ты, Твилла, всегда думала не так, как все остальные. Значит, вы идете в лес... Что вам может пригодиться в пути? — Лила оживилась, словно базарная торговка, которой не терпится сбыть с рук товар.

— Одежда... — сразу же ответила Твилла. — Мы попали в реку, и нам нужна сухая одежда. И еще — какая-нибудь еда... Любая, какую ты предложишь.

— Так, посмотрим... — Лила отошла и вскоре вернулась с плотно набитым кожаным мешком. Мешок она передала Твилле. — Я тут осматриваю изгородь, проверяю, не наделала ли буря какой беды... А это — моя еда на день. Йохан на дальнем лугу, на пашне. Он не вернется, пока солнце не сядет. А что касается одежды — посмотрим, что тут можно сделать...

С этими словами Лила развернулась и ушла. Твилла развязала мешок. Там оказался ароматный темно-коричневый хлеб, нарезанный толстыми ломтями. К каждому ломтю прилагался кусок сыра. Твилла подала один ломоть хлеба с сыром Илону, а сама с жадностью набросилась на другой.

— Она нам друг? — спросил Илон, прежде чем поднес кусок ко рту.

— Я думаю, она говорила правду, — сказала Твилла. Была ли она действительно так уверена в Лиле или же приняла ее помощь только потому, что другого выбора не было?

Они быстро покончили с едой, которой поделилась с ними рыбачка. Потом Твилла развесила всю мокрую одежду сушиться на солнце, понадеявшись, что ее никто не заметит. Мрачная серо-коричневая расцветка одежды мало отличалась по цвету от земляных стен овчарни.

Твилле показалось, что Лилы что-то уж слишком долго нет. А вдруг это все — хитрое притворство и рыбачка сейчас посылает вестника в город? Девушка присела на кипу сена и достала

зеркальце из тайника. Она не знала еще, для чего может пригодиться зеркальце в этом случае, а просто чувствовала себя спокойнее, когда поглаживала блестящую поверхность серебряного диска.

— Зеркальце светлое, зеркальце ясное... — Она быстро взглянула на Илона. Молодой лорд лежал на кипе сена, прикрыв лицо рукой. Его крепкое, мускулистое тело было все на виду — из одежды на Илоне оставались только подштанники. Может быть, он и спал, но Твилла решила поостеречься и зашептала заклинание едва слышно:

— Зеркальце ясное, зеркальце светлое,
Что делать нам — скажи?
Силою чистою, силою заветною
Что будет — покажи!

Простенькие, почти детские стишки... Но раньше зеркальце всегда на них откликалось. То же самое случилось и сейчас, потому что под взглядом Твиллы гладкую поверхность волшебного зеркальца словно затянуло туманом... Поначалу это был просто туман, потом сквозь серебристую мглу проступило что-то темное — стена высоких деревьев. Видение появилось и почти сразу же исчезло во вспышке света. Но Твилла прекрасно все рассмотрела и запомнила. Значит, их путь действительно лежит в лес — теперь молодая ведунья знала наверняка, что выбора у них не осталось.

9

БЫСТРО ВЕЧЕРЕЛО. Как только сгустятся сумерки, им надо будет отправляться в путь. Лила все-таки немало им помогла — думала Твилла, завязывая объемистый кожаный мешок с простой походной пищей и рассматривая их с Илоном одежду (на девушке она висела, собираясь широкими складками).

Лила вернулась, когда Твилла уже не находила себе места от нетерпения. Рыбачка принесла сверток с запасной одеждой. Она, нисколько не стесняясь, сообщила, что одежда эта осталась от отца Йохана, который умер прошлой осенью от дизен-

терии. Лила честно призналась, что может дать им только такую одежду, потому что этой пропажи Йохан не заметит. Из чего следовало, что рыбачка вообще не собирается посвящать мужа в это дело.

— Чем меньше он будет знать — тем для него же лучше, — сказала Лила, выкладывая заштопанные рубашки и пару рабочих курток. — Не хочу испытывать его, заставляя лгать людям лорда Хармонда.

В этом Твилла и Илон полностью согласились с ней. Твилла постаралась сделать так, чтобы доставшаяся на ее долю сухая одежда не висела на ней мешком, стесняя движения, и не волочилась по земле. Зато Илону старая полотняная рубашка и грубая крестьянская куртка пришлись как раз впору, а пробивающаяся темная борода еще больше придавала ему сходства с каким-нибудь фермером.

Лила торопливо пожелала им счастливого пути.

— Йохан скоро придет домой с поля. Мне надо бы еще поискать проломы в загородке, а то он удивится: чем это я весь день тут занималась? Целительница, желаю тебе и молодому лорду попутного ветра и добрых волн!

Твилла поддалась внезапному порыву — приподнялась на цыпочки, крепко обняла подругу и поцеловала в щеку.

— Пусть тебя всегда хранит сила Трех Ликов, милая Лила, — дрогнувшим голосом сказала она.

Илон встал рядом с ней, глядя невидящими глазами чуть левее лица Лилы.

— Хорошая хозяйка. — Он протянул руку, и Лила, немного смущаясь, подала ему свою. Лорд Илон принял ее руку и поднес к губам — так благородные господа выражают почтение женщинам своего круга. — Хорошая хозяйка, мне больше нечем отблагодарить тебя — так прими же мое благословение. Я никогда не забуду, как ты поддержала нас в эти тяжелые дни. И если в будущем удача улыбнется изгнаннику — ты можешь твердо рассчитывать на его благосклонность и покровительство.

Лила зарделась от смущения и сдвоенно хихикнула.

— Мой лорд, я, конечно, вам не ровня, но и мои родичи — честные люди. У нас так водится — надо всегда делиться уловом с теми, кому на этот раз не повезло. А теперь... — Она повер-

нулась к Твилле. — Ты помнишь дорогу? Земли Йохана самые последние, дальше всего от города, — они тут все жутко боятся этого леса. Ночь нынче будет лунная — тучи, похоже, все разогнало.

— Всех тебе благ. — Твилла благословила рыбачку знаком, которым ведунья Халди всегда провожала исцеленных больных.

Им все равно пришлось еще подождать, пока сядет солнце. Твиллу терзало нетерпение. Незнакомцы, путешествующие по этой мало заселенной местности, — пусть даже одетые как здешние крестьяне, — непременно вызовут интерес у любого встречного. Их обязательно окликнут и захотят расспросить...

Илон снова улегся на мягкую постель из душистого сена. Может, ему и удастся проспать до захода солнца. Твилла заснуть не могла. Ей страшно хотелось снова достать зеркальце. Девушка не находила себе места от тревожных предчувствий.

Они с Илоном снова поели ржаного хлеба, на этот раз — с ягодным вареньем вместо сыра. Варенье придавало простому хлебу удивительно приятный вкус. Запивали еду чистой водой из кожаной бутылки, которую тоже принесла Лила. Когда сумерки совсем сгустились, Твилла затянула шнурок на кожаном мешке с едой, закинула мешок за плечо и встала.

— Пора идти...

Илон не спал по-настоящему, поэтому по первому ее зову сразу же выбрался из сена и неловко поднялся на ноги. Твилла взяла его за руку, чтобы вести, и они зашагали в том направлении, которое указала им Лила.

Они снова перелезли через забор и пошли напрямик по невозделанному, кочковатому полю. Под покровом ночного мрака на земле пробуждалась совсем другая жизнь. Какие-то мелкие животные с писком разбежались в стороны у них из-под ног. В небе порхали различные крылатые существа, время от времени издавая жутковатые крики. Хватало и насекомых, которые изрядно досаждали путникам, — маленькие кровопийцы жадно набросились на все не прикрытые одеждой участки тела. Твилла в который раз горько пожалела о том, что лишилась своей сумки с целительскими снадобьями.

К счастью, местность была хорошо расчищена от зарослей. Только два раза Твилле и Илону пришлось обходить неболь-

шие рощицы и густые кусты. Зато трава здесь росла довольно высокая — как видно, овец на этом поле не выпасали, и трава осталась нетронутой. Высокие и толстые стебли цеплялись за ноги, мешая идти, — словно трава не хотела пропускать путников дальше.

По подсчетам Твиллы, сейчас луна должна была входить в первую четверть. Ведунья уже рассмотрела яркие звезды, сиявшие на небосводе, и нашла ту звезду, которая указывала направление на север. В который раз девушка с благодарностью вспомнила свою наставницу Халди, которая вложила ей в голову столько полезных знаний.

Они успели пройти не так уж много, когда Твилла увидела на горизонте темную полосу — там начинался лес. Стена деревьев выглядела гораздо более грозно и устрашающе, чем стены крепости лорда Хармонда. Даже каменные замки на родине Твиллы и то смотрелись не так грозно. Отсюда нельзя было разглядеть отдельных деревьев — лес казался сплошной черной полосой, настолько темной, что она была заметна даже при слабом лунном свете.

— Лес... — Илон впервые нарушил молчание, которое разделяло их, словно невидимая стена, с тех пор, как они отправились на север.

Твилла удивленно покосилась на слепого лорда — как он узнал?

Илон словно услышал незаданный вопрос.

— Он зовет меня... — сказал он и остановился, и Твиллу тоже заставил остановиться. — Леди, если то, что отняло у меня разум прежде, снова одолеет меня — уходи одна! Я не прошу — приказываю! Потому что я не помню, что творил, когда это со мной случилось... И может быть, я стану опасен для других более, чем для себя самого.

— Это лишь твои опасения, мой лорд, — медленно сказала Твилла. — Поскольку ты не помнишь, что с тобой происходило, ты не можешь знать, что ожидает нас там.

Илон хрипло рассмеялся:

— Что бы там со мной ни случилось — это не пошло мне на пользу. И я не желаю, чтобы то же случилось с тобой! Это приказ, и ты должна повиноваться... Если я стану вести себя странно — оставь меня!

Твилла издала невнятный звук, который он мог принять за согласие, если того хотел. Но она не сомневалась, что сама будет решать, как ей поступить в случае каких-либо неожиданных осложнений. Потом девушка потянула слепого лорда за руку:

— Скоро полночь, нам нужно будет поесть и отдохнуть. Я не могу определить расстояние в темноте — может быть, мы все еще слишком далеко от цели.

Илон стоял, повернувшись лицом к темной кромке леса. Он словно к чему-то прислушивался.

— Хорошо, — согласился он.

Они уселись там, где стояли, прямо посреди высокой травы, которая почти скрыла Твиллу с головой, когда девушка села. Твилла заметила, что Илон все время смотрит в сторону леса, как будто способен видеть, что там, впереди.

Твилла разделила большую часть оставшегося хлеба и разломала примерно пополам кусок пряного сыра.

Здесь, в густой траве, насекомые как будто стали меньше им досаждают — наверное, они вылетали на охоту только в первую половину ночи. Твилла поднесла к губам кожаную бутылку с водой, чтобы запить сухой хлеб, и тут совсем рядом внезапно раздалось громкое уханье совы. И Твилла, и Илон вздрогнули от неожиданности. Держа флягу в руке, Твилла взглянула на небо. Там определенно что-то двигалось. Звезды, на которые смотрела девушка, исчезали, а потом снова появлялись — как будто их на миг закрывали чьи-то широкие крылья.

Уханье совы раздалось снова — только теперь гораздо громче и ближе. Твилле даже захотелось поискать какую-нибудь палку для защиты. Крылатая тень пронеслась у них над головами, развернулась и пропала — наверняка полетела обратно, к затаившемуся в ожидании лесу.

— Анисгар...

Твилла быстро повернулась к слепому лорду и переспросила:

— Что ты сказал?

Ведунья никогда прежде не слышала этого слова. Илон прижал ладони к лицу, закрывая невидящие глаза.

— Не знаю! — В его голосе звучал почти детский страх. — Клянусь Благим Словом — я не могу вспомнить!

Твилла увидела при слабом свете звезд, как руки Илона сжались в кулаки. Он подался вперед и принялся изо всех сил молотить кулаками по густой, высокой траве, словно это был его смертельный враг.

— Анисгар... — повторила Твилла, силясь вспомнить, не встречалось ли ей это слово раньше, в одной из старых книжек ведуньи Халди. Нет, она точно знала, что слышит это слово впервые в жизни.

Целительница придвинулась поближе к Илону и положила руку ему на плечо. Слепой лорд дрожал даже сильнее, чем тогда, когда они выбрались из ледяных вод реки.

— Его больше нет, — сказала Твилла настолько спокойно и уверенно, насколько это было возможно.

Она слышала, как Илон тяжело вздохнул. Потом, окончательно взяв себя в руки, он заговорил:

— Снова... Память... Как-то так случилось... — Девушка поняла, что лорд Илон старательно пытается приуменьшить тяжесть своего недуга. Наверное, молодой человек очень стыдился этого приступа болезни...

— Если воспоминания возвращаются, пусть даже частично, — это очень хороший признак, — заметила целительница. — Моей наставнице Халди приходилось лечить самые разные болезни... Однажды к ней попал человек, у которого была сильно разбита голова. Думали, что к нему уже никогда не вернется здравый рассудок. Но он пришел в себя и начал поправляться — медленно, очень медленно. Потом к нему стала понемногу возвращаться память. Вскоре он уже мог составлять из обрывков воспоминаний цельные картины своего прошлого...

— Значит, и тебе такое ведомо, целительница... — Илон говорил уже обычным голосом. — Тогда ты, наверное, не испугаешься, если... Если это случится со мной снова?

— Тебе страшно? — спросила Твилла.

Илон впервые повернулся к девушке, хотя в темноте она и не могла видеть его лица.

— Считается, что воин не должен знать страха... — Ему не хотелось прямо отвечать на поставленный вопрос. — По крайней мере, так говорят. Я был когда-то воином. Теперь же я — убогий калека, недочеловек, как прозвали меня прежние

товарищи. А значит, я теперь вполне могу быть и трусом... Да, мне страшно.

— И все же ты идешь навстречу своему страху, — отозвалась Твилла. — А это никто не посмеет назвать трусостью!

— Я иду, потому что должен идти! Потому что я не могу больше жить как недочеловек. Так что давай-ка пойдем дальше — туда, где я наконец узнаю, человек я или что там еще...

Девушка быстренько собрала остатки трапезы в мешок. Илон уже встал и успел пройти несколько шагов, Твилле пришлось бежать за ним вдогонку. Они снова взялись за руки и направились напрямиком к кромке леса.

Близилось утро, небо на востоке уже начинало сереть, когда темная стена леса впереди выросла ввысь и вширь — так, что, казалось, охватила весь мир от края до края. Твилла начала различать отдельные деревья. Даже не верилось, что земля может удержать такие громадины.

Стволы были толще любой башни, какие Твилле случалось видеть. Деревья были столь велики, что только несколько человек, взявшись за руки, смогли бы обхватить такое дерево у основания. Да, поистине такая преграда устрасала. Нижний ярус леса образовывал густой подлесок, который полностью скрывал все подходы к лесной твердыне. Подлесок образовывали буйно разросшиеся кустарники с ярко-зеленой листвой, более светлого оттенка, чем у лесных великанов. То тут, то там в светлую зелень кустов вплетались темно-зеленые побеги дикого винограда, обильно усыпанные цветами.

Увидев этот лес, Твилла не испугалась — скорее, ее охватил благоговейный трепет. Гигантские деревья казались девушке разумными существами иной расы, которые жили своей собственной жизнью, недоступной пониманию обычных людей. Лесные великаны были столь же величественны, как людские короли, и столь же преисполнены законной гордости, как ведунья, одержавшая победу над смертью.

И снова Илон внезапно остановился. Он скинул голову и уставился невидящим взором на стену деревьев. Поднялся ветер, зашелестела листва. Только вот птичьего пения не было слышно. Ветер принес стойкий запах сосновой смолы и цветущей акации. Пахло и еще чем-то, но этих запахов Твилла не распознала.

Девушка не оглядывалась назад, на ту землю, из которой они пришли, — она почувствовала, что это уже не имеет никакого значения. Сейчас нужно было думать только о том, что ждало их впереди.

— Я... иду... — Илон высвободил ладонь из руки Твиллы и бегом бросился прямо в заросли кустарника, которые с виду казались сплошной непроходимой стеной. Твилла не успела ничего сделать — слепой лорд добежал до стены подлеска и... внезапно исчез. Но ведь в кустах не было никакого просвета, сквозь который Илон мог так быстро проскочить! Твилла почувствовала, как что-то согревает ее на груди, под неудобной мешковатой одеждой.

Зеркало! Волшебная сила откликнулась на волшебство. Твилла знала, что с помощью волшебных чар можно создать иллюзию — видимость того, чего на самом деле не существует. Она выхватила зеркальце из потайного местечка и взглянула на отражение того участка непроходимых зарослей, среди которых только что исчез Илон.

Ведунья не слишком удивилась, увидев, что в зеркальце отражаются не колючие кусты шиповника, а свободный проход в глубь леса. Туда она и направилась — твердым и уверенным шагом, чуть склонив голову и держа зеркальце перед собой, чтобы видеть скрытый проход между деревьями.

Могучие деревья и издалека поражали воображение своим величием, а вблизи, по обеим сторонам таинственной тропинки, эти лесные гиганты казались еще более огромными и устрашающими. Дорожка была устлана толстым ковром прошлогодней листвы, настолько мягким, что ноги Твиллы утопали в нем по щиколотку. Вокруг дорожки возвышались гигантские папоротники, похожие на жесткое темно-зеленое кружево. Даже стволы деревьев были зелеными из-за бархатного мохового покрова.

Девушка видела на тропинке глубокие и четкие отпечатки следов лорда Илона, хотя его самого нигде не было видно. Твилле почему-то не хотелось его окликать. Она надеялась только, что молодой человек не угодит в какую-нибудь очередную ужасную неприятность — уж очень стремительно он рванулся в это подозрительное и странное место.

Поскольку теперь Твилла могла идти за слепым лордом по его следам на тропинке, она снова спрятала зеркальце в потайное место. И хотя девушка еще не изучила всех свойств своего зеркальца, эта волшебная вещица принадлежала только ей, ей одной, и Твилла не собиралась делиться этим с...

С кем?

В тени деревьев стояла невероятная тишина — такой тишины никогда не бывает на открытой местности. Твилла не слышала ни пения птиц, ни жужжания насекомых. Даже листья папоротников ни разу не шелохнулись. Не было никаких признаков того, что поблизости в лесу есть кто-то еще. Однако Твилла была совершенно уверена, что за нею наблюдают, — причем тот, кто на нее смотрит, настроен весьма неприязненно, даже враждебно. Девушка почувствовала приближение какой-то грозной опасности. И чем дальше она заходила в глубь леса, тем острее становилось это предчувствие.

Неожиданно впереди над тропинкой за клубился туман. Пелена тумана становилась то плотнее, то прозрачнее. Временами эта мгла походила на туман над морем — густой, белый и совершенно непрозрачный. Туманная мгла кружилась и вертелась вокруг девушки, застилала взор и сбивала с толку. Твилле даже слышались голоса — очень тихие, почти на пределе слышимости. Голоса что-то шептали, но что — невозможно было разобрать.

Твилла бывала в выращенных человеком лесах по ту сторону гор — она собирала там целебные травы вместе с ведуньей Халди. Но никогда прежде девушка не переживала такого острого чувства оторванности ото всех остальных людей. Однако она решительно шла вперед, по следам, оставшимся на примятой листве.

Клубы тумана стали еще плотнее. Туманная завеса поминутно переливалась из стороны в сторону и обвивалась вокруг все новых деревьев. Твилла сосредоточила внимание на следах на тропинке. Она понимала, что туманная мгла — это просто волшебные чары, которые должны были заморозить и привести в смятение любого незваного гостя. Но вот волшебный туман отдернулся в сторону, подобно занавесу, и Твилла вышла на прогалину. Тяжелые ветви лесных великанов здесь смыкались над головой не так плотно, и зеленый сумрак леса был не такой гу-

стой, как на тропинке. На прогалине стоял слепой лорд Илон. Его руки безвольно повисли, он дышал тяжело и прерывисто и вертел головой из стороны в сторону, словно хотел сбросить пелену, застилавшую взор.

— Илон! — крикнула Твилла и бросилась к нему.

Илон не обратил на нее никакого внимания. Твилла едва успела подбежать и схватить его за рукав, как на противоположном краю прогалины туман сгустился в сплошную белую пелену.

Из этой непроглядной мглы на поляну выступила женщина. Высокая, стройная, длинноногая, с изящными кистями рук, высокой шеей и гордо посаженной головой. Ее роскошные длинные волосы, черные как ночь, струились мягкими волнами. В волосы были вплетены тонкие цепочки, украшенные зелеными драгоценными камнями, сверкающими, как ясные звезды. Такие же цепочки с зелеными камнями оплетали открытый ворот и длинные, узкие манжеты ее платья. Платье гармонировало по цвету с драгоценными украшениями. Оно плотно облегалo тело женщины, подчеркивая красивую, высокую грудь, а от бедер расходилось мягкими широкими складками. Эти плавные складки кружились водоворотом и волнами переливались вокруг ее ног при каждом движении, словно жили собственной жизнью.

Ее лицо...

В одной из книг ведуньи Халди Твилла однажды видела изображение, отдаленно напоминающее это воплощение совершенной красоты. Тонкие брови, подобные птичьим крыльям, взлетали к вискам. Губы — полные, сочные и при этом прекрасно очерченные. Это, несомненно, была самая красивая женщина из всех, кого Твилла когда-либо видела.

Прекрасная и могущественная, она держалась так властно и уверенно, что всякий сразу поверил бы — это полноправная владычица, над которой власти нет ни у кого.

Красавица направилась к Илону. Едва она появилась, слепой сразу же перестал вертеть головой и повернулся к ней — словно увидел ее сквозь пелену, закрывающую его глаза. Вокруг женщины распространялась волна пряного аромата, столь же богатого, как ее платье и украшения. На Твиллу женщина не обращала никакого внимания. Она смотрела только на Илона.

На губах ее заиграла легкая улыбка — весьма злорадная, как показалось молодой ведунье.

— Вот так встреча, лорд Илон! — Голос прекрасной женщины напоминал легкий шелест зеленой листвы в кронах гигантских деревьев. — Выходит, ты вернулся...

Казалось, она не идет, а скользит над землей. В одно мгновение женщина оказалась возле Илона. Она оглядела его с головы до ног, и ее лицо исказила легкая гримаса отвращения.

— И в каком же виде ты сюда явился? Кто ты, путник, — лорд или нищий?

Илон впервые заговорил:

— Лотис...

В его голосе звучало узнавание и еще — как показалось Твилле — что-то болезненное. Несомненно, лорд Илон был ослеплен великолепием этой красавицы, словно какой-нибудь простой деревенский парень, впервые увидевший хорошенькую горожанку.

— Да, я — Лотис. Лотис, от которой ты сбежал. Ах, Илон, мы злы на тебя за это. Мы полагали, что ты вполне доволен... твоим выигрышем в лотерее... То есть мною... — Теперь она явно насмеялась над слепым лордом. И было в голосе красавицы что-то такое, отчего Твилла сразу напряглась. Да, может быть, Илон и попал под очарование этой прекрасной женщины... Но для нее молодой лорд был всего лишь очередной добычей — жертвой, которой жестокая красавица могла распоряжаться как ей угодно.

— Да, Илон, придется тебе снова хорошенько запомнить, где твое место... Ты пришел к нам, а значит, ты теперь принадлежишь нам. И тебе очень повезло, что мы нашли тебе применение... Пойдем!

Красавица шелкнула пальцами — так обычно подзывают охотничьих собак. Твилла надеялась, что наваждение, охватившее Илона, вот-вот развеется. Поймать в сети чар такого человека, как лорд Илон, было несомненным злом. И теперь Твилла твердо знала, что зло несла в себе эта прекрасная женщина. Твилла схватила свое заветное зеркальце и крепко прижала к груди.

Красавица повернулась и скользнула обратно, туда, откуда явилась. Илон покорно двинулся за ней следом.

— Нет! — Твилла не могла понять, почему вдруг ее охватило такое негодование при виде того, как Илон послушно выполняет приказания.

Слепой лорд поднял руку и стряхнул пальцы девушки, цеплявшиеся за рукав его грубой куртки. Он ударил Твиллу по руке так сильно, что девушка не смогла сдержаться и вскрикнула от боли. Однако Илон даже не повернул головы в ее сторону.

Красавица рассмеялась:

— Ах ты, маленькая шлюшка! Неужели ты думаешь, что нашла парня себе под стать? Знаешь ли ты, что стоит мне только пожелать — и этот сын лорда будет ползать передо мной на коленях и лизать мои башмаки? А что касается тебя... — Она оглядела Твиллу и презрительно усмехнулась. — Хотя мы иногда любим пошутить с такими, как ты, но... Боюсь, среди наших мужчин не найдется такого, которому ты пришлась бы по вкусу...

— Ты уверена? — прозвучал краткий вопрос, сказанный глубоким и мягким голосом, явно мужским. Взгляд Лотис переместился куда-то за плечо Твиллы. Девушка обернулась.

Этот незнакомец явно принадлежал к тому же народу, что и Лотис. Он был крепкий и широкоплечий, заметно выше прекрасной женщины. Но волосы у него были такие же черные, как у нее, и в них тоже сверкали и переливались роскошные зеленые самоцветы. Такими же драгоценными камнями был отделан поясной ремень, стягивающий тонкую талию незнакомца поверх короткой зеленой куртки со свободно свисающими рукавами, вдоль разрезов отороченными красным — столь же глубокого и насыщенного оттенка, как зеленый цвет куртки. В разрезах рукавов виднелись обнаженные мускулистые руки. На запястьях широкие рукава куртки были схвачены металлическими браслетами, богато инкрустированными драгоценными камнями. Наряд незнакомца довершали брюки и короткие сапоги того же оттенка, что и куртка.

— Я позвала — и вот этот пришел, — недовольно сказала Лотис. Ее белые зубы хищно сверкнули. — Согласно нашим обычаям, он принадлежит мне — целиком и полностью. И в этом ты не вправе мне помешать. Если хочешь — забирай себе эту свинолицую шлюшку! А я забираю то, что принадлежит мне. Пойдем! — Она снова щелкнула пальцами, подзывая

Илона, который во время этого разговора стоял, словно ничего не слыша.

И снова Илон покорно пошел за ней по пятам, словно дрессированная собачка.

— Она не имеет права! — Твилла говорила это не для незнакомца. Она просто высказала вслух то, что думала.

— К несчастью, имеет, — ответил мужчина в зеленом. — Лотис соткала чары, которыми он связан, и только она может их развеять. Но этого, как видно, Лотис делать не намерена. Лотис очень жадная женщина.

Твилла мрачно оглядела незнакомца.

— Ты собираешься сотворить со мной... что-то подобное?.. — Она кивнула в сторону Илона, который как раз исчезал за завесой серебристого тумана.

Незнакомец внимательно смотрел на девушку, словно встретил нечто странное и непонятное и намеревается получше это изучить — по каким-то своим причинам.

— Я не могу этого сделать. Ты обладаешь силой, природа которой нам неизвестна и непонятна. Наш наблюдатель заметил тебя, еще когда ты пересекала горы, и во второй раз — в поселении убивающих деревья. Нет, я уверен — наши сети бессильны удержать тебя. Но ты явилась сюда не просто так... Может быть, ты — новое оружие, которое придумали наши враги, чтобы нас уничтожить?

Мужчина говорил спокойно и размеренно, но Твилла почувствовала в нем внутреннюю силу. Не хотела бы она встать ему поперек дороги... Наверное, разумнее всего будет рассказать этому незнакомцу все как есть.

— Люди из крепости не друзья мне. Они охотятся за мной...

— Я верю, ты говоришь правду, — сказал он и вдруг улыбнулся — так лучезарно, что Твилла поняла: этот незнакомец способен легко очаровать женщину, которую пожелает заманить в свои сети. — Я предлагаю обменяться оружием... Мое имя — Оксил. Назови же свое имя...

Твилла вспомнила, как Халди учила: имя — это ключ к волшебной силе. Если узнаешь чье-то имя, то сможешь использовать это знание против него.

— Я — Твилла, бывшая ученица целительницы и ведуньи, — решительно ответила девушка.

Оксил кивнул:

— Я так и думал. Ну что ж, Твилла... Будь нашей гостьей. Мы примем тебя, как если бы ты принадлежала к нашему народу.

Если она примет приглашение — появится надежда вызволить Илона из плена. Твилла не знала, почему для нее так важно вернуть свободу молодому лорду Илону, — знала только, что должна это сделать.

— Я согласна. — Девушка протянула грязную, исцарапанную руку, и Оксил принял ее. Вокруг взвихрились клубы тумана, окутали их, словно коконом, и Твилле вдруг показалось, что она летит.

10

ОЩУЩЕНИЕ ПОЛЕТА длилось всего лишь миг. Потом непроглядный туман сразу же развеялся. Лесная прогалина куда-то исчезла — они оказались совсем в другом месте. Твилла увидела дерево, по сравнению с которым поразившие ее воображение лесные гиганты выглядели всего лишь тонкими молоденькими деревцами. Это дерево было толще крепостной башни. Оксил отпустил руку девушки и подошел к подножию огромного дерева, гиганта из гигантов, на фоне которого все остальные деревья казались еще меньше — словно сморщивались и усыхали, преклоняясь перед таким величием.

Неподалеку снова за клубился туманный вихрь, и из белого облака выступили Лотис и Илон. Прекрасная женщина злобно взглянула на Твиллу.

— О-о... Оказывается, ты теперь находишь привлекательным уродство? — Лотис обращалась к Оксилу. — Желаю тебе насладиться столь замечательным приобретением...

Во время разговора злая красавица ни на миг не упускала ведунью из виду. И вдруг глаза Лотис сузились, полные губы поджалась, приоткрывая края белых зубов.

— Но ведь она не...

— Да, она не зачарована, — ответил Оксил. — Ты слишком поспешно выносишь суждения, Лотис. Даже если ты так преу-

спела со своей нынешней добычей, не думай, что все, кто приходит в этот край, одинаковы.

Внезапно Лотис вскинула руку — настолько быстро, что Твилла едва успела уловить ее движение. В воздухе между женщинами взметнулась полупрозрачная лента, похожая на легкий шарф. Эту ленту словно подхватил резкий порыв сильного ветра и понес к Твилле, примерно на уровне глаз. Твилла успела выхватить свое заветное зеркальце. Лента из серебристой паутины не достигла цели — в нескольких дюймах от лица девушки она замерла в полете, свернулась кольцами, будто натолкнувшись на невидимую преграду, и упала. Не долетев до земли, туманная лента растворилась в воздухе. Во взгляде Лотис впервые промелькнуло удивление, но почти сразу же сменилось яростью.

— Что за создание ты притащил сюда, Оксил? — запальчиво спросила красавица. — Эти грязные землекопы нашли себе новую защитницу, верно? Я угадала? Но ты-то зачем играешь в их игры, Оксил?

— Я не играю в игры, Лотис, — кратко ответил он. — Девушка, которая искала здесь убежища, обладает силой — и нам не постичь пределов этой силы.

— Искала убежища... — Лотис подхватила его слова. — Скорее ее послали сюда вредить нам! Совет...

— В должное время я обо всем сообщу Совету, — ответил Оксил. — А сейчас давай позаботимся об удобствах для наших гостей.

Он прошел мимо Лотис, словно она перестала для него существовать, и остановился возле ствола гигантского дерева, на расстоянии вытянутой руки. Наверное, Оксил подал какой-то особый знак или прошептал заклинание, но Твилла ничего такого не заметила — не увидела и не услышала. Однако гладкая кора дерева разошлась перед ним в стороны, и из открывшегося проема хлынул поток холодного белого света, неотличимого от света луны.

Лесной обитатель обернулся к Твилле и жестом пригласил ее войти внутрь. Не показывая настороженности в отношении Лотис, ведунья двинулась к источнику лучистого света следом за своим провожатым, не отставая от него ни на шаг.

Она не была зачарована... Твилла тряхнула головой, словно сбрасывая с себя колдовскую паутину, которая не смогла ее удержать.

Девушке сразу стало ясно, что они уже не в лесу — но и не внутри гигантского дерева. Потому что они стояли на площадке из зеленого и белого прозрачного хрусталя, который усиливал проходящее сквозь кристаллы сияние и отбрасывал радужные отблески во все стороны — и вверх, и вниз... А внизу... Внизу перед Твиллой раскинулся совершенно иной, неизвестный мир!

Свет здесь был мягкий, не такой яркий, как солнечный. Но даже этот приглушенный свет слепил глаза яркими отблесками от гладких зеленых камней и испещренных черными прожилками стволов необыкновенных деревьев — высоких и цветущих, как в ухоженном фруктовом саду.

С хрустальной площадки спускались вниз несколько ступеней — дорога в этот иной мир. Как и в том лесу, что снаружи, здесь между деревьями клубился плотный туман. Горизонта не было видно, поэтому Твилла не могла бы сказать, как далеко простирается зачарованный сад.

Девушка осторожно пошла вниз по ступенькам. Оксил уже дожидался ее у подножия лестницы. Когда Твилла спустилась, он повел ее по дорожке в глубь сада. Но что это была за дорожка! Не утоптанная земляная или засыпанная гравием тропинка — нет, больше всего она походила на ручеек из маленьких самоцветов. Драгоценные камни ярко сверкали и переливались всеми цветами радуги. Сияющая дорожка вилась между деревьями и исчезала где-то вдаль, в туманной мгле.

А когда Твилла взглянула на деревья этого сада, у нее захватило дух от восхищения. Листья, всех оттенков зеленого, казалось, вырезаны искусным мастером из прекраснейших самоцветов. Между листьями виднелись восхитительные, словно светящиеся изнутри плоды. Это было похоже на чудесный сон о затерянной земле, изобилующей сокровищами, которые даже сам король не в состоянии себе представить.

Король... Лорд Хармонд... Те, кто живет по ту сторону гор... Потрясенная Твилла вдруг вспомнила о привычном ей мире людей. Если бы они знали, если бы только догадывались о том, что здесь есть такое... Сюда тотчас же устремились бы армии

охотников за сокровищами, которые разграбили бы этот чудесный сад... Неудивительно, что лесные «демоны» так ревностно оберегают тайну своих владений!

Волшебный сад не был безжизненным — повсюду меж ветвей порхали причудливые создания с крыльями цвета радуги. Некоторые из них отваживались подлетать совсем близко и даже ненадолго присаживались к Оксилу на голову или на плечи. Они походили на прекрасных бабочек — во всяком случае, их великолепные переливчатые крылья были в точности как у бабочек. Но вот тела этих существ... Твилла снова изумилась — крылатые создания выглядели совсем как люди, только с палец размером.

Оксил не обращал на них никакого внимания, даже когда они садились ему на плечи. Но если с лесным лордом крылатые существа чувствовали себя совершенно свободно, то к Твилле они отнеслись совсем иначе. Несколько созданий с радужными крыльями поначалу подпорхнули было к девушке, но сразу же испуганно шарахнулись прочь — словно боялись, что она схватит их и сделает с ними что-то ужасное.

Несколько крылатых созданий последовали за Оксилом и дальше, когда они с Твиллой вышли с другой стороны чудесного сада. Перед ними раскинулась равнина, затянутая густым, клубящимся туманом, который здесь стал еще плотнее. Из тумана то здесь, то там проступали изящные башенки и здания, стены которых были выложены мозаикой из драгоценных камней. Твилла не могла даже представить, что бывают такие чудесные дворцы — настолько они отличались от единственного виденного девушкой тяжеловесного и хмурого замка.

Здесь Твилла увидела и других лесных людей. Они сидели, лениво развась, на шелковистой зеленой траве или неторопливо прогуливались вдоль чистого серебряного ручья, через который был перекинут изящный мост, открывавший проход к замку. Лесные жители очень заинтересовались вновь прибывшими — поднялись и направились им навстречу.

— О, Лотис! — Вперед вышла женщина, почти такая же прекрасная, как та, к которой она обращалась. Эта женщина тоже предпочитала одеваться в зеленое — как, впрочем, и все остальные люди леса, — но в ее украшения были вправлены переливающиеся всеми цветами радуги чистые капли лунно-

го камня — самого редкого самоцвета из всех, что встречаются во внешнем мире. — Я вижу, твой найденыш снова с тобой. — Красавица рассмеялась. — Ну и жалко же он выглядит, дорогая! Тебе следовало бы содержать свое имущество в лучшем состоянии. Фу-у! От него воняет! — Она сморщила точеный носик и обошла вокруг Илона на некотором расстоянии.

Слепой лорд стоял не шевелясь, его лицо ничего не выражало. Казалось, слепота поразила не только его глаза, но и рассудок.

Твилла сама не знала, почему так разозлилась. Она осознавала только одно — эти красивые женщины забрасывали злыми и язвительными насмешками одинокого и беспомощного человека. Это все равно что мучить беззащитное животное, попавшее в капкан. А мужчина, который едва не убил родного брата, чтобы спасти ее, который разделял с ней все опасности путешествия, пережил вместе с ней бурю и наводнение, — он вовсе не животное!

— О, да тут у нас есть кто-то еще! — Это заговорил мужчина, который подошел поближе к Твилле. — Женщина захватчиков... Это твое приобретение, Оксил? Ну... Что тут скажешь об их вкусах?.. Неудивительно, что Лотис и остальные с такой легкостью заманивают их мужчин! Этим беднягам, наверное, до смерти надоело смотреть на такие отвратительные рожи...

Он приблизился к Твилле с самым оскорбительным видом и подверг ее унижительному осмотру — точно так же все разглядывали Илона. Но внезапно лесной обитатель замер. Его насмешливая улыбка мгновенно утасла. Он снова осмотрел Твиллу с головы до ног, потом повернулся к Оксилу и спросил:

— Что за создание ты привел к нам? — В его голосе явственно звучала холодная враждебность.

— Да! Ты задал хороший вопрос, Фарсил! — вмешалась в разговор Лотис. — Похоже, грязные землекопатели изобрели какое-то новое оружие... Как всегда, нас подвело извечное любопытство главы Совета — давайте же спросим: почему он отважился привести сюда эту отвратительную женщину, наделенную необузданной силой?

Лесные жители окружили Твиллу со всех сторон. На лицах этих прекрасных женщин и красивых, статных мужчин застыло одинаковое выражение — точно такое же, как на лицах фа-

натичных жрецов Дандуса. Твилла не знала, насколько могущественно ее волшебное зеркальце. Девушка доверяла Оксилу, но если эти странные создания объединятся против нее — что она сможет им противопоставить, чем сможет защитить себя?

— Твилла!

Услышав оклик, девушка вздрогнула и повернулась к Оксилу.

— Дай мне руку твоего сердца... — произнес он мягко.

Руку сердца? Твилла не сразу сообразила, чего он от нее хочет. Но потом вспомнила старинное поверье — будто бы средний палец левой руки открывает прямой путь к сердцу человека. Тогда девушка протянула ему левую руку. Оксил крепко схватил ее за запястье и поднял руку Твиллы вверх.

— Карла! Прочти! — Это был приказ, которого невозможно послушаться.

Приблизилась еще одна женщина. В отличие от прочих она была одета в неяркое платье — такого оттенка бывают пожухлые осенние листья. В ее украшениях сверкали красные и желтые камни. Хотя ни лицо, ни цвет волос не выдавали возраста этой женщины, Твилла почему-то сразу поняла, что она старше всех прочих, собравшихся здесь.

Женщина чуть склонила голову и всмотрелась в грязную ладошку Твиллы — точно так же, как это сделала Халди много недель назад, перед тем как они с Твиллой расстались... Лесная ведунья даже губы поджала точно так же, как Халди, когда перед ней вставала сложная задача, для решения которой требовалось призвать на помощь все свои знания и мастерство.

Женщина вытянула указательный палец и принялась водить им вдоль линий на ладони девушки, не прикасаясь к руке.

Когда она подняла голову, на ее лице отражалось искреннее изумление.

— Сила Луны... — выдохнула ведунья. — Но для нас — никакой опасности... Может быть, что-то совсем иное... Однако... — Она посмотрела на Твиллу. — Будь осторожна, дочь Луны. Когда применяешь силу, которая тебе подвластна, — сперва хорошенько подумай, а потом делай.

Собравшиеся в кружок лесные обитатели зашептались, на лицах большинства из них отразилось изумление — как и Карла, они не ожидали такого.

Оксил отпустил руку Твиллы.

— Вы и теперь станете спрашивать, почему она здесь, среди нас? — сказал он.

Лотис нахмурилась и промолчала, когда все остальные дружно начали высказывать одобрение. Было ясно, что заключение Карлы на какое-то время защитило Твиллу от злобных нападок нынешней госпожи слепого лорда.

Твиллу усадили на кипу мягчайших подушек. Даже внутри замка в воздухе постоянно клубилась легкая туманная дымка. Поэтому драгоценности, украшавшие комнату, временами были ясно видны, а потом вдруг скрывались за пеленой тумана.

Во дворец девушку проводил уже не Оксил, а Карла. Лесная ведунья провела Твиллу мимо массивных врат, через залы и коридоры, показала бассейн с теплой водой, в которой плавали благоухающие лепестки цветов. Карла дала девушке несколько баночек со смягчающими кремами, от которых пахло лесными травами. Она забрала грубую походную одежду Твиллы, испачканную и порванную, а взамен дала красивое платье, цветом напоминающее старинное серебро.

Теперь это чудесное платье облегло стройную фигуру девушки — такое мягкое и приятное на ощупь, что под него вообще не нужно было надевать никакой сорочки. Твилла соблюдала все предосторожности и снова сумела незаметно спрятать зеркальце в надежном месте под одеждой. Тем более что Карла, показав девушке все прелести дворца, оставила ее одну.

И теперь Твилла приводила в порядок волосы, вытряхивая ароматные лепестки, запутавшиеся в распущенных прядях. Она уже высушила волосы, насколько это было возможно, большими полотнищами надушенной ткани, которые нашла на краю бассейна. Судя по всему, для того они и предназначались.

У Твиллы не было великолепных украшений с драгоценными камнями, какие носили все лесные женщины, — но и без того новое платье казалось ей более чем роскошным. Она снова подумала о лорде Илоне. Когда Карла уводила ее, Илон по-прежнему стоял возле Лотис, словно верный пес.

Твилла нахмурилась — скорее из-за этих грустных мыслей, чем из-за спутанного узелка в мокрых волосах, на который наткнулась ее расческа. Этот... Этот покорный раб, готовый исполнить любое пожелание Лотис... Это был совсем не тот человек,

который вывел ее по потайному ходу из крепости, стойко перенес вместе с ней все испытания, выпавшие на их долю на реке и потом, во время бури. Тогда Илон, несмотря на слепоту, был для нее надежной опорой. Во что он превратился теперь, попав под власть Лотис? Твилла поморщилась. Сердце у нее сжималось от жалости к этому человеку, а еще — от жгучего стыда за него и от гнева.

Заплетая волосы в косы, Твилла раздумывала обо всем этом. Так вот что лесные чародейки делают с мужчинами, которые попадают в лес! Она ни разу не слышала, чтобы вот так соблазнили и поймали в сети какую-нибудь крестьянскую женщину... Может быть, лесной народ опасается только мужчин? И почему, интересно, женатому мужчине не страшны чары прекрасных женщин лесного народа? Твилла так мало об этом знала...

Похоже, лесные люди теперь относились к ней довольно доброжелательно — благодаря Оксилу и Карле. Но Твилла была уверена, что красавица Лотис при первом же удобном случае непременно постарается доставить ей массу неприятностей. Это уродливое лицо... А что, если убрать личину, сотворенную зеркалом? Может быть, это как-то уменьшит враждебность Лотис? А может, наоборот, упрочит подозрения, которые только-только немного развеялись? Наверное, с этим лучше подождать. Разумнее хранить все свои тайны при себе — пока это возможно. Знания всегда были источником силы, а сокрытые знания в будущем могут стать могучим оружием.

Карла появилась внезапно, словно ниоткуда. Она вдруг вышла из туманного облака — и Твилла насторожилась. Похоже, лесные люди умеют перемещаться, оставаясь невидимыми.

— Дочь Луны, обед готов. Мы ждем, когда ты присоединишься к нам за столом.

На этот раз Карла не воспользовалась каким-нибудь туманным путем, чтобы вернуться в обеденный зал. Она повела девушку по коридорам замка, как это сделала бы любая леди из народа Твиллы. Эти коридоры были достойны всяческого восхищения. Здесь было на что посмотреть. В нишах, вырезанных в стенах и обрамленных роскошной мозаичной

каймай из драгоценных камней, стояли причудливые фигуры. Некоторые из них внешне походили на обычных людей, другие отличались совершенно невообразимыми, нелепыми формами. Однако в них не было ничего пугающего или отталкивающего — они скорее изумляли и вызывали желание побольше о них узнать.

Эти скульптуры также то скрывались за завесой тумана, то показывались вновь, а потом снова скрывались. Твилла покачала головой, не в силах поверить тому, что видели ее глаза. Наконец они с Карлой вошли в просторный зал правильной овальной формы. Стены были сделаны целиком из металла — по большей части из прекрасно отполированного серебра, но тут и там виднелись панели из яркой, начищенной до огненного блеска меди. По медным пластинам спиралями вились цепочки каких-то символов. Посреди зала стоял длинный стол, по обеим сторонам от него — скамьи с мягкими подушками в роскошных наволочках сочного зеленого цвета. Во главе стола возвышалось кресло, отливающее перламутровым блеском, как створки морской раковины-жемчужницы. В этом кресле восседал Оксил. Как только Карла ввела Твиллу в зал, Оксил поднялся и пошел навстречу девушке, а приблизившись, предложил ей слегка согнутую в локте руку. Не понимая, за что ее удостоили такой чести, Твилла вложила пальцы в ладонь Оксила — в родном городе она однажды видела, как кто-то из высокорожденных дворян вот так сопровождал свою даму в лавку какого-то торговца.

За столом сидели люди леса, мужчины и женщины. Их роскошные одеяния переливались яркими цветами, драгоценные украшения ослепительно сверкали. Они негромко переговаривались между собой приятными мелодичными голосами. Когда Оксил подвел Твиллу к столу и усадил на почетное место, по правую руку от себя, девушка заметила, что Илон тоже здесь.

Слепой лорд тоже был одет в зеленое, как и все при этом необыкновенном дворе, его лицо было гладко выбрито, волосы вымыты и аккуратно уложены. Но несмотря ни на что, Илон казался чужаком в этом собрании красивых и богато одетых людей. Он сидел необычайно прямо, глядя невидящими глазами прямо перед собой. Лотис сидела рядом с ним.

И когда Твилла заняла предназначенное ей почетное место, лесная красавица придвинулась к Илону поближе и потрепала его по щеке — словно приласкала комнатную собачку. Но при этом взгляд Лотис был устремлен на Твиллу. Девушка без труда прочла в этом взгляде открытую угрозу. Лотис наглядно показала, что Илон теперь принадлежит ей и только ей.

Когда жестокая красавица прикоснулась к его щеке, Илон вздрогнул, но не пошевелился. Твилла задумалась: а может, на самом деле он не настолько крепко связан колдовскими узами Лотис, хотя и ведет себя как ее покорный раб?

Оксил не стал садиться за стол. Он взял серебряный кубок и сказал:

— Поднимем же кубки и выпьем за ветви и корни, за стволы и кроны, за землю, которая родит деревья, и за деревья, которые охраняют и защищают землю! Так было еще в предначальные времена, и да будет так во веки веков!

Все сидящие за столом подняли кубки. Твилла догадалась, что для лесного народа этот тост очень важен — точно так же священен для людей ее расы обряд, когда сбрызгивают через плечо несколько капель из бокала в честь Единой в Трех Лицах. В словах ритуальной фразы, которую произнес Оксил, девушка не нашла ничего дурного — поэтому она тоже подняла свой кубок и подождала, что будет дальше.

Оксил отпил из своего кубка, и все остальные, включая Твиллу, последовали его примеру. Даже Илон неуверенно протянул руку, осторожно отыскал на ощупь кубок и поднес его к губам.

Судя по всему, больше никаких церемоний на обеде не ожидалось. С больших блюд, расставленных на столе, сняли крышки. Твилла увидела прекрасные фрукты, кексы и пирожные. А вот мяса здесь, похоже, не подавали вообще. Однако та еда, которую девушка попробовала, оказалась не только очень сытной, но и невероятно изысканной на вкус — она удовлетворила бы запросы самого привередливого гурмана.

Бокалы пирующих были наполнены не вином, а более легким напитком, прозрачным, как вода, и немного сладковатым. После такого напитка у человека возникало ощущение свежести и как будто прибавлялось сил. Вся здешняя пища разительно отличалась от простой и грубой еды, которой Твилле

приходилось питаться с тех пор, как она покинула Варслаад. Девушка медленно и с наслаждением пережевывала каждый кусок, растягивая удовольствие от невообразимо приятного и изысканного вкуса угощений. Разговор за столом стал оживленной. Но Твилла не различала отдельных фраз — речь присутствующих напоминала мелодичный птичий щебет. Впрочем, сейчас Твиллу больше интересовало содержимое тарелки.

Илон сидел все так же прямо, не шевелясь. Его тарелка была пуста, руки он держал под столом. Твилла вдруг поняла, почему он так себя ведет. Слепой лорд стыдился проявить неловкость, он боялся опрокинуть какое-нибудь блюдо или перевернуть бокал, потянувшись за пищей. И искорка гнева в душе Твиллы разгорелась сильнее. Поскольку ни Лотис, ни тот мужчина, что сидел по другую руку от Илона, явно не собирались помогать слепому, Твилла не выдержала. Она не собиралась молча смотреть, как унижают Илона.

— Лорд Оксил! — Девушка обратилась к сидевшему во главе стола, и тот сразу же повернулся к ней. — Вы с почетом принимаете в своем замке одного из гостей... Почему же другой должен остаться голодным?

Щебет голосов мгновенно умолк. Все сидящие за столом повернулись к Твилле, потом посмотрели на Илона. Лотис надменно улыбнулась, словно поощряя Твиллу зайти еще дальше.

— Как я поняла, лорд Илон в некотором смысле является пленником леди из вашего дома. В нашем мире даже самый последний слуга не останется голодным, когда обедает его господин или госпожа. Или для вас не существует такого закона чести?

Глаза Оксила вспыхнули почти так же ярко, как драгоценные камни, вправленные в обруч на его волосах. Лесной лорд посмотрел на Твиллу, но в его взгляде девушка не заметила гнева. Затем лорд Оксил поднялся и прошел позади скамьи к дальнему концу стола. Подойдя к Лотис, он жестом велел ей немного посторониться, наклонился через ее плечо и, выбрав с общих блюд несколько пирожных и горсть ягод, положил это на тарелку Илона.

— Тот, кто работает на тебя, не должен сидеть с пустой тарелкой, Лотис. — Оксил говорил спокойным и ровным то-

ном, но все же Твилла уловила в голосе лесного лорда назидательные нотки. — Тебе захотелось призвать этого человека — теперь, согласно нашим законам, он стал твоим. Однако у тебя есть и некоторые обязанности в отношении его...

Лотис зашипела, словно рассерженная кошка:

— Ты еще пожалеешь, Оксил, что слушаешься своей отвратительной девки!

Никто так и не узнал, каких еще оскорблений готова была наговорить лорду Оксилу разъяренная красавица Лотис, потому что как раз в этот миг рядом с Оксилом сгустилось плотное облачко белого тумана. А когда туман развеялся, перед лордом стоял незнакомый мужчина в зеленых одеждах, отделанных красным.

— Беда! — закричал он, как только стал полностью виден. — Юный Фанна нашел железо!..

Оксил мгновенно напрягся. Затем положил руку на плечо Илона. Все повскакивали из-за стола. Лорд Оксил кивнул Твилле, и девушка тотчас же поспешила к нему.

— Ты говорила, Лотис, что этот человек еще пригодится нам, и не раз... Настало время показать, на что он способен!

Лесной лорд заставил Илона подняться и все так же крепко держал его за плечо. Вокруг них за клубился серебристый туман. Туманная завеса окутала их плотной пеленой, и снова у Твиллы появилось странное ощущение полета — как будто она покинула привычный мир и оказалась где-то вне времени и пространства.

Когда туман рассеялся, Твилла услышала жалобный плач — так могло хныкать и скулить от боли какое-нибудь раненое животное. Эти звуки пробудили в девушке инстинкты целительницы.

Они снова оказались в лесу, под огромными деревьями. На стволе ближайшего дерева виднелась свежая зарубка. На земле, у корней дерева, валялся топор. А рядом скорчился от боли человек в зеленых одеждах лесного народа. Твилла ни разу не видела среди обитателей зачарованного леса детей, но когда она разглядела лицо раненого, то сразу поняла, что этот обитатель тенистых лесных чащоб намного моложе всех остальных, кого девушка здесь уже встречала.

ТВИЛЛА УПАЛА на колени рядом с корчившимся от боли юношей.

— Помогите мне! — потребовала ведунья, не глядя, к кому обращается. Сумка с целебными снадобьями... Уже в который раз Твилла пожалела об этой потере. Чем же теперь она будет лечить раненого?

Ей помог Оксил. Лесной лорд присел рядом и, взяв плачущего от боли паренька за плечи, развернул его лицом кверху, чтобы целительница могла осмотреть раны. Твилла нахмурилась. Ей и раньше приходилось видеть ожоги — она наблюдала, как Халди лечит обожженных, а в последние годы и сама помогала таким больным. Но эти почерневшие язвы на руках юноши, похоже, расплзались по телу — да так быстро! Пока Твилла осматривала парня, черные ожоги на его руках — ужаснейшие из всех ран, причиненных огнем, какие она только видела, — перекинулись с тонких запястий на предплечья и ползли все выше и выше.

— Ты целительница. Что ты скажешь на это? — Впервые слова Оксила, обращенные к ней, прозвучали так холодно и отстраненно.

Твилла в нерешительности развела руками. Ей снова захотелось потянуться за сумкой с лекарскими снадобьями, которой у нее уже давно не было.

— Ожоги... — Целительница наклонилась к больному. Юноша закрыл глаза и затих, его дыхание стало слабым и прерывистым. — Нужно смазать маслом... Это ослабит боль... Но у меня нет здесь масла...

Да, масла здесь не было. Твилла перестала нащупывать несуществующую сумку со снадобьями и прижала руки к груди. Зеркальце... Может быть, оно поможет?.. Но как?.. И к тому же... Если она воспользуется зеркальцем, то раскроет тайну своей защиты.

Юноша еще раз содрогнулся всем телом в руках Оксила и слабо застонал, а потом его голова бессильно свесилась. Да, в отличие от настоящих ожогов черные пятна расплзались по его рукам, разъедая плоть!

Твилла решительно вынула зеркальце из потайного места.

— Приподними его и положи ко мне на колени, — велела она Оксилу.

Юношу расположили так, как сказала целительница. Оксил по-прежнему поддерживал его голову. Таким образом, скрученные в спазмах и почерневшие от ожогов руки юноши оказались прямо перед Твиллой.

Девушка повернула зеркальце, чтобы отражающая поверхность находилась как раз над больным местом. Да, все правильно — так Твилла видела отражение ужасно обожженных рук. Она глубоко вздохнула — раз, другой, стараясь полностью сосредоточиться на том, что было видно в зеркале.

Она сумела изменить свою внешность... Но ведь это только иллюзия. А если то, что она попытается сейчас сделать, тоже окажется всего лишь иллюзией? Но времени на сомнения не было — и Твилла решилась.

Она направила к зеркальцу всю свою волю, стараясь представить чистую, здоровую плоть, на которой не осталось ни единого следа от этих страшных ожогов, этой спекшейся черной корки, покрытой ужасными красными трещинами. Чистая, гладкая кожа...

Твилла ощутила, как внутри нее поднимается сила — из таких глубин, о существовании которых она даже не подозревала. Это было похоже на огонь — но только холодный... И чистый... Зеркало вспыхнуло и засияло ровным белым светом, словно полная луна на небе.

— Целебную силу зову — прорастай
Зелени потоком.
Листвой покрывайся, цветы-расцветай
Деревом высоким!

У нее снова получилась нескладная детская считалочка, но лучшего заклинания Твилла придумать не смогла. Зеркальце засветилось еще ярче, и на его поверхности перестало что-либо отражаться. Вместо этого из ослепительно сияющего диска брызнули тонкие лучи невыносимо яркого света — такого яркого, что на него больно было смотреть. Но Твилла знала, что должна смотреть, во что бы то ни стало. Иллюзия? Или истинная сила?

Слепящие лучи упали на обожженные руки юноши и начали ветвиться и разрастаться, словно корни дерева. Они зарывались в поврежденную плоть и уходили все глубже и глубже. Но Твилла не следила за лучами — она снова обратила все внимание на зеркальце.

Незаметно для себя самой юная целительница начала раскачиваться из стороны в сторону. Казалось, вся ее жизненная сила уходила на то, что она сейчас делала, но Твилла не отступала. Краем сознания девушка отметила, что кто-то подошел и поддержал ее дрожащее от напряжения тело — точно так же, как Оксил поддерживал бесчувственного раненого юношу.

— Расти... — задыхаясь, бормотала она. — Цвети... И снаружи, и внутри...

Она видела, как ослепительно светящиеся корни проникают внутрь почерневшей, обожженной плоти, пронизывают ее насквозь. Холодное серебристое сияние сменилось мягким зеленовато-желтым светом. Зеркальце дрожало в руке Твиллы, норовило вывернуться, словно хотело ускользнуть от того, что поднималось ему навстречу, — но целительница держала его твердо. Она должна была стать такой же сильной и крепкой, как руки того, кто пришел ей на помощь, поддержал ее слабеющее тело.

Может быть, она растратит сейчас всю, без остатка, силу, что хранилась внутри волшебного зеркальца, вынуждая зеркальце столкнуться с неведомой враждебной силой, природа и мощь которой ей неизвестна? Этого Твилла не знала, однако упрямо решила сражаться до конца.

Зеленоватые светящиеся корни убралась обратно внутрь зеркального диска. Сияние померкло. Гладь зеркальца помутнела, его словно затянуло туманной дымкой. Твилла закричала. Руку, в которой она сжимала зеркальце, будто огнем обожгло... Девушка не знала, удалось ли ей что-то сделать, но терпеть эту боль она больше не могла. Зеркальце выпало из ее ослабевшей ладони, и как только оно упало, Твилла полностью обессилела — казалось, она вот-вот увянет, как вырванный с корнем цветок. Но сильные мужские руки крепко держали ее, не давая упасть. Твилла видела все вокруг как будто сквозь пелену тумана — словно яркое сияние зеркальца повредило ее зрение.

Но юноша, лежавший у нее на коленях, пошевелился — и его переложили на землю. Твилла несколько раз моргнула, и ее взор немного прояснился. Правда, девушка была еще слишком слаба, чтобы двигаться, — хотя из последних сил она потянулась дрожащей рукой к зеркальцу, которое стало тусклым и мутным, будто пролежало на земле не одно столетие. Оно стало тяжелым... Таким тяжелым, что Твилла едва смогла его поднять... И... оно умерло... В нем больше не было живого тепла...

От слабости и осознания страшной потери Твилла заплакала. Из-за плеча к лицу девушки потянулась рука с твердыми мозолями от долгих упражнений с мечом — рука того человека, который все это время поддерживал ее. Он нежно погладил ее по щеке.

— Она столь многое отдала... Что вы получили, люди леса?

Это был голос Илона — не покорного раба красавицы Лотис, а того самого мужчины, вместе с которым Твилла пережила смертельные опасности во время бури и наводнения.

— Мы благословляем ее за спасение Фанны — Фанна не умер железной смертью!

Твилла еще раз моргнула, прогоняя глупые слезы, которые так и катились из глаз. Она увидела лесного лорда, который держал на руках юношу по имени Фанна — почти так же, как Илон держал сейчас ее саму. Руки юноши были чистыми и гладкими, без единого пятнышка, — хотя только что они походили на скрюченные птичьи лапы, почерневшие от ожогов.

Трясущимися руками Твилла прижала к себе заветное зеркальце и принялась водить по нему пальцами, как делала это много, много раз. Девушка гладила пальцами помутневшее зеркало, стараясь вернуть ему прежний блеск.

Оксил уложил исцеленного юношу на толстый ковер из листьев, встал и заговорил. Теперь он обращался к Илону:

— Это железо — ваше. Забери его и унеси из наших земель, чтобы больше никто не попал в такую западню.

Когда Илон потянулся к топору, Твилла схватила его за рукав.

— Нет! — Она посмотрела на Оксила. — Если топор отравлен, ты не должен требовать, чтобы этот человек его брал!

— Для людей вашей расы это не яд. Вы умеете обращаться с железом, и оно не причиняет вам вреда. Но для нас железо —

это верная и мучительная смерть. Лотис потребовала сохранить жизнь этому человеку — и теперь он может оказать нам услугу, если заберет и унесет подальше смертоносное железо.

— Да. — Это подала голос Лотис. Лесная красавица стояла чуть в стороне, и Твилла ее не видела. А на то, чтобы обернуться, у целительницы уже не осталось сил. — Возьми это железо, раб, и унеси его из нашего леса! А одаренная силой Луны пусть позаботится о себе самой. Она и так уже хорошо потрудилась... — В голосе Лотис явственно чувствовались злость и досада.

— Позволь мне... — Оксил подошел к Твилле и Илону, стал на колени и поддержал ослабевшую девушку. Твилла почувствовала, что Илон отошел. Она собралась с силами и, опираясь на плечо лесного лорда, сумела подняться на колени — чтобы видеть, что делает Илон. Слепой стоял, вытянув руки перед собой. Дерево, под которым валялся топор, находилось справа от Илона, но тот, ступая медленно и неуверенно, двинулся прямо.

— Поверни направо! — Твилла страшно разозлилась, и гнев придал ей сил. Девушка оперлась на плечо Оксила и, пошатываясь, поднялась на ноги. — Он же не видит! — Она ударила слабым кулачком по руке лесного лорда. — Разрази вас Пагорн, он же ничего не видит!

— Ничего, справится. — Лотис скользнула к Илону и встала у него за спиной. Она подтолкнула слепого в нужном направлении, и, пройдя пару шагов, Илон наткнулся на дерево с зарубкой. Ведя руками вдоль ствола, он наклонился и вскоре нащупал лезвие топора. Но когда слепой лорд поднялся, он держал в руках кое-что еще — темный кинжал с украшенной зелеными камнями рукоятью. Клинок кинжала был сломан пополам.

Лотис снова подтолкнула его и приказала:

— Унеси это отсюда! Унеси железо из наших владений!

Твилла отстранилась от Оксила и, повернувшись к лесному лорду лицом, гневно сказала:

— Он не видит — и служит вам. Как вы можете такое позволить?!

Оксил странно взглянул на нее — так, словно ему стало стыдно, и приказал:

— Вестел, проводи его до края леса. Проследи, чтобы он шел по тропинкам.

Мужчина, который привел их сюда, поспешно подошел к слепому, а Лотис подскочила к Оксилу и Твилле и крикнула:

— Он — мой! Я зачаровала его — согласно нашим обычаям. Ты ведь не станешь оспаривать обычаи предков, Оксил? Оставь мне моего раба, или тебе самому придется нарушить Пять Законов!

— Но ведь он служил бы тебе еще лучше, если бы ты вернула ему зрение — разве нет? — сказала Твилла.

Прекрасное лицо Лотис исказилось от ярости.

— А ты вообще не вмешивайся, безобразная потаскуха! Что я делаю со своей собственностью — это не твоя забота! К тому же... — Лотис вдруг перестала хмуриться, на ее губах заиграла коварная, злая улыбка. — Кажется, тебе теперь нечем защититься от меня!

Злая красавица вскинула руку так быстро, что Твилла едва успела заметить это движение, и в девушку полетела сверкающая стрелка, которая появилась словно из воздуха.

Зеркальце... Зеркальце лежало на земле, у ног Твиллы — мутное, потускневшее, бессильное. Если раньше Твиллу оберегало зеркальце, то теперь защититься ей было нечем.

Оксил резко оттолкнул Твиллу в сторону, с пути летящей стрелы. Девушка не удержалась на ногах и упала. Она нащупала зеркальце, схватила и прижала к груди.

— Она спасла нашего родича. — Голос лесного лорда снова был холоден как лед. — Не забывай об этом, Лотис! На нее нельзя накладывать чары!

Лотис расхохоталась:

— Ах, Оксил! Выходит, ты прельстился этой уродиной со свиным рылом вместо лица? Что за извращенный вкус! Ну, раз уж ты заявил на нее свои права — пусть эта грязная шлюха тебе послужит...

— Ты кое о чем забыла, Лотис, — возразил Оксил. — Это мы все перед ней в долгу! Фанна жив только потому, что она исцелила его своей силой. Помни об этом, Лотис.

— Тьфу! — Злая красавица резко развернулась, так что все складки ее широкой юбки взметнулись вверх. Твилла подумала, что Лотис все равно не пожелала признать своего поражения.

Почему эта красивая женщина так настроена против нее? Может быть, из-за Илона? Возможно ли, что колдовские чары, которыми злая красавица опутала Илона, на самом деле не столь прочны, как полагает сама Лотис, — вопреки всему, что говорил Оксил? Он пришел к ней... Зеркальце повернулось в ладони Твиллы, когда она поправляла шнурок, чтобы снова спрятать диск под одеждой.

Илон пришел к ней и поддержал ее силой своего тела, когда она сражалась со смертью ради юного Фанны. И сделал он это уж точно не по приказу Лотис.

Послышались негромкие голоса — настоящие голоса, а не иллюзия, порожденная шелестом листвы на ветру. Твилла огляделась. Вокруг нее собрался лесной народ — те самые люди, которые сидели за столом в пиршественном зале. Женщина в серебристых одеждах, которые оттенком напоминали тронутый инеем лес, с украшениями из прозрачного хрусталя, стояла на коленях возле лежащего без сознания юноши, обняв его за плечи и прижав его голову к своей груди.

Женщина пела — таким низким голосом, что Твилла улавливала только переливы мелодии, а слов различить не могла. Она пела и раскачивалась из стороны в сторону, словно баюкая на руках спящего ребенка.

Оксил подошел к дереву с зарубкой, наклонился и поднял с земли сломанный кинжал.

— Мальчишка сам навлек на себя опасность. Он попытался совладать с железом при помощи вот этого... И дорого заплатился за свою глупость, поэтому не стоит попрекать его этим. — Лесной лорд обернулся к женщине, баюкавшей юного Фанну. — Масселина пробудит парня, и мы узнаем, действительно ли отравы не оставила на нем следа. Ей кажется, что все в порядке, а кому это лучше знать, как не матери?

Женщина кивнула и запела громче. Ритм песни тоже немного переменялся, мелодия стала более живой и энергичной. Ресницы юноши затрепетали, он широко открыл глаза и удивленно уставился на склонившуюся над ним женщину.

— Мама?.. — недоверчиво спросил он. Потом вдруг поднял руки и со страхом посмотрел на них. — Я попался в ловушку... Дерево кричало от боли... Я хотел помочь... Но... Я все еще жив?!

— Ты все еще жив — но только потому, что дочь Луны вывела смертельный яд из твоего тела, — веско сказала женщина.

Фанна весь сжался и с изумлением посмотрел на Твиллу, которая все еще сидела на земле, крепко сжимая в руке зеркальце.

— Это... Это что-то неслыханное... — сказал юноша и прижался к матери. — Дочь Луны, я теперь твой кровный должник. Могучи же силы, которыми ты владеешь, и благородны твои поступки.

Твилла медленно кивнула и сказала в ответ:

— Я сделала то, что должна была сделать. Я — целительница, и мой долг — помогать всем страждущим.

Откуда-то слева послышался треск кустарника, и все посмотрели туда. Это возвращался Илон. Слепой лорд, как всегда, шел нетвердой, осторожной походкой. Вестел шагал рядом с ним. Лотис сразу вышла вперед, навстречу Илону. И странное дело — хотя взгляд Илона по-прежнему оставался застывшим и неподвижным, он, казалось, посмотрел мимо Лотис на лесного лорда, стоявшего возле дерева, — так, словно мог его видеть.

Тут вперед выступил еще один лесной обитатель и сказал:

— Но кто же ранил железом нашего зеленого брата? Рана совсем свежая. Вы не встретили их в лесу?

— Я нашел только следы их повозки, — ответил Вестел.

— Эту границу охраняешь ты, Вестел, — сказал лорд Оксил. — Какого стража ты здесь поставил?

— Разносчика... — Вестел щелкнул пальцами — точно так же, как делала Лотис, подзывая Илона. Но существо, которое явилось на его зов из туманного вихря, могло привидеться только в самом страшном ночном кошмаре.

Жуткое создание стояло на полусогнутых лапах, но даже так оно было выше любого из мужчин лесного народа. На широких плечах, покрытых косматой шерстью, сидела приплюснутая голова с ужасной мордой вместо лица. Длинные передние лапы угрожающе двигались, готовые в любое мгновение схватить жертву. У чудовища было мощное, похожее на толстый обрубок туловище и массивные ноги, которыми оно могло раздавить любого врага. Злобные маленькие глазки под тяжелыми бровями светились красным.

Из полуоткрытой пасти торчали огромные зеленовато-желтые клыки, с которых стекала вязкая слюна. Чудовище повело носом и издало низкий утробный рев.

Вестел еще раз щелкнул пальцами, и кошмарное порождение адской бездны мгновенно исчезло. Поначалу Твилла решила, что это всего лишь иллюзия, но потом задумалась. Разве иллюзия оставила бы после себя такой стойкий неприятный запах? Как бы то ни было, едва завидев такую кошмарную тварь, любой житель равнины сразу же сломя голову бросится наутек — если только не замрет на месте, окаменев от страха.

— Действенно, — признал лорд Оксил. — Но захватчики все-таки успели нанести удар. Значит, твоя защита действует медленно, Вестел. Слишком медленно.

— Да, — согласился тот. — Слишком медленно. Нужно, чтобы они это увидели...

— Поработай над этим, — велел Оксил.

Прежде чем Твилла смогла пошевелиться, лесной лорд схватил ее за руку, и вокруг них сразу же взметнулась вихрем туманная дымка.

Через миг они снова оказались в обеденном зале. Стол по-прежнему ломился от вкуснейших лакомств, но сейчас Твилле хотелось только одного — отдохнуть. Хорошенько отдохнуть, если удастся — поспать... И, может быть, хоть на время забыть о том, что зеркальце, за которое она все еще так отчаянно цеплялась, теперь мертво. Вся волшебная сила покинула маленький светлый диск, и Твилла осталась совсем беззащитной среди чужого мира лесных обитателей, которых она не понимала и могла бы бояться, если бы позволила себе это.

Они, наверное, беспокоились о ее состоянии — потому что к девушке подошла Карла, обняла ее за плечи и увела из зала. Они снова прошли по изукрашенным драгоценными мозаиками коридорам — в комнату с кроватью в форме полностью раскрывшегося цветка лилии, сделанной из какого-то незнакомого материала с отливами перламутра. Еле передвигая ноги, Твилла добралась до кровати и легла. Лепестки лилии как будто немного закрылись, словно защищая смертельно уставшую девушку.

Твилле приснилось, что она снова в доме ведуньи Халди, где так много всяких чудес. Девушка как будто сидела на своем высоком стуле и терпеливо полировала зеркальце. Кот Дымок

следил за ее работой, щуря огромные сияющие глаза. Пальцы Твиллы непрерывно двигались, она тихонько напевала:

— Вверх и вниз, туда-сюда,
Где солнце, воздух и вода!
Сила выйдет на твой зов
Изнутри, сквозь плоть и кровь!

Но когда девушка взглянула на свою работу, то увидела только мутный и тусклый, похожий на блюдце металлический кружок. Безжизненный и холодный диск не отзывался на ее песенку-заклинание.

Твилла испугалась и позвала Халди. Но ей никто не ответил. Дымок лениво зевнул, будто его совершенно не интересовало то, что случилось с Твиллой.

Девушка снова начала натирать зеркальце — сперва торопливо, со всей быстротой, на которую были способны ее руки... Но потом вспомнила, как Халди часто повторяла: «Поспешешь — только все испортишь!» Тогда девушка постаралась успокоиться и снова стала поглаживать зеркальце медленно, не сбиваясь с привычного неспешного ритма песенки-заклинания.

Откуда-то в Твилле появилась уверенность, что потускневшее зеркальце умерло не совсем. Это она была во всем виновата, а никак не зеркальце, в котором юная ведунья сосредоточила свою силу. Она потребовала от зеркальца слишком многого — и преступила границы дозволенного, попыталась сделать то, чего как следует не знала. Наступит ли день, когда заветное зеркальце снова откликнется на ее зов?

— Вверх и вниз, туда-сюда... — Сердце у Твиллы сжалось от страха и забилось чаще. Нет, она должна взять себя в руки, должна успокоиться. Полировать зеркальце нужно неспешно и размеренно...

— Халди! — позвала девушка, как всегда, когда ей нужно было спросить совета у наставницы.

Ей никто не ответил. Дымок еще раз сладко зевнул и посмотрел на Твиллу в упор, словно упрекая.

Нет, в зеркальце заложено только ее собственное волшебство. С тех пор как ведунья Халди подарила своей ученице этот светлый диск, только сама Твилла могла что-то сделать с зер-

кальцем. И девушка снова принялась медленно и размеренно водить пальцами по глади зеркала. Она полировала его, хотя пальцы жгло, словно огнем, — ведь на них теперь не было защитных колпачков. Но Твилла упорно делала то, что должна была делать...

Делать? Но она ничего больше не могла сделать. Вокруг Твиллы сомкнулась тьма, подобно тому как вокруг людей леса смыкается плотная завеса тумана. Твилла перестала что-либо слышать, видеть и чувствовать... А потом полностью погрузилась в непроглядный мрак.

12

ОНА НЕ ВЕРНУЛАСЬ в спокойный и безопасный мир Халди. А тьма вокруг сгустилась, словно подпитываясь силой от лесных туманов. Твилла чувствовала в глубине этой тьмы чью-то злую, враждебную волю. Девушка больше не ощущала зеркальца в руке, она не ощущала даже собственного тела — нечто страшное угрожало сейчас ее внутренней сути.

Из глубин угрожающего мрака к ней подкрадывалось нечто столь же ужасное, как та иллюзия, которая охраняла лес от незваных гостей. Луна... Зеркальце... Твилла всеми силами души стремилась дотянуться до них. Тьма стала еще плотнее, навалилась на Твиллу сначала с одной стороны, потом с другой. Но несмотря на всю свою яростную мощь, тьма все равно не смогла ее одолеть.

Ценой величайших усилий Твилле удалось дотянуться до своего тела, которое словно куда-то удалилось от нее. Рука... Девушка как наяву представила свою руку — пальцы, ладонь, запястье, предплечье — всю руку... Она вернулась... Она снова оказалась внутри собственного тела!

Твилла открыла глаза и увидела над собой жемчужные лепестки изумительной красоты. Девушка несколько раз моргнула — но видение не исчезло. Постепенно Твилла припомнила, что это такое и где она находится. Она села в кровати-цветке и оглядела комнату. Пол покрывал толстый и мягкий зеленый ковер — наверное, это был мох. Стены комнаты являли собой сплетенные кружевные листья гигантских папоротников.

Девушка стиснула край легкого одеяла, которым укрывалась во время сна, и вздрогнула от внезапной боли в пальцах. Она посмотрела на свои руки... Кончики пальцев были совсем стертые, кожа покраснела и вздулась, кое-где запеклись капельки крови.

На коленях лежало что-то тяжелое. Зеркальце! И оно больше не было тусклым и мертвым! Но и не сияло чистым и ясным серебром, как прежде. Вместо этого гладкая поверхность зеркала отливала красноватым медным блеском — словно серебро маленького диска смешалось с кровью Твиллы и от этого приобрело такой медный оттенок.

Твилла насторожилась, заметив это изменение, и сперва даже побоялась прикоснуться к зеркалу. Когда же она отважилась дотронуться, то почувствовала, что в нем снова бьется жизнь — только это биение теперь стало другим, более тяжелым и мощным.

Девушка подняла зеркальце повыше и взглянула на свое лицо... Только разве это было ее лицо? Скорее, личина, которую она себе сотворила... Сотворила, а теперь даже не знала, сможет ли ее сбросить.

Отражение в зеркальце было неясным, словно подернутым легкой пеленой. Твилла привычным движением протерла зеркальце и едва не вскрикнула от боли в израненных пальцах.

Там, где она провела пальцами по зеркалу, остались кровавые следы — но кровь мгновенно впиталась в поверхность, и медное сияние стало еще ярче. Живая кровь — могучий источник волшебной силы, и применять ее нужно очень бережно. Тьма подпитывается от крови и вечно ее жаждет. Неужели Твилла оступилась и свернула на Левый Путь, от чего ее так часто предостерегала мудрая Халди? Даже если кровь была ее собственная, а не от какого-нибудь жертвоприношения...

Твилла вздрогнула и спрятала зеркальце на груди, потом выбралась из кровати-цветка. Девушка чувствовала себя такой уставшей, словно ей пришлось пешком прошагать всю дорогу через горы. Когда она встала, ей пришлось опереться на кровать. Твилле страшно хотелось есть и пить — желудок свело от голода, а в горле так пересохло, как будто у нее во рту несколько дней не было ни капли воды.

Лесные обитатели словно догадывались, в каком состоянии она проснется, потому что на небольшом столике неподалеку от кровати Твилла увидела заранее приготовленный кубок, по форме повторяющий очертания того же перламутрово-белого цветка, что и кровать. А рядом с кубком на столике стояло блюдо из лепестков — наверное, вырезанное из кристаллов изумруда.

Нетвердо держась на ногах, Твилла кое-как доковыляла до столика и тяжело рухнула на стоявший возле него стул. Дрожащей от слабости рукой девушка потянулась за кубком. Но не смогла поднести его к губам, не расплескав, — пришлось ухватиться за кубок обеими руками.

Это был тот самый освежающий напиток, который подавали за обедом. Сейчас он показался Твилле еще вкуснее, и сил от него заметно прибавилось. Девушка выпила все до капли. Она так жадно припала к живительной влаге, что немного жидкости пролилось на руки и струйкой стекло по подбородку. Едва напиток проник к ней в горло, Твилла сразу почувствовала себя лучше. Силы постепенно возвращались к девушке. Наверное, этот напиток был одним из самых могучих укрепляющих средств из арсенала здешних целителей.

Даже расплескав на себя половину содержимого кубка, Твилла вполне смогла сидеть ровно, и руки ее перестали трястись от слабости. Она взяла с блюда пирожное, хрустящее и ароматное. Пирожное оказалось таким вкусным, что Твилла сразу же жадно набросилась на еду и не остановилась, пока не съела все, что было на блюде.

Позавтракав, Твилла снова почувствовала себя свежей и полной сил. Она осталась сидеть возле столика и с интересом огляделась по сторонам. В папоротниковых стенах комнаты не было ни окон, ни дверей. Каким бы прекрасным ни было это место, оно могло оказаться такой же надежной тюрьмой, как и сырая каменная камера в подземелье крепости.

Твилла постаралась хорошенько, во всех подробностях припомнить все, что с ней происходило с тех пор, как они с Илоном сбежали из поселения захватчиков. Несмотря ни на что, лесной лорд Оксил назвал ее спасительницей их сородича...

Лотис!..

Воспоминание вспыхнуло, словно молния, — и в этот самый миг часть стены из папоротника сдвинулась в сторону. Однако в открывшемся проходе стояла не Лотис, а Карла.

— Ты снова стала сама собой, дочь Луны, — сказала лесная леди. Это был не вопрос, а утверждение — Карла явно знала, что говорила.

Твилла уже собралась согласно кивнуть, но потом вспомнила о зеркальце. Юная ведунья не знала, какими силами обладает эта женщина, и не хотела притворяться, будто способна на большее, чем может на самом деле, — впоследствии это могло навлечь на нее новые опасности.

— Телесные силы ко мне вернулись.

Карла подошла к девушке.

— Живительные соки леса всегда помогают тем, кто их пьет, — сказала Карла, указывая на кубок-лилию. — Но человек — это не только тело... Дочь Луны...

— Луна! — вдруг вспомнила Твилла. — Вы, живущие в тени деревьев, следите за переменами Луны? Какая сейчас Луна — растет она, идет на убыль или сияет во всей полноте своего великолепия?

— Луна вот-вот пойдет на убыль. Мы чувствуем силу ночного светила. Если хочешь взглянуть — пойдем...

Твилла сразу же вскочила. Но на этот раз они не пошли по коридорам, а снова переместились странным способом, принятым у лесного народа, — внутри туманного вихря.

Когда пелена тумана развеялась, они с Карлой оказались в месте, совсем не похожем на ту роскошную спальню, в которой Твилла отдыхала. Стены этой комнаты были высечены из камня, в центре находился бассейн. Потолка не было — подняв голову, Твилла увидела иссиня-черное ночное небо. А в спокойной глади бассейна отражался сияющий диск полной Луны во всем ее великолепии. Луна была видна так ясно и отчетливо! Отраженная в этом бассейне, она словно приблизилась к Земле. Твилла легко смогла рассмотреть все неровности на ее поверхности, все пятна с причудливыми очертаниями...

Девушка потянулась за своим зеркальцем. Не было смысла его скрывать — после того как она использовала его силу, чтобы спасти жизнь Фанне. Отливающая зловещим медным блеском поверхность зеркальца при лунном свете казалась грязной, ис-

порченной. Твилла присела у бассейна и поднесла зеркальце к свету Луны, отражавшейся в воде.

Что делать дальше — она не знала. Оставалось пробовать наугад — может быть, все-таки удастся разобраться в том, чего она не понимала? Девушка повернула потемневшее, бронзовое от крови зеркальце так, чтобы в нем отразилась сияющая полная Луна. Твилла немного удивилась, когда само зеркальце не затенило отражение Луны в бассейне. Теперь нужно было что-нибудь спеть... Но какая песенка сможет передать потускневшему зеркальцу светлую чистоту и силу отражения Луны?

— Свет серебра
Снова верни.
Силой добра
Кровь убери...

Детский стишок, простенькие слова... Но лучшей песенки-заклинания Твилла придумать не могла.

Она не стала гладить по зеркальцу израненными пальцами — ведь для этого ей пришлось бы приподнять зеркальце над водой. Вместо этого Твилла начала водить зеркальцем по кругу — сперва справа налево, потом наоборот, слева направо, снова и снова.

Девушка все силы души вкладывала в то, что ей нужно было сделать. Она не смела смотреть на гладь зеркала — наоборот, все ее внимание сосредоточилось на бассейне.

Внезапно Твилла ощутила странное покалывание в пальцах. И... Рядом с ней в воздухе раздалось негромкое жужжание — похожий звук издает быстро крутящееся колесо.

Только теперь Твилла осмелилась взглянуть на свое зеркальце. Красноватый отлив исчез. Зеркальце снова сияло чистым серебром. Может быть, Луна в бассейне вытянула из зеркальца весь яд — точно так же, как само зеркальце вытянуло смертельную отраву из юного Фанны? Твилла не знала. Ах, как же мало она знала!

Вскрикнув от радости, девушка крепко прижала заветное зеркальце к груди.

— Оно исцелилось!
Лесная леди кивнула:

— Разве ты — не целительница? Почему же ты сомневалась, что у тебя получится то, что ты должна была сделать?

— Ты помогла мне... — Твилла поднялась с колен и повернулась к Карле. — В тебе тоже есть сила — как у Халди... Я знаю! Карла улыбнулась:

— У каждого свой дар, дочь Луны. Наши способности связаны с лесом, и от леса мы берем свою силу. Твоя сила происходит из другого источника. В мире есть и злые силы, они подступают к нашим землям — и люди твоей крови немало способствуют этому. Хотя твои сородичи даже не представляют себе, сколько вреда могут причинить...

— Посредством железа? — перебила ее Твилла.

— Да, но не только. Мы можем лишь наблюдать и ждать.

Вокруг Карлы и Твиллы снова за клубился туман и унес их из комнаты с лунным бассейном. Когда туман рассеялся, они оказались в коридоре — самом обыкновенном, без драгоценных мозаик и причудливых статуй в нишах. Пока женщины шли по коридору, им попались на пути три двери, все в чем-то схожие. На них не было никаких замков или задвижек, но и как они открываются — тоже было непонятно. На дверях лежал толстый слой пыли, из-под которого проступали выложенные в виде красно-черной мозаики символы — странные и почему-то пугающие.

Наверное, Карла заметила исполненные любопытства взгляды Твиллы. Когда они прошли мимо дверей, лесная леди сказала:

— Время сплетается, словно кольца змеи. Все когда-нибудь повторяется. Наш народ уже встречался со страшной опасностью... Но тогда нам угрожали не чужаки из-за гор — беда пришла из наших собственных владений. Мы одержали победу, но дорого за нее заплатили. То, что ты видела, поставлено здесь, чтобы всегда напоминать нам и об этой победе, и о тяжелых потерях. Потому что ни в какой войне не может быть полной победы.

Больше Карла ничего не сказала — ей явно неприятно было об этом вспоминать. Они повернули направо и попали в другой коридор, а оттуда с помощью еще одного туманного вихря перенеслись в сверкающие ослепительной роскошью жилые помещения, где обитали лесные люди.

Пройдя по богато изукрашенным коридорам, Твилла с Карлой вышли из дворца в сад с деревьями и цветами из драгоценных камней, в котором порхали крошечные существа с радужными крыльями. Несколько крылатых созданий сразу же полетели и закружились вокруг них. Твилла различила очень тихий, почти неслышный щебет тоненьких голосов. Хотя эти существа и выглядели совсем как люди — если не считать крыльев, — Твилла понимала, что они принадлежат к иной расе.

Поддавшись внезапному порыву, девушка протянула руку, и одно из этих чудесных созданий — вернее, не «оно», а «она» — присело ей на ладонь. Крошечное тельце почти ничего не весило. Твилла сложила ладонь лодочкой, но, конечно же, даже не пыталась схватить волшебное создание. Крылатая женщина-эльф протянула руку, дотронулась до стертого в кровь кончика пальца Твиллы и покачала головой, словно жалея девушку. А потом взмахнула радужными крыльями и куда-то упорхнула. Еще две ее подруги умчались за ней следом.

На полянке в саду сидели на подушках несколько лесных фей. Одна из них держала на коленях раскрытую книгу и читала вслух остальным, которые были заняты своим делом. Перед каждой стояла ступка из какого-то зеленоватого камня. Женщины толкли в ступках семена, которые брали в строгой последовательности из нескольких чаш, расставленных так, чтобы всем удобно было дотягиваться. Заметив Карлу и Твиллу, женщины замахали руками, приглашая их к себе. Карла направилась туда, Твилла пошла за ней, хотя и несколько неуверенно. Девушка все еще чувствовала себя неуютно в присутствии лесных людей. Правда, никто из них, кроме Лотис, пока не проявлял по отношению к целительнице никакой враждебности. Но Твилла не забывала, что лесной народ ненавидит ее сородичей. Девушке почему-то с трудом верилось, что эти женщины будут рады видеть ее в своем кругу.

Карла опустилась на подушки рядом с той женщиной, которая читала книгу, и жестом подозвала Твиллу. Но девушка все равно не стала подсаживаться слишком близко и устроилась за пределами тесного кружка работниц. Как только Твилла уселась, вокруг нее снова закружились крошечные создания с радужными крыльями. Твилла почему-то была уверена, что это та же самая троица, так поспешно улетевшая недавно. Каждая

из эльфиек держала в руках несколько продолговатых листьев размером чуть ли не с саму крылатую крошку. Твилла уловила знакомый запах ядушника. Это растение обладало чудодейственной целебной силой и помогало при множестве болезней. Донельзя удивившись, девушка положила руки на колени, ладонями вверх. Эльфийки тотчас же опустились пониже и, размяв листья своими тоненькими ручками, приложили пустившую сок кашицу к израненным пальцам Твиллы.

Твилла почувствовала великую целебную силу ядушника почти сразу. Это растение встречалось настолько редко, что у Халди было всего несколько ломких кусочков засушенных листьев ядушника, которые старая ведунья ценила превыше всех своих лечебных снадобий. А эти листья были совсем свежие... Может быть, здесь найдутся и другие целебные травы... Сумка с лекарскими снадобьями, о потере которой Твилла так горевала... Без запаса целебных снадобий девушка чувствовала себя очень неловко, как будто у нее не хватало какой-нибудь части тела. Возможно, здесь она сумеет собрать себе новую сумку с лекарствами...

Крылатая целительница взяла размятые листья ядушника у своих подружек и аккуратно обернула ими все пальцы девушки. Твилла осторожно подняла другую, здоровую руку и протянула указательный палец к крылатому созданию. Эльфийка как раз приладила на место последний листок и стряхнула крошки на колени Твиллы.

— Благодарю тебя от всего сердца, маленькая целительница, — негромко сказала девушка, догадавшись, что обычная речь покажется этим крошечным созданиям оглушительным ревом.

Эльфийка посмотрела на нее и коротко кивнула, этим быстрым движением почему-то сразу напомнив Твилле ведунью Халди. Губы ее зашевелились, и Твилла уловила руладу очень высоких звуков. Но расслышать, что ответила летунья, девушка не смогла. Потом крошечное создание прикоснулось теплой ладонью к вытянутому пальцу Твиллы и упорхнуло прочь.

Только сейчас девушка заметила, что лесные чародейки на время оставили свою работу и все, как одна, смотрели на нее, негромко переговариваясь между собой. Карла сказала так, чтобы Твилла услышала:

— Феи желают тебе всего доброго.

Твилла стяхнула целебные листья и внимательно осмотрела свою руку. Тупая боль и жжение в израненных пальцах исчезли.

— Я в долгу перед ними, — медленно проговорила девушка. — Они вылечили меня ядушником... Это очень редкое растение, его так трудно отыскать. У меня на родине листья ядушника — драгоценное сокровище. Я потеряла свою лекарскую сумку, и вместе с ней пропали все снадобья, необходимые в целительском искусстве. Скажите, можно ли найти здесь и другие целебные травы? Изгоняющие лихорадку, дарующие сон, подкрепляющие силы?

— У тебя есть иное средство, чтобы исцелять. — Карла указала на зеркальце, висевшее у Твиллы на груди. — Зачем тебе еще и листья, травы, корни и все такое?

— Я хотела бы использовать снадобья, к которым привыкла, пока не узнаю побольше о другом, — честно призналась девушка. — Болезни вашего народа тоже можно лечить вот так? — Она протянула раскрытую ладонь и показала, что кожа на пальцах снова стала чистой и здоровой. Листья ядушника не только уняли боль, они полностью исцелили ее раны.

— Да, у нас тоже есть целебные снадобья наподобие твоих травяных лекарств, дочь Луны. — Карла повернулась к женщине с книгой. — Дарсия, ты, наверное, знаешь об этом больше всех нас.

Дарсия окинула Твиллу спокойным взглядом. Ее прекрасное лицо с совершенными, точеными чертами не выражало ни враждебности, ни дружеской приязни.

— У меня было достаточно времени, чтобы узнать, — сказала она.

Сидевшие кружком женщины засуетились. Они отставили ступки, теперь у них в руках появились веретена — женщины собирались прясть нитки из пушистой кудели, которая не имела какого-либо определенного цвета и, словно вода в лесном ручье, переливалась всеми цветами радуги.

— Как идет охота? — неожиданно спросила одна из женщин, ловко накручивая тончайшую радужную нить на веретено.

Дарсия раскрыла лежащую на коленях книгу, прижала к страницам ладонь и закрыла глаза. Ее губы зашевелились, но Твилла не услышала ни звука — Дарсия как будто читала, но

каким-то странным способом. Твилла не могла понять, что происходит.

Вскоре Дарсия открыла глаза. Ее прекрасное лицо немного омрачилось.

— Землекопы пришли к реке, — сообщила она. — Там наши чары бессильны их удержать. Но я не понимаю, что они делают... Они заходят в воду, набирают песок и камни в мелкие сита и трясут из стороны в сторону...

— Что они делают, дочь Луны? — спросила Карла у Твиллы, и снова внимание всех женщин обратилось на юную целительницу.

Насколько Твилла поняла, Дарсия каким-то необычным способом увидела новую угрозу вторжения со стороны людей из крепости. Однако... Они набирают речной песок, промывают его в ситах... По крайней мере, деревьям это ничем не угрожает. Но что же такое они делают?

— Боюсь, я ничего не смогу об этом рассказать... Я тоже не понимаю, чем они занимаются... — начала было Твилла, но вдруг замолчала. В прошлом году они с Халди побывали в горах к северу от Варслаада — собирали там целебные травы. И там они видели мужчин и женщин в грубой и грязной шахтерской одежде... Но эти люди не копали землю, как шахтеры. Они сидели на корточках вдоль маленького ручья, сбегаящего с гор.

— Они моют золото! — Твилла была не совсем уверена, что правильно вспомнила слово, но по смыслу это было очень близко к тому, что ей сказала Халди о тех странных людях. — Воды реки приносят много разных частичек, вымытых из тех мест, куда люди не могут добраться. Самые тяжелые частички — камни и тому подобное — оседают на дно... — Твилла старательно припоминала, что ей тогда рассказывала Халди. — И в некоторых реках и ручьях есть неровные места, где такие катящиеся по дну частички собираются и накапливаются. Если хорошенько порыться в речном песке и отсеять более легкие камешки, то можно найти кусочки золота — даже большие самородки.

— Золото! — Карла погладила пальцем по золотому браслету, украшавшему ее запястье. — Значит, эти пришельцы из-за гор, которые так любят копаться в грязи, жадны до золота?

— Очень жадны, — кивнула Твилла. — Золото ценится очень высоко. Король объявил все добытое в реках золото собственностью короны, но тем, кто его добывает, тоже достается какая-то часть — поэтому они и стараются найти побольше...

— А иллюзии не смогут пересечь текущую воду, — резко сказала Дарсия. — Стражи следят за захватчиками, но как можно поставить преграду через реку? Этим должен заняться Совет, а может, и всеобщее собрание. Дочь Луны, мне кажется, что жадность твоего народа не знает пределов. Они вторглись бы в лес, если бы могли, — и вот теперь они пытаются завладеть нашими землями по-другому.

— Я родилась в Варслааде, — спокойно ответила Твилла. — Но я была ученицей ведуньи, и мне тоже не нравится то, что происходит здесь, по эту сторону гор. Но боюсь, что очень многие люди думают так же, как я...

— Мы не желаем, чтобы захватчики из-за гор тревожили наш покой и притесняли нас! — гневно сказала Дарсия и резко захлопнула свою книгу.

Больше Дарсия ничего не сказала, но Твилла забеспокоилась, как бы из-за этой короткой перепалки лесные чародейки не решили, что она заодно с фермерами с равнины.

На мосту перед дворцом показался лорд Оксил. Он двигался так поспешно, что все женщины сразу же повернулись к нему. Оксил подошел к Дарсии, которая сидела с книгой на коленях, и сказал:

— Я чувствую затенение. Дарсия — где это, и что случилось?

13

ДАРСИЯ ПРОВЕЛА ПАЛЬЦАМИ по обрезу закрытой книги и, вероятно, нащупала там какую-то метку — потом она раскрыла книгу и снова замерла, закрыв глаза и прижав страницы ладонью.

— Чары... — сказала Дарсия.

— Кто это делает и зачем? — спросил лесной лорд.

— Лотис. Но она поставила защитную преграду, я не могу сквозь нее пробиться.

— Рядом с ней есть кто-нибудь из чужаков? — быстро спросил Оксил.

На этот раз Дарсия ответила не сразу:

— Скорее всего, нет... Я не чувствую возле нее никого постороннего.

— Где она? — снова спросил Оксил.

— Вдалеке — ясень, раскидистый дуб, три сосны... — Дарсия не открывала глаз, она считывала это со страниц, прикрытых ее рукой.

Лесной лорд поднял голову и посмотрел куда-то вдаль.

— Это пограничные земли... — медленно сказал он. — Неужели ее пленник снова вырвался на свободу? Что ж, посмотрим...

Оксил двумя быстрыми шагами подошел к Твилле:

— Вы с ним — одной крови... Если Лотис снова вознамерилась сыграть дурную шутку с сыном лорда, может быть, ты сумеешь понять, что именно она задумала.

По безмолвному повелению лесного лорда их обоих окутало облако тумана.

И они снова оказались в лесу — в том лесу, который существовал в родном мире и времени Твиллы. Они стояли у самой кромки леса. Деревья здесь росли не так густо, не грозной сплошной стеной. За редкой завесой кустарника перед Твиллой открывалась равнина.

Девушка успела настолько привыкнуть к приглушенному, неяркому свету в истинном лесу и в потаенных землях внутри леса, что ясное полуденное солнце на миг ослепило ее.

Илона определенно нигде не было видно, и если Лотис и находилась где-то поблизости, то она хорошо спряталась. Однако по равнине кто-то двигался.

Высокая трава колыхалась, отмечая путь того, кто там шел. Это была маленькая девочка, вся в веснушках, с рыжими волосами, заплетенными в косу. Девочка сосредоточенно смотрела вперед, явно выискивая что-то очень важное для нее.

Но вот девочка наклонилась, потом снова выпрямилась. Лицо ребенка сияло от радости и восторга. В руках у девочки был чудесный ярко-красный цветок. В солнечных лучах цветок сверкал, как драгоценный камень. Девочка радостно рассмеялась и крепко прижала к себе восхитительную находку, а потом

подошла еще на пару шагов ближе к лесу и снова вынула из высокой травы такой же чудесный цветок — только на этот раз не красный, а золотистый.

Когда девочка сорвала третий цветок, Твилла заметила, что ребенок постепенно подходит все ближе и ближе к границе леса, и поняла, что это — хитроумная ловушка! Коварная Лотис раскинула сети и заманивает ребенка в лес!

— Останови ее! — Девушка схватила лесного лорда за рукав.

— Я не могу. — Его глаза яростно сверкнули. — Лотис сотворила заклятие, и только она сможет его развеять. Как и те чары, что поразили твоего молодого спутника, это заклятие может снять только сама Лотис. Таков закон, установленный давным-давно, но он и по сей день имеет силу...

Девочка нашла еще один цветок и раздвинула кусты в поисках следующего. Она уже вступила в тень, которую отбрасывали деревья.

Между деревьями взметнулась туманная дымка и двинулась к девочке. Под солнечными лучами туман сверкал и переливался, словно состоял из множества маленьких искрящихся пылинок. Сияющее облако подплыло к девочке, которая как раз нагнулась за очередным цветком, обволокло ее с головы до ног и пропало.

Лотис все еще не показывалась, хотя Твилла не сомневалась, что это искрящееся туманное облако наслала именно она. Девочка как будто вовсе не заметила случившегося. Но Твилла, которая очень внимательно следила за происходящим, увидела слабое мерцание неподалеку от края леса. Девушка поняла, что это — волшебная преграда, которая не позволит девочке уйти и не впустит в лес тех, кто мог бы прийти на помощь ребенку.

Внезапно девочка остановилась и замерла. Она уже вошла в лес и теперь стала удивленно озираться по сторонам — словно только что пробудилась от какого-то сна и не понимала, как сюда попала. Ее веснушчатое личико побледнело от страха. Девочка осознала, что оказалась в лесу, куда ей строго-настрого запрещали ходить.

Лотис не посмеет зачаровать это дитя! Ослепить ее... Лишить разума... В душе Твиллы вспыхнул яростный гнев, и девушка бросилась к замершей от страха девочке:

— Малышка...

Ее голос разрушил оцепенение, охватившее испуганного ребенка. Девочка выронила цветы и повернулась к Твилле. И вдруг ее глаза расширились еще больше. Девочка в ужасе отшатнулась от целительницы.

— Нет! Нет! — пронзительно взвизгнула девочка. — Я буду хорошей... Нет!

Твилла не успела схватить девочку за руку — та стремглав бросилась бежать от нее, не разбирая дороги, прямо сквозь заросли колючего кустарника.

Взметнулась туманная дымка... Девочка нырнула в туман — и исчезла. Лотис забрала свою добычу.

Твилла повернулась к Оксилу.

— Что она сотворила с бедным ребенком?

— Связала ее чарами, заставила подчиняться своим желаниям. Похоже, сын лорда стал не слишком послушен... Лотис опасается, как бы он не взбунтовался. Вот и решила найти себе новую игрушку, более покорную ее воле.

Тогда Твилла заговорила по-другому, надеясь, что спокойный тон произведет на лесного лорда более сильное впечатление, чем любые мольбы и угрозы:

— Неужели вы не понимаете, что, заманив в западню ребенка, Лотис вызовет у поселенцев такую ярость, какой вы еще не знали? И эта ярость обрушится на ваши земли и ваш народ. Даже дикие звери дерутся до последнего вздоха, защищая своих детенышей. И может статься, что, похитив этого ребенка, Лотис навлекла на ваш народ такие ужасные несчастья, которые даже страшно представить. Отпусти меня... Скажи, где ее найти... Ребенка нужно освободить, вернуть домой... И как можно скорее.

— Да... Все, что ты сказала, — истинная правда. Однако ты ничего не знаешь о законах нашего народа, дочь Луны. До того как при полном собрании Совета будет предъявлено и рассмотрено обвинение, ни один из нас не имеет права вмешиваться в заклинания другого. Да, Лотис определенно преступила все границы здравого смысла. И ей придется ответить за свои деяния перед Советом...

— Когда? — перебила его Твилла. — Когда это будет? После того как она ослепит девочку, отнимет у нее рассудок? Я слы-

шала, вы проделываете такое с тем, кто попадает в ваши владения. Время...

— Время... — подхватил Оксил. По его лицу пробежала тень. — Время и друг нам, и недруг — и может сослужить службу как добру, так и злу...

— Если бы она не убежала...

— Она взглянула на тебя и увидела то, что и ожидала здесь увидеть, — страшное чудовище.

— Что? — Твилла уставилась на него, открыв рот, потрясенная настолько, что не находила слов.

— Неужели ты забыла о своем волшебстве, дочь Луны? Ты забыла о лице, которое себе сотворила?

— Мое лицо... — Девушка провела ладонью по щеке. Да... Выглядела она омерзительно... Она ведь специально старалась сотворить себе такую личину, чтобы любой отшатнулся с отвращением! Наверное, девочка действительно ее испугалась...

Твилла медленно вынула зеркальце и посмотрела на лицо, которое отражалось на сияющей глади серебристого диска. Да, она изрядно потрудилась, создавая эту гадкую маску. Конечно, это лицо не внушало безудержного ужаса, как то чудовище, что охраняло границы леса... Но даже самой Твилле теперь показалось, что ее личина не похожа на человеческое лицо. С тех пор как она сотворила себе этот облик, отвратительная маска, казалось, с каждым днем становилась все страшнее и гаже. Неудивительно, что, увидев ее, ребенок испугался и без оглядки убежал в лес.

Твилла не сомневалась, что если бы даже она сумела отыскать Лотис и потребовала отпустить девочку — лесная колдунья не преминула бы воспользоваться своей красотой, чтобы еще крепче привязать к себе зачарованного ребенка.

А между тем эта мерзкая личина уже была не нужна Твилле. Она и сама не знала, почему до сих пор продолжает носить маску. Нет, все-таки знала. В глубине души девушка опасалась, что у нее не хватит сил уничтожить так поспешно и безрассудно сотворенную личину.

Твилле очень хотелось броситься вдогонку за Лотис, но она понимала, что ничего хорошего из этого не выйдет — ведь девочка снова испугается ее.

Оксил отошел на пару шагов в сторону. Лесной лорд был мрачен, но не из-за Твиллы — его терзали невеселые мысли.

— Пойдем... — сказал он, будто неожиданно вспомнил о том, что девушка все еще рядом с ним. — Совет должен знать...

— Подожди! — остановила его Твилла. — Куда делась Лотис? — Девушка хотела знать это, потому что не собиралась оставлять беззащитного ребенка в руках жестокой красавицы.

Оксил пожал плечами:

— Она может быть где угодно. Она получила что хотела и теперь наверняка захочет испробовать, насколько новая рабыня годится для ее замыслов. Идем! — резко закончил он.

Твилла уже привыкла к завихрениям туманной дымки, которая вновь окутала их и перенесла сквозь пространство. Ей все равно ничего не оставалось, кроме как последовать за лесным лордом.

Они очутились в одном из залов дворца. После солнечного сияния на равнине здешний мягкий свет казался слишком тусклым. Оксил быстро подошел к длинному столу, за которым они обедали. Он вскинул руку — и раздался звук, похожий на шелест листвы на ветру.

«Пусть себе советуется, если больше ничего не может сделать», — подумала Твилла. Но ведь ее саму не сдерживали никакие законы лесного народа! Правда, Твилла не очень хорошо знала, каким наступательным и оборонительным арсеналом она располагает.

Девушка снова достала зеркальце и внимательно всмотрелась в его серебристую гладь. Не для того, чтобы увидеть отражение уродливой маски, — нет, Твилла хотела увидеть нечто иное. А именно — похожую на пещеру комнату с каменными стенами, в которой она наблюдала за величественной Луной. Девушка, может быть, и не могла вызвать туманный вихрь, который мгновенно перенес бы ее в нужное место, — зато она могла с помощью зеркальца определить верное направление. Серебристая гладь зеркальца замерцала, и Твилла пошла к дальнему выходу из роскошного зала. По мере того как она уходила все дальше от зала, свечение зеркальца становилось все ярче. Полностью сосредоточившись на определении верного пути, Твилла переходила из одного коридора в другой и вот уже снова оказалась в том самом ничем не украшенном пе-

реходе с тремя дверями, на которых были выложены мозаикой черно-красные символы.

Время перестало для нее существовать. Казалось, она блуждала по бесконечному лабиринту внутренних переходов дворца уже много часов, а может, и дней. Как и комнатка Халди, этот дворец внутри оказался гораздо больше, чем можно было подумать.

Зеркальце полыхнуло ослепительно ярким светом, подобным вспышке молнии. Твилла протерла глаза и увидела, что стоит в той самой лунной комнате. Но сейчас был день, а не ночь, и Луна, наверное, не отражалась в бассейне...

Но нет, девушка все же увидела Луну, подойдя к бассейну поближе. Но это был уже не тот великолепный в своем совершенстве сияющий диск — Луна пошла на ущерб. Ущербная Луна... Как раз при такой фазе Луны Твилла творила заклинание, создавая личину. Может быть, сейчас самое время попробовать от нее избавиться?

Твилла присела на колени возле бассейна. Но на этот раз она не протянула зеркальце к воде, а поднесла к своему лицу. Сбрав все силы, девушка постаралась увидеть собственное лицо сквозь уродливую маску, которая отражалась в зеркале, и уничтожить гадкую личину.

Но ничего не изменилось. Мерзкая маска по-прежнему оставалась на ее лице. Твиллу пробрала дрожь. Она действительно угодила в западню из-за своего необдуманного поступка.

Ее глаза... Они ведь совсем не такие, как эти — маленькие, с воспаленными веками и почти без ресниц... Ее нос, прямой и тонкий, совсем не похож на это распухшее безобразие, напоминающее вздернутое свиное рыло. И у нее на щеках нет никаких рубцов от оспы. Всего, что отражалось сейчас в зеркальце, на самом деле не существует!

— Время, стой, замри! Молю!
Просьбу выполни мою.
То, что было, мне верни,
Наваждение прогони!

Слова всплыли из потаенного уголка ее памяти, и Твилла пропела их так повелительно, словно отдавала приказ боевому товарищу, готовому ринуться в битву.

Вода в бассейне тихонько зажурчала, как будто отклика-
ясь на песню Твиллы. Но девушка не отрываясь смотрела в
зеркало.

— Плохим стало хорошее начало.
Луна породила — солнце спалило.
Избавьте от кары, лунные чары,
Личину прочь заберите в ночь!

Неужели отражение изменяется? У Твиллы перехватило ды-
хание, она почти всхлипнула, еще не веря своему счастью. Да,
о да!

Рябая от оспин, отвратительная, мерзкая маска пропала.
В зеркальце снова отражалось ее собственное лицо — ее глаза,
ее нос... Да, конечно, Твилла не так прекрасна, как женщины
лесного народа, но теперь ни один ребенок не убежит от нее в
страхе.

Ребенок... Лотис... Ребенок!

Твилла опустила дрожащие руки и бросила взгляд на бас-
сейн. Луны не было! Она совсем исчезла — как не бывало. На
миг у Твиллы все внутри похолодело. Ах, как же... Как же много
ей еще нужно узнать! Неужели она снова совершила поспеш-
ный, опрометчивый поступок?

Но она должна была... Ребенок...

Девушка неуклюже поднялась на ноги. Даже после того как
исцелила Фанну, юная ведунья не чувствовала себя такой утом-
ленной. Однако оставаться здесь она не могла.

Когда Твилла огляделась по сторонам, она обнаружила, что
в каменной комнате совсем нет двери. Карла привела ее сюда
посредством туманного вихря, точно так же они тогда поки-
нули комнату... Сама Твилла попала сюда каким-то странным
способом, с помощью зеркальца. А значит, зеркальце сможет и
вывести ее отсюда!

Вот с этой стороны она вошла... Наверное, где-то здесь дол-
жен быть и выход. Твилла целеустремленно направилась к ров-
ной каменной стене, направила зеркальце на то, что казалось
сплошной скалой... И прошла сквозь стену!

Она снова оказалась в коридоре и, тяжело дыша, присло-
нилась к стене. Зеркальце выскользнуло из ее руки и повисло
на шнурке, обернутом вокруг запястья. В этом коридоре стояла

еще более густая темнота, чем везде, — здесь не было серебристых туманов, как в других покоях дворца. Но Твилла хорошо помнила дорогу, которая привела ее сюда. Девушка заставила себя оттолкнуться от стены и пошла обратно.

Проблуждав какое-то время по лабиринту дворцовых переходов, Твилла поняла, что заблудилась и не знает, куда идти дальше. Она медленно подняла зеркальце и попыталась сосредоточиться. Но сколько она ни представляла себе роскошный обеденный зал — зеркальце оставалось тусклым и блеклым. Сейчас Твилла не смогла рассмотреть в нем даже собственное отражение.

Ничего не оставалось, кроме как испытать свою удачу и пойти наугад, что Твилла и сделала. Проблуждав так еще немного, девушка дошла до развилки — коридор разветвлялся на три прохода. Твилла поняла, что не сможет сделать больше ни шагу, и без сил опустилась на пол. Она села, прислонившись спиной к стене, и положила голову на согнутые колени.

Неожиданно какой-то звук вырвал девушку из дремотного состояния, в которое она погрузилась. Шаги, медленные и неуверенные! Твилла подняла голову.

Илон! Он шел один, придерживаясь рукой за стену. Застывший взгляд его невидящих глаз, которые Твилла помнила, может быть, даже слишком хорошо, был, как всегда, устремлен вдаль. Твилла с трудом поднялась на ноги:

— Илон!

Он остановился и быстро повернул голову на ее зов:

— Твилла... Твилла! — Слепой лорд отошел от стены и медленно направился к девушке, вытянув перед собой руки — так, словно тянулся к ней. Твилла поспешила схватить его за руку.

— Я здесь — хотя понятия не имею, где это — здесь... — призналась девушка и нервно рассмеялась.

— Здесь очень запутанные переходы, — сказал Илон. Слепой лорд повернулся к Твилле лицом и крепко сжал ее руку.

Теперь настал его черед смеяться — и он засмеялся, хрипло и резко.

— Лотис при случае находит им забавное применение...

— Лотис! Илон, она похитила ребенка, маленькую девочку! Завлекла ее сюда своими чарами... Оксил сказал, что ничего не может сделать. Их законы запрещают вмешиваться в чужие ча-

ры... Но неужели они не понимают, что если похитить ребенка — будет только хуже! Я уверена что девочку станут искать...

— Похитить ребенка... Да как она на такое решилась? — возмутился Илон. Это был уже не безмолвный раб, покорно исполнявший все прихоти Лотис. Илон снова стал тем мужчиной, с которым Твилла бежала из города.

— Мы должны освободить девочку! Илон, где она может быть? Оксил мне не сказал.

— Нет! — Илон до боли стиснул запястье девушки. — Лотис подчинит тебя — она владеет силой... Она очень могущественна — настолько, что даже ее соплеменники об этом не догадываются.

— Илон, у меня тоже есть сила. — Твилла говорила спокойно и отчетливо, стараясь донести до него смысл сказанного. — Я ведь спасла Фанну — помнишь? Его соплеменники не могли исцелить юношу. Я — целительница... Но есть очень много разновидностей силы.

Илон нахмурился.

— Я слышал... Тут говорили... Будто бы у тебя есть странный талисман, действия которого они не понимают. Больше всего на свете этот народ боится железа, оно — страшный яд для них. А твой талисман победил смертельную отраву. Но если ты владеешь столь могущественной силой, то почему...

Твилла догадалась, о чем он собирался спросить.

— Почему я не использовала ее раньше? В деревне, во время наводнения? Потому что... — Девушка тяжело вздохнула. — Потому что я и сама не слишком хорошо понимаю, как действует мой талисман. Я могу только догадываться, и если мои догадки окажутся неправильными — этого, наверное, уже никогда нельзя будет исправить... Этот талисман мне подарила ведунья Халди, моя наставница. И сказала, что я сама должна научиться им пользоваться. Насколько я поняла, она хотела, чтобы я каким-то образом вложила в талисман часть самой себя, своей силы — чтобы он откликался только на мой зов. Но ради ребенка, Илон... Ради ребенка мы должны попробовать...

Твилла попыталась высвободить руку, но слепой лорд держал ее словно железными клещами.

— Илон, ты можешь вывести нас отсюда? — Она переменяла тему разговора и с радостью увидела, что слепой медленно кивнул.

— Хотел бы я знать, почему ее чары возвращаются... Да, я могу найти отсюда выход. Но, Твилла... Не связывайся с Лотис, если не уверена в своих силах. Мне кажется, она не такая, как все. Она отличается от остальных... Те, с кем я здесь встречался, не настолько жестоки, как Лотис. В основном они такие же, как мы, — у каждого свой нрав, свои склонности, и каждый волен решать, как ему поступить — хорошо или плохо... — Илон повернулся и повел Твиллу по коридору, крепко держа за руку. — Понимаешь, они каким-то странным образом родственны лесу. И любой вред, причиненный лесу, — срубленное дерево, смятый неосторожным путником кустарник, — они воспринимают как рану, нанесенную им самим. Это для них все равно как для любого из нас рана, нанесенная мечом. Они воюют с нами, защищая свой лес, свой образ жизни. Наш народ для них — постоянная страшная угроза. А оружие, которое применяют лесные люди, странно и подчас непонятно людям нашей расы... Любой, кто чем-либо навредит лесу — срубит дерево или выжжет кустарник, — навлекает неминуемый ответный удар со стороны лесного народа. И пока люди не поймут этого...

— Но — ребенок, Илон! И когда мы впервые заметили ее, девочка была довольно далеко от леса...

Твилла вкратце пересказала лорду Илону, как Лотис подманила к себе девочку чудесными цветами.

— Какая подлость! — Губы Илона скривились, словно ему хотелось плюнуть. — У лесных обитателей мало детей, и их, конечно же, очень высоко ценят. Но Лотис все-таки осмелилась... Наверное, она приворожила такую малышку потому, что надеется изменить ее по своему желанию, вылепить, как гончар лепит кувшин... Лотис рассчитывает, что ее чудовищный поступок простят, когда девочка присоединится к их народу... Однако строить такие планы — это не очень-то похоже на Лотис, насколько я ее знаю.

— Она... Она заставляла тебя прибегать на ее зов, словно ты — не человек, а собака.

На щеках Илона вспыхнул темный румянец.

— Что ж, для нее я и был собакой — и только. Лотис соблазняет мужчин и превращает их в своих рабов... Нет, это даже хуже рабства — никакого невольника не заставляют терпеть такие унижения, как здесь. Мне думается, что даже Оксил не знает, что на самом деле у Лотис на уме, какую колдовскую паутину она плетет втайне от всех.

14

— НО ЧЕГО ЖЕ ОНА ХОЧЕТ?

Слепой лорд ускорил шаг, и Твилле, несмотря на усталость, пришлось за ним поспевать, потому что Илон по-прежнему крепко держал ее за руку. Он снова шел, прикасаясь рукой к стене. Как раз когда Твилла задала этот вопрос, ладонь Илона соскользнула с каменной стены и коснулась одной из запечатанных дверей. Он коротко вскрикнул и отдернул руку.

— Еще одна ловушка? — пробормотал Илон. — Наверное... Что же еще? Но почему здесь? Вряд ли Лотис так предусмотрительна, чтобы защитить все коридоры, какие есть...

— Ловушка? — На мгновение Твилла позабыла о том, что спрашивала раньше. — Это — запечатанная дверь. Карла рассказывала мне... Давным-давно их народ с кем-то воевал, и побежденный в древности враг был заперт за этими опечатанными дверями. Лесной народ и поныне их охраняет.

Илон остановился, отступил на шаг назад и снова оказался напротив массивной деревянной двери, по поверхности которой были выложены мозаикой странные символы. Илон осторожно прикоснулся к двери. Твилла несказанно удивилась, когда его рука, не встретив никакого препятствия, утонула в цельной и твердой с виду деревянной плите.

— Что ты видишь? — спросил Илон.

— Дверь... Дверь, вровень со стеной коридора... На ней выложен мозаикой непонятный символ. Нет ни замка, ни ручки — вообще неясно, как эта дверь открывается...

— Дверь? — Илон без видимых усилий продвинул руку еще глубже в то, что казалось дверью, потом резко отдернул. — Она довольно податлива, я легко прохожу сквозь нее. Ну, да ладно.

Оставим им эти тайны — у нас есть другая забота, и мы должны поторопиться...

Илон двинулся дальше, и Твилла снова задала тот же вопрос:

— Как по-твоему, чего добивается Лотис?

Илон резко рассмеялся:

— Мне кажется, Лотис и сама этого не знает. Она пыталась использовать меня как инструмент... Или как оружие. Теперь она собирается сделать то же с маленькой девочкой.

— Если только мы ее не остановим.

— А сможем ли мы остановить ее — это уже другой вопрос, — сказал Илон.

Они добрались до развилки — тот коридор, по которому они шли, разделялся на два ответвления. Левый проход был таким же темным, как и все предыдущие коридоры с грубыми каменными стенами, зато справа виднелся проблеск света. Илон приостановился у развилки и повернул голову направо. Твилла заметила, как раздуваются его ноздри, — слепой принюхивался к запахам, которых девушка не ощущала. Впрочем, на какое-то мгновение ей показалось, что она тоже почуяла легкий, едва уловимый приятный аромат. Такой запах необычен для мрачных пустых коридоров.

Илон держался здесь так же уверенно, как и в темных подземельях во время ночного бегства из крепости. У слепого, несомненно, были какие-то свои внутренние ориентиры — потому что вскоре впереди показался мягкий серебристый свет. Твилла разглядела колеблющуюся светлую дымку — это мог быть только тот самый загадочный туман, который, как обычно, то наплывал, обволакивая стены и скрывая проход, то снова отступал.

В стенах вдоль коридора тоже обнаружили ниши со странными статуями, чем-то неуловимо неприятными, хотя внешне фигуры были вполне человекоподобны. В прекрасных формах чувствовались какое-то несовершенство, скрытый порок. Может быть, такое впечатление создавалось из-за коварных усмешек на лицах скульптур или из-за их прищуренных глаз, смотревших как-то искоса и словно с затаенной злобой.

Илон больше не придерживался рукой за стену, а шел прямо и уверенно. Туман закружился и пополз к идущим длинными извилистыми лентами.

Слепой лорд остановился и повернул налево. Перед ним оказалась дверь. В это самое мгновение их окутала плотная пелена тумана — точно так же рыбацкая сеть захлестывает косяк рыб. Илон вдруг выпустил руку Твиллы — и исчез.

Хотя они только что стояли почти плечом к плечу, Твилла больше не видела Илона. Он совсем скрылся внутри туманного кокона. Вокруг Твиллы тоже вилось облако тумана, но полностью захватить девушку оно не могло. Туманная дымка тянулась к Твилле, даже прикасалась к ее телу — однако сразу же соскальзывала и утекала прочь. Словно корни какого-нибудь растения, которые жадно тянутся к почве, а натываются на один лишь твердый камень.

Приятный аромат сделался таким густым и резким, что стал казаться отвратительным. От этого насыщенного запаха перехватывало дыхание.

— Илон! — Твилла отважилась позвать слепого лорда по имени. Облако тумана закружилось рядом с девушкой яростным вихрем и вдруг пропало. Та часть серебристой дымки, которая безуспешно пыталась обвиться вокруг Твиллы, взметнулась плетями, которые неистово хлестали то с одной стороны, то с другой — но все равно ничего не могли с ней сделать. Твилла кожей почувствовала, как бесится в бессильной ярости злобная воля, направлявшая туманные плети.

Илон исчез. Твилла ничего не могла с этим поделать. Она поняла, что Лотис снова сумела каким-то образом до него дотянуться. Но осталась дверь, перед которой стояла девушка, — и на этой двери была самая обычная задвижка. Что там, за дверью? Апартаменты Лотис? Твилла могла только открыть дверь и посмотреть.

Взявшись за задвижку, Твилла почти не сомневалась, что ей не удастся проникнуть за преграду, однако задвижка легко подалась в сторону, и дверь широко распахнулась. Девушка заглянула внутрь.

Она увидела комнату, очень похожую на ту, в которой Твилла отдыхала. Такая же кровать в форме распустившегося цветочного бутона, и такие же занавеси на стенах — толь-

ко не из листьев папоротника, а в виде густо переплетенных виноградных лоз.

А на кровати... На кровати лежала девочка. Лотис нигде не было видно. Твилла осторожно приблизилась к ребенку. Конечно, похитить у Лотис новую жертву ее злых чар будет совсем не просто! Наверняка тот самый туман, который унес Илона, должен был не выпускать отсюда маленькую пленницу.

Почему туманная пелена не смогла захватить и ее, Твилла не знала. Разве что зеркальце снова спасло ее, сработав на этот раз не как орудие целительского искусства, а как оружие — вернее, как защита.

Твилла подошла к кровати. Девочка лежала с закрытыми глазами и улыбалась, время от времени что-то тихонько бормоча.

— Красивые... — расслышала Твилла. — Красивые цветочки... Красивая леди. Вкусный напиток...

Ребенок одурманен! Но насколько глубок ее неестественный сон? Неожиданно девочка заворочалась, открыла глаза и села в постели, уставясь на Твиллу.

— Красивые цветочки... Дай Ванди красивые цветочки...

— Хорошо. — По крайней мере, девочка не настолько одурманена, что не может двигаться. Твилла взяла ее за руку: — Пойдем со мной... Пойдем поищем цветочки.

На этот раз ребенок не отшатнулся от нее в страхе. Зеркальце все-таки сослужило Твилле добрую службу. Теперь, со своим настоящим лицом, юная целительница выглядела точно так же, как любая из крестьянок, которых знала Ванди.

Девочка охотно согласилась. Она быстро выбралась из кровати и без колебаний подала Твилле руку. Твилла напряглась, ожидая появления Лотис. Слишком удачно все складывалось... Слишком легко и просто. Девушка не могла поверить, что лесная колдунья не явится, чтобы остановить их.

Однако Лотис все не показывалась. Твилла вывела девочку в коридор. Туман? Может быть, это и будет та преграда, которую приготовила злая красавица? Может быть, сейчас на них опустится клубящийся туман и унесет Ванди, как совсем недавно унес Илона?

Тягучий пряный аромат, который потек из комнаты вслед за Твиллой и Ванди, внезапно резко переменялся. В коридоре

пахнуло чем-то отвратительным, гнилостным, настолько противным, что желудок выворачивало наизнанку. Потом послышались звуки... Царапанье, скрежет... Чья-то тяжелая поступь. Завеса тумана, которая поджидала их впереди, вдруг стала редеть и вскоре развеялась совсем. И оттуда на Твиллу и девочку ринулось кошмарное чудовище — хотя и не настолько огромное, как охранник лесных границ, зато гораздо более жуткое и грозное.

Маленькая Ванди пронзительно завизжала, вырвала ладошку у Твиллы и бросилась бежать. Девочку охватил такой предельный ужас, что она полетела бы прочь, если бы умела летать. Но побежала она не обратно в комнату, а по коридору, в противоположную сторону — в запутанный лабиринт темных переходов дворца.

Шестиногое чудовище прыгнуло на Твиллу и занесло когтистую лапу для удара, который разорвал бы девушку напополам, от плеча до пояса.

Иллюзия! Это должна быть всего лишь иллюзия! Твилла подалась назад, непослушными, дрожащими руками нащупывая заветное зеркальце. Кошмарная тварь прыгнула еще раз — и на середине прыжка растаяла без следа. Твилла услышала крики — Ванди кричала во весь голос и, казалось, совсем обезумела от ужаса. Целительница со всех ног бросилась бежать туда, откуда доносились крики девочки. Сзади снова раздались подозрительные звуки. Твилла обернулась через плечо и увидела новую кошмарную иллюзию. На этот раз видение имело человекообразную форму, но от этого казалось еще более жутким и отвратительным. Скелетообразное худое тело, вместо лица — страшный череп, с которого кусками отваливалась полуразложившаяся плоть. Приблизившись, чудовище выплюнуло пучок липких, скользких нитей.

И снова Твилла заставила себя остановиться и направила на этот оживший кошмар свое волшебное зеркальце. Ее окутало густое зловоние гниющего мяса, а потом... А потом эта иллюзия исчезла, точно так же, как предыдущая. Однако, отражая нападения кошмарных тварей, Твилла теряла время.

Ванди уже убежала очень далеко, а Твилла даже не знала наверняка, в какой коридор девочка могла свернуть, — ведь там, дальше, переходы очень сильно разветвлялись.

Девушка побежала так быстро, как только могла. Она не решалась позвать Ванди по имени, потому что опасалась привлечь этим новых кошмарных тварей.

Добежав до первой развилки, Твилла остановилась. Куда дальше? Побежал ли ребенок прямо — туда, откуда пришли Твилла с Илоном, или же девочка свернула в другую сторону? Твилла прислушалась, стараясь уловить хоть какой-нибудь звук.

Получилось! Она расслышала, как Ванди снова вскрикнула. Может быть, девочке встретилось в темноте еще какое-нибудь жуткое наваждение, посланное, чтобы прогнать ее обратно? Твилла свернула в боковой коридор и снова побежала что было сил, сжимая в руке верное зеркальце. И вот впереди показалась стена, перегораживающая проход, — тупик! Ванди стремглав неслась прямо на стену, словно не видя, что дальше дороги нет. Нет! Еще миг — и ребенок с разбегу ударится головой о каменную стену!

Но случилось нечто иное. Девочка пропала. Когда Твилла подбежала поближе, то увидела одну из дверей, отмеченных странными красно-черными символами. Ванди просочилась сквозь дверь — как и Илон, девочка не встретила там никакой преграды. Твилла последовала за ребенком, хотя ясно видела перед собой прочную, массивную деревянную дверь.

Она прошла дверь насквозь — как и говорил Илон, настоящей двери там не оказалось. Преграда была, но мягкая и податливая, похожая на студенистую пленку. Эта преграда лишь немного замедлила движение Твиллы, но не задержала ее. Там, внутри, было гораздо темнее, чем в извилистых коридорах дворца.

Только сейчас Твилла осмелилась окликнуть девочку. Ведь если она не сумеет отыскать Ванди в этой непроглядной темноте, обе они окажутся в еще большей опасности.

— Ванди! Ванди! — Девушка медленно и осторожно, шаг за шагом продвигалась все дальше в этом царстве мрака.

— Ванди! — позвала она еще раз и резко остановилась. Впереди, совсем неподалеку, раздался всхлип — девочка была там!

Если бы только здесь было хоть чуть-чуть светлее! Может быть, это страстное желание заставило отозваться силы, которыми Твилла повелевала, сама того не сознавая? Из сере-

бристого зеркальца вырвалась светлая дымка и потянулась туманной спиралью. Она светилась не так ярко, как туманная мгла в коридорах замка, но все же это было хоть какое-то оружие против окружающего мрака.

Твилла стала водить зеркальцем из стороны в сторону, стараясь рассмотреть что-нибудь впереди. Она снова услышала негромкий всхлип, на этот раз — где-то справа. Тусклое свечение туманной дымки, выходящей из зеркальца, позволило девушке разглядеть какую-то дыру с неровными краями. Но другого источника света все равно не было.

— Ванди! — еще раз позвала Твилла.

— Я здесь... — тихо ответила девочка и снова всхлипнула.

Твилла пошла туда, откуда донесся голос, — под грубо вырезанную арку.

Свет от туманной дымки распространялся совсем недалеко. Твилла боялась потеряться здесь, в крошечной темноте, — точно так же, как она недавно потерялась в лабиринте дворцовых коридоров. Но она еще не отыскала девочку, а потому упорно продолжала идти вперед.

— Ванди! — снова позвала Твилла.

В ответ раздался жалобный детский плач — по-прежнему где-то впереди. При слабом свете из зеркальца Твилла различала стены коридора — но не гладкие, а покрытые бороздами, выемками и неровностями. Один раз, когда девушка повела зеркальцем вправо, на стене блеснул какой-то слизистый налет — наверное, след, оставленный неизвестным созданием, обитающим во мраке. Только этот след был совсем не такой, какой остается после обычной улитки. Слой слизи был толщиной с кулак. Твилле не хотелось даже думать о том, какое существо могло здесь проползти. А потом Твилла чуть не упала — когда кто-то маленький выскочил из темноты и бросился к ней. Это была Ванди. Девочка прижалась к Твилле дрожащим тельцем и крепко обхватила ее обеими руками.

— Ванди!

— Забери меня... Забери меня отсюда! — дрожащим голосом крикнула испуганная малышка. — Чудовища... Они нас поймают!

— Чудовищ больше нет. — Твилле хотелось верить, что это так и есть, что кошмарных иллюзий и вправду больше не бу-

дет. Здесь, в кромешном мраке, они показались бы во сто крат страшнее. — Пойдем, детка. Нам надо выбираться отсюда.

Твилла повесила зеркальце на шею, и свет, исходящий от него, как будто стал немного ярче. А может быть, ее глаза просто привыкли к темноте и она стала чуть лучше видеть. Твилла осторожно разжала пальцы судорожно цеплявшейся за нее девочки, потом крепко взяла Ванди за руку и повернулась в ту сторону, откуда пришла.

Девушка решительно двинулась обратно, к выходу. Она не могла позволить себе поверить, что потерялась: как можно было потеряться, если за дверью она повернула только один раз? Однако арка с неровными краями все не показывалась, хотя Твилла была уверена, что прошла уже достаточно далеко.

— Пожалуйста, ну пожалуйста! Выведи нас обратно! — Девочка прижималась к Твилле, ее маленькое тельце била дрожь. Твилла и сама немного испугалась.

— Да, конечно. Конечно, мы выберемся обратно. — Девушка старалась успокоиться, преодолеть свой страх и вселить уверенность в испуганное дитя. — Мы обязательно выберемся отсюда!

Да только в свете зеркальца не было видно никакой арки, лишь нескончаемый грубо вырубленный в скале проход с неровными стенами. Твилла должна была признать, что на это место, несомненно, наложены некие заградительные чары.

В темной пещере было очень сухо, под ногами Твиллы и Ванди лежал толстый слой пыли. От их шагов пыль поднялась в воздух, и обе закашлялись.

— Я хочу пить... — пожаловалась девочка. — Пожалуйста... Скоро уже выход?

— Мы обязательно его найдем... — Долго ли еще Твилла сможет притворяться, что она знает, где они находятся, и блуждание в темных переходах скоро закончится?

Только одно поддерживало в девушке надежду — по мере того как они шли, свет в зеркальце разгорался все ярче и ярче. Твилла уже видела дорогу на целых три или четыре шага вперед. Правда, больше ничего видно не было — кроме бесконечных выщербленных стен по бокам да пола, покрытого толстым слоем пыли, под ногами.

И вот наконец впереди что-то блеснуло — свет зеркальца отразился от какой-то гладкой поверхности. Твилла приостановилась и повернулась немного левее, чтобы получше осветить блестящий предмет. Все что угодно, кроме неизменного грубого камня стен, могло оказаться важным.

Когда лучик света упал на блестящую поверхность, Ванди снова испуганно вскрикнула, прижалась к Твилле и спрятала лицо в ее испачканных юбках. Сама же Твилла только негромко ахнула и на мгновение застыла.

Из стены пещеры выступало лицо, но блеск отраженного света мешал как следует его рассмотреть. Твилла еще немного повернула зеркальце — и увидела гладкий, блестящий язык, вывалившийся из оскаленной зубастой пасти.

Девушка замерла от неожиданности и удивления, но вскоре сообразила, что это — не новое чудовищное наваждение, вылезаящее на них прямо из стены, а скорее высеченная в скале страшная маска. Может быть, эту маску вырезали здесь, чтобы от чего-то предостеречь?

Рассматривая звериную маску, Твилла постепенно овладела собой и успокоилась. Она увидела, что это — барельеф. Скульптура изображала голову огромного вепря — но такого ужасного, каких никогда не видывали по ту сторону гор. Вырезана голова чудовища была столь искусно, что, казалось, оживала, когда ее касалась легкая туманная дымка.

— Ванди, не бойся. Оно не живое. — Твилла прижала к себе дрожащую девочку. — Просто кто-то вырезал эту морду из камня. Помнишь, какие бывают огородные пугала? — Ученица ведуньи не знала, сохранился ли этот обычай у переселенцев по эту сторону гор, но у всех крестьян и вольных фермеров праздник урожая считался едва ли не самым главным праздником в году.

— ...Уведи нас! — Голос Ванди звучал глухо и сдавленно. Девочка так и стояла, уткнувшись лицом в юбку Твиллы.

— Нет, я не могу! — Она должна была как-то успокоить девочку. Слишком хорошо ей запомнились рассказы о людях, которые сходили с ума, побывав в лесу. Если Ванди слишком сильно испугается — что тогда делать с бедным ребенком?

Твилла медленно подошла к страшной каменной маске, таща за собой Ванди. Потом отцепила маленькие ручки от своей юбки, стараясь не причинить девочке боли.

— Ванди... — Твилла опустилась на колени, подняв при этом тучу пыли, которая покрыла всю ее одежду, руки, лицо и волосы. Крепко держа девочку обеими руками, Твилла повернула ее лицом к стене.

— Смотри! — велела девушка и, протянув руку, дотронулась до кончика языка, свисающего из пасти каменного страшилища.

Бледная, испуганная Ванди широко открыла глаза.

— Это обыкновенный камень, — наставительно сказала Твилла. Она чуть привстала и провела рукой по скульптуре, так точно и живо воспроизводящей отвратительную и жуткую морду чудовищного зверя, — погладила по косматой каменной шкуре, между глазами, вдоль длинного рыла, засунула руку в разинутую пасть, потрогала зубы, потом снова потрогала язык.

Ванди всхлипнула:

— Оно не настоящее...

Твилла кивнула и вздохнула с облегчением:

— Да, не настоящее. Это просто фигурка из камня. Ванди, ты ведь живешь на ферме, верно?

Девочка все еще зачарованно смотрела на скульптуру, не отрывая взгляда, однако же кивнула в ответ.

— А когда поля только-только засеяны. — Твилла старалась вспомнить все, что знала о фермерском труде. — Разве птицы не прилетают, чтобы склевать зерно?

— Прилетают...

— И что тогда делают фермеры? — подсказывала Твилла.

— Мы сделали пугало. — Дыхание девочки выровнялось, она заговорила уже совсем нормально, без надрывных всхлипов.

— Вот-вот, вы сделали пугало... Туловище — из старого тряпья, которое уже никому не нужно, голову с волосами из соломы...

— Мы нарисовали ему глаза — большие и черные, и еще рот, вот такой... — Ванди приставила пальчики к уголкам рта, показывая, какой широкий рот получился у огородного пугала.

— У вас наверняка вышло очень хорошее пугало, — похвалила девочку Твилла. — Так вот, мне кажется, что этот каменный зверь — тоже пугало...

— Но здесь же нет поля... — быстро возразила Ванди.

— Верно, но это значит, что пугало поставлено здесь для другой цели... Не для птиц...

— А для нас? — Девочка снова ухватилась ручонками за юбку Твиллы.

— Оно стоит здесь уже очень, очень давно. — Девушка постаралась уйти от прямого ответа. — Наверное, те, для кого было сделано это пугало, тоже жили давным-давно. Но мы ведь с тобой не глупые птицы — мы понимаем, что пугало — не настоящее, правда?

Малышка посмотрела Твилле прямо в глаза:

— Леди, как мы отсюда выберемся?

Девушке не оставалось ничего другого, кроме как сказать правду:

— А это мы с тобой вместе должны выяснить. Если была дорога, которая привела нас сюда, — значит, должна быть дорога, которая выведет нас обратно. Нам остается только хорошенько ее поискать.

— Я хочу пить, — напомнила девочка.

— Да, и воду мы тоже должны найти. Под землей часто протекают ручьи — и мы сможем найти такой ручей. — Утешать и приободрять кого-то другого — это одно, а самому поверить в то, что обещаешь, — совсем другое.

Твилла и Ванди пошли дальше, оставив каменного вепря позади. Вскоре после этого проход, по которому они шли, разделился на два коридора. Над каждым коридором возвышалась арка. Одна из них была гладкой, и, поднеся свет поближе, Твилла разглядела на ней какие-то неведомые письмена. На другой арке никаких надписей не было. Девушка решила свернуть под арку с письменами.

Этот коридор шел не прямо, часто поворачивал — хотя боковых ответвлений в нем не было. Пройдя за очередной поворот, Твилла вздохнула с облегчением. Впереди виднелся свет. Не яркий дневной свет, но все же и не такой тусклый, как свет волшебного зеркала. Крепко держа девочку за руку, Твилла прибавила шаг.

Дойдя до конца коридора, они попали на небольшой скальный выступ, откуда открывался вид на пещеру — такую огромную, что дальних стен не было видно. Стены пещеры поросли лишайником, от которого, собственно, и исходил свет.

Самым странным в этой пещере был лес — из низкорослых, скрюченных деревьев, но все-таки лес. Вернее, это были даже не настоящие деревья и не разросшиеся кусты — они больше всего походили на выстроившиеся рядами гигантские грибы-поганки, покрытые бархатистой на вид плесенью.

Было что-то очень неестественное в этих бугристых растениях. Твилле почему-то очень не хотелось подходить близко к лесу из гигантских грибов. К счастью, грибы росли не вплотную к стенам пещеры, оставался еще довольно широкий проход. Твилла не сомневалась, что где-нибудь с другой стороны пещеры обязательно найдется еще один выход. А вниз с уступа вела узкая лестница из грубых, высеченных прямо в скале ступеней.

— Пойдем... Иди за мной и внимательно смотри под ноги, — сказала Твилла и начала спускаться по лестнице.

15

ВОЗДУХ В ПЕЩЕРЕ был сырым и вязким, с неприятным запахом плесени. Но отвратительной вони, сопутствующей появлению чудовищ, здесь все же не чувствовалось. Твилла осторожно перешагивала со ступеньки на ступеньку — ей очень не хотелось опираться рукой о стену, поросшую пушистым светящимся лишайником. Хорошо хоть, что спускаться пришлось не так уж и далеко.

Прежде всего нужно было отыскать воду. После путешествия по пыльным коридорам им обоим страшно хотелось пить, в горле все пересохло. Без еды, конечно, тоже далеко не уйдешь, а сколько им еще придется здесь блуждать — Твилла не могла даже предположить.

— Леди... — Когда они спустились на дно пещеры, Ванди снова прижалась к девушке. — Мне не нравится это место...

— Мне тоже. Но мы должны отыскать выход наружу. — Твилла старалась вложить в свои слова уверенность, которой сама не чувствовала.

Ее все больше беспокоил странный негромкий шорох — как будто эти бугристые грибы действительно были деревьями, в ветвях которых гулял легкий ветерок и шелестел листвой. Потом Твилла услышала другой звук — легкое журчание воды. Девушка устремилась вперед, надеясь отыскать ручей. Судя по звуку, вода была где-то неподалеку.

Твилла и Ванди шли вдоль стены пещеры, стараясь держаться подальше от лишайниковых наростов. Вскоре они добрались до небольшой расщелины в скале, вокруг которой лишайники не росли — как будто им не нравилось, что скала в этом месте влажная. А она и вправду была влажная — из узкой расщелины вытекал ручей. Поток воды пересекал дорожку и убежал куда-то в глубь грибного леса. Бугристые грибовидные заросли наступались вокруг ручья. Похоже, грибы тоже не приживались у самой воды.

— Пить... — Ванди отпустила юбку Твиллы, грязную и измятую, и бросилась было к воде. Но девушка быстро схватила ее за руку и удержала. Кто знает, какая вода может быть в ручье, протекающем в таком странном месте? Нужно принять все меры предосторожности.

— Может быть, здесь плохая вода, — сказала Твилла. — Мы должны сперва проверить ее, а потом пить.

По сравнению с речкой, которую Твилла вместе с Илоном переплывала во время грозы, этот поток был всего лишь жалким маленьким ручейком. И Твилла, и даже маленькая Ванди легко могли через него перепрыгнуть. Девушка опустилась на колени и набрала воды в сложенную лодочкой ладонь. Вода была холодной, как лед, и кристально чистой.

Твилла знала только один способ проверить, хорошая это вода или плохая. Правда, девушка немного сомневалась, подействует ли ее средство в этом случае. Она взяла в другую руку зеркальце и капнула несколько капель воды на гладкую поверхность серебристого диска.

Зеркальце осталось таким же чистым и светлым, как и раньше. Достаточно ли этой проверки? Можно ли считать, что вода

в ручье, который течет в таком необычном месте, действительно чистая и безвредная?

Твилла поднесла зеркальце к губам и лизнула воду. Хотя на зеркальце оставалось всего несколько капель, немного воды все-таки попало ей в рот. Никакого особого вкуса Твилла не почувствовала.

— Дай и мне попить! — Ванди потянула ее за юбку.

— Да, можешь попить. Но сделай это так же, как я. — Она снова набрала в горсть воды и слила на гладь зеркальца. Девочка мигом слизнула маленькую порцию живительной влаги. Это заняло какое-то время — они обе очень сильно хотели пить, но из предосторожности были вынуждены утолять жажду по одному маленькому глотку за раз.

— Хорошо! — Ванди наконец напилась и присела на корточки. С нижней части лица пыль уже смылась, пока девочка пила. Немало капель попало и на переднюю часть ее простого, невзрачного платица.

Твилла понадеялась, что девочка права. Она отвернула подол платья и насухо вытерла зеркальце чистой тканью. Самой Твилле вода тоже показалась вполне хорошей, но не в чем было унести с собой хоть сколько-нибудь благодатной влаги. К тому же теперь, когда они остановились и утолили жажду, Твилла вдруг поняла, как сильно она устала.

Не было никакой возможности определить, как долго они блуждают в этом странном месте и сколько уже прошли. Но Твилла начала сомневаться, смогут ли они идти дальше, не передохнув хотя бы немного.

Ей захотелось остаться здесь, возле ручейка... Девушка встала и подошла к расщелине в скале, откуда вытекал ручей. Щель была совсем узкая, и даже маленькая Ванди не смогла бы пролезть через нее, не ныряя под воду. Нет, через эту расщелину им отсюда не выбраться.

Однако ручей должен был где-то вытекать из пещеры — может быть, в том месте отверстие в скале окажется побольше? Ручей бежал по прямой линии от скалы и еще на несколько шагов, потом поворачивал — похоже, как раз в том направлении, куда шли Твилла и Ванди. Вот и прекрасно! Значит, они пойдут дальше вдоль берега ручья.

— Леди... — Девочка медленно подошла к Твилле. — Я хочу кушать... Выведи нас отсюда!

— Я пытаюсь, — устало ответила целительница. — Мы пойдем вдоль ручейка...

— У меня болят ножки... Я хочу посидеть. — В голосе Ванди появились капризные, жалобные нотки. Твилла не могла ее в этом винить.

Да, им нужно найти место, где можно немного отдохнуть. Что же касается еды... По ту сторону гор некоторые грибы не просто годились в пищу, а даже очень высоко ценились любителями вкусно поесть. Однако здесь Твилла не видела ни одного знакомого гриба. И ей почему-то не хотелось подходить близко к этим грибам-деревьям, чтобы отломить кусочек на пробу.

Дальше ручей продолжал изгибаться и стал заметно шире. Он был мелкий, но для того, чтобы попасть на другую сторону, им придется переходить воду вброд. По обеим сторонам ручья грибы-деревья росли на приличном расстоянии от берега.

Только сейчас Твилла обратила внимание на то, что гигантские грибы росли не как попало, а ровными рядами. Словно это был какой-то чудовищный сад, выращенный для определенной цели.

Ванди вскрикнула и заплакала. Твилла обернулась и увидела, что девочка сидит на земле, раскачиваясь из стороны в сторону, и сжимает ладошками ушибленное колено. Определенно, и у Ванди, и у нее самой силы уже на исходе.

Но совсем недалеко отсюда Твилла заметила еще одну стену, которая тянулась под прямым углом к той скале, вдоль которой они сюда пришли. Возле этой стены не было зарослей грибов-деревьев. Только в одном месте росло несколько штук. Но эти грибы вовсе не походили на деревья. Они были очень странной формы — из общей кучи в разные стороны торчали причудливые наросты. На некоторых наростах что-то поблескивало — это было заметно даже при здешнем тусклом свете.

— Осталось пройти совсем немного, Ванди. — Твилла помогла малышке подняться на ноги. — Мы перейдем через ручеек, вон к той стене — видишь?

Опираясь на руку своей старшей спутницы, девочка вошла в воду. Они перешли ручей вброд и приблизились к причудли-

вым грибам. Вблизи стало заметно, что они отличаются от грибов-деревьев не только формой. Грибы-деревья все, как один, были темно-коричневые, а эти оказались разноцветными — с отливом очень тусклых и приглушенных, но вполне различных цветов. Если приглядеться, на поверхности этих грибов можно было даже угадать какие-то узоры — серые пятна, красные полоски, синие завитки.

Когда Твилла и Ванди проходили мимо грибов, из осторожности стараясь держаться от них подальше, девушка с удивлением угадала в одном из причудливых наростов... рукоять меча! Поросший кустистой плесенью, которая скрадывала истинные очертания, — но все-таки это был меч.

Мысль об оружии подбодрила Твиллу. Велев Ванди оставаться на месте, девушка подошла к кучке странных грибов. Уже заметив ножны меча, Твилла смогла теперь разглядеть и боевой топор на длинной рукояти — секиру. Если присмотреться, здесь, наверное, можно было найти и другое оружие.

Девушка осторожно потянулась к мечу. Когда она дотронулась до рукояти, пушистая поросль лишайника, покрывавшая оружие, смялась под ее рукой. На ощупь лишайник был липкий и скользкий, дотрагиваться до него было в высшей степени неприятно. Но Твилла преодолела отвращение и, ухватившись покрепче, потянула меч из ножен. С тем же успехом можно было тянуть за меч, замурованный в камне.

Девушка не смогла заставить себя дотронуться до еще какого-нибудь оружия, спрятанного под порослью противного лишайника. Разочарованная неудачей, Твилла вернулась туда, где оставила девочку. Ванди снова сидела на земле и тихонько плакала, грязными кулачками размазывая слезы по щекам.

— Здесь мы немного отдохнем, наберемся сил. Пойдем. — Твилла снова помогла девочке подняться и повела ее за собой до самой стены. Ванди свернулась калачиком, положив голову целительнице на колени, и почти сразу уснула.

А Твилла никак не могла расслабиться, хотя у нее все тело ломало от страшной усталости. В этом подозрительном, непонятном месте девушка все время была настороже. Наконец Твилла обеими руками взялась за зеркальце.

На серебристой глади маленького диска отразились ее серое от пыли лицо, усталые глаза. Внезапно Твилла подумала о

другом лице — Илона, — но без маски из чародейского тумана, который отнял у молодого лорда зрение. Твилла представила Илона таким, каким он был бы, если бы полностью освободился от чар Лотис.

Неужели ей показалось? Или она в самом деле увидела в зеркальце лицо Илона? Твилла засомневалась... Но... Да! Слепой лорд смотрел прямо на нее — так, словно мог видеть ее через волшебное зеркальце!

Твилла тихонько зашептала. Только на этот раз она не сочиняла стишки, высвобождавшие силу зеркальца, а просто пересказывала Илону все, что с ней случилось после того, как они расстались перед дверью в комнату Лотис...

По мере того как Твилла рассказывала, лицо Илона в зеркальце становилось все более ясным и живым. Она почти закончила свой рассказ, когда изображение вдруг задрожало и пропало — словно кто-то стер его с глади зеркальца. А вместо лица Илона в зеркальце появилась чья-то тень, которая быстро стучалась и с каждым мигом проступала все отчетливее. На мгновение Твилла увидела лицо лорда Оксила, потом зеркальце снова замерцало, и изображение исчезло. На Твиллу снова навалилась усталость — как это бывало всегда после того, как она использовала волшебную силу зеркальца. У девушки уже не было сил бороться с изнеможением. Почти не осознавая, что делает, она прилегла на каменный пол пещеры. Рядом, свернувшись калачиком, тихо сопела во сне маленькая Ванди. Глаза Твиллы закрылись, и она уснула.

Утомленная девушка спала крепко, никакие сны ей не снились. Сколько она так проспала — Твилла не знала. Ее разбудила Ванди, которая толкала девушку и что-то кричала ей в самое ухо. Еще как следует не пробудившись от тяжелого сна, Твилла с усилием приподнялась на локте. Ванди трясла ее за плечо:

— Леди! Проснись! Они... Они идут! Леди, они до нас доберутся!

Они? Не понимая, что происходит, Твилла огляделась. Поначалу девушка не заметила, что изменилось с тех пор, как она уснула. Но потом... Они действительно двигались! Первый ряд грибов-деревьев подобрался совсем близко к берегу ручья. Еще немного — и они окажутся в воде. Гигантские грибы больше не

стояли ровными рядами. Они двигались, медленно, но верно, к воде — к Твилле и Ванди!

Девушка схватила зеркальце, но оно снова потускнело. Если эти... Если эти существа до них доберутся... Ей придется сражаться с противными, покрытыми отвратительной плесенью грибами. От этой мысли Твилле сделалось дурно. Пошатываясь, она поднялась на ноги и побрела к заросшей плесенью куче оружия. Меч она вытащить не смогла, да и все равно Твилла ничего не знала об искусстве боя на мечях. Она ведь целительница, а не воин.

Что же тогда выбрать? Ее взгляд задержался на секире с длинной ручкой, и Твилла ухватила за нее. По крайней мере, секира достаточно длинная, чтобы наносить удары с какого-то расстояния. Кроме того, Твилла имела некоторое представление о том, как обращаться с топором, — ей приходилось в свое время колоть дрова для очага, еще когда она жила у вуду-ньи Халди.

Твилла уперлась ногами в землю, крепче ухватила за древко секиры и потянула изо всех сил. Секира не сдвинулась с места. Твилла собралась с силами и потянула еще раз. Когда она немного наклонилась вперед, чтобы поудобнее перехватить древко секиры, зеркальце качнулось из стороны в сторону.

Из зеркальца ударил лучик света — прямо в поросшую плесенью грибовидную массу. В том месте, куда попал лучик, плесень сморщилась и отвалилась. Твилла еще раз потянула топор на себя — и внезапно он легко поддался ее нажиму. Девушка пошатнулась и едва не упала — ей пришлось отступить назад, чтобы удержаться на ногах.

— Леди! Они идут! — закричала Ванди. Твилла обернулась, держа наготове оружие. Только... Долго ли она сможет выстоять против этого нашествия грибов? Зеркальце помогло ей добыть оружие, но сможет ли оно остановить создания, которые подступали все ближе, неуклюже шлепая через ручей?

У Твиллы не было времени менять оружие. Оставалось только пустить в ход то, что было в руках. Грибы-деревья приближались — и первый двинулся на несколько шагов впереди остальных.

Девушка подождала, пока гриб подойдет поближе — так, чтобы точно не промахнуться, — и подняла секиру. Лезвие

взметнулось вверх и обрушилось на первый гриб, в верхней его части. Но от гриба не откололось ни кусочка, и на какой-то миг сердце Твиллы сжалось от страха — девушка побоялась, что этим оружием грибы-деревья не возьмешь.

Но потом... Раздался крик, громкий и хриплый. Маленькая Ванди не могла так кричать. В том месте, куда угодило лезвие секиры, поначалу не оставив никакого следа, на грибе-дереве вдруг появилась расщелина. Коричневая кора растрескалась и начала отваливаться кусками. Гриб остановился на месте. Его товарищи, которые уже перешли ручей, приблизились и столпились вокруг него, словно не зная, что делать дальше, и позабыв, зачем они вообще направлялись к Твилле и девочке.

А от раненого гриба отваливалось все больше коричневых кусков коры. Но под этой губчатой оболочкой было что-то еще, совсем другое. Когда вся наружная корка отпала, на месте гриба-деревя осталось существо, тощее, словно скелет. И этот хилый остов не упал на землю, а продолжал стоять. Существо вскинуло тонкие руки, подзывая поближе своих сородичей.

Твилла снова взмахнула секирой и ударила еще раз. Но не по скелетоподобному существу, которое снова громко закричало, а по одному из грибов-деревьев, подошедших следом. Прикосновение металла и на этот раз вызвало странное превращение.

Девушка тяжело вздохнула. Похожее на скелет существо, как и его товарищ, не делало попыток приблизиться к ней — только подзывало остальные грибы-деревья. Может быть, эти странные создания таким образом вынуждают ее подарить им свободу? Поскольку ей все равно не оставалось ничего другого, Твилла взмахивала секирой снова и снова. Руки у нее болели от непривычных движений, но подходили все новые и новые грибы-деревья, и Твилла никак не могла остановиться. Наконец последний гриб получил свой удар секирой. Девушка опустила топор и оперлась на длинное древко, тяжело дыша и дрожа от усталости. С немалым удивлением она смотрела на странные создания, которые выстроились перед ней рядами.

Это оказались не скелеты — просто очень исхудавшие люди со сморщенными, высохшими лицами. Ростом они были ниже Твиллы. Все скелетоподобные существа смотрели на нее. Те двое, которых Твилла освободила первыми, упали на колени и

поползли к ней. Увидев, что Твилла заметила их движение, изможденные люди закричали и пали ниц, протягивая к ней руки. Они так рьяно выражали покорность, что девушка поверила — ей не желают ничего дурного.

Только когда весь грибной лес освободился от коры и ожил, Твилла заметила перемены, произошедшие с грудой оружия, — с него тоже опали все отвратительные наросты. Двое тощих людей, выразив благоговение перед освободительницей, направились к сложенному оружию и схватили мечи.

Засверкали обнаженные клинки, и остальные освобожденные тоже потянулись к оружию вслед за первыми двумя. Твилла увидела, как один из них натягивает кольчугу, такую маленькую, что могла бы прийти впору разве что малышке Ванди. Твилла и девочка отошли назад, к стене. Не выпуская из рук секиры, Твилла с удивлением наблюдала за толпой исхудавших до невозможности существ, которые суетились вокруг груды оружия. На оружии не осталось и следов плесени, оно сверкало, как новое.

Один из тощих маленьких людей, уже полностью вооруженный, протолкался сквозь толпу сородичей и подошел к Твилле. Слишком свободная кольчуга болталась на его изможденном теле, но он подпоясался ремнем, на котором висел меч в ножнах. В руках маленький воин держал простой шлем. Приблизившись к Твилле, он низко поклонился, а потом показал на зеркальце, висевшее у девушки на груди.

Зеркальце больше не было тусклым. Наоборот, в ответ на жест маленького воина серебристый диск вспыхнул ярким светом. Тот положил свой шлем на камень и жестами показал, что хотел бы посмотреть на себя в зеркало.

Твилла сняла ремешок с шеи и сперва взглянула в зеркальце сама. Но увидела она не свое отражение, а невысокого, широкоплечего мужчину с бородой, с энергичным и по-своему благородным лицом. Девушка быстро повернула зеркальце к изможденному мужчине и немного отступила, чтобы тот мог рассмотреть отражение. Низкорослый воин громко вскрикнул от радости. Его товарищи, которые все еще возились у груды оружия, подняли головы и посмотрели на него, а потом заговорили между собой хриплыми, низкими голосами. Твилла не поняла ни слова из их гортанной речи. Потом они снова выстрои-

лись в ряд, один за другим, и двинулись к девушке — точно так же, как шли получать удар секирой.

С тем воином, который первым увидел себя в зеркале, начали происходить удивительные перемены. На этот раз от него ничего не отвалилось — как это было, когда он высвободился из оболочки гриба-дерева. Наоборот, плоти в нем заметно прибавилось. Тело маленького воина раздалось вширь, окрепло, и вскоре он стал в точности таким, каким Твилла увидела его в волшебном зеркале.

Прозвучала какая-то команда, и все снова повернулись туда, где недавно лежали сваленные в кучу доспехи и оружие.

Теперь на том месте осталась лишь утоптанная пыль — и еще один предмет, сразу притягивающий к себе взгляд.

Это была секира, очень похожая на ту, которая лежала сейчас у ног Твиллы. Только сделанная не из серой стали, как все остальное оружие и доспехи, некогда грудой лежавшие поверх нее. Лезвие отливало красноватой медью или, может быть, потускневшим золотом — Твилла не поняла, что больше напоминает ей этот цвет. Лезвие и рукоять секиры украшала богатая гравировка.

Один из сморщенных, истощенных бывших узников стоял в стороне и не приближался к груде оружия, пока его товарищи суетились, выбирая себе доспехи, мечи и топоры. Теперь же он подошел и поднял с земли поблескивающую красным золотом секиру.

В его руках секира словно ожила — совсем как волшебное зеркальце Твиллы. Едва его руки легли на древко секиры, чудесное оружие засветилось красным золотом. Он поднял секиру — и Твилла увидела, что на ней вырезана голова вепря. Острые клыки, длинное рыло, уши торчком — звериная голова была сделана так же искусно, как и каменный барельеф на стене пещеры.

Человек, который держал в руках секиру, вдруг начал преобразаться — и его изменяла не волшебная сила зеркальца Твиллы. Его сгорбленная спина распрямилась, он гордо поднял голову, костлявый остов оброс могучими мускулами. Этот мужчина был выше ростом, чем все остальные пленники грибов-деревьев. Он был примерно одного роста с Твиллой — хотя

и намного ниже стройных мужчин лесного народа и даже большинства мужчин, пришедших из-за гор.

На нем не было кольчуги, но жалкие обрывки одежды, прилипшие к его телу, вдруг разрослись и слились в одно целое — точно так же, как прежде восстановила прежний облик его плоть. В отличие от того воина, который смотрелся в зеркало, этот был без бороды. Тонкие черты лица и телосложение выдавали в нем человека другой расы.

Держа секиру с кабаньей головой словно скипетр или иной знак власти, он направился к Твилле. Все расступались перед ним, как придворные перед королем. Он подошел и остановился плечом к плечу с преображенным бородатым воином, который первым заглянул в волшебное зеркало.

Увенчанная головой вепря секира качнулась в сторону Твиллы, и девушка чуть наклонила голову, в свою очередь выражая почтение. Этот необычный человек определенно был облечен немалой властью.

Потом он заговорил — не на том гортанном наречии, которого Твилла не понимала, а на языке верхнего мира, хотя и с несколько необычным произношением.

— Ты — не из народа деревьев, и она — тоже. — Он чуть качнул секирой в сторону Ванди, которая с расширенными от удивления глазами стояла возле Твиллы. — Как вы попали сюда и почему?

— Мы оказались здесь случайно — потерялись в пути. А почему? Потому что нас преследовали...

Некоторое время он молчал, обдумывая услышанное.

— За вами охотятся те, что живут в деревьях?

В толпе окруживших их воинов поднялся ропот.

— Эта девочка... — Твилла погладила малышку по голове, и Ванди снова прижалась к ней. — Ее похитили... Девочку нужно вернуть к людям ее крови.

— Как вы смогли пройти по давным-давно запечатанному пути? — Он задал новый вопрос, и Твилла кожей почувствовала, как все насторожились в ожидании ее ответа. Наверное, все эти воины тоже понимали речь верхнего мира, даже если и не говорили на этом языке.

— Ванди пробежала сквозь одну из запечатанных дверей... Я пошла за ней следом, — просто объяснила девушка. — А потом мы заблудились. Вы поможете нам вернуться в лес?

— Если вы не из народа деревьев и они охотятся за этой девочкой — зачем же вам возвращаться в их владения?

— Там живут и другие... Люди из народа, к которому принадлежит Ванди. Думаю, я смогу выбраться из леса и вернуть девочку домой.

— А ты... — Его взгляд переместился на зеркальце, висевшее на груди Твиллы. — Ты — властительница этого народа?

— Нет. Если они найдут меня, то отнесутся ко мне как враги. Но девочку непременно нужно вернуть обратно, к ее народу. А люди, которые живут в деревьях... Только одна из них — мой недруг. Я — сама по себе и не принадлежу ни к лесному народу, ни к живущим на равнине.

— Прошло много времени, очень много... — сказал мужчина. — И мы должны лучше узнать, что творится в мире, прежде чем давать обещания, которые, может быть, не сможем выполнить. Но раз уж ты доказала, что обладаешь силой и можешь вернуть давно утраченное — как ты сделала это с Горамом, — может быть, ты сделаешь это и для остальных?

— Охотно, — согласилась Твилла, снова не подумав как следует — возможно, совершая очередное безрассудство. Однако без помощи этих людей, освобожденных от сковывавших их чар, Твилла и Ванди никак не смогут найти дорогу обратно, в свой мир. — Пусть каждый подойдет ко мне, по очереди, один за другим. — Девушка приготовила зеркальце, надеясь, что его силы не истощатся прежде, чем она завершит преобразование всех воинов этого неведомого народа.

Они выстроились в ряд и стали по одному подходить к Твилле. Каждый горел нетерпением поскорее взглянуть в сияющий волшебный диск. Посмотрев в зеркало, иссушенные чарами и временем люди удивительно преобразались. Все пленники грибов-деревьев были в чем-то схожи друг с другом. Невысокие, широкоплечие, с крепкими, мускулистыми руками — такими длинными, что могучие кулаки свисали почти на уровне колен. Ноги у них были короткие, но очень массивные и мускулистые. И несмотря на невысокий рост,

воины этого народа производили внушительное впечатление — от них веяло могучей силой.

Те, к кому уже вернулся первоначальный облик, отходили в сторону и собирались небольшими группами по трое-четверо. Каждой такой группой командовал воин, который казался старше остальных. Властитель с золотой секирой молча стоял и наблюдал за превращениями.

Силы Твиллы начали истощаться. Девушка с трудом удерживала руки, чтобы не дрожали, когда она в очередной раз поднимала зеркальце. И когда последний пленник грибов-деревьев предстал перед ней, чтобы освободиться от чар, Твилла уже едва стояла на ногах.

Как только он отошел, обновленный, снова такой, каким был когда-то давным-давно, ноги у Твиллы подогнулись, и она упала, не в силах превозмочь слабость.

16

ТО, ЧТО ПРОИСХОДИЛО потом, Твилла почти не воспринимала. Вновь вернула ее к действительности маленькая Ванди. Девочка потрясла Твиллу за плечо и сказала:

— Леди... Они принесли нам еды...

В это самое мгновение Твилла почувствовала давно забытый запах жареного мяса. Девушка с трудом подняла голову. К ним приближался один из невысоких воинов. В одной руке он нес блюдо из потемневшего от времени серебра, над которым поднимался ароматный пар, а во второй — кубок причудливой формы, как будто вырезанный из рога какого-то животного.

Воин поставил блюдо и кубок на камень возле Твиллы и отвесил почтительный поклон, а потом отошел, пятась назад, словно вымуштрованный слуга при королевском дворе.

На блюде лежал столовый нож для разделки мяса, и Твилла употребила его по назначению, отрезав кусочек от ломтя поджаренного мяса, источающего столь аппетитный аромат. Мясо было горячим, но не обжигающим, и Твилла на кончике ножа подала маленькой Ванди ломтик размером с палец, а потом отрезала кусочек и для себя.

Мясо имело непривычный вкус, Твилла никогда раньше такого не пробовала. Однако сейчас девушка не стала об этом задумываться — ей страшно хотелось есть, и она жадно набросилась на жаркое, которое показалось ей вполне съедобным. Ванди проголодалась не меньше и тоже с огромным удовольствием поглощала предложенное угощение.

— Не спеши, ешь помедленнее. — В Твилле проснулись целительские навыки. Нельзя сразу наедаться до отвала одним только мясом, если до этого долгое время питался другой пищей. От этого человеку сделается плохо. — Нам нельзя сейчас есть слишком быстро и слишком много.

Ванди уже разделалась с первой порцией и потянулась за вторым куском.

— Я хочу кушать... — захныкала девочка.

Твилла отрезала малышке еще один кусочек — поменьше первого. Она подняла кубок и принялась к темной жидкости, которой он был наполнен. То, что годилось в пищу подземным жителям, могло оказаться непригодным для людей из верхнего мира. Девушка окунула палец в темную жидкость и попробовала ее на вкус. Ее руки все еще немного дрожали от слабости.

Вода! На этот раз Твилла ощутила вкус воды. Она плеснула несколько капель на зеркальце. Темная вода оставила на гладкой поверхности серебристого диска желтовато-коричневый след. От нее исходил приятный пряный запах. С зеркальцем ничего не произошло. Твилла понадеялась, что это можно принять за подтверждение безвредности темного напитка.

Только после этого девушка решила попробовать воду из кубка. Как и мясо, напиток отличался необычным вкусом — ничего подобного Твилла прежде не пила. Немного терпковат, но не настолько, чтобы оставить неприятную вязкость во рту. После первого же глотка внутри разлилось приятное тепло.

Может быть, ребенку этот напиток показался бы слишком крепким, но Твилла даже после одного осторожного глотка сразу ощутила прилив бодрости и сил.

Девушка передала рог Ванди:

— Попей, только совсем немного...

Девочка отпила чуть-чуть и сморщила носик.

— Какое оно странное на вкус, — сказала малышка, отдавая кубок Твилле.

Немного утолив голод и отведав необычного напитка, девушка почувствовала себя гораздо более свежей и сильной, чем была сразу после пробуждения. Твилла с интересом огляделась вокруг.

Там, где недавно ровными рядами стояли замшелые грибы-деревья, теперь виднелась только голая скала. В то же время в пещере по непонятным причинам стало заметно светлее. Неподалеку от того места, где сидела девушка, несколько невысоких воинов старательно соскабливали со стены пещеры лишайниковые наросты.

Твилла увидела, что воины освобождают от лишайника какую-то дверь, настолько плотно подогнанную к отверстию в скальной стене, что ее очень трудно было заметить. Только тонкая линия обрисовывала очертания двери. Никакого замка или иного запора не было видно. Но над дверью виднелось еще одно изображение головы вепря, вырезанное в скале. Только эта кабанья голова была не объемной, как скульптура в пещерном коридоре. Она больше напоминала плоскую маску. Маленькие глазки звериной маски ярко сверкали.

Позади занятых работой воинов стоял человек с золотой секирой. Его тело, не прикрытое доспехами, застыло в напряженном ожидании — словно вот-вот должно было произойти какое-то важное событие, от которого зависело очень многое.

Наконец воины полностью очистили дверь, соскоблили последние куски покрывавших ее наростов и отступили в сторону, освобождая проход своему вождю. Он подошел и остановился перед закрытой непонятно чем дверью.

Ухватив золотую секиру за древко, он поднял ее над головой — так, что звериная морда на ней оказалась точно напротив маски, вырезанной в скале. И тогда...

Из головы вепря на секире ударили два луча света и попали в сверкающие глаза маски на стене. Глаза замерцали, словно в них вливалась некая сила — но не плавным потоком, а толчками.

Твилла уже не ощущала вкуса еды — настолько очаровало ее невиданное зрелище. Она видела новое проявление силы. Как и ее зеркальце, чудесная секира концентрировала магическую

силу — но в чем был источник этой силы? Определенно это не могла быть сила Луны — здесь, глубоко под землей.

Раздался резкий, пронзительный звук, от которого на мгновение заложило уши, — но сразу же затих. Запечатанная чарами дверь засияла, и Твилла увидела, как по ней паутиной разбежались мельчайшие трещины. Трещины расходились все шире, и вот... Каменная дверь начала разваливаться на мелкие куски.

Из открывшегося проема хлынул поток красноватого света и озарил священнодействующего вождя, который все так же стоял, подняв золотую секиру высоко над головой. Лучи света, которые вырывались из кабаньей головы, померкли. Вождь опустил секиру и оперся на нее, как утомленный дальней дорогой путник опирается на посох.

Воинственный народец тотчас же оживился. Со всех сторон пещеры ко вновь открытому проходу стекались воины, некогда бывшие пленниками грибов-деревьев. Некоторые волокли за собой нечто похожее на недавно забитую дичь.

Тот, кто открыл врата, оглянулся через плечо на Твиллу:

— Властительница, облеченная силой, настало время нам войти в Рагнок, который некогда принадлежал нам — и был давно утрачен, — а теперь снова наш. Мы позволяем тебе и девочке свободно входить в наши владения, потому что народ мастеров и тружеников всегда платит свои долги.

Вождь не двинулся с места, и Твилла поняла, что он, наверное, ожидает, чтобы она и Ванди присоединились к нему. Поскольку другого выхода из подземной пещеры все равно не было и народ маленьких крепышей как будто желал им с Ванди только добра, Твилла решила принять приглашение. Возможно, в память о совершенном ею благодеении они откроют и какую-нибудь другую дверь — в тот мир, из которого происходила Ванди и сама Твилла.

Красноватое свечение отливало золотом. Такого цвета бывают иногда лучи закатного солнца в середине лета. Взяв девочку за руку, Твилла решительно направилась к зачарованным вратам. Ванди жалась к ней поближе — малышке было немного страшновато.

То, куда они попали, пройдя через врата, оказалось поистине совершенно иным миром, ничуть не похожим на лабиринт

темных пещерных коридоров. Точно так же, пройдя через могучее дерево, лесные люди попадали в свои потаенные владения.

Твилла так и не поняла, откуда здесь брался свет, — он просто был, и все. Перед ее взором раскинулись безграничные просторы неведомой страны.

Сразу за воротами возвышался небольшой пригорок, поросший мягким ковром коричневатой, желтой и бледно-зеленой травы, усеянной цветами. Цветы, в отличие от блеклой травы, сверкали яркими, насыщенными красками — почти как сочные фрукты в чудесном саду, во владениях лесного народа.

Позади раздались крики радости, которые постепенно перешли в боевую песню — насколько могла судить Твилла, хотя и не понимала слов этого гортанного наречия. Невысокие воины пели так вдохновенно и заразительно, что ноги Твиллы сами подстроились под ритм марша. Это была триумфальная песня победителей, возвращавшихся домой.

В этом краю совсем не было деревьев. Но зато на пути отряда воинов часто встречались высокие скалистые монолиты, испещренные прожилками разноцветных кристаллов, которые ярко сверкали и переливались на свету. На этих скалах сидели похожие на ящериц существа с кожистыми крыльями. Одно такое создание вспорхнуло с камня и закружилось в воздухе над марширующим отрядом. Ванди испуганно вздрогнула и еще крепче вцепилась в руку Твиллы. Крылатая ящерица спикировала вниз и присела на плечо высокого предводителя воинства. Он поднял руку и погладил зверушку — та пригнула головку, с довольным видом принимая его ласки.

У подножия холма протекала река. Широкая, полноводная река, а не такой жалкий ручеек, как в пещере. Может, это была та же самая река, воды которой струились в лесу? Если это так, то, возможно, по реке Твилла и Ванди смогут попасть обратно, в свой родной мир.

По ту сторону реки стоял замок — в чем-то подобный дворцу во владениях лесного народа. Присмотревшись к замку повнимательнее, Твилла удивилась — массивное здание из разноцветного камня, украшенное узорчатыми мозаиками, казалось отчего-то темным и мрачным, от него веяло унынием и печалью. Марширующее воинство тоже прониклось этими чувства-

ми, потому что ритм триумфальной песни замедлился, а потом она и вовсе затихла.

Вокруг сооружения не было никаких признаков жизни — только порхали крылатые ящерицы, которые устроили гнезда под его высокими сводами. Ворота в стене, обращенной к реке, были слегка приоткрыты. Местность выглядела пустынной, покинутой.

Вперед выступил небольшой отряд под предводительством того воина, который первым подошел к Твилле и, взглянув в зеркальце, вернул свой истинный облик, — девушка его узнала, когда отряд проходил мимо нее. Предводитель нес секиру на длинном древке — может быть, ту самую, которой Твилла собиралась защищаться от наступающих грибов-деревьев, а потом освобождала пленников от чар. Подойдя в самому краю берега, маленький бородач опустил древко секиры в воду, чтобы измерить глубину потока.

Древко ушло под воду до самого лезвия и только тогда уперлось в дно. Бородач вытащил оружие и отряхнул воду с древка. А потом открыл рот и оглушительно заревел — просто удивительно, как такой маленький человечек мог так громко кричать!

— Эге-ге-е-ей!

Несколько крылатых ящериц вспорхнули в воздух и закружили над рекой, перелетая от одного берега к другому. На крик никто не ответил — хотя было очевидно, что бородачатый воин на это надеялся.

Не оборачиваясь к остальным, бородач вошел в воду и, вымеряя глубину древком секиры, медленно двинулся через реку. Твилла догадалась, что здесь, наверное, был когда-то брод.

Вождь с отливающей золотом секирой пошел за ним следом, жестом поманив за собой Твиллу и Ванди. Девушка увидела, что в этом месте по дну реки действительно тянется каменный выступ. Здесь было совсем неглубоко, и, несмотря на сильное течение, реку вполне можно было перейти вброд. Твилла крепче стиснула ладошку Ванди и вошла в воду.

Все сохраняли тягостное молчание. Слышны были только короткие приказы командиров, которые перестраивали армию в узкую колонну. Смутная печаль, которая охватила Твиллу при взгляде на покинутый замок, стала глубже и пронзительней.

Когда они приблизились к приоткрытым воротам, оказалось, что проход сделан в расчете на низенький рост здешнего народца. Высокому вождю пришлось пригнуть голову, чтобы войти, и Твилле тоже.

Внутри замок был совершенно не похож ни на один дворец, который Твилла когда-либо видела. Девушка вслед за вождем спустилась вниз по короткому коридору, довольно темному — свет проникал откуда-то спереди, — и оказалась в огромном зале, который, по-видимому, занимал почти всю центральную часть здания. Вверху, под самым сводом, были сделаны отверстия, через которые внутрь струился свет.

В каждой из четырех стен зияли проемы. Вдоль стен тянулись пролеты крутых лестниц. С лестниц открывались выходы на балконы, которые в четыре яруса опоясывали весь зал. Некоторые двери на балконы были слегка приоткрыты, другие — распахнуты настежь, словно палатки торговцев.

В зале царил угнетающая тишина, от которой сердце горестно сжималось и замирало. Все, кто вошел в замок, стояли молча. Никто не решался отойти от остальных и исследовать другие помещения.

Высокий вождь, он же — жрец, первым отошел в сторону. Он двигался не спеша, словно боялся найти подтверждение каким-то затаенным опасениям. Вождь пересек зал и направился в одну из смежных комнат. Не совсем понимая, зачем она это делает, Твилла последовала за ним и повела с собой Ванди.

На полу лежал толстый слой пыли, кое-где собравшейся в небольшие холмики, — словно по этим залам много лет привольно гулял ветер, переносил пыль и мусор с одного места на другое. В комнате был очаг с почерневшими от копоти стенками. Рядом с очагом стояла наковальня — хотя и слишком маленькая по меркам любого кузнеца из внешнего мира. Вдоль стен висели на крючьях разнообразнейшие инструменты. Некоторые из них Твилла видела впервые в жизни и даже не представляла, как они называются и для чего используются. Но зато девушка узнала кое-какие принадлежности кузнечного ремесла — рядом с наковальней выстроились в ряд молоты разных размеров. Жрец остановился возле наковальни и медленно огляделся. На его лице застыло потрясенное выражение. Словно он не нашел здесь того, что так надеялся увидеть.

— Ничего нет... — Он заговорил на понятном Твилле языке. Лицо вождя стало суровым и мрачным, и Твилла почувствовала переполнявшую его скорбь и ярость. Он быстро обернулся к остальным. Только двое воинов последовали за ним в кузницу.

Вождь отдал какой-то приказ на гортанном языке этого народа. Воинство разделилось на маленькие отряды, которые рассыпались по всему замку — кто-то побежал вверх по лестницам, обследовать галереи, кто-то направился осматривать другие помещения первого этажа. Они больше не молчали — многие перекликались, разойдясь по комнатам и переходам.

Ванди прижалась к Твилле.

— Это... Это больное место...

Странное высказывание девочки почему-то сразу завладело вниманием Твиллы. А ведь и правда! Печаль, которую навевали покинутые чертоги, становилась все глубже и тягостней. Твилле захотелось уйти отсюда — словно этот замок был могилой, в которой погребены мертвые тела и тщетные надежды.

Девушка решила нарушить мертвую тишину, повисшую в кузнице после того, как жрец отослал остальных осматривать замок.

— Скажи, что здесь произошло? — спросила она у жреца.

Тот ответил не сразу, словно его мысли витали где-то далеко отсюда. Когда он заговорил, лицо его исказилось от гнева.

— Это — наша главная твердыня. Когда Харгел обманул нас, опутав сетями черного чародейства, мы отправились в поход — потому что все еще верили, что сможем как-то договориться с теми, из верхних земель. Много поколений наших предков жили с ними в мире. Мы торговали с ними, временами вместе пировали. А потом появился Харгел. Его обурежала жадность — он потребовал, чтобы вместо торговли мы платили им дань. Я слышал, что он использовал кое-какие металлы из тех, которые мы добывали, для какой-то странной магии. Некоторые наши металлы смертоносны. Мы не дотрагиваемся до них и не приближаемся к тем горам и землям, где они залегают.

Харгел связал чарами троих наших сородичей — о чем мы тогда не знали, — и эти трое добыли для него смертоносную руду. Потом все трое умерли. Мы направили посольство в верхний мир, чтобы выразить протест их Совету. Посольство попало в засаду. Их всех убили. Сородичи Харгела уже подозревали,

что он занимается запретным, — и заявление наших посланцев грозило ему разбирательством в Совете... Потом мы получили послание, что посланцы лесного народа хотят встретиться с нами и выслушать наш протест. Я... — Он замялся, но все же продолжил: — Я обладаю силой. Но не такой, как у них. Я предчувствовал, что нам грозит великая опасность. И мы приняли все меры предосторожности, какие только могли. Нас встретили не воины — скорее, это были создания темных сил. Мы превратились в то, что ты видела. И... Здесь... Кто знает, что эти демоны устроили здесь? Наши женщины, наши дети... Они все... Исчезли...

— Я ничего не слышала о Харгеле от лесного народа, — медленно сказала Твилла. — Они рассказывали о Совете, который несет ответственность за их законы. Главу Совета зовут Оксил.

Жрец покачал головой:

— Я никогда не слыхал этого имени. Но... Женщина, облеченная силой... Кто знает, как долго мы оставались в плену злых чар? Эти, из лесного народа, живут очень долго... Но и они когда-нибудь умирают. Возможно, нынешнему поколению не по нраву темное чародейство Харгела... Но ты ведь не из их народа. Скажи, как случилось, что ты в дружбе с ними? И почему?

Твилла коротко пересказала ему свою историю. Жрец слушал очень внимательно, не перебивая, и только когда девушка закончила, сказал:

— Выходит, те, что пришли издалека, теперь угрожают тем, которые в свое время угрожали нам и обрекли нас на столь печальную судьбу?

— Пришельцы из-за гор угрожают здешним землям, — пояснила Твилла. — Их родной край опустошен и бесплоден. Если они найдут в этих землях то, что считают драгоценными сокровищами, — они и здесь сделают то же самое. Перед тем как я заблудилась в лабиринте, стало известно, что это, похоже, уже началось...

— Каким же образом?

Твилла рассказала о людях, которые промывали речной песок. Когда она упомянула, что именно они ищут, настроение жреца снова переменилось.

— Значит, они задумали ограбить наш народ! Нам изначально были даны способности работать с металлами, создавать из

них всякие изделия, нужные для домашних работ, для красоты, для войны и для мира. В этом — смысл и содержание нашей жизни, и этого нельзя у нас отнять! — Он чуть приподнял свою секиру над полом и с силой опустил. Ударившись о каменный пол, золотая секира звонко зазвенела.

— Мы должны обдумать это, ворожея. Ты сказала, что воры из дальних земель — твои сородичи... И она — из их народа. — Он указал на Ванди. — Чем они согласятся заплатить, чтобы получить ее обратно?

Твилла задохнулась от негодования. Она не думала, что ее откровенность обернется против нее же, — а теперь их с Ванди собирались использовать в качестве заложников!

— Мудрый жрец. — Девушка заговорила ровным и спокойным голосом, но ее рука потянулась к волшебному зеркальцу, висящему на груди. — Вспомни, где и в каком виде был ты сам и твои люди, прежде чем наши пути пересеклись.

— Да, мы в долгу перед тобой. И что же ты собираешься делать с этим ребенком?

— Я должна вернуть девочку ее сородичам. Если они узнают, что ее заманили в лес, — начнется война... — Твилла не сомневалась, что так и будет.

— Как наверху, так и внизу, — сказал жрец. — Что бы ни было между народами деревьев и камня, один не может благоденствовать, если другой разорен и уничтожен. Мы изначально связаны воедино. Харгел не мог уничтожить нас, потому как это отразилось бы на его собственном народе, и они бы тоже вскорости вымерли. Вместо этого он связал нас чарами... Однако... Что же случилось с нашими женщинами? С семьями, которые мы покинули, выступая в этот злосчастный поход. Мы должны это выяснить... Мы должны узнать, что случилось с нашими семьями, — и отплатить за них! — Он потряс секирой, и Твилла совсем не удивилась, заметив, как вспыхнули красным огнем глаза кабаньей головы, венчавшей волшебное оружие.

— Если этот Харгел что-то с ними сделал, это должен знать кто-то из лесных людей... — Жрец внезапно повернулся к Твилле: — Или ты, ворожея. Посмотри в средоточие своей силы и скажи: где теперь наши семьи?

Твилла прикрыла зеркальце ладонью, словно защищая. Однако девушка не знала, чем может пригрозить ей этот жрец подземного народа. Тем более что она все равно не имела ни малейшего понятия, как найти ответ на его вопрос.

— Я... Мне нужно увидеть их лица... — Девушка лихорадочно придумывала более или менее связное объяснение. — Я не смогу сосредоточиться, не представляя их лиц. Ведь я не знаю, как выглядели ваши женщины...

Жрец в нетерпении постукивал древком секиры по полу. Примет ли он такое объяснение? Твилла верила, что говорит правду.

— Увидеть лица?.. — повторил жрец. Потом подошел к открытым дверям кузницы и что-то зычно крикнул.

Один из маленьких воинов прибежал на его зов, жрец отдал ему какой-то приказ, и воин снова убежал — куда-то в дальний угол зала.

— Возможно, мы найдем для тебя их лица... — сказал жрец. — Пойдем...

Они вышли из кузницы в большой зал. Там стояли скамьи. Жрец жестом предложил Твилле и девочке присесть и сам тоже сел — на другую скамью, лицом к ним. Топоча короткими ножками, прибежал воин, которого жрец за чем-то посылал. То, что принес воин, сверкало и переливалось в лучах красновато-золотистого света — так ярко, что казалось, будто предмет окружен сияющим ореолом. Жрец принял эту вещь так, словно это была величайшая ценность. Он долго пытался пристроить свое сокровище на скамье — ему не хотелось, чтобы к драгоценному предмету прикасались руки посторонних. Когда жрец повернулся, Твилла увидела небольшую скульптуру, еще более чудесную, чем те, что стояли в нишах во дворце лесного народа. Она была сделана столь же искусно. Твилла взяла скульптуру и подняла ее повыше.

Это было изображение женщины. Не с такими точеными чертами лица, как у лесных чародеек, скорее похожей на женщин из народа Твиллы. Она чем-то неуловимо напомнила девушке ее наставницу, ведунью Халди. Фигура женщины не походила на кряжистые, плотного сложения фигуры маленьких воинов. Она скорее напоминала более высокого и стройного жреца.

— Это Ката, моя сестра-супруга... А я — Шард, мастер чародейства... Мы — последние в нашем народе, обученные искусству владения силой, — если только Великие Силы не благословят нас ребенком... — Жрец склонил голову и с силой ударил кулаком по скамье. — Ката!.. — Он почти всхлипнул.

Твилла не знала, что тут можно сделать. Но она все равно должна была попробовать. Печаль и запустение этого места потрясли ее с новой силой. Девушка немного отодвинулась и поставила фигурку на скамью, рядом с собой. Потом она достала зеркальце и посмотрела в него на изображение Каты.

— Одно потерялось, другое нашлось —
Так издавна повелось.
Пусть та, кто спит сейчас, найдется
Там, где придется!

Корявые, нескладные стишки — как и все другие, которые сочиняла Твилла, взывая к силе зеркальца. Но все-таки девушка надеялась, что и на этот раз все получится. Маленькая фигурка отражалась в зеркале очень отчетливо. Потом ее затянуло туманной дымкой, которая становилась все плотнее — как туманные вихри лесного народа. Красно-золотое сияние скульптуры поблекло. Постепенно отражение в зеркальце совсем изменилось — вместо литой фигурки Каты Твилла увидела простой продолговатый камень или кусок скалы, торчащий вертикально вверх, словно столб. Камень?

Это слово Твилла сказала вслух. Шард тотчас же оказался возле нее и заглянул в зеркальце через плечо девушки. Но изображение уже затянулось туманной дымкой и исчезло.

Шард коротко вскрикнул и потянулся к зеркальцу, словно хотел отобрать его у Твиллы, но почти сразу отпрянул.

— Это был всего лишь каменный столб, — сказала девушка, разочарованная тем, что не смогла помочь. Каменный столб мог обозначать могилу... Может быть, это видение означало, что Ката где-то похоронена?

— Харгел! — В устах Шарда это имя прозвучало как ругательство. — Но где-то должны хоть что-нибудь об этом знать... Где-то... Наверху!

— ОКСИЛ... — Твилла погладила зеркальце ладонью. Неужели старинная вражда между этим народом и людьми леса настолько сильна, что они не смогут прийти к согласию? К ней самой Оксил отнесся с сочувствием и довольно благожелательно... Но эти два народа — явно давние враги. Однако заранее ничего нельзя сказать наверняка — нужно хотя бы попробовать договориться.

— Шард, вам, наверное, понадобится кто-нибудь, кто отнесет ваше послание наверх... Позволишь ли ты пойти мне — вместе с Ванди? Я дам любую клятву, какую ты потребуешь, — что сделаю все возможное, чтобы узнать о судьбе Каты и остальных.

— Поклянись... Вот этим! — Он указал на зеркальце. — Клятвой крови.

Клятва крови... Это была очень могущественная клятва, способная примирить смертельных врагов. Обычно на крови клялись воины. Шард пристально и настороженно смотрел на Твиллу, словно ожидал, что она откажется — и тем самым подтвердит его подозрения относительно всех пришельцев из верхнего мира.

Твилла положила зеркальце на колено отражающей стороной кверху. У нее был нож — тот самый, которым она резала мясо. Острый кончик ножа вполне годился для того, что она задумала. Девушка проколола подушечку пальца и выдавила капельку крови. Капля упала на зеркальце и разлетелась на мелкие брызги.

— Клянусь своей кровью и силой, которая приходит на мой зов, в том, что, как только окажусь в верхнем мире, донесу до Оксила и других вождей лесного народа твое послание. Если ты в ответ обещаешь соблюдать перемирие и держать совет с народом леса. Клянешься ли ты в этом, Шард?

Жрец поднял свою секиру и чуть наклонил ее, чтобы кабанья голова смотрела прямо на зеркальце. Твилла видела, как глаза золотого вепря вспыхнули красным. Кровь с зеркала исчезла, словно впиталась в металл.

— Хорошо... — сказал Шард. — Напомни этим гордецам из верхнего мира, что металлы откликаются на наш зов. Не только

их любимое серебро и наше золото — но и железо тоже! — Последние слова он произнес с оттенком угрозы. — Однако тебе и ребенку придется подождать, пока мы отыщем самый короткий путь наверх — тот, который нам лучше всего подойдет. Поэтому пока отдыхайте. Смирите свое нетерпение и ждите. Хороший клинок быстро не выковать.

Твилла охотно согласилась. Хотя девушка немного отдохнула и поела в грибной пещере, ее силы снова истощились — после того, как она пыталась найти Катю и увидела в зеркале каменный столб.

Один из маленьких воинов проводил Твиллу и Ванди вверх по лестнице, на первую галерею. Туда выходили жилые помещения замка. Твилле и девочке выделили комнату, в которой уже было приготовлено ложе — набитый сеном тюфяк и меховые одеяла. Постель была достаточно широкой для них обеих. Твилла улеглась на тюфяк и собралась заснуть. Ванди пристроилась возле нее.

— Леди...

Твилла не хотела обращать внимания на позвавший ее голос, но тут ее еще и потрясли за плечо. Девушка с трудом разлепила отяжелевшие веки. Ванди снова потрясла ее за плечо и сказала:

— Леди... Здесь еда...

Девочка показала на низенький столик. На нем стояло большое плоское блюдо с двумя металлическими чашками овальной формы, покрытыми искусной гравировкой. Вдоль края чашек вилась затейливая вязь, может быть, давно забытые письмена. Рядом с чашками лежали две ложки, столь же искусной работы — их ручки были сделаны в форме маленьких фигурок вепрей. И чашки, и ложки сияли мягким блеском благородного металла. Когда Твилла взяла ложку в руку, то по ее тяжести убедилась, что приборы сделаны из золота.

В чашках было мясное рагу. Твилла ощутила аромат знакомых трав, а само мясо имело странный, хотя и довольно приятный привкус. Девушка проголодалась, и порция не показалась ей слишком большой. Ванди села на пол возле Твиллы, скрестив ноги, и приступила к своей порции.

На столике стоял также кувшин в форме крылатой ящерицы — только во много раз больше настоящей. Там же нашлось

и два кубка из рога на подставках-треногах. В материале, из которого были сделаны подставки, Твилла признала кабаньи клыки. Девушка не понимала, какое именно символическое значение придается здесь этому животному из верхнего мира. Однако не оставалось сомнений, что подземный народ очень почитает дикого кабана.

В кувшине оказалась вода. Наверное, кто-то подметил, что Ванди пришлось не по нраву тот напиток, что им подавали в первый раз. Твилла наполнила водой оба кубка и отпила немного из своего.

Неожиданно девушке вспомнилось... Там, по ту сторону гор, люди верят, что если кто-то попробовал пищи необычного происхождения, он будет навеки привязан к иному миру. Да, именно так и было написано — и не один раз — в книгах, которые Твилла читала у Халди. Что ж, она уже попробовала пищи и лесного народа, и подземного — несомненно, ей теперь придется проверить, чего стоят эти предупреждения. Однако Твилла не собиралась терпеть голод и жажду и отказываться от пищи только из-за каких-то старых сказок.

Правда, на этот счет было еще одно предупреждение. Весьма туманное, потому что некоторые народы, которые упоминались в этих книгах, невозможно было точно распознать. Второе предупреждение касалось времени. Будто бы в разных мирах время течет по-разному — в одном быстрее, в другом медленнее. В сказках люди, которые попадали в сеть потусторонних сил, а потом вырывались на свободу, обнаруживали, что для их родных и друзей прошли долгие годы, хотя сами они прожили всего несколько дней.

Как бы то ни было, все это — только сказки и легенды. И сама Халди говорила, что доказательств этим верованиям не существует. И те, кто пропадал в лесу, а потом возвращался искалеченный или с помутненным рассудком — как Илон... Твилла ни разу не слышала, чтобы в таких случаях говорили о какой-то разнице во времени.

Илон... Твилла осторожно поставила кубок на низкий столик. Ей снова вспомнилось изображение Илона в зеркале. Девушка была уверена, что он каким-то образом слышал ее — хотя она сама не знала, откуда у нее эта уверенность.

Ее размышления прервал стук в дверь. Девушка встала, чтобы встретить гостя. Это оказался не Шард, как ожидала Твилла, а тот бородатый воин, которого она первым освободила из грибного плена. Он кланялся и пытался обратно к выходу, что-то говоря на том самом резком, скрипучем языке, которого Твилла не понимала. Зато жесты маленького воина были вполне понятны — он хотел, чтобы Твилла пошла за ним.

Не отпуская от себя Ванди, девушка последовала за бородачом. Выйдя на галерею, она заметила, что в главном зале все переменялось. Теперь здесь кипела жизнь и бурная деятельность. В двух кузницах горели горны, по всему залу эхом разносился громкий лязг от ударов металла о металл. Невысокие крепыши сутились повсюду. Они тащили откуда-то мешки и коробки, очень тяжелые — судя по тому, как маленькие носильщики покряхтывали, поудобнее устраивая ношу на плечах. Одни мешки отправлялись в кузницы, другие — вероятно, в кладовые.

Провожатый повел Твиллу не вниз по лестнице, а вдоль галереи, мимо дверей множества комнат, до самого дальнего конца зала. Там, посредине галереи, находилась гораздо более широкая, чем остальные, дверь, украшенная сверху изображением головы дикого кабана. У этой двери провожатый отошел в сторону, пропуская Твиллу и Ванди вперед.

Твилла с девочкой вошли и увидели Шарда, который сидел скрестив ноги на разложенных по полу подушках. Перед ним стоял невысокий столик со множеством металлических дисков на нем, покрытых мелкой гравировкой — все те же запутанные узоры, похожие на неведомые письмена. Некоторые диски Шард небрежно отбросил в сторону, два или три вообще валялись на полу, зато остальные жрец рассматривал с пристальным вниманием.

Когда Твилла и Ванди прошли в комнату, Шард оторвался от своего занятия. Он встал и поклонился — столь же церемонно, как это было принято у лесного народа.

— Слишком долго! — с жаром сказал он. Судя по всему, Твилла застала его в разгаре тяжелых раздумий. — Долго... — Плечи жреца опустились, словно под тяжестью какого-то груза.

Потом Шард обратился с вопросом к Твилле:

— Ты ничего не слышала о Харгеле от верхнего народа? Никто ни разу не упоминал это имя? Никто не рассказывал тебе о нас и о той печальной участи, которая нас постигла?

— Нет. Я видела в коридорах дворца закрытые двери, запечатанные магическими символами. Мне сказали только, что за этими дверями закрыты какие-то старинные враги лесных людей.

— Однако тебе и ребенку удалось пройти через такую дверь...

— Ванди была очень испугана и в страхе бросилась на дверь с символом... И прошла сквозь нее. А я пошла следом, чтобы найти девочку. Да, еще... — Девушка вспомнила об Илоне. — Незадолго до этого один из пленников лесного народа был вместе со мной в том коридоре. Он дотронулся до двери — и его пальцы прошли сквозь нее.

— Таким образом, ты утверждаешь, что ты, какой-то раб и этот ребенок могут проходить по пути, на который наложено охраняющее заклинание?

— Почтенный жрец, я могу лишь предполагать... Может быть, заклятие не подействовало на нас потому, что я принадлежу совсем к другому народу, как и двое других, о которых я говорила.

— Да! — Шард кивнул. — Они не стали даже пытаться связать тебя чарами — потому что ты сама обладаешь силой. На ребенке тоже нет никаких чар... Но, по твоим словам, даже зачарованный раб смог преодолеть магический барьер Харгела...

Он немного помолчал, размышляя, и объявил:

— Я буду говорить с моим народом на всеобщем собрании. Они в какой-то мере доверяют тебе — потому что ты освободила их от заклятия. Я тоже тебе доверяю — ведь ты поклялась мне на крови. Мы сейчас как раз обследуем свои владения... И уже убедились, что ты сказала правду: люди твоего народа не только пытаются разграбить лес — они жаждут и металлов. У них есть работники, специально обученные поиску и добыче металлов. Мы тоже охраняем свои владения...

Харгел не нарушил наших преград — наверное, думал, что с этим не стоит возиться, раз уж мы надежно связаны его заклятиями. Но теперь эти люди хотят забраться вверх по течению реки... Они стремятся к залежам металлов, которые суть наша жизнь, — так же как деревья — для тех, что

наверху. У лесного народа своя сила, у нас — своя. К примеру, железо для нас совсем не так страшно, как для них. Я ищу знания, которые нам так необходимы... — Шард показал на россыпь металлических дисков. — Если верно, что Харгел больше не хозяин леса... Значит, среди лесного народа могут найтись такие, кто внимает тревожным знакам. И может быть, даже нуждаются в помощи... Тогда, возможно, мы могли бы обсудить это вместе. К тому же пока неизвестно, что случилось с нашими женщинами. На них, наверное, пало очередное заклятие Харгела... Я убедил наших, что тебя и ребенка нужно отпустить на свободу — показать вам путь из наших владений, который ведет не к тем трем дверям. Поговори с этим Оксилем — если он сейчас глава Совета, то власть его велика. Скажи ему, что когда двое о чем-то договариваются, случается, что в выигрыше оказываются оба. Ты сделаешь это?

— Сделаю.

Как только Твилла дала это обещание, вокруг закипела бурная деятельность. Ей и Ванди выдали новые сапоги — маленькой девочке они доходили до самых бедер, а Твилле приходились чуть выше колен. Девушка укоротила свое изорванное и грязное платье, которым так гордилась, — теперь оно едва прикрывало колени. Им дали также мешок с провизией. Там были полоски вяленого мяса и съедобные коренья. Кроме того, Твилла вооружилась такой же точно секирой, как та, что послужила ей верой и правдой в грибной пещере.

Шард проводил Твиллу и девочку до реки. Там к ним присоединился еще один маленький воин.

— Это Утин, он проведет вас до границ наших земель. Дальше тебе придется полагаться на свои собственные знания... — Жрец помолчал немного, потом добавил: — Ворожея... Я надеюсь, что ты честно исполнишь все обязательства. Боюсь, нам угрожает опасность — столь же страшная, как черное чародейство Харгела. Мне не дано предвидеть будущее — этим даром была наделена моя Ката... Но и у меня бывают страшные сны.

— Я — одна, сама по себе, — ответила Твилла. — И может быть, мне удастся сделать не так уж много... Но поверь — я сделаю все, что в моих силах.

Шард приподнял свою волшебную секиру, прощаясь с девушкой, и Твилла с Ванди пошли за своим новым проводником.

Какое-то время они шли рядом с рекой, не заходя в воду. Грубые сапоги натирали ноги, и вскоре Ванди захныкала и захотела их снять.

Утин быстро шагал впереди, не останавливаясь, чтобы хоть немного передохнуть. Когда Твилла и девочка начали отставать, он только пробурчал что-то невразумительное на своем непонятном языке.

Свет в этом странном мире все время оставался одинаковым — не становилось ни темнее, ни светлее. Твилла не могла определить, сколько времени они уже идут. Наконец она остановилась, потому что Ванди совсем устала. Девочка уже давно цеплялась за руку Твиллы, чтобы не отстать. Твилла села прямо на землю, Ванди плюхнулась рядом с ней. Утин обернулся и заворчал на них. Но Твилла решительно покачала головой и показала на ноги, стараясь жестами объяснить проводнику, в чем дело. Тот еще что-то проворчал и отошел к реке. Он стал вглядываться в воду так, словно искал там какое-то потерянное сокровище.

Высокая трава позади того места, где сидели Твилла и Ванди, неожиданно зашевелилась и подалась вперед, расступаясь под напором какого-то живого существа. Показалось рыло дикого кабана — огромного, гораздо крупнее, чем его сородичи с той стороны гор. Холка кабана высилась вровень с плечом Твиллы. Животное уставилось на девушку маленькими красными глазками и ударило передней ногой по земле. Огромное острое копыто взрыхлило почву, с корнем выворачивая толстую, жесткую траву.

Все знают, что дикие кабаны, которые водятся в незаселенных местах, едва ли не самые опасные животные из всех, на которых охотятся люди. Они отличаются злобным нравом, на редкость сообразительны и яростны в бою и порой набрасываются на охотников, когда те меньше всего этого ожидают. А появившийся кабан был самым большим и страшным, какого Твилла только могла себе представить.

Животное хрюкнуло и тряхнуло головой. С гигантских клыков, украшавших и верхнюю, и нижнюю челюсти, полетели брызги слюны.

Ванди тихонько всхлипнула, сжалась в комочек и придвинулась к Твилле, дрожа от страха. Девушка, не теряя присутствия духа, взялась за секиру — хотя и не знала, хватит ли у нее сил и умения обращаться с оружием, чтобы противостоять такому зверю.

Утин подошел и встал между кабаном и двумя девушками. Он тоже захрюкал — точно так же, как кабан. Твилла готова была поверить, что маленький проводник разговаривает с вепрем на каком-то зверином языке.

Кабан повернул голову к Утину. Маленькие красные глазки обшарили кряжистую фигуру воина. Несколько долгих мгновений проводник и зверь стояли друг напротив друга. Потом кабан снова тряхнул клыкастой головой.

Утин повернулся к вепрю спиной и взмахнул рукой, заставляя Твиллу и Ванди подняться и идти дальше.

Девушка еще раз взглянула на кабана. Животное не подступало ближе, только недовольно фыркнуло и снова взрыхлило копытом землю.

На секире жреца было изображение кабаньей головы, в замке подземного народа повсюду встречались такие же изображения. Определенно между этим народом и вепрями была какая-то связь. Утин отнесся к зверю с почтением, но вовсе не встревожился, увидев огромного кабана.

Проводник снова взмахнул рукой, с еще большим нетерпением, и Твилла поднялась на ноги. Обнимая одной рукой Ванди, а во второй сжимая древко секиры, девушка пошла туда, куда показывал проводник. Однако кабан не остался на месте.

Фыркающая и похрюкивая, животное затрусило следом за ними. В воздухе ясно ощущался крепкий, своеобразный запах дикого зверя. Ванди тихонько всхлипывала, но не пыталась убежать.

Девочка прижималась к Твилле и старалась не отставать от нее.

Как бы то ни было, отделаться от четвероногого стража им так и не удалось. Твилла была уверена, что это именно страж, отсекающий обратный путь во внутренние земли.

Поскольку животное пока не пыталось напасть, девушка решила, что если они будут и дальше следовать за Утином — все обойдется мирно. А впереди, преграждая путь, возвышался высокий утес. Скала тянулась поперек пути, и ни слева, ни справа не было видно, где она заканчивается.

На поверхности скалы во многих местах выступали богатые рудные жилы самых разных металлов. Видно было, что руда залегает совсем близко от поверхности и добывать ее будет очень легко. Таких богатых руд никогда не увидят обитателям верхних земель — сколько бы ни старались их шахтеры и землекопы. Если бы какой-нибудь королевский наместник хоть одним глазком взглянул на эту скалу, сюда тотчас же прислали бы могучую армию, чтобы отвоевать у подземного народа источник таких несметных богатств.

Река уходила под скалу, но поток не полностью занимал расщелину. Утин остановился и подождал, пока Твилла и девочка его догонят. Огромный вепрь все еще брел за ними следом, скрываясь в высокой траве.

Проводник указал на расщелину в скале, сквозь которую протекала вода, и знаками дал понять, что им следует идти туда, хотя сам явно не собирался двигаться дальше.

Твилла древком секиры измерила глубину потока в нескольких местах и выяснила, что вдоль берега дно твердое и река совсем мелкая. Там вполне можно было пройти — особенно в тех высоких сапогах, которыми их столь предусмотрительно снабдили. А чуть дальше от берега дно реки резко понижалось.

Утин нетерпеливо взмахнул рукой. К тому же Твилла услышала за спиной недвусмысленное фырканье огромного кабана. Было вполне очевидно, что провожатые хотят поскорее избавиться от чужеземок.

— Иди рядом со мной, — сказала Твилла девочке. — Крепко держись за мою юбку и старайся ступать только туда, где я прошла. Поняла?

Девочка быстро закивала головой. Твилла помахала рукой Утину и поблагодарила его за помощь — хотя маленький подземный житель, скорее всего, не понял ее слов. Потом девушка вошла в воду и двинулась к расщелине в скале, сквозь которую протекала река.

Неподалеку от входа в расщелину внутри пещеры было еще довольно светло — там, куда проникал свет снаружи. Но по мере того, как Твилла и девочка все дальше углублялись в пещеру, становилось все темнее и темнее. К счастью, подводная дорожка была довольно ровной, без уступов и ям. Пройдя какое-то расстояние, Твилла почувствовала себя увереннее.

Они упорно продвигались вперед. Когда темнота вокруг сгустилась, Ванди подобралась к Твилле как можно ближе. Твилла подумала о том, что можно воспользоваться светом зеркальца, но отвергла эту мысль. Слишком много неведомых опасностей могло ждать их впереди, и девушка не хотела понапрасну растрачивать силу зеркальца, которая потом могла понадобиться для защиты.

Русло реки внутри горы было ровным и прямым, без поворотов, — как будто его кто-то специально так проложил. От холодной воды у Твиллы через какое-то время начали мерзнуть ноги, несмотря на крепкие, грубые сапоги. Она беспокоилась за девочку — если та не сможет идти сама, хватит ли у Твиллы сил, чтобы ее нести?

Тем временем впереди стало немного светлее — возможно, вскоре пещера закончится и река выведет их наружу... Каменные стены пещеры резко оборвались, и Твилла с Ванди оказались на свободе. Однако по обеим сторонам реки берега круто поднимались вверх, хотя и не были скалистыми. Склоны поросли лесом, но никаких плывущих между деревьями туманов Твилла пока не заметила.

На отвесных берегах остались характерные полосы, которые свидетельствовали о том, что иногда уровень реки значительно поднимается. Твилла стала высматривать место, где можно взобраться наверх.

Наконец она как будто присмотрела такое местечко. Там из земли выступали вымытые водой корни деревьев, и Твилла, а за ней Ванди взобрались по ним на вершину утеса, как по лестнице.

В прибрежном лесу было не слишком темно, потому что сюда попадал свет с открытого пространства над рекой. Но куда идти дальше — Твилла не имела ни малейшего понятия. Если направиться в темную чащу леса, они наверняка снова заблудятся и, возможно, опять попадутся в какую-нибудь ча-

родейскую ловушку, подстроенную коварной Лотис. Как добраться до замка, Твилла не знала.

Но с другой стороны, если они пойдут дальше вдоль берега реки, то обязательно выйдут на равнину. Там Твилла сможет оставить девочку у какой-нибудь семьи фермеров. Но самой Твилле нужно будет все время держаться настороже.

Судя по высоте солнца, сейчас был полдень. Несмотря на это, в воздухе веяло прохладой — Твилла даже поежилась от холода.

— Где мы? — спросила Ванди.

— В лесу. Наши земли где-то впереди. Если мы пойдем вдоль реки...

Они не успели пройти и нескольких шагов, как за шелестом листвы послышались другие звуки — звон от ударов мотыга о камень, голоса людей...

Твилла осторожно двинулась на звуки. И вскоре увидела, что в одном месте обрывистый берег реки ополз вниз, а рядом упало большое дерево. Дерево лежало возле самой воды, а вокруг суетились люди с топорами. Они обрубили ветки, связывали в плоты и сплавляли их вниз по течению с помощью рабочих лошадей, которые тянули плоты вдоль берега.

Поселенцы! Твилла притаилась за деревом и стала рассматривать лесорубов. Рабочими командовал дородный мужчина в обычной для поселенцев одежде. Но тут Твилла заметила еще одну небольшую группу людей, которые поднимались вверх по течению реки вместе с упряжкой рабочих лошадей, направлявшейся за очередной партией бревен.

Астар! Твилла узнала человека, который шел сюда в сопровождении еще двух вооруженных мужчин. Девушке сразу же нестерпимо захотелось убежать и спрятаться. Если здесь всем распоряжается Астар — значит, договориться с рабочими не удастся...

И тут Ванди внезапно сорвалась с места и побежала к тому месту, где произошел оползень. Твилла не успела ее остановить. Девочка бежала к поваленному дереву, размахивала обеими руками и кричала что было сил:

— Папа! Я тут, па! Па-па!

Лесорубы оставили свое занятие и обернулись на крики. Девочка бежала к ним, приплясывая от радости. Здоровяк, который руководил рабочими, закричал в ответ:

— Ванди! Ванди! — и бросился к ребенку, раскрыв объятия.

Твилла вздохнула с облегчением. Ванди на свободе, и больше нет нужды за ней присматривать. Значит, можно уходить! Твилла развернулась и на четвереньках — чтобы ее не заметили снизу — поползла обратно в тень деревьев, а потом побежала в глубь леса. Девушка думала только об Астаре, который стоял на берегу реки и смотрел в ее сторону.

18

ТВИЛЛА БЕЖАЛА что было сил. Она уже начала задыхаться от быстрого бега, в боку закололо. Постепенно до нее стало доходить, что бояться-то, собственно, было нечего. Астар видел ее только под уродливой личиной, наколдованной с помощью зеркальца, — так что теперь он наверняка не узнал бы в ней ту девушку, что досталась ему в лотерее. И все же, если бы ее обнаружили те люди, что работали у реки, — как бы она объяснила им, кто она такая и что здесь делает? Нет, все-таки она правильно поступила. Хорошо, что они ее не заметили. А здесь, в лесу, Твилла в безопасности. Никто не станет преследовать ее в этом страшном месте.

Потом девушка подумала о другом и немного испугалась. Она ведь безнадежно заблудилась! Она не знала никаких примет или ориентиров, по которым можно было найти дорогу в этом лесу. Твилла понятия не имела, как добраться до поляны перед Великим Деревом. Лес повсюду казался ей одинаковым, а плывущие между деревьями клочья тумана еще больше сбивали девушку с толку.

Дрожа от усталости после долгого бега и блужданий по лесу, Твилла опустилась на землю возле большого дерева и оперлась спиной о его выступающие из земли корни. Девушка развязала мешок с едой, которой снабдили ее подземные жители, и, достав полоску мяса, сунула ее в рот. Вяленое мясо оказалось жирным и не особенно приятным на вкус. Но Твилла за-

ставила себя пережевать и проглотить его — ведь другой пищи у нее не было.

Девушка не знала, насколько хорошо охраняются границы леса. Может быть, ей встретится кто-нибудь из лесных людей — хотя бы тот самый наблюдатель Вестел, который позвал Оксилла на помощь, когда неосторожный юноша поранился о железо. Ведь лесной народ, несомненно, следит за людьми, которые рубят лес у реки.

Как бы то ни было, Твилла решила пока остаться здесь. У девушки просто не было сил вставать и пускаться в очередные бесплодные блуждания по лесной чаще.

Наверное, Твилла незаметно для себя задремала. Но внезапно она задохнулась и закашлялась от отвратительного зловония, наполнившего воздух. Девушка подняла голову и увидела, как из лесной чащи выбирается такое же точно чудовище, как то, что охраняло подступы к лесу с другой его стороны.

Твилла прекрасно сознавала, что это создание, скорее всего, — просто иллюзия, которая опасна только для тех, кто поддастся страху и бросится бежать. Однако она все же поднялась на ноги, опираясь руками о корни дерева.

Чудовище казалось таким реальным! Твилла видела его, ощущала отвратительный запах, отчетливо слышала, как оно рычит. Девушка даже подумала, что если она прикоснется к чудовищу, то почувствует его плоть. Но если ее собственные чувства так обманывают ее — она может стать добычей этого монстра!

Зеркальце! Твилла судорожно схватилась за зеркальце. Оно покажет, чего нет на самом деле, а что есть, и, может быть, создаст какую-нибудь иллюзию в противовес этому страшилищу. Девушка трясущимися руками подняла перед собой серебряный диск. А чудовище тем временем целеустремленно шагало к ней — растопырив когтистые лапы, разинув страшную клыкастую пасть, из которой текла вязкая слюна.

— Ты... только видение! — Твилла с трудом заставила себя сказать хоть что-то. Во рту у нее все пересохло от страха. — Тебя нет!

На нее пахло зловонным дыханием. Когтистая лапа задела за корень, за которым пряталась девушка. Чудовище зарычало и нависло над Твиллой.

— Тебя нет! — Девушка выкрикивала эти слова, как защитное заклинание. — Нет! Нет! Нет!

Но оно было! Мохнатое страшилище не растворялось в воздухе, не исчезало. Возможно ли, чтобы такое чудовище действительно существовало и лесной народ создавал для защиты своих владений иллюзорные подобия реального существа?

Девушка крепче сжала в руках зеркальце. По крайней мере, чудовище пока не пыталось схватить ее кошмарными когтистыми лапами...

Твилла глубоко вздохнула, стараясь овладеть собой и успокоиться, хотя все органы чувств убеждали ее, что чудовище настоящее. Убежать от него не было никакой возможности — на это не стоило и надеяться.

— Тебя нет! — крикнула Твилла, не в силах сдерживаться дольше.

Кошмарная тварь ухмыльнулась. Маленькие красные глазки злобно сверкнули. Однако страшилище почему-то не нападало. Вместо этого оно присело на землю, подогнув под себя короткие задние лапы, задрало жуткую морду кверху и издало оглушительный рев.

Твилла съезжилась от страха, вопреки своим потугам поверить, что это кошмарное создание — всего лишь иллюзия. Если эту тварь создали для охраны лесных границ, то, возможно, она обучена брать в плен незваных гостей — тех, которые не убежали, едва завидев такое чудовище. А значит... Значит, рано или поздно сюда явится кто-то из наблюдателей...

Позади чудовища за клубился туман, свился в плотный вихрь, потом быстро развеялся — и оттуда выступил Оксил. Твилла даже всхлипнула от облегчения. Лесной лорд щелкнул пальцами, и чудовище, не сводя с девушки пристального взгляда, чуть подалось в сторону и недовольно зарычало.

— Пошел прочь! Нельзя! — сказал Оксил так, словно отгонял собаку.

Тварь снова зарычала, повела головой из стороны в сторону, но все-таки поднялась на ноги — хотя и весьма неохотно. Потом зверюга повернулась мордой к лесному лорду и еще раз зарычала.

Оксил просто ткнул в сторону чудовища указательным пальцем. Издав недовольный рев, кошмарная тварь потопала обратно в чащу леса — туда, откуда явилась.

— Оно... Оно было настоящее... — дрожащим голосом сказала Твилла.

— Это — да. Но как ты здесь очутилась, дочь Луны? И где ты была?

Дрожа всем телом, Твилла снова опустилась на землю, в укромное местечко между корней. Где она была?.. Так долго рассказывать...

Девушка прижала зеркальце к груди. Она чувствовала себя спокойнее, когда ее рука касалась твердой и прохладной глади заветного зеркальца.

— Я была... Во внутренних пещерах... За запечатанной заклитием дверью. Там был ребенок... — Твилла старалась упорядочить воспоминания и рассказать все по порядку. — В комнате Лотис. Я забрала девочку оттуда... Но там были чудовища... И те действительно были иллюзиями! Но Ванди испугалась и побежала... И пробежала сквозь запечатанную дверь... А я пошла за ней... — Девушка замолчала. Она так устала и к тому же пережила страшное потрясение, встретившись с лесным чудовищем... Ей трудно было сейчас пересказать всю историю, от начала до конца.

— Так, значит, ты побывала там, где уже тысячи лет никто не бывал... И что же ты там видела? — спросил Оксил. — Нет, погоди... Это касается сокровенных тайн, и нужно, чтобы твой рассказ слышали все, кто должен об этом знать.

Оксил подошел к Твилле и протянул ей руку. Она с трудом поднялась на ноги и взяла лесного лорда за руку. Тотчас же вокруг них закружился туманный вихрь. Второй рукой Твилла крепко сжимала свое зеркальце.

И снова они перенеслись в край с чудесными деревьями, на которых росли плоды из драгоценных камней. Перед ними возвышался замок. Держа Твиллу за руку, лесной лорд провел ее по богато отделанным дворцовым коридорам во все тот же большой обеденный зал.

Но сейчас за длинным пиршественным столом сидели только пятеро лесных обитателей. Здесь была Карла и еще две женщины — в одной из них Твилла узнала мать юного Фанны. Но

двоих мужчин, сидевших за столом, Твилла раньше не видела — или просто не запомнила. Когда Оксил, ведя за собой девушку, приблизился к столу, все присутствующие повернулись к ним.

Первой заговорила Карла:

— Совет собрался, Оксил. О чем ты хотел нам поведать? Я вижу, с тобой дочь Луны... Где она была?

— В Рагноке... Я так думаю... Но она сама вам все расскажет.

Кто-то шумно вздохнул, сдерживая возражения. Оксил провёл Твиллу дальше и усадил на стул во главе стола, а сам присел рядом.

Не выпуская из рук зеркальца — почему-то ей так было спокойнее, — Твилла рассказала, что с ней произошло. Несколько раз слушатели издавали сдержанные возгласы, а когда девушка дошла до освобождения плененных в грибах воинов, один из мужчин начал что-то говорить, но почти сразу замолк. Мать Фанны медленно кивнула головой, когда Твилла стала рассказывать о том, как маленькие воины пришли в свой главный замок, заброшенный и опустевший.

Во рту у Твиллы пересохло. Внезапно перед ней на столе появился кубок. Девушка отпила немного — в кубке оказался тот самый сладкий напиток, который она впервые попробовала на пиру.

Она рассказала о своем договоре с Шардом и о том, как они с девочкой покинули подземный дворец. Когда Твилла упомянула гигантского вепря, который сопровождал их на пути из подземного мира, слушатели снова необычайно оживились. Потом девушка рассказала о том, что видела на реке, — о рабочих, которые рубили поваленное дерево, о том, как Ванди увидела своего отца и убежала к нему. Твилла еще раз отхлебнула из кубка и почувствовала, как силы понемногу восстанавливаются.

— Вот и весь рассказ, — закончила девушка.

— Харгел! — Мужчина, сидевший рядом с Оксилом, потрясенно покачал головой. — Но ведь... Это же была целую жизнь дерева назад! Харгел и его чародейство давным-давно канули в тень.

— Верно, — заметила Карла. — О тех днях у нас остались темные и горькие воспоминания. Но их женщины...

— И их дети! — перебила ее мать Фанны. — Где же они? Ты видела каменные столбы... — Она повернулась к Твилле. — Только камни, и больше ничего?

Девушка покачала головой.

— В одном их вождь-жрец прав, — сказал третий мужчина. — У нас есть теперь общий враг. Если эти, с равнины, поднимутся вверх по реке в поисках металлов, которые им нужны... Они попадут в самое сердце гор. Но если старые легенды не врут, подземные жители не боятся железа... И дочь Луны говорит то же самое. А значит, они будут для нас весьма ценными союзниками.

— Если они захотят иметь с нами дело, — вставил Оксил. — Вспомните о той судьбе, на которую обрек их Харгел. И хотя мы давно избавились и от него самого, и от его злого чародейства... Не забывайте, что подземные жители сильно пострадали от чар Харгела — каждый из них. Мы вернем им их женщин, если сможем. Но колдовство Темного — это уже опавшие листья. Мы встретимся с подземными жителями и поможем им, если они поверят в наши добрые намерения.

— Но среди нас и сейчас есть такие, кто играет силой, как им вздумается... — напомнила Карла. — Лотис чарами заманила ребенка в наши владения — а разве до этого у нас было мало неприятностей с захватчиками, которые всеми силами стремятся завладеть нашими землями? То, что девочка благополучно вернулась к родным, возможно, немного облегчит наше положение. Ведь Лотис не успела связать ее чарами.

— Да, и потому она вне себя от ярости, — заметила третья женщина. — Особенно после того, как ее раб ушел...

Твилла насторожилась.

— Лорд Илон... Что с ним случилось? — быстро спросила девушка.

Ей ответила Карла:

— Похоже на то, что Лотис поработила его не так сильно, как ей казалось, — лесная леди как будто была довольна таким поворотом событий. — Он исчез...

— Он ушел через одну из тех дверей, — добавил Оксил. — Сказав перед этим, что ему было видение — как будто ты нуждаешься в его помощи.

Отражение в зеркале! Значит, Илон пошел за ней в подземный мир! Твилла залпом осушила кубок и постаралась успокоиться, чтобы руки дрожали не так сильно.

— Покажите мне эту дверь, — потребовала девушка.

Как подземные жители отнесутся к еще одному пришельцу? Будут ли они так же терпимы к Илону, как к ней и девочке? Этого Твилла не знала. Но одно знала твердо — она не может позволить Илону блуждать по темным подземельям в одиночестве, если есть хоть какая-то возможность ему помочь.

— Я рассказала вам все, что знала, — решительно заявила Твилла. — Теперь покажите мне ту дверь, через которую ушел лорд Илон! — Она повернулась к Оксилу.

Девушка думала, что кто-то станет возражать, но лесной лорд кивнул, соглашаясь.

— Если такова твоя воля, дочь Луны, — значит, так тому и быть.

И снова вихрь клубящегося тумана перенес их в темный коридор, который Твилла сразу узнала. Здесь Илон провожал ее после их случайной встречи — и привел потом к комнате Лотис.

Серебристый туман немного развеивал мрак — но в коридоре был и другой источник света. Возле одной из запечатанных заклятием дверей были укреплены три свечи — по углам треугольника. Свечи горели голубым пламенем, которое колебалось, словно под порывами легкого ветерка.

Возле свечей стояла Лотис. Она не обернулась, чтобы взглянуть на вновь прибывших. Скорее всего, коварная красавица вообще не заметила, что в темном коридоре появился кто-то еще. В одной руке Лотис держала короткую ветку, на кончике которой трепетал один-единственный листок. Этой веткой Лотис чертила в воздухе какой-то узор. Линии узора вспыхивали бледно-голубым сиянием в том месте, где проходила ветка.

Твилла не совсем поняла, что именно делала Лотис. Но в одном девушка была твердо уверена — Илону от этого будет только хуже.

Оксил шагнул вперед и одним быстрым движением выбил ветку из руки Лотис.

Колдунья зарычала, ее красивое лицо исказила гримаса, не предвещавшая ничего хорошего. Она подхватила ветку с по-

ла и замахнулась на Оксила, словно хотела ударить его веткой по лицу.

Твилла поняла, что пришло время действовать. Поскольку Оксил нарушил колдовской узор, который плела Лотис, нужно было докончить начатое им. Девушка пнула ногой свечи, они разлетелись в стороны и погасли, роняя на пол коридора голубые искры.

Лотис бросилась к Твилле с веткой в руке, но Оксил крепко схватил колдунью за запястье.

— Ты нарушила клятву! — Глаза лесного лорда сверкали. — Какую грязную игру ты затеяла, Лотис?

Та только рассмеялась. Ее смех прозвучал резко и надтреснуто, словно крик какой-то злой птицы.

— Не перед тобой мне держать ответ, слабый сердцем! Настала пора вернуться великим вождям древности! Разве они позволили бы жить этим негодным чужеземцам? Удис... Сирана... И Харгел... Разве они допустили бы такое? Землю можно пробудить...

Выкрикивая эти слова, Лотис постепенно отступала назад. Она схватила ветку обеими руками, разломала пополам и швырнула обломки в Оксила. Потом вокруг нее закружился туманный вихрь, и Лотис исчезла.

Оксил смотрел на разбросанные по полу свечи и обломки ветки. Его правильное лицо тоже исказилось — и Твилла не хотела бы, чтобы лесной лорд так разозлился на нее.

— Значит... — Он заговорил негромко, и все же голос его звучал пугающе. Точно так же мог звучать рев дикого зверя, загнанного в угол и приготовившегося биться не на жизнь, а на смерть. — Вот так, значит...

Твилла подумала, что это не ее дело — вмешиваться в их ссору. Но то, что делала здесь Лотис, могло напрямую относиться к Илону. Девушка направилась к двери.

— Илон ушел через эту дверь? — спросила она.

Несколько мгновений Оксил смотрел на нее, как будто не понимая, кто она такая и откуда здесь взялась — настолько его мысли были заняты другим. Потом лесной лорд молча кивнул.

Прежде чем Оксил успел заговорить или что-то сделать, Твилла, собравшись с силами, пошла сквозь дверь. Та подалась под ее напором. Девушка почувствовала, что проходит словно

сквозь пленку мягкого желе, — и снова очутилась в крошечной темноте.

Она взяла в руки зеркальце. Но на этот раз серебристый диск не засветился. Девушка вытянула вперед руки, нащупала стену высеченного в скале коридора и медленно двинулась вперед. Наверное, зеркальце не смогло осветить ей путь из-за чародейства, которое сотворила Лотис. Твилла на миг замерла в нерешительности, но потом все же пошла дальше — медленно и неуверенно, в полной темноте.

Для Илона всегда так же темно, как для нее сейчас, — и так будет, пока он не освободится от чар Лотис. Вместе с утратой зрения к человеку приходит страх — Твилла тоже испугалась, оказавшись в полной темноте. Но девушка все равно продолжала идти вперед, хотя и очень медленно. Одной рукой она держалась за стену подземного коридора, а другой поглаживала свое зеркальце, надеясь вызвать в нем хоть какой-нибудь, пусть самый слабый отклик.

Она сделала еще один шаг, и нога ее не встретила твердой опоры. Девушка потеряла равновесие и упала, больно ударившись о камни. Она катилась вниз, набивая синяки, пока наконец падение не прекратилось. Твилла лежала на гряде камней и поначалу не могла шевельнуться. Потом она выпрямила руки, подвигала ногами, проверяя, не сломаны ли кости. Каждое движение вызывало боль, но тело все еще повиновалось ей. Она расшиблась не настолько сильно, чтобы стать совсем беспомощной. Если она здесь упала — как же Илон?.. Твилла позвала его по имени, потом замерла, прислушиваясь. В ответ не раздалось ни крика, ни стопа. Не поднимаясь с колен, в которые больно впивались острые камни, девушка вытянула руки и попыталась на ощупь отыскать тело Илона, которое могло лежать где-нибудь рядом.

Она ничего не нашла. Даже если Илон тоже упал и сильно разбился — он, наверное, смог уползти куда-то. Твилла встала и побрела дальше, ступая еще более осторожно, всякий раз нащупывая опору перед тем, как поставить ногу. Время от времени она звала Илона, но, похоже, кроме нее самой в этой темной пещере никого не было.

Она вернулась к обрыву, с которого упала. Взобраться обратно было невозможно — не за что ухватиться, не на что опе-

реться ногой. Когда Твилла попробовала уцепиться за каменный выступ, он откололся под ее пальцами и осыпался. Значит, остался только один путь — вперед. Но после падения девушка стала еще осторожнее — она ощупывала ногой дорогу и только потом переносила на эту ногу вес всего тела.

Время утратило всякое значение. Были только темнота и дорога — и Твилла стремилась преодолеть то и другое. Двигаясь вперед медленно и осторожно, девушка убереглась от очередной неприятности — когда впереди вдруг оказалась стена, о которую Твилла больно ударилась ногой.

Свет! Очень слабый и далекий, но все же — свет! Твилла сглотнула комок, подкативший к горлу, и почти всхлипнула. Потом повернулась к видневшемуся вдалеке свету и двинулась туда, все так же медленно, нащупывая дорогу при каждом шаге.

Прошла еще целая вечность, прежде чем Твилла, шаркая ногами по каменному полу пещеры, добралась до источника света. Это была расщелина в стене. Твилла не знала, был ли это выход наружу или нет — но все равно протиснулась в щель и выбралась из темного коридора.

Она оказалась в такой же огромной пещере, как та, в которой они с Ванди нашли заколдованных подземных жителей. Неподалеку от того места, где стояла Твилла, кто-то двигался. Присмотревшись, девушка увидела небольшой отряд маленьких воинов. Они столпились вокруг какого-то тюка, лежавшего на полу. Твилла медленно пошла к ним.

Подойдя поближе, она рассмотрела, что это за тюк. Илон! Слепой лорд был обернут тонкой серебристой сетью, словно пойманное охотниками животное. Один из маленьких воинов подступил к Илону с мечом.

Твилла бегом бросилась к Илону и его пленителям. Она должна остановить их!

— Нет! — закричала девушка на бегу. Она бежала спотыкаясь и сжимала обеими руками заветное зеркальце — единственное оружие, которое у нее сейчас было.

Маленькие воины обернулись на ее крик. Они явно не ожидали увидеть здесь кого-то еще.

— Нет! — снова крикнула Твилла, задыхаясь от бега. По крайней мере, воин с мечом пока не нанес ни одного удара. Зеркальце... Только бы зеркальце отозвалось!

Девушка подняла серебристый диск. И тут Илон задержался в сетях. Не выдержав напора, сеть порвалась и упала с его плеч. Илон поднялся на ноги. Маленькие воины вскрикнули от неожиданности и удивления и отступили от Илона подальше. Одного из них Твилла узнала.

Утин! Он хотя бы знает, кто она такая. Твилла надеялась, что по ее требованию Утин отведет их с Илоном к Шарду.

Девушка окликнула Утина по имени. Он один остался стоять на месте, в то время как его товарищи отступили от освободившегося из сетей Илона. На лицах воинов ясно читалось крайнее удивление.

Если бы только Твилла могла говорить на языке подземного народа! Но, может, Утин хотя бы узнает свое имя? Она еще раз крикнула:

— Утин!

— Твилла? — Илон повернулся и посмотрел в ее сторону. — Это ты, Твилла?

— Да. — Девушка уже подбежала к нему и встала между ним и воинственными обитателями подземного мира.

— Утин... — Она твердо назвала имя одного из маленьких воинов, потом другое: — Шард!

Только бы они поняли ее и позвали своего вождя-жреца! Твилла исполнила то, что обещала, — по крайней мере отчасти. Она вполне может сказать Шарду, что в Совете лесного народа согласны его выслушать.

— Шард! — сказала она погромче.

Утин заговорил на своем гортанном наречии. Один из воинов отделился от отряда и побежал к дальнему концу пещеры. Послал ли его Утин за жрецом? Твилла надеялась, что это действительно так.

Тем временем Утин подобрал разорванную сеть и стал внимательно рассматривать ее, выискивая слабое место, из-за которого Илон смог порвать путы и освободиться.

А Твилла повернулась к Илону:

— Они не причинили тебе вреда? — Девушка осмотрела его, но никаких ран не обнаружила.

Илон улыбался, словно им не угрожала никакая опасность.

— Поймали меня, как рыбу! — с усмешкой сказал он. — Только сеть у них какая-то непрочная. А ты... С тобой все в порядке? Что с ребенком?

— Она вернулась к своим. Ее... — Твилла не успела больше ничего сказать, потому что прибежал обратно посланный Утином гонец, а следом за ним шел и сам Шард.

— Они привели своего вождя, — поспешно объяснила девушка Илону. — Он меня знает... Я уверена, что он меня выслушает.

Твилла по-прежнему стояла рядом с Илоном. Она не собиралась отходить от него, пока хоть один из маленьких воинов держит в руке меч. А они что-то не спешили убирать оружие в ножны.

— Ворожея! — Несмотря на странный выговор, Шард изъяснялся вполне понятно. — Ты снова пришла сюда... И с тобой этот зачарованный раб... — Жрец кивнул в сторону Илона, и на его лице появилось неприязненное выражение.

— Он мой друг... Он пошел сюда, чтобы отыскать меня... Поэтому я тоже должна была вернуться за ним. Он — одной со мной крови...

— Но он связан чарами леса!

Утин проворчал что-то на своем языке. Шард снова посмотрел на слепого лорда, теперь уже с удивлением.

— Какими же силами обладает этот человек? — спросил жрец, указывая на Илона. — Его связали сетью... И вот он стоит, свободный, хотя он и не из лесного народа! В чем его сила?

Твилла покачала головой:

— Я не знаю. Но разве вы связываете тех, кто не враги вам?

— Ты ведь сама говорила, что люди его племени несут нам беду. Они поднимаются вверх по реке — даже сейчас. Мы поставили своих стражей, но эти люди могут обладать силой, которая нам неведома, — как, к примеру, вот этот человек. Если мы возьмем в плен кого-то из них, то сможем выяснить, каким оружием лучше всего с ними сражаться.

— Попробуйте на мне, — предложил Илон. Слепого лорда как будто вовсе не тревожила такая перспектива.

— Лорд Илон — не враг вам, — спокойно сказала Твилла. — Он привязан чарами к лесу — но, наверное, уже не так сильно, как прежде.

— Люди леса забрали у него зрение, хоть и не тронули рас­судок — по каким-то своим причинам. Он, несомненно, их за это ненавидит, — предположил Шард. — Из ненависти к лес­ному народу он охотно приведет своих сородичей в лес, чтобы они отомстили за него.

— Звучит убедительно, — заметил Илон. — И все же ты ошибся. Не знаю, кто ты такой, что берешься обо мне су­дить, — но ты не сможешь причинить мне больше зла, чем уже причинили соплеменники. Когда я в первый раз вернулся из лесу искалеченный, они отвернулись от меня в страхе и во­обще перестали меня замечать, словно я не человек, а пустое место. Мои же кровные родственники просто ненавидят меня. Потом я снова ушел в лес — хотя и не из-за их отношения, — и моя родня наверняка еще больше на меня обозлилась. Земля широка... И если возможно будет договориться мирно...

— Кто такая эта ведунья? Она говорит, что люди нижнего и верхнего мира будто бы снова смогут жить в мире и дружбе, а теперь еще и ты — предлагаешь договориться с твоим народом!

— В мире происходят странные вещи... — сказал Илон.

— Посмотрим. Но ты и ведунья останетесь у нас — до тех пор, пока мы не узнаем, что можно сделать.

19

И СНОВА маленькие воины повели Твиллу по подземным переходам. Но на этот раз рядом с ней шагал Илон. Девушка крепко держала его за руку. Слепой лорд шел уверенно, словно мог видеть стены вырубленной в скале пещеры, покрытые на­ростами светящихся лишайников. Они дошли до самого сердца подземного мира — до величественного замка. Сейчас обита­лище подземного народа уже не казалось покинутым и без­жизненным. Повсюду деловито суетились маленькие работни­ки, занятые каждый своим делом. Одни трудились в кузницах, другие переносили разные грузы, необходимые для кузнечных работ и для прочих нужд.

Твилла выбирала самую ровную дорогу. Она время от вре­мени вполголоса подсказывала Илону, куда лучше ступить, и предупреждала о препятствиях. Наконец они дошли до тех

комнат, которые, судя по всему, были личными апартаментами вождя-жреца Шарда. По пути вокруг них все время кружили маленькие крылатые ящерицы. Одна из них уж совсем было собралась присесть Твилле на плечо, но в последний миг упорхнула в сторону.

Илон чуть наклонил голову — его встревожил близкий шелест крыльев. Девушка сразу же рассказала слепому о крылатых ящерицах, которые летают вокруг.

Но дальше дверей первой комнаты Шарда ящерицы за ними не полетели.

— Отдыхайте... — Жрец указал на низкие стулья с обитыми кожей сиденьями. Твилла помогла Илону сесть и села с ним рядом, пододвинув свой стул поближе к слепому лорду.

Шард больше не разбирал загадочные диски с письменами, как во время их предыдущей встречи с Твиллой. Но выглядел он очень уставшим и озабоченным, словно уже много часов занимался важными и неотложными делами.

— Ведунья, — сказал он. — Наверное, мы зря отпустили тебя... Наши разведчики с реки сообщили, что те, которые поднимаются вверх по реке, усердно расчищают дорогу. Они убирают большое дерево, упавшее, когда река подмыла берег. Сейчас они, наверное, уже справились с этой работой — обрубили с дерева ветви и оттащили ствол в сторону. Как бы то ни было, захватчики не отступают. Они выискивают наши богатства в речном песке и отправляют разведчиков, которые рыщут повсюду, постепенно поднимаясь все выше к истокам реки. Они нашли дорогу, по которой прошла ты с этим ребенком.

— Ванди... — сказала Твилла. — Ее отец был среди тех, кто работал на реке. Девочка ушла к нему. — Немного подумав, девушка добавила: — Но это, наверное, даже к лучшему, подземный лорд. Люди моего народа очень любят своих детей. И если бы ребенка чарами заманили в лес — они только усерднее стремились бы туда проникнуть.

Шард заметил:

— Если бы ребенок был связан заклинанием лесного народа, он бы ничего не мог вспомнить, вернувшись к своим. А этот ребенок все запомнил — я уверен.

— Значит, у Лотис на этот раз ничего не вышло! — Илон неожиданно вмешался в их беседу. — Она и меня не смогла удержать в своих сетях, — добавил он и криво улыбнулся.

— Я ничего не знаю про эту Лотис, — ответил Шард. — Как и все лесные женщины, она владеет силой. Но... — Жрец пристально посмотрел на Илона. — Может быть, ты просто не ощущаешь, как привязан к ней, человек из верхнего мира? Может быть, она по каким-то своим соображениям отпустила тебя немного погулять... Однако... — Он многозначительно поднял вверх указательный палец. — Наша сеть тебя тоже не удержала.

— А должна была? — поинтересовалась Твилла.

— Да. В давние времена, до того, как нас самих опутали сетями заклятия, мы держали такие сети, чтобы пленять чужеземцев, которые забредали к нам из-за гор. Таких было немного, но они шпионили и вынюхивали, совали нос в чужие дела. А некоторые из них даже кое-что понимали в камнях и рудах и могли узнать, какие богатства таят в себе наши горы. Мы ловили их — тех, которые не успели попасться в лесу. И серебряные сети удерживали всех. Потому что серебро нашей работы может устоять даже против холодного железа, которое ваш народ использует без вреда для себя. Наши кузнецы умеют закалять серебро волшебством — даже лесной народ этого не может! В серебро вложена наша сила, и мы обращаемся к нему, когда возникает нужда.

— Ты попался в сети. — Теперь жрец обращался только к Илону. — И все же сумел освободиться, когда захотел этого. А это означает, что лесные чары все еще связывают тебя, человек из верхнего мира, — благодаря им ты и освободился от наших сетей. Поэтому не думай, что ты свободен. Просто твоя лесная госпожа держит тебя на длинном поводке. Таким образом... — продолжил Шард после небольшой паузы. Он явно хотел, чтобы смысл его слов хорошенько дошел до чужеземцев. — Таким образом, ты сейчас, возможно, — глаза и уши тех, что наверху. Хотя, наверное, мне не стоило говорить «глаза»...

Твиллу рассердил этот колкий выпад против искалеченного лорда — точно так же она рассердилась несколько дней назад, когда злая красавица Лотис издевалась над Илоном за пиршественным столом.

— А я? — быстро спросила девушка. — Меня ты теперь тоже считаешь врагом? Ты сказал, что не надо было отпускать ребенка домой, что от этого только стало хуже... Это сделала я!

— Ты давала клятву на крови... — ответил жрец. — Эта клятва лежит и на твоей силе — она убудет, если ты нарушишь слово. Но это еще не все... — Жрец улыбнулся, и его улыбка не предвещала ничего хорошего. — Ты наверняка знаешь законы сил, ведунья. Если ты обратишь свою силу против кого-то, а у него, — он быстро выхватил из-за спины свою секиру с кабаньей головой, — а у него есть чем защититься... Тогда вся недобрая сила, которую ты хотела на него обрушить, обратится против тебя самой!

— Я исполнила то, что обещала! Я передала твое послание Оксилу на Совете лесного народа...

— Да? И каков же был его ответ?

— Я не знаю. И вот почему: я узнала, что лорд Илон, — девушка взяла слепого за руку, — отправился в ваши темные подземелья, чтобы отыскать меня. И потому, опасаясь самого худшего, я пошла за ним...

Она вспомнила о странном обряде, который прервали они с Оксиллом. В это была замешана Лотис... Твилла подумала немного и добавила:

— Лотис из леса творила какое-то чародейство у порога двери, за которую ушел Илон. Мы с Оксиллом нарушили ее колдовство.

Шард, который уже положил свою волшебную секиру на низенький столик, тотчас же снова схватил ее и повернул к себе. Вперив пристальный взгляд в глаза золотой кабаньей головы, он произнес несколько слов на гортанном наречии подземного народа. Глаза вопреки вспыхнули красным сиянием, и Твилла с удивлением заметила, что вебрь моргает — золотые веки несколько раз закрылись и снова открылись.

Лицо Шарда посуровело. Его глаза вспыхнули тем же грозным блеском, каким только что светились глаза золотого вопрея. Мрачно посмотрев на Твиллу, жрец сказал:

— Чародейство Харгела! Оно живо и все еще источает яд! Так, значит, те, наверху, по-прежнему плетут злые чары... А потому — не бывать миру между верхним и нижним народом. Твои слова пропали зря, ведунья...

— Нет! — быстро ответила Твилла. — Оксил разрушил чары Лотис. Он не желает повторять дурные поступки древних, из-за которых начался раздор между вашим народом и людьми леса.

— Так пусть же докажет это, вернув нам наших женщин! — Шард с силой швырнул секиру на столик.

Неожиданно заговорил Илон:

— Раз уж среди лесного народа сейчас идет борьба за власть, то разве не пойдет вам на пользу, если вы поддержите Оксила?

Шард в нетерпении всплеснул руками:

— Слова! К чему эти пустые слова, не подкрепленные делом? Слушай меня, пленник леса. Если эта Лотис вновь породила к жизни древнее зло — мы тоже не останемся в долгу! И на этот раз... Может быть, чары Харгела со временем утратили свою силу...

Твилла воспользовалась удобным случаем и вмешалась:

— Позволь же нам вернуться и передать твои слова Оксилу. Не забывай — я связана клятвой на крови. И, как ты сам сказал, мне будет только хуже, если я попытаюсь ее нарушить. Этот лорд — старший сын предводителя захватчиков. — Девушка снова сжала руку Илона. — Однако они отвергли его, когда он вернулся из леса, лишенный зрения. Поэтому лорд Илон сможет посоветовать, как лучше защититься от них. Оксил уже знает, что захватчики снова вторглись в лес. Им удалось похитить для своих нужд одно из гигантских деревьев, пусть даже упавшее из-за того, что река подмыла берег, — это еще более воодушевит их. Ради вашей же пользы — позволь нам вернуться обратно!

Шард помрачнел и нахмурился:

— Ты очень многого просишь, ведунья. Если этот лорд действительно тот, за кого ты его выдаешь, — он мог бы стать прекрасным заложником... Если только лесные чары не связали его навсегда. — Жрец прищурился. — Если это так, то захватчики, скорее всего, невысоко его ценят. К тому же, если его так стремится заполучить эта Лотис из леса, мы не хотим, чтобы он оставался в наших владениях. Может, Оксил найдет ему лучшее применение — к примеру, использует его как приманку, когда захочет заманить Лотис в ловушку.

— Значит, мы можем уйти? — спросила Твилла.

— Я задумал большое дело... — задумчиво сказал жрец подземного народа, ни к кому не обращаясь. Он как будто размышлял вслух. — Но иногда судьба действительно дарует нам счастливые случайности. Да, вы можете вернуться. Но знай, ведунья, и передай этому Оксилу, что лесным больше не удастся взять нас голыми руками. И пусть Оксил не забывает, кто бережет реку, которая хранит путь к сердцу земель. Если мы падём — то деревьям тоже вскоре придется встретиться с железом.

После этого разговора подземные жители наконец проявили гостеприимство. Твиллу и Илона разместили в одной из комнат рядом с апартаментами Шарда и подали еду и питье. Твилла съела все, что было у нее на тарелке, до крошки. За последние несколько дней ей так редко удавалось нормально поесть, и девушка не могла с уверенностью сказать, когда поест в следующий раз. Илон разделался со своей порцией с не меньшим аппетитом. Твилла покончила с едой и принялась задумчиво двигать по столу кружку с водой. Она старалась привести в порядок свои мысли. Илон первым нарушил молчание:

— Что это за место?

Твилла сперва не поняла, о чем он спрашивает. Но быстро сообразила, что Илон обо всем, что его окружает, узнает только с чужих слов или исследуя это на ощупь. Девушка вкратце описала ему величественный дворец, который возвышался в центре подземного мира.

Илон выслушал ее очень внимательно. При упоминании о вепре он нахмурился.

— Насколько я понял, зачарованные люди подземного мира как бы и не жили все это время — до тех пор, пока ты не освободила их от заклятия? И все же огромного вепря иногда видели... Правда, мы смеялись, когда нам сообщали о встречах с ним. Мы считали, что те, кто его встречал, обезумели от страха в лесу и гигантский вепрь им просто привиделся. Но как же такое создание могло бродить на воле, если его хозяева в это время были зачарованы? — Сжав кулаки, он добавил более громко: — Мы спотыкаемся то об одно невероятное препятствие, то о другое! Кажется, эта бесконечная вереница головоломок никогда не закончится!

— Так и будет, — согласилась Твилла. — Пока не найдутся здравомыслящие люди среди твоего народа, лорд Илон, и среди людей леса, и среди подземного народа.

Илон чуть подался вперед, словно ему нестерпимо захотелось взглянуть на девушке в лицо.

— Ты говоришь мне — «твой народ», целительница. Значит ли это, что мы с тобой больше не принадлежим к одному роду?

— Это значит, что у меня нет ничего общего с поселенцами, — спокойно ответила Твилла. — Меня силой увели из дома и привезли в эти земли. Они пытались распорядиться моей судьбой по своему произволу... — Девушка запнулась, потом продолжила: — И я благодарна тебе за то, что ты не позволил им это сделать. У меня нет корней среди людей с равнины, так же как среди лесных и подземных жителей.

— А значит, в конце концов ты можешь оказаться решающим фактором, — перебил ее слепой лорд. — Я вырос среди воинов, целительница. Можно сказать, мое ремесло прямо противоположно твоему. Мои наставники говорили о силе, а не о медитации — таково было их учение. Я тоже полагался только на силу — до тех пор, пока... — Он надолго замолчал, потом заговорил снова, указав на свои глаза: — Пока я не узнал, каким беспомощным и отчаявшимся может быть человек, несмотря на всю свою силу и боевые навыки. Ты обучена исцелять, так же как я обучен ранить и убивать. Теперь мы должны учиться друг у друга — иначе потеряем все, что имеем. После того как я вернулся из леса, мои сородичи обращали на меня не больше внимания, чем на тень, скользящую по комнатам замка. Они разговаривали при мне как при недоумке, который наверняка ничего не поймет, а если и поймет — то все равно не запомнит. Моему отцу обещали отдать эти земли в полновластное правление — если он сумеет заложить здесь постоянные поселения. Он — младший сын младшего сына в своем роду и потому чрезвычайно гордится таким доверием короля. Может быть, если бы удалось убедить его, что власть над здешними землями можно получить более мирным путем... — Илон умолк, не договорив.

— Согласится ли он на перемирие с людьми леса, если те предложат? — спросила Твилла.

Илон пожал плечами:

— Откуда мне знать? Почти два года я был пустым местом, ничтожеством, которому из милости позволяли жить под крышей его родного дома. Астар сейчас — правая рука отца. А мой брат в первую очередь верит в силу — и, пожалуй, больше ни во что. А мой отец не слишком-то прислушивается к чужим советам. Жрец Дандуса... — Илон скривился, словно в рот ему попало что-то горькое. — Его прислали сюда те, кому не очень по душе благосклонность короля к моему отцу. Отец принял жреца Дандуса, потому что такова воля короля. Но из-за этого жреца у нас только прибавилось неприятностей. Он отъявленный фанатик — как и все жрецы Дандуса... Я слышал, он мечтает возродить древние обычаи Далекого Зова...

Твилла содрогнулась.

— Нет! Это были темные и страшные времена... Никто не захочет, чтобы они вернулись! Этого нельзя допустить — против такого действительно ополчится весь народ!

— Есть люди, которые прислушиваются к речам жреца Дандуса. Многие ли смогут устоять перед лицом настоящей страшной опасности? А этот жрец тоже обладает какой-то силой.

Твилла схватилась за зеркальце. В мире так много разных сил, а она так мало об этом знает... Даже свое собственное волшебное зеркальце, подаренное мудрой Халди, Твилла только-только начала познавать. С давних времен жрецы Дандуса были воплощением ночных кошмаров. В древности они властвовали над всеми землями по ту сторону гор — пока последний король из рода Гардлианов не сверг верховного жреца, поплатившись за это собственной жизнью. Твилла ужаснулась, узнав, что в последние годы жрецы Дандуса вновь начали упрочивать свое влияние. Со временем люди стали забывать, каким жестоким и страшным было их правление.

— Этот жрец Дандуса... Это он, наверное, разжигает в людях страх перед лесом и ненависть к нему? — предположила Твилла.

— А кто же еще? Любой из них воспринимает неведомую и чужеродную силу как прямую угрозу себе лично.

Вот как... Какое же счастье, что во время первой встречи жрец Дандуса принял ее за обычную целительницу и не заподозрил в ней чего-то большего! Твилла не знала, смогло бы зеркальце защитить ее тогда от жуткого жреца.

— Значит, жрец Дандуса будет всеми силами препятствовать перемирию?

— Непременно. Иначе и быть не может! Нужно будет об этом помнить, если — или когда — здешний властитель отпустит нас обратно в лес.

Наконец их забрал Утин, которого снова назначили провожатым. Но на этот раз, выйдя из подземного дворца, Утин пошел не вдоль реки к потайному проходу под горой, а направился напрямик к пещере.

Подойдя к стене пещеры, проводник поворчал и несколько раз хмыкнул, но в конце концов сумел выговорить несколько слов на понятном Твилле и Илону языке.

— Смотри... хорошо, — велел маленький воин. — Это истинный путь.

Твилла заметила неясную тень за завесой свисавшего сверху лишайника. Маленький воин отодвинул в сторону наросты лишайника и показал узкий проход в стене. Твилла взяла Илона за руку, быстро объяснила, что нужно будет делать, и повела слепого лорда за собой, к тайному проходу. Утин пробрался за завесу из лишайника следом за ними. Они снова оказались в темноте, а впереди, в пещерном коридоре, было еще темнее.

Маленький проводник прошел вперед и сделал Твилле знак следовать за ним. Девушка с удивлением обнаружила, что пещерный коридор совсем прямой, без поворотов и ответвлений, — она увидела это, когда Утин поднял в левой руке камень яйцевидной формы, от которого исходил неяркий свет. Твилла заметила также, что в другой руке маленький воин сжимает обнаженный меч с широким клинком. Какую опасность Утин предчувствует?

Они зашагали по пещерному коридору. Этот путь вызывал странные ощущения — такие же испытала Твилла, когда впервые попала в лес. Она словно чувствовала присутствие чего-то невидимого, слышала едва уловимые звуки какого-то движения. Девушка насторожилась.

Утин замедлил шаг. Он наклонил голову в остроконечном шлеме и принялся водить из стороны в сторону светящимся камнем, как будто выискивая на полу и стенах пещеры какие-то следы.

Внезапно раздался довольно отчетливый звук — словно нечто скользило по каменному полу. Утин резко остановился и обернулся.

— Плохо... — проворчал он.

Ноздри Илона раздувались — слепой принюхивался к запахам, витавшим в воздухе. Вскоре Твилла тоже уловила отвратительный запах — гнилостную вонь разлагающейся плоти. Однако в этой вони ощущалась примесь и другого запаха — тяжелого пряного аромата, который сразу напомнил Твилле о Лотис. Но — здесь?

Может быть, им предстоит встретиться с одной из иллюзий, которые лесная колдунья использует для устрашения? В темноте, там, куда не доставал свет мерцающего камня Утина, что-то зашевелилось.

— С-с-с-с-с... — раздалось пронзительное шипение. В ответ Утин испустил громкий боевой клич.

— Что это? — спросил Илон, дернув Твиллу за руку. Вокруг его невидящих глаз собрались морщины — слепой пытался всмотреться в темноту.

— Там, в темноте, что-то есть...

Больше Твилла ничего не успела сказать. Существо метнулось вперед. С виду это было гигантское подобие земляного червя, в обхвате размером с большую бочку. Передний конец червя извивался в воздухе — но Твилла не заметила на нем никаких признаков того, что могло бы быть глазами. Зато у чудовищной твари был огромный рот — белесый, словно плесень, он резко выделялся на фоне черного тела. Из пасти червя вырывалось громкое шипение. Чудовище двинулось к троим путникам.

Еще одна иллюзия? Но Твилла не забыла лесное страшилище, которое на поверку оказалось настоящим. Она положила руку Илона себе на плечо и шагнула вперед, крепко сжимая в обеих руках волшебное зеркальце.

Червь снова зашипел, и его передний конец метнулся к Утину с быстротой и точностью выпущенной из лука стрелы.

Неуклюжий с виду подземный житель ловко отскочил в сторону, уворачиваясь от удара, и взмахнул мечом. Широкое лезвие вонзилось в тело червя. Но когда Утин высвободил меч, на теле чудовища не осталось никакой отметины.

Кошмарное создание все сжалось и немного отодвинулось назад. Заостренный передний конец червя раскачивался из стороны в сторону. Может быть, теперь тварь станет более осторожной?

Но в следующее мгновение червь снова с быстротой молнии метнулся вперед. На этот раз удар твари пришелся по Утину. Подземный воин отскочил и зарычал от боли. Но твари не удалось схватить его. Утин оперся о стену пещеры. Червь снова подобрался, готовясь к очередному броску.

На этот раз тварь напала не на Утина, а на Твиллу. Из пасти чудовища потекла пенистая желтоватая жидкость. От нестерпимо отвратительного запаха этой мерзкой пены у Твиллы перехватило дыхание. Но девушка не выпустила зеркальце из рук. Червь раскачивался перед Твиллой из стороны в сторону — словно между чудовищем и его жертвой встала невидимая стена и тварь выискивала в ней слабое место. Гадкая пенистая слюна свободно струилась из разверстой пасти и стекала на пол пещеры, разбрызгиваясь во все стороны.

Твилла вскрикнула — ее словно обожгло огнем. Девушка поняла, что ужасный червь источает яд. Она отступила назад, увлекая за собой Илона.

Зеркальце не светилось. Оно оставалось таким же тусклым, как и раньше. Но несколько капель ядовитой слюны попало на зеркальную гладь. Над зеркальцем взвились, переплетаясь, струйки дыма, которые начали светиться — но не ясным серебристым, а бледно-красным светом, похожим на воду, смешанную с кровью. Сияние разгоралось все ярче, становясь огненно-красным, как пылающая головня.

Потом струи дыма устремились к чудовищу, обвили его вокруг и стянулись плотнее, словно ловчая сеть. В этот миг Утин бросился на червя с мечом. Он ударил опутанное пылающей сетью чудовище в бок. Вонзив меч по самую рукоять, маленький воин взялся за него обеими руками и с силой надавил, стараясь разрезать толстое туловище поперек.

Червь дернулся, и Утина откинуло в сторону. Маленький воин с размаху ударился о стену пещеры и сполз на пол. Но на этот раз на боку чудовища осталась зияющая рана. Червь бешено извивался, но сеть из пылающих струек дыма держала крепко. От этой огненной сети отделилась струйка и устремилась сквозь открытую рану в глубь тела чудовища, пронзая толстые кольца мускулов.

Илон убрал руку с плеча Твиллы. Девушка не успела его остановить — слепой лорд быстро подошел к стене пещеры и ощупью отыскал лежащего на полу бесчувственного Утина.

Твилла могла только держать зеркальце, надеясь, что это оружие сможет разделаться с кошмарной тварью. Но от пенистой слюны поднялись струйки испарений, и зеркальце снова померкло. Чудовище бешено извивалось, каталось по камням и брызгало во все стороны ядовитой слюной. Казалось, оно хотело ползти дальше, но не могло.

Может быть, червь издыхает? Но мимо него все равно нельзя было пройти, потому что извивающиеся кольца толстого тела заполняли весь коридор. И если путники пойдут дальше, оставив тварь за спиной, она может неожиданно напасть сзади.

— Что происходит? — требовательно спросил Илон. Твилла почувствовала его прикосновение. Илон поворачивал голову из стороны в сторону. Он перенес бесчувственного Утина поближе и положил на пол пещеры, но был готов в любой миг подхватить его и нести дальше, если понадобится.

— Червяк ранен... Насколько я понимаю... — Твилла быстро описала Илону, что случилось с зеркальцем. Она вспомнила, что зло может обернуться против наславшего его, если защита окажется достаточно сильной.

В тусклом свете, исходившем от оброненного Утином кристалла, было видно, что червь по-прежнему извивается. Передний конец твари снова приподнялся, и из белесой пасти вырвался пронзительный вопль, совсем не похожий на угрожающее шипение, которое они слышали раньше. Скорее это был предсмертный вопль. Тварь еще раз свилась кольцами, ударилась о каменный пол пещеры, потом вытянулась во всю длину и затихла. Но Твилла проявила осторожность и не двинулась с места, продолжая следить за чудовищем.

Выходит, это вовсе не иллюзия, сотворенная Лотис. И все же Твилла была уверена, что почувствовала пряный запах, повсюду сопровождающий лесную колдунью. Неужели коварной красавице известны тайны подземных лабиринтов? Но как же она смогла пройти сквозь двери, уже столько лет надежно запечатанные охраняющим заклятием?

Твилла вздохнула с облегчением. Она убедилась, что если чудовищный червь и не издох, то все равно больше не сможет напасть. Правда, девушка даже не знала, как можно протиснуться мимо этого громадного тела, чтобы идти дальше. И что делать с Утином? Раненого подземного воина следовало бы доставить обратно, к его сородичам.

Проблема разрешилась сама собой. Утин внезапно сел на полу пещеры и попытался стянуть с головы шлем. Освободившись от этого куска железа, плотно сдавливавшего голову, маленький воин потер ладонями лицо и встряхнулся, как встряхиваются животные, выбравшись из воды.

Кряхтя и что-то ворча себе под нос, маленький крепыш поднялся на ноги. Он не отказался от помощи Илона, который поддержал его. Постояв немного у тела червя, Утин повернулся к Твилле и приветствовал ее почтительным жестом.

— Арпсе... — сказал подземный воин. Он повторил это слово несколько раз, чтобы убедиться, что девушка его поняла. Потом Утин отошел от Илона и направился к лежащему червю.

Он с размаху ударил ногой по безглазой голове чудища, отступил назад и посмотрел, что будет. Длинное тело толщиной с бочку даже не шелохнулось. Затем, уже чуть более твердо держась на ногах, маленький воин прошагал к стене, о которую его ударило, и подобрал свой меч. Потом он еще раз наклонился — чтобы поднять светящийся камень.

— Мы вернемся обратно? — спросила Твилла.

Утин покачал головой и указал мечом вперед, в непроглядную темноту позади издохшего червя. Твилле и Илону ничего не оставалось, кроме как пойти туда. Девушка старательно обходила лужи ядовитой слюны и следила, чтобы Илон тоже не приближался к мерзкой отраве.

Только пройдя наконец вдоль всего червя, они поняли, насколько он был огромен. Как и деревья в лесу, червь пре-

восходил по размеру все живые существа, какие только можно представить. Дойдя до дальнего конца червя, Утин напоследок еще раз пнул тварь сапогом. Они пошли дальше, не оборачиваясь.

Коридор по-прежнему тянулся прямо, никуда не сворачивая. И Твилла снова уловила едва заметные звуки, которые слышала и раньше. Потом коридор уперся в ровную стену без каких-либо отверстий. Но на стене, чуть выше уровня возможной двери, оказалось еще одно изображение кабаньей головы — такое же, как то, мимо которого когда-то проходили Твилла и Ванди во время блужданий по темным пещерам.

Утин вложил меч в ножны и стал прямо напротив кабаньей головы. Он поднял повыше свой необыкновенный светильник и расположил камень так, чтобы на голову вепря попадало как можно больше света. Звериная голова, окруженная тусклым мерцанием камня, казалась живой — словно из стены высовывался настоящий вепрь, такой, как тот, что бродил по лугам у берегов подземной реки.

Глаза вепря вспыхнули в отраженном свете, на огромных клыках заиграли блики. Раздался скрежет, и неожиданно в сплошной стене обрисовались контуры двери. Щели становились все глубже, тяжелая каменная дверь медленно открывалась. Когда она полностью распахнулась, Утин отпрыгнул назад.

— Туда... — Маленький воин взмахнул рукой. — Туда... — Ясно было, что Утин едва сдерживает нетерпение. Но сам маленький воин отступил в сторону и явно не собирался идти дальше, сквозь проем в стене.

Твилла в одной руке все еще сжимала зеркальце, а второй крепко держала за руку Илона. Они вдвоем прошли из непроглядной темноты подземелья в сумеречный свет по ту сторону двери.

Твилла даже не успела осознать, что они, вероятно, попали прямо в лес — внезапно из сумрака выскользнули двое высоких мужчин и подступили к ней и Илону. И каждый из них держал в руке то же, что Твилла видела в руках Лотис, — ветку с одним-единственным листом на конце. Ни слова не говоря, лесные люди направили ветки на девушку и слепого.

БЫЛО ЯСНО, что от этих двоих не стоит ждать ничего хорошего.

— Вперед! — Один из незнакомцев резко взмахнул рукой. Илон, который стоял чуть поодаль от девушки, повернулся к говорившему. Слепой лорд с силой стиснул зубы, и Твилла догадалась, что в душе Илона бурлит гнев. Он злился из-за своей беспомощности, оттого что бессилён был что-то сделать. Однако девушка понимала, какую опасность могут представлять эти странные обломанные ветки, а потому поспешила схватить Илона за руку и пошла, куда было велено, ведя слепого за собой.

Двое с ветками пошли за ними следом. Твилла коротко объяснила Илону, что их ведут куда-то под стражей. Она начала опасаться, что за время ее второго визита в подземный мир обстановка в лесу резко переменялась.

Никто не собирался перемещать их посредством волшебного тумана. Вместо этого Твиллу и Илона долго вели по запутанному лабиринту коридоров, по большей части лишенных богатой отделки. Твилла опасалась, что не сможет потом найти дорогу обратно. В конце концов они вновь оказались в поражающих великолепием переходах внутренней части дворца и вскоре вышли в главный зал.

За длинным столом снова собрался Совет, но совсем не в том составе, каким его помнила Твилла с прошлого раза. Оксисла, Карлы, матери Фанны, Масселины и еще одного мужчины за столом не было. Сейчас во главе стола гордо восседала Лотис. Рядом с ней сидели еще одна женщина, которой Твилла никогда прежде не встречала, и трое мужчин. Но сразу было ясно, что всем здесь управляет Лотис.

Коварная колдунья улыбнулась, когда Твиллу и Илона подвели к дальнему концу стола.

— А, путешественники вернулись... — заметила Лотис. — На место, раб!

Она щелкнула пальцами, словно подзывая собаку, — такими же унижительными жестами она командовала Илоном раньше.

Илон не двинулся с места. Улыбка мгновенно исчезла с лица Лотис. В ее больших зеленых глазах вспыхнули недобрые огоньки.

— Ты будешь исполнять то, что я приказываю! — отчеканила злая красавица, как госпожа, призывающая непокорного слугу к повиновению.

Однако Илон даже не шелохнулся. Его невидящие глаза были обращены на Лотис, но, даже оставаясь слепым, Илон держался так, словно чары Лотис были уже не властны над ним.

Глаза колдуньи сузились, она перевела взгляд с Илона на Твиллу и снова чуть улыбнулась.

— Значит, ты затеяла свою игру... целительница... — Лотис сумела вложить в эти слова бездну презрения. — Думаешь, тебе удастся излечить его своим искусством? Однако же он по-прежнему ничего не видит.

— Верно, — ответил Илон, прежде чем Твилла успела собраться с мыслями. — Да, я все еще слеп, Лотис. Но я больше не раб, нет.

Лотис поджала губы и ударила кулаком по столу:

— С тобой я разберусь позже, раб. А что касается тебя... — Ее внимание снова обратилось на Твиллу. — Твое вмешательство дорого нам стоило. Ты отправила девчонку к ее родне... Но она все помнит — и от нее захватчики смогут узнать то, чего им знать не следует. И это еще не все... — Лотис снова ударила кулаком по столу. — Потом ты разрушила древнее заклятие, связывавшее наших старинных врагов из подземного мира. Мы в полной мере познали, насколько они честолюбивы, хитры и коварны... Но тогда у нас был предводитель, который понимал, до чего может довести их строптивость. Он все сделал верно — и наших врагов не стало. Они не досаждали нам уже много лет, пока ты их не освободила. К несчастью, со временем некоторые из нас сделались слабовольными и недалёковидными. Но мы не позволим им нарушить древние законы — чего бы это ни стоило.

Потом Лотис обратилась к стражникам с ветками, которые привели сюда Илона и Твиллу.

— Отведите этих двоих в надежное место. — Повернувшись к Твилле, она продолжила: — Тебя называют дочерью Луны, грязная чужеземка... Но знай, что наш народ владеет очень

древним знанием, способным одолеть любые силы, которые подвластны чужакам из другого мира. Да, у тебя есть сила определенного рода, как и у других из твоей породы, — по крайней мере, им самим так кажется. Пока это нас устраивает, мы не станем их разубеждать. Но с тобой мы обязательно разберемся, как только придет время!

Твилла сочла, что не стоит прямо сейчас бросать вызов лесной колдунье. Сперва нужно выяснить, что случилось с Оксиллом, Карлой и остальными, которым девушка до какой-то степени доверяла. Действительно ли Лотис овладела тайным знанием, которое в древности привело к власти Харгела?

— Ты что же, так ничего и не скажешь, грязная девка? — Прекрасные губы Лотис изогнулись в улыбке. — У тебя будет время подумать о том, что ты натворила, пока бродила среди нас и шпионила в пользу захватчиков с равнины. Однако, насколько мне известно, сородичи тоже не очень-то высоко тебя ценят. Ты не крепко держишься на корню, и первый же ураган сметет тебя прочь. Как бы то ни было... Сейчас у нас нет на это времени. Заберите их!

И снова их повели по бесконечным запутанным коридорам. Твилле показалось, что во дворце как будто стало меньше туманов. Серебристые дымки истончились, поредели, словно источник, который питал их, начал усыхать. Твиллу и Илона подвели к какой-то двери. Один из стражей выступил вперед и крест-накрест провел веткой по двери. Дверь отворилась, и страж кивком велел девушке идти туда. Твилла, держа за руку Илона, прошла в открывшийся проем. Она сразу же обернулась, но не увидела позади никаких признаков двери — только ровную каменную стену.

Комната, в которой они оказались, была намного меньше прочих жилых помещений лесного дворца. Никакого пышного убранства и богатой мебели, как в тех покоях, где Твилла отдыхала раньше. Кроме того, как только дверь за ними закрылась, свет в комнате начал меркнуть. Стало темно, но не совсем — Твилла смогла разглядеть убогое ложе в углу и три простых стула. Пол не застелен коврами, на постели лежит только тюфяк, без подушек. Конечно, по сравнению с обычными городскими тюрьмами здесь было довольно чисто, сухо и тепло. Но впе-

чатление эта тюремная камера производила такое же, как все темницы.

Первым заговорил Илон:

— Выходит, Лотис дорвалась до власти... Она очень долго к этому стремилась и теперь наверняка наслаждается.

— Я не понимаю, как Оксил смог победить ее тогда, у запертой двери, если она теперь стала такой могущественной? — Девушка вкратце пересказала Илону, что случилось, когда они с Оксилом застали Лотис за чародейством перед дверью в подземный мир. — Как Лотис смогла одержать над ним верх? И над Карлой.. Карла владеет силой и знаниями... — Твилла хорошо помнила визит в комнату с бассейном, в котором отражалась Луна. Там ведунья восстановила чистую силу своего волшебного зеркала.

— Лотис... — Илон шагнул в глубь комнаты, наткнулся на один из стульев. Он присел на стул, опершись локтями о колени. Его плечи поникли, словно тот стальной стержень, который Твилла в нем чувствовала, вдруг надломился. — Я связан с ней. Ты не можешь себе представить, что это такое, целительница. Какое-то время она была воплощением всего, к чему только может стремиться мужчина в своей жизни. Она была... Я отдал бы за нее жизнь, если бы она того пожелала. Лотис распоряжалась мной, словно пустым горшком, в который наливала что хотела и перемешивала так, как ей нравилось. Каким-то чудом — я не помню, как именно это случилось, — мне удалось вырваться на свободу... И я ушел из леса. Меня нашли люди, которыми я когда-то командовал. Я брел, не разбирая дороги, слепой и немного помешанный. Постепенно рассудок вернулся ко мне, а зрение — нет. Таким я был никому не нужен. А потом я вернулся — с тобой...

Илон тяжело вздохнул. Твилла не видела его лица.

— И снова возродилась та связь... С ней... Я был ее вещью! Но во мне словно что-то пробудилось, я начал бороться за свою жизнь. Мне кажется, целительница, что отчасти это — твоя заслуга. Ты не смогла вернуть мне зрение, но с тех пор, как мы выбрались из крепости, я снова почувствовал себя мужчиной — ведь я смог сделать то, что необходимо было сделать.

Твилла вспомнила, как он спас ее от насильника Астара, как помог выбраться из разлившейся реки...

— Ты был мужчиной, и ты им остался!

— Возможно. — Илон поднял голову и повернулся к ней. — К счастью, то, что во мне пробудилось, продолжало расти и крепнуть даже тогда, когда Лотис снова меня призвала. А потом... Я узнал о холодном железе — и понял, что в чем-то всегда буду сильнее любого из лесных. Из-за этого моя связь с Лотис еще больше ослабла. Не знаю, может быть, я оказался слишком непокорным рабом и она решила не тратить понапрасну силы, чтобы поработить меня полностью? Или, может, Лотис так сильно меня презирает, что даже не заметила, как я ускользаю из-под ее власти? Ей всегда хотелось заполучить в рабы кого-нибудь помоложе, чтобы вылепить из него то, что она пожелает. Потому она и заманила в лес ребенка — хотя ее сородичи этого не одобряют. В последнее время Лотис стала слишком уж самоуверенной... И она так давно стремилась к власти...

— Однако над тобой она уже не властна, — тихо сказала Твилла.

— Но мои глаза! — Он выкрикнул эти слова, словно протестуя против всей несправедливости, которая на него обрушилась. — Я всего боюсь, словно ребенок, а не взрослый мужчина. Как же сильно она меня обездолила...

Твилла присела на край убогого ложа, которое было устроено на выступе глухой каменной стены. Она подбирала слова, чтобы ответить, но Илон заговорил снова:

— В битвах вместо меня сражаются женщины. Ты стояла впереди меня, когда на нас обрушилось то подземное чудовище. Даже карлик, и тот лучше проявил себя...

— Нет! Это не я, на самом деле это не совсем я, лорд Илон. Я — целительница и не обучена владеть силой. Моя наставница подарила мне древнюю вещицу и рассказала, как сделать ее в полной мере своей. Для этого нужно было выполнять кое-какие упражнения — и я их выполняла. Но даже сейчас я не знаю, как распорядиться этой вещицей. Всякий раз после того, как я прибегаю к ее помощи, у меня убывают силы. Если Лотис захочет бросить мне вызов, у нее будет огромное преимущество — все знания ее народа, накопленные за много веков. Моя наставница всего лишь исследовала древнее знание, она страстно стремилась узнать побольше... Но даже она не была посвящена в

сокровенные тайны этого знания. Не говоря уже обо мне — я знаю гораздо меньше...

— И все же до сих пор ты прекрасно справлялась с опасностями, — заметил Илон. — И никто тебя не искалечил...

— Но... — начала было Твилла, но не договорила. Внезапно что-то встревожило ее, и девушка схватилась за зеркальце.

В воздухе ей почудилось какое-то движение, за клубились смутные тени... Не привычные струйки серебристого тумана, а лишь бледное их подобие. Повинуясь внезапному порыву, Твилла вскинула зеркальце и направила гладкую поверхность серебряного диска в сторону призрачного тумана. Если Лотис послала сюда одно из своих чудовищ, Твилле снова придется защищаться с помощью зеркальца.

Гладь зеркала сверкнула чистым серебром. В воздухе закружились серебристые пылинки. Твилла сама не знала, почему она так делает, однако вдруг начала вращать блестящий диск, словно веретено, на которое наматывают спряденную нить.

А из зеркальца брызнули тончайшие серебристые нити — и устремились к неясному завихрению в воздухе, потом наткнулись на что-то и притянулись к какой-то мутной поверхности. На мгновение Твилла увидела на этом месте сплетение настоящего тумана — того самого, посредством которого люди леса переносятся из одного места в другое. Из туманного вихря вышла — скорее вывалилась — Карла. Илон, который, наверное, почувствовал ее присутствие, быстро встал на ноги и подхватил Карлу, чтобы она не упала.

Лесная леди дышала тяжело и прерывисто. Ее прекрасная кожа цвета слоновой кости теперь приобрела землистый оттенок. Даже опираясь на плечо Илона, она едва держалась на ногах.

Наконец Карла немного отдышалась и заговорила:

— Дочь Луны! Благодарю тебя... Проклятая Лотис посягнула на то, что оставалось незыблемым с тех времен, когда в земле проклюнулся первый росток! Пусть бы ее поглотила Бездонная Утроба! Даже Харгел не искажал настолько то, что составляет всю нашу жизнь!

Твилла помогла лесной леди присесть на жалкое ложе. Карла все никак не могла отдышаться. Немного придя в себя, она спросила:

— Какие новости вы принесли из подземного мира? Неужели этой Лотис удалось снова свести на нет все наши надежды и усилия?

— Шард опасается, что захватчики проберутся в их мир по тайному проходу вдоль берега реки. Подземные жители приготовили некоторые ловушки... — И Твилла рассказала о серебряных сетях. Карла кивнула.

— Как в старину... Да, в давние времена такие сети были очень хороши для отлова чужеземцев из-за гор, случайно забредавших в наши владения. Даже после разделения, после того как Харгел связал подземных жителей злыми чарами, у нас еще оставался запас таких сетей. Но со временем их чудесная сила ослабела и сети пришли в негодность. Значит, подземный народ снова их плетет? Хорошая новость. Нам почти нечем защититься от грядущей опасности...

— Но Шард согласен действовать совместно с вами только в том случае, если вы освободите их женщин и детей, — добавил Илон.

Карла сложила ладони вместе и опустила взгляд на сплетенные пальцы.

— Значит, нам придется согласиться...

— Но почему не сейчас? — перебила ее Твилла.

— Лотис сделала свой ход... Она даже успела переманить кое-кого на свою сторону. Мы не знали об этом — закон запрещает любому из нас вызывать о силах других. Хотя много лет назад этот закон уже навлек на наш народ большие несчастья. Лотис каким-то образом добралась до потаенных и запретных знаний, которые хранились в глубокой тайне после свержения Харгела. Она... — Карла взмахнула рукой. — Вы видели ее силу... Она заперла всех, кто не согласился ей служить, внутри движущихся туманов. Оксил ушел в нежилые коридоры дворца, искать место, где Лотис почерпнула свои знания, — и пропал там. С ним ушел сильнейший из нас, самый могущественный во владении силой. Может быть, они попали в какую-то давным-давно позабытую западню?.. С тех пор как они ушли, мы не получали от них никаких вестей. Лотис наговаривала на тебя, дочь Луны. Она говорила, что ты подослана захватчиками, чтобы сеять среди нас раздор и таким образом ослабить нас. Она снова напомнила, что подземные жители — наши искон-

ные враги, а ты освободила их воинов и мастеров от древнего заклятия, и они будто бы снова собираются на нас напасть. И еще, дочь Луны... — Карла повернулась к девушке и заглянула ей в глаза, словно хотела не только услышать ответ, но и прочесть его по выражению лица Твиллы. — Захватчики действительно владеют силой — такой, о которой мы даже не подозревали. Лотис каким-то образом узнала об этом... Наверное, сила притягивается к силе... И она... Мы, внутренний круг Совета, — те, кого Лотис заточила в туманах переходов, — мы думаем, что Лотис сумела как-то объединиться с этой силой ради своей пользы. Что это за сила, дочь Луны? Такая, что Лотис смогла воспользоваться ею для собственных целей?

— Жрец Дандуса! — Илон подошел и теперь возвышался над обеими женщинами. — В древних легендах говорится... Легенды повествуют о том, что Темные обладали особой силой, тайну которой ревностно оберегали от посторонних. Жрец Дандуса вполне мог полагать, что увеличит свою силу, сея раздор и разжигая распри, — а если он действительно сговорился с Лотис, то, вполне может быть, он получил что хотел!

— Вот как... — Карла выпрямилась, на ее лице появилось выражение суровой решимости. — Мы черпаем силу из леса... А если Лотис вмешивается в то, что происходит из другого корня, то она будет противиться всему, что принадлежит нам по праву рождения. Как только наши сородичи, обманутые ею, поймут это — они тотчас же отвернутся от Лотис... Потому что именно она — настоящая предательница! Насколько могущественна эта магия внешнего мира, Илон?

Твилла заметила, что лесная леди обратилась к слепому лорду по имени, а не назвала его презрительным словом «раб», как люди леса называли Илона прежде.

— Кто знает... — ответил Илон. — Были времена, когда последователи Дандуса властвовали над всеми нашими землями... Они были крайне жестокими правителями. Многие люди погибли страшной смертью в попытках положить конец их правлению. Здесь же... Если у них появится новый источник силы... Кто знает?..

— Дочь Луны, ты сама обладаешь силой. — Карла указала на зеркальце. — Что ты можешь сделать?

Твилла закусил губу. Что она может сделать? Если бы только она знала побольше! Лотис так долго училась владеть своей силой... Девушка содрогнулась при мысли о том, какой источник силы использует жрец Дандуса, — об этом страшно было подумать.

— Я не знаю... — честно призналась она. — Ты, Карла, как никто другой можешь догадаться, что я владею оружием, свойств которого совсем не знаю. Но я могу попытаться...

— Ты можешь найти Оксила? Мы должны выручить его — и тех, кто пошел с ним. Я опасаясь, что они угодили в ловушку... Может быть, их удастся освободить? Только собрав Совет в полном составе, мы сможем вести переговоры с подземными жителями и привлечь их на свою сторону.

Отыскать Оксила? Твилла сняла шнурок с зеркальцем с шеи и положила серебристый диск на колени. Девушка вспомнила, как когда-то, впервые оказавшись в подземном мире, она смогла усилием воли вызвать в зеркальце отражение Илона...

— Лорд Илон, какое-то время назад — когда я заблудилась в подземных пещерах — почувствовал ли ты, что я думаю о тебе и зову тебя на помощь? — спросила Твилла.

— Да, — просто ответил Илон. — Я... Не могу сказать, что я увидел тебя, потому что лишен зрения... Но однажды ты словно предстала перед моим мысленным взором.

Карла переводила взгляд с Твиллы на Илона, стараясь понять, о чем речь.

— А ведь ты не связан с какой-нибудь силой. — Твилла проговаривала вслух свои мысли. Ей в голову пришла какая-то идея. — А Оксил обладает силой. Если зеркальце смогло донести мои мысли до тебя, Илон, то...

Карла наконец поняла, в чем дело.

— То ты сможешь точно так же связаться и с Оксилем! Так сделай же это! — велела лесная леди.

Твилла пристально взгляделась в зеркало.

— Направь мой мысленный взор... — Девушка выискивала слова, которые помогли бы ей воплотить задуманное.

— Соедини меня с силой чужой.
Покажи мне того, кто ушел
Туда, где таится сила!

Оксил... Это было его лицо, его необычные, слегка приподнятые к вискам глаза, четко очерченные губы... Образ лесного лорда всплыл на поверхности зеркала. Неясный, словно подернутый туманной дымкой. Твилла усилием воли постаралась сделать изображение более отчетливым.

И вот словно пала какая-то преграда — и лицо Оксила отразилось в зеркале очень ясно и четко. Более того — зеленые глаза лесного лорда смотрели прямо на Твиллу, и Твилла была уверена, что Оксил ее видит.

— Где... — Девушка начала мысленно задавать вопрос, но сразу прекратила. Потому что изображение в зеркальце тотчас же подернулось рябью — как будто полной сосредоточенности Твиллы хватало лишь на то, чтобы удержать отражение Оксила в зеркальце.

Губы лесного лорда зашевелились, он говорил.

— Да! Да! — воскликнула Карла, и Твилла почувствовала, как лесная чародейка прижалась к ее плечу.

— Да! — снова крикнула Карла, и в ее голосе зазвучало торжество.

И все же, несмотря на все старания, Твилла не смогла дольше удерживать мысленную связь с Оксилом. Изображение дернулось снова и померкло. А Твилла, внезапно ослабев, без сил упала на жалкое ложе.

— Мы знаем теперь, где их искать! — воскликнула Карла, поднимаясь на ноги.

— Сила зеркала подействовала? — спросил Илон. Он смотрел в сторону Твиллы, как будто мог видеть ее, дрожащую от усталости. Потом Илон присел на кровать и крепко обнял Твиллу, словно хотел передать ей часть своих сил.

— Она сделала то, что ты просила, — сказал Илон, глядя в ту сторону, где стояла Карла. — Ты получила от нее что хотела, — и что же дальше, моя леди?

— Мы отправляемся на поиски! Или вы предпочтете сидеть здесь и ожидать милостей от Лотис? — резко сказала Карла.

— Но здесь нет двери... сейчас, — устало напомнила Твилла. — Или ты перенесешь нас с помощью своего тумана, Карла?

Женщина замерла на месте. Ее плечи как-то сразу поникли, лицо сделалось печальным. Она чуть приподняла руку, потом опустила.

— Она искадила туманы... Все, на что меня хватило, — это вызвать жалкий его клочок, для того чтобы добраться к тебе, дочь Луны. Нам придется идти пешком. А что касается двери, то это только еще одна иллюзия. Ты уже не раз доказала, дочь Луны, что прекрасно умеешь управляться с ними.

Илон не двинулся с места. Он по-прежнему крепко сжимал девушку в объятиях.

— А что будет там, по ту сторону иллюзии? — настойчиво спросил он. — Твилла ослабела, и мы сейчас не можем полагаться на источник ее силы.

Карла задумалась.

— За дверью могут быть охранники. Лотис обычно ставит двойную защиту...

— Что ж, тогда мы поищем этих охранников, — сказал Илон. Разжав объятия, он полез под свою потертую куртку и вытащил оттуда кинжал.

Карла ахнула и отскочила в сторону.

— Железо!

— Вот именно, — ответил Илон. — Подземный народ не боится железа. Эта штучка вышла из их кузниц. И мне ведь даже не придется бить по-настоящему, верно? Только прикоснуться — и...

— Да. — Карла содрогнулась.

— На этот раз у меня есть оружие, которое в этих краях сильнее всякого волшебства. Твилла, согласна ли ты уйти отсюда и попытаться счастья там, дальше?

Девушка повесила шнурок с зеркальцем на шею и ответила:

— По-моему, лучше действовать, чем сидеть здесь и ждать неизвестно чего. Да, я согласна идти. Карла, ты знаешь, где искать Оксила?

— Оксила? Да. Я узнала из слов, которые смогла прочитать по его губам. Он не в ловушке, но мы нужны ему. Он отыскал хранилище древнего знания.

Илон встал и помог подняться Твилле. Девушка с благодарностью принимала его помощь, потому что все еще была очень слаба после обращения к зеркальцу.

— Что ж, тогда — идем!

Карла решительно направилась к невидимой двери — Твилла не видела там ничего, кроме ровной каменной стены. Илон пошел следом за лесной леди. Твилла держалась рядом с ним.

Они прошли сквозь дверь точно позади Карлы. Твилла в последний миг не удержалась и закрыла глаза — ей казалось, что она вот-вот ударится о каменную стену. Когда девушка снова открыла глаза, все трое уже находились в коридоре.

Раздался окрик, и к ним устремился один из стражей Лотис. Приблизившись, он угрожающе вскинул заколдованную ветку.

Илон отпустил Твиллу и повернулся лицом к стражу. Даже в здешнем тусклом свете было ясно видно, что он сжимает в руке. Кинжал.

21

СТРАЖНИК ТАК УДИВИЛСЯ, что не смог остановить движение руки с веткой. Может быть, Илону и недоставало одного из главных органов чувств, но он уже так долго был лишен зрения, что остальные его чувства невероятно обострились. Услышав свист летящей к нему ветки, Илон вскинул кинжал и принял удар на клинок.

Дерево столкнулось со сталью. Полыхнула яркая вспышка, и стражник, пошатываясь, отступил. Он закричал и отшвырнул то, что осталось от его могущественного оружия, потому что от столкновения с кинжалом Илона ветка загорелась и пляшущие язычки огня быстро подбирались к руке.

Стражник отступал, пока не уперся спиной в стену. Он отскочил в сторону и убежал так стремительно, как будто боялся, что жадное пламя догонит его.

Илон рассмеялся. В его смехе прозвучали новые нотки. Твилле показалось, что слепой лорд как-то распрямился и гордо вскинул голову.

— У этой собаки еще остались зубы! — сказал Илон.

Карла шагнула в сторону и сказала, несколько неуверенно глядя на Илона:

— Он поднимет тревогу... Без туманов нам придется идти очень долго, а вызвать туман я сейчас не могу.

— Значит, не будем терять время, — ответил Илон. Он не спрятал кинжал, а продолжал держать его в руке, время от времени нанося удары в воздух. Судя по всему, Илон восстанавливал в памяти свои боевые навыки. Карла пошла впереди, стараясь держаться от него на безопасном расстоянии, и то и дело оглядывалась на Илона, который грозно размахивал своим страшным оружием.

Твилла старалась запомнить дорогу, чтобы не потеряться в запутанных дворцовых переходах, по которым их вела Карла. Иногда путники выходили в коридоры жилых помещений дворца, сверкающие великолепной богатой отделкой, — в таких местах Карла шла очень осторожно. Когда они во второй раз проходили по жилой части лесного дворца, им впервые кто-то встретился.

Четверо лесных людей вышли им навстречу, двигаясь с такой же осторожностью, как они сами. Двоих из них Твилла знала — это были юный Фанна и его мать.

Прежде чем Твилла успела отступить, увлекая за собой Илона, Карла негромко окликнула сородичей.

Масселина взглянула на Карлу, потом — на Твиллу.

— Значит, ты отыскала их, сестра? — Она направилась к ним. — Но вас ищут по всему дворцу... И Лотис призвала тьму, которой мы не понимаем. А Оксил...

— С Оксилом все благополучно, — успокоила ее Карла. — Мы сейчас направляемся к нему. Он отыскал источник той силы, которую подчинила себе Лотис.

Две группы объединились, и они все вместе поспешили миновать освещенную часть коридоров и углубились в темные, заброшенные переходы дворца. Твилла начала немного отставать. Она уже так долго не отдыхала, а обращение к магии зеркала отняло у девушки последние силы. Тогда Илон, словно увидев, что она пошатывается от слабости, пошел рядом с Твиллой, поддерживая ее за талию. Твилла удивлялась — как слепой лорд может идти так быстро и размеренно, не видя дороги? Ведь из-за слепоты ему все время приходится полагаться на помощь других — а это, наверное, так же изматывает, как ее саму утомляет обращение к волшебству зеркала. Однако Илон шел рядом, такой сильный и уверенный в себе, и еще и помогал идти Твилле.

Тем временем Карла и Масселина пересказали друг другу последние новости. Из обрывков их разговора, которые услышала Твилла, девушке стало ясно, что лесной народ действительно разделился на два лагеря. Некоторые пока старались держаться в стороне от событий и удалились в свои личные апартаменты, не желая ни поддерживать Лотис, ни подвергаться гонениям за преданность Совету.

Теперь все опасались пользоваться движущимися туманами — хотя давным-давно привыкли воспринимать это волшебство как нечто естественное и понятное. Туманы каким-то образом причиняли вред противникам Лотис, разделяли их и отрезали от источника их собственных волшебных сил.

Карла торопливо шагала вперед, остальные следовали за ней. От страшной усталости Твилла впала в какое-то странное дремотное состояние. Стены коридоров проплывали мимо нее, словно она попала в реку и ее куда-то несло течением. Глаза у Твиллы слипались, она с трудом заставляла себя не заснуть совсем, но все вокруг было словно окутано туманом.

Внезапно Карла резко остановилась, и Твилла пробудилась от дремоты. Они стояли в очень коротком коридоре, который заканчивался тупиком. Дальше никакого прохода как будто не было.

Карла вскинула руку и прочертила в воздухе какой-то знак, указав в конце на стену, перегораживавшую проход. Твилла не заметила никаких изменений. Карла снова принялась чертить в воздухе магические символы, Масселина ей помогала.

— Дверь запечатана, — сказал один из мужчин. — Ее охраняет какая-то иная сила.

Твиллу кто-то тихонько потянул за рукав. Перед ней стоял Фанна.

— Иная сила... — повторил юноша. — Ты можешь снять это заклятие, леди?

Девушка неловкими пальцами потянулась к зеркальцу. Но гладь маленького диска оставалась тусклой. Мысленная связь с Оксиллом отняла слишком много сил. Твилла в смущении покачала головой.

Тогда заговорил Илон.

— Это лесная сила? — спросил слепой лорд, осторожно отодвигая Твиллу в сторонку.

— Наверняка, — ответила Карла. — Но обычное отпирающее заклятие здесь не действует — хотя именно сюда ушел Оксил и ему как-то удалось пройти сквозь эту дверь. Наверное, Лотис все-таки устроила ему ловушку. Из всех нас один только Оксил обладает достаточной силой, чтобы противостоять ей.

Илон протянул левую руку Карле:

— Покажи мне, где должен быть этот проход.

Карла отшатнулась от него, и все остальные тоже, когда увидели в правой руке Илона обнаженный кинжал.

— Что ты собираешься делать? — внезапно охрипшим голосом спросил один из мужчин.

— Железо — ваш самый страшный враг, ведь верно? Сможет ли какое-нибудь ваше заклятие устоять против железа?

И Карла, и все остальные откровенно удивились.

— Ты хочешь этим разрушить заклинание?.. — медленно проговорила Карла.

— Мы должны как-то преодолеть это препятствие, — сказала Масселина. — Железо — смертельный яд для наших тел... Может быть, оно так же разъест и наши заклятия? Сестра, покажи ему, где дверь!

Опасливо держась подальше от кинжала, Карла подошла к Илону с левой стороны и, взяв его за руку, подвела к глухой стене. Затем она провела его рукой по стене, на несколько дюймов выше головы.

— Вот здесь! — сказала Карла.

— Ты должна направить мою руку. Будь осторожна, не прикасайся к лезвию — но веди! — велел Илон.

Карла аккуратно взяла его за правую руку, в которой Илон сжимал кинжал, и снова прочертила ту же линию на стене — но только теперь по камню с легким скрежетом скользило лезвие кинжала.

И в том месте, где прошло оружие, направляемое двумя руками — Илона и Карлы, — на стене появилась темная щель. Карла отступила вправо и провела рукой Илона вниз, до самого пола. Лицо лесной леди застыло, от напряжения она даже высунула кончик языка. На стене показалась еще одна линия.

Тогда Карла шагнула влево, и они с Илоном снова прочертили линию сверху вниз.

На глухой стене тупика действительно проявились контуры двери. Но как ее открыть, оставалось загадкой, потому что на двери не было видно ни ручки, ни замка.

Илон все еще стоял перед дверью, устремив на нее взгляд невидящих глаз. Он явно не знал, что делать дальше. Потом, отстранив Карлу — наверное, предполагая, что по ту сторону двери их могут поджидать стражники, — Илон встал в боевую стойку и с молниеносной быстротой крест-накрест взмахнул кинжалом перед дверью.

Снова полыхнула яркая вспышка — настолько яркая, что Твилла, ослепленная, вскрикнула и прикрыла глаза рукой.

Все остальные тоже закричали. Твилла несколько раз моргнула, только тогда медленно, очень медленно к ней начало возвращаться зрение.

Там, где только что был прямоугольник, очерченный темными линиями на стене, теперь открылся проход, из которого на всех собравшихся в коридоре лился поток яркого света. От ослепительно сияющего потока отделился серебристый лучик — таким же ясным серебристым сиянием светились движущиеся туманы. Туманный лучик как будто поманил всех внутрь.

Твилла взяла за руку Илона, который не двинулся с места во время случившегося, и повела его сквозь проход. Остальные двинулись за ними.

Впереди свет пульсировал, словно билось сердце. А исходило сияние из одного-единственного источника, расположенного в центре большой круглой комнаты. Там стояло чудесное дерево, которое всем — и стройностью ствола, и формой листьев, и рисунком коры, и очертаниями кроны — походило на гигантские лесные деревья. Только было оно совсем маленьким, ненамного выше Илона.

Ствол, ветви и листья чудесного деревца, казалось, сделаны из чистого серебра, но они были необычайно прозрачными — в каждом листочке и внутри ствола и веток переливались и ритмично пульсировали потоки светящегося зеленого сока. Твилла не могла с уверенностью сказать, было ли это чудесное деревце живым, но она пошатнулась, когда пульсирующий свет словно окутал ее. Девушка затрепетала, все волоски у нее на коже встали дыбом. Это была сила, с которой Твилла никогда еще не сталкивалась.

Люди леса, которые вошли следом за Твиллой и Илоном, разом вскрикнули и пали на колени, простирая руки к деревцу. В них словно стала вливаться, пульсируя, волшебная сила, которую источало чудесное растение.

— Фросност! — воскликнула Карла. В ее голосе звенели ликование и благоговейный трепет.

— Фросност! — подхватили ее крик остальные.

— Что? — Илон отступил на шаг, и Твилла начала быстро объяснять, где они оказались и что происходит вокруг. Илон медленно покачал головой, словно отказываясь верить ее словам.

Можно было до бесконечности смотреть на переливы сияющих зеленых струй в серебряном деревце. Нет! Твилла заставила себя встряхнуться и потянулась к зеркальцу. Эта могущественная сила способна поработить того, кто поддастся ее воздействию. Девушка не собиралась вместе с людьми леса преклоняться перед чудесным деревцем.

Вместо этого она заставила себя отвести взгляд от волшебного древа и осмотрела комнату, в которой оно росло. Росло — потому что под ногами был уже не каменный пол дворцовых коридоров, а земля, и в эту землю уходили корни серебряного дерева.

Оглядевшись по сторонам, Твилла увидела, что каменных стен тоже больше нет. Стены комнаты состояли из неровного коричневатого материала, похожего на дерево... Да, это было как будто дупло внутри большого дерева, внутри которого таилось чудесное серебряное деревце.

Однако стенки комнаты-дупла были усеяны выступами-полочками, на которых стояло множество коробочек, грубо вырезанных из простой древесины с ободранной корой. Такие примитивные коробочки могли сделать чьи-то грубые и неуклюжие руки. А еще на полках стояли маленькие статуэтки.

Взгляд Твиллы задержался на корявой статуэтке, изображавшей лесное чудовище. Это было то самое жуткое страшилище, с которым девушка столкнулась в лесу и которое сперва приняла за иллюзию. Чуть поодаль стояли статуэтки, изображавшие мерзкие создания, которые преследовали маленькую Ванди, когда Твилла с девочкой вышли из комнаты Лотис, — и первое, и то, что появилось следом, — полуразложившийся остов.

На других полках выстроились рядами скульптурные изображения самых разных чудовищ, кошмарных и жутких, совершенно нечеловеческих форм.

Рассматривая собрание статуэток, Твилла заметила здесь и совсем другие создания — настолько же прекрасные с виду, насколько были ужасны и отвратительны чудовища. Девушка узнала в одной из статуэток маленькую женщину-эльфа с радужными крыльями, как у мотылька, — точно такая же крошка однажды принесла Твилле целебные листья. Твилла не удивилась, обнаружив среди статуэток изображение маленькой крылатой ящерицы из подземного мира.

В одном месте в стенке огромного дупла девушка заметила узкую дверь, рядом с которой стоял стол, а возле него — стул из причудливо сплетенных ветвей, отполированных временем. На столе лежала кипа пепельно-серых листков, покрытых лежащей вязью изящных зеленых букв. Этой письменности Твилла не знала.

Девушка больше ничего не успела рассмотреть, потому что из-за залитой серебристым светом двери вышел Оксил, а вместе с ним — Вестел, страж лесных границ.

— Фросност! — дружно воскликнули вновь прибывшие.

Оксил обошел серебряное дерево, не приближаясь к нему слишком близко.

— Как вы сумели открыть дверь? — спросил лесной лорд. На его бледном лице ясно читалось сильнейшее волнение.

Илон быстро обернулся к Оксилу, которого не мог видеть.

— Вот этим, — просто ответил он и поднял руку с кинжалом. Стальное лезвие сверкало почти таким же живым серебром, как чудесное деревце.

— Золотое железо! — Оксил рассмеялся. — Так вот в чем ключ к ее запирающим закланиям! А мы об этом и не подумали... Это... — Он обвел рукой потайную комнату-дупло. — Это — Сердце леса, в котором кроются корни Фросноста. Харгел закрыл Сердце леса запирающим заклинанием. С тех пор как Лотис затеяла свои темные дела и связалась с неведомыми силами, Фросност был утрачен. Но Лотис все равно не удалось прорваться в это потаенное место, даже с помощью чужеземной магии... — Взгляд Оксила остановился на Твилле, и лесной лорд с вызовом спросил: — Какую странную магию принесли

в наши земли люди твоей крови, дочь Луны? Лотис долго жаждала получить силу — но то, чем она сейчас владеет, она могла получить только из какого-то источника вне наших владений. Лотис побывала здесь, она пыталась разграбить могущество леса и думала, что ей удастся сокрыть его от нас. Она заперла в ловушках тех из нас, кто способен ее выследить. И ей это удалось — только потому, что Лотис теперь обладает силой, природа которой нам неизвестна. Я еще раз спрашиваю тебя, дочь Луны: какая сила пытается сейчас нас уничтожить?

Твилла еще не успела подобрать слова, и вместо нее ответил Илон:

— Это жрец Дандуса. И не спрашивай нас, лорд Оксил, какой силой он владеет. Жрецы Дандуса в древние времена правили нашей страной. Их темное правление было столь жестоким, что против этих злых колдунов ополчился весь народ. Их сила питалась кровью и страхом и всем, что скрывается от ясного дневного света. Когда моего отца направили в эти края, ему велели взять с собой жреца Дандуса — и отец не мог отказаться, ибо такова была воля короля. Я готов дать любую клятву в том, что мой отец не замешан в тех темных и грязных делах, которые тут творятся. Но насколько силен этот жрец — я не знаю. В те времена, когда люди нашей страны очищали землю от этой мерзостной погани, большинство сражавшихся на стороне света погибло. С тех пор у нас считается запретным хранить любые знания об этих черных колдунах, жрецах Дандуса... Однако некоторые глупцы пытаются вернуть то зло, которое заклеямили еще в давние времена. В наших краях до сих пор есть жрецы Дандуса, но все уверены, что могущественных черных колдунов среди них давным-давно нет. Как видно, это убеждение оказалось большой ошибкой. Я сказал тебе правду, лорд Оксил. И я действительно не знаю, какими силами обладает тот жрец Дандуса, который живет среди поселенцев.

— Выходит, нам угрожают не только чужеземцы, жадные до чужих богатств... Дочь Луны, а какова твоя сила?

— В одном я могу поклясться — если нужно, даже на крови, — в том, что моя сила не имеет ничего общего с тьмой. Жрец Дандуса — мой злейший враг, он ясно дал это понять, когда меня только привезли в эти края. По ту сторону гор моя наставница принадлежит к тем, кто когда-то боролся с черным

чародейством жрецов Дандуса. Знание, которое она передала мне, учит исцелять и объединять, а не разрушать. И...

Девушка говорила очень медленно, стараясь, чтобы каждое ее слово отпечаталось в сознании лесного лорда и направило его мысли на то, что должно быть сделано.

— Лорд Оксил, я дважды побывала в подземном мире. Подземные жители так же не любят захватчиков из внешнего мира, как и вы. Сейчас они работают над созданием собственного оружия. Может быть, если вы объедините с ними свои силы, вам удастся выстоять. Подземные жители снова сделали вам предложение — освободите их женщин, и они охотно заключат с вами союз.

— Освободить их женщин... Это еще одна тайна Харгела. Мы искали их... — Оксил указал рукой на стол с грудой исписанных листов на нем. — Но Лотис устроила здесь страшный беспорядок. Я полагаю, она уничтожила некоторые записи, чтобы мы не узнали хранящихся в них тайн. Но Фросност смог защитить себя. Да... — Лесной лорд пожал плечами. — Мы, конечно, хотели бы заключить союз с подземным народом — те из нас, кто не поддался подлым чарам Лотис. Но где нам искать разгадку этой тайны? Время сейчас — наш первейший враг. До нас дошли слухи, что из-за гор доставляют новое оружие, странное и непонятное, очень опасное для нас. Когда оно прибудет, захватчики не преминут сразу же им воспользоваться.

Илон едва слышно вздохнул — наверное, это заметила только Твилла — и сказал:

— Скорее всего, так и будет.

Лесной лорд снова расправил плечи:

— Значит, мы сделаем все, что в наших силах. В этой комнате хранятся знания, известные с древнейших времен, когда само великое дерево было маленьким зеленым ростком.

Карла и Масселина подошли поближе к Оксилу:

— Покажи нам, где искать, Оксил. Нас здесь пятеро, и еще...

— Еще я и Вестел, — добавил лесной лорд.

Сколько прошло времени, Твилла не знала.

Оксил и Вестел принесли с собой запас еды и питья — они не знали заранее, надолго ли придется здесь задержаться. Твилла и Илон не участвовали в поисках древних знаний, в то время как все остальные аккуратно вынимали исписанные серые

листы из коробочек, быстро перебирали их и раскладывали в разные стопки на полу. Девушка, ведя за собой Илона, прошла в маленькую смежную комнату. Они улеглись бок о бок на разложенные на полу тюфяки и сразу же заснули.

Поначалу сон Твиллы был глубоким и спокойным, безо всяких сновидений. А потом девушка словно перенеслась из мягкой и безопасной темноты, которая ее окружала, в какое-то совсем другое место.

Здесь все было мертвенно-серым — серый сумрак, серый пепел. Неподалеку от Твиллы полыхал высокий столб пламени, не ярко-красного, как обычно, а отсвечивающего странной желтизной; над ним поднимался маслянистый черный дым. Столб пламени был, наверное, высотой с гигантское лесное дерево, потому что люди, столпившиеся возле огня, казались очень маленькими.

Твиллу против воли потянуло подойти поближе к огненному столбу. Те, кто копошился вокруг странного костра, с виду казались обычными людьми — девушка ясно видела их тела, лишенные всяких покровов. Они подпрыгивали, переступали с ноги на ногу, совершали странные телодвижения — это был какой-то непонятный танец. Внезапно Твилла увидела еще одного человека, который стоял совсем близко у огня, так близко, что его то и дело окутывало клубами маслянистого черного дыма. На нем был красно-черный плащ. Жрец Дандуса.

Девушка не знала, стала ли она свидетельницей реальных событий, происходящих где-то вдалеке, или же эта жутковатая картина была порождением ее страхов и просто приснилась ей. Жрец высоко вскинул руки. Черный дым стусился и кольцами обвился вокруг него. Потом темный поток дыма спиралью устремился ввысь. Подняв голову, Твилла увидела, как дым превращается в черный, словно покрытый копотью палец, который указывает куда-то вдаль — но на что именно устремлен страшный указующий перст, девушка не видела.

— Твилла! — Мертвенная серость вокруг разом пропала. Твилла почувствовала, что ее обнимают сильные, надежные руки, ощутила рядом тепло человеческого тела. Только сейчас девушка поняла, как она замерзла в призрачной страшной стране. — Твилла...

Открыв глаза, Твилла увидела, что рядом с ней — Илон. Он держал ее в объятиях и пристально всматривался невидящими глазами в ее лицо. О, эти невидящие глаза! Твиллу согрело не только горячее тело Илона, но и волна яростного гнева, которая поднялась в ее душе. Лотис! Лотис — и зло! Каким-то образом она и сама с этим связана. Да, это так... Твилла нащупала заветное зеркальце и вцепилась в него обеими руками, словно искала у него защиты.

— Твилла! — снова позвал ее Илон. — Ты кричала...

— Дурные сны... — ответила девушка и пересказала Илону, что ей приснилось — столб мертвенного пламени и страшный указующий перст.

— Это предупреждение... — начал было Илон, но тут в комнату вбежала Карла.

— Дочь Луны! Мы нашли то, что искали. Теперь нужно рассказать об этом подземным жителям.

22

В КОМНАТЕ с серебряным деревом Твиллу встретил Оксил, который держал в руке разложенные веером серые листы. Вокруг него толпились остальные.

Лесной лорд посмотрел на Твиллу и Илона. В его глазах от волнения сверкали зеленые искорки.

— Мы узнали, где Харгел заточил их женщин! Теперь можно начинать переговоры с этим Шардом!

— Но сможем ли мы разрушить заклятие Харгела? — спросила Масселина. — Известно ведь, что заклинания второго, а тем более третьего порядка — а это вполне может оказаться именно таким — в силах снять только тот, кто его накладывал. А Харгел сгинул много лет назад — столько, сколько лет этим листам с письменами.

— Однако дочь Луны сумела разрушить заклятие Харгела, которое связывало воинов подземного мира, — напомнил Оксил. — В любом случае мы теперь знаем, куда следует направить наши усилия. — Он слегка взмахнул веером листов в руке, и они тихонько затрепетали.

— Заклятие, охранявшее Сердце леса, разрушено, — заметил Вестел. — И эта змея Лотис сможет теперь сюда проникнуть когда пожелает. Сможем ли мы воспрепятствовать ей? Нельзя, чтобы Лотис сюда попала. Неизвестно, сколько она уже успела похитить и какие еще великие тайны может здесь обнаружить.

Тут вперед вышел Илон. Он безошибочно узнал Оксила по голосу и теперь повернулся лицом к лесному лорду.

— Есть замки, разрушить которые не под силу даже Лотис. — Он снова достал из складок одежды кинжал. — Это послужило ключом, которым мы открыли проход сюда, а теперь пусть кинжал станет замком.

Илон чуть наклонил голову, словно стараясь сориентироваться по слуху или запаху, и Твилла, догадавшись о том, что он задумал, тотчас пришла ему на помощь. Девушка взяла слепого лорда за рукав и подвела к проходу, который был открыт с помощью стального кинжала.

Когда с помощью Твиллы Илон подошел к двери, он опустился на колени и, разведя руки в стороны, измерил ширину прохода. Затем слепой лорд взял кинжал, с силой вогнал лезвие в утоптаный земляной пол и провел линию от одной стенки до другой. Кинжал он оставил в земле.

Лесные люди начали переговариваться между собой. Оксил передал веер из серых листков Вестелу и подошел к Илону, который уже поднялся с колен.

— Ты сообразителен, чужеземец, — сказал лесной лорд. — Да, это сможет противостоять любым заклятиям Лотис. Она не уничтожит нас, пока мы за этой чертой. Но что, если она воспользуется магией чужеземного колдуна? Ему не страшно железо.

— Верно, железа он не боится, — ответил Илон. — Но и жрецы Дандуса тоже кое-чего боятся. Они боятся и ненавидят женщин. Готов поклясться, ему нелегко дается любое сотрудничество с Лотис. Для него она воплощает все то, что жрецы Дандуса больше всего не любят. А потому их союз с самого начала разъедают взаимное недоверие и подозрения. Он наверняка нисколько не доверяет Лотис. Если она попытается воспользоваться магией, которая подвластна жрецу, он непременно

постарается сперва выяснить, каким подвохом это может ему грозить.

— Я верю тебе, чужеземец. Наверное, ты прав. Но для нас будет лучше, если мы поскорее завершим то, что должны сейчас сделать, — сказал Оксил. — Однако, чужеземец, ты запер нас здесь так же надежно, как запер это место от Лотис. А дверь, через которую нам нужно пройти, находится совсем в другом месте...

— Это легко исправить. — Илон наклонился и, чуть повернув кинжал за рукоятку, вынул его из земляных ножен. — Вот и все — теперь проход свободен. Вы можете выйти, а потом я снова верну замок на место.

Лесные люди по одному вышли из комнаты-дупла, обходя на почтительном расстоянии Илона, который стоял с кинжалом в руке. Когда все оказались снаружи, в коридоре, Илон тоже вышел.

Слепой лорд снова ошупал руками проем в стене, который он открыл с помощью кинжала, а потом, взявшись за рукоятку двумя руками, вогнал кинжал в землю — так, чтобы стальной клинок стоял посредине прохода, освещенный пульсирующим сиянием серебряного дерева.

И снова они пошли по запутанным дворцовым коридорам, но теперь их вел Оксил, который, как видно, прекрасно ориентировался в этом лабиринте и безошибочно указывал верный путь. Вскоре они оказались в комнате, которую Твилла сразу узнала, — сюда они с Илоном вышли после схватки с гигантским червем.

Выбрав один лист из тех, которые они прихватили с собой, Оксил прикоснулся его кончиком к начертанному на двери символу и медленно повел им вдоль узора, слева направо, тщательно повторяя все изгибы линии. В тех местах, где Оксил проводил листом, узор на двери сразу бледнел и угасал.

Когда лесной лорд закончил, на двери не было видно никаких символов. Оксил еще мгновение постоял перед ней. В коридоре было почти совсем темно, все светящиеся туманы куда-то исчезли, от них осталась лишь едва заметная бледная призрачная дымка.

Оксил толкнул дверь рукой. Его рука не прошла сквозь дверь, как раньше у Твиллы и Илона. Нет, на этот раз дверь

распахнулась, и за ней стал виден грубо вырубленный в скале пещерный коридор.

Пока все стояли и смотрели на коридор, вокруг них постепенно начал собираться рассеянный, бледный свет. Впервые лесные люди взяли в руки оружие. Вспомнив о черве, Твилла понадеялась, что их серебряные мечи больше, чем клинок Утина, пригодятся в сражении с любой ползучей тварью, которая может встретиться в темной пещере.

Воздух в пещере был напоен густым зловонием разлагающейся плоти. Вонь становилась все сильнее, по мере того как путники приближались к месту схватки с червем. Тело червя было сильно обглодано неведомыми трупоедами, в некоторых местах на каменном полу пещеры лежали только голые кости. Какие твари так поработали над останками чудовища? И не притаились ли они где-нибудь в темноте? Твилла прижалась плечом к Илону и повела его как можно ближе к стене пещеры. Вспомнив о лужах ядовитой слюны, девушка предупредила остальных.

Когда они миновали останки червя, Оксил зашагал быстрее. Было ясно, что ему хочется поскорее закончить начатое дело.

Однако когда люди леса вышли из коридора в подземный мир, они не стали отходить далеко от входа. Они стояли у потайной двери и ждали.

И вот невдалеке показался отряд маленьких воинов. Воины подземного народа выстроились в линию, чтобы окружить с двух сторон людей леса, если те двинутся в глубь их владений. Каждый воин сжимал в руках обнаженный меч. Позади первого отряда шли воины с маленькими луками, держа наготове стрелы с наконечниками из смертоносного железа.

Когда подземные воины приблизились, вперед выступил Шард. Оксил возвышался над ним, однако в невысоком жреце было столько достоинства и уверенности в себе, что столь явная разница в росте не имела уже никакого значения.

Оксил поднял правую руку и начертил какой-то сложный знак. В воздухе вспыхнули ярко-зеленые линии, настолько четкие и ровные, как будто были выложены из настоящей нити. В ответ Шард поставил перед собой золотую секиру с кабаньей головой. Из глаз кабана вырвались тонкие лучики красного света, которые сплелись в столь же сложный узор, который обви-

вался вокруг зеленого знака, не соприкасаясь с ним. Несколько мгновений в воздухе полыхали два волшебных символа — зеленый и красный, потом оба разом исчезли. Шард убрал свою секиру, Оксил опустил руку.

Подземные воины оттянулись назад, люди леса убрали в ножны свои серебряные мечи. Лучники спрятали стрелы в колчаны. Тогда Шард заговорил:

— Ты начертал знак мира, лорд из леса. Но у нас есть только одна причина привечать вас в своих владениях — если вы исправили зло, содеянное вашими сородичами.

— Харгел давным-давно сгинул — и мы надеялись, что его зло сгинуло вместе с ним. Да, мы сделаем все, что сможем, чтобы исправить то, что он натворил. Но знай, подземный лорд, что снова настало время зла — и нынешнее зло еще страшнее прежнего. Нам угрожают не только пришельцы из верхнего мира. Среди лесных людей снова нашлись такие, кто не чуждается темного чародейства. — Оксил был мрачен, его голос звучал глухо. Твилла подумала: «Сколько же усилий ему стоит признать это перед древними врагами своего народа!»

— Мы слышали об этом, — ответил Шард. — Хорошо, что ты не скрываешь от нас правды, лесной лорд. Освободи тех, кого связали заклятием твои сородичи, — и тогда мы сможем поговорить о других важных делах. Возможно, от этого будет пользы нам обоим.

Оксил достал из складок одежды один из серых листов. В красноватом свете подземного мира надписи на листе казались настолько блеклыми, что их едва можно было различить.

— В тайной комнате Харгела мы нашли вот это. Здесь указан путь, но ваши пути не похожи на наши, и потому мы не можем с точностью сказать, где это находится. — И он протянул лист Шарду.

Жрец перехватил секиру в левую руку и взял серый лист. Письмена как будто еще больше поблекли. Шард что-то воскликнул и наклонил свою волшебную секиру к листу. Из глаз золотого кабана снова вырвались лучи красного цвета, и зеленые письмена через несколько мгновений вспыхнули красным. Шард внимательно изучил их.

Потом жрец поднял голову. Выражение его лица говорило о растерянности и, как показалось Твилле, о том, что его подозрения вновь возродились. Письмена на листе сделались коричневыми и медленно истаяли.

— Мне это непонятно. Может быть, ты пытаешься сотворить какую-то магию, чтобы обмануть нас, лорд леса? Где наши женщины?!

В толпе воинов поднялся ропот возмущения. Они снова выхватили стрелы и нацелили их на пришельцев. Оксил поднял вверх руки, повернув к подземным жителям раскрытые ладони.

— Подземный лорд, твои воины держат в руках оружие, которое принесет нам мучительную смерть, — спокойно сказал он. — Мы не пытаемся тебя обмануть. Если ты не знаешь, что обозначено на этой карте, то это не я, а Харгел обманул нас всех. — Оксил мельком взглянул на пожухлый серый лист, который теперь лежал на земле между ним и Шардом. — Но мы нашли эту запись в его комнате, и для Харгела она наверняка что-то значила.

Теперь уже Шард взглянул на брошенный лист. Наверное, Оксилу все-таки удалось пробиться сквозь его подозрительность. Внезапно, словно ему в голову пришла еще какая-то мысль, жрец повернул свою секиру древком вперед...

Однажды Твилла уже видела кузнечную магию — еще когда жила по ту сторону гор, у ведуньи Халди. Камень, который, как считал кузнец, обладал внутренней магией, мог прилипать к кускам железа. Сейчас со старинным серым листом произошло то же самое. Но, прилипнув к древку секиры, лист распался на несколько кусочков неправильной формы.

— Гогалар! — Из глотки Утина, который стоял ближе всех к своему лорду, вырвался гортанный крик. — Гогалар! — закричал подземный воин и топнул ногой. Остальные воины тотчас же подхватили его клич.

Они сломали строй и столпились вокруг Шарда. А пришельцы из леса, чувствуя себя очень неуверенно от близости железного оружия, отступили назад и стали в сторонке плотной группой.

Шард посмотрел на это и снова повернулся к Оксилу:

— Магическая сила, лорд леса, поможет нам во всем разобраться и поведет нас к разгадке. По этому пути не пройти без проводника. Идите, отдыхайте и ждите, пока мы не выясним все, что удастся.

Все направились к подземному дворцу, который Твилла видела заброшенным, а потом снова бурлящим жизнью. Но внутрь Шард их не повел — он понимал, что лесной народ не захочет подходить слишком близко к подземным кузницам. Они расположились на открытой полянке, и к ним сразу же устремились маленькие крылатые ящерицы. Из дворца принесли еду, и все немного подкрепились. Твилла слышала, как люди леса переговариваются между собой, удивляясь необычности окружающего.

Ночи в подземном мире не бывает, и сумерек тоже. Гости из леса ждали довольно долго. Твилла сидела рядом с Илоном. Девушка описывала слепому лорду, что видит в подземном краю. По замечаниям, которые он время от времени отпускал, можно было подумать, что Илон действительно видит все, что описывала Твилла.

— Мы продвигаемся вперед слишком медленно, — неожиданно сказал он. — У моего отца столько железа, сколько лесной народ не может даже представить. Если ему действительно пообещали боевые повозки, их, конечно же, укрепят железом. И тогда ничто не помешает нашим людям вторгнуться в лес и разорять лесные богатства, как им вздумается.

— А они сделают это? — спросила Твилла.

Илон нахмурился:

— Кто знает? У лесных и подземных жителей могут оказаться такие защитные средства, о которых мы пока даже не подозреваем... Но это же такая глупость! — Илон сжал руку в кулак. — Лесному народу вовсе не нужны поля и равнины. И нашим людям совсем не нужно рубить их гигантские деревья — в лесу полно сушняка, лесные люди его не используют. Если бы нашему народу предложили это...

— В обмен на что? — спросила Твилла.

— Я не знаю, но, может быть, тогда нам не было бы нужды нарушать границы леса.

— Плата за то, чтобы никто не нарушал границ лесных владений? У Халди было много старинных книг, и в них говорилось, что такие обязательства никогда не выполнялись.

— Да... — печально ответил Илон.

Твилла почувствовала прикосновение к руке. Оказалось, одна из маленьких ящериц опустилась девушке на руку и, задрав головку, смотрит прямо ей в лицо.

— Кроме всего прочего, у нас остается еще этот проклятый жрец, — напомнила Твилла Илону.

Слепой лорд скривился, словно ему хотелось сплюнуть.

— Да. Еще и жрец... Возможно, самим нам не удастся справиться со всем этим.

— Нам? — переспросила Твилла. — Неужели ты собираешься выступить против своего же народа?

— Я не знаю. Со мной навсегда осталось то зло, которое причинил лес. А ты видела, что делает с ними наше железо. Но я не могу смириться с тем, что затевают жрец Дандуса и те, кто с ним сговорился! — резко сказал Илон.

Они надолго замолчали и спустя какое-то время последовали примеру людей леса, которые улеглись прямо на пышную желтую траву и заснули — все, кроме Вестела, оставшегося на страже. В подземном дворце кипела бурная деятельность, но никто ни разу не приблизился к полянке, на которой отдыхали пришельцы из леса.

Их пробудили звуки рога. Из дворца вышел Шард с отрядом воинов и направился к лесным людям. Рядом со жрецом топал Утин. В нескольких шагах от Оксила и его товарищей Утин остановился и еще раз протрубил в рог.

Где-то в густой траве раздался ответный рев, трава зашевелилась, оттуда высунулась огромная клыкастая голова, а затем на поляну вышел гигантский кабан — точно такой же, как тот, что сопровождал Твиллу вдоль реки.

Вебрь повернул тяжелую голову к пришельцам из верхнего мира, но, проходя мимо них, только разок фыркнул. Шард поднял секиру, приветствуя огромного кабана, тот хрюкнул в ответ — это было похоже на своеобразный разговор.

С той же легкостью, с какой Шард переходил на гортанную речь подземного народа, жрец начал издавать какие-то хрюкающие звуки. Кабан хрюкал в ответ. Гигантский вебрь

снова повернул голову к пришельцам из леса, которые уже поднялись на ноги. Потом кабан развернулся и побежал — неожиданно проворно для такого массивного животного.

Шард поспешил следом за огромным вепрем. Проходя мимо Оксила и его спутников, Шард махнул секирой, приглашая присоединиться к нему. Отряд маленьких воинов уже спешил следом за своим вождем. Так они прошли через поле, поросшее густой желтой травой, и вышли на каменистое место, окруженное, словно рекой, насыпью из гравия.

Твилла стиснула зубы, когда пришлось идти по камням — острые края камешков больно вдавливались в ступни сквозь изношенные подошвы сапог. Но девушка знала, что должна держаться — ведь Илон полностью зависел от ее помощи. Слепой шел за девушкой, держась за ее плечо, а Твилла вела его по извилистой дороге, обходя большие камни и скалистые выступы.

Здесь было очень тепло, к сапогам прилипали комья земли. На шершавой поверхности некоторых скал виднелись налипшие темно-бурые волоски, от которых сильно пахло кабаном, — наверное, где-то неподалеку находилось логово огромного вепря.

Наконец путники во главе с Шардом вышли к краю обрыва. То, что находилось внизу, было скрыто плотной завесой тумана, который клубился вровень с уступом, на котором они стояли. Гигантский вепрь хрюкнул и остановился. Шард медленно двинулся вдоль края обрыва.

Твилле не хотелось подвергаться излишней опасности и спускаться вниз с обрыва — хотя бы уже потому, что она не сможет помочь Илону, если тот не найдет опоры для руки или ноги. Но, по-видимому, никто и не собирался заставлять их туда спускаться. Пройдя чуть дальше вдоль уступа, Шард отыскал место, где скала раскололась, — там был более легкий и удобный спуск в расщелину. Крутанув своей секирой, жрец подземного народа без колебаний двинулся вниз, в непроглядное облако тумана.

Шарду снова пригодилась его волшебная секира. Из глаз кабаньей головы вырвались лучи красноватого света, который немного развеял завесу тумана — настолько, что стала видна

крутая тропинка. Тропа была узкая и не слишком удобная, однако лучшей дороги вниз все равно не было.

Туман был холодный и влажный, и в нем ощущалась какая-то примесь, от которой Твилла закашлялась. Девушка подождала, пока вперед пройдут почти все их спутники, чтобы Илон мог на слух ориентироваться по звукам их шагов.

Потом тропинка сменилась чередой ступеней, к счастью довольно широких. Все продолжали спускаться, ориентируясь на красный свет, исходящий из посоха Шарда.

Внезапно пелена тумана резко оборвалась — словно ее отрезали ножом. Однако туман не пропускал сюда ни лучика света, и потому здесь было темно, словно в безлунную ночь. Вокруг возвышались каменные столбы, которые сразу же напомнили Твилле ее видение, когда она по просьбе Шарда пыталась отыскать пропавших женщин подземного народа. Тогда зеркальце показало ей точно такое же нагромождение камней.

Шард остановился у края площадки, за которой рядами стояли камни. Жрец посмотрел на эти каменные столбы и горестно вскрикнул. Его крик подхватили все остальные подземные воины. С искаженным гневом и яростью лицом Шард повернулся к Оксилу:

— Верните нам обратно то, что вы отняли! — И жрец указал на ряды каменных столбов.

Оксил встал рядом с Шардом и взмахнул рукой, как будто что-то бросил. Из его раскрытой ладони взвилась широкая лента серебристой пыли, оружия лесных чародеев. Серебристая лента обвилась вокруг ближайшего каменного столба, а потом вдруг исчезла. Камень ничуть не изменился.

— Верни нам наших женщин! — Шард дрожал от иступленного гнева.

Оксил медленно покачал головой:

— Харгел зачаровал их, и кроме него никто из нас не властен разрушить эти чары. Таков наш закон: никто не может снять заклятие, сотворенное кем-то другим.

— Вот, значит, как... Тогда... — Шард с угрозой поднял секиру и двинулся к лесному лорду, но тут взгляд его задержался на Твилле. Жрец обошел Оксила и приблизился к девушке:

— Ты освободила нас от чар. Так верни же теперь тех, кто более всего нам дорог!

— Тогда я коснулась вас железом... — не успела она договорить, как Утин вложил ей в руку свой верный меч:

— Так сделай же это снова! Верни их!

Девушка подошла к ближайшему из каменных столбов, которые столько лет ждали освобождения, и прикоснулась к камню стальным мечом. Меч зазвенел о камень, но больше ничего не произошло.

Растерявшись, Твилла отступила назад. Зеркальце качнулось в такт ее шагам и легонько ударило девушку в грудь. Илон протянул руку, и Твилла передала меч ему. А сама подняла зеркальце и повернула его так, чтобы в серебристом диске отразился зачарованный камень.

Слова, нужно произнести какие-то слова! Коротенькое заклинание сразу же сложилось в ее голове, и Твилла пропела его вслух:

— Станьте как прежде, станьте как были!
Лунный свет пусть будет ключом.
К жизни вернет вас зеркальца сила,
И правда восторжествует над злом!

Отражение в серебристом диске ожило, из зеркальца вырвался луч света и озарил каменный столб. Но камень как был, так и остался обычным камнем.

Твилла крепко сжимала зеркальце в руках, так крепко, что края маленького диска больно врезались ей в ладони. Серебристый свет из зеркала играл и переливался на камне, но ничего не изменялось. Камень не оживал. Зато зеркальце снова было живым и отзывалось на волю Твиллы. Должно быть что-то еще... Что-то такое, о чем она не подумала...

Девушка быстро повернулась к Илону.

— Железо! Принеси железо!

Ориентируясь на ее голос, слепой лорд шагнул вперед, дотронулся до плеча Твиллы, а потом поднял меч так, что тот попал прямо в поток серебристого света, изливавшегося из зеркальца. Лезвие засияло чистым серебром — почти так же ярко, как зеркальце Твиллы. Стальной клинок сверкал так ослепительно, что Твилла не отваживалась на него взглянуть.

ИЛОН ПОКАЧНУЛСЯ и шагнул вперед. Он остутился, но устоял на ногах. Сияющий клинок, словно оживленный волшебным светом, прикоснулся к поверхности камня — и камень ожил! Каменная оболочка вспыхнула и исчезла, и на месте каменного столба теперь стояла маленькая женщина, которую Твилла сразу узнала, потому что видела ее точное подобие — золотую скульптуру.

— Ката! — торжествующе воскликнул Шард. Жрец протянул свою секиру Утину, и воин тотчас же подхватил волшебное оружие. А Шард бросился к Кате, обнял ее и зарылся лицом в ее роскошные волосы.

Несомненно, Твилле теперь предстояла долгая работа, точно так же, как и в тот раз, когда она освобождала маленьких воинов, заточенных в грибах-деревьях, — правда, сейчас будет легче, потому что освобожденная от каменного плена Ката сразу приняла свой прежний облик. Долгое пребывание в плену чар никак на ней не сказалось. Теперь нужно было освободить всех остальных женщин подземного народа. Хватит ли на это волшебной силы зеркальца, Твилла не знала. Ей оставалось только надеяться на лучшее.

Объяснив Илону, что нужно делать, Твилла направилась к следующему каменному столбу. Илон шел за ней следом, держа руку на плече девушки. Потом они снова подошли к следующему столбу, и снова, и снова, и снова...

У Твиллы текли слезы из глаз после бесконечной череды ярких вспышек, в которых исчезали каменные оковы, возвращая к жизни заколдованных женщин. Зеркальце постепенно становилось все тяжелее, вернее, это силы Твиллы понемногу убывали — но казалось, каменным столбам, заключающим в себе пленниц, не будет конца.

Освобожденные от чар женщины и дети пробегали мимо Твиллы и Илона с радостными криками, спеша присоединиться к остальным, поджидавшим их на краю этой заброшенной долины. И вот наконец последний каменный столб взорвался ослепительной вспышкой света и исчез. Твилла выронила зеркальце — уставшие руки больше не могли удержать этот груз.

Девушка покачнулась от слабости. Звякнул металл — это Илон бросил меч на камни и помог ей устоять.

— Они все свободны... — сказала Твилла.

— Так вот ты какая, целительница! Выходит, ты исцеляешь не только болезни...

Целительница... Как давно ее так не называли! Целительница... Да, именно это они с Илоном сейчас и сделали — они вместе исцелили зачарованных женщин.

Дрожащими от слабости руками Твилла снова повесила шнурок с зеркальцем на шею. И только тогда почувствовала, что в долине дует ветер. Раньше девушка не замечала ни ветра, ни неяркого красноватого света, озарявшего подземный мир. Она посмотрела вверх.

Завеса плотного, густого тумана, который скрывал от света эту мрачную долину, разорвалась на клочья. Обрывки тумана сморщивались и как бы скручивались внутрь самих себя — как опавшие листья, охваченные жарким пламенем.

Твилла полной грудью вдохнула свежий воздух, потом еще раз, и еще. С нее словно свалилось тяжелое бремя. Илон обнял ее за плечи и прижал к себе.

— Я... Я уже могу идти сама, — сказала девушка.

Однако Илон отпустил ее совсем ненадолго — только для того, чтобы поднять лежащий на земле меч. И уже не она вела его, а скорее это Илон привел ее через пустынную теперь долину к шумной толпе освобожденных, которые окружили Шарда, и к небольшой группе людей из леса, стоявших чуть поодаль. Когда Твилла и Илон приблизились, Шард уже поджидал их. Стройная женщина, стоявшая с ним бок о бок, отличалась с виду от остальных маленьких женщин, которые толпились вокруг. Ката протянула руки к Твилле и сказала чистым и звонким голосом:

— Добро пожаловать, сестра, дарительница жизни! Ты исцелила нас от древнего зла!

Позади нее стояли другие женщины, пониже ростом и более крепко сбитые. Здесь были и дети, хотя и в меньшем количестве, чем Твилла ожидала увидеть. Ребятишки жались к мамам и круглыми глазами смотрели на пришельцев из верхнего мира.

— Исполнено ли то, чего вы требовали? — спросил Оксил, выйдя немного вперед из группы своих сородичей. Не-

которые женщины испуганно шарахнулись в сторону, пряча за собой детишек.

Шард забрал у Утина свою волшебную секиру и трижды ударил дровком о землю. Все разговоры среди подземного народа разом затихли.

— Исполнено. Но не вы это сделали, люди леса.

— Это не совсем так, — поспешила вмешаться Твилла. Ведь Оксил не виноват, что у него не получилось разрушить древнее заклятие. — Мы пришли сюда только по воле этого лорда и благодаря знаниям его народа. Он привел сюда меня и лорда Илона, всем нам просто повезло, что наша магия оказалась сильнее древнего зла!

— Целительница говорит правду, — сказала Ката. Она указала на Оксила и его сородичей. — Они не пришли бы сюда, если бы замыслили против нас недоброе. Я знаю, из какого ты рода, целительница. — Теперь Ката обращалась непосредственно к Твилле. — И если ты считаешь, что сделанное тобой основывается на трудах других, — я верю, что так и есть. Примите нашу благодарность, люди из верхнего мира! Вы исправили темные деяния древности — так или иначе.

Затем все вернулись из заброшенной долины в те земли, куда привел их гигантский вепрь. Животное больше не показывалось, но найти обратную дорогу не составляло труда. Некоторые воины шли теперь рука об руку с женами. Двое несли на плечах детишек. Широкие лица под стальными шлемами сияли от счастья.

Лесные люди держались чуть поодаль, отдельной группой. Третью группу составляли Твилла и Илон. Они не принадлежали ни к лесному народу, ни к подземному и даже могли напомнить остальным новых врагов из внешних земель. Однако во взглядах, которые время от времени бросали на них освобожденные от заклятия, Твилла не заметила никакой враждебности.

Наконец они вернулись к подземному дворцу, откуда им на встречу выбежала толпа маленьких мужчин. Зазвучали радостные крики, женщины и дети бросились в объятия истосковавшимся без них мужьям и отцам, все окликали друг друга, переговаривались... Поднялся страшный шум.

Лесные люди держались поодаль, маленьким тесным кружком. Они уселись на траву и наблюдали, как воссоединившиеся семьи уходят в замок. О пришельцах из верхнего мира все как будто позабыли. Дрожащая от усталости Твилла без сил упала на землю. Илон присел рядом с девушкой.

— Твилла, что нам нужно сделать теперь? — негромко спросил слепой лорд, но Твилла все хорошо расслышала, несмотря на шум, который производила толпа счастливых подземных жителей.

Девушка вздохнула. Она так устала! Прямо сейчас Твилла была не в состоянии думать о будущем.

— Кто знает? — сказала она.

Твилла подумала, что люди Оксила, наверное, захотят поскорее возвратиться в лес, но они спокойно сидели, тихонько переговариваясь между собой, и чего-то ждали. Твилла не слышала ничего из их разговоров, но сейчас это ее не особенно интересовало.

Постепенно усталость совсем сморила ее, и девушка заснула, растянувшись во весь рост на траве, лицом к небу.

Спустя какое-то время Илон ее разбудил. Из подземного дворца пришли маленькие воины и принесли еду в искусно сработанных здешними кузнецами корзинках, украшенных золотом и серебром. Блюда и кубки отличались столь же филигранной работой и роскошью отделки. На этот раз гостей с Илоном угостили на славу!

В то время как жители верхнего мира утоляли голод, к ним подошли Шард и Ката. Оксил встал и чуть склонил голову, глядя в лицо вождю подземного народа.

— Все, о чем мы просили, было сделано... — несколько неуверенно начал Шард, стараясь выбрать верный тон разговора, подыскать правильные слова. — Губительное зло было исправлено. Ты говорил, что у нас теперь есть общий враг. Это те, кто шныряет и вынюхивает вдоль большой реки. Мы и раньше видели людей их породы, но не в таком большом количестве. У нас есть чем им ответить — и мы покажем это вам.

Шард поднял свою волшебную секиру и дважды взмахнул ею в воздухе. Тотчас же из ворот замка выступил небольшой отряд воинов. Однако один из них заметно выделялся среди остальных необычайно высоким ростом. Высокий человек дви-

гался как-то странно, словно его что-то стесняло. Когда воины приблизились, стало видно, что высокий опутан тонкой серебряной сетью. Сеть плотно обвивала его тело, руки были прижаты к туловищу, ноги спутаны выше колен — так, что он с трудом мог идти.

Пленник смотрел поверх голов маленьких воинов. Сперва его взгляд устремился на людей леса, а потом пленник заметил Твиллу и Илона, и его глаза расширились от удивления. Удивление, впрочем, почти сразу же сменилось откровенной неприязнью, и человек гневно стиснул кулаки.

— Они привели пленника, — пояснила Твилла слепому лорду. — Это мужчина из-за гор, скорее всего — солдат. — Потом девушка рассказала о серебряной сети, которой был опутан пленник.

Твилла не знала, одобряют ли подземные воины ее действия, но все же подвела Илона к пленному. Неприязнь солдата сменилась настороженностью. А маленькие охранники только заворчали и теснее окружили человека в сетях.

— Из какого ты отряда? — спросил Илон тоном офицера, привыкшего командовать.

Пленник нахмурился. Сперва Твилла подумала, что он не станет отвечать, однако солдат хрипло сказал:

— Я Хаган, второй разведчик из отряда Торлана.

— Ясно. Кто приказал тебе разведать местность вверх по реке?

— А тебе какое дело, предатель, недочеловек? Твоим приказам я не подчиняюсь!

Твилла заметила легкий румянец, вспыхнувший на загорелом лице Илона. Пленный солдат высказал ему в лицо свое презрение. Однако Илон не подал виду, что его задел эти обидные слова.

— Значит, Торлан идет вверх по реке?

Пленник плюнул Илону под ноги:

— Я ничего тебе не расскажу, подлый предатель!

Неожиданно рядом с Илоном встал Оксил.

— Имя этого офицера тебе о чем-то говорит? — спросил он у слепого лорда.

— Да. Торлан из тех, кто прислушивается к словам жреца Дандуса. Он родом из Саваша — там у жрецов Дандуса самые

крепкие позиции. — Лесной лорд холодно оглядел пленника с головы до ног. Шард тоже подошел поближе. Твилла знала, что пленному разведчику приходится нелегко — несмотря на то что он так хорохорился перед Илоном. И почему-то от этого Твилле было приятно.

Трое лордов молча стояли и смотрели на пленника. Солдат дернул плечами, как будто пытался сбросить с себя путы. Но у него ничего не вышло.

— Вот видишь, ему не разорвать сети работы наших кузнецов, — обратился Шард к Оксилу. — Он не сможет освободиться, если только мы его не отпустим.

— И много вы уже сковали таких сетей? — спросил лесной лорд.

— На всю армию все равно не хватит! — выкрикнул пленный солдат. — Лорд Хармонд вызвал такую армию, против которой вам не выстоять! В этих краях еще не видели наших передвижных крепостей!

Илон пояснил:

— Они вызвали боевые повозки. Но их очень трудно будет переправить через горные перевалы...

Хаган презрительно усмехнулся:

— Ну, не так уж и трудно, недочеловек! Они уже миновали верхние перевалы. Эти крепости и вправду движутся сами и направляются напрямиком в проклятый лес!

— Боевые повозки окованы железом, — медленно сказал Илон, повернувшись к Оксилу.

— Этот солдат тоже закован в железо, — заметил Шард, указывая на кольчугу и шлем, в которые все еще был одет пленный разведчик. Когда его опутали ловчей сетью, он как раз вытаскивал меч из ножен, потому что в прижатой к телу руке и теперь сжимал рукоять обнаженного меча. — Железо воздействует на сеть — его меч даже немного ослабил путы, хотя и ненадолго, — Шард говорил с искренним интересом, как мастер, изучающий свойства собственного творения.

Хаган сказал:

— Если у тебя в голове осталась хоть капля ума, предатель, ты объяснишь этим маленьким недоумкам, что им не на что надеяться...

— От любого оружия можно защититься, — ответил Илон. — Вот ты сейчас можешь пройти свободно?

Хаган задергался изо всех сил, стараясь освободиться от цепкой сети. Пленник так и не смог разорвать путы — только потерял равновесие и упал лицом вниз. Маленькие воины тотчас же рывком поставили его на ноги.

Лицо Илона стало сосредоточенным, как всегда, когда он внимательно слушал, пытаясь по звукам угадать, что происходит.

— Сеть держит его крепко, — отметил слепой лорд.

— Да, это хорошее оружие, особенно против таких шпионов, — согласился Оксил.

Шард энергично закивал:

— Да, наши сети держат крепко. Уведите шпиона! — приказал он своим воинам.

Хаган снова неистово забился в сети, пытаясь вырваться. Он повернул лицо к Илону и крикнул:

— Лорд!.. Неужели ты позволишь, чтобы эти поганые землеройки забрали человека? Ты ведь из нашего рода...

— Нет, — спокойно ответил Илон. — Ты ведь сам только что называл меня недочеловеком.

— Что они со мной сделают? — Хаган растерял все свое нахальство и напускную надменность.

— Я не знаю. Ты тайком пробрался в их земли, шпионил за ними, а потому они сами вправе решать твою судьбу.

Шард ударил древком секиры о землю:

— Заберите его — и проследите, чтобы с ним ничего не случилось.

Хагана уволокли обратно в замок. Тогда Твилла осмелилась спросить:

— А что с ним будет потом?

Шард усмехнулся:

— Мы подержим его у себя, а потом, может, используем как приманку.

— Охраняйте его получше, — посоветовал Илон. — Он служит командиру, который попал под чары Дандуса. Я не знаю, насколько велика его сила. Может быть, этот солдат даже станет ключом, которым злая сила откроет вашу неприступную крепость, если окажется достаточно могущественна.

— Я думаю, этого опасаться не стоит, — сказал Шард, довольный результатами испытания сети. — Но все равно — благодарю тебя за предупреждение. Мы будем настороже и достойно встретим любое подобное нападение. У нас есть надежные сторожа... Они все будут наготове. Ты уже видел Авирала. — Шард почтительно приподнял секиру, увенчанную головой вепря. — Авирал — вовсе не простое животное, хотя и выглядит как обычный зверь...

Шард повернулся к Оксилу.

— А теперь поговорим о наших планах. Сети, которые мы плетем, удержат пленника с любым оружием из железа — до тех пор, пока мы сами его не освободим. Но что такое эти передвижные крепости, чужеземец? — спросил жрец у Илона.

— Это укрепленные броней боевые повозки. Их передвигают воины, которые находятся внутри, под надежной защитой железных стен. С помощью таких передвижных крепостей наши войска могут подобраться невредимыми к стенам любой осажденной крепости.

— Но в лесу нет крепостей, только деревья... — сказал Оксил.

— Это легко объяснить. Когда к осажденной крепости подбираются боевые повозки, воины внутри них несут с собой подходящее оружие — к примеру, для того, чтобы разбить стены или вырыть подкоп. Точно так же они могут привезти в лес топоры — для того, чтобы рубить деревья. Боевые повозки очень тяжелые, для них не нужно прокладывать дорог — своим весом они подминают все маленькие и слабые растения на пути. Все это правда, хотя я ни разу не слышал, чтобы боевые повозки использовали против таких огромных деревьев, какие растут в здешних краях. По ту сторону гор деревьев совсем мало, а таких больших нет вообще.

Оксил снова обратился к Шарду:

— Вы умеете делать ловчие сети на людей... Может быть, ваши мастера смогут сплести и такую сеть, чтобы в нее можно было поймать железную повозку? Мы не знаем, удастся ли им погубить хоть одно великое дерево... Наверное, нужно придумать какую-нибудь магическую ловушку на тот случай, если они перейдут границу лесных владений.

— Какого размера эти железные повозки? — спросил Шард.

— Веди меня. — Илон без тени смущения попросил Твиллу о помощи.

Он с силой вдавил каблук сапога в мягкую, густую траву, явно отмечая место. Утин, догадавшись о его намерениях, быстро подошел и всадил в землю свой меч, чтобы тот послужил вехой. Положив руку Твилле на плечо, Илон двинулся вперед, вслух отсчитывая шаги. Остановившись, он повернулся вбок, хотя и не видел, сколько прошел. Еще один воин отметил это место своим мечом, а другой быстро побежал с мотком тонкой веревки, вымеряя расстояние между двумя клинками.

— Точнее я показать не могу, — сказал Илон. — Такие они в длину. А в ширину — примерно с фургон, на котором перевозят грузы.

Маленький воин с веревкой старательно измерил предполагаемую длину боевой повозки, завязал на веревке памятный узелок и, свернув ее кольцами, перекинул себе через плечо.

— Хорошо... — сказал Шард.

— Значит, будем ловить их сетями... — медленно сказал Оксил. — Но нужно еще разобраться с затемнением истинной силы. Подземный лорд, согласишься ли ты вернуться вместе с нами в тайную комнату Харгела? Именно там мы должны еще кое-что узнать. Мне неизвестно, насколько порча распространилась среди нашего народа... Я не знаю, много ли тайн Лотис похитила и использует во зло... Наша магия переменилась — и, возможно, ты своим волшебством сможешь определить, что именно случилось.

— Я обладаю волшебной силой, но есть и более могущественные, чем я. — Шард кивнул, и из толпы подземных жителей вперед выступила Ката. — Пойдешь ли ты с ними, сердце мое? Они ищут следы темного колдовства, которое выпустил в мир Харгел, — или что-то подобное.

Маленькая женщина медленно прошла вдоль стоявших рядом людей из леса. Дольше всего Ката задержалась перед Карлой и Масселиной, которые стояли, взявшись за руки. Маленькая Ката улыбнулась лесным женщинам.

— Сестры! — сказала она и дотронулась ладонями до лба. Обе женщины тотчас же повторили ее жест. — В древние времена мы трудились вместе. И те, кто обратил нас в камни, бы-

ли не вашей веры. Теперь же мы снова можем соединить наши силы.

Ката не заговорила ни с одним из лесных мужчин, даже с Оксиллом, — хотя внимательно заглядывала в лицо каждому из них и подолгу пристально смотрела им в глаза. Потом Ката подошла к Твилле и Илону, которые стояли чуть поодаль от остальных.

Твилле она сказала:

— Тебя называют дочерью Луны, верно?

Девушка очень удивилась: откуда Ката могла узнать прозвище, которое ей дала Карла?

— Твоя сила необычна, но она сияет, словно чистая Луна без единого темного пятнышка. Мы славно поладим и будем трудиться вместе.

Потом Ката повернулась к Илону:

— Ты тоже обладаешь силой, лорд. И сам не знаешь, насколько она велика. В свое время эта сила станет для тебя величайшим благословением. Однако в конце ваши пути разойдутся...

Ката вернулась к Шарду. Жрец вогнал древко секиры в землю, так, чтобы она стояла ровно, и протянул руки к Кате. Та вложила руки в его ладони, и Шард по очереди поцеловал ей обе руки.

— Иди же, сердце мое, и сделай то, что должно быть сделано. И пусть Авирал будет на твоей стороне.

Вместе с Катой маленький отряд Оксила покинул поляну у подземного дворца. Они пошли обратно по тому самому пещерному коридору, в котором Твилла бывала уже дважды. Останки гигантского червя были уже обглоданы до голых костей. Твилла снова задумалась о хищниках, питающихся падалью, — какие же трупоеды обитают в темных подземных пещерах? Когда отряд приблизился к двери, которую в прошлый раз открывал Утин, вперед вышла Ката. Маленькая волшебница взмахнула рукой перед кабаньей мордой на стене, и дверь в верхний мир тотчас же распахнулась.

В коридорах лесного дворца впереди пошли люди леса. Они старались идти побыстрее и двигались перебежками, всякий раз высылая кого-нибудь вперед, на разведку.

Серебристых туманов по-прежнему не было видно. Твилла поняла по этому признаку, что сила Лотис не уменьшилась. Девушка чувствовала себя спокойнее оттого, что рядом с ней шел лорд Илон, — он снова прихватил из подземного мира стальной клинок и нес его, не скрывая. На шее Каты висел амулет в форме кабаньей головы, сделанный, как показалось Твилле, из того же смертоносного металла.

Наконец маленький отряд приблизился ко входу в потаенную комнату, которую Илон запер железным кинжалом. Оксил остановился и жестом велел остановиться остальным. Твилла почувствовала характерный пряный аромат — несомненно, Лотис успела здесь побывать. Однако проникнуть к Сердцу леса через железную преграду она не могла. Каких-то своих заклятий-ловушек Лотис тоже не оставила — наверное, помешало железо.

Илон опустил на одно колено и выдернул кинжал из земли, чтобы все смогли войти. Ката в изумлении замерла перед сияющим серебряным деревом.

— Сердце леса! Однажды я уже видела тебя — еще до того, как Харгел вошел в силу. Приветствую тебя! Прими же ныне мое искреннее и глубочайшее почтение. — Маленькая волшебница опустила на колени и склонила голову в почтительном поклоне. Все остальные — даже Твилла и Илон — поступили точно так же.

24

ОТВЕТИЛО ЛИ чудесное деревце на их приветствие? Твилла верила, что так и есть, потому что переливающееся под серебристой корой сияние запульсировало быстрее, и свет волшебного древа озарил все уголки комнаты со множеством полочек, на которых хранились записи о многовековых знаниях лесного народа. Ката встала и посмотрела на полочки с деревянными коробками, в которых лежали исписанные серые листы.

— Здесь собраны огромные знания... — сказала волшебница из подземного мира.

Карла подошла к маленькой женщине.

— В древние времена эти знания принадлежали обоим нашим народам, — напомнила она. — Пусть же отныне снова будет так. Тебя обучали читать Три Первые рукописи?

Ката кивнула.

— Мы ближе к начальным временам — те, которых Харгел заточил в камне. До того, как он предался черному чародейству, наши народы обменивались знаниями. Наши волшебники приходили учиться к вам, ваши — к нам. Может быть... — Ката улыбнулась. — Может быть, я уже когда-то стояла на этом самом месте — в те времена, когда наши народы еще не враждовали друг с другом.

— Это правда? — спросил Оксил.

— Правда. Люди нашего рода издревле были хранителями знания и силы. Когда мы были еще совсем молодыми, нас приводили сюда и показывали много всякого...

Ката подошла к ближайшей стене, дотронулась до стоящего на полке деревянного ящичка. Она провела пальцами по шероховатой древесной коре, которой был покрыт ящичек, — так, будто на ощупь читала на нем какие-то письма.

— Здесь лежат размышления Оксанта. Твоего далекого предка, лесной лорд. — На губах маленькой волшебницы заиграла озорная улыбка — Ката словно бросала вызов Оксилу.

— Оксант! — Было видно, что Оксил действительно поражен. Он указал на другие полки. — Ты будешь нашей проводницей, леди. Мы старались хранить древние знания, но в это место никто из нашего народа не заходил так давно, что зеленые ростки успели превратиться в высокие деревья.

Ката кивнула и медленно пошла вдоль полок. Она то и дело останавливалась, указывала на разные коробочки и говорила, что в них находится. Три ящичка из названных маленькой волшебницей Карла и другие поспешно сняли с полок. Даже Твилла почувствовала, что сейчас они в самом деле добывают бесценные сокровища. Они прошли вдоль одной стены, потом начали просматривать другой ряд полок, и вдруг Ката резко остановилась.

Вместо того чтобы дотронуться до коробочки, она быстро отдернула руку. Оксил стоял рядом с ней. Он потянулся за деревянным ящичком, но волшебница из подземного мира молниеносным движением выбила коробочку у него из рук.

Коробочка упала на пол и раскололась. Серые листки, лежавшие внутри, вспорхнули в воздух. Они словно хотели спастись от чего-то — или напасть. Потому что, едва оказавшись в воздухе, листы с письменами начали дымиться, а потом вспыхнули жарким пламенем и полетели к людям, собравшимся в комнате.

Но листы не сгорали в огне — летящие, они продолжали пылать. Свежий аромат, витавший в воздухе, сменился удушливым запахом дыма, от которого саднило в горле и все время хотелось откашляться.

Все шарахнулись в стороны от горящих листов. Твилла заметила, как от пылающего листа загорелась легкая оборка из тончайшей ткани на платье Карлы. Кто-то из мужчин попробовал стряхнуть со своей куртки пылающий клочок и вскрикнул от боли. Огненные листы кружили в воздухе все быстрее и быстрее, но не подлетали близко к священному дереву. Они походили на разумных существ, на хищников, выискивавших жертву, и они все ближе подбирались к людям, которые жались к стенам комнаты.

Илон! Он же не видит и не может уклоняться от горящих листов, как это делают другие. Илон стоял у двери с мечом наготове, охраняя вход. Твилла увидела, как два пылающих листа быстро полетели прямо к нему, словно нацеленные стрелы.

— Илон, падай! — закричала Твилла и бросилась к нему. Она столкнулась с Фанной, упала и поползла дальше на четвереньках — пока не добралась до Илона. Девушка схватила слепого за ноги и повалила наземь.

Но спастись от колдовского огня было не так-то просто. Листы закружились над Илоном и Твиллой, опускаясь все ниже. Девушка выхватила зеркальце, словно щит, хотя почти не надеялась, что оно как-то поможет.

Полыхающие листы забились, как птицы, пойманные в сеть. Одна сила столкнулась с другой. Ближайший лист ударился прямо о середину зеркальца. Удар был так силен, что Твиллу отбросило в сторону. Нечто, казавшееся совершенно невесомым, обрушилось на зеркальце, словно боевой молот.

Тяжелые удары следовали один за другим. Девушка сумела как-то вывернуться и вырвать зеркальце из-под бьющихся в него переносчиков огня. Маленький серебристый диск оказался

на каменном полу. Огненные листы летели все быстрее и быстрее — теперь все они устремились к зеркальцу. Воздух наполнился отвратительным зловонием. Но каждый лист, который ударялся о серебристое зеркальце, тотчас же исчезал — словно камень, брошенный в воду.

У Твиллы кружилась голова, ей было дурно. Но она не могла оторвать взгляд от падающих в зеркальце огненных листов, которые теперь отчаянно сражались за свою жизнь. Девушка ощущала присутствие какой-то темной магии, рожденной за пределами этого мира. Жадной и яростной темной магии, которая люто свирепствовала оттого, что осталась ни с чем.

Но вот последний огненный листок исчез. Твилла села на полу, не осмеливаясь прикоснуться к своему заветному талисману. Девушка не сомневалась, что пламенеющие листы несли с собой настоящую, страшную черную магию. Что они сотворили с ее зеркальцем? Твилла протянула руку к зеркальцу, но сразу же отдернула ее.

Серебристая гладь маленького диска снова потускнела, ее словно заволокло пеленой дыма.

Первой нарушила молчание Ката:

— Это была ловушка, лорд из леса, и ее оставили здесь не в древние времена. Но магия, которая была в ней... — Ката приложила ладони к вискам и закрыла глаза. — Это была двойная магия, но не из вашего прошлого и не из нашего.

— Лотис... — выдохнул Оксил имя злой колдуньи. — И кто еще?

Лесной лорд прошел через всю комнату и остановился перед Твиллой.

— Благодаря тебе эта ловушка не повредила никому из нас. От той коробочки исходил... зов... — Оксил старался подобрать правильные слова. — Меня словно что-то заставило взять ее. Но... Леди, что тебя тогда насторожило? — спросил он у Каты.

— Я тоже почувствовала зов... Но я поняла, что он не настоящий, — ответила подземная волшебница.

Твилла ухватила за шнурок и медленно подтянула к себе потускневшее зеркальце. Она никак не могла избавиться от дурноты и головокружения. Могла ли добрая магия полностью поглотить злую?

Девушка сидела на полу и смотрела на помутневший серебряный диск, который лежал возле ее коленей. В зеркальце ничего не отражалось, даже чудесный свет серебряного дерева не находил в нем отклика.

Твилла наклонилась и поднесла ладони к зеркальцу, не драгиваясь до него. В центре серебряного диска ей почудилось какое-то движение — будто появился маленький водоворот, и по глади зеркальца пошла мелкая рябь, от середины к краю. Но это было не отражение чего-то внешнего — все происходило как бы внутри. Твилла вздрогнула — она даже не пыталась напярчь волю, чтобы сделать зеркало снова ясным.

Потом в центре зеркальца показалось пятно света. Этот свет расплзался по некогда чистому серебристому диску, мутно-зеленый, словно гнойный нарыв, поразивший израненную плоть.

Твилла краем сознания отметила, что не одна она пристально наблюдает за превращениями зеркальца. Все остальные собрались вокруг и тоже не сводили глаз с маленького волшебного диска.

В гнойно-зеленом пятне проступила темная тень, которая постепенно становилась все отчетливее, принимая определенную форму. Черный капюшон, почти полностью скрывающий лицо — виден был лишь край подбородка да крючковатый нос, похожий на клюв хищной птицы. Но Твилла все равно узнала это лицо!

— Жрец Дандуса! — воскликнула девушка.

Никакой логикой невозможно было объяснить то, что она увидела. Твилла готова была поклясться собственной жизнью, что этот вестник зла никогда не бывал в хранилище знаний лесного народа. Но в памяти девушки сами собой всплыли слова мудрой Халди — казалось, Твилла слышала их целую вечность назад — о том, что сила притягивается к силе и подобное притягивается к подобному.

— Лотис! — Оксил снова повторил имя лесной колдуньи. — Как она могла сговориться с этим захватчиком? И почему?

— Почему? — Карла ответила ему: — Потому что ее раздрает древняя, запретная жадность. Нам неизвестно, что она отсюда вынесла. А что касается того, как она с ним связалась... — Слова Карлы прозвучали словно эхо мыслей Твиллы. — Подобное тянется к подобному. Разве сами мы не почув-

ствовали — еще когда дочь Луны только путешествовала через горы, — что она несет с собой силу, которой мы не владеем? Мы даже отправили анисгара, чтобы присмотрел за ней. Мы догадывались о ее редком даре и знали, что она не станет нам вредить. Разве не так было решено — еще до того, как Лотис, эта негодная дочь порока, сумела склонить некоторых на свою сторону?

Потом Карла обратилась к Илону, который все еще сидел на полу рядом с Твиллой и поворачивал голову то к одному говорящему, то к другому, стараясь не упустить ни слова — чтобы яснее представить, что происходит в вечно темном для него мире.

— Насколько могуществен этот ваш жрец дьявола?

— Он не мой жрец, — с жаром возразил Илон. — А что до его силы — я не могу ее измерить. Старинные предания рассказывают об ужасных деяниях, несущих смерть и разрушения. Огонь — их самое могучее оружие... Если на нас здесь действительно обрушился огонь.

Твилла, не отрываясь, смотрела на зеркальце. Голова в черном капюшоне на краткий миг показалась совершенно отчетливо, затем пропала, и тень, замутняющая отражение в зеркальце, сделалась еще плотнее.

Кто-то нежно погладил девушку по щеке. Твилла вздрогнула от неожиданности и, подняв голову, увидела рядом с собой Катю.

— Ведунья, приблизь свой талисман к Фросносту — в нем сильна жизненная сила, и он противник всякой тьмы.

Твилла медленно поднялась на ноги. Зеркальце она держала за шнурок. Ей не хотелось пока дотрагиваться до него руками. Девушка нерешительно направилась к сияющему дереву. Все расступились, давая ей пройти.

Наконец Твилла обеими руками подняла зеркальце и поднесла к свету, переливающемуся в серебряных листьях и ветвях чудесного дерева. Сможет ли серебряное дерево вернуть ее зеркальцу прежнюю чистоту и светлый блеск, как некогда сделало отражение Луны в бассейне? Твилле оставалось только надеяться на это.

Девушка сосредоточилась, глядя то на сияющее дерево, то на зеркальце. Она всеми силами души желала, чтобы зеркальце и

древо Фросност внутренне объединились в одно целое. Темное пятно на зеркальце... Оно определенно начало уменьшаться! Вот в зеркальце отразился один серебристо-зеленый блик, потом — еще и еще... Сердце Твиллы забилося быстро-быстро. У нее на глазах маленький диск вновь посветлел, и в нем ясно отразилось чудесное серебряное дерево.

— Прекрасно! — Карла стояла справа от нее, а Ката — слева.

Остальные разошлись по комнате, разглядывая деревянные коробочки на полках. Они протягивали руки к коробочкам, но ни к чему не прикасались. Твилла догадалась, что люди леса пытаются отыскать другие ловушки по тому ощущению зова, о котором рассказывал Оксил. Девушка решила, что в этом ее помощь не понадобится. Маленький серебристый диск, сияющий, как прежде, чистым светом, снова покоился у нее на груди. Твилла вернулась к Илону и стала наблюдать за поисками.

В конце концов Оксил отобрал с помощью Каты четыре коробочки. Ловушек больше не обнаружилось, но все по-прежнему двигались с осторожностью. Отставив четыре коробки с записями в сторону, Оксил сказал:

— Нам понадобится время, чтобы все это изучить. То, что добавил сюда Харгел, мы трогать не станем, потому что его знания запятнаны тьмой. Отсюда пропало четыре коробки с записями. Их наверняка похитила Лотис. Мы должны выбраться во внешние пределы — а поскольку Лотис уничтожила туманы, придется идти пешком. Вестел, — обратился он к стражу границ, — вы с Фанной отправитесь в лес. Мы должны знать, что там сейчас происходит. Марис и Рогар. — Двое других мужчин выступили вперед. — Вы разведаете, какие коридоры дворца удерживают сторонники Лотис. Однако старайтесь не настораживать их раньше времени. — Оксил постучал по одной из коробочек. — Прежде чем бросить вызов Лотис, мы должны собраться с силами.

Потом лесной лорд повернулся к Кате:

— Леди, пожелаете ли вы остаться с нами или вернетесь к своему народу?

— До поры я предпочту остаться с вами, лорд Оксил. Мы должны узнать, какие опасности ждут нас в будущем, а в верхнем мире сделать это проще, чем в нижнем.

Лесной лорд кивнул, соглашаясь:

— Значит, остальные отправятся туда, где Совет проводит закрытые совещания. Стражей, которых там поставили, нужно будет схватить и задержать. Нас же, — Оксил улыбнулся и посмотрел на Илона, — будет охранять страж, которого никому из лесного народа не одолеть. В путь!

Таким образом, их маленький отряд разделился. Твилла шагала рядом с Илоном. Тот был погружен в собственные мысли, и девушка не решалась его беспокоить. Они снова миновали множество пересекающихся коридоров, и темных, и ярко освещенных. Твилла ожидала, что на них в любое мгновение могут наброситься сторонники Лотис, но коридоры дворца были пустынно.

Когда они перешли в освещенные коридоры, Оксил замедлил шаг. Время от времени он ненадолго останавливался и внимательно прислушивался. Серебристые туманы так и не вернулись. В лесном дворце стояла пугающая тишина, он словно вымер. Он походил сейчас на покинутый подземный замок, каким его застали освобожденные от заклятия маленькие воины, когда впервые после многих лет вернулись домой.

Люди леса тоже чувствовали, что здесь как будто чего-то не хватает. Твилла заметила, что сестры — Карла и Масселина — стараются держаться поближе друг к другу. Их губы все время двигались, словно лесные феи что-то говорили, но девушка не могла слышать ни звука. Время от времени Карла и Масселина чертили в воздухе магические знаки и хмурились, как будто оттого, что дела идут совсем не так, как должны.

Они свернули в коридоры, украшенные богатой отделкой. Сияние драгоценных камней и полированного металла казалось теперь каким-то холодным и отталкивающим.

Внезапно Оксил остановился — так неожиданно, что Карла едва на него не наткнулась. Лесной лорд наклонился и поднял что-то с пола. Его лицо сделалось мрачнее грозовой тучи. Оксил медленно повернулся и протянул руку к Твилле.

У него на ладони лежало одно из крошечных крылатых созданий, мужского пола, совершенно неподвижное. Маленькая головка неестественно запрокинута назад, радужные крылья измяты — как будто кто-то с большими руками в ярости схва-

тил эльфа и, стиснув кулак, безжалостно раздавил хрупкое создание.

Твилла легонько дотронулась до маленького тельца и покачала головой. Даже волшебная сила зеркальца не сможет вернуть к жизни несчастного.

Карла первой нарушила молчание.

— Эльф... Кто осмелился это сделать? — сказала она.

Оксил был в ярости — это ясно читалось на его лице. Держа на ладони мертвого эльфа, он пошел дальше, уже быстрее, чем раньше. Остальные поспешили за ним, стараясь держаться вместе и то и дело настороженно оглядываясь по сторонам.

Их путешествие завершилось не в большом парадном зале, как предполагала Твилла, а в одной из боковых комнат, очень похожей на древнее хранилище знаний, где прятал свои записи Харгел. Здесь тоже стояло множество коробочек на полках, тянувшихся вдоль стен, — но не грубых, а очень аккуратных, из гладко отполированного дерева. Посредине комнаты стоял длинный стол, окруженный стульями.

— согласишься ли ты охранять эту дверь?.. — Оксил обратился к Илону по имени, только тронул слепого лорда за руку.

— Я сделаю все, что смогу, — ответил Илон.

Оксил положил тельце мертвого эльфа на стол и осторожно распрямил его изломанные конечности, расправил смятые крылья. Потом лесной лорд запрокинул голову и издал звук, напомнивший Твилле птичьей трели. Ката, Твилла и Илон остались на месте, а остальные приблизились к Оксилу и, став в круг, взялись за руки.

Еще трижды прозвучал сладостно-печальный птичий щебет. Трудно было поверить, что лесной лорд способен издавать такие звуки. Потом Оксил достал из-под куртки маленький мешочек.

Твилла услышала, как ахнула Карла, которая стояла ближе всех к Оксилу. Лесной лорд вынул из мешочка два массивных кольца, очень широких — настолько, что закрывали палец до первого сустава. Оксил надел кольца на обе руки и, сложив ладони чашей вокруг маленького тельца, еще раз издал жалобный птичий крик.

И тогда в его ладонях появился мерцающий серебристый шар, который полностью поглотил тельце мертвого эльфа. Сверкающая серебристая сфера начала вращаться, все быстрее и быстрее, потом поднялась в воздух и улетела прочь через дверной проем, унеся в себе тело эльфа.

Оксил снял кольца и спрятал их обратно в мешочек, а потом сказал:

— Не остается сомнений, что в наших краях поднялись темные силы. Один из наших дальних родичей убит... — Лесной лорд помолчал, потом продолжил: — Когда придет время, убийца жестоко поплатится за содеянное зло. А теперь мы должны заняться вот этим... — Он указал на четыре деревянные коробочки, принесенные из древнего хранилища, которые теперь стояли перед ним на столе.

— Сможем ли мы сделать все это натошак, Оксил? — спросила Карла. — Все мы наделены множеством талантов и способностей, но никто из нас не умеет долго обходиться без еды и питья.

— Да, это так, — согласился Оксил. — Однако сейчас мы не можем уйти слишком далеко отсюда в поисках пропитания.

Ката подошла к людям леса, стараясь держаться подальше от того места, где прежде лежало мертвое тельце крылатого создания.

— Неужели вы лишились всех своих сил? Разве вы не можете волшебством доставить к себе то, в чем нуждаетесь?

Карла кивнула:

— Наверное, пришло время попробовать. Мы узнаем это наверняка, только когда попытаемся что-то сделать.

Лесная леди скользнула на противоположную сторону стола и, наклонившись, протянула руки Масселине, которая стояла напротив нее. Сестры взялись за руки и пристально посмотрели на стол.

Твилла ощутила, как от зеркалаца начало исходить приятное тепло. Рядом творилось волшебство, и талисман Твиллы по-своему отзывался на чужую магию.

Внезапно воздух над столом завертелся маленьким вихрем — но не так, как когда-то кружились серебристые, словно лунный свет, туманы. Этот вихрь был тусклым и бледным, но все же и он кое-что принес.

В центре бледного вихря показался призрачный кувшин, который постепенно обрел материальность. Кроме того, на столе появилось большое блюдо с фруктами. Но это были совсем не те чудесные плоды, которые когда-то подавали за ужином. Фрукты были маленькие, перезревшие, а пирожные — слишком бледные, не поджаристые, словно их слишком рано вынули из печи. Когда Карла и Масселина разомкнули руки, сотворенные ими фрукты потрескались, пирожные немного усохли. Однако все принялись за еду, хотя Твилле очень не доставало прежнего чудесного вкуса, который запомнился девушке со времени ее первой трапезы во дворце лесного народа. Твилла с трудом заставила себя прожевать и проглотить пресную, безвкусную пищу.

Все по очереди запивали пищу. Приходилось пить прямо из кувшина — это было ужасно неудобно, однако кубков не было. Напиток на этот раз показался Твилле скорее терпким, чем сладким, но он по-прежнему освежал и восстанавливал силы. Девушка проследила, чтобы Илону тоже досталась его часть еды и питья. Слепой лорд не оставил своего боевого поста у двери. Он стоял, держа на виду смертоносное железное оружие.

— Из-за Лотис нам досталась еда, достойная разве что узников в темнице, — заметил один из мужчин. — Но, по крайней мере, ее заклинания не помешали нам добыть хоть какое-то пропитание.

После того как все покончили с едой, настало время заняться старинными записями из принесенных коробочек. Карла и Масселина открыли первый ящичек и разложили исписанные серые листки по столу. Твилла снова увидела необыкновенные письма, изящные и летящие, похожие на тонкие зеленые прожилки на листьях дерева.

Девушка не понимала этой письменности и потому ничем не могла помочь остальным. Она знала два древних языка, и все же наука, почерпнутая в учении у Халди, не помогла Твилле разобраться с письменностью лесного народа. Девушка подвинула один стул к двери и вернулась за вторым.

— Ты сможешь караулить и сидя, — сказала она Илону. — Даже Лотис побоится твоего оружия.

Слепой лорд после некоторого колебания все же присел на предложенный Твиллой стул, но отодвинул его так, чтобы си-

деть лицом одновременно и к комнате, и к выходу в коридор. Твилла поставила свой стул рядом и тоже присела.

— То, что делал Оксил, — это был погребальный обряд? — негромко спросил Илон.

Твилла в подробностях описала ему прощальную церемонию, рассказала и про необыкновенные кольца.

— Бедный маленький эльф! Его кто-то убил! — гневно сказала девушка. — Убийца как будто раздавил его в кулаке. Разве мог кто-нибудь, пусть даже и сторонник Лотис, сделать такое?

— Зло нашло лазейку и проникло сюда... И чего бы оно ни коснулось — во всем проявляется дурное влияние темной силы... — Илон немного передвинулся на стуле. — Я не знаю, что теперь движет моим отцом. Год назад я сказал бы, что отец терпит жреца Дандуса только потому, что его вынудили держать при себе этого колдуна. А теперь... Может быть, он тоже... — Твилла заметила, как напряглась рука Илона, в которой он держал оружие, а вторая рука сжалась в кулак. — Но... Поверить в это...

Девушка хорошо понимала его чувства. Невзирая на то что от искалеченного молодого лорда отвернулись все близкие и родня стала относиться к нему как к изгою и досадной обузе, Илон все же не мог презреть кровные узы, связывавшие его с отцом. Слишком много дорогих воспоминаний удерживало его от этого. Халди не была Твилле кровной родственницей, и все равно девушка навсегда сохранит в своем сердце верность и преданность мудрой ведунье. Наверное, Илон чувствует то же самое по отношению к отцу.

25

БОЛЬШЕ ИЛОН ничего не сказал, и Твилла постеснялась вмешиваться в его невеселые раздумья. Девушка внимательно изучила лицо слепого лорда, пока он сидел, охраняя вход, с мечом, принесенным из подземного мира. Внезапно ей подумалось, что лорд Илон похож сейчас на натянутую тетиву, готовую послать в цель смертоносную стрелу. Какую же цель видел он своим мысленным взором?

Лотис... Наверное, Илон представлял себе Лотис — единственную волшебницу, которая способна снять искалечившее его заклинание. Лотис...

— Лотис! — Это имя, произнесенное вслух, прозвучало словно эхо мыслей Твиллы.

Оксил встал из-за стола, накрыв ладонью кипу прочитанных листов, которые лежали перед ним.

— Вот, значит, как... — начал он и замолчал. Глаза лесного лорда полыхали мрачным огнем, который напомнил Твилле о ярком пламени, вырывавшемся из глаз кабаньей головы на секире подземного жреца.

Остальные исследователи, которые вместе с Оксилом просматривали древние записи, разом повернулись к нему. Они пока не нашли никакого объяснения происходящим событиям, а Оксил, похоже, нашел. Лесной лорд повернулся к Карле и заговорил:

— Лунное видение... Она не могла осмелиться на такое — слишком далеко она погрузилась во тьму, чтобы эта сила откликнулась на ее призыв. Лотис, это отродье чудовища, призвала под свою власть гнилой огонь!

Сидевшие за столом застыли, потрясенные услышанным. Масселина даже привстала со своего места и чуть подалась вперед.

— Но ведь никто не шел по этому пути! — возразила она.

Лицо Оксила дернулось, губы его искривились в гримасе, весьма далекой от усмешки.

— Никто? А как же Харгел?

Ката тихонько вскрикнула и прикрыла рот ладонью, словно подавляя готовые вырваться у нее возражения.

— Гнилой огонь, — повторил Оксил, чтобы присутствующие в полной мере оценили значение этих слов.

— Чтобы разорвать эту связь, нужно пролить кровь, — медленно сказала Карла. — Потому что такие заклятия творятся на крови. Мы не станем убивать ради достижения могущества — если мы сделаем это, то станем такими же, как Лотис. Ты можешь предложить что-нибудь другое?

Оксил вышел из-за стола и начал расхаживать по комнате, опустив голову. Его лицо сделалось жестким и суровым.

— Мы не сможем решиться на такое. Но... Где она взяла истинное дерево для возжигания? Если бы Лотис отломил ветвь от деревьев — мы бы узнали об этом...

— Может быть, поваленные деревья?.. — предположил кто-то.

Оксил решительно покачал головой.

— Нет. Гнилой огонь не загорится на давно усохшей древесине. Чтобы его разжечь, нужна ветка, в которой еще не замерло движение соков.

Расхаживая по комнате, лесной лорд приблизился к Илону, который сидел на страже с оружием в руках. Оксил внезапно остановился, глядя на слепого и его стальной меч.

— Железо, холодное железо, — тихо сказал Оксил. — Холодное железо сможет угасить гнилой огонь! Нигде не записано, что такое проделывали раньше, но железо — исконный враг нашего народа, враг нашей магии. Нам неподвластно железо, мы не можем даже прикоснуться к нему. К несчастью, гнилой огонь — это магия темной стороны наших знаний. Если мы отыщем, где курится этот огонь, то, может быть, твое железо, чужеземец, сможет его угасить...

— Где этот огонь? — просто спросил Илон, поднимаясь на ноги.

— Ах... Карла! — Оксил властно позвал ее, не поворачивая головы.

Карла поворошила листы, разложенные на столе, собрала их в стопку и отодвинула в сторону. Освободив место, лесная фея протянула вперед руки, сложив ладони чашей. Масселина взяла кувшин и встряхнула его. Внутри раздался негромкий плеск — значит, там еще осталось несколько капель напитка. Масселина вылила все, что осталось, в подставленные ладони Карлы.

Какое-то время старшая сестра сидела и внимательно всматривалась в озерцо влаги в своих ладонях, потом сказала:

— Это не в сердце наших земель. В лесу... И там есть нечто... Словно надежда на что-то... На какую-то поддержку!

— Ты знаешь, где находится это место? — настойчиво спросил Оксил. — Оно охраняется?

— Да, я знаю, где это... А охраняющие чары — это чары леса. — Карла кивнула на Илона. — Он возьмет с собой железо... Никакой страж не устоит против него!

— Тогда пойдем!

Но серебристые туманы по-прежнему не возникали, и до нужного места нужно было добираться пешком — через невысказанно запутанные лабиринты переходов.

Когда все двинулись к двери, Ката осталась на месте.

— Страшные настали времена, — сказала маленькая волшебница, поднеся к губам медальон в форме кабаньей головы. — Люди подземного мира поддержат вас в борьбе против зла, но это будет позже. А теперь я должна вернуться к своим. Время дорого.

Оксил склонил голову:

— Как пожелаешь, леди. Помни — горит гнилой огонь, и от этого наши беды. Ты права — время сейчас наш первейший враг.

Расставшись с Катой, они вышли из дворца и направились к долине, где рос сад с плодами и листьями из драгоценных камней. Крылатые эльфы больше не порхали в воздухе. На всем лежала какая-то тень, от которой прежнее великолепие сада заметно потускнело.

Пройдя по тропинке, которую Твилла как следует и не запомнила, они прошли сквозь гигантское дерево и оказались в другом лесу, более похожем на обычный лес, чем потаенные владения лесного народа. Твилла шла рядом с Илоном и помогала ему выбирать дорогу. В этом лесу, где росли гигантские деревья, девушка снова увидела светящиеся туманы. Но это были совсем другие туманы, страшноватые, похожие на серую паутину. Туман клубился вокруг, но не обволакивал никого из их маленького отряда.

Теперь впереди шла Карла. Она высматривала путь между стволами гигантских деревьев и вела всех за собой. Карла смотрела прямо перед собой, ее взгляд был устремлен к далекой цели, а потому Оксилу приходилось идти рядом и убирать с пути Карлы сухие ветки и гибкие молодые побеги. Потом к Оксилу присоединился Фанна. Юноша старательно помогал расчищать дорогу, понимая, что главное сейчас — успеть вовремя.

— Захватчики... Они стремятся к власти, — тяжело дыша, доложил Фанна. — Они разрубили на куски одно из великих деревьев и использовали для своих целей. Вестел велел передать, что они играют с диким пламенем — у них гнилой огонь!

Оксил тронул Карлу за плечо и слегка встряхнул, пробуждая ее от транса.

— Еще далеко? — спросил лесной лорд.

Карла обернулась, но смотрела она не на Оксила, а как будто сквозь него. Оксил отпустил ее, и Карла продолжила путь через лес. Впереди почва стала каменной, из земли торчали скалистые выступы.

Запахло гарью, но это был не запах горелого дерева или листьев. От этого отвратительного, удушливого запаха желудок выворачивало наизнанку.

Твилла заметила какое-то движение в воздухе и посмотрела вверх. Над лесом струилась извилистая полоска темного дыма, больше похожая не на дым, а на щупальце неведомого чудовища. Струя черного дыма извивалась из стороны в сторону. Карла внезапно остановилась, словно натолкнулась на скалу, хотя перед ней не было никаких видимых препятствий. Оксил рванул вперед, но тоже не смог пройти дальше.

Лесной лорд обернулся к Твилле и Илону.

— Если эту преграду можно разрушить — пусти в ход свое железо, чужеземец!

Твилла повела Илона вперед. Ни она, ни Илон не почувствовали никакой преграды. Пройдя между двумя высокими, выше человеческого роста, камнями, Твилла взглянула на простирившуюся внизу долину. В самом центре долины зловеще дымилась кипа веток, которой с виду было явно недостаточно, чтобы породить настолько густые клубы дыма, как те, что поднимались над этим жутковатым костром. Но...

Твилла вскрикнула. Возле костра присело на коротких задних лапах одно из чудовищ — точно такое же, каких напускала Лотис на нее и маленькую Ванди. И у этого чудовища в лапе было... О!

Прозвучала жалобная трель, услышать которую было страшнее, чем любой крик боли. Чудовище помахало из стороны в сторону палкой, зажатой в передней лапе. А к палке была привязана еще одна крошечная эльфийка — с оборванными крыльями, но все еще живая!

Твилла быстро пересказала слепому лорду, что она видит. Илон двинулся вперед, обходя похожую на чашу долину по краю. Поразительно, но чудовищный страж костра, так жесто-

ко забавлявшийся с несчастной эльфийкой, сразу же поднялся и выхватил из огня горящую ветку. Иллюзия? Твилла не знала. Она поспешно потянулась за зеркальцем.

Но Илон успел первым. Несмотря на слепоту, он ловко взмахнул мечом и ударил чудовище. Меч вонзился в живую плоть. Значит, чудовище было настоящим!

Страшный зверь взмахнул когтистой лапой, но, соприкоснувшись с железом, мгновенно отшатнулся, схватившись за рану. Рана, нанесенная железным мечом, продолжала расширяться — словно что-то разбедало изнутри плоть чудовища. Зверь запрокинул массивную голову и заревел от боли и страха. Илон подступил еще на шаг, споткнулся о кипу веток и упал на одно колено. Но, падая, он выставил вперед меч, и стальное лезвие вспороло чудовищу живот. Зверь заревел еще громче, отступил назад и упал. Тем временем Илон поднялся на ноги и, ориентируясь по воплям раненого чудовища, еще раз вонзил меч в тело кошмарной твари.

Твилла старалась держаться подальше от поля битвы. Девушка решила, что ее задача сейчас — выждать. Возле костра она заметила грубо сколоченную клетку, в которой томились маленькие эльфы. Твилла схватила клетку и одним ударом вышибла задвижку из дверцы. Эльфы пронзительно запели. Распахнув дверцу их тюрьмы, Твилла бросилась к Илону, который стоял над телом поверженного врага.

Костер по-прежнему горел, над ним клубился удушливый черный дым. Клубы дыма стелились теперь понизу, окружая Твиллу и Илона, словно хотели поймать их в ловушку. Девушка схватила Илона за руку и развернула его лицом к костру. Она не знала, что делать с костром, и потому просто сказала слепому лорду, где находится источник колдовского огня. Илон решил разделаться с костром точно так же, как только что разделался с чудовишным охранником. Сунув меч прямо в пламя, слепой крутанул лезвием и разбросал горящие ветки в стороны. Твиллу и Илона тотчас же окутало густой дымовой завесой. Они закашлялись от удушливого черного дыма.

Дым кольцами свивался вокруг них. Илон задышался и кашлял, но упорно продолжал раскидывать ветки. И хотя он разворошил костер, пламя не вспыхнуло с новой силой — наоборот, в костер словно плеснули воды. Дым поредел, а потом и

совсем развеялся. Угли костра погасли и быстро превратились в серый пепел.

Твилла почувствовала, как что-то легонько прикоснулось к ее щеке. Рядом с девушкой порхала маленькая эльфийка. Твилла сразу же вспомнила о той крошке, которую истязал чудовищный охранник. Отыскать раненую не составило труда — все ее сородичи, трепеща радужными крыльями, сгрудились вокруг несчастной. Они уже успели освободить ее от пут.

Твилла осторожно подняла хрупкое создание с земли. Некогда совершенное тельце было покрыто красными пятнами ожогов. Пышные волосы обгорели, измятые радужные крылья, наверное, уже никогда не расправятся.

Целительские навыки заставили Твиллу в первую очередь вспомнить о сумке с лекарственными травами. Однако девушка не знала, подойдут ли для крошечного волшебного создания те целебные травы, что помогают людям. И тут к Твилле подошла Карла.

— Она обожжена, и крылья... — сказала девушка.

Лесная леди достала из поясной сумки мягкую подушечку, которая была сделана как будто из свежесорванных зеленых листьев.

— Твое зеркальце... — Карла указала на серебристый диск, висевший у Твиллы на груди. — Положи ее на зеркальце.

Твилла тотчас же подняла зеркальце, и Карла, отделив от подушечки пару мягких листьев, постелила их на поверхность диска. Твилла, в свою очередь, как можно осторожнее уложила крошечное тельце на мягкую зеленую подстилку. Карла прикрыла обожженную эльфийку еще двумя листьями и пристально посмотрела целительнице в глаза.

— Используй свой целительский дар, дочь Луны. Пожелай, чтобы к ней вернулось здоровье и силы, пожелай от всей души!

Карла говорила так пылко, что девушка не задумываясь повиновалась. Всю свою волю она сосредоточила на маленьком израненном тельце, укрытом зелеными листьями. Твилла представила эльфийку снова здоровой и свободной — каким и должно быть столь прекрасное создание.

Девушка краем сознания отметила движение вокруг себя. Люди леса окружили погасшие уголья и монотонно запели.

Твилла почувствовала легкое покалывание — как всегда, когда рядом с ней творились заклинания.

Твилла все так же сосредоточенно представляла эльфийку исцеленной, когда Карла отвела ее обратно на холм и дальше, в лес. Повеял легкий ветерок и унес удушливый запах дыма. Казалось, гигантские деревья улавливают ветер своими кронами и направляют вниз, чтобы очистить воздух в лесу от зловония.

Твилла старалась держать зеркальце ровно. И вдруг верхний листок, прикрывавший раненую, неожиданно приподнялся — но сдвинул его не ветер. Из-под зеленого покрывала показалась изящная маленькая ручка, и верхний листок отлетел в сторону. Вскоре за ним последовал и второй листок, и Твилла увидела эльфийку.

На бледной коже крошечного создания не осталось и следа от страшных ожогов, радужные крылья снова расправились. Только сторевшие волосы были пока совсем короткими.

Слева промелькнула радужная вспышка — еще одно крошечное создание подлетело и ухватилось за край зеркальца. Исцеленная эльфийка села, протянула руки к подлетевшему эльфу, и вот они уже крепко обнялись. Оба чудесных существа разом повернули головы и посмотрели на девушку. Потом эльф помог исцеленной подруге подняться. Она несколько раз взмахнула крыльями, потом вспорхнула и подлетела прямо к лицу Твиллы.

Прикосновения маленьких ладошек были легкими, словно по коже гладили кончиком пера.

Эльфийка постаралась обнять Твиллу в знак благодарности, а потом вместе со своим дружкой быстро упорхнула к сородичам, освобожденным из клетки, все вместе они закружились над небольшим отрядом людей леса.

Твилла собрала разбросанные листья и спрятала под одеждой. Ей хотелось рассмотреть их получше и изучить целебное действие — если, конечно, удастся улучшить хоть немного времени на что-нибудь еще, кроме магических сражений и столкновений волшебных сил.

Оксил не спешил уходить. Он стоял, высоко вскинув голову, и смотрел куда-то вправо. Эльфы радужным облаком закружились у него над головой и, сделав два круга, устремились в зеленый сумрак леса. Лесной лорд последовал за ними.

Твилла снова пошла рядом с Илоном, помогая слепому выбирать дорогу. Она заметила, что все держатся как-то напряженно. Неужели они не рады тому, что гнилой огонь угас? Твилла внутренне напряглась. Что же еще ждет их впереди?

Из-под сени деревьев им навстречу вышли несколько вооруженных мечами и луками мужчин. Некоторые из них несли серебристые сети работы подземных мастеров — наверное, Шард уже начал снабжать союзников этим чудесным оружием.

В лесу было необыкновенно тихо. Ни шелеста листвы, ни птичьего пения... Казалось, гигантские деревья замерли и настороженно прислушиваются к чему-то... Здесь, на опушке, между редкими деревьями рос густой кустарник — словно живая изгородь, заслоняющая проход в глубь леса. И вдруг... Оказалось, действительно было к чему прислушиваться.

Послышались голоса — судя по всему, по равнине к лесу направлялась шумная толпа. Потом раздался другой звук, перекрывший глухой, низкий ропот толпы, — кто-то нараспев читал заклинание. Твилла вздрогнула и крепко сжала в ладони зеркальце.

Это заклинание взывало не к тем силам, которым привыкла служить целительница. Девушка не понимала слов, произнесенных хриплым голосом, но чувствовала их — слова заклинания сыпались на нее, словно тяжелые удары, так что Твилла даже покачнулась.

— Жрец Дандуса творит обряд! — прошептал Илон.

Вслед за звуками появился запах. Снова потянуло гарью — горело дерево и что-то еще... Травы, одурманивающие рассудок, — такие травы не станут применять ни один здравомыслящий целитель.

Небольшой отряд лесных людей затаился среди кустарника. Отсюда они могли, оставаясь незамеченными, увидеть, что происходит на равнине. Там тоже горел огонь! И такие огромные поленья могли получиться только из гигантского дерева.

Над грудой поленьев поднимался густой дым — такой же черный и удушливый, как над тем костром, что сумел погасить Илон. Клубы дыма поползли к лесу, хотя Твилла не заметила, чтобы в эту сторону дул достаточно сильный ветер. Присмотревшись, девушка увидела среди клубов дыма красноватые отблески пламени. Вместе с дымом к лесу несло огонь.

Вскоре Твилла разглядела и поджигателей — их было несколько. Они трудились в дикой спешке, подкладывая в огонь все новые и новые сухие ветки. Но кроме работников здесь были и солдаты — справа и слева от поджигателей двигались воины лорда Хармонда в полных боевых доспехах. Солдаты подгоняли древками копий толпу безоружных людей.

Вокруг большого костра ходили несколько человек в плащах с низко надвинутыми на лица капюшонами, и главным среди них мог быть только жрец Дандуса. Они протяжно читали заклинание. Жрец то и дело взмахивал черным жезлом с кожаной петлей на конце.

В передних рядах безоружной толпы, которую подгоняли стражники, шли женщины. Их окружали два ряда вооруженных солдат. Когда женщины подошли вплотную к жрецу Дандуса, заклинательная песнь затихла.

Жрец взмахнул жезлом с петлей, и, повинувшись его знаку, из круга заклинателей вышли двое. Они быстро отошли в сторону и сразу же вернулись, неся кого-то маленького. Ребенок!

Наверное, Твилла сказала это вслух, потому что лицо Илона тотчас же исказилось от гнева и отвращения.

— Кровавый огонь!

Ребенка подтащили к жрецу, и по его знаку ритуальная пляска вокруг разгорающегося костра возобновилась. Но монотонное пение прерывалось пронзительными криками ребенка, который изо всех сил отбивался, безуспешно стараясь вырваться. Закричали и некоторые женщины. Они заволновались и уже не стояли так покорно, как прежде. Возможно, они решатся воспротивиться тому, что происходило вокруг.

Жрец не обращал на крики никакого внимания. Вместо этого он принялся расхаживать вокруг ребенка, который бился в руках охранников. При каждом шаге жрец хлестал ребенка своим жезлом с петлей, словно бичом. Несчастное дитя дергалось и вскрикивало от боли при каждом ударе, а потом, когда на обнаженной коже вздулись багровые рубцы, ребенок затих и безвольно обвис в руках стражей. Они потащили бесчувственного ребенка к костру, разожженному ближе всего к лесу.

И тогда Твилла рассмотрела, что это за ребенок.

— Ванди! — вскрикнула она.

Девушка бросилась вперед так быстро, что никто не успел ее удержать. Она выбежала из леса и устремилась к костру. Густые клубы дыма заслонили солнце. В тех местах, куда упали горящие уголья, тоже занялись небольшие костры.

И вдруг Твилла почувствовала, что ей преграждает путь не только завеса зловонного дыма. Она словно натолкнулась на плотную стену злобы и страха — и только сила, исходящая из волшебного зеркальца, помогла девушке пробиться сквозь эту недобрую завесу. Она побежала дальше, путаясь в густой, высокой траве.

В толпе возле костра раздались крики, но все заглушил яростный рев жреца Дандуса. Он прекратил избиение бесчувственной девочки и повернулся к Твилле. Лицо жреца полностью скрывал низко надвинутый капюшон, так что Твилла видела на месте лица только складки черной ткани.

Жрец взмахнул в сторону Твиллы своим жезлом-плетью, кожаная петля со свистом развернулась и щелкнула в воздухе. Девушка поморщилась от боли — ее обожгло, словно огнем. Но жрец Дандуса ошибся, если думал, что сможет остановить этим Твиллу.

Она уже чувствовала жар от костра. С обеих сторон к ней двинулись солдаты. Но теперь Твилла не отступила бы, даже если бы могла. Она знала, что не остановится.

26

ЖАРКОЕ ПЛАМЯ быстро распространялось по высокой траве — неестественно быстро. Солдаты уже не приближались к Твилле, наоборот, они развернулись в шеренгу для обороны — видимо, сочли, что Твилла только первая из тех, кто выступит против них из леса.

Жрец шагнул вперед и снова хлестнул в воздухе жезлом-плетью. У жреца за спиной двое его подручных крепко держали потерявшую сознание девочку и явно намеревались бросить ее в зловещее пламя гигантского костра.

— Демон! — Оглушительный рев жреца перекрыл шум толпы, собравшейся посмотреть на жуткое зрелище.

И снова жрец Дандуса вскинул свой черный жезл, но на этот раз — более медленно, старательно сосредоточившись. Волна животного ужаса, хлынувшая на Твиллу, почти сломила защиту девушки.

Твилла выхватила зеркальце и вскинула его высоко над головой, а жрец Дандуса уже занес магическую плеть для следующего сокрушительного удара.

Из черного жезла вырвался вихрь яростного пламени и устремился к Твилле. Девушка взяла себя в руки и приготовилась встретить удар.

Огненная струя соприкоснулась с волшебным зеркальцем. Твилла чувствовала жар огня и яростный напор враждебного заклинания, но не сдавалась, держалась изо всех сил. И тогда магический огонь, который жрец Дандуса направил против нее, отразился от зеркальца Твиллы и с такой же силой полетел обратно — к тому, кто его послал.

Жрец Дандуса, как видно, был совершенно уверен, что у него хватит сил устоять против любой магической атаки, потому что он даже не попытался уклониться от возвратившегося огненного вихря. Пылающая струя ударила в грудь жреца, и его черный плащ тотчас же охватило пламя.

Черный жезл в руке жреца изогнулся и обвис — теперь это был уже не жезл, а извивающаяся змея. Жрец отшвырнул колдовскую змею, не замечая, что языки огня уже ползут по полам его широкого плаща, по складкам капюшона. Капюшон откинулся назад, и Твилла увидела лицо жреца, похожее на оскаленный череп.

Губы жреца шевелились, изо рта летели брызги слюны — он явно читал какое-то заклинание. Твилла двинулась вперед. У нее на пути встала извивающаяся черная плеть, похожая на готовую к броску змею. Но девушка не остановилась.

Твилла тоже заговорила. Она нараспев читала слова своего собственного заклятия — как всегда, когда взывала к волшебной силе зеркальца:

— Тьма во тьму, огонь в костер,
Обратно к тому, кто его зажег,
Чтобы остановить никто не смог.
Зло повергнет зла исток,
Свет победит и свершит приговор!

Черная плеть-змея извивалась в траве возле ног Твиллы, но пока не нападала. Тем временем жрец Дандуса стряхнул с плеч обгоревшие лохмотья, которые остались от плаща. На его темной коже не осталось никаких следов ожогов.

Жрец вскинул руки вверх, и Твилла поняла, что он творит заклинание, призывая всю свою колдовскую мощь.

— Пусть зло обернется против зла! — выкрикнула девушка, мысленно сосредоточивая в зеркальце все силы, какие у нее были.

Извивающаяся на опаленной земле черная плеть-змея развернулась к своему хозяину и бросилась на него. Плеть ударила жреца Дандуса, раздвоенный конец захлестнулся вокруг его горла с такой силой, что даже Твилла почувствовала отголоски магической мощи.

Могучим ударом жреца отбросило прямо в костер. Твилла увидела, как его лицо исказилось от боли. Жрец попытался подняться на ноги, хотел ухватиться за черную плеть, которая готовилась нанести еще один удар.

Плеть снова бросилась на жреца. От этого удара жрец Дандуса упал в самый центр огромного костра, который он же сам и разжег.

Твилла выпустила из рук зеркальце и бегом бросилась вперед. Зеркальце раскачивалось на шнурке и билось о грудь девушки. Двое подручных жреца, которые собирались швырнуть несчастную Ванди в костер, сразу же отпустили девочку и в страхе шарахнулись прочь от Твиллы.

Послышался яростный рев — но не от костра, а от толпы людей, окруженных стражниками. Когда Твилла подхватила на руки Ванди, в толпе уже закипела борьба — женщины набросились на стражников. Охранники не ожидали нападения, отвлеченные невиданным зрелищем — магическим поединком. Женщины наваливались на солдат все вместе и сбивали их с ног своими телами.

Раздавались крики, вопли — но теперь женщины кричали не от страха, а от ярости, захваченные пылом битвы. Они отнимали у солдат копья и колотили дровками их прежних владельцев. Видя, что творят со стражниками разъяренные женщины, мужчины, которые стояли чуть поодаль, тоже воспряли

духом и набросились на своих охранников. Закипела яростная борьба.

Твилла прижала к себе избитую девочку и смотрела на происходящее. Она увидела, как к разбушевавшейся толпе подскакали вооруженные всадники и попытались утихомирить крестьян — но и у всадников ничего не вышло. Безоружные люди, которых пригнали сюда под охраной, стаскивали их с седел и били чем придется.

Твилла оглянулась и посмотрела в сторону леса. Огонь все так же жадно пожирал высокую траву, подбираясь все ближе и ближе к деревьям. Возле леса тоже строился отряд солдат. Твилла узнала в лицо офицера, который выкрикивал приказы, — это был молодой лорд Астар. Он как будто совсем не боялся огня и всячески — и угрозами, и затрещинами — подгонял своих солдат, принуждая этих несчастных напасть на Твиллу.

При таком шуме Твилла не слышала приказов, которые отдавал Астар, но его жесты и выражение лица были достаточно красноречивы. Астар то и дело злобно поглядывал в сторону Твиллы и явно старался заставить своих воинов напасть на нее. Девушка поняла, что не сможет убежать от солдат, особенно с бесчувственной малышкой Ванди на руках. А рядом кипела яростная битва, и очень скоро Твилла могла оказаться в центре сражения.

— Целительница! — крикнул кто-то. Твиллу схватили за плечо, да так крепко, что девушка даже покачнулась. Но Твилла по голосу узнала того, кто ее окликнул.

— Лила!

Как же рыбачка смогла ее узнать? Ведь к Твилле вернулся ее прежний облик!

— Ты прикончила этого поганого пса! Давайка ребенка мне. Этот поганец божился, что девочку зачаровали лесные демоны, и хотел извести ее, чтобы поднять какую-то силу против этих, лесных...

Твилла с облегчением передала девочку крепкой рыбачке. Лицо Лилы, мрачное, как грозовая туча, не предвещало ничего хорошего для приспешников жреца Дандуса.

— Хотел забрать у людей ребенка — проклятый кровопийца! А ведь он крепко держал нас в кулаке, пока не встретился с тобой, целительница. Так и знай, мы никогда не забудем, кто

избавил нас от власти этого гада. Ты... — Лицо Лилы чуть про-светлело. — Целительница! А ведь ты, как я погляжу, сумела себя вылечить! Ты снова такая же точно, как была до болез-ни. Благодарение Единой в Трех Лицах! Однако тебе пора ух-одить — мы перед тобой в неоплатном долгу, но скоро сюда под-тянутся остальные охранники...

Твилла указала на стражников, которым лорд Астар велел перекрыть дорогу к лесу, и таким образом они отрезали ей путь к отступлению. Лила молча кивнула — все было понятно без слов. Потом рыбачка издала призывный клич — и из толпы сражающихся вокруг костра выбрались ее подружки. Рута — с большим синяком на скуле, зато с обломком копья в руке, и другие женщины, которых Твилла не знала.

Рыбачка Лила указала им на поджидающих Твиллу солдат. У женщин были мрачные и решительные лица. Теперь, ког-да рухнули узы чародейства, которыми связал их жрец Данду-са, женщины жаждали расплаты за тот ужас, что готовил для них коварный колдун. Детьми всегда очень дорожили, тем бо-лее здесь, в пограничных поселениях. Забрав маленькую Ванди, жрец Дандуса совершил чудовищное злодеяние, противореча-щее человеческой природе.

Лила передала бесчувственную девочку женщине, которая только что присоединилась к ним, и кивнула остальным. Жен-щины решительно двинулись к солдатам, окружив Твиллу с обеих сторон. Правда, им пришлось идти не напрямик, а зиг-загами — обходя островки пылающей травы.

— Нет! — выкрикнула Твилла, увидев выражение лица лор-да Астара, который скакал прямо на женщин, сжимая в руке обнаженный меч. По его команде солдаты, преодолев нерешит-ельность, тоже двинулись к женщинам с оружием в руках. Они ведь могут изрубить женщин мечами...

Потом Твилла увидела, как Астар выпустил поводья и схва-тился рукой за лоб. Его лошадь пронзительно заржала и шарах-нулась в сторону. Астар хоть и с трудом, но все же удержался в седле, хотя его скакун плясал на месте и дико взбрыкивал но-гами. Другие всадники тоже вдруг повели себя как-то стран-но — лихорадочно замахали руками, а двое даже упали со сво-их скакунов.

Твилла заметила, что над солдатами кружат крошечные крылатые создания. Их крылья сверкали и переливались всеми цветами радуги. Девушка быстро сказала Лиле:

— Благодарю тебя за помощь, сестрица. Я вижу — явились те, кто позаботится, чтобы со мной все было хорошо.

Рыбачка Лила открыла рот от удивления, когда одно из чудесных созданий подлетело поближе и закружило в воздухе, словно танцуя. А Твилла бросилась бежать к лесу, петляя между островками горящей травы. Эльфы полетели за ней следом, кружась над девушкой, словно маленькое радужное облачко.

Твилла старалась огибать очаги пожара, разгоравшиеся тут и там от маленьких летающих огоньков. Странно, но трава не загоралась сразу — и некоторые огни угасали, как будто от нехватки топлива. А другие огни въедались в самую землю, и почва дымилась, а над ней плясали красно-желтые языки пламени.

Пожар неумолимо подбирался все ближе к лесу. Твилла задышалась от дыма и быстрого бега. Позади раздавались яростные крики, но девушка бежала, не оборачиваясь. Она думала, что черное чародейство должно было бы развеяться после гибели того, кто его наслал, — однако ни ползущие к лесу колдовские огни, ни давящий страх, терзавший Твиллу, почему-то вовсе не исчезли.

Прямо у нее на пути вспыхнул и запылал жарким пламенем один из кустов у кромки леса. Твилле пришлось свернуть в сторону, чтобы обойти это препятствие. Огонь жадно лизал заросли кустарника, с невероятной быстротой пожирал и листья, и ветви.

Кусты загорелись еще в одном месте, но там огонь свирепствовал не так сильно. Твилла бросилась туда. Она уже не могла бежать. Девушка не чувяла под собой ног и шла, покачиваясь от усталости.

Она пробралась сквозь дымящийся кустарник и обмякла в объятиях столь же крепких и надежных, как ствол гигантского дерева. Твилле не нужно было поднимать взгляд — она и без того знала, кто ее поддержал. Конечно же, лорд Илон.

Твилла на несколько долгих мгновений прикинула к Илону. Похоже, далеко в глубь леса огонь еще не пробрался. Трескал горящий кустарник, пронзительно щебетали эльфы, которые облаком кружили над Твиллой и Илоном.

А издалека, с равнины, по-прежнему доносились крики, но уже не такие яростные, как прежде. Лила, Рута и остальные — те люди, которые взбунтовались, когда был повержен жрец Дандуса, — что же теперь с ними будет? Если лорд Хармонд направил своих солдат против крестьян-поселенцев, это может закончиться большой кровью и горем. Потому что все женщины, как одна, встанут против того, кто покусится на их детей.

Твилла не замечала, что говорит все это вслух, пока Илон не ответил ей:

— Жреца больше нет — у Карлы было видение, и она рассказала об этом. Я не знаю, насколько глубоко успело просочиться его злое влияние. Мой отец всегда был очень суров с теми, кто не подчинялся его приказам. Но он никому не позволил бы поднять оружие на женщин. — Слепой лорд сдавленно усмехнулся. — Отец столько усилий положил на то, чтобы в здешних краях стало побольше женщин, — разве может он теперь допустить, чтобы их убивали? Влияние жреца Дандуса извращает мысли людей. Кто знает, что будет теперь, когда жреца не стало?

— Но что он пытался сделать, этот проклятый жрец?

— Он хотел принести смерть и разрушение в наши земли, — сказала подошедшая Карла. — Когда зажжен гнилой огонь, эта колдовская мерзость, сила подпитывает другую силу. Этот жрец наслал бы на нас смертельное пламя, если бы сумел завладеть всей силой, к которой стремился.

— Лотис?

Карла поморщилась:

— Кто знает? Когда не устояла внутренняя сила, а затем и внешняя — кто знает, на что еще они могут решиться?

Твилла чуть повернулась, не высвобождаясь из объятий Илона, — так, чтобы увидеть сквозь редкие заросли кустарника, что творится на равнине. Островки пламени между большим костром и лесом по-прежнему полыхали и расплзались в стороны — но теперь уже гораздо медленнее, как будто от продвижения к лесу свирепая сила огня неумолимо истощалась.

Твилла заметила Оксила. С ним были Вестел и другие мужчины — наверное, тоже стражи лесных границ, как и Вестел. Но их было немного. Твилла не знала, насколько вообще много-

числен народ, живущий в таинственной тени леса, но почему-то подумала, что здесь собралась только малая его часть.

Однако когда девушка посмотрела в другую сторону, она увидела кое-что еще. Возле тенистых островков леса клубился плотный туман, тот самый серебристый туман. Клубы серебристой дымки свивались в вихри, колыхались, словно пламя на сильном ветру. От леса и впрямь потянуло ветерком — свежим, напоенным запахом хвои. Ветер растрепал слипшиеся, мокрые от пота волосы Твиллы. От клубящихся туманных вихрей веяло ожиданием. Они были похожи на грозное чудовище, которое затаилось в засаде и готово в любое мгновение наброситься на врага. Это была магия, недоступная людям из народа Твиллы. Это была даже не магия лесного народа. Твилле показалось, что это сам лес готовится к битве.

Туманные вихри развевались, словно боевые знамена на ветру. Туман пополз к краю леса, окутал стоявших там людей. А потом серебристые ленты тумана потянулись к дымящимся кустам и обвилились вокруг них.

Огонь тотчас же угас. Но серебристые туманы не двигались дальше границы зарослей. Очаги огня на открытой равнине продолжали пылать. Трава в тех местах выгорела до корней, и теперь алые отблески мерцали на самой земле — словно злобные огненные глаза, устремленные на лес.

А потом раздался звук, заглушивший даже шум сражения, которое все еще продолжалось на равнине. Огромный костер внезапно взорвался, испустив гигантское облако едкого черного дыма — точно такого же, как тот, что курился над гнилым огнем. Дым столбом поднялся к небу, а потом отдельными струями устремился к лесу. Когда струи черного дыма проплывали над тлеющими островками огня, те тотчас же вспыхивали с новой силой.

Черная магия Дандуса? Но ведь жрец... Он же наверняка умер! Ведь Твилла швырнула его в костер! Разве может колдовская сила существовать сама по себе, когда ее некому направлять?

Крики сражающихся зазвучали еще громче прежнего. Твилла увидела, что и солдаты, и крестьяне отступают подальше от огня. Некоторые вообще развернулись и побежали прочь. А ра-

зожженный ими огромный костер полыхал. Яростный рев пламени был слышен даже в лесу.

Струи черного дыма коснулись верхушек деревьев, и лес загорелся. Серебристый туман сгустился и взметнулся вверх, обвил пылающие ветви. Разгоравшееся в верхушках деревьев пламя угасло.

Лесные чародеи, стоявшие рядом с Твиллой, начали творить заклинания. Они окружили горящие деревья, прижались телами к стволам и сцепили руки — так, чтобы охватить все пострадавшие деревья.

Потом Твилла увидела кое-что еще. Воздух едва заметно затрепетал, и в нем что-то появилось. Это невозможно было увидеть, но Твилла знала — оно есть. Невидимое нечто стремительно понеслось вверх. Туман наверху сделался еще плотнее, Твилла почувствовала, как ей на лицо упали капли влаги.

Струи черного дыма одна за другой истончались и исчезали. В верхушках деревьев разбушевался ветер. В небе не было никаких грозовых облаков, но ветер неистовствовал, словно настоящий ураган. На землю полетели обломки сухих веток и сорванные бурей листья. Ураган ярился все сильнее — но только в кронах деревьев. Потом бешеный вихрь сорвался и полетел прочь — на равнину.

Ураганный вихрь налетел на гигантский костер, полыхавший на равнине. В воздух взлетели горящие ясным пламенем поленья величиной с целые стволы молодых деревьев. Ветер из леса подхватил их и закружил в вихре. И вместо того чтобы еще сильнее разгореться на ветру, огонь, пожиривший поленья, угас. Почерневшие, обугленные бревна раскидало ураганом по равнине.

Порожденный лесом ураган погасил огромный костер и закружился на опаленной земле, поднимая в воздух тучи пепла и гоня их в сторону убегающих чужеземцев. В конце концов на месте гигантского костра не осталось ничего, кроме черного пятна выгоревшей земли.

Ураганный ветер утих, вершины деревьев больше не качались. Лесные чародеи, которые стояли, взявшись за руки, вокруг опаленных деревьев, разомкнули руки и отступили. Над ними за клубился серебристый туман.

— Быть сему... — промолвил лорд Оксил. — Твои сородичи сломлены, чужеземец? — спросил он у Илона. — Их собственная магия себя исчерпала — по крайней мере, сейчас.

— Они так просто не откажутся от своих намерений, — ответил слепой лорд. — Среди них найдутся такие, кто обвинит в неудаче случайный каприз погоды — эту внезапную бурю... А другие запомнят, как потерпело крах чародейство, от которого погиб их жрец. Нет, я не верю, что тебе доведется увидеть, как они повернутся и уйдут обратно за горы.

— Я тоже так думаю, — спокойно ответил лорд лесного народа. — Дочь Луны, чем мы можем отблагодарить тебя? Ведь это ты своим волшебством уничтожила черного жреца, а его железо, — он указал на Илона, — погубило гнилой огонь.

— Значит, вы признаете, что мы оба заслужили вашу благодарность? — спросила Твилла. Девушка сразу вспомнила о том единственном желании, которое с каждым днем становилось все сильнее.

— Никто не осмелится это отрицать!

— Тогда... Тогда — верните ему зрение! — Твилла взяла Илона за рукав и подтолкнула его вперед.

Оксил медленно покачал головой:

— Мы счастливы были бы сделать это... Но... Таков извечный закон нашего народа — чары может развеять только тот, кто их сотворил. Так было всегда... И одна лишь Лотис сможет вернуть ему зрение.

— Лотис — та, которая предала вас всех, весь свой народ! Как вы можете простить ей такое?

— Дочь Луны, каждый народ живет по своим законам, которые заложены в любом из нас с рождения. Подземные жители добывают металлы, обрабатывают их, содержат в порядке глубинные недра под лесом — точно так же, как мы заботимся о самом лесе. Мы служим великим деревьям. — Оксил повел рукой в сторону лесных великанов. — Твои силы тоже не беспредельны — так или иначе. Я с радостью сделал бы то, о чем ты просишь, — но мне этого не дано.

— А Лотис, она что — так и останется на свободе? — настойчиво спросила Твилла. Если злую колдунью заточат в темницу, то ее, конечно же, можно будет силой заставить снять с Илона заклятие.

— Лотис скрылась... Ее усердно искали везде, где только можно, но нигде не нашли. Наверное, она замела следы, воспользовавшись знаниями, которые похитила из тайного убежища Харгела.

— И вы так это и оставите? — Твилла разозлилась не на шутку. Она не могла поверить, что Оксил и все остальные, кто пострадал от властолюбия Лотис, позволят ей остаться на свободе.

— Мы охраняем все пути к Сердцу леса, по которым может пройти Лотис. Если она как-то стоворилась с черным жрецом — это все равно не пошло ей на пользу, ведь жреца больше нет... Как только Лотис объявится — мы тотчас же ее схватим.

Твилла поняла, что так ничего и не добьется от Оксила — хотя тот и признавал, что весь лесной народ очень обязан и ей, и тем более Илону. И разве не грозят им новые неприятности, если Лотис разгуливает на свободе?

Однако какое бы убежище ни устроила себе Лотис под завесой серебристых туманов, теперь эти волшебные туманы снова служат Оксилу и верным ему людям. Поэтому они оставили в опасных местах стражей и все вместе вернулись обратно в лесной дворец — на этот раз их перенес вихрь серебристого тумана и путешествие было недолгим.

В главном зале дворца уже стоял накрытый стол. Твилла села рядом с Илоном и проследила, чтобы тарелка слепого лорда не пустовала. Однако Илон не притронулся к еде. Он только выпил немного подкрепляющего напитка из кубка, хотя и склонил голову, благодаря Твиллу за внимание и заботу. Когда Илон заговорил, его голос звучал хрипло и сдавленно.

— Расскажи мне, что произошло! — Это прозвучало как приказ. В который уже раз Твилла почувствовала, как сильно Илон страдает от своего увечья.

О сражении на равнине, возле большого костра, Илон знал только то, что услышал от стоявших рядом с ним людей леса. Но из их разговоров даже опытный воин мало что смог бы понять.

Твилла еще немного отпила из своего кубка, а потом как можно проще и понятнее описала все, что она видела, рассказала и о своем участии в битве. Когда девушка говорила о том, как жрец Дандуса истязал несчастную Ванди, лицо Илона закаменело, а руки сжались в кулаки.

— Что же он сотворил с моим отцом? Мой отец — воин, он не такой человек, который опустится до того, чтобы истязать ребенка! Что же с ним сделали, если он допустил такое?

Твилла не знала, что ответить, поэтому перешла к рассказу о противостоянии магической плети и зеркальца. Илон схватил ее за руку и крепко, до боли сжал.

— Какими же силами ты владеешь, целительница? Я слышал рассказы о чародеях, которые жили в давние времена, еще до того, как набрали силу жрецы Дандуса... Они творили настоящие чудеса. Но это было очень давно — ни один человек не может прожить столько. Если ты так могущественна, то почему же ты оказалась среди королевских невест?

— Я не знаю... Я и сейчас не знаю своих сил. Когда возникает нужда — я обращаюсь к зеркальцу. У меня нет иного оружия. Но я могу сражаться только тогда, когда на меня нападают. Я исцеляю, если кто-то ранен... Мое волшебство проявляется только в случае крайней нужды. И я... Я даже не совсем понимаю, что нужно делать, чтобы призвать волшебную силу... Она как будто пробуждается во мне, и тогда я знаю, что могу что-то сделать... Но даже тогда я не знаю, что именно сделаю.

— Ты словно новобранец, который еще не слишком хорошо владеет своим оружием. Твое волшебство отчасти зависит от удачи... — медленно сказал Илон. — Однако твоя сила откликается всякий раз, когда ты попадаешь в опасность... И какими бы силами ни обладал жрец Дандуса, теперь он повержен.

Твилла догадалась, о чем думает Илон, и высказала это:

— Они поклялись, что заклятие, которое лежит на тебе, способна разрушить одна только Лотис... — Голос девушки чуть дрожал. Этими словами она должна была разрушить слабую надежду, которая затеплилась в душе Илона.

Губы Илона изогнулись в усмешке.

— Она ни за что не согласится избавить меня от увечья... Значит, так тому и быть. — Илон выпрямил спину, расправил плечи — как человек, который уверился, что надежды на избавление для него нет.

— Что касается моего отца... — Лорд Илон решительно оставил все другие мысли. — Он не простит крестьянам этого бунта. Отец очень гордится своей верностью сеньору и строго соблюдает все законы...

— И для него не имеет значения, какому сеньору он подчиняется? — перебила его Твилла. — Может быть, жрец Дандуса как-то влиял на него, и теперь это влияние прекратится?

Илон положил в рот кусочек печенья.

— Если... Если, если, если... — сказал он. — Со временем мы узнаем, как было на самом деле.

К слепому лорду подошел молодой Фанна:

— Чужеземец, лорд Оксил желает говорить с тобой. Это очень важно.

Твилла уже собралась встать, но Илон жестом остановил ее.

— Позволь мне пойти без поводыря, целительница. Я должен научиться ходить сам, — пылко сказал он.

Девушка осталась на месте. Она смотрела вслед Илону и знала, что тот отвергнет любую помощь, которую непременно предложит юный Фанна. Слепой лорд решил сам выбирать себе путь. Твилла смахнула слезинку с ресниц. Целительница по роду своего призвания умела чувствовать и понимать чужую боль — хотя бы отчасти. И она поняла, что Илон больше не сможет выносить ее присутствия — ее помощь постоянно напоминала слепому о его увечье.

27

ТВИЛЛА ОТКРЫЛА ГЛАЗА и увидела над собой изящные изгибы цветочных лепестков. Она снова лежала в кровати-цветке. Девушка боялась, что во сне ее будут тревожить видения, порожденные воспоминаниями о злых силах, с которыми ей пришлось столкнуться. Но опасения Твиллы оказались напрасными — никакая темная тень не омрачила ее сон.

Здесь не было ни дня, ни ночи, и Твилла чувствовала себя в безопасности — по комнате кружилась легкая серебристая дымка, а значит, Лотис пока не начала снова творить свои темные дела.

Девушка встала с кровати и прошла в соседнюю комнату, где находился небольшой бассейн. Она вымылась — и сразу же взбодрилась, избавилась от вялости после сна. На стуле лежала чистая одежда — не изорванное в клочья платье, которое Твилла там оставила, а все новое и свежее. Прекрасная белая рубаш-

ка из тонкой ткани и верхнее платье в бледно-зеленых тонах — такого цвета бывает первая листва на деревьях ранней весной. Рядом стояли легкие сапожки, очень мягкие, облегающие ногу, словно вторая кожа. Такую обувь носят лесные люди. Там был и пояс из серебряных цепочек, украшенный зелеными камнями, с застежкой в форме серебристо-зеленого листка — в точности похожего на листья чудесного светящегося деревца, которое маленькая волшебница Ката назвала Сердцем леса.

На стене висело зеркало, во много раз больше того, которое Твилла носила на груди. Одевшись, девушка подошла к нему и рассмотрела свое отражение. Ее лицо больше не было обезображено припухлостями и уродливыми оспинами, но кожа показалась Твилле необычайно бледной. И волосы, свободно свисающие на плечи, тоже как будто стали немного другими — не такими тусклыми, как раньше, и не каштановыми, а темно-золотистыми. Хотя, возможно, все дело было в особом оттенке, который придавало это зеркало всему, что в нем отражалось.

Конечно, Твилла и сейчас не могла сравниться красотой с лесными чародейками, однако выглядела очень даже неплохо. Интересно, как бы повел себя Астар, если бы она досталась ему в лотерею такой, как сейчас? Твилла содрогнулась — к счастью, все это уже давно позади! Если... Если бы только лесной народ и люди с равнины смогли примириться! Если бы можно было как-то сдержать воинственность лорда Хармонда и его солдат, пока люди леса смогут подготовиться к своей защите... Как и Илон, Твилла понапрасну считала эти «если»... Илон... Ему суждено навсегда остаться во тьме...

Твилла решительно сжала губы. Ее борьба против Лотис еще не окончена. Она — целительница и должна верить в свои силы. От любой болезни, от любого злого чародейства обязательно должно быть какое-то средство! Может быть, об этом можно что-нибудь узнать из записей, которые лежат в хранилище знаний.

Позади Твиллы ступил туманный вихрь. Девушка быстро обернулась и увидела Карлу — и Катю.

— С добрым утром, дочь Луны, — приветствовала ее Карла. — Все ли у тебя благополучно?

— Все ли благополучно у всех нас? — отозвалась Твилла. Она с удивлением заметила, что на плечах у Каты сидят три

маленькие крылатые ящерицы, а еще волшебница принесла с собой пухлую, плотно набитую чем-то сумку.

— Ты говоришь «у нас» — однако ты не из лесного народа...

Твилла не поняла, что именно Карла хотела этим сказать.

— Ты права, леди, — медленно ответила девушка. — Я не из вашей семьи.

Карла подошла к ней и, подведя Твиллу поближе к зеркалу, сказала:

— Смотри внимательно, смотри не только глазами, но и сердцем.

Твилла взгляделась в отражения — свое и лесной феи. В зеркале у обеих была одинаково бледная кожа, темный загар юной целительницы совсем поблек. И неудивительно — ведь она не была под солнцем с тех самых пор, как впервые ступила в тень леса. Что же еще? Неужели Карла считает, что в них есть еще что-то общее — кроме цвета кожи и покроя платья?

— Я не понимаю... — в конце концов призналась девушка.

Карла рассмеялась, и Ката тоже.

— Ах, дочь Луны, посмотри — ты ведь стала другой! Смотри же! — Лесная волшебница взмахнула рукой перед зеркалом, и изображение изменилось.

Потрясенная столь разительной переменой, Твилла даже отступила на шаг. Теперь на нее смотрела загорелая девушка с обветренной бронзовой кожей, с уродливым, покрытым отвратительными оспинами лицом — тем лицом, которое она наворожила себе в минуту отчаяния. Выгоревшие на солнце растрепанные волосы были гораздо светлее, чем сейчас, — цвета перепревшей прошлогодней соломы.

— Это лицо... Я наворожила его, а потом развеяла чары... Но...

— Ты ела пищу от корней, пила живой сок зеленых деревьев. Так ты приняла в себя то, что поддерживает всех нас, — и стала нам родной, хотя и не по крови. Если даже ты вернешься во внешние земли, это родство сохранится навсегда.

Карла и Ката смотрели на нее, словно ожидая возражений. Но Твилла смогла понять суть перемен, о которых они говорили, — ведь она была обучена целительскому искусству. Все, что человек ест и пьет, входит в его тело — это так, и даже в людях ее собственного народа особая пища может вызвать изменения.

— Тебе трудно в это поверить? — спросила Карла.

— То же самое случилось и с Илоном?

— С сыном чужеземного лорда? Да. Верит он в это или нет — но он тоже стал теперь частью леса. А теперь, дочь Луны, расскажи нам, что это были за женщины — те, что стояли возле колдовского огня и смотрели, как малышку собираются предать страшной смерти?

Твилла чуть вздернула подбородок.

— Вы ведь видели, что их привели туда под охраной. Эти женщины были зачарованы. Когда жрец Дандуса сторел, они освободились от чар и набросились на солдат — вы же видели! Я с легким сердцем оставила маленькую Ванди на попечение Лилы. Этой девушке я привыкла доверять еще с тех пор, когда нас повезли через горы, чтобы выдать здесь замуж за мужчин, которых мы никогда прежде не видели.

— А почему вас вынуждали это делать? — резко спросила Ката.

— Наши правители обнаружили, что мужчины, у которых есть жены, неподвластны чарам лесного народа — таким, какими Лотис заколдовала Илона.

К ее удивлению, Карла рассмеялась, услышав это.

— Значит, они полагают, что если у мужчины есть с кем разделить ложе, то его невозможно зачаровать? Но ведь этих женщин привезли сюда против их воли — верно? Разве они не могут теперь воспротивиться своей участи?

— Я не знаю. Девушки, которые сюда попали, все очень разные. Лила, например, была раньше рыбачкой, и ей как будто пришелся по душе мужчина, за которого ее выдали замуж. По крайней мере, она сама мне так сказала, когда помогала нам с Илоном добраться сюда. А как сложилась судьба остальных знакомых мне девушек — я не знаю.

Тут в разговор вступила Ката:

— Значит, среди них могут быть и недовольные своей участью? Такие, кто втайне мечтает освободиться от нежеланного супружества?

Твилле показалось странным, что Ката и Карла так напедают на этот вопрос — как будто ими двигало нечто большее, чем праздное любопытство.

— И мы сами видели, — продолжила Карла, — что при случае эти женщины не боятся выступить даже против вооруженных солдат.

Твилла посмотрела на Карлу, потом на Катю.

— Чего вы от меня хотите? — немного резко спросила она.

Ей ответила Карла:

— Вот чего... Ваших женщин силой принудили жить не так, как им самим хотелось бы. Я не знаю обычаев народа, который живет по ту сторону гор... Но наши женщины всегда вольны выбирать себе близкого друга на время или на всю жизнь. Ни одна наша женщина не согласится выйти замуж за человека, который ей не мил, — и никто не сможет заставить ее это сделать...

— У нас, в подземном мире, обычаи тоже таковы, — оживленно закивала Ката.

— Может быть, некоторым девушкам, привезенным из-за гор, — продолжала Карла, — по счастливой случайности достались мужья, которые пришлись им по сердцу. Однако гораздо больше таких девушек, которые затаили в сердце гнев и обиду из-за неудачного замужества... Они так яростно набросились на солдат у костра — может быть, еще и потому, что хотели хотя бы в малом помешать мужчинам распоряжаться их жизнью и свободой?

Ката снова закивала, выказывая полное согласие с лесной леди.

— Илон разговаривал с теми членами Совета, которые остались верны своему народу... Некоторые все-таки ушли с Лотис — и мы не знаем, где они теперь скрываются и что затевают. У Лотис сильные охранительные чары... Поэтому нам неизвестно, где сейчас затаились она сама и ее сторонники. Но мы, женщины верхних и нижнего народов, должны хорошенько все обдумать и приготовиться. Илон рассказывал о боевых машинах, окованных железом, — против них мы можем и не выстоять. Пойми, Твилла, наш народ не воинствен — мы только защищаем себя и свой дом. И мы не станем нападать на жилища людей с равнины, не обрушим на них мощь своей магии — если только они не вынудят нас к этому. Нам ничего от них не нужно. Мы хотим мира, а не войны.

— Люди боятся того, чего не понимают, — сказала в ответ Твилла. — Они считают вас злыми демонами, потому что судят о вас только по чарам — таким, какими вы связали Илона. И жрец Дандуса, конечно же, использовал любую возможность, чтобы заронить в души людей злые семена страха и недоверия.

— Нам нужно время, — сказала Карла. — Мастера подземного народа без передышки трудятся в кузницах. Тех кузнецов, которые уже валятся с ног от усталости, сменяют у наковален другие. Они куют волшебные сети — но, может быть, не успеют все сделать к сроку. Поэтому мы и подумали о женщинах равнинного народа. Одна ты что-то знаешь о них, а с некоторыми даже знакома. Каким образом мы можем с ними связаться?

— Но зачем вам это? — снова спросила Твилла.

Карла наклонилась и подняла с пола туго набитую сумку. Она распустила завязки на сумке и, достав оттуда что-то маленькое, спрятала эту вещь в кулаке. Потом лесная леди взглянула на волшебницу из подземного мира, словно ища у нее поддержки. Ката кивнула. Одна из крылатых ящериц вспорхнула с плеча маленькой волшебницы и закружила у женщин над головами.

— Лотис зачаровала Илона одной только собственной злой волей. Это — кое-что другое. — Карла раскрыла ладонь. Там лежал маленький золотой медальон очень тонкой работы, украшенный узорчатой филигранью. От медальона исходил легкий аромат благовоний.

— Если женщина наденет это, она легко сможет подчинить мужчину своей воле. Волшебство этого медальона действует не слишком долго, однако этого будет достаточно... Если женщины равнинного народа желают мира, то с такими медальонами они сразу же заставят своих мужей позабыть о войне. Мужчины сами не захотят браться за оружие...

Твилла потянулась к своему зеркальцу. Да, конечно, в предложении Карлы было зерно здравого смысла — однако что-то в душе Твиллы воспротивилось такому чародейству. Рыбачке Лиле ее муж наверняка пришелся по сердцу... Но Твилла точно знала, что большинство девушек, которых насильно выдали замуж, далеко не так счастливы в браке, как Лила. Верно, тогда у костра безоружные женщины бесстрашно набросились на

солдат — Твилла не поверила бы, что такое возможно, если бы сама не была этому свидетельницей.

— Значит, вы хотите поручить мне какое-то задание? — спросила девушка.

— Да, — призналась Карла.

— Так решили лорд Оксил и Совет? — уточнила Твилла.

Карла отвела взгляд в сторону.

— Нет... Они говорили об оружии и войне. А мы ищем иных путей к сохранению мира. — Лесная чародейка протянула Твилле золотой медальон.

Девушка взяла амулет. Безусловно, это была очень красивая вещица. Такое украшение понравилось бы любой женщине.

— Этот медальон привязывает мужчину к женщине так же, как Лотис подчинила себе Илона? — Твилла должна была хорошенько во всем разобраться.

— Нет! — ей ответила Ката. Голос маленькой волшебницы звучал очень пылко и убедительно. — Такие амулеты действуют иначе, чем истинные чары. Вернее всего будет сказать так: когда у женщины есть такой медальон, муж всегда прислушивается к ее словам и уважительно относится к мнению своей супруги.

Твилла поверила Кате. Волшебница из подземного мира действительно сказала то, что думала. Девушка еще раз взглянула на свое отражение в зеркале. Лила, Рута и другие девушки, с которыми она путешествовала через горы в одном фургоне, несомненно, узнают ее. Но с теми женщинами, которые попали в пограничные земли раньше, Твилла совсем незнакома. Кроме того, Твилла совсем не знала здешних порядков — может быть, все женщины, которых собрали в поселении, к этому времени уже снова разъехались по своим фермам? Посетить все фермы, разбросанные на огромном пространстве, — это невыполнимая задача. Лила наверняка поможет ей, и ее ферма находится ближе всего к лесу. Наверное, рыбачка расскажет и какие-нибудь новости. Но стоит ли делать то, о чем просят ее Карла и Ката? Твилла до сих пор не приняла решения, нужно ли соглашаться на их предложение.

А если ее схватят? Твилле не хотелось даже думать о той участи, которая ее тогда ожидает.

— Нам нужно выиграть время, — мягко, но настойчиво сказала Ката. Она указала на зеркальце Твиллы. — У тебя есть мо-

гучее оружие. Оно уже не раз сослужило тебе добрую службу. И ты одной крови с женщинами народа равнин. Мы надеемся, что они послушают тебя...

Твилла снова посмотрела на свое отражение в зеркале.

— Но я не могу прийти к ним в этой одежде...

— С этим можно кое-что сделать. Когда пришельцы впервые явились в наши земли и принесли в лес топоры из смертоносного железа, мы встретили их всей мощью нашей магии. Некоторые из них утратили все воспоминания о нас — таких мы отпустили обратно на равнину. Но были и такие, кто не выжил после магического удара — из-за некоторых особенностей их натуры. У нас остались их вещи, в том числе и запасная одежда.

— Не выжили? — переспросила Твилла. — Их убила ваша магия?

— Только потому, что они оказались слишком чувствительны к чарам. Мы не знаем, почему некоторые чужеземцы так сильно страдают от магии. Но эта магия действенна только в пределах леса. Мы не можем использовать ее для нападения на открытой равнине.

— Вы похищали их разум и память, — напомнила Твилла, глядя прямо в глаза Карле и Кате. — Те, кого вы отпускали на волю, превращались в недолюдей — так их называют люди одной с ними крови. Их ненавидят и презирают из-за тех отметин, которые оставила на этих людях магия леса. А теперь вы предлагаете мне вот это... — Твилла подняла медальон. — Готовы ли вы поклясться на крови в том, что эта вещица не принесет людям вреда своей магией?

— Дочь Луны, волшебство этого медальона именно такое, о котором мы тебе рассказали, — и не более того. Медальоны помогают женщинам влиять на их мужчин. Любое живое существо сражается как может, чтобы защитить свою жизнь. И люди равнин поступили бы точно так же, окажись они на нашем месте, если бы обладали такими же волшебными силами.

— Я — целительница, — ответила Твилла. — И я не стану передавать никакого вредоносного чужодейства тем, кто не сделал вам ничего дурного.

— Я поклянусь на крови, дочь Луны... — Карла вынула из-за пояса небольшой нож с серебряным лезвием и проколола па-

лец. Из ранки выступила капелька крови. — Клянусь кровью, несущей жизнь, что эти амулеты не содержат иной магии, чем та, о которой мы рассказали. Неужели ты не согласишься дать шанс тем женщинам, которых знаешь, хотя бы для того, чтобы они освободились от извечного страха перед нелюбимыми мужьями?

Твилле пришлось поверить. Хотя девушку до глубины души потряс рассказ Карлы о тех людях, которые оказались слишком чувствительны к чарам и из-за этого погибли.

А что, если среди древних записей, которые Оксил нашел в потайном хранилище, отыщется какой-нибудь способ применять разрушительную магию не только в лесу, но и за его пределами?

И тогда... Твилла быстро обдумывала ситуацию. Тогда эти знания непременно будут использованы. Однако девушка не сомневалась, что лорд Хармонд направит против леса все силы, какие ему удастся собрать. И она сильно сомневалась, что лорд Хармонд согласится на перемирие, если даже ему это предложат. Но лорд Хармонд — это только один человек. А Твилла очень хорошо помнила, как разъяренные женщины набросились на вооруженных солдат-охранников...

— Хорошо, я сделаю то, о чем вы просите, — пообещала она. — Я пойду к Лиле — если она уже вернулась на свою ферму, то я найду ее там. У Лилы я узнаю все, что смогу...

— И обсудишь с ней то, что может воодушевить женщин народа равнин?

— Да, насколько это возможно.

— Тогда иди! Солнце уже заходит, а тебе будет легче путешествовать в сумерках. — Карла повела рукой, и в воздухе закружился вихрь серебристого тумана. Туман окружил женщин со всех сторон, и комната с зеркалом на стене пропала.

Когда туман рассеялся, они очутились в комнате, где стояло множество сундуков. Карла подошла к одному из них, нажала на выступ на крышке, и та откинулась. Внутри оказалась аккуратно сложенная одежда. Карла быстро вынула вещи и разложила их на других сундуках.

По большей части одежда была Твилле велика — эти вещи пришлось бы впору разве что какому-нибудь мускулисту-крестьянину. Но девушке все-таки удалось подыскать узкие,

обтягивающие ноги штаны темно-коричневого цвета, сшитые, наверное, для какого-нибудь мальчика-подростка. Еще Твилла нашла более или менее подходящую по размеру вылинявшую рубашку в желто-коричневую клетку и не слишком большую кожаную куртку. Девушка быстро переделалась. Она заботливо сложила так полюбившееся ей новое платье и все, что к нему прилагалось, и присела, чтобы переобуться в короткие, до середины голени, сапоги — они пришлись почти точно по размеру ее ноги.

Твилла снова спрятала зеркальце под одеждой и потуже затянула пояс, на котором висели пустые ножны и маленькая сумка.

— Хорошо, — сказала Карла, оглядев девушку со всех сторон. — Нужно только прикрыть волосы.

Она снова склонилась над сундуком и вскоре вынула оттуда вязаную шапочку, достаточно большую, чтобы под ней поместились косы Твиллы.

— Теперь ты как две капли воды похожа на одного из тех губителей деревьев, — заметила лесная леди. — Как будто это были твои родные братья! Идем!

И снова вокруг них за клубился серебристый туман, на сей раз он перенес Твиллу, Катю и Карлу к самому краю леса. На простирившейся впереди равнине тут и там еще виднелись неровные пятна почерневшей земли, где горели огни, погашенные ветром из леса. Твилла увидела и огромное черное пятно, оставшееся после большого костра. Девушка могла ориентироваться только по памяти — где-то там, далеко за пятнами выгоревшей земли, и, наверное, немного западнее, должна была находиться та самая ферма, на которой они с Илоном когда-то укрывались от грозы.

В воздухе что-то запорхало, прямо над головой у Твиллы. В бледном свете серебристого тумана, который все еще клубился вокруг, Твилла разглядела маленькое чешуйчатое тельце с перепончатыми крыльями.

— Сестра по искусству... — заговорила Твилла. Она быстро обернулась и увидела Катю, на плече у которой взмахивала крыльями вторая летающая ящерица. Третья ящерица сидела у Каты на ладони.

— Эти маленькие создания оказались здесь не случайно, — призналась волшебница подземного народа. — Они пригодятся в том деле, которое мы задумали. Но им нужно подготовиться к тому, что им предстоит увидеть. Возьми их с собой — нет, не думай, что эти малыши навлекут на тебя подозрения своим необычным видом. — Ката заметила, что Твилла покачала головой, и поспешила объяснить: — Они умеют оставаться невидимыми для всех, кроме того, с кем путешествуют. И ты еще узнаешь, какие они полезные — на свой лад, конечно.

Твилла не сомневалась, что Ката искренне верит в то, что говорит, но все же идея взять с собой ящериц показалась девушке весьма сомнительной.

— Это необходимо?

— Для того, что мы задумали, — да, необходимо, — заверила ее Ката.

И вот в сгущающихся сумерках Твилла вышла из леса. Девушка была не одна — три крылатые ящерицы из подземного мира порхали у нее над головой, время от времени ненадолго присаживаясь ей на плечо.

Твилла понятия не имела, как далеко может находиться ферма Лилы. Она помнила только, что им с Илоном пришлось идти целую ночь, прежде чем они добрались от фермы до леса. Луна — тоненький серебристый серп в темном небе — почти не освещала путь. Но темнота вовсе не мешала маленьким ящерицам. Твилла заметила, как одна из них ловко поймала какую-то мушку и с удовольствием ее сжевала.

А потом сзади, со стороны леса, донесся точно такой же птичий крик, какой Твилла слышала уже не раз — на дороге в горах, возле темницы форта и примерно в этом же самом месте, когда они с Илоном пробирались в лес. Девушка услышала хлопанье больших крыльев — настолько огромных, что они на мгновение заслонили тонкий серп луны в небе. Твилла сразу же схватилась за зеркальце — это была ее единственная защита на случай нападения неведомого врага. Илон назвал это существо анисгаром — но Твилла так и не узнала, что это за создание и каким образом оно связано с лесом. Тем не менее она была совершенно уверена, что анисгар имеет какое-то отношение к зачарованному лесу.

Таинственное существо пролетело над головой Твилла и исчезло во тьме. Девушка подождала немного — но анисгар не возвращался. В конце концов Твилла пошла дальше, настороженно прислушиваясь ко всем ночным шорохам.

Она шла не останавливаясь. Как ни странно, но в эту ночь Твилла как будто не нуждалась ни в пище, ни в отдыхе. Ящерицы вдоволь насытились насекомыми, которые взлетали из травы, потревоженные шагами Твиллы. Спустя какое-то время две крылатые ящерицы присели девушке на плечи, а третья устроилась прямо на голове. Она запустила коготки сквозь вязаную шапку и ухватилась за волосы девушки.

Луна начала опускаться к горизонту. Ночь была довольно прохладной, но Твилла все время двигалась, и ей было даже жарко. Небо на востоке посветлело, озаренное первыми лучами восходящего солнца. Девушка не знала, стоит ли подыскивать укрытие на день, или она уже достаточно близко от фермы Лилы. Твилла как раз раздумывала над этим, когда увидела впереди насыпь из плотно утрамбованной земли, обычно обозначающую границу возделываемого поля. Твилла зашагала быстрее, уверенная, что место, которое она ищет, уже недалеко.

Ящерицы снова вспорхнули в воздух и полетели немного впереди девушки. Когда Твилла огибала земляной вал, на нее повеяло крепким запахом овец. Хотя в прошлый раз в овчарне не было ни одной собаки, Твилла все-таки немного опасалась. Что она будет делать, если теперь отару охраняют собаки? Ветер дул Твилле в лицо и уносил ее запах в противоположную от фермы сторону. В бледном свете утреннего солнца девушка увидела овец, которые бродили внутри загона, огороженного земляной стеной. Однако Твилла не имела ни малейшего представления о том, в какой стороне от овечьего загона находится фермерский дом.

Позади овечьего загона виднелось еще два поля, и на одном из них паслась маленькая лошадка, размером чуть больше пони. Крылатая ящерица подлетела к ней совсем близко, явно из любопытства. Лошадка захрапела и взбрыкнула передними ногами.

Фырканы встревоженного пони привлекло внимание еще двух упряжных лошадей, которые в это время пили воду. Эти две лошади, крепкие и сильные, были чуть ли не вдвое больше

пони. Они оторвались от воды и подошли к маленькому пони, и все трое повернули головы в сторону Твиллы.

Девушка повернула за угол земляного вала и вышла на узкую дорожку, которая, скорее всего, вела к фермерскому дому. По одну сторону от дорожки тянулись ухоженные поля, заботливо защищенные от животных земляным валом. На полях уже зеленели ростки пшеницы.

Ветер донес до Твиллы запах дыма. Но это был не приятный, чистый запах горящих дров. От этого удушливого дыма у Твиллы сразу же зашекотало в носу, так что девушка даже несколько раз чихнула. Земля во дворе фермы была плотно утоптана и изрыта тяжелыми копытами. Твилла увидела три строения, из которых одно определенно было фермерским домом, поскольку остальные два не отличались особой тщательностью отделки.

Из трубы тонкой струйкой поднимался дым. Твилла едва успела припасть к земле — дверь дома внезапно распахнулась, и оттуда вышла Лиля с ведрами в руках. Рыбачка подошла к колодцу, опустила туда ведро и зачерпнула воды.

Но что это у нее с лицом?! Одна щека страшно распухла, под глазом темнел огромный синяк. И двигалась рыбачка как-то скованно, то и дело постанывая сквозь зубы, словно каждое движение причиняло ей боль. Неужели Лилу... избили?!

28

ТВИЛЛА ПОРАЗМЫСЛИЛА и решила пока не показываться. Если муж Лилы сейчас в доме, то лучше пока остаться в укрытии. Твилла проследила за тем, как рыбачка вернулась в дом с полными ведрами. Дверь за ней закрылась.

Три ящерицы уселись на камень, которым был отмечен вход во двор. Окраска их чешуйчатых шкурок переменялась — ящерицы стали точно такого же цвета, как камень, на котором они сидели. Твилла с трудом смогла их разглядеть, так удачно они замаскировались. Твилла не строила никаких планов, она просто хотела поговорить с рыбачкой Лилой об амулетах. Теперь же целительнице пришлось хорошенько обдумать то, что она увидела. Если Лилу подвергли суровому наказанию за участие

в сражении возле большого костра, то вполне возможно, что теперь рыбачка вовсе не будет гореть желанием общаться с Твиллой.

Девушка затаилась в укрытии и наблюдала за домом. И вот входная дверь снова с силой распахнулась, и на пороге показался мужчина, муж Лилы. Он сердито хмурился и, обернувшись, грозно проворчал:

— Сиди дома, у печи, женщина! Если меня еще раз заставят платить штраф за твои проделки, ты у меня тоже заплатишься! Смотри, не забудь, что я сказал!

Мужчина с силой захлопнул дверь и затопал через грязный двор к одному из меньших строений. Твилла притаилась там, где была. Лучшего укрытия она все равно так и не смогла найти.

Фермер вышел из сарая и направился в поле, туда, где Твилла видела пасущихся лошадей. Через плечо у него была перекинута ременная упряжь. Мужчина позвал двух лошадей и, отведя их во двор фермы, впряг в легкую двуколку. Потом вернулся к дому.

Муж Лилы рывком распахнул дверь и сказал — так громко, что Твилла прекрасно расслышала каждое слово:

— Я еду к Роамнорам. Займись делом, и чтобы все было в порядке!

Если Лила что-то и ответила, Твилла не услышала ее слов. Мужчина снова захлопнул дверь, сел в двуколку и направил лошадей к воротам. Твилла вся сжалась и припала к земле. Как бы ей сейчас пригодилась способность становиться незаметной, какой обладали крылатые ящерицы!

Девушка проводила взглядом удаляющегося фермера. Лошади шли неспешным шагом, и муж Лилы не подгонял их. Повозка катила по дорожке вдоль земляного вала. Один раз фермер оглянулся, все такой же мрачный и угрюмый, и посмотрел на свой дом. Он словно опасался, что жена снова не подчинится его приказаниям.

Фермер давно скрылся из виду, когда Твилла решила пошевелиться. Ей нужно было собраться с мыслями. Если этот мужчина, который раньше как будто относился к Лиле довольно хорошо, теперь стал обращаться с супругой дурно... Тогда, конечно, Лила с большей охотой прислушается к словам Твиллы.

Девушка быстро прошла по грязному подворью, остановилась перед дверью дома и постучала как можно громче.

— Кто там пришел? — Голос Лилы из-за двери прозвучал как-то глухо и незнакомо.

— Я принесла известия! — придумала на ходу Твилла.

Дверь чуть приоткрылась — ровно настолько, чтобы Твилла смогла проскользнуть внутрь. Но девушка не решалась входить в дом без приглашения. Если с Лилой так обращались, значит, ее прежним хорошим отношениям с мужем пришел конец.

— Ты! — Рыбачка сразу узнала Твиллу. — Что ты задумала, целительница? Хочешь, чтоб меня снова плетями отстегали?

— Они побили тебя? — Твилла сглотнула подкативший к горлу ком. — Что...

Лила толкнула дверь, открывая ее пошире.

— Лорд Хармонд крепко нас проучил... — Она пожала плечами и поморщилась от боли. — Его сержант — большой мастер по части порки... Нам всыпали плетей — не до такой степени, чтоб мы не могли работать, но так, чтобы мы хорошенько это запомнили. А еще лорд заставил наших мужчин заплатить штраф — и за это мужья добавили нам тумачков.

— Это все из-за того, что вы дрались с солдатами...

— Да. Мы плохо обошлись с солдатами лорда, и лорду это не понравилось. Это его позорит — и его солдат тоже. А еще нас наказали за то, что мы помешали треклятому жрецу сотворить злое дело, которое он задумал. Жрец обладал властью даже большей, чем сам лорд Хармонд, — и из-за этого лорд тоже возмущался. Но все-таки зачем ты пришла? Если лесные демоны прислали тебя что-то выведать, тебе надо было идти не к фермерше, которую отходили плетями, — лорд Хармонд, к примеру, подошел бы для этого куда лучше.

Твилла почувствовала тяжесть туго набитой сумки, которую она принесла с собой. Захочет ли Лила или кто-нибудь еще из женщин ее слушать? Твилла решила не ходить вокруг да около, а выложить все напрямую.

— Твой муж очень рассердился на тебя?

Лила снова поморщилась:

— Какой же мужчина обрадуется, когда ему приходится платить штраф за жену? Да еще и лорд теперь на нас сердится... Йохан думает, что лорд накрепко запомнил всех женщин, ко-

торые тогда бились на поле. Йохан думает, нас теперь всегда будут считать неблагонадежными.

Лила отошла в глубь дома, и целительница прошла за ней, закрыв за собой дверь. По крайней мере, рыбачка пока не прогнала ее и как будто не прочь поделиться своими горестями.

— А что с Ванди?

Лила передернула плечами:

— Ее мать давно умерла — иначе им не удалось бы так легко забрать девочку. Ее отец... Он сейчас в темнице — за то, что воспротивился приказу жреца.

— А сама Ванди?

Лила облизала пересохшие губы.

— Рута забрала малышку к себе, и за это ее поставили у позорного столба на городской площади и отстегали плетями. Раз уж жреца больше нет, Рута осмелилась взять девочку в свою семью. Теперь Ванди живет у нее в доме.

— Но почему они хотели принести Ванди в жертву?

— И ты еще спрашиваешь, целительница? Она же была в самом логове демонов и вернулась оттуда целой и невредимой! Жрец объявил, что Ванди шпионит среди нас по приказу лесных демонов.

— Но в лесу нет демонов... — медленно произнесла Твилла.

— Ты так считаешь, целительница? Но ведь ты сама пришла из леса — кто же тебе теперь поверит? Вдруг ты теперь тоже не такая, как была раньше?

Лила присела на стул, отвернулась от Твиллы и стала смотреть на огонь, пылающий в очаге.

— Жрец погиб в костре. — Твилла попробовала зайти с другой стороны.

Лила подняла голову:

— Погиб от твоей руки — это ты хотела сказать?

— Я хотела сказать, что порожденное им зло его же и погубило. Я никогда не поверю, что ты, Лила, позволишь, чтобы при тебе до смерти замучили ребенка. И остальные женщины, которые стояли возле костра, — они тоже по доброй воле не отдали бы девочку жрецу-мучителю. И все вы доказали это — когда черное колдовство жреца исчезло вместе с ним и перестало на вас давить.

Или здесь есть еще один жрец тьмы, который сможет связать вас своим колдовством?

Лила плюнула в огонь.

— Нет, но тут есть еще такие, кто до сих пор верит в силу жреца. И лорд Хармонд беспокоится — потому что жреца послали вместе с ним не просто так, а с каким-то заданием. Они считают, что с помощью колдовства Дандуса мы сумеем заполнить себе лес.

— Но те, кто живет в лесу, на это не согласны. — Твилла присела на другой стул и положила свою сумку на стол. — Те, чья жизнь связана с деревьями, хотят только одного — чтобы их оставили в покое.

— А разве не они ослепляют наших мужчин и не лишают их разума? — пылко возразила Лила.

— Только тех, которые вторгаются во владения лесного народа и губят живые деревья. Подумай, Лила, — разве они хоть раз нападали на ваши фермы?

— Они похитили Ванди...

— И вернули ее обратно, когда выяснилось, что кто-то нарушил закон лесного народа, — ответила Твилла. — Разве девочку покалечили или лишили рассудка? Нет, она вернулась целой и невредимой — ты сама об этом говорила.

Рыбачка задумчиво кивнула:

— И поэтому жрец сказал, что в нее вселился демон...

— А что ты думаешь обо мне, Лила? Неужели ты считаешь, что я тоже — демон в человеческом обличье? Ты ведь не веришь, что жрец Дандуса имеет право распоряжаться здесь. Вспомни все, что нам внушали с детства, — какое страшное зло приверженцы Дандуса творили в давние времена.

— Да... — Лила повернулась к Твилле и снова посмотрела ей в глаза. — Тогда скажи, зачем ты сюда пришла? Если тебя схватят — тебе грозит кое-что похуже плетей. Нет, мы не разделяем веру Дандуса — но здесь есть и ярые сторонники этой веры, которые немедленно потребуют расплаты за смерть своего жреца. Они наверняка захотят, чтобы его убийцу предали той же мучительной смерти, которую принял проклятый жрец. И многие из них занимают здесь высокие посты. А лорд Хармонд не допустит, чтобы кто-то усомнился в его праве на власть. Зачем ты пришла, Твилла?

Целительница вздохнула:

— Я пришла узнать, о чем думают здешние женщины. Разве по ту сторону гор хоть какой-нибудь мужчина позволил бы, чтобы с его женой так жестоко обращались, а потом еще и добавил бы синяков от себя? Ведь это Йохан ударил тебя по щеке, правда, Лила?

Рыбачка прикрыла щеку ладонью:

— Он очень разозлился из-за того, что у него отобрали треть урожая в счет штрафа. Йохан тяжело трудился, выращивая урожай. И он считает, что вина за это лежит на мне.

— Скольких женщин избили плетями? — спросила Твилла.

— Десятерых — тех из нас, которые стояли в передних рядах и первыми набросились на солдат.

— И никто из мужчин не стал возражать?

— Лорд Хармонд был в ярости... У наших мужчин нет оружия... Солдаты лорда с легкостью изрубили бы недовольных в капусту. И кроме того...

— И кроме того, некоторые мужчины, как и Йохан, считали, что их жены заслуживают такого наказания — да?

Лила пожалала плечами и, поморщившись от боли, призналась:

— Да, и это тоже...

— Женщины не должны быть такими беспомощными! — Твилла указала на свою сумку. — И они могут положить конец этой борьбе. Жители леса хотят только одного — чтобы их оставили в покое. Они обладают волшебной силой и применяют свою магию, если их вынудят — но только в этом случае. Клянись тебе, это правда!

Лила долго молчала.

— Без деревьев нам не обойтись, — сказала она наконец. — А в ручье нашли золото...

— Но ведь можно торговать, обмениваться товарами — а не воровать! — просто ответила Твилла. — И можно не рубить живые деревья. Ведь после сильного ветра в лесу каждый раз падает много сухих деревьев. А золото... Можно обменивать металл на что-нибудь другое.

— Так тебя прислали сюда, чтобы ты это предложила?

— Меня прислали женщины лесного народа.

— Их женщины? Эти ведьмы, которые привораживают наших мужчин! С чего бы это им желать нам добра?

— Те мужчины, которых они завораживали, приходили в лес с топорами и рубили живые деревья — я об этом уже говорила. Наши люди точно так же набросились бы на любого, кто стал бы разорять их фермы. Женщины леса прислали меня, чтобы я передала вот это... Они хотят, чтобы наши народы заключили перемирие и собрались на переговоры — спокойно и открыто обсудить дела, которые здесь творятся, и прийти к согласию.

— Лорд Хармонд ни за что не согласится на это.

— А если лорд Хармонд обнаружит, что у него осталось слишком мало сторонников, — что он тогда скажет?

— Лорд имеет право призвать всех мужчин себе на службу. И он уже сделал это — в течение двенадцати дней Йохан и другие должны явиться в форт.

— Фермы разбросаны на очень большом расстоянии друг от друга. Что будет, если мужчины не придут по приказу лорда? Удастся ли ему согнать их в крепость?

Лила медленно покачала головой:

— Солдаты убьют всех, кто не подчинится приказу лорда.

— Нет — если лорд Хармонд будет занят другими делами. И скажу тебе правду, Лила, — неужели ты думаешь, что та сила, которая одолела черного жреца Дандуса, останется в стороне и позволит лорду Хармонду творить что ему вздумается?

— Так ты на стороне демонов! — В голосе Лилы прозвучали мрачные нотки.

— Я ни на чьей стороне. Я желаю только одного — чтобы все жили в мире и добром согласии. Ведь я — целительница и не могу убивать, если только против меня не обратятся силы тьмы, как это было возле костра. Нет, я говорю не о своей магии, а о магии лесного народа. Их волшебство очень могущественно, и они, конечно же, используют магическую силу для защиты своих владений. Так и будет — если лорд Хармонд выступит против них войной, пошлет своих солдат губить лес... Лила! — Твилла расстегнула сумку и вынула один из волшебных медальонов. — Я принесла тебе подарок от женщин лесного народа. Женщине, которая носит такой медальон, не придется опасаться мужчины, с которым она близка. Мужчина будет прислушиваться к тому, что говорит его супруга, и никогда не

поднимет на нее руку. С помощью этого амулета женщина получит от своего мужчины все, что захочет.

Лила с подозрением посмотрела на медальон:

— Это колдовская вещица... И что женщина должна с ней делать?

— С помощью таких медальонов женщины смогут спасти жизнь своим мужчинам, сохранить мир и порядок в своем доме. Клянусь тебе, Лила, в этом медальоне нет никакого черного колдовства. Мужчины, которые склонны к жестокости, станут добрее и будут лучше относиться к своим подругам. Разве ты не хочешь, чтобы Йохан снова стал таким, как прежде, — помнишь, ты рассказывала о нем во время нашей первой встречи у вас на ферме? Или тебе больше по нраву, чтобы он оставался таким, как сейчас, — я слышала, как он с тобой разговаривает...

Лила медленно протянула руку к амулету, но не взяла его. Она подняла голову и посмотрела Твилле в глаза. Целительница заметила, что в голубых глазах Лилы стоят слезы.

— Мы были... счастливы. Счастливы — пока не пришел проклятый жрец Дандуса. Да, это правда, — многие женщины... Да почти все! Они обижены и злятся на своих мужей. Мы рождаем детей не для того, чтобы их сжигали на кострах! А он... Клянусь тебе, проклятому колдуну нравилось то, что он делал с бедной девочкой!

— Такова природа тьмы, — Твилла кивнула, соглашаясь.

— Йохан возмущался, когда нас, женщин, согнали, словно стадо, и повели к тому костру... Но наши мужчины тоже были под стражей. А тогда... Тогда, когда жреца не стало и мы отвоевали себе свободу... Нам недолго удалось удержать обретенное. Когда солдаты схватили нас, лорд Хармонд велел привести к себе наших мужей. Он приказал им держать жен в страхе и покорности, иначе придется платить еще большие штрафы. А нас избили и с позором провели по городу... Йохан... Он как-то переменялся с тех пор. Целительница, ты многое знаешь... Как по-твоему — не могло случиться так, что когда проклятый жрец провалился в уготованный ему ад, его злобный дух остался здесь и подействовал на наших мужчин?

Твилла содрогнулась и прижала зеркальце к груди. О таком она даже не подумала. Если это правда, то дела обстоят гораздо хуже, чем казалось.

— Я не знаю... — медленно ответила она. — Но если это правда, тогда, Лила, этот амулет будет для тебя вдвое ценнее. Может быть, амулет даже поможет развеять тень, коснувшуюся твоего Йохана!

— Амулет... У нас тоже были амулеты — для рыбной ловли. Это были Глаза Дууда, девятихвостой змеи. Они приносили удачу на море. — Лила снова поднесла руку к распухшей щеке. — Если... Если тьма коснулась моего Йохана — я буду сражаться за него! И я испробую твой амулет, целительница.

Рыбачка взяла медальон, и Твилла вздохнула с облегчением. Она до последней минуты сомневалась, что сможет исполнить поручение Карлы и Каты. Но ей все-таки удалось убедить Лилу принять волшебный подарок женщин из леса.

— Лила... — Целительница наклонилась к подруге. — Здесь есть еще такие же амулеты. Они — для женщин, которые страдают из-за того, что лорд Хармонд гневается на их мужей. — Твилла встряхнула сумку, и внутри что-то зазвенело. — Как эти медальоны можно передать тем, кто больше всего в них нуждается?

— Базарный день! — сразу же вспомнила Лила. — Может, конечно, Йохан захочет оставить меня дома... Но если эта штучка подействует так, как ты сказала, и Йохан станет меня слушаться — тогда я уговорю его взять меня в город, на рынок. Там я встречу с теми, кому можно доверять, и передам им твои слова и эти подарки. Твилла, я верю тебе и верю, что ты сказала мне правду. Хорошо бы, чтобы все так и было...

— Так и будет! Поговори с Йоханом, скажи, чтобы другие женщины тоже поговорили со своими мужьями — о мирных переговорах, о том, что можно торговать, обмениваться товарами. У лорда Хармонда, конечно, есть солдаты — но и воля народа во многом может повлиять на планы лорда.

— Я сделаю все, что смогу. Если этот медальон вернет мне прежнего Йохана — значит, Твилла, ты снова проявишь себя как истинная целительница!

— Эй! Ты кто такой? Ты проскользнул, как змея, в мой дом, пока хозяина не было!

Твилла развернулась на стуле. Лила ахнула. Дверь, которую они плотно прикрыли, бесшумно распахнулась, а женщины были так увлечены разговором, что совсем не заметили этого. На пороге стоял мужчина, в котором Твилла узнала мужа рыбачки Лилы.

Йохан шагнул в дом, сердито сдвинув брови.

— Скалла был добр ко мне и напомнил, что я должен прихватить медяки, чтоб уплатить за еду, — продолжал Йохан. — И вот я снова застукал тебя, женщина! Кто этот парень, которого ты привела сюда, чтобы опозорить мой дом?

Твилла вскочила и схватилась за зеркальце, хотя ей очень не хотелось причинять Йохану какой-нибудь вред.

— Твоя супруга вовсе не позорит тебя, — быстро ответила она. — Я — целительница...

— Что за ерунда! В здешних краях не бывает никаких целительниц! С какой фермы ты сбежала, женщина? — Йохан подошел к Твилле и криво усмехнулся. — Твой хозяин уже наверняка разыскивает тебя, и он будет благодарен мне за то, что я изловил беглянку.

— Йохан!

Мужчина быстро повернулся к Лиле:

— А ты, женщина... Я вижу, ты так ничему и не научилась... — Йохан замолчал на полуслове и вдруг перестал хмуриться. Он как будто сразу помолодел и стал не таким уверенным в себе.

Лила спрятала амулет в ладони и прижала руку к груди, словно хотела всеми силами своего тела сделать волшебство еще действеннее.

— Йохан... Почему ты сердисься, Йохан? — Рыбачка обошла вокруг стола и остановилась рядом с мужем.

Йохан, казалось, немного растерялся. Он потер рукой лоб, тряхнул головой.

— Я... Я не знаю... Нам не из-за чего ссориться...

— Нам с тобой не из-за чего ссориться, правда ведь, Йохан? — Лила стояла прямо перед ним. Она подняла руку и нежно погладила мужа по щеке. — Ты ведь больше не сердисься на меня, правда, Йохан?

Мужчина вдруг улыбнулся, положил руки Лиле на плечи и притянул ее к себе.

— Правда, Лила... — пробормотал он, сжимая жену в объятиях. — Не знаю, какой темный демон тянул меня за язык... И... Я сделал вот это... — Йохан чуть отстранился от Лилы, взял ее рукой за подбородок и повернул лицом к себе, а другой рукой осторожно дотронулся до распухшей щеки. — Лила, мною точно овладел какой-то демон! Прости меня, Лила, моя милая жена! — И Йохан снова обнял ее.

А Твилла крепко задумалась. Йохан клялся Скаллой — а это было имя древнего темного божества. Неужели Лила права и после смерти черного жреца его зло рассеялось среди других людей?

— Все хорошо, Йохан. — Лила тоже погладила его по щеке. — Мы больше не будем ссориться. Мне очень жаль, что тебе пришлось заплатить штраф, но я не жалею о том, что вместе с другими женщинами встала на защиту маленькой Ванди. Нельзя допустить, чтобы кто-то мучил детей ради собственной выгоды.

— Конечно, — кивнул Йохан. — Не понимаю, почему никто из нас, мужчин, не защитил девочку, как это сделали вы, женщины? Нами завладели демоны. И если наш лорд требует за такое штраф — значит, он тоже поддался влиянию темных сил.

— Тише! — Лила прикрыла его рот ладонью. — Не вздумай говорить такое — но и не забывай об этом. А теперь... — Она немного отстранилась от мужа. — Это действительно истинная целительница, и зовут ее Твиллой. Она пришла, чтобы помочь нам чем сможет.

— Но здесь нет женщин-целительниц! Лорд Хармонд не допустил бы такого.

— И все же вот она, перед тобой, — продолжала Лила. — Она умеет лечить людей и животных, как те целительницы, которые живут по ту сторону гор. Ты собирался к Роамнорам, чтобы они помогли с нашей овцой... Может быть, пусть Твилла посмотрит, что с животным?

Йохан повернулся к Твилле, оглядел ее одежду, потом посмотрел в лицо и сказал:

— Ну что ж, ладно... Если ты, целительница, вылечишь мою лучшую овцу, я не останусь в долгу.

Вся злость Йохана куда-то пропала, словно ее и не было, так что Твилла больше не сомневалась в действенности амулетов.

Девушка пошла за Йоханом в одну из пристроек, где лежала овца — явно породистое животное, с прекрасной, мягкой желтовато-коричневой шерстью. Овца дышала тяжело и прерывисто.

Твилла сразу же занялась больным животным. У нее больше не было при себе сумки с целебными снадобьями, но все знания, полученные от Халди, остались. Девушка осмотрела овцу и принялась за лечение. Йохан присел на солому с другой стороны от животного и следил за действиями целительницы. Наконец овца громко заблела, взбрыкнула ногами и попыталась встать. Йохан тотчас же помог животному подняться.

Твилла изучила разбросанный по полу мусор.

— Овца поела дурной травы — проверь свои поля, Йохан, сорняки нужно извести. Нам повезло, что она съела не слишком много. Она могла бы отравиться до смерти.

— Да? — Йохан поставил овцу на ноги. — Прими мою благодарность, целительница. У меня есть только несколько медяков, но все, что осталось в копилке, — твое.

Твилла покачала головой:

— Мне не нужна плата, Йохан. Лила — моя давняя подружка, и я просто зашла посмотреть, как у нее дела. Поначалу мне показалось, что у вас в семье не все ладится, но теперь я думаю, что все будет в порядке.

Йохан смутился и покраснел — это было заметно даже на его бронзовом от загара лице.

— Целительница, я не знаю, какое доброе волшебство ты здесь сотворила, но я чувствую, что темных демонов, которые в меня вселились, больше нет. Это было что-то злое, и я словно превратился в другого человека. Но знай, целительница, если пойдешь в город — там немало мужчин, которые думают так, как раньше думал я...

Твилла покачала головой:

— Нет, я не собираюсь в город. Я странствую — все целители так делают, когда где-то нужна их помощь. Но скажи мне, Йохан... Я слышала, как ты призывал в свидетели Скалу, — где ты этому научился?

Йохан покраснел еще сильнее.

— Целительница, об этом много болтают — и на рынке, и в кабачке, и на мельнице. Я... Я слушал, потому что в последнее время мужчины, считай, только об этом и болтают. Но клянусь

тебе, целительница, кровью своей клянусь, что я не принес на жертвенный костер ни зернышка, ни малого ягненка! И я больше никогда не произнесу этого проклятого имени!

— Я верю, ты говоришь правду, Йохан. И все-таки это очень неразумно — призывать темное божество, пусть даже и в пустячном разговоре. Ну что ж, а теперь мне пора идти... — Девушка повернулась к Лиле, которая стояла в дверях сарайчика. — Лила, кажется, я больше здесь не нужна.

Лила подошла и взяла ее за руку.

— Целительница, какое счастье, что мы встретились! Прими нашу сердечную благодарность и самые лучшие пожелания. И знай — не все наши соседи отнеслись бы к тебе так же хорошо.

Йохан энергично закивал, соглашаясь.

— Следующая ферма за нашей принадлежит Роамнору. А он... Он сам, по своей воле, и очень охотно, давал подношения жрецу Дандуса.

— Спасибо, что предупредили. Лила, не давай себя в обиду. Может статься, в скором времени нам придется одолеть еще много новых неприятностей.

Йохан и Лила хотели дать Твилле с собой немного еды и хорошее шерстяное одеяло, но целительница не приняла их подарков. Когда она проходила через ворота, три крылатые ящерицы вспорхнули с каменного столба и снова закружились у нее над головой. Твилла обернулась и помахала рукой, прощаясь с Лилой и Йоханом, которые стояли у двери своего дома. Если амулеты так же хорошо действуют и у других женщин, то все действительно может получиться, на что и надеялись Ката и Карла.

СОЛНЦЕ ПОДНЯЛОСЬ уже совсем высоко. Твилла уже так привыкла к тенистым сумеркам леса, что открытая солнечным лучам равнина казалась ей мрачноватой и немного зловещей. Девушке захотелось пойти напрямик к ближайшему островку леса, темному и тенистому. Но она колебалась — ведь если она

направится вот так, прямо через поле, ее сразу же заметит любой патруль.

Ящерицы тоже как будто предчувствовали опасность — они не присаживались девушке на плечи, а все время кружили у нее над головой. А потом крылатые ящерицы внезапно собрались все вместе и спикировали сверху прямо на Твиллу. Девушка пригнулась, но ящерицы не успокоились. Они еще раз повторили тот же маневр — и Твилла присела на корточки. Ящерицы снова поднялись повыше и спикировали прямо на нее, так что девушка уже ползла на четвереньках, а потом и вообще плашмя, прижимаясь к земле. Ящерицы заставили ее втиснуться в яму возле остатков размытой дождем земляной изгороди.

Сами ящерицы тоже припали к земле и быстро переменяли цвет, маскируясь на темно-коричневом фоне почвы. Твилла поняла, что ящерицы заметили с воздуха какую-то опасность и хотели ее предупредить. Она плотнее вжалась в землю. И вскоре всем телом почувствовала, как вздрагивает земля под копытами коней.

Потом Твилла услышала звяканье доспехов, фыркание лошадей и человеческие голоса.

— Капитан велел охранять поля у тех подпалин...

— Да ну, ты че? Кто туда попрется, в такую даль? И к самому лесу...

Мужчины говорили резкими, хриплыми голосами, с характерным выговором — точно так же разговаривали наемники, которые сопровождали караван с королевскими невестами в путешествии через горную гряду. Твилла распласталась на земле, стараясь вжаться в вымоину как можно плотнее. Она очень надеялась, что темно-коричневый цвет ее одежды не слишком выделяется на фоне земли и солдатам будет нелегко ее заметить.

— Они все равно не вылезут из леса, — сказал солдат, который заговорил вторым. — Да и с чего бы им оттуда вылезать?

— Это точно, вылезать из лесу им не обязательно, — заметил кто-то еще. — Вы же были там, когда демоница отправила его светлость в его же собственный костер. А мы-то приперлись туда порубать демонов, которых его светлость должен был выкурить из лесу своей магией! Ну, и кто ж тогда получил сполна, а? Кто, я говорю, как не сам его светлость!

— Ты бы помалкивал, Рольф, — сказал его приятель. — У тебя слишком большой рот, закрой его на замок — пока не попал за решетку из-за пустой болтовни. Его лордству не понравится, если всякие тут начнут болтать о том, как мы тогда обделались.

— Какая ж это пустая болтовня, когда я сам там был и все видел своими глазами! — ответил тот, кого назвали Рольфом. — Если не веришь — пощупай шишку у меня на голове. Эта баба дура дурой, а крепко меня приложила... У нее хороший замах.

— Привыкла сено косить. Потаскаешься с косой по полю — не такой еще замах наработаешь. Но наш лорд здорово их проучил. Больше не вздумают бунтовать. Сперва им высыпали плетей на площади, а потом еще и мужья дома добавили горячих — кто ж обрадуется, когда с тебя сдирают штраф? Эти грязные землекопы платить не любят.

— Каспер вчера вечером такое болтал...

Голоса не приближались, но звучали очень громко и отчетливо. Твилла решила, что солдаты остановились неподалеку от разрушенной ограды, за которой она пряталась, — хотя это укрытие было очень ненадежным.

— У Каспера мозгов как у болотной лягушки. Все, что он болтает, надо вывернуть наизнанку — тогда, может, и выудишь одно-два умных слова, если повезет. Так о чем он тебе наплел на этот раз?

— Он говорил, будто бы жрец обзавелся в лесу дружком. И жрец ни за что бы не взялся разжигать этот костер, если б его не убедили, что затея сработает.

— Ну, а вышло все наоборот. Из леса пришла баба и задала ему хорошую взбучку. Заметь — это была баба. Может, у них в лесу бабы будут драться вместо мужиков? Вот над этим стоит покумекать. Каспер не говорил, от кого он такое слышал?

— Он же стражник в башне и слышал как-то, о чем жрец говорил с лордом. Но ближе всех жрец сошелся не с лордом, а с нашим капитаном. А в последнее время капитан с лордом что-то не особо дружат.

Твилла услышала грубый хохот.

— Интересно, с чего бы это? Ежели б мой папаша заставил меня спать с такой кошмарной уродиной, я бы тоже не обрадовался! Я эту девку хорошо рассмотрел, когда ее выводили на

помост. Морда такая, что любого наизнанку вывернет. Повезло капитану, что эта уродина удрала с порченным Илоном. Оба утопили в речке... Да, повезло капитану. Этот Илон — он раньше был хорошим офицером, пока демоны его не испортили. Он был совсем не такой, как нынешний капитан...

— Лорд надеется на боевые повозки. Они уже недалеко от города. Загоним их в лес и повырубим там все подчистую — и проклятые демоны больше ни до кого не доберутся со своим колдовством. Может, лорд тоже знает с тем лесным приятелем жреца и выведал у него секреты демонов? Тогда мы будем знать, что нас ожидает в лесу. Ну что, хватит нам тут толочься? Уж все осмотрели, а эта проклятая лошадь так брыкается, что у меня вся задница отбита. Поехали, что ли, пока эта тварь меня не сбросила...

— И чего это они будто с ума посходили?

Никто ему не ответил, и солдат спросил снова:

— Чего это они? Как с ума посходили...

Тот, кто ответил, говорил негромко и медленно, словно боялся, что ему не поверят.

— Летучие твари... Они нападают на лошадей — и на людей тоже... Глянь, какие отметины у меня на шее — видишь, точь-таки такие маленькие? Следы еще остались, но уже не болит и не чешется.

— Какие такие летучие твари?

— Слушай, я не хочу, чтоб меня вызывали к капитану на вздрючку — за то, что я болтаю о таком, чего, как он думает, на самом деле не бывает, хотя его они тоже поцарапали. Просто знай, что это такие маленькие летучие твари, и они прилетают из леса. Они набросились на нас и помешали изловить ту демоницу, которая угробила жреца.

— Летучие твари — надо же! — повторил Рольф. — Ну, что бы это ни было, но оно и вправду поработало над отрядом капитана.

Его приятель только хмыкнул, а потом Твилла услышала удаляющийся топот копыт. Девушка не шевелилась, пока одна из ящериц не вспорхнула в воздух. Тогда Твилла решила, что стражники уехали уже достаточно далеко и можно вставать.

И все же, прежде чем идти дальше, она внимательно осмотрела равнину впереди и выбрала такой путь, чтобы всадники

ее не заметили. Твилла растерла ладонями лицо — пока она неподвижно лежала в траве, мошки-кровопийцы устроили на ней настоящее пиршество.

Дойдя до того места, где когда-то горел большой костер, Твилла старательно обошла все выгоревшие места. Хотя от костра осталось только пятно почерневшей земли, ведунья не имела ни малейшего желания приближаться к месту, где жрец Дандуса творил свое черное колдовство. Интересно, на какого лесного приятеля так рассчитывал проклятый жрец? На Лотис? Может быть, гнилой огонь, который уничтожил Илон, был как-то связан с жертвенным костром жреца Дандуса? Сила тянется к силе... Наверное, Лотис своим колдовством сумела призвать к себе черного жреца.

Наконец Твилла добралась до окраины леса и прошла в глубь зарослей. Прохлада и полумрак леса показались ей благословенным бальзамом после нестерпимого зноя равнины. Твилла оперлась о толстый ствол гигантского дерева. Ящерицы тоже уселись на дерево, зацепившись коготками за шершавую кору, — и тотчас исчезли из виду.

Теперь Твилле нужен был проводник, который показал бы ей путь обратно к огромному дереву. Может быть, ящерицы сослужат эту службу? Но ящерицы не летели дальше. Твилла почему-то ожидала, что Ката и Карла ее встретят, но оказалась совсем одна в лесном сумраке, пронизанном серебристыми туманами. Поблизости никого не было видно. Твилле захотелось, чтобы она тоже умела использовать серебристые туманы для перемещений, но это волшебство было ей неподвластно. Девушке ничего не оставалось, кроме как идти пешком сквозь чашу леса. Она надеялась, что рано или поздно встретится с кем-нибудь из стражей лесных границ, и это будет человек, а не чудовище вроде того, что настигло ее неподалеку от берега реки.

Над равниной солнце светило очень ярко и жгло невыносимо. Здесь же, в лесу, царили полумрак и приятная прохлада. Но Твилле понадобилось какое-то время, чтобы глаза вновь привыкли к такому тусклому свету. Повсюду клубились серебристые туманы, и девушка не могла как следует рассмотреть дорогу впереди. Твилла петляла между стволами деревьев и очень надеялась, что идет в нужном направлении.

Внезапно девушка уловила тонкий аромат и тотчас же замерла на месте. Она вскинула голову и принюхалась. Этот запах невозможно было забыть — пряный и сладкий аромат, который всегда оставался там, где побывала Лотис. Твилла не обладала собачьим нюхом и не могла выследить человека по запаху. Но она пошла дальше очень медленно, все время принюхиваясь. Ее руки сами потянулись к зеркальцу. Твилла не сомневалась, что злая колдунья затеяла какую-то пакость. И поскольку никто из лесного народа, похоже, не помешал ей...

Твилла облизала внезапно пересохшие губы. Она даже не думала, что сумеет противостоять колдунье, которая много лет наращивала свою магическую мощь и превзошла в этом искусстве большинство своих сородичей. Разумнее всего было бы развернуться и бежать подальше от того места, где побывала Лотис. И все же Твилла продолжала упорно шагать туда, куда манил ее тонкий аромат. Девушка старалась двигаться бесшумно. Три ящерицы, как и прежде, кружили у нее над головой. Они вели себя совершенно спокойно и не подавали никаких знаков, предупреждающих о приближении опасности.

Толстый ковер палой листвы, по которому ступала девушка, неожиданно стал неровным — словно кто-то сгреб листья в большие кучи, которые высились между деревьями. Пройдя еще дальше, Твилла увидела, что в некоторых местах земля вообще очищена от листьев, скопившихся за много лет, и в ней проступают верхушки округлых камней. Камни лежали один за другим, как будто кто-то огородил ими узкую дорожку.

Твилла остановилась. Едва заметный запах духов Лотис по-прежнему витал в воздухе, но к нему примешивалось что-то еще, очень неприятное, вызывающее дурноту. Девушка не пошла по так явно обозначенной дорожке, даже не ступила на нее. Когда имеешь дело с волшебными силами, нужно всегда быть настороже.

Ящерицы подлетели к Твилле и снова устроились у нее на плечах и на голове. Было ясно, что им тоже вовсе не хочется двигаться дальше — как и самой Твилле.

Отмеченная камнями дорожка вилась между деревьями и исчезала из виду всего в нескольких шагах от того места, где стояла девушка. Туманы... Нет... Твилла присмотрелась повнимательнее к тому, что клубилось между деревьями у дальнего

конца тропинки. И она вспомнила! Когда Карла пробилась в темницу в лесном дворце, куда Лотис заточила Твиллу и Илона, туманный вихрь, который перенес туда лесную волшебницу, имел такой же неприятный желтоватый оттенок.

Однако... Девушка оглянулась через плечо. Да, в лесу были совсем другие туманы, они светились незапятнанным серебром, в то время как эта мгла, повисшая над тропинкой, явно несла на себе отпечаток чего-то дурного и темного.

Что же это? Какая-то преграда? Ловушка?

Твилла разрывалась на части — ей хотелось пойти вперед, с волшебным зеркальцем в руке, и попробовать развеять зловещую мглу... Или все же разумнее отступить?

Пока она стояла, раздумывая, что делать, внутри зловещего тумана что-то запульсировало и забилося. Неужели кто-то попался в эту ловушку?! Твилла сразу вспомнила о мушках, которые попадают в паутину. Значит, внутри этой туманной мглы томится пленник? Теперь Твилла просто не имела права оставить жертву Лотис без помощи.

Девушка достала заветное зеркальце, подняла его перед собой и шагнула на дорожку, которая вела к зловещему клубку тумана. Ящерицы взмыли вверх. Теперь они не налетали на Твиллу, заставляя пригнуться — как тогда, когда им встретился патруль. Сейчас ящерицы просто кружили в воздухе вокруг девушки.

Твилла заметила, что мрачная паутина тумана не отступает и биение внутри нее становится все более неистовым. Твилла скинула зеркальце, навела его на колдовской туман и замешкалась. Она не спешила призывать волшебную силу. А вдруг тот, кто опутан злым туманом, еще больше пострадает от ее вмешательства?

Пройдя три шага, Твилла оказалась между двумя камнями высотой ей по грудь. Камни блестели, словно политые водой. Запах, исходивший от существа, пойманного в туманную паутину, заглушил тонкий аромат духов Лотис. Твилла остановилась и присмотрелась, пытаясь разглядеть, кого же Лотис поймала в свои сети. Но увидела только какую-то тень, которая металась внутри клубка желтоватого тумана и как будто размазывала руками.

Твилла ощутила укол страха — но это было не ее собственное чувство, а чье-то еще. И девушка поняла, что нельзя терять время. Узник колдовской паутины охвачен ужасом.

Держа перед собой зеркальце, Твилла подошла поближе к пленнику тумана. Ящерицы кружились над ней, но не пикировали вниз, не пытались предупредить об опасности. Девушка сосредоточила всю свою волю на маленьком серебряном диске, который держала в руке.

Над зеркальцем за клубилась серебристая дымка и начала вращаться, подобно вихрю, постепенно набирая силу и неистовство ураганов, какие бушуют во внешних землях. Потом серебристый вихрь оторвался от зеркальца и, бешено крутясь, устремился вперед.

Сотворенный зеркальцем ураганный вихрь столкнулся с клубком зловещего тумана. Пленник внутри забился еще отчаяннее. От того места, к которому прикоснулся серебристый вихрь, по туманному клубку побежали трещины, становясь все глубже и шире. Туманный клубок содрогался от движений существа, запертого внутри. Но вот мерзкий колдовской туман разлетелся на мелкие клочья и отступил, а освобожденный пленник вырвался из пут.

Твилла увидела, что существо, которое попало в ловушку Лотис, — птица. Крылья ее были сложены, и птица ходила на двух ногах, переваливаясь из стороны в сторону. Что это была за птица! Как здешние гигантские деревья, равных которым не росло ни в каких других местах, так и птица эта во много раз превосходила размерами все другие существа, наделенные крыльями.

Вырвавшись из тумана, птица взмахнула огромными крыльями — каждое длиной в рост высокого мужчины. А туловище невиданной птицы по размеру превосходило всю Твиллу. Птица раскрыла клюв, и девушка увидела, что по краю клюва тянутся заостренные зубцы — от этого клюв казался похожим на зубастую пасть. Птица запрокинула голову и издала крик, который Твилла слышала уже не раз, — это был анисгар!

Птица шла прямо на девушку, и Твилле волей-неволей пришлось отступить. Девушка немного испугалась. А вдруг анисгар подумает, что это она заманила его в ловушку? Ящерицы отлетели от Твиллы и закружились над гигантской птицей. Анис-

гар, конечно же, не мог взлететь здесь — в чаще леса деревья росли так тесно, что огромная птица не могла даже полностью расправить крылья.

Анисгар остановился. Он прокричал только один раз и больше не издал ни звука. А потом вдруг изогнул длинную шею и с немыслимой быстротой ткнулся страшным клювом в зеркальце Твиллы. Все произошло так быстро, что девушка ничего не успела предпринять. Но мощный клюв прикоснулся к зеркальцу очень легко — просто прикоснулся, не ударил. Твилла даже немного удивилась.

Птица долго стояла вот так, поднеся клюв к зеркальцу. Потом анисгар поднял голову чуть повыше, и на Твиллу уставились огромные золотистые глаза, отсвечивающие огненно-красным. Птица несколько раз кивнула головой, и Твилла наконец-то сообразила, чего от нее хотят. Гигантское создание было слишком велико, чтобы обойти вокруг девушки, но отчаянно стремилось вырваться на свободу — а путь к свободе был у Твиллы за спиной.

Твилла начала отступать назад, по-прежнему сжимая руках волшебное зеркальце. Анисгар шагал за ней следом. Они уже миновали отмеченную камнями дорожку и вышли в чашу леса. Но и здесь анисгар не смог бы взлететь. Огромная птица шла, тяжело переваливаясь с одной лапы на другую. Твилла прижалась к стволу дерева, и анисгар прошагал мимо, едва не задев ее крылом. Птица целеустремленно двигалась в одном направлении, явно прекрасно зная, куда идет.

Твилла уже совсем успокоилась, и в ней проснулось любопытство. Девушке захотелось узнать, куда же так стремится анисгар. На мягком ковре прошлогодней листвы не осталось никаких следов в том месте, где прошла Твилла, и кроме того, анисгар сам выбрал путь сразу после того, как они покинули отмеченное камнями место.

Твилла почему-то нисколько не удивилась, когда гигантская птица вывела ее на небольшую полянку, образовавшуюся в лесу после того, как бурей повалило одно из огромных деревьев. Анисгар вспрыгнул на заросший зеленым мхом остов упавшего дерева и снова издал пронзительный клич.

На полянке закружился туманный вихрь, и оттуда вышли Оксил и Карла.

— Приветствую тебя, Риттенган! — сказал лесной лорд, а потом заговорил с анисгаром на странном языке, совершенно незнакомом Твилле. Огромная птица наклонила голову, и Оксил почесал ее длинную шею, покрытую серыми перьями. Вдруг Оксил отнял руку, понюхал свои пальцы и нахмурился.

Карла уже разглядела за мощным телом птицы Твиллу.

— Дочь Луны!

Оксил посмотрел туда же, куда и Карла.

— Где... — заговорил он и оборвал себя. — Анисгар был пленен, и ты освободила его, дочь Луны?

Твилла коротко рассказала о вязком желтоватом тумане, об аромате духов Лотис, который привел ее к ловушке, и о том, что она сделала с помощью волшебного зеркала.

— Лотис! — В голосе Карлы прозвучало нескрываемое отвращение.

— Лотис... — мрачно произнес Оксил. — Ее силы возросли до невысказанных пределов. Тайные знания Харгела ныне закрыты для нее... Из какого же иного источника...

Твилла перебила его:

— Она многому научилась у жреца Дандуса. Я случайно подслушала разговор солдат — жрец хвастал, что у него есть какой-то «друг» в лесу.

— Этот человек мертв, — возразил Оксил.

— Но сколько темных тайн он успел передать Лотис, пока был жив? — сказала Карла. — Мы не знаем. А те, кто следует путем темного колдовства, умеют по-своему таить свои силы и знания. Они кажутся менее могущественными, чем на самом деле, — до той поры, пока кто-либо не испробует их силы. Лотис захватила в плен твоего посланца... — Карла указала на птицу. — И если бы по счастливой случайности дочь Луны не оказалась рядом, кто знает, что случилось бы с нашими планами?

Оксил еще больше помрачнел и плотно сжал губы. Он ничего не ответил Карле, только протянул руку к серой птице. Анисгар выгнул шею и опустил голову на руку лесного лорда. Оксил пристально посмотрел в золотистые глаза птицы. Так продолжалось довольно долго. Твилла с Карлой стояли рядом и наблюдали за происходящим.

Но вот анисгар вновь поднял голову и еще раз издал пронзительный крик. Потом гигантская птица прыжками перебралась на основание упавшего дерева, где толстые, вывороченные из земли корни поднимались довольно высоко. Карла отступила к самому краю прогадины. Оксил жестом велел Твилле отойти подальше. Девушка тоже отошла на край поляны — только с другой стороны. Анисгар взмахнул крыльями, быстро пробежался вдоль ствола, подпрыгнул — и круто взмыл вверх. Твилла не поверила бы, что птица может взлететь из такого положения, если бы не видела своими глазами, как гигантский анисгар понесся вверх, к узенькой полоске неба, просвечивающего между кронами деревьев. Поднявшись к вершинам деревьев, птица еще раз крикнула и исчезла из виду.

Карла повернулась к Твилле.

— Удачно ли прошло твое путешествие, дочь Луны? — спросила лесная волшебница.

Твилла рассказала о том, как встретила с Лилой и Йоханом. Она заверила Карлу, что Лила позаботится о том, чтобы остальные амулеты как можно скорее попали к другим женщинам. Оксил выслушал все это и снова помрачнел.

— Какие силы ты привлекла к этому волшебству, Карла? — спросил он.

— Чары верхнего мира, объединенные с магией подземного народа, — спокойно ответила лесная леди. — Мне помогала Ката. Это женская магия, и мы применили ее по назначению — здесь и сейчас.

— Вам не стоило вмешиваться... — начал было Оксил, но Карла перебила его:

— Вмешиваться! Мы сделали то, что было необходимо. Именно потому, что никто не додумался вовремя «вмешаться», нам теперь приходится бороться против происков этой негодной Лотис, у которой помутился рассудок! Вот кого надо было давным-давно привлечь к ответу за то, что она вмешивается в чужие дела!

— На то есть закон. — Оксил, казалось, смутился. Он ничего не мог ответить на обвинения, которые выдвинула Карла.

— Мы во всем придерживались законов, и чем это могло для нас закончиться? — продолжала нападать Карла. — Лотис презрела все законы, и теперь в наших рядах — раскол и сомнения. И это тогда, когда мы должны все вместе встать на борьбу с чужеземными захватчиками! Ката обладает своей собственной магией, которая неподвластна нашим законам. А я думаю, что эти законы нарушены давным-давно, и нам теперь пригодится любое оружие, какое только удастся отыскать, — только бы оно помогло защититься от чужеземцев. Наши амулеты не причинят никакого вреда, они только делают жизнь чужеземных женщин более спокойной и счастливой. И сила этих амулетов не бесконечна. Но ее должно хватить до тех пор, пока чужеземцы хоть немного не образумятся.

Доводы Карлы не убедили лесного лорда.

— Ты совершила это по собственному почину, — ответил ей Оксил. — И если что-то пойдет не так с этими амулетами, вся вина падет на тебя.

— А на тебе и на всем нашем Совете лежит вина за те черные дела, которые уже натворила Лотис и творит до сих пор! — резко возразила Карла. — Вспомни, она ведь решилась даже захватить в плен твоего личного посланца, анисгара! Что, если бы он никогда больше не вернулся к своему гнездовью? Тогда все твои планы, Оксил, пошли бы прахом.

Оксил пожал плечами:

— Одну ошибку нельзя исправить другой. Лотис действительно не признает никаких законов. Но я не допущу, чтобы другие тоже распорядились своими чарами как им вздумается. Возможно, твои амулеты помогут нам выиграть время и внесут разлад в ряды наших врагов. Мы подождем и посмотрим, что получится. — Этим предостережением Оксил закончил разговор об амулетах и вновь повернулся к Твилле: — Какие новости ты узнала о железных повозках, которые, как сказал Илон, чужеземцы хотят направить против нас?

Твилла повторила все, что услышала от Йохана и от двух солдат из патруля.

Три крылатые ящерицы снова решили передохнуть — две опустились девушке на плечи, а третья, как всегда, вцепилась коготками в вязаную шапку на голове Твиллы. Ящерицы си-

дели, сложив крылья и высоко подняв головы, — они словно прислушивались к каждому слову и, казалось, понимали все, что говорили люди.

Когда Твилла закончила свой рассказ, Оксил снова протянул руку — точно так же, как тогда, когда подставлял ее под голову анисгара. Одна из ящериц — та, которая украшала собой вязаную шапочку Твиллы, — тотчас же вспорхнула и перелетела на ладонь Оксила. Лесной лорд поднял руку к лицу, так что голова ящерицы оказалась на уровне его глаз, и снова, как это было и с анисгаром, стал пристально всматриваться в глаза маленькой ящерицы.

Ящерица внезапно взмахнула крыльями и поднялась в воздух. Две другие ящерицы тоже вспорхнули — и они все вместе быстро скрылись в ближайших зарослях. Когда ящерицы улетели, Твилла сразу почувствовала, как ей их не хватает.

— А теперь давайте осмотрим эту ловушку для истинной магии, — предложил Оксил. — Мы должны убедиться, что она не сработает снова. Вскоре нам понадобятся все силы, какие мы сможем собрать, и я не хочу, чтобы кто-то еще угодил в подобную западню.

Твилла провела Оксила и Карлу к тропинке, обозначенной двумя рядами зарытых в землю камней. От зловещего желтого тумана не осталось и следа. На месте туманного клубка они увидели кольцо из камней, каждый высотой по плечо взрослому человеку. Земля внутри каменного кольца была не устлана опавшими листьями, а выложена обломками таких же камней, которые образовывали что-то вроде неровного каменного пола. В центре выложенной камнями площадки стоял черный горшок.

Оксил не стал заходить внутрь каменного круга. Он вынул из-за пояса серебряный прутик, заостренный с одного конца, как метательный дротик. Этот дротик Оксил метнул в черный горшок. Дротик с силой ударил в округлый бок горшка, и тот раскололся. Раскололся на мелкие осколки и почти тотчас же рассыпался в пыль.

— Вот так... — сказал Оксил. — Еще одна частичка черного колдовства стерта с лица земли. Но теперь нужно будет отправить людей на поиски — ведь где-нибудь могут быть и другие подобные ловушки, а может быть, и гораздо более коварные.

ТВИЛЛА ВНОВЬ СИДЕЛА за столом в пиршественной зале волшебного замка. Девушка чувствовала, что за ней наблюдают и определенно не позволят принять участие в последующих событиях. Вокруг царила суета — по залу сновали люди леса, но ни один не заговорил с ней. Ни Карлы, ни Оксила нигде не было. Девушка взяла в руки один из кубков, стоящих на столе, и тут увидела входящего Илона. Молодой лорд пробирался через большой зал, держась за ближайшую стену. Приглядевшись к Илону, Твилла заметила в нем те же перемены, какие произошли с ней самой. Его лицо заливала непривычная бледность, оно было гладким, от бороды не осталось и следа. Лорд стал походить на одного из лесных жителей.

Никто не обращал на Илона внимания. И, глядя на неуверенно бредущего мужчину, Твилла до боли сжала в руках кубок, словно хотела смять бока металлической чаши. Затем поднялась и направилась к своему слепому товарищу.

Он замер и слегка повернул голову, направив на девушку невидящий взгляд.

— Твилла, — твердо произнес мужчина, хотя она не успела обмолвиться ни словом.

— Да.

— Что происходит там, за лесом?

Илон перестал держаться за стену и сделал шаг навстречу девушке. Она поспешила взять его за руку и подвести к столу:

— Многое.

Твилла наполнила еще один бокал напитком из кувшина и сунула в руку молодому лорду. Затем вкратце рассказала о своей встрече с Лилой и обо всем, что удалось узнать у рыбачки, а также о подслушанном разговоре между солдатами.

Он спокойно выслушал до конца ее рассказ про пойманного анисгара, оставаясь с виду безучастным.

— Хотя этот человек мертв, — заметил Илон, когда девушка договорила, — но яд, которым он успел напитать души других, никуда не делся. Мой отец...

На мгновение он запнулся, но затем продолжил:

— Мой отец всегда считался человеком справедливым, который старался придерживаться буквы закона. Но эти решения

по поводу жреца, ребенка и костра на опушке отдают каким-то торгашеством. Это чуждо истинному аристократу крови. И хотя он обычно скептически относился к черным знаниям...

Илон нахмурился и опустил взгляд, невзирая на то, что все равно ничего перед собой не видел.

— Эта страна... сам воздух толкает человека на дурные дела, околдовывает тебя. Мне кажется, что отец изменился. Он прекрасно понимает, что творит. И это — хуже всего.

— Его околдовал вовсе не лес, — возразила девушка, — он здесь ни разу не был.

— Нет, не лес. Я готов поклясться, что это дело рук жреца Дандуса, — ответил Илон и отхлебнул из кубка. — Но ведь этот человек умер! А значит, его заклятие должно отпустить всех, над кем он успел захватить власть!

Твилла вспомнила слова Лилы.

— А что, если жрец, погибший от собственного колдовства, успел заронить в души людей собственные мысли и идеи? Если все обстоит таким образом, возможно, вскоре эти черные замыслы ослабеют и все успокоятся?

— Тогда и узнаем, — вздохнув, ответил он.

— Илон, а что с Лотис? — неожиданно спросила Твилла.

Он скривился:

— Не знаю, то ли потому, что я больше не служу ей, то ли потому, что я освободился от влияния леса, но она больше не зовет меня. Хотя она пыталась... Да, еще как пыталась!

Он вскинул голову и в этот миг снова стал прежним — гордым и сильным воином.

Если Лотис больше не властна над ним, может, зрение к нему вскоре вернется? Но Твилла не решилась высказать свою надежду вслух. Для Илона эта тема слишком болезненна, и наверняка он думает об этом постоянно, днем и ночью.

— В город приехали боевые повозки, — произнес молодой лорд, резко меняя тему разговора. — Посланник Оксила видел их. Скоро мой отец начнет действовать. Понимаешь, так вышло, что ему словно бросили вызов и теперь все ждут, как он поступит. Если отец не ответит на вызов, то может лишиться поддержки среди своих людей.

— Сети?

— Подземные жители уже принесли их. Сети расставят у опушки леса. И не далее как завтра утром мы узнаем, что сильнее — магия или оружие.

— У тебя еще есть сомнения? — удивилась Твилла.

— Может произойти все что угодно. Это в большей степени дело случая. По крайней мере серебряные сети уловили одного нарушителя у реки и держат его крепко. Неизвестно, смогут ли они справиться с боевыми повозками.

— Илон, чью сторону ты примешь, если разгорится сражение? — спросила Твилла, не сводя глаз с его лица.

Он ответил не сразу. Сперва осушил до дна кубок и осторожно поставил его на стол.

— Я больше не Илон, сын Хармонда. Отец по собственной воле отрекся от связывающих нас кровных уз. Мне не нравится то, что произошло. Проклятый жрец Дандуса навел порчу на отца. Лес, посредством Лотис, поймал меня в плен. Но теперь я разорвал эти путы и волен в своем выборе. Больше всего на свете я хочу... — Он запнулся и с минуту молча двигал кубок по столу, а затем закончил: — Я хочу, чтобы наконец победила справедливость и наступил мир. Если отец решит расправиться с лесом, так или иначе он проиграет. И это поражение тяжело скажется на всех нас. Хорошо бы заставить его заключить перемирие... Но это непросто. Он должен убедиться, что встретился лицом к лицу с силой, с которой ему не справиться. И в то же время ему надо дать понять, что эта сила никогда не будет нападать первой... Я поговорил с Оксилем. Он пообещал, что... если повозки удастся остановить, то переговоры буду вести именно я...

— И ты думаешь, что отец станет тебя слушать? — спросила Твилла, живо припомнив, как пренебрежительно обращались с Илоном в поселении.

— Если сети оправдают возложенные на них ожидания, у него не останется другого выхода.

А вдруг все решат, что Илон — предатель? Твилла внутренне содрогнулась. Да они же убьют его на месте, не дав сказать ни слова! И все-таки девушка понимала, что Илон стремится сделать хоть что-то значительное, чтобы доказать не только другим, но и самому себе, что отвратительное прозвище «недочеловек» к нему больше неприменимо.

А время не стояло на месте. Твилла не могла бы сказать, как быстро проносится время в лесной твердыне, но была твердо уверена, что за пределами леса, во внешнем мире, оно течет по-другому. Они сидели с Илоном за столом, но больше не разговаривали. Видимо, мужчина с головой ушел в собственные мысли. Лотис... В сердце девушки снова вспыхнула горячая ненависть к этой женщине. Именно Лотис толкнула Илона на этот путь. И что бы ни случилось потом, во всем виновата эта коварная и злая колдунья. Твилле и прежде доводилось испытывать гнев и ненависть, но никогда еще эти чувства не обуревали ее так сильно. Девушка едва сдерживала негодование и ярость.

Но где же может быть Лотис? Получилось ли у лесного народа поймать злодейку, или на пути встали местные законы, сковывающие свободу действий? Правда, все убедились, что Лотис предала своих соплеменников, и теперь жаждут только одного — найти изменницу и расправиться с ней.

Через некоторое время окружающая суэта улеглась и зал начал пустеть. Затем, совершенно неожиданно, в дверях появилась небольшая группа подземных жителей, во главе которой вышагивал Шард. Они несли скатанные рулоны, отблескивающие только что откованным серебром. Над головами вооруженных бойцов порхала стайка ящериц. Как только первая группа вошла в зал, за ней появилась следующая. Посреди комнаты закружился вихрь, из которого выступил Оксил. Повелитель леса поднял руку, приветствуя гостей.

— Рад видеть вас, оружейники! Ваше появление как нельзя кстати. Повозки уже выехали. Вперед!

Он взмахнул рукой, и налетевший вихрь поглотил первую группу вооруженных пришельцев. Не успели подземные воины исчезнуть, как рядом начал зарождаться еще один вихрь.

Илон встал из-за стола. Твилла тоже вскочила на ноги. Когда вторая партия гостей пропала, Оксил повернулся к девушке и махнул рукой, подзывая ее к себе. Она ухватила Илона за руку и потянула вперед. Рядом возник новый вихрь, и молодые люди шагнули в его восхитительное сияние.

В мгновение ока они очутились в сумраке леса, солнечный свет заслоняли густые кроны вековых деревьев. Пря-

мо перед ними зеленели кусты, обозначающие границу лесного царства.

Небо нежно алело, занимался рассвет. Оксил подошел к кустам вплотную. Запрокинув голову, лесной лорд издал раскатистый звук, так похожий на уханье анисгаров, что Твилла, услышав она этот крик в другое время, приняла бы его за настоящий. Из-за кустов донеслось хлопанье могучих крыльев. Птицы сели в высокую густую траву. Над верхушками кустов закачались длинные шеи, увенчанные головами с острыми клювами. Твилла насчитала двенадцать анисгаров.

Оксил остался стоять на месте. Он молчал. Но откуда-то донесся странный, постепенно нарастающий скрежет. Он становился все громче.

Твилла слышала птичьи трели, эхом разносящиеся над равниной. Девушка увидела не только летающих ящериц, трепещущих кожистыми крыльями, но и множество эльфов. Неизвестно, слышали ли крылатые создания какой-нибудь сигнал, но все они устремились на лесную опушку. В лучах восходящего солнца сверкали мириады крыльев. Они слетались к выжженному пятну. Видимо, здесь было условленное место сбора странных повозок.

Девушка понятия не имела, какое участие в предстоящем сражении могут принять эльфы. Разве что сыграют в ту же игру со всадниками, которая так помогла самой Твилле. Удивительные создания собирались над черным пятном большим сверкающим облаком, но дальше не залетали.

Непонятный скрежет стал еще громче. Вдалеке показалась редкая цепочка всадников. Животные передвигались шагом, потому что им мешала высокая трава. При появлении врага эльфы и ящерицы пришли в движение.

Твилла слышала перепуганное ржание лошадей и удивленные крики людей. Ровная линия наступающих сломалась. Видимо, крылатые создания намеренно сгоняли врагов в одну тесную кучу. Лошади обезумели от такого неожиданного нападения. Они взвились на дыбы, сбросили своих всадников и пустились вскачь, спасаясь от летучих врагов.

И тогда все увидели, что находилось позади смявшейся шеренги верховых воинов.

Даже высокая степная трава не могла скрыть неуклюжую и огромную боевую повозку, которая неторопливо ползла вперед.

Следом за первой черной громадой двигалась вторая. За повозкой шагали вооруженные солдаты. Когда боевые повозки и сопровождающее их войско приблизились к выжженному пятну, в воздухе снова замерцали сверкающие крылышки. И хотя Твилла не могла ничего разобрать на таком расстоянии, она поняла, что летучие создания пошли в атаку. Раздались ошеломленные крики солдат, засверкали обнаженные клинки. Видимо, бойцы пытались сбить на землю вертких и опасных летунов.

Твилла не знала, что заставляет повозки двигаться. Они ползли сами по себе, их не волокли лошади. Да и ехали они очень медленно, со скоростью неторопливо идущего человека. А в это время все воины, конные и пешие, сгрудились вокруг ужасных повозок.

Подземный народец бросился вперед. Первая группа разматывала рулон серебристой сети. Они размахнулись и забросили сеть вперед с мастерством опытных рыбаков, которые стремятся покрыть неводом как можно большую часть водной глади.

Шестеро анисгаров поднялись на ноги. Затем они, все, как один, наклонили головы и мощными клювами подхватили сеть по углам. Птицы двинулись к вражеским повозкам, волоча за собой серебряный покров. Потом они, хотя и с трудом, взлетели вместе с тяжелой, сверкающей серебром сетью.

Подземные воины бросили на опушку второй рулон. Оставшиеся шестеро анисгаров подхватили эту сеть и тоже поднялись в воздух.

В солнечных лучах обе сети засверкали тяжелым серебряным блеском. Враги заметили летящих птиц и громко закричали. Анисгары медленно подлетели к боевым повозкам и столпившимся вокруг них людям.

Огромные птицы начали кружиться, выбирая удобную позицию. Перепуганные воины вопили, запрокинув головы, и показывали на небо. Твилла заметила несколько стрел, выпущенных лучниками, но ни одна не достигла цели. Видимо, сети сыграли роль притягивающих магнитов, потому что стрелы изменили траекторию полета и прилепились к ячейкам сетей.

Без какой-нибудь команды со стороны Оксила анисгары спикировали вниз и отпустили свои ноши. Сети упали. Как

стрелы прилипли к сетям, так и сети плотно обволокли боевые повозки и находящиеся рядом пеших и конных бойцов. Вражеская рать оказалась надежно оплетенной серебряными путами.

На свободе осталось несколько лошадей, потерявших всадников, но все остальные силы врага очутились в ловушке. Возмущенные и яростные крики воинов сменились испуганными и жалобными воплями, когда солдаты поняли, что освободиться им не удастся. Подземные жители победно взревели и принялись хлопать друг друга по спине, радуясь результатам хорошей работы.

Твилла быстро пересказала Илону, что случилось на равнине.

— Кто ими командовал? — спросил он, выслушав ее сбивчивый рассказ.

Девушка чуть подалась вперед. И заметила военачальника в алом плаще.

— Астар.

Капитан, один из немногих, продолжал яростно бороться с волшебными путами. Он выкрикивал команды, которые его подчиненные просто не могли исполнить.

— Веди меня! — приказал Илон.

Твилла взяла его за руку и повела вперед. Оксил и Шард двинулись следом. Слепой словно почувствовал их присутствие.

— Может, меня они станут слушать больше, чем вас, — заметил он.

Лесной лорд кивнул.

— Попробуй, Илон. Хотя у тебя может оказаться много меньше власти над ними, чем ты полагаешь.

Илон горько рассмеялся:

— У меня нет никакой власти, но почему бы не попробовать.

Твилла провела их через проход в густом кустарнике.

Пойманные в сети воины перекрикивались и ожесточенно пытались разорвать серебряные путы. Но вырваться на свободу не могли. Повозки тоже не могли сдвинуться с места, как и окружающие их солдаты.

Илон уверенно шагал вперед, Твилла семенила рядом. Одной рукой она вела слепого лорда, а второй держалась за зеркальце. Хотя ни от кого из опутанных сетями не могла исходить магическая угроза.

Когда они вдвоем показались на опушке леса, гомон среди плененного воинства утих. Все уставились на Твиллу и Илона. Девушка теперь ясно разглядела Астара, лицо которого побавровело от гнева. Он дернулся вперед, словно хотел вцепиться в своего брата, но его усилие осталось безуспешным.

Илон остановился на краю выжженного пятна.

— Астар! — позвал он, повысив голос, чтобы его расслышали все.

Капитан скривился и плюнул:

— Любовник демоницы! Предатель!

Илон обернулся на голос брата.

— Куда уехал отец? — спросил он.

— Отец? У него нет таких сыновей, как ты, недочеловек! Умалишенный! Будь уверен, ты скоро его увидишь, но вряд ли эта встреча тебе понравится. Потому что тебе придется расплатиться за все...

— Едва ли, — оборвал его Илон. — Спрашиваю еще раз. Где лорд Хармонд?

— Где ему и надлежит быть. И когда он приедет...

— Астар, — спокойно промолвил Илон, и его ровный голос перекрыл злой и тонкий, на грани визга, голос брата, — поверь мне, это только первая линия обороны. Есть и другие. И они не заставят себя ждать. И ты не сойдешь с этого места, пока лорд Хармонд не приедет и не переговорит...

— Переговорит? — взвился Астар. — Он придет с огнем и мечом! Заруби это себе на носу, предатель! Ты что, думаешь, что он будет разговаривать с тобой или с подобными той демонице, которая стоит рядом с тобой?

Внезапно Илон рассмеялся, и его смех словно плетью полоснул по Астари.

— Астар, ты не должен отзываться об этой даме таким образом. Сам лорд Хармонд отдал ее тебе в жены...

Твилла заметила, как Астар вытаращил глаза и окинул ее изумленным взглядом с головы до ног.

— Но ведь она же была такая уродина... с этими...

— Нет, она была той, за кого себя и выдавала, — целительницей. И ее целительский дар способен творить настоящие чудеса. Но мы отвлеклись от темы разговора. Если мы освободим

тебя или кого-то из твоих людей, будет ли доставлено послание лорду Хармонду?

Астар снова сплюнул.

— Освобождай кого хочешь, недочеловек, и мы сразу же проткнем тебе брюхо мечом. Ты предатель, вот ты кто! А мой отец слушать никого не будет и поступит так, как пожелает.

Илон пожал плечами:

— Пусть будет так. И у тебя, и у всех остальных будет много времени на раздумья. Если кто-то из вас все-таки решится выступить в роли посланника, дайте мне знать.

Он повернулся и отправился обратно, Твилла за ним. За спиной раздались яростные крики и проклятия. Если бы слова могли убивать, Твилла и Илон давно были бы мертвы. Девушка не оборачивалась, но, судя по звукам, поняла, что пленники вновь принялись рубить сети.

В небе появились ящерицы и эльфы. Они покружили над Илоном и Твиллой и направились в сторону опутанных сетями людей. Да, Твилла не завидовала тем, кто привлечет к себе их внимание.

«Недочеловек», — вспомнила девушка. Это слово явственно прозвучало среди громких проклятий и ругательств. Лотис... Твиллу вновь охватил улегшийся было гнев. Если заклятие Лотис так и не исчезнет, какая жизнь ждет Илона? Он служил лесному народу верой и правдой, так что Оксил мог бы и попытаться разбить это проклятое заклинание. К чему все эти разговоры о древних клятвах и старинных законах, если Илон до сих пор слеп? И ей, целительнице, ничего не остается, как ходить рядом с этим человеком, держа его за руку, и быть его глазами. Недочеловек! Вот кто действительно заслуживает это прозвище, так его родной брат, который осыпал проклятиями и руганью Илона, в то время как его люди с готовностью вторили ему.

Они подошли к кустам на границе леса и вступили под сень деревьев. Там стояли Оксил с Карлой и ждали.

— Вы слышали? — спросил Илон так уверенно, словно увидел их.

— Слышали. Они останутся на месте, пока мы не решим их судьбу. Возможно, ближе к вечеру они станут более уступчивы.

— Оксил, — решительно позвала Твилла, увидев, что лесной лорд собирается уходить.

Он обернулся.

— Лотис... — произнесла девушка и умолкла. Она не знала, как высказать просьбу, которая давно ее снедала.

Затем... Воздух замерцал, и по опушке разнесся густой, почти удушающий аромат. Илон резко повернулся в сторону сияния, а Оксил чуть расставил ноги, словно боец, который готовится отражать нападение врага.

Это была Лотис. Ее красота осталась прежней, но если взглянуть в ее глаза, можно было заметить тень тех черных сил, с которыми она связалась.

Женщина улыбалась.

— Илон... Иди сюда...

И она поманила мужчину полусогнутым пальчиком.

Он не двинулся с места. Коварная улыбка исчезла с лица Лотис, она недовольно поджала губы.

— Иди сюда! — громко повторила она.

— Я больше не твой раб, — ровным голосом ответил Илон.

— На тебе моя отметина. Ты — мой! — прошипела колдунья, как разъяренная кошка.

— Да, я до сих пор ношу твою отметину, — спокойно согласился молодой лорд. — Но ты больше не властна надо мной.

— Ты... — повернулась Лотис к Оксилу, ее лицо покраснело от ярости. — Ты нарушил закон...

— Закон действительно был нарушен, — ответил лесной лорд. — Только не мной, а твоими собственными действиями, Лотис! И мы должны...

— Ничего вы не должны! Вы ничего не посмеете сделать! — закричала Лотис. — Я владею силой, которая вам даже и не снилась. Смотри, что будет с этим рабом, который имел дерзость заявить, что я над ним больше не властна!

Она вскинула руку, но Твилла была настороже. И когда от вытянутого указательного пальца колдуньи заструился магический свет, девушка подставила зеркальце между Лотис и ее жертвой.

ЯРКИЙ ЛУЧ СВЕТА, исходящий из пальца Лотис, вместо того чтобы поразить Илона в грудь, ударился о зеркальную поверхность. И мгновенно отразился обратно, вернувшись к своей хозяйке. Та только успела открыть рот, собираясь то ли произнести защитное заклинание, то ли просто закричать.

Луч света растекся по телу колдуньи, поглотив ее полностью, словно настоящий испепеляющий огонь. Из живого факела, в который превратилась Лотис, донесся крик ужаса и ярости. Целую минуту лесная колдунья горела в этом чудовищном пламени, а потом...

Потом ее не стало. От Лотис осталась лишь груда серых камней у корней дерева, рядом с которым она только что стояла. Твилла попятилась, выронив зеркальце на траву. Девушка остановилась лишь тогда, когда уперлась спиной в древесный ствол. Она замерла, не сводя широко распахнутых глаз с кучки камней, которые, казалось, лежали здесь с самого начала времен.

Наступившую тишину первым нарушил Оксил.

— Да будет так. Ее погубило собственное заклинание. И теперь ей никогда не удастся освободиться. Потому что такое заклятие может снять только тот, кто его накладывал. А камни, как известно, не могут говорить.

Твилла дрожала, прижимая ладонь ко рту. Что она натворила?! Если бы Лотис была на свободе, еще оставался бы шанс, что она вернет Илону зрение. А теперь она, Твилла, собственной рукой уничтожила даже эту призрачную возможность.

— Она... Ее нет, — медленно произнес Илон. — Я всегда чувствовал, что она мысленно ищет меня. Теперь это прошло.

В его голосе звучали радость и облегчение. Твилла решила, что он еще не понял, что означает для него исчезновение Лотис.

Девушка повернулась к Оксилу:

— Она... она больше не сможет колдовать? И освободить ее уже нельзя?

Лесной лорд покачал головой:

— Ее настигло собственное заклинание, которое разрушить мы не в силах. Но, по крайней мере, она больше не представляет для нас угрозы.

— Я... твои глаза, — с трудом прошептала Твилла, прерывисто дыша. — Лотис больше не сможет снять заклятие.

— Целительница... Твилла, ты спасла мне жизнь. Не забывай об этом.

— Я... Я буду твоими глазами! Всю жизнь! — выкрикнула девушка.

Он улыбнулся:

— Не нужно обещаний, целительница. Ты и так дала мне очень многое.

Илон продолжал держать ее в объятиях, и Твилла наконец успокоилась, чувствуя его уверенность. Но про себя она непрерывно повторяла, что не отступится от своей клятвы, что это чистая правда. И до конца жизни она будет его глазами, сколько бы эта жизнь ни длилась.

Они стояли обнявшись, пока Оксил не вызвал вихрь, который перенес всех в дворцовый зал. Там уже собралось множество лесных жителей. Большую часть из них Твилла видела впервые. Но посреди зала стояла небольшая группа — трое женщин и шестеро мужчин, — на которых осуждающе смотрели все остальные. Когда появился Оксил, они сразу напряглись и насторожились, словно ожидали неминуемого приговора. Твилла догадалась, что они были помощниками Лотис.

— Даже перед лицом общего неприятеля мы никак не можем объединиться, — начал Оксил. — Гарвар!

Один из мужчин в маленькой группе поднял взгляд на лесного лорда.

— Лотис повержена на веки веков собственным черным заклинанием, которое она направила на другого человека, — продолжил Оксил. — Она выкрала тайное знание, но столкнулась с силой, которая оказалась превыше ее собственной. Вы направили ее, Этера.

Одна из женщин вскинула голову и открыла было рот, но подумала и промолчала.

— Маккон, Алсида, — продолжал перечислять их имена Оксил. — Что она вам наобещала? Силу, которая сможет сокрушить всех остальных вместе взятых? И вот эта сила побеждена. Мы говорили, что чужаки из жадности стремятся ограбить нас. Но оказалось, что жадность нашла пристанище и в наших рядах. Когда-то эта жадность имела имя... Харгел...

— Значит... — продолжала Твилла, злясь больше на себя, чем на Оксила, — она не сможет вернуть Илону зрение?

— Так и есть, — согласился он.

И тогда заговорил сам Илон:

— Лотис... пропала. Со мной ничего не произошло. А ведь я боялся... — Его голос упал почти до шепота, но слепой все-таки договорил: — Боялся, что она вновь превратит меня в раба. Что случилось?

— Она направила на тебя заклинание, а зеркальце дочери Луны стало твоим щитом и отразило его обратно. И Лотис постигла та судьба, которую она приготовила для тебя. Лотис... превратилась в камень!

Илон негромко и неуверенно рассмеялся:

— Значит, она стала памятником собственным злым замыслам.

Этот разговор Твилла едва слышала. Ее терзало отчаяние. Ведь она уничтожила последнюю надежду для Илона! Он навсегда останется предметом насмешек и презрения в своем народе. Пожалуй, даже судьба каменного изваяния и та лучше, чем жизнь в беспросветном мраке, которая ждет этого человека! Она ведь целительница... а ничего не может сделать...

— Твилла, — позвал ее Илон, протягивая руку и хватая воздух, поскольку девушка стояла слишком далеко в стороне. — Твилла, с тобой все в порядке?

Лицо девушки исказилось. Она невероятным усилием попыталась подавить чувство вины и раскаяния. Ведь она обрекла его на мученическую жизнь, а он беспокоится за нее.

— Я в порядке, — хрипло ответила Твилла, борясь с душившими ее слезами.

— Слава Трем Ликам!

Илон пошел на ее голос, выставив руки перед собой, и наконец нашел Твиллу. Обеими руками он начал ощупывать ее тело, словно боялся, что девушка скрывает от него, что получила какие-то раны.

Наконец Илон положил руки ей на плечи, а затем крепко обнял и прижал к груди.

— Ты освободила меня, целительница. Но что с тобой не так? — спросил он через минуту.

Кто-то, видимо из маленькой группы, со свистом втянул в себя воздух.

— Харгел, — повторил Оксил, словно желая навсегда запечатлеть это имя в памяти присутствующих. — Его жадность едва не погубила нас, едва не лишила всего, что мы имели. И обратила нас друг против друга. Лотис хотела сделать то же самое. Загляните в свои сердца. Вы служите великим деревьям или собственной жадности?

Те, к кому он обращался, ничего не ответили. Они угрюмо смотрели в пол, не смея поднять глаз. Затем заговорил мужчина, к которому Оксил обратился с самого начала:

— Есть другая сила... Лотис взяла ее не от леса. Она смотрела в магический кристалл и нашла источник. Эта сила жива.

— Сомнительно. Та, что могла ее направить, мертва. Сородичи, — обратился Оксил ко всей группе и сделал шаг вперед. — Мы сражаемся с общим врагом, который угрожает нам. С чужеземцами. Неужели мы вступим в битву разобщенными? Неужели враг может воспользоваться нашей слабостью?

— Нет! — воскликнула одна из женщин. — Лотис обещала, что мы найдем в хранилище Харгела оружие, которое поможет изгнать чужаков. Она сказала, что вы все боитесь воззвать к силе, которую она покорила. Но... это правда, лорд. Мы колебались. И когда она зажгла гнилой огонь... — Женщина передернула плечами, как от холода, и продолжила: — Мы поняли, какими были глупцами, и разбежались. Наложите на нас заклятие, если пожелаешь. Большого мы не заслуживаем.

— Никаких заклятий, — ответил Оксил. — Нам нужны все силы, какие мы можем собрать. С помощью искусства подземных жителей враги временно скованы. Мы оставили их, беспомощных, подумать о собственной слабости. Это может сыграть нам на руку.

Ни Оксил, ни кто-либо другой из стоящих вдоль стен зрителей больше не обращали внимания на маленькую группу посреди зала. И постепенно эти люди успокоились и смешались с толпой. Оксил кивнул Илону и Твилле, и девушка подвела товарища к лесному лорду.

— С кем нам предстоит сражаться, чужеземец? — спросил он.

— Если ничего не изменится, то с одним лордом... лордом Хармондом. Среди тех, кого вы поймали в сети, его нет. Войска и боевые повозки вел его сын.

— Но ты ведь тоже его сын, — заметил Оксил.

Илон медленно покачал головой:

— Когда Лотис отняла мое зрение, она также лишила меня всего, что делает человека человеком... по мнению моего отца.

Твилла вздрогнула. Каждое его слово камнем падало ей на плечи, усугубляя ее вину перед Илоном.

— Неужели родная кровь значит для твоего народа так мало? — спросила Карла, делая шаг вперед.

— Лорд Хармонд, — начал Илон, больше не называя его отцом, — первый среди воинов. А калека не способен сражаться, потому в армии ему не место. Но я повторяю: только лорд Хармонд способен отдать приказ, который вернет мир нашим народам.

— Но если его нет среди тех, пойманных... Решится ли он выступить, рискуя тоже попасть в плен. У нас больше нет сетей, но он-то об этом не знает! — промолвил Шард, ударяя в пол древком своей секиры.

— То есть ты предлагаешь кому-то из нас отправиться к нему на встречу? На расправу? Мы же не сможем защитить себя. Наша сила — в великом лесе. Если мы выйдем из-под деревьев, наша сила иссякнет, — крикнул Вестел.

— Мы даже не рискуем выйти из-под защиты леса, чтобы обезоружить пойманных в сети, — закончил Оксил. — Это же холодное железо. Только подземные жители могут без вреда для себя касаться его. Но я не хочу просить их об этом.

Шард громыхнул по полу древком волшебной секиры, привлекая всеобщее внимание.

— Мы можем послать своих воинов, они будут вашей охраной.

— Но копья и мечи опасны и для них, — напомнил Оксил. — Да, нам необходим посланник, но...

Неожиданно посреди зала возник сияющий вихрь, откуда вывалился юный Фанна. Он тяжело дышал, словно после долгого бега.

— Лорд, — выдохнул он, бросаясь вперед и оттолкнув в сторону Илона и Твиллу. — Сюда идет еще одна армия...

Твилла крепко ухватила Илона за рукав. Еще одна армия! А Шард только что сказал, что сетей больше нет.

— Вот только, — продолжал Фанна, — там нет солдат. Только женщины. Они идут строем, а в руках оружие.

Женщины! Твилла перевела взгляд с Карлы на Катю.

Гул недоуменных голосов оборвала Карла, которая обратилась прямо к Твилле:

— Дочь Луны, похоже, наши старания не пропали понапрасну. Нам нужно взглянуть на них.

Илона и Твиллу окутал плотный туман. Зал пропал из виду. Затем они очутились у края леса, у зарослей кустов, откуда были видны скованные сетями люди и две боевые повозки. Пленные бойцы звали на помощь женщин, которые шли шеренгой, словно вымуштрованные солдаты. Правда, шеренга была не очень ровной.

Женщины подошли к спутанным сетями повозкам, но остановились неподалеку, не спеша приближаться к взбешенным мужчинам. От их отряда отделились две женщины, в которых Твилла узнала Лилу, вооруженную коротким копьем, и Руту с обнаженным мечом. Они прошагали по пятну сгоревшей травы и подошли к кромке кустов. Лила закричала достаточно громко, чтобы заглушить вопли взбешенных мужчин:

— Целительница! Разговор есть!

Твилла отпустила руку Илона. И обернулась на Оксила.

— Я выйду, — сказала девушка и пошла вперед, не дожидаясь ответа. Даже если бы он и захотел остановить ее, то не успел бы.

Твилла вышла на опушку, под палящее полуденное солнце. Ее встретили давние спутницы в долгом пути через горы, когда их только везли в эти края.

— Я пришла, — просто промолвила девушка.

Лила бросила быстрый взгляд через плечо, на опутанные сетями повозки.

— Они забрали наших мужчин... Сделали из них тягловую скотину и заставили волочь эти колымаги. Под солнцем там, внутри, ужасная жара и духота. Нам нужно освободить их.

— Мы хотели устроить переговоры, — ответила Твилла, — с лордом Хармондом, но никто из пленников не захотел передать наше послание.

— Та-а-ак, — протянула Рута, тоже оглядываясь на группу солдат, которые заголосили еще громче. Если раньше они умоляли женщин, то теперь принялись ругаться и проклинать их. — Мне кажется, что среди них посланника вам не найти. Но у нас тоже есть голоса, а всем лорд Хармонд глотки не заткнет. Солдаты загнали наших мужчин в эту катавасию, и мы хотим их освободить. Если для этого достаточно передать послание, мы с радостью выполним ваше поручение.

Лила согласно кивнула.

— Что там за послание, целительница?

— Я не правительница здесь. Подождите.

Твилла скрылась за стеной кустарника и спросила у Оксила:

— Лорд, какое время лучше подходит для встречи?

— Когда взойдет луна, — ответил он. — Пусть лорд Хармонд придет сюда, когда взойдет луна.

Девушка не была уверена, что военачальник прислушается к женщинам, пусть и таким упорным, как эти. Он привык распорядиться их судьбой во время унижительной лотереи. К тому же у лорда Хармонда могут остаться охранники, которых он не пожелал посылать в поход. Но, в конце концов, все зависит от простой удачи. Как всегда.

— Когда взойдет луна, — сказала она женщинам, ожидавшим ответа. — Пусть лорд Хармонд придет сюда. До тех пор его люди останутся в плену. Мне очень жаль ваших мужей, сестры по несчастью, но рисковать мы не можем.

— Ну, что ж. Пусть только остальные женщины ждут нас здесь. Мы вдвоем, или втроем, передадим послание.

— В этих дьявольских штуках страшная жара, — нахмурилась Лила. — К восходу луны наши мужья околеют.

— Едва ли. Они сильные, да и вечер уже близко. Когда зайдет солнце, станет прохладней.

— Идем, — позвала подругу Рута. — Чем раньше мы сообщим лорду Хармонду, тем скорее мы их освободим. Мы постараемся все устроить, целительница.

Она развернулась и направилась к толпе женщин, которые не подходили близко к сетям, но перекрикивались с солдатами.

Твилла не тронулась с места, пока не увидела, как Рута вскочила в седло одной из брошенных лошадей, а Лила оседлала вторую, и обе поскакали в сторону поселка.

Девушка вернулась под деревья, где оставила Илона. Она наскоро пересказала ему свой разговор с женщинами. Он тихо присвистнул.

— Да, лорду Хармонду и вправду придется пересмотреть свои взгляды на жизнь, — заключил он.

Наблюдатели, стоявшие у кустов, увидели, что женщины разделились на небольшие группы, вероятно, по более близкому знакомству, и устроились ждать в траве. Твилла смотрела на них, и внезапно ее охватила печальная задумчивость.

Она с тоской вспомнила те времена, когда помогала Халди и люди платили им уважением и благодарностью за помощь. И хотя Халди постоянно отвлекали от изысканий вызовами к больным и немощным, они часто разговаривали о многих предметах, и целительница обращалась с ней как с равной. С тех пор как Твиллу увезли в горы, ей никак не удавалось установить такие же отношения ни с одной женщиной.

Карла и Ката, конечно, относились к ней не так, как простые женщины, но на их встречи всегда накладывал отпечаток тот факт, что они были представителями разных рас. А теперь между ними стояла сила, и едва ли это препятствие когда-нибудь исчезнет.

— Твилла, — позвал ее Илон. И девушка вспомнила о той ноше, на которую обрекла себя до конца жизни. Никому нельзя позволить догадаться, что она делает это вынужденно. Если бы только можно было заставить Лотис исправить эту страшную ошибку!

— Я здесь.

В два шага девушка оказалась рядом с товарищем. Лесные жители остались наблюдать, но они не забыли прихватить с собой корзины со свежими фруктами и излюбленными пирожными, а также кувшины с вином. Все расселись под деревьями и принялись трапезничать.

Твилла набрала еды из ближайшей корзины, прихватила небольшой кувшин и вернулась к ожидавшему Илону. Они сели обедать. Илон больше не обмолвился ни словом. Судя по выражению его лица, молодой лорд готовился к предстоящей встрече.

Когда они поели, Илон вынул меч из ножен и легко погладил пальцами обнаженное лезвие. Твилла следила за ним с растущим чувством тревоги.

— Они решат сражаться? — спросила она.

С минуту лорд молчал, а когда ответил, в голосе его слышалось беспокойство:

— Я не знаю, что руководит моим отцом сейчас. Он человек гордый, и может статься, что чувство поражения окажется слишком горьким, чтобы признаться в этом даже самому себе. У подземных жителей сетей больше нет... Если лорд Хармонд поведет в бой новую армию...

И он покачал головой.

— А он может согласиться для виду, а потом устроить ловушку? — осторожно поинтересовалась Твилла.

Илон нахмурился и склонился к мечу, словно мог его рассмотреть.

— Раньше я вбил бы эту ложь в глотку любого, кто осмелится высказать ее. Когда король избрал моего отца правителем этого края, все, что у него было, — это честь. И лорд Хармонд был очень требователен к себе и остальным. Но почему он позволил жрецу Дандуса разжечь тот костер... Это не похоже на того лорда Хармонда, которого я знал когда-то. Вероятно, это было не только его решение. Наверное, приказ пришел из-за гор, от самого короля. Если это так... то...

— Значит, любые договоры и взаимопонимание, которых мы можем достичь, ни к чему не приведут, — закончила девушка.

Она очень устала, все тело ломило и требовало отдыха и покоя. А проблемам и тревогам не было видно ни конца, ни края.

— Это в худшем случае. С другой стороны, возможно, отец был вынужден сделать так, как хотел этот жрец-кровопийца. А когда жрец погиб, отец вздохнул свободней. В таком случае он постарается, чтобы ни один служитель тьмы не появился здесь снова. Вот что. В молодости у отца был брат по оружию, или, как их называют, брат меча, Арванис, который из простого солдата вырос в настоящего воина. Когда два его брата утонули в дальних морях, его собственный род призвал Арваниса обратно. Но всю жизнь наставления Арваниса определяли для отца его жизненную позицию. В каждом доме, где он останав-

ливался надолго, отец сооружал алтарь для оружия. Если... если мы заставим его поклясться на мече, даже непосредственный приказ самого короля не заставит его нарушить данное слово.

Твилла почти ничего не знала про братство меча. По слухам, эти люди были проницательны и умны и поднимали свой меч только в защиту справедливости. Они были такими честными и неподкупными, что любой король или правитель облакал их безоговорочным доверием. Но в то же время они никогда не служили господам, чьи должности не были выборными или не обсуждались на общем совете.

— Поэтому, — продолжил Илон, — именно я должен вести переговоры. Отведешь меня к Оксилу?

Твилла заметила, что лесной лорд стоит неподалеку. Он беседовал с Шардом, Карлой, Катой и небольшой группой своих сородичей. Они говорили по очереди, а остальные внимательно слушали.

— Идем, — сказала девушка, поднимаясь на ноги и протягивая руку.

32

ТВИЛЛЕ КАЗАЛОСЬ, что она целую вечность слушает, как они спорят. Девушка уже убедилась — никто не смог бы договориться с лордом Хармондом лучше, чем Илон. Твилла раздумывала, не опасается ли Илон, что его отец внезапно нападет на вождей лесного народа? Ей казалось, что Илон и сам не мог бы сказать с уверенностью, каковы истинные намерения лорда Хармонда.

А переговоры тем временем продолжались. И Твилла вдруг почувствовала, что между нею и теми, кто участвует в обсуждении, как будто выросла стена. На девушку накатили сонливость и безразличие. Она стояла, прислонившись спиной к стволу гигантского дерева, но даже не чувствовала сквозь куртку и рубашку грубой, шершавой коры.

Странно, но Твилла так медленно и постепенно погрузилась в состояние полной отрешенности, что сама этого не заметила. Ей не хотелось вмешиваться в разговор, она с трудом осознавала, что происходит вокруг. Все, что ее окружало, Твилла видела

словно в полусне — и лес, и лесных людей, собравшихся вокруг Илона, и плавающие между деревьев серебристые туманы. Она определенно была здесь, в этом месте. И все же ее все больше тянуло совсем в другое место — к тишине и покою, подальше от ежеминутной борьбы за существование. Девушка как будто снова оказалась в маленьком домике ведуньи Халди. Она ясно увидела вокруг все, что было ей когда-то так дорого. Все знакомые с детства, любимые вещи стояли на своих местах. Твилла глубоко вдохнула — и почти ощутила свежий, пряный запах сушеных трав. Посреди комнаты стоял стол, весь заставленный разнообразными ретортами и колбами. Здесь же, на столе, дымились две небольшие горелки. И на весь этот рабочий беспорядок с неизменным высокомерием взирал владыка маленького царства — огромный серый кот Дымок.

Здесь было так спокойно, так безопасно — Твилла потянулась сознанием к увиденному и закуталась в видение, словно в теплый плащ во время зимней бури. И вот она снова сидит на своем стуле, возится с очередным заданием, которое поручила ей наставница, — полирует серебристую гладь старинного зеркала. Правда, сейчас не было слышно поучений ведуньи, которая обычно давала ученице наставления, пока та была занята работой.

Нет, ведунья не молчала — она пела какую-то странную песенку. Слова сами собой возникали в сознании Твиллы, как будто ниоткуда, но девушка была уверена, что это слова наставницы Халди. И Твилла навсегда запомнила эти слова:

— Смотри не глазами, а душой —
Заклятие не властно над тобой!

Даже в этом полудремотном состоянии Твилла крепко держалась за зеркальце. Она неустанно гладила пальцами по его сверкающей поверхности. Сейчас на пальцах у девушки не было защитных колпачков, и каждое движение причиняло боль. Но эта боль была где-то далеко-далеко, боли было нечего делать здесь и сейчас.

Твилла полировала свое зеркальце. Дымок сонно зевнул. Рядом зашевелилась какая-то тень. Твилла повернула голову, чтобы посмотреть, — и увидела серебристое мерцание. Она снова

оказалась в лесу. Твилла страстно пожелала вновь оказаться в мире видения. Девушка так цеплялась сознанием за ускользающий полусон, что ей в конце концов удалось снова увидеть комнатку Халди — и на этот раз перед Твиллой появилась сама ведунья.

Ведунья Халди смотрела на Твиллу и мягко улыбалась. Она поправила непослушную прядь седых волос, выбившуюся из-под шапки, и сказала:

— Долгий же путь ты проделала, Твилла. Ты избрана, и твой путь ясен и чист.

— Я хочу остаться здесь! — закричала юная ведунья. Сквозь стену комнаты позади Халди проглянул ствол гигантского дерева, и Твилла поспешила убрать его из видения.

— Мы много чего хотим, дитя. Может быть, выросшему деревцу хочется вновь стать семечком, которое еще спит в земле. Но это желание неосуществимо. Ты тоже уже не сможешь вернуться к прошлому, Твилла. Тебе придется соорудить свое собственное теплое гнездышко.

Стены комнаты начали расплываться и понемногу истаяли. Дымок еще раз сладко зевнул и пропал вместе со столом, на котором серый кот восседал, словно на троне. Еще несколько мгновений Твилла пыталась удержать в сознании образ Халди. Девушка почувствовала, как кто-то осторожно прикоснулся к ее лбу, и вынырнула из полудремы. Она сидела в лесу, среди деревьев. Рядом стояла Ката. На лице маленькой волшебницы светилась такая же мягкая улыбка, как и на покрытом морщинами лице старой ведуньи.

— Наверное, ты готовишься к сражению? — спросила Ката и указала на руки девушки, лежащие на коленях. Твилла крепко сжимала в одной руке зеркальце, а второй рукой до сих пор полировала его серебристую гладь. Твилла подняла руку и осмотрела пальцы. Они покраснели, но кожа не была поранена. И хотя рука болела, но не сильно, боль казалась такой далекой...

— Не знаю... — ответила Твилла, все еще не совсем отделавшись от дремотного состояния. — Разве не от чужеземцев сейчас зависит, что ждет нас дальше?

— Твой молодой лорд чего-то опасается. Ему удалось уладить дела с верхним лордом. Но нам могут грозить неприят-

ности со стороны далекого владыки, повелителя земель по ту сторону гор.

Твилла снова повесила зеркальце на грудь.

— И не только это, — быстро ответила она.

Ката снова улыбнулась:

— Да, не только это, целительница. Хочу тебе напомнить...

Когда сердце подскажет — исцеляй, как умеешь только ты одна. Никогда не сомневайся, дочь Луны. В этом мире много волшебного, и явного, и сокрытого. Но волшебство почти всегда случается тогда, когда само того желает. И свершенные волшебные деяния влияют на тех, кто творит волшебство.

— Все, чему я научилась, пришло ко мне случайно...

— Не совсем. То, чему ты научилась, всегда было в тебе — просто раньше оно дремало, а потом, в должное время, пробудилось. И тебе предстоит познать в себе еще очень и очень многое...

Твилла неуверенно улыбнулась:

— Ты дала мне очень ценный совет, Ката.

— Я сказала то, что знаю. А теперь идем, нам пора. Сумерки сгущаются, скоро взойдет луна.

Девушка пошла следом за маленькой волшебницей. Подойдя к стоявшим вместе людям леса и подземного мира, Твилла отыскала среди них Илона. Он сидел на земле с мечом на коленях и поглаживал ладонью лезвие — словно тоже полировал его, как Твилла свое зеркальце.

Девушка присела рядом с Илоном. Слепой повернулся к ней.

— Скоро взойдет луна? — спросил Илон. Он был сосредоточен и немного мрачен — как человек, решившийся на рискованное дело, которое обязан совершить, хотя и понимает, что надежды на успех почти нет.

— Уже скоро. Посланец сказал, что те, кто нападал на лес, все еще в сетях. Но женщины ждут вместе с ними.

— Почему-то вопрос все время упирается в женщин. В самом начале нас одолели женщины леса. Потом... — Илон замолчал, потом спросил: — Твилла, ты ведь не хотела ехать сюда из-за гор, правда? А другие девушки, которых привезли вместе с тобой, — их тоже забрали против их воли?

— Тех, с которыми я знакома, — да, их привезли сюда насильно.

— Выходит, мы использовали женщин как оружие, — сделал вывод Илон. — И ты, Твилла, уже изменила почти все, что было прежде, и то, что было задумано на будущее...

— В лесу все не так. Да, Лотис и другие принесли много зла, но сперва это была борьба за выживание. Здесь мужчины и женщины равны. Каждый владеет силой, доступной для его пола. Притом эти силы не враждуют между собой, ни одна не слабее другой. А в наших краях женщинам приходится несладко... У каждого народа свои обычаи...

— Но, — оборвал ее Илон, — мудрец старается узнать больше и изменить эти обычаи к лучшему. Астар собирался отдать тебя на растерзание, чтобы не пострадала его гордость...

Твилла положила руку на его мозолистую ладонь:

— Астар — это Астар... У меня есть Илон, которого я знаю и помню.

Его бледное, незагоревшее лицо полыхнуло смущенным румянцем.

— Целительница... леди... Я только половина человека.

— Здесь ты доказал, что ты абсолютно нормальный! — резко бросила Твилла. В сердце девушки поднялись гнев и горечь оттого, что она погубила его последний шанс стать таким же, как отец и те люди, которыми он когда-то командовал.

— Илон! Они вышли из поселка! — воскликнул Фанна, появившийся рядом.

Илон легко вскочил на ноги, Твилла тоже поднялась.

— Только не ты, — сказал он, опуская меч в ножны и останавливающим жестом вытягивая руку перед собой.

— И я. Ты сказал, что там будут женщины, лорд Илон. У тебя будут свои переговоры, а у меня свои.

Луна поднялась над горизонтом, когда они подошли к зарослям кустов на опушке. Пленные сетями воины молчали, но их жены никуда не ушли. Они сидели немного в стороне. Откуда-то издали послышался дробный стук копыт. Свет луны озарил равнину, по которой двигалась группа всадников.

По крайней мере один вопрос решился сразу — лорд Хармонд не привел с собой войско. Военачальник поселка, который получил этим утром неожиданный отпор, ехал верхом

на свежей, отдохнувшей лошади. Большая часть его сопровождающих была вооружена и облачена в кольчуги, но рядом ехали двое в плащах горожан. Позади кавалькады скакали женщины, так что Твилла с радостью увидела, что Рута и Лила возвращаются.

— Приехали, — тихо произнесла Твилла, когда всадники достигли края изуродованной огнем проплешины.

Лорд Хармонд ехал впереди, как и положено предводителю. Он поднял руку, приказывая своим людям остановиться, и снял шлем, обнажая голову. Как и во время лотереи, его выдержка и самообладание поражали. Сразу было ясно, что, раз приняв решение, этот человек следовал ему до конца, без колебаний.

Девушка раздвинула кусты, давая дорогу Илону. Молодой лорд шагнул вперед, как солдат, поднимающийся в атаку.

Твилла последовала за ним и тут же удивленно остановилась. Хотя Оксил позволил Илону вести переговоры, но пожелал присутствовать на них сам. Рядом с лесным лордом стояли Карла, Ката и Шард. Подземный владыка сжимал в руках древо своей грозной секиры.

— Я приехал, — промолвил лорд Хармонд. Его голос был так же холоден, как горячи были проклятия Астара. — Вы держите в плену моих людей.

Твилла заметила, как небольшая группа воинов за его спиной недоуменно переглянулась. Видимо, они не ожидали, что предводитель решится это признать.

— В плену... Но они живы! — громко сказал Илон, сжимая рукоять меча. Он стоял, высоко подняв голову. Поскольку он слышал, откуда доносится голос отца, слепой лорд говорил, повернувшись к нему лицом.

— Это голос предателя... Где ваш предводитель, который будет разговаривать со мной?

— Он сам в плену той демоницы за его спиной. И говорит по ее наущению, — раздался охрипший от яростных ругательств голос, который мог принадлежать только Астару.

Илон ничего не ответил на этот выпад.

— Меня избрали, чтобы вести переговоры, — спокойно сказал он. — Поскольку я знаю, как живут люди равнин, и мне знакомы законы леса. Твои люди в сетях, лорд Хармонд. И я

заверяю, что это не последнее средство защиты лесного народа, который обороняет свой дом.

— Я буду говорить только с предводителями, — ледяным голосом, в котором свистел холодный горный ветер, заявил его отец. — Калеке нечего сказать воинам. Тебе не вернули зрение. Возможно, не смогли. Значит, есть предел и их силам. Значит, мы пойдем до конца, до этих пределов.

— Ты клянешься в этом Изерлом?

Это имя эхом пронеслось над лугом. Все замолчали. Лорд Хармонд застыл в седле каменной статуей. Его лицо превратилось в неподвижную маску, и Твилла ощутила что-то непонятное... словно в воздухе что-то промелькнуло, прямо у них над головой. Этой ночью луна была необычно яркой. Похожей на ту луну, что девушка видела в бассейне, где восстанавливала силы магического зеркальца.

— Ты произнес имя... — начал лорд Хармонд и запнулся, словно не мог подобрать слов.

— Имя, хорошо известное в этих краях. Ведь именно во славу Изерла твой жрец зажег костер и собирался бросить в него ребенка? Арванис никогда этого не позволил бы. Неужели ты склонил колени перед домом Изерла?

Лицо лорда Хармонда исказилось, будто он больше не мог сдерживать обуревавшие его чувства.

— Ты говоришь о вещах, которых не понимаешь...

Один из солдат, чье лицо была скрыто шлемом, подъехал поближе.

— Мой лорд, все это не имеет отношения к нашему делу. Пусть недочеловек говорит что хочет. Он понабрался ереси в этом проклятом лесу. Он — ничто... и ничего не может сделать...

И тут Твилла шагнула вперед. Она не слышала никакого прямого приказа, но действовала так, словно этот приказ все-таки был. Она встала рядом с Илоном и высоко подняла зеркальце обеими руками. Встав на цыпочки, девушка направила яркое пятно — отражение луны — на лицо молодого мужчины.

В ярком лунном сиянии его лицо было видно ясно и четко, кроме глаз, скрытых серебристой полумаской.

Твилла заговорила, обращаясь только к нему одному:

— Смотри не глазами, а душой. Заклятие не властно над тобой.

Она так хотела! Хотела, чтобы он послушался, заглянул в свою душу и нашел там исцеление. Лотис зачаровала его, но Лотис больше нет. И задолго до этого Илону удалось разбить большую часть ее чар.

Ее голос стал громче и зазвенел от напряжения. Твилла ничего больше не видела, кроме яркого отражения луны. В ней билось одно желание — чтобы Илон заглянул в себя и нашел ключи к свободе и потерянному зрению.

— Смотри не глазами, а душой. Заклятие не властно над тобой.

И она увидела! Серебристая маска распалась на тонкие нити, а затем и они пропали.

И услышала... услышала счастливый, радостный крик Илона:

— Я вижу!

Ему начали вторить другие голоса, даже со стороны плененных людей. Женщины вскочили на ноги и дружно закричали:

— Целительница! Она излечила его!

Сквозь шеренгу всадников проехали Лила и Рута.

Лошадь Лилы отодвинула коня солдата, который подъехал к выжженному пятну раньше.

— Она целительница, — произнесла Рута таким же ледяным голосом, какой был у лорда Хармонда. — И эту целительницу презирал ваш жрец... и вы сами. Вы говорили, что эта мудрая женщина не может сделать ничего хорошего. Но знайте, лорд, мы убедились, что вы не правы. И вы больше не заставите наших мужчин сражаться в этой битве.

Она чуть повернулась в седле, чтобы взглянуть на границу леса.

— Пусть наступит мир... пусть магия служит добру, а не злу. Разве ваше желание не таково, женщины?

Твилла увидела вышедших из кустов Карлу, Масселину и Катю.

— Это не женские дела! — заревел воин, лошадь которого только что толкнули, и подъехал к Руте. — Возвращайся к своему очагу и мужниной постели, женщина!

Лорд Хармонд не сводил глаз с Илона, который смело встретил его взгляд. Затем промолвил:

— Уолтер, здесь я являюсь голосом короля. Если ты говоришь от имени Изерла, то тебя никто больше не поддерживает.

Он заставил свою лошадь приблизиться к Твилле.

— Я много слышал о целителях. И считал это пустыми рассказами. Но ты убедила меня, что это правда.

— Нет, — покачала головой Твилла. — Зрение Илону вернула не я, а его вера. Я всего лишь немного помогла ему. Но то, что касается Изерла... это не для целителей, мой лорд. И мне кажется, — взглянула она ему в лицо, — что это и не для вас.

Лорд Хармонд вскинул голову, и лунный свет облил его седеющую голову серебром.

— Я исполнял приказ, но настоящий человек сам выбирает, какие приказы стоит выполнять. Я приехал на переговоры и не собираюсь держать камень за пазухой. Сын, — обратился он к Илону. Теперь на лице лорда Хармонда светилось изумление и огромное облегчение, словно он наконец сбросил с плеч давний тяжкий груз. — Я хочу договориться с местными правителями о мире. Пусть они освободят моих людей, которые томились здесь целый день.

Рядом с Илоном встал Оксил.

— Мы так и сделаем, лорд...

— Но не сразу! — перебил его Илон. — Отец, среди твоих офицеров есть люди, которые попытаются сделать по своему. Один из них даже сейчас выражал протест. Принеси клятву меча Арваниса, чтобы мы были уверены в тебе до конца.

Лорд Хармонд сдвинул брови. Он схватился за рукоять меча и, судя по его лицу, скорее был готов зарубить своего заговорившего сына, чем уступить. Затем он вздохнул:

— Я не хочу, чтобы между нами осталось недоверие, сын. На твоем месте я бы потребовал того же.

Он вынул меч, взял его за лезвие и поднял над головой:

— Этим стальным клинком я клянусь, что никогда не замыслю злое против тех, с кем я веду переговоры, и никогда не позволю моим людям сотворить зло против них. Вели-

ким Кузнецом, который выковывает души людей, я клянусь в этом!

И поцеловал перекрестье рукояти меча.

Лорд вложил меч в ножны и спешил, бросив поводья. Но тренированная лошадь не сдвинулась ни на шаг. Взмахом руки он подозвал троих людей к себе — двоих в городских плащах и одного в доспехах, но не Уолтера. И повел их к Оксилу.

— Теперь отпусти моих людей, — сказал лорд Хармонд, приблизившись к лесному вождю на расстояние вытянутой руки.

Оксил кивнул Шарду. Подземный владыка вскинул над головой волшебную секиру. Из его глаз ударили лучи цвета червонного золота, изгибаясь, пронеслись над головами солдат и на миг заслонили серебристый свет луны.

Когда эти лучи коснулись сетей, каждая ячейка вспыхнула алым светом, и внезапно пути растворились, освободив пленных воинов. Затем верхушки боевых повозок открылись, и оттуда вылезли измученные мужчины. К ним бросились женщины, расталкивая солдат в поисках своих мужей.

— Твои люди свободны, — сказал Оксил. — Как и было обещано. Теперь мы можем поговорить по душам?

— Да.

Оксил взмахнул рукой, и кусты расступились, открыв взорам огромные корни дерева-великана, уносящего крону высоко в ночное небо.

— Давайте сядем и посоветуемся.

Лорд Хармонд и трое его спутников осторожно двинулись вперед. Твилла подумала, что горожанин вздрогнул от страха, когда тень гигантского дерева накрыла его. Но они устроились в корнях дерева, а рядом сели лесные жители и предводитель подземного народа. Обе стороны с любопытством разглядывали друг друга.

— Вы пришли в эту землю незваными, — начал Оксил. — Что привело вас сюда? Рабство? Неужели вы не ужились с собственным народом?

— Нам нужна еда. За горами живет много людей, и земля...

Лорд Хармонд замялся.

— Земля? — переспросила Ката. — Что с вашей землей? Неужели на ней ничего не растет?

— Уже много лет на этой земле мы ничего не выращиваем, потому что ведем разработки... Рудники... добываем руду...

Видимо, лорд Хармонд мог говорить только чистую правду. Хотя Твилла не чувствовала, что на него пытались воздействовать магически. Даже серебристая мгла отступила, чтобы остальные солдаты и жители поселка могли видеть своего предводителя.

— Руда, — тут же откликнулся Шард. — Мы тоже добываем руду, но не позволяем металлу владеть нами, он просто служит нам. Похоже, вы стали рабами по собственному желанию.

— Значит, вы пришли сюда, потому что здесь можно выращивать пищу, — оборвал Шарда Оксил. — Что ж, эта земля щедра и богата, и она вознаградит любого, кто не будет пытаться завладеть ею силой. Но почему вы тревожите лес?

— В наших краях из леса строят жилища, а еще топят дровами, чтобы спастись от холодных зим.

— Вы убиваете вашим проклятым железом. Даже когда добываете металл. Неужели вы не знаете иного способа, кроме как захватывать все, что, как вам кажется, необходимо вам? Мы ответили силой на силу, и вы прозвали нас демонами. Причем приняли довольно странные меры предосторожности. Вы начали привозить из-за гор женщин, выставляя их как щиты. С ними вы тоже обращаетесь как с дровами и металлом?

— Это необходимо прекратить, — вмешалась Карла, когда лорд Хармонд ничего не ответил на этот вопрос.

Он опустил глаза под ее пронизательным взглядом.

— Леди, до этого часа я служил моему королю. Его приказы были для меня всем. Но теперь я свободен в выборе. Я не могу предвидеть, что случится в будущем.

— Если вы будете продолжать снабжать вашего короля и его рудничных рабов едой, разве он попытается сместить тебя?

— Леди, королей не интересует, каким образом выполняются его приказы, главное — результат, — ответил лорд. — Но моя честь повержена...

— Нет! — вскричал Илон, который сидел между двумя партиями. — Ты же принес клятву меча, как честный воитель. И мне кажется, что ты больше не будешь слушаться тех, кто поет с голоса Изерла. Пусть воцарится мир. Если вновь поднимется сила Дандуса, разве ты, отец, не выступишь на стороне тех, кто будет сражаться за свет и добро?

Наступила тишина. Лорд Хармонд не повернул голову к сыну. Странно, но первым нарушил молчание один из горожан:

— Лорд, это касается и нас, хотя мы не носим оружия. Иногда переговоры — это простая сделка... — Он умолк, словно вдруг понял, что перешел какую-то невидимую грань.

— Сделка, — кивнул Шард. — Ну, наконец вы заговорили о том, что понятно всем. Только нужно помнить, что жадность — это такая штука, которую утолить невозможно.

Он повернулся к Оксилу и обратился к нему с преувеличенной торжественностью, чего прежде никогда не случалось:

— Верховный лорд, этот человек говорит, что им нужен лес. А что, если вы отдадите ему деревья, которым уже пришла пора умирать? Когда проносится буря, многие старые деревья падают под собственным весом. Разве на их месте не прорастают молодые побеги, которые со временем превратятся в зеленых великанов? Пусть умершее послужит живому, ведь это первый закон жизни.

— Мы отдадим вам мертвые деревья, — сухо сказал Оксил. — А что дадите вы, работники металла... едва ли вы пустите чужаков в свои любимые шахты.

— Мы можем дать им руду, если они пожелают, — просто ответил Шард.

— Каждая сделка имеет две стороны, — твердо заявила Карла. — Что могут предложить нам эти грабители земли, прислужники проклятого металла?

Лорд Хармонд взглянул на солдата из поселка:

— Рагер, что мы можем предложить взамен?

Мужчина покачал головой.

— Мой лорд, у всех есть потребности. Если бы мы знали, что им необходимо...

— Лес дает нам все, — нахмурился Оксил. — Мы ни в чем не испытываем нужды.

— Но, — вступила в разговор Твилла, которую словно что-то подтолкнуло. Слова сами срывались с ее губ. — Если лес и равнина будут жить в мире, разве это не самая лучшая награда, мой лорд? Когда мы узнаем друг друга получше, возможно, появятся и иные желания и потребности... Может статься, что между нашими народами возникнет крепкая дружба. Если лорд Хармонд останется правителем этого края, а король это обещал, то впоследствии он будет служить как лесному народу, так и подземным жителям. А королю достаточно будет, что проблемы прекратятся, и он не будет допытываться о причине. Я целительница... и мне кажется, что это начало общего выздоровления...

Неожиданно ее талию обвила крепкая рука, и девушка прижалась к надежному и сильному человеку, который давно стал ее опорой.

— Вы сомневаетесь в словах этой целительницы? — спокойно спросил Илон.

Карла и Ката поднялись.

— Нет, мы не сомневаемся... это воистину исцеление. И да будет так!

Мужчины начали вставать. Медленно, словно опасаясь, что его жест не встретит ответа, лорд Хармонд протянул Оксилу руку. Белоснежная рука лесного лорда утонула в бронзовой ладони военачальника равнинного народа.

Илон направился прочь, увозя с собой Твиллу. Он не стал присоединяться ни к одной из партий. Он склонился и прошептал ей на ухо:

— Целительница, что ты теперь намерена делать?

Девушка положила одну руку на зеркальце, а вторую прижала к груди молодого лорда. Их сердца бились в унисон. Она заглянула в его глаза, и ей не потребовалось магическое искусство, чтобы увидеть там желание. И в ее душе это желание нашло ответную страсть.

— Я следую туда, куда меня зовет мое ремесло, — прошептала она в ответ. — А вы, мой лорд, вновь стали воином и наследником лорда Хармонда?

— Нет. Я узнал, что в любом мире есть гораздо больше того, что может увидеть человек, и что человек в состоянии увидеть гораздо больше, чем можно предположить. Эти основы нужно возвращать... — Он обнял Твиллу и закончил: — Ты единственная на этой земле, кому знакомы и лес, и равнина. Ты с равным правом можешь говорить от лица обоих. Так дерзай, целительница, которая исцелила трижды!

Она подняла голову, и их губы встретились. И сколько бы черных теней ни возникало на их пути, ни одна не встанет между ними.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗОВ ЛИРЫ	5
ЗЕРКАЛО СУДЬБЫ	297

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Андрэ Нортон

ЗОВ ЛИРЫ

Ответственный редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *М. Лазуткина*
Корректор *И. Федорова*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 02.10.2013. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «RaleighLight». Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,28.
Тираж 3100 экз. Заказ 4067.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-6885

ISBN 978-5-699-68105-1

9 785699 681051

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса
«Канц-Эксмо»:** Компания «Канц-Эксмо» 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kancs@eksmo-sale.ru, сайт: www.kancs-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д.
29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42.

E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: lmarket@eksmo-sale.ru

В
Н

ЛЕГЕНДЫ
ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН

ЗОВ
ЛИРЫ

ISBN 978-5-699-68105-1

9 785699 681051 >

ЭКМО